This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Digitized by Google

LIBRARY
OF THE
UNIVERSITY
OF
CALIFORNIA

LIBRARY OF CONGRESS
DUPLICATE EXCHANGE

Class _____

Book _____

YUDIN COLLECTION

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

МИКРОКОЗМЪ.

МЫСЛИ О ЕСТЕСТВЕННОЙ И БЫТОВОЙ ИСТОРІИ ЧЕЛОВѢЧЕСТВА.

ОПЫТЪ АНТРОПОЛОГІИ

ГЕРМАНА ЛОТЦЕ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

1. ДУША. 2. ТѢЛО. 3. ЖИЗНЬ.

ПЕРЕВОДЪ Е. КОРША.

Изданіе К. Солдатенкова.

Цѣна 2 р.

МОСКВА
1866

Digitized by Google

Типографія Грачева и Комп. у Пречистенскихъ воротъ д. Милюкова.

Digitized by Google

B3293
M53R9
1866
v.1

МИКРОКОЗМЪ.

M646921

Digitized by Google

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

От Переводчика I
От Автора. XVII

КНИГА ПЕРВАЯ. ТѢЛО.

ГЛАВА I.

Борьба разныхъ воззрѣній на природу.

Миѳологическая и обиходная дѣйствительность. — Личное одухотвореніе Природы и царство вещей. — Душа міра и одушевляющіе позывы. — Силы и всеобщіе ихъ законы. 1

ГЛАВА II.

Механическая природа.

Всеобщность законовъ. — Назначеніе всего дѣйствующаго. — Атомы и смыслъ предположенія ихъ. — Физическія силы. — Законы дѣйствій и ихъ сочетанія. — Общіе выводы для объясненія явленій природы 30

ГЛАВА III.

Основа жизни.

Химическое непостоянство тѣла. — Смѣна составныхъ его частей. — Возрожденіе и поддержка его силы. — Гармонія его дѣйствій. — Дѣйствующая идея. — Сообразное цѣли самохраненіе. — Раздражительность. — Машины, строимыя человѣческимъ искусствомъ 59

Digitized by Google

ГЛАВА IV.

Механизмъ жизни.

Постоянныя и срочныя отправленія. — Поступательное развитіе. — Внѣзаконныя разстройства. — Употребленіе химическихъ силъ и слѣдствія ихъ для жизни. — Видообразованіе изъ безформнаго зародыша. — Смѣна веществъ, ея значеніе, форма и органы. 90

ГЛАВА V.

Строй живаго тѣла.

Костякъ. — Мышцы и движительные нервы. — Сосудная система и кровообращеніе. — Дыханье и питаніе. — Выдѣленія. . 120

ГЛАВА VI.

Поддержка жизни.

Физическій, органическій и психическій уладъ тѣлесныхъ разстройствъ. — Примѣры возстановки равновѣсія. — Сочувственная нервная система. — Постоянное безпокойство всего органическаго. — Общая картина жизни 149

КНИГА ВТОРАЯ. ДУША.

ГЛАВА I.

Существованіе души.

Основанія принимать душу. — Свобода воли. — Несравнимость физическихъ и психическихъ процессовъ. — Необходимость двухъ равныхъ объяснительныхъ началъ. — Предполагаемое объясненіе ихъ въ одномъ и томъ же существѣ. — Единство сознанія — Что собственно не сознаніе, и въ чемъ оно дѣйствительно состоитъ. — Невозможность объяснить его изъ совокупности многихъ дѣйствій. — Соотносительное знаніе въ противуположность физическому среднесложному образованію. — Сверхчувственная природа души. 175

ГЛАВА II.

Природа и способности души.

Множественность душевныхъ способностей. — Неудобства, сопряженныя съ допущеніемъ ея. — Совмѣстность ея съ единствомъ души. — Непосредственныя и пріобрѣтенныя способности. — Невозможность одной единственной первоспособности. — Предста-

Digitized by Google

вленіе, чувствованіе и хотѣнье. — Постоянная дѣятельность всего существа души. — Низшія и высшія воздѣйствія. — Измѣнчивость души и ея предѣлы. — Вѣдомая и невѣдомая намъ сущность души. 207

ГЛАВА III.

О ходѣ представленій.

Устойчивость (пребываемость) представленій и ихъ забываемость. — Взаимный гнетъ ихъ другъ на друга и тѣснота сознанія. — Различная сила ощущеній. — Степени ясности воспоминаній — Противоположность представленій. — Смыслъ. — Направленіе хода представленій законами мыслесочетанія и воспроизведенья 240

ГЛАВА IV.

Формы соотносительнаго знанія.

Отношенія между отдѣльными представленьями, какъ предметами новыхъ представленій. — Смѣна знанія и знаніе смѣны. — Врожденныя идеи. — Пространственно-временное міровоззрѣніе чувственности. — Разсудочное міровоззрѣніе смысла. — Понятіе, сужденіе, умозаключенье. — Объединительное стремленіе разума. . . 275

ГЛАВА V.

О чувствованіи, самосознаніи и волѣ.

Происхожденіе и формы чувствованій. — Ихъ связь съ познаніемъ. — Оцѣнивающая дѣятельность разума. — Самосознаніе; эмпирическое и чистое *Я*. — Побужденія и стремленья. — Воля и ея свобода. — Заключеніе. 300

КНИГА ТРЕТЬЯ. ЖИЗНЬ.

ГЛАВА I.

Связь между тѣломъ и душой.

Разныя ступени міропонятія; истинныя и производныя, или второстепенныя точки зрѣнья. — Общая связь между духомъ и тѣломъ. — Возможность и необъяснимость взаимнодѣйствій между однородными и разнородными. — Начало ощущеній. — Направленіе движеній. — Пластическое вліяніе души 335

Digitized by Google

ГЛАВА II.

Мѣстилище души.

Смыслъ этого вопроса. — Ограниченный кругъ душевной дѣятельности. — Строеніе мозга. — Какъ происходятъ движенія. — Условія пространственнаго созерцанія. — Значеніе неразвѣтвленныхъ нервныхъ волоконъ. — Воздѣйствіе души и тѣла. 364

ГЛАВА III.

Формы взаимнодѣйствія между тѣломъ и душой.

Органы души. — Органъ созерцанія пространства. — Тѣлесная обосновка чувствованій. — Высшее разумѣніе, нравственное и эстетическое сужденье. — Сонъ и безсознательность. — Вліяніе состояній тѣла на ходъ представленій. — Главный органъ движенія. — Отраженныя (рефлективныя) движенья. — Формы воздѣйствія, пріобрѣтаемыя навыкомъ. — Дѣлимость души. — Френологія. — Стѣсненіе или объумленіе духа связью его съ тѣломъ. 395

ГЛАВА IV.

Жизнь вещества.

Постоянный обманъ чувственности. — Невозможность, чтобъ вещи изображались въ нашемъ ощущеніи. — Собственное и высшее значенье чувственности. — Внутренняя подвижность вещей. — Вещество — явленіе сверхчувственнаго. — О возможности протяженныхъ существъ. — Противуположность между тѣломъ и душой все-таки остается прежняя. — Почему множественность сохраняетъ свои права передъ единствомъ. 432

ГЛАВА V.

О началѣ и концѣ душевной жизни.

Ограниченность знанія. — Вопросы о первобытной исторіи. — Несамостоятельность всякаго механизма. — Естественная необходимость и безконечная сущность, или субстанція. — Возможность дѣйствія вообще. — Начало опредѣленныхъ законовъ дѣйствія. — Безсмертіе — Возникновенье душъ 468

Заключеніе. 497

Digitized by Google

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

Въ людяхъ необразованныхъ очень понятно и естественно часто нескрываемое ими полувраждебное пренебреженіе къ тому, что̀ дается не разомъ: предметъ ихъ практическаго изученія обыкновенно такъ ограниченъ, что они скоро, или по крайней мѣрѣ незамѣтно для себя, переходятъ отъ незнанія къ извѣстнаго рода знанію, удовлетворяющему ихъ ближайшія потребности; ихъ мало упражняемый умъ привыкаетъ къ легкому, наглядному рѣшенію вопросовъ, и весьма склоненъ считать ненужною тарабарщиной все то, что превышаетъ обычный уровень близорукаго ихъ опыта.

Совсѣмъ другое дѣло, когда это же самое настроеніе переносится искусственно, путями литературы и воспитанія, въ такія сферы общества, отъ которыхъ, по окружающимъ ихъ условіямъ, слѣдовало бы ожидать болѣе широкихъ понятій и стремленій болѣе возвышенныхъ: со стороны ихъ, довольствоваться одной мнимой наглядностью и не хотѣть знать того, что̀ требуетъ умственнаго труда, становится уже однимъ изъ самыхъ жалкихъ заблужденій. Эта умственная и вмѣстѣ нравственная лѣнь всего болѣе возбуждается въ читающей массѣ тѣмъ неразборчивымъ натурализмомъ, который возстаетъ сознательно или безсознательно противъ всѣхъ вообще на-

Digitized by Google

чалъ, подъ предлогомъ, что это лишь однѣ идеи, который старается заслонить собой созерцаніе всякаго разумнаго порядка въ природѣ и жизни, и подъ часъ совсѣмъ сбиваетъ съ толку мало подготовленныя головы, хотя бы впрочемъ и украшенныя сѣдинами. Ученіе такого рода особенно сподручно для невѣждъ, охотно подкрѣпляющихъ свое незнаніе грубою самоувѣренностью пріемовъ; но оно прививается иногда и къ болѣе свѣдущимъ, слишкомъ вдавшимся въ одностороннее направленье.

Со временъ знаменитой басни Хемницера, которая въ свою очередь явилась только мѣткимъ выраженіемъ сложившемуся уже убѣжденью, Метафизика слыветъ у насъ чуть ли и не до сихъ поръ образцомъ какихъ-то ни къ чему не нужныхъ ухищреній умственной гимнастики, переливаніемъ изъ пустаго въ порожнее. Поводомъ къ такому мнѣнію послужили, отчасти, злоупотребленія худопонятою метафизикой и доходившіе до насъ черезъ французскую литературу темные слухи о разногласіяхъ и ошибкахъ, неразлучныхъ впрочемъ со всякою трудною задачей изслѣдывающаго ума; отчасти же та свойственная намъ прывычка къ легкому и поверхностному чтенію, которая думаетъ на лету схватить все, для чего необходимо прилежное и внимательное изученье. А между тѣмъ одно лишь такое изученіе и способно убѣдить въ томъ, что умъ не только не чуждъ метафизики, какъ какой-то несвойственной ему прививки, но что онъ метафизиченъ по природѣ, по своей сущности; что онъ необходимо предполагаетъ единство и соотношеніе тамъ, гдѣ чувственный опытъ даетъ, повидимому, одно лишь безсвязное многоразличіе; что вся метафизика собственно не что иное, какъ систематическое выясненіе тѣхъ неизбѣжныхъ предположеній и домысловъ, безъ которыхъ не объяснить

Digitized by Google

бы намъ ровно ничего, и что наконецъ тѣ разнообразныя измѣненія, которымъ система эта подвергалась и подвергается въ теченіе времени, отнюдь не говорятъ противъ законности ея существованья, а показываютъ только, что и эта всепроникающая или, пожалуй, всеприкладная сторона знанія не дается человѣку готовою и вдругъ, но пріобрѣтается медленнымъ трудомъ, подлежа подобно всѣмъ прочимъ закону поступательнаго развитія, отнюдь не исключающаго поисковъ, ошибокъ, недосмотровъ, поправокъ, дополненій и т. д.

Но если метафизическія понятія, какъ и всѣ вообще мысли, не лежатъ готовыми въ умѣ, то еще менѣе готовы они въ данныхъ внѣшняго міра; дѣло въ томъ, что по существу своей природы духъ необходимо порождаетъ ихъ при встрѣчѣ съ внѣшними данными, и что необходимость эта объясняется только нераздѣльнымъ, и притомъ своеобразно-дѣятельнымъ, единствомъ духа, при способности его безконечно различать. Внѣшній міръ даетъ безчисленные матеріалы явленій, но смыслъ ихъ и значеніе, ихъ внутренняя цѣнность, самая ихъ красота,—все это развивается по поводу данныхъ матеріаловъ самодѣятельностью духа, въ силу законовъ собственной его сущности, совершенно отличной отъ всей видимой природы. Послѣдняя, по словамъ даже записныхъ ея поклонниковъ, не знаетъ самодѣятельности; ей доступно только движеніе въ пространствѣ, возбуждаемое извнѣ: одинъ духъ способенъ безпространственно воспроизводить въ себѣ это движеніе и тѣмъ самымъ придавать ему явственность понятнаго для насъ смысла.

Только пріемъ или методъ, а вовсе не предметъ естественныхъ наукъ, исключаетъ и изъ ихъ области чисто-метафизическіе вопросы: онѣ обыкновенно отвертываются

Digitized by Google

отъ такихъ вопросовъ, говоря просто, что не хотятъ ихъ знать; но, въ сущности, на что бы ни устремили вы вниманіе, о чемъ ни стали бы разсуждать, вы непремѣнно дойдете до необходимости метафизическихъ основаній. Вещь и вещество понятны для насъ только благодаря той мысли, о которой онѣ вѣщаютъ, и вѣщаютъ исключительно нашему смыслу и разуму. Для бо̀льшаго удобства въ своихъ соображеніяхъ мы иногда можемъ до нѣкоторой степени отвлекать отъ нихъ эту мысль; на дѣлѣ же она неразлучно сопровождаетъ ихъ во всѣхъ подробностяхъ и сокровеннѣйшихъ изгибахъ ихъ существованія. Молешоттъ очень вѣрно замѣчаетъ, что нѣтъ мозга безъ фосфора, но если онъ потомъ односторонно развиваетъ это замѣчаніе, то опытъ является тутъ же съ напоминаніемъ, что вѣдь безъ фосфора нѣтъ и костей, безъ фосфора не родится клеверъ, безъ фосфора нѣтъ гуано и т. д. Стало-быть, дѣло не въ одномъ фосфорѣ, а, главное, въ организаціи, въ своеобразности ея плана, въ той мысли, которая въ ней лежитъ.

Никто въ наше время не станетъ спорить противъ особенной важности фактическаго изслѣдованія; разногласіе начинается только тогда, когда рѣчь зайдетъ о постановкѣ факта, объ его опредѣленіи, о соотношеніяхъ его къ другимъ, болѣе или менѣе сродственнымъ или же совсѣмъ разнороднымъ, фактамъ. Вѣдь каждый такъ-называемый фактъ есть уже готовое сочетаніе принятыхъ и категорически-пріуроченныхъ впечатлѣній, то-есть собственно представленіе не самой вещи, а того дѣйствія, какое она на насъ произвела. Вы хотите избавиться отъ этой субъективной примѣси тончайшимъ анализомъ, самымъ строгимъ разложеніемъ изслѣдуемаго факта; вы нисходите, положимъ, до мельчайшихъ, микроскопическихъ

Digitized by Google

подробностей, и вездѣ встрѣчаете ту же неизбѣжно размножающуюся примѣсь. Единственнымъ спасеніемъ представляется вамъ наконецъ атомъ; но тутъ вы, къ удивленію, наталкиваетесь уже на чистый абстрактъ, на метафизическое представленье безконечно-малаго, на математическую точку, которую, опять-таки по указанію одного внутренняго опыта, приходится вамъ надѣлить дѣйствующею силой.

Общія нормы духовной дѣятельности и соотвѣтственныя имъ категорическія понятія недоступны внѣшнему опыту, а между тѣмъ вся система нашихъ познаній зиждется на нихъ, какъ на общей своей основѣ. Школа Бентама, не вымершая и до сихъ поръ, пыталась, напримѣръ, утвердить всѣ нравственныя оцѣнки на понятіи о благѣ большинства, и, по смыслу ея ученія, понятіе это слагается просто наведеніемъ изъ опыта: но для того чтобъ приступить къ такой логической операціи, не должны ли мы уже имѣть въ самихъ себѣ общую норму или категорію блага? иначе мы не знали бы, куда и какъ пріурочить разнообразный матеріалъ будущаго наведенія.

Необходимость основныхъ метафизическихъ понятій всего лучше доказывается тѣмъ общимъ согласіемъ, съ какимъ невольно прибѣгаютъ къ нимъ люди самыхъ различныхъ степеней образованія и самыхъ противоположныхъ убѣжденій,—ученые какъ и невѣжды, крайніе матеріалисты, такъ же какъ и отчаянные спиритуалисты,—если они хоть сколько нибудь дорожатъ внутренней связностью и общепонятной послѣдовательностью своихъ мыслей. И напрасно личный произволъ того или другаго изслѣдователя захотѣлъ бы отрицать подобную необходимость; сколько бы онъ ни увертывался отъ нея съ пренебреженіемъ или насмѣшкой, какъ бы ни прикидывался, что не хочетъ ея знать,

Digitized by Google

она все таки отзовется въ каждой попыткѣ его къ связному мышленію и, наперекоръ ему, докажетъ свое существованье. И, наоборотъ, многое, въ чемъ мнится намъ видѣть самую надежную, потому что наглядную, опору мысли, оказывается иногда на повѣрку чистою блазнью воображенія, которое, какъ одна изъ самыхъ обиходныхъ и привычныхъ дѣятельностей души, нерѣдко врывается съ своими внушеніями въ такіе вопросы, гдѣ она вовсе не хозяинъ и гдѣ она только сбиваетъ насъ съ прямаго пути, заманивая своими блудячими огоньками. Такъ, напримѣръ, она часто и не подозрѣваетъ, что съ простымъ, повидимому, словомъ вещь мы уже вступили въ открытое море метафизики, а съ словомъ вещество перенеслись въ средину безбрежнаго ея океана, и, полагаясь на кажущуюся видимость вещи и вещества, продолжаетъ напѣвать намъ, что въ нихъ найдемъ мы гораздо болѣе твердую почву, чѣмъ всѣ шаткія бредни метафизики, зараженныя неизлечимой проказой идеализма. Но понятія вещи, вещества, силы, причины, слѣдствія, закона и т. д.,—все это вѣдь метафизика и совершенно невозможно безъ духовной самодѣятельности, которую мы необходимо связываемъ съ понятіемъ о душѣ, какъ единственномъ общемъ средоточіи для совмѣщенія, сравненія и переработки разнообразнѣйшихъ впечатлѣній. Поэтому къ существеннымъ свойствамъ души должны во всякомъ случаѣ принадлежать—нераздѣльное единство и безконечная различительность. Мы знаемъ далѣе изъ внутренняго опыта, что душа различна и въ этой различающей своей дѣятельности, то-есть, что иначе различаетъ она въ представленіи, иначе въ чувствованіи, иначе въ стремленіи; что каждая изъ этихъ коренныхъ способностей имѣетъ свою норму, свой особенный типъ,

Digitized by Google

котораго разнообразнѣйшее осуществленіе выпадаетъ на долю вѣчно-обновляющагося потока индивидуальныхъ жизней. Можно бы, пожалуй, сказать, что каждая душа только и существуетъ для своеобразнаго овнутриванія внѣшняго, то-есть для внутренняго переживанія ощущеньемъ, представленьемъ, чувствованьемъ, хотѣньемъ или нехотѣньемъ всего, что дается ей мимовольно или извнѣ, еслибъ она не переживала еще и стремленій къ самороднымъ своимъ цѣлямъ. Всѣ задачи человѣческаго быта, всѣ вопросы общежитія и исторіи сводятся въ сущности къ тому, какъ данныя условія переживаются и переработываются въ извѣстную эпоху тѣми внутренними средоточіями, которыя мы разумѣемъ подъ именемъ личностей, и тѣми разнообразными союзами или группами, въ которые вступаютъ они сознательно или безсознательно, стремясь къ достиженію разныхъ цѣлей своего существованья.

Если, начавъ съ метафизики, мы незамѣтно перешли къ философіи вообще, то это во-первыхъ благодаря тѣсной связи ихъ между собою, а во-вторыхъ еще и потому, что предубѣжденіе противъ одной всегда болѣе или менѣе распространяется и на другую. Можно сказать, что философія на столько же естественна и на столько же при этомъ обходима для человѣка, на сколько естественно и между тѣмъ обходимо для него стремленіе дать себѣ отчетъ по возможности во всемъ. Зачатки такого стремленья есть рѣшительно у каждаго, намѣчено оно безъ изъятія у всѣхъ; но какъ и въ какой степени осуществится природная намѣта, это зависитъ отъ совокупности внутреннихъ и внѣшнихъ условій, существующихъ для каждаго въ иной мѣрѣ и въ иномъ сочетаніи, до безконечности различно. Какъ попытка объясне-

Digitized by Google

нія всеобщей жизни, философія конечно отличается сравнительнымъ однообразіемъ своихъ коренныхъ вопросовъ, рядомъ съ постоянно измѣняющимся разнообразіемъ ихъ рѣшенія. Вѣдь каждая существенная задача міровой жизни неизбѣжно должна переживаться дѣйствительностью не вдругъ, а исподволь, въ разныхъ своихъ постепенностяхъ и оттѣнкахъ, въ разныхъ соотношеніяхъ съ другими подобными задачами, всегда смотря по болѣе или менѣе благопріятной обстановкѣ, вызывающей то ту, то другую черту ея на первый планъ. Что временная обстановка естественно вліяетъ и на образъ рѣшенія философскихъ вопросовъ, очевидно само собою: слишкомъ увлекаясь ею, какъ своей современностью, человѣкъ способенъ, даже непримѣтно для самого себя, закабалить умъ и душу такимъ предразсудкамъ, предчувствіямъ и суевѣріямъ, передъ которыми блѣднѣютъ мороки давно отжившей старины и отъ которыхъ отрѣшиться несравненно труднѣе. Но чѣмъ сильнѣе увлеченіе, чѣмъ несомнѣннѣе кажутся натянутые и преувеличенные его выводы, переходящіе иногда въ чистую мечту, тѣмъ больше должно дорожить отрезвляющими попытками такихъ изслѣдователей, которые, ничуть не враждуя современности, напротивъ изучая ее съ любовью и вполнѣ цѣня великое ея значенье, стараются однакожь опредѣлить мѣру дѣйствительнаго ея знанія и во всякомъ случаѣ отстоять за современнымъ человѣкомъ, какъ высшій его даръ, право и способность необходимаго самообладанія, безъ котораго онъ носился бы, какъ лодка безъ руля, влекомый невѣдомо куда водоворотомъ однихъ внѣшнихъ условій, и не переживая внутренно даже малѣйшей доли того, что доступно ему по многосторонней и развивчивой его природѣ. Не сгнетать, не съуживать эту богатую при-

Digitized by Google

роду мимолетными условіями современности, но, напротивъ, расширять ее бережнымъ примѣненіемъ и къ этимъ условіямъ, вотъ что должно быть задачею практической философіи вездѣ и всегда.

Вникнувъ въ особенности нынѣшняго направленія, мы увидимъ, что основной его реалистическій характеръ всего ближе обусловленъ тѣми великими событіями, которыя, особенно съ конца прошлаго вѣка, открыли широкіе пути жизни для громаднаго большинства, служившаго прежде только средствомъ и поддержкою немногимъ избранникамъ. Понятно, что такой крутой поворотъ въ общественномъ быту долженъ былъ отразиться и въ знаніи преимущественно исканіемъ новыхъ или забытыхъ матеріальныхъ средствъ и изобрѣтеніемъ способовъ сдѣлать ихъ какъ можно доступнѣе массамъ. Съ этой стороны должно, разумѣется, только радоваться успѣхамъ естествознанія, особенно блистательнымъ его практическимъ приложеньямъ *). Сомнѣніе возникаетъ лишь тогда, когда дѣло дойдетъ до крайнихъ увлеченій этимъ утилитарнымъ, пользоискательнымъ направленіемъ; когда начала и выводы, признанные болѣе или менѣе вѣрными относительно предметовъ его сферы, вздумаютъ прилагать къ явленіямъ совсѣмъ противоположнаго характера. Такъ, напримѣръ, извѣстно, что теорія неизмѣнно-дѣйствующихъ атомовъ лежитъ въ основѣ изслѣдованій всей механической части новѣйшаго естествовѣдѣнія, и лежитъ, конечно, не безъ полновѣсныхъ правъ; но въ лицѣ

---

* Впрочемъ, справедливость требуетъ сказать, что многія изъ новыхъ открытій извѣстны были отчасти древности, отчасти средневѣковой эпохѣ, и не принялись тогда только потому, что отрѣшенное состояніе народныхъ массъ исключало живую потребность въ общемъ распространеніи тѣхъ удобствъ, которыми исключительно пользовались великіе міра.

Digitized by Google

нѣкоторыхъ своихъ представителей торопливая наука прямо обобщаетъ начало это до того, что, если вѣрить ей на слово, вся природа вещей исчерпывается суммою внѣшнихъ атомическихъ отношеній, будто бы доступныхъ или имѣющихъ впредь открыться нашему чувственному опыту. Она забываетъ при этомъ, что мы вѣдь только одинъ изъ множества отдѣльныхъ организмовъ природы, и потому, во-первыхъ, не въ правѣ присвоивать себѣ такую всеобщую воспріимчивость, благодаря которой могли бы окончательно рѣшить, что неощутимое для насъ не существуетъ и ни для чего другаго въ мірѣ, а во-вторыхъ мы еще менѣе въ правѣ утверждать, чтобы вся жизненная полнота исчерпывалась суммою однихъ внѣшнихъ отношеній, тогда какъ то, что составляетъ сущность индивидуальнаго развитія, — единственнаго, которое намъ въ самомъ дѣлѣ доступно, — особливо же все то, что носитъ на себѣ чисто-человѣческій характеръ, отнюдь не объяснимо изъ началъ положительнаге естествознанія и прямо указываетъ на совсѣмъ иное начало, неуловимое осязательнымъ опытомъ, но неотразимо присущее внутреннему чувству и уму, сколько бы мы ни старались обойдти его окольными путями и изворотами.

Дѣйствительно, кто считаетъ возможнымъ объяснить себѣ всѣ процессы жизни изъ разнообразной группировки однѣхъ матеріальныхъ частицъ, тотъ по крайней мѣрѣ долженъ допустить, что нашему человѣческому ощущенію доступны всѣ рѣшительно соотношенія взаимно-дѣйствующихъ веществъ на безконечно-различныхъ ступеняхъ жизненнаго развитія, во всемъ необозримомъ и непредвидимомъ разнообразіи безчисленныхъ его переходовъ и измѣненій; а между тѣмъ, въ бо́льшей части случаевъ, развѣ не довольствуемся мы здѣсь по необходи-

Digitized by Google

мости такими догадками и предположеньями, которыя не столько опираются на наши непосредственныя впечатлѣнія, сколько на тотъ дополняющій ихъ идеальный или привычный намъ планъ, который сознательно или безсознательно подлагаемъ мы въ основу своимъ взглядамъ на природу? Не привыкли ли мы считать естественнымъ, что все сравнительно болѣе сложное и совершенное должно возникать изъ простѣйшихъ и менѣе совершенныхъ основаній? На этомъ привычномъ созерцаніи держится собственно вся связь естественныхъ наукъ: однако, что же именно даетъ намъ право ожидать, чтобъ изъ соединенія двухъ разнокачественныхъ элементовъ возникъ третій, отнюдь не похожій ни на одинъ изъ членовъ первой четы, а напротивъ совершенно инородный, надѣленный совокупностью такихъ свойствъ, на которыя нѣтъ въ обоихъ первыхъ ни малѣйшаго намека? Откуда взялась эта новая форма жизни, въ силу чего явился этотъ оборотень, къ которому мы, однакожь, присмотрѣлись какъ къ чему-то такому, что вполнѣ естественно и разумѣется само собой? Не угадываемъ ли мы въ клѣточкѣ или ячейкѣ первоначальный типъ цѣлаго растенія, тогда какъ ни физическій, ни химическій составъ ея не даютъ намъ ровно ни какихъ указаній на будущій строй растительной организаціи? Не принимаемъ ли мы, далѣе, законъ тяготѣнія за удовлетворительное объясненіе планетной системы, хотя онъ въ сущности не объясняетъ ни ея образованія, ниже даннаго распредѣленія планетныхъ массъ? Да вѣдь и вообще, въ смыслѣ самихъ естествовѣдовъ, законъ выражаетъ лишь однажды заведенный порядокъ существующихъ уже внѣшнихъ отношеній, не касаясь ни основаній этого порядка, ни его цѣли и значенія. Философъ въ полномъ правѣ замѣтить съ своей стороны, что даже

Digitized by Google

и самый точный законъ только очерчиваетъ извѣстный, постоянный предѣлъ возможныхъ явленій, но вовсе не характеризуетъ ту именно совокупность жизненныхъ условій и силъ, которая представляется намъ каждымъ недѣлимымъ въ иной, исключительно ему свойственной, разновидности, какъ одна изъ миріадъ особыхъ формъ, возможныхъ подъ господствомъ одного и того же закона. Индивидуальность, скажетъ онъ,—плодъ свободы въ предѣлахъ законности; индивидуальность и свобода — неразлучныя, взаимно-соотвѣтствующія явленія; чѣмъ болѣе развита одна, тѣмъ шире другая, и обратно: растеніе, напримѣръ, уже свободнѣе камня, животное свободнѣе растенія, а разумно мыслящій человѣкъ свободнѣе всего. Но какъ бы кто ни судилъ объ этомъ, нельзя по крайней мѣрѣ отрицать, что индивидуальность такой фактъ, который явенъ для насъ, какъ наше личное существованье; при всей своей очевидности, онъ однакожь неизбѣжно ускользаетъ отъ законовъ естествовѣдѣнія, такъ какъ исключительный смыслъ особи именно вѣдь тотъ, что въ глубинѣ ея всегда есть элементъ, несоизмѣримый общему закону внѣшнихъ отношеній. Элементъ этотъ можно иногда оставлять въ сторонѣ, съ особой точки зрѣнія той или другой отрасли науки, какъ дѣлаютъ напримѣръ естествовѣдѣніе и уже гораздо менѣе статистика; но нельзя вычеркнуть его изъ области познаній вообще, нельзя пенять философіи, исторіи и соціальнымъ наукамъ, зачѣмъ онѣ обращаютъ на него особенное вниманіе. Этотъ элементъ имѣетъ же свою долю дѣйствія, свои права; онъ проникаетъ собою цѣлыя жизненныя области, въ которыхъ знаменательно обнаруживается и его могущество, и его слабость. Хотѣть, по слѣдамъ Бокля, устранить его строгимъ всевластіемъ

Digitized by Google

законовъ, значитъ исказить, урѣзать живой ликъ природы и особенно исторіи, отнять у него характеръ, физіономію, весь захватывающій душу интересъ. Съ другой стороны, поставить историческій прогрессъ человѣчества въ тѣсную зависимость отъ одного такъ называемаго положительнаго знанья, — это значило бы забыть, что въ общей жизни нашего рода предсознательное развитіе неизбѣжно преобладаетъ надъ сознательнымъ; что не послѣднему обязанъ онъ такими вѣчными основами быта и образованія, какъ языкъ, религія, искусство, всѣ коренныя нормы общежитія; что не къ нему можемъ мы преимущественно относить высшіе подвиги генія, доблести и беззавѣтной любви. Систематика положительнаго знанія является всегда поздно, и исторія не ждетъ ея. Люди давно говорили, прежде чѣмъ сложилась грамматика, давно жили земледѣліемъ, прежде чѣмъ зачалась наука сельскаго хозяйства; вообще наука только завершаетъ жизненный подвигъ, и будь это иначе, она бы не содѣйствовала ему, а скорѣе перечила и мѣшала.

Этимъ бѣглымъ обзоромъ нѣкоторыхъ изъ важнѣйшихъ задачъ, тщательно изслѣдованныхъ и обсужденныхъ въ „Микрокозмѣ“, мы хотѣли только предварительно указать на тотъ обильный и разнообразный матеріалъ, изъ котораго авторъ старался возвести свою мірообъяснительную постройку. Что касается общей ея перспективы и главныхъ подробностей въ исполненіи, то книгу эту можно по справедливости назвать цѣлою энциклопедіей философскихъ знаній, соединяющей основательность обработки съ полной современностью изложенія. Чуждая характера учебнаго руководства и всякой схоластики, она дозволяетъ себѣ болѣе свободы и гибкости въ пріемахъ, а сообщаетъ между тѣмъ такую массу об-

Digitized by Google

стоятельнѣйшихъ философскихъ разъясненій объ основныхъ началахъ естествовѣдѣнія, психологіи, логики, законовъ человѣческаго образованія, общественнаго быта и, наконецъ, исторіи, что безспорно займетъ одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ въ ряду истинно-научныхъ произведеній нашей эпохи Разъясненія эти тѣмъ болѣе имѣютъ сравнительной цѣны, что, благодаря многосторонности своего знанія, авторъ безпристрастно обращаетъ одинаковое вниманье на взаимно-соотвѣтственные, хотя часто и противоположные, взгляды спиритуалистовъ и матеріалистовъ и вездѣ старается критически прослѣдить тотъ трудный, но широкій идеально-реальный путь, который одинъ представляетъ самую надежную основу для возможно-вѣрнаго обсужденія жизни со всѣхъ ея сторонъ, въ главныхъ проявленіяхъ и въ цѣломъ.

Особенно замѣчательно въ этомъ отношеніи то искусство, съ какимъ воспользовался онъ нѣкоторыми существенными чертами Лейбницевой системы, чтобы двинуть ее далѣе и перейдти къ такой идеальной постройкѣ реальнаго, противъ которой едвали найдутъ что возразить сами реалисты, понимающіе задачу свою неповерхностно. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что его теоріи „разнообразно одушевленнаго бытія“ предстоитъ прочная и блистательная будущность. Но еслибъ мы даже и ошибались въ этомъ, быть-можетъ пристрастномъ, заключеніи, то все-таки новость соображеній и разысканій, къ какимъ она отчасти уже повела и неизбѣжно поведетъ впослѣдствіи, будетъ во всякомъ случаѣ важнымъ пріобрѣтеніемъ для науки, и теорія эта останется одною изъ самыхъ удачныхъ попытокъ — примирить требованія строгаго реализма съ тѣмъ глубоко-идеалистическимъ взглядомъ, безъ котораго немыслимъ человѣкъ. Въ

Digitized by Google

объясненіяхъ этой теоріи, которымъ авторъ посвятилъ цѣлую главу (четвертую третьей книги), особенно ярко выступаетъ вся важность метафизическихъ категорій по отношенію къ самымъ даже спеціальнымъ вопросамъ жизни и науки.

Поучительно у него также изложеніе постепеннаго развитія основныхъ, категорическихъ понятій, которое хотя и не пріурочено къ положительнымъ эпохамъ исторіи, однакожь имѣетъ за себя то важное преимущество, что знакомитъ съ ходомъ дѣла во всѣхъ его существенныхъ чертахъ, безъ примѣси тѣхъ болѣе или менѣе мелочныхъ подробностей и утомительныхъ часто повтореній, которыя неизбѣжны во всякой исторіи философскихъ системъ, вынужденной держаться хронологическаго порядка. Изложеніе это введено здѣсь незамѣтно въ картину послѣдовательнаго хода общихъ воззрѣній на природу и выигрываетъ столько же отъ этого, какъ и отъ критическаго разбора притязаній и правъ каждаго воззрѣнія порознь. Многое, что на первый взглядъ покажется иногда лишнимъ, даетъ почувствовать всю важность свою при дальнѣйшемъ чтеніи, и конечно, никто не оставитъ „Микрокозма“ безъ того, чтобъ не признать себя у него въ долгу за множество новыхъ и интересныхъ соображеній по главнѣйшимъ вопросамъ жизни и знанія. Одно изъ важныхъ достоинствъ книги заключается на нашъ взглядъ въ томъ, что философія представлена здѣсь не въ видѣ какой-нибудь внѣжизненной схемы, или рамы, налагаемой на дѣйствительность со стороны: употребленный авторомъ генетическій пріемъ изложенія переноситъ читателя въ живую лабораторію необходимыхъ философскихъ понятій и ставитъ его не только свидѣтелемъ, но и соучастникомъ тѣхъ разнообразныхъ переходовъ, какіе испытываютъ они въ преемственной разработкѣ мысли.

Digitized by Google

Приступая къ изданію этого важнаго труда на русскомъ языкѣ, считаемъ не лишнимъ сказать еще нѣсколько словъ о способѣ нашей передачи, тѣмъ болѣе, что, по необходимости, мы должны были предложить не сплошной буквальный переводъ, но въ нѣкоторыхъ крайнихъ случаяхъ самое близкое извлеченіе, всегда на столько вѣрное подлиннику, на сколько это было совмѣстно съ главною задачей, сдѣлать глубокомысленную книгу Лотце по-возможности доступною для нашихъ читателей, хотя бы даже и мало знакомыхъ съ философскою литературой вообще. Ту же цѣль имѣли мы въ виду, присовокупивъ въ выноскахъ или вмѣстительныхъ знакахъ кой-какія поясненія, которыхъ въ подлинникѣ нѣтъ вовсе. Извиняемся въ нихъ заранѣе передъ тѣми, для кого они окажутся ненужными; извиняемся передъ всѣми вообще за тѣ неизбѣжные иногда неологизмы (новословія), къ какимъ мы вынуждены были прибѣгать, не находя въ принятомъ у насъ философскомъ языкѣ вполнѣ соотвѣтственныхъ выраженій.

Конечно, заявленная нами общеполезная цѣль, не сниметъ съ насъ отвѣтственности за добросовѣстное выполненіе предпринятаго дѣла, но она по крайней мѣрѣ хотя нѣсколько оправдаетъ ту смѣлость, съ какою мы за него взялись.

Е. Корша.

Digitized by Google

ОТЪ АВТОРА*.

Между потребностями сердца и выводами человѣческой науки существуетъ давняя и никогда не примиренная рознь. Отрѣшиться отъ тѣхъ высокихъ задушевныхъ грезъ, которымъ хотѣлось бы видѣть общую связь міра иною и прекраснѣйшею, чѣмъ открывается она безпредубѣжденному взгляду наблюдателя, —такая жертва признавалась во всѣ времена за необходимое начало всякаго вразумленія. И конечно, то, что̀ такъ охотно противопоставляютъ обыкновенному познанію въ видѣ высшаго міровоззрѣнья, всего чаще оказывается однимъ лишь задушевнымъ чаяніемъ, хоть и сознающимъ предѣлы, отъ которыхъ ему желалось бы уйдти, но плохо сознающимъ цѣль, которой хотѣло бы оно достигнуть. Истекая, правда, изъ лучшей части нашего существа, высшіе взгляды эти принимаютъ однакожь свой болѣе опредѣленный цвѣтъ отъ весьма разно-

* Авторъ «Микрокозма», Германъ Лотце, родился въ 1817 году, учился медицинѣ и философіи въ Лейпцигѣ, съ 1839 года самъ преподавалъ тамъ философію, а съ 1844 занимаетъ каѳедру этой науки въ Гёттингенѣ. Важнѣйшими изъ прежнихъ трудовъ его были: «Общая патологія и терапія, какъ механическія естественныя науки», изданіе 1842 и потомъ 1848 г., «Общая физіологія тѣлесной жизни» 1851 и «Врачебная психологія» 1852 г. «Микрокосму» посвятилъ онъ послѣднее десятилѣтіе врѣлой своей дѣятельности: первый томъ этой книги явился въ 1856 г., слѣдующій—въ 1858 и наконецъ третій и послѣдній—въ 1864.

Digitized by Google

образныхъ вліяній. Выросши на многоразличныхъ сомнѣніяхъ и помыслахъ о жизни и ея судьбахъ, о содержаніи обширной, но все-таки ограниченной сферы опыта, эти взгляды обличаютъ отчасти слѣды преемственнаго образованія и вмѣстѣ мимолетныхъ направленій данной минуты, отчасти же и зависимость отъ естественной перемѣнчивости душевныхъ настроеній, которыя вѣдь смолоду совсѣмъ не тѣ, что въ пору, болѣе обильную опытомъ. Нельзя же основательно уповать, чтобъ такое неясное и тревожное волненіе сердца обрисовало всеобщую связь вещей въ болѣе вѣрныхъ очертаніяхъ, нежели обрисовываетъ ее то степенное изслѣдованіе, которымъ занято въ предѣлахъ науки общее всѣмъ намъ мышленье. Если и нельзя принудить сердце человѣческое совсѣмъ подавить въ себѣ полные чаяній вопросы, то отвѣта на нихъ все-таки прійдется ему выжидать, какъ побочно-зрѣющаго плода того самаго познанія, которое вышло собственно не изъ его вопросовъ, а изъ началъ безстрастнѣйшихъ, но зато и болѣе ясныхъ.

Между-тѣмъ, наука, которая, по многихъ вѣкахъ колебанія, успѣла подвести извѣстныя области явленій подъ господство несомнѣнныхъ законовъ, — наука, въ возрастающемъ самодовольствѣ своемъ, грозитъ нарушить это правильнѣйшее соотношеніе между сердцемъ и знаніемъ и замѣстить его отношеніемъ новымъ, и, надо сказать, ложнымъ. Ужь не довольствуются тѣмъ, чтобъ только при самомъ приступѣ къ изслѣдованію не поддаваться настойчивымъ запросамъ сердца, которыми наши желанія, грезы и упованія готовы, пожалуй, сбить съ толку и замутить первые начатки работы, но вмѣстѣ отрицаютъ даже и обязанность воротиться къ этимъ запросамъ

Digitized by Google

когда бы то ни было, во все продолженіе научныхъ изысканій. Наука, говорятъ намъ, — чистое служеніе истинѣ изъ-за одной истины, и ей нѣтъ дѣла до того, удовлетворитъ ли она или оскорбитъ себялюбивыя пожеланія сердца. И вотъ, отъ робкаго унынія душа и тутъ переходитъ къ дерзкой отвагѣ. Вкусивъ гордыню вольнаго и безогляднаго изслѣдованія, бросается она въ тотъ ложный и малонадежный героизмъ, который хвалится отступничествомъ отъ того, отъ чего никогда не слѣдъ отступаться, и, въ безмѣрномъ упованіи на свои вовсе не безспорныя предположенья, цѣнитъ истину своего новаго міровоззрѣнія по степени той враждебности, съ какою оскорбляетъ оно все, что задушевная наша жизнь чтитъ неприкосновеннымъ внѣ науки.

Это обоготвореніе истины кажется мнѣ неправымъ уже и въ смыслѣ независимой оцѣнки ея достоинства, да оно неблагопріятно и для той убѣдительности, которую наука постоянно должна имѣть въ виду.

Еслибъ человѣческому изслѣдованію предлежало воспроизвесть въ своемъ познаніи только одинъ сколокъ съ существующаго міра, какую цѣну имѣлъ бы тогда весь этотъ трудъ, завершаемый пустымъ повтореніемъ одного и того же, отраженіемъ въ душѣ того самаго, что существуетъ уже внѣ ея? Что значила бы эта простая игра въ передвой, что за обязанность лежала бы на мыслящемъ духѣ,—служить зеркаломъ для всего немыслящаго, не будь всякое обрѣтеніе истины вмѣстѣ съ тѣмъ и породителемъ какого-нибудь добра, котораго цѣна оправдывала бы трудъ, потраченный на его снисканье? Раздѣленіе умственнаго труда, неизбѣжное при разростающемся объ-

Digitized by Google

емѣ науки, до того опутываетъ въ своихъ нитяхъ отдѣльное лицо, что послѣднему не мудрено иногда позабыть связь между тѣснымъ уголкомъ его занятій и великими цѣлями человѣческаго существованія; ему можетъ иногда казаться, что развитіе знанія, ради одного знанія, уже само по себѣ понятная и притомъ достойная цѣль человѣческихъ стремленій. Но вѣдь всѣ старанія его сводятся же наконецъ къ тому, чтобъ вмѣстѣ съ стараніями безчисленнаго множества другихъ, начертать себѣ такой образъ міра, который разъяснялъ бы намъ, въ чемъ именно должны мы видѣть и чтить настоящій смыслъ существованія, что̀ именно намъ дѣлать и чего надѣяться? Та строгая безпредубѣжденность изслѣдованія, которая споспѣшествуетъ строенію науки помимо этихъ вопросовъ, есть только мудрое воздержаніе, выжидающее поздняго, но полнаго отвѣта на нихъ отъ совокупнаго вывода всѣхъ изысканій, и предпочитающее этотъ зрѣлый отвѣтъ тому скороспѣлому и односторонпему просвѣщенію, которымъ узкія и случайныя міровоззрѣнья такъ скудно унимаютъ неутомимую жажду нашей души. Поэтому пусть наука до поры-до времени медлитъ отвѣтомъ на тревожные вопросы, безсвязно ставимые жизненной невзгодою; пусть она отлагаетъ свой приговоръ впредь до дальнѣйшихъ успѣховъ изслѣдованія, которые легко могутъ устранить много затрудненій, не навлекая вновь той путаницы, въ какую обыкновенно вводятъ насъ одиночныя отповѣди на безотвязныя сомнѣнья. Тѣмъ не меньше, на совокупную цѣлость истины мы все-таки не въ правѣ смотрѣть какъ на какой-то, завершенный въ себѣ, лучезарный вѣнецъ, внѣ всякаго необходимаго отношенія къ задушевнымъ нашимъ чувствамъ,

Digitized by Google

тогда какъ именно отъ этихъ чувствъ и исходило всегда первое побужденіе къ открытію цѣлой истины. Напротивъ, какой бы переворотъ въ наукѣ ни вытѣснилъ собою прежнія воззрѣнія, новосложившійся взглядъ все же долженъ оправдать себя тѣмъ постояннымъ или возрастающимъ удовлетвореніемъ, какое способенъ онъ доставить неотразимымъ потребностямъ души.

Да и собственныя цѣли самой науки должны не менѣе направлять ее къ подобному соглашенію. Вѣдь гдѣ же было бы ей и существовать, если не въ убѣжденіи людей, проникнутыхъ ея истиной? Но никогда не породить ей такого убѣжденія, если она забудетъ, что всѣ области ея изслѣдованія, всѣ края духовнаго и естественнаго міра, еще задолго до начала всякихъ правильныхъ изысканій, охвачены и заполонены нашими надеждами, чаяніями и желаньями. Вездѣ опаздывая приходомъ, наука нигдѣ не встрѣчаетъ себѣ вполнѣ безпредубѣжденнаго пріема; напротивъ, она всюду застаетъ утвердившееся уже міровоззрѣніе чувства, готовое перечить ходу ея доводовъ всѣмъ вѣсомъ, которымъ оно обязано своимъ происхожденіемъ изъ глубины живѣйшихъ стремленій души. А гдѣ, не смотря на то, и вынудится въ частности противувольное убѣжденіе, тамъ оно столь же легко уступитъ опять въ цѣломъ воспоминанію, что вѣдь и сила тѣхъ первыхъ началъ, которыхъ слѣдствіями хочетъ одолѣть насъ наука, въ сущности зиждется лишь на одной непосредственной вѣрѣ въ ея истину. Человѣку сдается, что, въ силу той же самой вѣры, гораздо лучше держаться за то міровоззрѣніе, котораго истина какъ бы заручается тѣмъ, что оно вторитъ немолчному голосу задушевныхъ нашихъ желаній. И вотъ, весь строй науки оста-

Digitized by Google

вляется въ сторонѣ, какъ пустая мечта, въ которую невѣсть какимъ путемъ заблудилось познаніе, отрѣшась отъ своей необходимой связи съ цѣлостной жизнью духа.

Но не менѣе неосновательно и то, что̀ съ другой стороны такъ сильно перечитъ признанію механическаго понятія природы: — боязнь, чтобъ, изъ-за выводовъ этого понятія, вся жизненность, свобода и поэзія не сгинули со свѣту. Какъ часто заявлялось это опасеніе, и какъ часто неудержный ходъ открытій обрѣталъ новые ключи поэзіи вмѣсто прежнихъ, которые приходилось ему завалить! Чувство своеземства, съ какимъ замкнутый въ себѣ народъ, не вѣдая безмѣрнаго океана жизни человѣческой внѣ предѣловъ роднаго края, могъ считать себя за все человѣчество и чувствовать, что каждый холмъ, каждый ключъ его родины состоитъ подъ заботливой охраной особеннаго божества, — это единство божескаго съ человѣческимъ исчезло вездѣ передъ успѣхомъ географическихъ свѣдѣній, по мѣрѣ возрастающаго общенія народовъ. Но такой расширившійся взглядъ не испортилъ же, а только измѣнилъ и еще возвысилъ поэтическую прелесть міра. Открытія астрономовъ разрушили прежнее понятіе о небѣ, какъ и о землѣ: они разрѣшили небесный сводъ, видимое жилище боговъ, въ безпредѣльность воздушнаго пространства, въ которомъ фантазія не умѣла уже нигдѣ найдти обители сверхчувственному; они обратили землю, единственный пріютъ жизни и исторіи, въ одну изъ мельчайшихъ частицъ вселенной. И шагъ за шагъ все подавалось впередъ это разрушеніе старообычныхъ созерцаній. Изъ неподвижнаго средоточія земля стала затерянной въ пространствѣ бѣгучею планетой, вращающейся вокругъ

Digitized by Google

солнца, которое, повидимому, только и существовало прежде на службу и на украшеніе ей; смолкла даже завѣтная гармонія сферъ, и всѣ мы помирились на томъ, что нѣмое, послушное всеобщимъ законамъ, вращеніе безчисленныхъ тѣлъ небесныхъ есть именно тотъ всеобъемлющій міръ, въ которомъ мы живемъ со всѣми нашими надеждами, желаніями и стремленьями.

Кто станетъ отрицать, что этотъ переворотъ космографическихъ понятій значительно перестроилъ въ теченіе исторіи самое воображеніе народовъ? Конечно, иначе живется на земной плоскости, когда видимые верхи Олимпа и доступные человѣку спуски въ преисподнюю замыкаютъ въ знакомыхъ предѣлахъ роднаго края всѣ высшія и глубочайшія тайны мірозданія; иначе живется на катящемся въ пространствѣ шарѣ, который ни внутри, ни вокругъ себя, въ неизмѣримомъ океанѣ воздуха, не допускаетъ, повидимому, того сокровеннаго бытія, котораго чаяніемъ человѣческая жизнь оплодотворяется къ развитію лучшаго своего цвѣта. Нитью священнаго преданія хотѣлось ветхой старинѣ связать пеструю смѣсь племенъ, кишащую на рынкѣ жизни, и возвести ее къ той таинственной первородинѣ человѣчества, гдѣ эти разнообразныя племена могли бы признать колыбель своего общаго происхожденья; но открытіе новыхъ частей свѣта поколебало и это вѣрованье: новообрѣтенные народы расширили собой завѣтный кругозоръ, —народы, невѣдавшіе древнихъ сказаній, и вотъ, общую отчизну человѣчества пришлось отодвинуть далеко за крайніе предѣлы исторической памяти. Наконецъ и твердая кора самой Земли, которою родъ людской мнилъ обладать со дня сво-

Digitized by Google

его происхожденья, открыла свои сомкнутыя уста и повѣдала о безчисленныхъ вѣкахъ существованія, когда еще вовсе не было жизни человѣческой съ ея дерзостью и боязнью, а творческая природа, довлѣя сама себѣ и безъ людей, поочередно то раждала, то губила многочисленныя племена живыхъ созданій.

Такъ рушились всѣ привычныя ограды, обезпечивавшія нашему существованію отрадную, чарующую безопасность: открылся необъятный, вольный и холодный кругозоръ. Но какъ ни расширились наши положительныя свѣдѣнія, они не сжили со свѣту поэзіи, да и религіозныхъ убѣжденій нашихъ коснулись только благопріятно: они побудили насъ къ бо́льшимъ духовнымъ напряженіямъ для отысканія въ сверхчувственномъ мірѣ того, что́ утратили мы въ наглядной близости, въ видимомъ сосѣдствѣ. Удовлетвореніе, находимое сердцемъ въ любимыхъ его взглядахъ, всегда становилось опять возможнымъ и подъ новыми формами, коль скоро приходилось пожертвовать прежними очевиднымъ успѣхамъ науки. Какъ у отдѣльнаго лица, въ теченіе разныхъ его возрастовъ, такъ и въ исторіи человѣческаго рода неизбѣжно мѣняются опредѣленные очерки того образа, въ которомъ человѣчество воплощаетъ содержаніе высшихъ и неутратимыхъ своихъ чаяній. Безполезно всякое усиліе противиться ясному положенію науки и хотѣть во что бы ни стало удержать тотъ самый образъ, въ которомъ тайное сознаніе постоянно обличаетъ вамъ шаткую мечту; но не безвреднѣе и отчаяніе, отступающееся разомъ отъ того, что́ при всей измѣнчивости формъ, должно́ оставаться непоколебимою цѣлью человѣческаго образованія. Сознаемся

Digitized by Google

лучше, что то высшее міропостиженье которое мы то хвастливо себѣ присвоиваемъ, то считаемъ для себя недоступнымъ, въ тайномъ позывѣ своемъ вѣрно чуетъ прямой и настоящій путь, и что всякое дѣльное возраженіе науки разгоняетъ только одно изъ тѣхъ ложныхъ освѣщеній, которыя смѣняющіяся точки нашего разнообразнаго опыта бросаютъ на одну и ту же постоянную цѣль задушевныхъ стремленій нашихъ.

Однакожь, нельзя же ублажаться вѣрою въ задушевный міръ, не пользуясь на каждомъ шагу дѣйствительной жизни выгодами, представляемыми наукой, и, стало-быть, не признавая въ тихомолку ея истины; точно также нельзя жить и наукой, не ощущая радостей и бѣдъ существованія и не чувствуя себя опутаннымъ со всѣхъ сторонъ нитями иного міропорядка, на который наука едва даетъ намъ только самыя скудныя поясненія. Не подвертывается ли здѣсь самъ собою подъ руку тотъ исходъ, чтобъ подѣлить себя между двумя разными мірами, принадлежать вмѣстѣ имъ обоимъ, не соединяя ихъ однакожь между собой? Въ наукѣ — держаться началъ познанія и слѣдовать имъ до самыхъ крайнихъ выводовъ, а въ жизни отдаваться теченію исконныхъ привычекъ вѣры и дѣятельности, то-есть идти совсѣмъ по другому направленью?

Не мудрено, что такую раздвоенность убѣжденій встрѣчаемъ мы часто какъ единственно-возможный исходъ; но было бы гораздо прискорбнѣе выставлять его за истинное понятіе нашего положенія среди міра. Несовершенство человѣческаго знанія можетъ подъ конецъ усилій нашихъ, принудить насъ къ исповѣди, что выводы науки и вѣры несоединимы

Digitized by Google

въ одинъ общій всецѣлостный строй; но никогда не можемъ мы безучастно смотрѣть на то, какъ познаніе подрываетъ своимъ противорѣчіемъ коренныя основы вѣры, или какъ вѣра холодно отвергаетъ въ цѣломъ все то, чего наука такъ ревностно добивалась и что добыла себѣ въ частности. Напротивъ, все вновь и вновь должны мы пытаться отстоять за обѣими ихъ неотъемлемыя права, и показать, какъ не неразрѣшимо то противорѣчіе, въ которое онѣ повидимому заключены безъ исхода.

Заносчивость философскаго изслѣдованія и безпрерывные успѣхи естественныхъ наукъ старались съ разныхъ сторонъ разрушить то міровоззрѣніе, въ которомъ сердце человѣка находило удовлетвореніе своимъ задушевнымъ стремленьямъ. Но тревоги, порождаемыя нападками философіи, наше время съумѣло преодолѣть самымъ дѣйствительнымъ средствомъ, именно тѣмъ полнымъ безучастіемъ, съ какимъ отвернулось оно отъ всѣхъ усилій и поисковъ спекулятивной мысли, едва обращая на нихъ хоть сколько-нибудь вниманія. Оно не могло однакожь уклониться такъ же легко отъ болѣе настойчивой убѣдительности естественныхъ наукъ, которыхъ положенія ежеминутно подтверждались опытами самой обиходной жизни.* Преобладающее вліяніе, оказываемое на всѣ стремленія нашего вѣка истинно-громаднымъ развитіемъ естествовѣдѣнія, неизбѣжно вызываетъ столь же возрастающій отпоръ въ отвращеніе ущербовъ, ожидаемыхъ отъ этого вліянія для высшихъ интересовъ

* Въ послѣднее время у насъ стали говорить: обыденной, вмѣсто обиходной; но „обыденный“ значитъ однодневный, покончонный въ одинъ день, а отнюдь не „обиходный“ или „повседневный“.

Digitized by Google

человѣческаго образованія. И вотъ, встаютъ опять готовые къ борьбѣ стародавніе противники, не ладящіе издревле: здѣсь—познаніе чувственнаго міра съ ежедневно ростущимъ богатствомъ самыхъ положительныхъ свѣдѣній и со всей убѣдительностью наглядныхъ фактовъ; тамъ—чаянія свехчувственнаго, едва увѣренныя въ своемъ собственномъ содержаніи, неудободоказуемыя, но еще болѣе неудобоопровержимыя, благодаря постоянно возвращающемуся сознанію ихъистины, все-таки же необходимой. Что споръ между этими двумя сторонами совсѣмъ ненужная му́ка, причиняемая нами самимъ себѣ изъ-за слишкомъ ранняго перерыва нашихъ изслѣдованій,—вотъ убѣжденіе, которое хотѣлось бы намъ утвердить.

Конечно, неправо естествознаніе, совершенно отвращаясь отъ эстетическихъ и религіозныхъ сферъ мысли, которымъ такъ любятъ подчинять его, какъ высшему уразумѣнію вещей; напрасно опасается оно, что его отчетливыя понятія и крѣпкая связь его методовъ рушатся отъ допущенія имъ элементовъ, которые, сами не подлежа ни какому вычисленію, должны повидимому сообщить свою неопредѣленность и туманность всему, что̀ съ ними ни соприкоснется; оно забываетъ, наконецъ, что его собственныя коренныя основы,—наши представленія о силахъ и законахъ естества, еще не окончательные узлы нитей, пронизывающихъ дѣйствительность и исчезающихъ въ ея изгибахъ. Вѣдь и они, на болѣе острый взглядъ, уходятъ въ ту же область сверхчувственнаго, которой желалось бы обойдти предѣлы.

На освобожденіе вселенной отъ баснословныхъ божествъ, по милости космографическихъ открытій прошлаго, можемъ

Digitized by Google

мы смотрѣть какъ на пережитое и позабытое уже горе, и за послѣднею жалобой, пропѣтой Шиллеромъ въ «Богахъ Греціи», никогда не увидимъ мы попытки возстановить опять вѣру въ эту старину, наперекоръ выводамъ науки. Великіе перевороты въ религіозныхъ взглядахъ заставили насъ позабыть утрату миѳологіи и давнымъ давно вознаградили за то съ лихвой. Но подобно тому, какъ возрастающая зоркость астрономіи отрѣшила великое поприще жизни нашей отъ непосредственной связи съ мнимо-божескимъ существомъ, дальнѣйшіе успѣхи механической науки грозятъ такимъ же разложеніемъ и «микрокозму» самого человѣка. Я только вскользь коснусь здѣсь преобладающаго распространенія матеріалистическихъ взглядовъ, которымъ хотѣлось бы всю духовную жизнь свести къ слѣпой дѣятельности одного тѣлеснаго механизма. Сколь ни широко и самоувѣренно течетъ нынѣ потокъ этихъ взглядовъ, онъ выходитъ отнюдь не изъ такихъ неопровержимыхъ предположеній, которыя связывались бы неразрывно съ духомъ механическаго изслѣдованія природы вообще. Да и внутри тѣхъ границъ, гдѣ механическое изслѣдованіе дѣйствуетъ съ гораздо бо́льшимъ правомъ, разлагающая и разрушающая дѣятельность его довольно очевидна и начинаетъ уже оспоривать то сопроникнутое единство тѣла и души, на которомъ зиждется повидимому вся красота и живость пластическихъ о́бразовъ, вся знаменательность и цѣнность взаимнодѣйствія ихъ съ окружающею природой. Противъ истины чувственнаго познанія, противъ свободной произвольности движеній, противъ творческаго саморазвитія тѣлесной жизни вообще, направлены нападки физіологической науки и заподозрѣны такимъ обра-

Digitized by Google

зомъ всѣ тѣ черты, въ которыхъ наивное чувство думаетъ обладать зерномъ всякой поэзіи живаго существованія. Поэтому нечего дивиться стойкости, съ какою противоположное міровоззрѣніе, въ качествѣ высшаго постиженія вещей, силится дать отпоръ убѣдительнымъ доводамъ механическаго изслѣдованія природы; напротивъ, тѣмъ необходимѣе попытка показать безвредность этого воззрѣнія, которое, гдѣ и заставитъ насъ пожертвовать взглядами, какъ будто уносящими съ собой частицу насъ самихъ, все-таки даетъ намъ въ замѣнъ то, чѣмъ мы можемъ снова воротить или наверстать утраченное нами удовлетвореніе.

И чѣмъ болѣе старался я самъ облегчить началамъ механическаго изслѣдованія свободный доступъ въ область органической жизни, куда они повидимому не отваживались шагнуть такъ смѣло, какъ требовалось тогдашнимъ состояніемъ физіологіи: тѣмъ болѣе я чувствую побужденіе выставить теперь и другую сторону дѣла, которую впрочемъ всегда принималъ къ сердцу и среди прежнихъ стремленій своей дѣятельности. Едва ли могу надѣяться, чтобы этотъ новый трудъ повстрѣчалъ благопріятное предубѣжденіе въ свою пользу: долей одобренія, привѣтствовавшей мои прежнія работы, вѣроятно обязаны онѣ относительной легкости, съ какою можно перетолковать каждый посредствующій взглядъ въ смыслѣ, благопріятномъ для одного изъ тѣхъ крайнихъ, односторонніхъ мнѣній, которыхъ именно и желалось бы избѣжать. Между тѣмъ только въ одномъ этомъ посредничествѣ и лежитъ настоящая жизненная точка науки, — конечно, разумѣя его не такъ, чтобъ попеременно дѣлать отрывочныя уступки то тому, то

Digitized by Google

другому воззрѣнію, но чтобы выяснить, какъ безъизъятно распространено и какъ вмѣстѣ съ тѣмъ крайне подчиненно значеніе той роли, какую играетъ въ мірозданіи механизмъ.

Не Космосъ, объемлющій вселенную, хотѣли мы воспроизвесть по образцу, однажды данному нашему народу; мы не отважились бы повторить рѣшеніе этой задачи даже и въ гораздо тѣснѣйшихъ предѣлахъ. Но чѣмъ болѣе черты той великой картины міра будутъ входить въ общее сознаніе, тѣмъ живѣе будутъ онѣ возвращать насъ къ самимъ себѣ и снова возбуждать неотстранимые вопросы: какое же значеніе имѣютъ человѣкъ и его жизнь, съ постоянными ея явленіями и съ измѣнчивымъ ходомъ исторіи, въ цѣломъ составѣ той природы, которой неослабное вліяніе, благодаря выводамъ новѣйшей науки, мы нынѣ чувствуемъ на себѣ болѣе чѣмъ когда-нибудь? Стараясь собрать помыслы объ этомъ, невольно тѣснящіеся въ задушевную нашу думу, не только въ стѣнахъ школы, но и вездѣ на жизненномъ поприщѣ, мы повторяемъ, среди новыхъ понятій, добытыхъ нашею эпохой, то самое предпріятіе, которое такъ блистательно началъ Гердеръ своими «Идеями объ исторіи человѣчества» почти уже сто лѣтъ тому назадъ.

Digitized by Google

КНИГА ПЕРВАЯ.

ТѢЛО.

Digitized by Google

Digitized by Google

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Борьба разныхъ воззрѣній на природу.

Миѳологическая и обиходная дѣйствительность. — Личное одухотвореніе Природы и царство вещей.—Душа міра и одушевляющіе позывы. —Силы и всеобщіе ихъ законы.

Обращаясь иногда мыслію къ самой ранней эпохѣ нашего существованія, мы готовы пожалѣть объ утраченномъ благѣ. Въ дни прекрасной юности человѣчества, сдается намъ, обоюдное пониманіе сближало природу съ духомъ, и добровольно раскрывала она передъ нимъ родную ему внутреннюю жизнь свою, которую таитъ теперь отъ самыхъ настойчивыхъ и дѣльныхъ розысканій. Не знаю, справедлива ли эта жалоба, утрачено ли оплакиваемое благо, и существовало ли оно когда-нибудь. Правда, свѣжую подвижность собственной молодой души, разновидное теченіе быстро смѣняющихся мыслей, сокровенную игру чувствъ, животрепещущую силу воли, — все это юность знанія думала видѣть и подмѣчать въ многоразличнѣйшихъ формахъ окружающаго міра, какъ любому ребенку мерещится оно и теперь. Но вѣдь только ребенокъ, при маломъ объемѣ своихъ опытовъ и при легкомысленности ихъ сочетанія, можетъ услаждаться такой обманчивой мечтою. А юность человѣческаго рода объемлетъ собою всѣ возрасты множества

Digitized by Google

отдѣльныхъ лицъ. Поэтому уже очень рано надлежало ей обладать полнымъ разнобразіемъ тѣхъ опытовъ, которые даются цѣлой жизнью человѣка, да вмѣстѣ и той мѣрой смышлености, до которой каждый доходитъ своей личной наглядкою, безъ помощи историческихъ преданій. Въ складъ мыслей столь далекой старины намъ нѣтъ надежды когда-либо перенестись въ полной мѣрѣ. Рѣдко удастся навѣрно опредѣлить, что̀ именно изъ дошедшаго къ намъ древняго міровоззрѣнья представлялось уже и тѣмъ раннимъ временамъ только въ видѣ прекраснаго поэтическаго образа, и что̀ напротивъ долѣе сохраняло для нихъ силу настоящей дѣйствительности. Но одно придется намъ во всякомъ случаѣ допустить, что уже и юношескій помыслъ самыхъ раннихъ поколѣній долженъ былъ признать въ существѣ вещей (неразрѣшимое для ума) твердое и темное ядро, и что то безграничное одушевленіе, которое намъ такъ часто хотѣлось бы возвратить природѣ, или вовсе не было однимъ изъ первоначальныхъ представленій человѣческаго образованія, или принадлежало къ числу такихъ, отъ которыхъ человѣкъ всего раньше отступился.

Одно лишь развѣ вполнѣ праздное созерцаніе могло беззавѣтно утѣшаться мыслію о такой живости, которая проникала бы всѣ царства природы свободно-произвольною подвижностью. Напротивъ, дѣйствительная жизнь, для удовлетворенія своихъ потребностей и для всѣхъ вообще цѣлей своей дѣятельности, должна опираться на извѣстное постоянство и предрасчислимость событій. Достаточно самыхъ повседневныхъ опытовъ, чтобъ убѣдить насъ въ этой безвольной благонадежности неодушевленныхъ вещей, и онѣ рано должны были пріучить сердце человѣка обращаться съ міромъ, въ которомъ движется его дѣятельность, какъ съ царствомъ полезно-употребимыхъ существъ, подлежащихъ во всѣхъ взаимнодѣйствіяхъ своихъ безжизненной правильности всеобщихъ законовъ.

Digitized by Google

Простѣйшія обстоятельства жизни неизбѣжно научали познанію дѣйствій тяжести; грубѣйшая попытка устроить какоенибудь убѣжище возбуждала представленіе о равновѣсіи массъ, о распредѣленіи гнета, о выгодахъ рычага; мы видимъ, что такого рода опыты прилагаются къ дѣлу на разные лады у самыхъ даже малообразованныхъ народовъ. Пользуясь стрѣлой и лукомъ, первобытная охота должна же была разсчитывать на упругость натянутой тетивы; въ тихомолку ей слѣдовало даже полагаться на правильность, съ какою, при измѣняющихся условіяхъ, свойство это возрастаетъ и ослабѣваетъ. Да и простѣйшій еще пріемъ, — зашибать дичь камнемъ, никогда не вошелъ бы въ употребленіе, еслибъ вмѣстѣ съ плотью и кровью не жила въ рукѣ непосредственная увѣренность предвидѣнья, что направленіе и быстрота брошеннаго тѣла будутъ вполнѣ зависѣть отъ чувствительной разницы въ родѣ и величинѣ нашего напряженія.

Ни одна миѳологія не внесла умышленно этотъ кругъ явленій и видимую въ немъ связь природно-законнаго сочетанія въ составъ своего общаго міровоззрѣнья. А между-тѣмъ и тяжесть, и равновѣсіе массъ, и толчекъ, и передача движенія, — все это такія вещи, которыя ежедневно были у всѣхъ на глазахъ; вѣдь только произвольно воспользовавшись ими, человѣкъ и установилъ вокругъ себя тотъ искусственный порядокъ или ходъ вещей, ту техническую и сподручную ему природу, къ которой жизнь его имѣетъ гораздо больше соотношенья, нежели къ дикой силѣ и красотѣ первобытнаго созданія. Но можетъ-быть именно потому, что приведенныя нами явленія были у всѣхъ передъ глазами, дальнозоркій взглядъ фантазіи могъ просмотрѣть ихъ въ непосредственной близи и начертать себѣ помимо ихъ лучезарный образъ одушевленной природы, тогда какъ дѣятельная жизнь продолжала пользоваться для своихъ цѣлей безжизненностью обиходной дѣйстви-

Digitized by Google

тельности. Вѣдь какъ нельзя легче уживаются въ одной и той же человѣческой душѣ разнороднѣйшія мысли, рядомъ одна съ другою, и противорѣчіе ихъ при этомъ не до такой степени ощутительно, чтобы чувствовалась необходимость примирить его. Не одинъ Негръ то сѣчетъ, то усердно молитъ своего фетиша; подобная же странность повторяется подъ-часъ и въ нашемъ образованіи, хотя конечно съ большимъ разборомъ. И мы часто восторгаемся той вольно-творческою жизненностью, которая, ни мало не завися отъ слѣпаго механизма, будто-бы проникаетъ собою всю природу, а между тѣмъ насъ окружаетъ — и притомъ гораздо разнообразнѣе прежняго — цѣлый міръ искусственныхъ приспособленій, которыхъ бездушныя части, связываемыя только нашимъ предпамѣреніемъ, все съ возрастающимъ совершенствомъ сложнаго механизма подражаютъ болѣе и болѣе подвижности живаго существа. Никто не отнесетъ приспособленій этихъ къ природѣ; но, противопоставляя ихъ ей, какъ созданія человѣческаго искусства, мы находимъ, что они выдѣланы изъ тѣхъ же веществъ, которыми дѣйствуетъ природа, и видимъ, что ихъ составъ и практическая полезность основаны на тѣхъ же силахъ и законахъ природы, которыя дѣятельны и въ добровольныхъ ея произведеніяхъ. Да и эти добровольныя произведенія, — какъ измѣнила, преобразовала ихъ человѣческая хитрость! Безчисленныя смѣси веществъ, какихъ природа никогда не даетъ сама собою, составлены разлагающею и соединяющею рукой химика, и на службу разнообразнѣйшимъ потребностямъ нашего быта цѣлый океанъ техническихъ произведеній наводнилъ всѣ уголки даже самыхъ скромныхъ домохозяйствъ. Подвергнутыя искусственному оплодотворенію и долгому заботливому уходу, растенія должны были дать прекраснѣйшій цвѣтъ и плодъ, и сады наши наполнены теперь такою флорой, которая въ этомъ услаждающемъ насъ видѣ не родится естественно нигдѣ. Са-

Digitized by Google

мая наружность животныхъ подвергается преобразовательному вліянію человѣческаго ухода и воспитанія: куда мы ни обратимся, не встрѣтимъ уже нигдѣ первобытныхъ чертъ природы, вездѣ увидимъ ихъ вовлеченными разсчетомъ въ колею безпрерывныхъ перемѣнъ.

Такъ возникаетъ и размножается вокругъ насъ этотъ замѣчательный межеумокъ міра, который, получая отъ природы вещества, а форму — отъ человѣческаго произвола, служитъ въ тихомолку постояннымъ возраженіемъ противъ вѣры въ живое зиждительство. Вѣдь для построеннаго нами дома, для выдѣланной нами утвари, для неустанно-работающей машины, не заключалось въ веществахъ, изъ которыхъ мы произвели ихъ, никакого жизненнаго предназначенія. Первоначально принадлежали имъ лишь немногія простыя свойства и способы дѣйствія, зависящія по общимъ законамъ отъ точно опредѣленныхъ условій. Искусственнымъ сопоставленіемъ носителей этихъ простыхъ силъ наша техника заставила ихъ дѣйствовать въ такихъ обстоятельствахъ, при которыхъ подчиненность ихъ всеобщимъ законамъ должна была осуществлять цѣли нашего произволенія. Если это такъ, и если у насъ подъ руками естественные элементы соединяются въ прочныя произведенія, выливаются въ извѣстныя формы, къ которымъ не влекла ихъ ни какая саморазвивчивая наклонность ихъ существа; то почему же должно быть иначе въ самой природѣ? И въ ней знаменательныя формы тварей быть-можетъ возникаютъ только благодаря внѣшнему понужденію, или со стороны верховнаго художества, или со стороны случайнаго хода міра, который сводитъ эти элементы въ болѣе или менѣе прочныя формаціи, и такъ-какъ, сколько намъ извѣстно, всѣ онѣ подлежатъ общимъ законамъ вещества, то можетъ-статься и у нихъ точно такъ же нѣтъ внутренней сущности, какъ и у нашихъ собственныхъ издѣлій, въ безсамости которыхъ мы убѣждены.

Digitized by Google

Чѣмъ многостороннѣе и сильнѣе распространяется по первобытному созданію практическое господство нашей техники, тѣмъ, какъ мы видимъ, рѣшительнѣе и опредѣленнѣе выводится и это умозаключенье; взглядъ на природу, болѣе и болѣе наклонный допускать внутреннюю пустоту явленій, тѣмъ самымъ повторяетъ лишь ту мысль, къ которой долженъ былъ пріучить насъ разнообразный опытъ повседневной дѣятельности. Впрочемъ отнюдь не одно наше время, благодаря расширенію промышленныхъ дѣлъ, побуждается къ признанію слѣпой необходимости въ дѣйствіяхъ природы; и на простѣйшихъ ступеняхъ быта не ощущалось, какъ мы видѣли, недостатка въ подобныхъ же указаніяхъ опыта. Но какъ ни близко человѣку были эти факты, какъ ни бросались они сами собой въ глаза, миѳологическая фантазія уклонялась отъ неизбѣжно возбуждаемыхъ ими мыслей. Она рано отдалилась отъ всѣхъ такого рода явленій, которыя или мы сами можемъ искусственно произвести, или которыхъ дѣйствіе слишкомъ явно зависитъ отъ опредѣленной мѣры внѣшнихъ поводовъ. Она ограничивалась въ своемъ поэтическомъ толкованіи такими естественными процессами, которые, или въ своей неизмѣнной правильности, какъ теченіе свѣтилъ, времена года и круговращеніе растительной жизни, или же, напротивъ, въ несообразимомъ безпорядкѣ, какъ напримѣръ своенравныя атмосферныя перемѣны, удалены отъ всѣхъ преобразующихъ вліяній нашего произвола. Въ это отборное извлеченіе природы углублялась фантазія тѣхъ давнихъ поколѣній, и превозносить его не мѣшало ей ни одно изъ докучныхъ воспоминаній обиходной дѣйствительности, хотя каждый Божій день эта дѣйствительность была у ней передъ глазами и свидѣтельствовала о слѣпой необходимости, которою всѣ вещи связаны между собой.

Но даже и въ тѣснѣйшихъ предѣлахъ такого выбора не удавалось миѳологической поэзіи одухотворить вполнѣ внѣшнее

Digitized by Google

чувственное явленье. Ибо ни въ какомъ иномъ видѣ, кромѣ человѣческаго и, сродственнаго ему, животнаго типа, духовная подвижность не представляетъ для насъ той убѣдительной наглядности, которая порождаетъ полную и беззавѣтную вѣру. Пусть Германцы чествовали, какъ живое существо, сѣменной ростокъ, выникающій изъ-подъ почвы, миѳологическое выраженіе этого простодушнаго наблюденія природы едва ли имѣло какой-либо иной смыслъ, кромѣ переноснаго, метафорическаго, который въ тихомолку тутъ же и различался отъ того, что̀ имъ собственно обозначалось. Да и для Грековъ Деметра не могла быть прозябающею зеленью, душою хлѣбнаго растенія; она была человѣкоподобною богиней, заботливо охраняющей и лелѣющей благоуспѣшный всходъ посѣва, но сила развитія зерна все-таки лежала въ глубинѣ его собственнаго нутра. Каждый новый шагъ земледѣлія долженъ былъ расширять познаніе условій, благопріятныхъ этому развитію, и на долю религіознаго почета богини едва ли оставалось что-нибудь болѣе славы перваго непостижимаго созданія зерна, которое, разъ возникши, слѣдуетъ уже въ своемъ развитіи періодическому теченію природы. Молнія — только орудіе въ рукахъ Юпитера, вѣтеръ запирается и спускается на волю своимъ верховнымъ владыкой: вездѣ стихійный міръ становится опять въ прежнюю противоположность съ царствомъ духовъ и геніевъ; онъ — покорное ихъ власти вещество, но самъ никогда не расцвѣтаетъ къ духовной жизни. Пускай, поэтическое постиженіе природы внимало, по словамъ стихотворца, въ звукахъ колышимаго вѣтромъ тростника жалобамъ бѣдной нимфы Сиринги, или видѣло дочь Тантала (Ніобу), онѣмѣвшую съ своимъ горемъ, въ каменной скалѣ; но это и множество другихъ подобныхъ сказаній убѣждаютъ насъ только въ одномъ, что Миѳологіи не удалось глубокое и своеобразное оживотвореніе природы. Ибо тѣмъ толь-

Digitized by Google

ко и смогла она одушевить камень и тростникъ, что вообразила себѣ ихъ превращеніями человѣческой же жизни и предоставила потомъ фантазіи на ея собственный страхъ слѣдить въ упорной непонятности превращенной формы память о понятномъ прежде существованіи ихъ въ человѣческомъ обликѣ.

Обманчивую роскошь осеннихъ красокъ, придающихъ каждому листочку видъ цвѣтка, Рюкертъ, въ одномъ прекрасномъ стихотвореніи, сравниваетъ съ здоровою жизненностью весенней природы, которая среди всей яркой пестроты цвѣтовъ никогда не измѣняетъ сродному ей полному разливу темной зелени. Счастливая неудача предохранила миѳологію отъ ошибки преобразить настоящую природу до полнаго улетученія въ красоту всеобщей животрепетности и вольной воли; всегда неодолимо выступала опять наружу темная мощь первоначальной, мыслеупорной необходимости. Тщетно миѳологія убѣгала ея, обращаясь къ свѣтлому міру боговъ, къ ихъ зиждительному господству надъ царствомъ вещности. Чтобы найдти возможнымъ даже и господство этого рода, она все-таки должна была признать неизбѣжный кругъ вѣчныхъ и всеобщихъ законовъ, и только съ ихъ согласія воля боговъ могла владычествовать надъ вещами и ихъ состояньями. Въ поклоненіи неисповѣдимой судьбѣ, связывающей самихъ небожителей, выразила она эту мысль относительно къ ходу нравственнаго міра; не столь сильно, однакожь довольно явственно, та же мысль повторяется и въ миѳическомъ образѣ всякаго взаимнодѣйствія между божествомъ и стихіями природы. Поэзія могла освободить боговъ только отъ многотруднаго приложенія ихъ собственныхъ рукъ, отъ черной работы; но никогда не вытѣсняла она вполнѣ представленія о всеобщемъ порядкѣ сущаго, и лишь по законамъ этого порядка — даже и въ поэзіи — живая воля можетъ направлять и двигать міръ веществъ. Правда, Кроніонъ еще напрягаетъ руки, бросая молнію, зато безъ всякаго

Digitized by Google

труда, однимъ маніемъ бровей, колеблетъ онъ глубочайшія нѣдра Олимпа; но послѣдній разительный образъ божественной силы вѣдь повторяетъ, только затаеннѣе, тотъ же самый процессъ напряженной, стало быть не безусловной дѣятельности *, который въ первомъ образѣ высказанъ болѣе обстоятельно и наглядно.

Итакъ миѳологіи не удалось полное одухотвореніе существующаго міра; она только примыслила къ нему новый міръ, — міръ божественныхъ душъ, которыя озирая и преобразуя темное царство вещности, сами ведутъ за его предѣломъ свѣтлую, блаженнѣйшу южизнь. Онѣ-то возводятъ къ собственному сознанію и сердечной усладѣ слѣпую случайность измѣнчиваго хода природы; но и онѣ не властны освободиться отъ узъ вѣчной необходимости. Тамъ, гдѣ кружитъ теперь бездушный огневой шаръ солнца, въ тѣ времена правилъ своей золотою колесницей спокойно-величавый Геліосъ; но колесо и этой божественной колесницы вращалось по тѣмъ же самымъ законамъ, ось ея точно такъ же гнела и терпѣла гнетъ, какъ не обойдется безъ этого никогда при вращеніи колеса любой повозки земнаго міра. Этотъ разладъ первыхъ началъ, эту слѣпую необходимость вещественнаго царства, обокъ съ лучезарнымъ міромъ боговъ, котораго блескъ явенъ только на чуждомъ и темномъ грунтѣ вещности, миѳологія никогда не могла примирить и уладить; съ свѣжею силой фантазіи она умѣла только обойдти одно изъ двухъ, чтобы съ вѣрою прилѣпиться къ другому. Иному направленію мысли предоставила она попытку оживить твердое ядро міровой механики.

Имѣй мы въ виду представить здѣсь историческій ходъ смѣнявшихся воззрѣній, мы конечно выразились бы иначе. Напротивъ, кажется съ весьма раннихъ поръ широко раски-

---

* Что обусловлено напряженіемъ, то уже не безусловно.

Digitized by Google

нулась сѣть думъ и мудрованій, державшихся за мысль о всеобщей жизни природы и слѣдившихъ ее въ формахъ положительнаго существованія; повидимому только чудность этой мысли заставила потомъ миѳологію сойдти на тѣснѣйшій кругъ наглядныхъ обликовъ, которыхъ идеальная красота оставалась понятною, долго спустя послѣ того, какъ утратилась память первоначальнаго ихъ смысла. Но миѳологическое воззрѣніе какъ уже вполнѣ разсѣявшійся сонъ, впослѣдствіи отступило отъ насъ дальше этой первобытной думы человѣчества; она же, хотя быть-можетъ и самый ранній цвѣтъ пытливости духа, не умирала никогда, и не менѣе сильна теперь, какъ была и древле.

Послѣ того какъ возрастающій опытъ разсѣялъ вѣру въ наглядные облики боговъ, никогда не доступные дѣйствительному созерцанію, размышленіе могло возобновить другимъ путемъ попытку, неудавшуюся миѳологіи. Оно уже не гналось за тѣмъ, чтобъ увидѣть животворныхъ духовъ природы отдѣльными существами рядомъ съ мертвымъ веществомъ; напротивъ, ему хотѣлось соединить то, что подъ руками миѳологіи постоянно распадалось на два разныхъ міра: живое непосредственно въ самомъ себѣ, тѣло природныхъ организмовъ должно было въ своихъ собственныхъ нѣдрахъ обладать одушевительною силой саморазвитія. Но когда принялись слѣдить жизнеподвижность по всѣмъ формамъ органическихъ существъ вплоть до безформныхъ стихій окружающаго міра, тогда обликъ человѣческій, а тѣмъ болѣе образъ духовной жизни человѣка, должны были оказаться недостаточны для обозначенія той живости, какой именно искали. Вѣдь только немногія произведенія природы являются столь законченными цѣлыми, что ихъ легко принять за обиталища личныхъ душъ. Пожалуй, и въ другихъ существахъ можно допустить способность принимать впечатлѣнья, но отсутствіе той членораздѣльности, отъ

Digitized by Google

которой, по нашимъ опытамъ, зависятъ возможность чувственныхъ созерцаній, ихъ сочетаніе въ связное мірovоззрѣнье и воздѣйствіе воли наконецъ, — это отсутствіе не дозволяетъ намъ предполагать въ нихъ такого богатства душевной жизни, при которомъ они могли бы однимъ путемъ съ нами доходить до самопознанія. А потомъ, чѣмъ далѣе отъ сложныхъ организмовъ мы идемъ къ простѣйшимъ стихіямъ природы, тѣмъ болѣе исчезаетъ видимость непредрасчислимой свободы дѣйствія, тѣмъ явнѣе каждое существо оказывается связаннымъ съ однообразною и при одинакихъ условіяхъ всегда повторяющеюся дѣятельностью, безъ всякихъ признаковъ дальнѣйшаго внутренняго развитія, безъ того подбора и той переработки впечатлѣній, благодаря которымъ каждая отдѣльная душа развивается въ теченіе своей жизни до несравнимой особности. Наученный такими опытами новый взглядъ, который мы противопоставили миѳическому, говоритъ уже не о живыхъ душахъ, движущихъ стихійныя начала, но о живыхъ позывахъ или влеченьяхъ, которыя будто бы одушевляютъ вещество. Но, отступаясь такимъ образомъ отъ вѣры въ личныхъ духовъ природы, этотъ взглядъ теряетъ болѣе того, чѣмъ на первыхъ порахъ вознаграждаетъ насъ въ новомъ понятіи о позывѣ.

Вѣдь, прежде всего, для насъ вполнѣ ясна одна только сознательно-духовная жизнь, испытываемая нами въ себѣ самихъ; ясна также и противоположная мысль о совершенно слѣпой необходимости, по крайней мѣрѣ на столько, что мы уже не заявляемъ притязанія вчувствоваться въ эту прямую противоположность нашему собственному существу. Но представленіе вѣчно-одинаковыхъ необходимостей, внѣдренныхъ въ самую природу вещей, можетъ удовлетворять насъ только до тѣхъ поръ, пока мы хотимъ не то, чтобъ понимать естественные факты, а только предразсчитывать и направлять ихъ для удовлетворенія нашихъ потребностей. Стремленіе же перенестись

Digitized by Google

въ самую нутрь вещей само по себѣ неосуществимо. Поэтому, подъ именемъ позывовъ разумѣемъ мы между прочимъ то, что вещи нудятся къ своимъ дѣйствіямъ не внѣшнею силой; что, напротивъ, такъ какъ понуда лежитъ въ собственномъ ихъ существѣ, то она должна и сознаваться, чувствоваться, хотѣться ими, какъ ихъ собственная, и постоянно возраждаться въ нихъ сама собой, — или, какимъ бы мы инымъ способомъ ни придумали выразить потребность постичь это внутреннее побужденіе, какъ собственную живую природу самихъ вещей. Такъ-то, въ замѣнъ яснаго солнца личнаго сознанія, игравшаго въ миѳологическихъ образахъ, всегда старались озарить сокровенную нутрь вещей по крайней мѣрѣ луннымъ свѣтомъ безсознательнаго разума, для того, чтобъ свойственныя имъ дѣйствія не только казались намъ исходящими отъ нихъ, но существовали бы какъ-нибудь и сами по себѣ, ощущались и хотѣлись ими, какъ влеченья ихъ собственной жизни.

Въ промежутокъ двухъ ясныхъ крайностей, — вѣры въ личныхъ духовъ природы и помысла о слѣпой естественной необходимости, — вдвинулось такимъ образомъ неясное представленіе о безсознательномъ разумѣ, и при всей разновидности формъ этой мысли, рѣшительная наклонность обыкновенно приводитъ душу человѣка опять все къ тому же представленію, такъ что вѣроятно оно должно соотвѣтствовать глубочайшей потребности нашего духа.

И въ самомъ дѣлѣ, уже въ повседневной жизни мы вѣдь не относимъ каждаго мелочнаго дѣйствія къ новому вліянію сознательной и взвѣшивающей воли. Мы считаемъ одною изъ задачъ воспитанія, чтобъ всѣ движенія и жесты, къ какимъ вызываютъ обычные житейскіе случаи, казались невольными проявленьями изящной натуры, безъ тяжеловѣсной важности умысла, а потому и безъ всякаго воспоминанія о томъ, чтобы они могли быть не таковыми. На

Digitized by Google

этомъ же предположеніи основывается не только грація внѣшнихъ пріемовъ, но и прелесть духовнаго общенія. Не каждое слово бесѣды должно являться слѣдствіемъ преднамѣреннаго хода мыслей; напротивъ, намъ отрадна та непосредственность, съ какою изъ безсознательнной глубины души прорывается небережно и ненарочно выраженіе природной ея жизни. Сама миѳологія не разумѣла этого иначе, объясняя различныя явленія природы изъ духовныхъ побужденій. Не каждому восходу солнца предшествуетъ новая на то волябожества; первоначальное рѣшеніе, какъ бы отступивъ въ туманную даль забвенья, продолжаетъ дѣйствовать съ безсознательною силой отраднаго навыка. Природа въ томъ именно и даетъ себя знать природой, что движется какъ бы подъ вліяніемъ такихъ побужденій, которыхъ сознаніе заглохло въ ней и которыхъ сила ощущается лишь какъ во снѣ, обнаруживаясь уже однимъ только невольнымъ влеченьемъ. Такимъ образомъ мы вовсе не расположены признавать могущество своеуправной воли для всего объема внутренней жизни человѣческой. Только тамъ, гдѣ передъ нравственнымъ самосудомъ нашимъ намъ прійдется взять на себя достойность или недостойность какого-либо поступка, мы являемся себѣ созданьями нашего собственнаго произволенія; но вездѣ, гдѣ мы непосредственнѣй возвращаемся къ наблюденію внутренней своей жизни, мы не отрицаемъ въ себѣ присутствія безсознательно дѣйствующей въ насъ природы, напротивъ — охотно выставляемъ на первый планъ ея тайную, но постоянную дѣятельность. Едва ли ясны передъ нами основанія такого взгляда. Повидимому, пріятная смѣсь самодовольства и смиренія возникаетъ для насъ изъ помысла, что внутри насъ самихъ кроется такой міръ, котораго составъ намъ не вполнѣ довѣдомъ, и котораго дѣйствіе, на сколько оно сознается нами въ отдѣльныхъ подробностяхъ, внезапно озадачиваетъ насъ чаяніями о безвѣстной глубинѣ нашего собственнаго существа. Съ тою странною силой совмѣщать противорѣ-

Digitized by Google

чіе, которою проникнуты всѣ созерцанья наши, мы относимъ къ своей личности и эту темную глубину, такъ что личность наша разростается для насъ въ цѣлый міръ, гдѣ намъ предлежатъ еще открытія, и вмѣстѣ съ тѣмъ мы признаемъ ее чѣмъ-то такимъ, что внутри насъ самихъ не то, что мы сами. Тогда мы отступаемъ въ смущеніи передъ этимъ ядромъ нашего собственнаго существа, думая видѣть въ немъ безконечное, лежащее основой всѣхъ конечныхъ явленій. И обѣ эти мысли взаимно проникаются въ насъ одна другой, такъ что ни одно изъ вызываемыхъ ими сомнѣній не мѣшаетъ намъ одновременно услаждаться обѣими; неясность обоюднаго соотношенія ихъ между собой представляется намъ непосредственнымъ выраженіемъ дѣйствительнаго единенія, въ которомъ будто бы сливаются сознаніе и природа.

И какъ мы не отрицаемъ въ себѣ присутствія безсознательнаго дѣятеля, споспѣшника нашей внутренней жизни, такъ, съ другой стороны, мы еще менѣе наклонны рѣзко противополагать духовную личность нашу ея тѣлесному существованію. Только, когда явленіе смерти пробуждаетъ помыслы о дальнѣйшей будущности, почти только тогда приходитъ намъ на умъ смотрѣть на тѣло, какъ на отложимую оболочку, съ которою духъ дѣйствительно сжился, но съ которой не сливается онъ воедино. Однакожъ простодушная, безотчетливая жизнь мало знакома съ этимъ представленіемъ, и даже когда мы утвердимся въ немъ усиліемъ и навыкомъ мысли, намъ все-таки не удается довести свое посредственное убѣжденіе до ясности непосредственнаго чувства. Рука и нога, движимыя нашимъ умысломъ, видящій предметы глазъ, чувствующая гнетъ поверхность нашего тѣла, всегда будутъ казаться намъ частями нашего собственнаго существа, а отнюдь не ближайшею къ намъ долей внѣшняго міра, на которую господство души простиралось бы только непосредственнѣе, чѣмъ на отдаленнѣйшія его части.

Digitized by Google

Вездѣ, напротивъ, встрѣчаемъ мы явное нехотѣніе души поступиться тѣмъ понятіемъ тѣснаго единства между тѣломъ и духомъ, которое неизбѣжно возникаетъ для всѣхъ насъ отрадною мечтой изъ внутренняго строя и членосостава нашей организаціи. Духъ, сдается намъ, выполняетъ свое назначеніе только въ томъ случаѣ, если онъ не извнѣ осиливаетъ чуждую ему массу, но самъ дѣятельно въ ней продолжается; только тогда и вещество кажется намъ полноправнымъ въ своемъ существованіи, когда оно не только противостоитъ духу, какъ подслужная ему вещь, но насквозь проникается его теплотою.

Поверхностныя замѣтки эти вовсе не имѣютъ притязанія разрѣшить плетеницу тѣхъ помысловъ, которые обоюдно тѣснятся и перепутываются въ подобныхъ мнѣніяхъ; онѣ имѣютъ въ виду только напомнить тотъ фактъ, что въ душѣ человѣка неизбѣжно возникаютъ сильныя и почти неустранимыя побужденія, постоянно обращающія и даже влекущія насъ къ этимъ взглядамъ, какъ ни трудно намъ ихъ себѣ выяснить. Въ самомъ дѣлѣ, тутъ невольно овладѣваетъ нами художническій духъ, чисто-эстетическая потребность. Вѣдь ищемъ же мы во всякой красотѣ несказаннаго единенія духа съ природой, міра идеальнаго съ реальнымъ его проявленіемъ; такъ точно мы настаиваемъ прежде всего на томъ, чтобы одушевленный ликъ, живой образъ человѣческій, былъ признанъ и наукой въ томъ обаяніи его цѣлостности, въ какомъ онъ мечтается намъ въ жизни, какъ явное удовлетвореніе невольно влекущаго насъ стремленья. Мы готовы лучше дивоваться этимъ единствомъ, какъ непонятою дѣйствительностью, нежели допустить, чтобы понятіе разложило его по частямъ. На этомъ живомъ чувствѣ основанъ тотъ великій перевѣсъ, какой для каждой эстетически-настроенной души имѣютъ всегда представленія о безсознательномъ разумѣ, о грезахъ души міра, о живодѣйствующихъ позывахъ, которыми проникнуто все сущее и которые

Digitized by Google

въ иныхъ вершинахъ дѣйствительности развиваются до полнаго сознанья. Но сколь ни желалось бы намъ раздѣлять это чувство, мы все-таки должны будемъ спросить, нельзя ли удовлетворить его точно такъ же другими способами представленія. Вѣдь ссылаясь на живой опытъ безсознательныхъ духовныхъ дѣйствій въ насъ самихъ, мы однако ссылаемся именно на то, что̀ и въ нашемъ собственномъ существѣ наиболѣе нуждается въ разъяснительномъ изслѣдованіи; а когда зыбкія созерцанья, доставляемыя намъ этимъ самонаблюденіемъ, мы вздумаемъ перенести на внѣшній міръ, то, право, развѣ однимъ только интересомъ къ темнотѣ загадки, а вовсе не большею ясностью рѣшенія ея, наше міровоззрѣніе будетъ тогда отличаться отъ опровергнутыхъ уже грезъ миѳологическаго взгляда. Да и въ другомъ отношеніи трудно бы намъ было этимъ путемъ снова пріобрѣсти то, чѣмъ миѳологическое воззрѣніе обладало съ самаго начала. Вѣдь чувство удовлетворенія, съ какимъ мы всегда вновь слѣдимъ миѳическій взглядъ въ его истолкованіяхъ природы, — это чувство предпочтительно основано на томъ, что внѣшнія явленія сводятся имъ на такія побужденья, которыхъ смыслъ и цѣнность непосредственно понятны нашей душѣ. Если Геліосъ ежедневно катитъ свою солнечную колесницу по небу, то онъ побуждается къ тому не слѣпою природною необходимостью непостижимаго инстинкта, но желаніемъ «свѣтить безсмертнымъ богамъ»: вотъ отчего повторяетъ онъ каждый день однообразно свою урочную работу, внося ее личнымъ вкладомъ отъ себя въ сокровищницу божественнаго міростроенія. И какъ часто, въ сказаніяхъ самыхъ различныхъ племенъ, движенія свѣтилъ, взаимное исканіе и убѣганіе ими другъ друга, представляются слѣдствіемъ какихъ-нибудь поступковъ и приключеній, а для постояннаго продолженія этой однообразной игры вездѣ выводятся отрадныя побужденія любви, обязанности, душевнаго порыва или

Digitized by Google

воспоминанья. Такимъ-то образомъ вся природа становится отраженіемъ міра духовнаго; внѣшнія дѣйствія вещей цѣнятся не выше тѣлодвиженій живыхъ организмовъ: они существуютъ не сами для себя, а только указываютъ на нѣчто обнаруживающееся, но не исчерпывающееся въ нихъ до конца. Отступивъ отъ вѣры въ лично-естественныхъ духовъ, мы, прежде всего, только сократимъ эту примкнутость природы къ опорѣ духовнаго міра. Если и за тѣмъ внѣшнія дѣйствія вещей возникаютъ у нихъ какъ бы изъ снообразнаго внутренняго побужденья, то все же ни какая аналогія не ведетъ насъ къ тому, чтобы составить себѣ понятіе о какомъ-то дальнѣйшемъ, заднемъ планѣ ихъ душевной жизни, откуда могъ бы исходить этотъ вѣщій сонъ и возбуждаемая имъ частная дѣятельность, именно въ качествѣ особаго, случайно вызваннаго проявленья. Отдѣльный позывъ, направленный прямо къ извѣстному виду дѣйствія, — вотъ чѣмъ стала для насъ вся внутренняя жизнь вещей, чѣмъ замѣнились у нихъ цѣлость и единство, и оттого онѣ какъ будто бы принуждены выполнять извѣстный жестъ, не переживая въ себѣ той обширнѣйшей основы, которой онъ служилъ бы выраженіемъ, и которая одна оправдывала бы его существованье. Взаимное притяженіе веществъ, равно какъ и обращеніе цвѣтка къ солнцу, миѳологія свела бы на духовное влеченіе, а послѣднее объяснила бы, пожалуй, изъ исторіи ихъ прежнихъ судебъ. Такимъ образомъ пространственное движенье было бы для нея мгновеннымъ выраженіемъ разнообразной, и понятной въ своемъ разнообразіи, внутренней жизни, которая перехватывая обиліемъ своего содержанія далеко за предѣлы этого отдѣльнаго проявленья, могла бы въ самомъ дѣлѣ овинословить его собою, какъ прямое ея слѣдствіе. Но притягательный позывъ, который мы воображаемъ себѣ въ природѣ веществъ, собственно только повторяетъ непонятый нами фактъ движенія и, вмѣсто объясняющей его побуди-

Digitized by Google

тельной причины, только присовокупляетъ мысль о равно непонятной для насъ необходимости, будто бы вынуждающей вещи ей повиноваться. Поистинѣ, событія природы представляются намъ вслѣдствіе того словно нѣмыми тѣлодвиженіями такихъ фигуръ, которыхъ облики рисуются передъ нами на горизонтѣ, но которыхъ слова теряются для нашего слуха въ недосягаемой дали.

А вѣдь не этого хотѣлось добиться вникающей думѣ, или рефлекціи; вотъ почему мы видимъ, что постоянно, во всѣ времена, она старалась пособить такому узкому пониманію природы дальнѣйшимъ развитіемъ своего воззрѣнія. Вопервыхъ, дробную множественность явленій возводила она къ всеобъемлющей основѣ міра, къ безконечному разуму; въ глубину этой грезящей и творящей души вселенной она внѣдряла многочисленные первоначальные позывы, которые выявляясь въ неистощимомъ разнообразіи внѣшнихъ формъ, производятъ всю наличную дѣйствительность. Восходя въ извѣстныхъ тваряхъ до полнаго самосознанія, эта вѣчная сила руководится такими же побудительными причинами своей дѣятельности и въ тѣхъ созданіяхъ, гдѣ она дѣйствуетъ только безсознательно, сквозь сонъ, такъ что каждое произведеніе природы выражаетъ въ наглядномъ воплощеніи одну изъ мыслей, излагающихъ живое содержаніе верховнаго бытія. Эти мысли, исходя изъ того же первоначальнаго источника и образуя въ немъ согласный строй всецѣлой, неистощимой идеи, водворяютъ между вещами, которымъ онѣ служатъ одушевительными побужденьями, всепроникающую связь міроваго смысла и общаго всѣмъ имъ существа. Въ этой-то общности основанія и цѣли, о которой быть-можетъ осталось въ нихъ слабое воспоминаніе, обрѣтаютъ вещи ту глубочайшую, вседержительную опору своей природы, которой недоставало имъ, на наши глаза. Проявленія, какимъ отдается каждое существо въ силу необходи-

Digitized by Google

маго своего позыва, совершаются уже не сами для себя; они не что иное какъ предлежащая каждому на своемъ мѣстѣ доля содѣйствія къ осуществленію всеобщаго смысла міра. И если, въ измѣнчивомъ развитіи своемъ, существа проходятъ череду разныхъ состояній или разнообразно воздѣйствуютъ на тѣ или другіе внѣшніе поводы, то они нудятся къ тому вовсе не безсвязнымъ множествомъ одиночныхъ толчковъ; напротивъ, изъ единства идеи, этого всеодушевляющаго ихъ побужденія, возникаютъ, съ творческою необходимостью стройной поэмы, всѣ разнообразныя формы бытія и дѣйствія, какія мы въ нихъ наблюдаемъ. Такимъ образомъ каждое существо есть вмѣстѣ живое, замкнутое въ себѣ единство, и въ то же время каждое имѣетъ въ великомъ цѣломъ объяснительную основу той особенной грезы, которою оно движется.

Благодаря неоспоримой долѣ истины этого воззрѣнія, оно всегда будетъ производить впечатлѣніе на душу человѣка; однакожь встрѣтитъ много трудностей при переходѣ къ обстоятельному истолкованію явленій. Вѣдь для безконечно-высокаго содержанія той міровой души, которой твари природы суть только одиночные проблески, никто еще не нашелъ такого выраженья, которое удовлетворяло бы возбужденныя ожиданія, или могло бы наверстать для насъ ту общепонятную живость, какою наполняла природу миѳологія. Ибо всѣ эти стремленія къ развитію, къ множеству въ единствѣ и къ единству во множествѣ, къ противоположности и къ примиренію противоположнаго, — всѣ эти черты, которыми старались обозначить внутреннюю сущность души міра, могутъ казаться безпредубѣжденному уму только ничтожными, жалкими задачами, едва достойными игривой дѣятельности ребяческаго духа и ужь ни мало не способными выразить собой творческія побужденія мірозиждительства. Разрѣшись все содержаніе ея въ подобныхъ стремленіяхъ, мы не могли бы тогда отрицать,

Digitized by Google

что каждый случайно взятый мигъ жизни нашего сердца несравненно полнодушнѣе этой бездонной души міра. Однакожь несовершенство попытокъ нашихъ измѣрить ея глубину не доказывало бы еще ничего противъ истины самаго воззрѣнія; даже еслибъ то верховное бытіе постоянно носилось передъ нами только какимъ-то неизрекомымъ чаяніемъ, все-таки было бы полезно обезпечить живость нашего созерцанія природы, упрочивъ за собой это чаяніе путемъ мысленной разработки. Но именно противъ цѣлости этого воззрѣнья возстаетъ то же самое противорѣчіе, котораго не преодолѣлъ уже и миѳологическій взглядъ. Вѣдь и этотъ новый поворотъ мысли, какъ ни положительно обѣщаетъ онъ обнять собой всю природу въ совокупности, на дѣлѣ имѣетъ въ виду только органическую жизнь и нѣкоторыя изъ тѣхъ общихъ чертъ хода природы, какими ограничивалась уже и миѳологическая фантазія; подобно миѳологіи, новый взглядъ позабываетъ все обиліе мелочной обиходной дѣйствительности, правда — менѣе поэтической, но тѣмъ неотразимѣе обступающей и охватывающей насъ со всѣхъ сторонъ. Въ легкоподвижности животнаго, въ ростѣ и цвѣтѣ растеній, да еще въ кристаллической формѣ твердыхъ тѣлъ, или въ теченіи свѣтилъ небесныхъ, мы, пожалуй, и найдемъ отраженіе тѣхъ идей, которыя предполагаемъ въ душѣ міра. Но законы равновѣсія и толчка, рычага и винтоваго движенья, далеки уже отъ путей развитія безконечнаго. Вольная краса сельской природы, пожалуй, и съ руки тѣмъ выспреннимъ мечтамъ; но домашняя хлопотливость нашей техники наводитъ насъ на совсѣмъ иныя соображенья. Да и точное наблюденіе живыхъ существъ также примыкаетъ напослѣдокъ къ сонму тѣхъ возраженій, въ силу которыхъ ученіе о творческихъ одушевительныхъ позывахъ природы неизбѣжно уступаетъ иному воззрѣнію, послѣднему изъ тѣхъ, которыя, говоря вообще, господствовали въ исторіи человѣческой мысли.

Digitized by Google

Еслибъ каждое созданіе природы развивалось вполнѣ изъ самого себя, вовсе не нуждаясь во внѣшнемъ мірѣ, или оставаясь недоступнымъ его вліянію, тогда можно было бы отстоять представленіе объ одной воодушевляющей идеѣ, которая, дѣйствуя въ томъ созданіи, выдѣляла бы изъ себя каждую подробность будущаго развитія его съ предобдуманной послѣдовательностью. Но всѣ дѣйствительныя существа, которыхъ знаменательная красота возбуждаетъ въ насъ невольное удивленіе, находятся въ безпрерывномъ взаимнодѣйствіи съ общимъ для нихъ внѣшнимъ міромъ, отъ него-то именно и ожидая разнообразнѣйшихъ побужденій къ своему развитію. Растеніе не обойдется безъ свѣта и воздуха, какъ не обойдется безъ многоразличныхъ внѣшнихъ вліяній внутренняя жизнь какого ни на есть одушевленнаго существа. Но ни одно изъ нихъ не могло бы ни страдать, ни чѣмъ-либо пользоваться отъ внѣшняго міра, еслибъ собственная природа каждаго созданія не была приравнима къ природѣ тѣхъ впечатлѣній, которыми должна она возбуждаться къ дѣятельности. Вѣдь дѣйствуетъ другъ на друга только то, что въ общей обоимъ сферѣ сродства одно съ другимъ сходно, или различно, или противоположно. Всякое сношеніе требуетъ этой взаимной захватимости сносящихся и неизбѣжно предполагаетъ существованіе всеобщихъ законовъ, которые, будучи обязательны для всѣхъ сторонъ, опредѣляютъ величину и форму дѣйствія, какимъ должны онѣ обмѣниваться при всякомъ столкновеніи или встрѣчѣ. Тутъ ни одному значительному явленію не представляется уже никакой возможности выступить замкнутымъ въ себѣ самомъ и только изъ себя одного понятнымъ единствомъ; что дается имъ и какъ оно совершается,—это не непредвидимое измышленіе его собственнаго генія, но все порѣшено уже внѣ его, и притомъ отъ вѣка; каждое дѣйствіе удѣлено ему въ силу всеобщихъ законовъ міровой связи и въ силу тѣхъ особенныхъ обстоятельствъ, при которыхъ охватываетъ его эта связь.

Digitized by Google

Воззрѣніе это также думаетъ обнять всецѣлость природы, и въ самомъ дѣлѣ разсматриваетъ ее съ такой точки зрѣнія, которая одинаково важна и для уразумѣнія духовной сферы. Пока мы принимаемъ дѣйствительность за спокойный, невозмутимый образъ бытія, мы конечно можемъ представить себѣ любую отдѣльную фигуру этой картины опирающеюся на одно какое-нибудь побужденіе, благодаря которому и выступаетъ она въ ряду другихъ изъ глубины творческой основы; но когда признаемъ дѣйствительность за то, что она есть, то-есть за движущуюся картину, которой отдѣльныя части не только расположены рядомъ, но и безпрерывно живутъ въ постоянномъ взаимнодѣйствіи между собой, то должны будемъ вникнуть и въ условія, отъ которыхъ зависитъ возможность этого дѣйствія одной на другую. Что довлѣетъ само себѣ, то можетъ покоиться, замкнутое въ себѣ самомъ, на единствѣ своего жизненнаго побужденія, развиваясь только изъ него; напротивъ, что ощущаетъ потребности и зависитъ отъ внѣшнихъ условій своего развитія, все то, и въ дѣйствіи своемъ и въ страданіи, должно подлежать общимъ законамъ того міропохозяйства, которое одно можетъ доставить удовлетвореніе его потребностямъ. Конечно, не все развитіе дается ему извнѣ, со стороны; природа его собственнаго существа долею войдетъ въ опредѣленіе тѣхъ состояній, которыхъ оно достигнетъ подъ вліяніемъ внѣшнихъ условій; однакожь и это участіе его въ опредѣленіи своей судьбы не будетъ дѣйствіемъ самовольной его свободы: возможность такого участія основана на соотношеніи всеобщихъ законовъ, допускающихъ одно существо воздѣйствовать на внѣшнія вліянія такъ, другое — иначе.

Всего ближе прилагались эти представленія все-таки къ природѣ, и особенно къ живымъ ея существамъ. Животныя и растенія не производятъ ни изъ себя, ни изъ ничего тѣ вещества, которыхъ сочетанію они обязаны своимъ обликомъ,—

Digitized by Google

они почерпаютъ ихъ изъ общаго запаса природы. Въ постоянномъ кругообороте, земная кора и океанъ воздуха передаютъ растительному царству, а оно въ свою очередь животнымъ, те неистребимыя начала, которыя служатъ то той, то другой формѣ жизни и порой возвращаются къ безформному существованію неорганическихъ тѣлъ, пригодныя на все, но не одушевляемыя собственнымъ побужденіемъ ни къ какой особенной формѣ своей пригодности. Необходимость брать изъ общаго запаса и напередъ выдѣлять искомые элементы изъ существующихъ уже соединеній, чтобы принудить ихъ къ тому или другому служенію, ставитъ въ каждомъ живомъ существѣ узкіе предѣлы вольному размаху жизни. Никогда растенію не разложить углекислоту воздуха, не противопоставивъ химическому сродству, связывающему ея составныя части, другаго, въ извѣстной мѣрѣ перевѣшивающаго, сродства, и никогда углекислота не признаетъ надъ собой силы другаго притяженія, кромѣ той, которая неразлучна съ опредѣленною мѣрой вещества. И гдѣ добытый матеріалъ понадобится привести внутри живаго тѣла въ такія формы, какихъ требуетъ планъ его организаціи, тамъ онъ такъ же невольно подчиняется этому формативному процессу. Подобно любой тяжести, которую надо сдвинуть съ мѣста, будетъ онъ ожидать, чтобъ опредѣленныя величины движущихъ силъ, порождаемыхъ опредѣленными массами, привели его частички въ требуемое положеніе по тѣмъ же законамъ всеобщей механики, по которымъ совершаются всѣ движенія веществъ и внѣ живыхъ организмовъ.

Поэтому, какой бы живой позывъ ни одушевлялъ внутреннее существо созданій, не ему обязаны они своей устойчивостью противъ враждебныхъ внѣшнихъ вліяній и осуществленіемъ предопредѣленной имъ дѣятельности; и тѣмъ и другимъ они одолжены тѣмъ первоначальнымъ силамъ стихійныхъ частицъ своихъ, которыя, соприкасаясь съ внѣшнимъ міромъ,

Digitized by Google

умѣютъ принимать отъ него раздраженія и дѣятельно на нихъ отвѣтствовать. И какая бы хитрая послѣдовательность ни связывала въ одно цѣльное развитіе жизненныя явленія той или другой твари, послѣдовательность эта происходитъ только отъ первоначальнаго распорядка ея частей, который даетъ общему результату отдѣльныхъ дѣйствій опредѣленныя видообразованія, а также и отъ поступательнаго измѣненія, которое сами эти части заранѣе предуготовляютъ себѣ на пути своей дѣятельности.

Пока естествознаніе исходило отъ единства живаго позыва и въ немъ искало достаточнаго объясненія измѣнчивому развитію каждой твари, ему плохо удавалась разгадка явленій. Оно удивительно успѣло съ тѣхъ поръ, какъ стало вникать въ дѣятельность мельчайшихъ частичекъ и, слѣдя отъ одной точки до другой постепенное сложеніе каждаго дѣйствія порознь, выяснило происхожденіе цѣлаго изъ совокупнаго напряженія безчисленныхъ элементарныхъ началъ. До времени оно еще не колебало того почета, какимъ во мнѣніи людей пользовалась «внутренная сущность», жизненная сила созданія; въ теоріи оно готово было допускать, что идея цѣлаго предшествуетъ дѣятельности частей, но на практикѣ давно уже искало истинно-плодотворныхъ объясненій только въ совокупномъ дѣйствіи послѣднихъ. Остатокъ совѣстливости или сдержки въ этомъ отношеніи окончательно преодолѣло настоящее время: утомясь почетомъ внутренней сущности, никогда не проявлявшейся на дѣлѣ, оно распространило на всѣ предметы нашего познанія природы ясный и опредѣленный взглядъ механическаго естествовѣдѣнія, — распространило столько же къ явной пользѣ изслѣдованія, сколько, неоспоримо, въ ущербъ спокойствію души.

На мѣсто живаго позыва, одушевлявшаго своимъ вѣяніемъ цѣлость многосложныхъ организацій, поставило оно простыя

Digitized by Google

и несокрушимыя силы, всегда присущія элементарнымъ составнымъ частямъ. Съ перемѣнчивою дѣятельностью, позывъ обнаруживался то такъ, то иначе,—здѣсь, задерживая свою способность,—тамъ, напряженно ускоряя ея проявленія; примиряя разладъ и дополняя собою недостатки, гдѣ занадобится, онъ не былъ стѣсненъ всегда одинаковымъ закономъ своего дѣйствія, но опредѣлялся только соображеніемъ съ конечной цѣлью, къ которой должны были сходиться всѣ частности развитія. Напротивъ того сила присуща элементамъ массы, съ неизмѣннымъ, всегда одинаковымъ, образомъ дѣйствія; каждый мигъ необходимо совершаетъ она все то, что требуется данными обстоятельствами по всеобщимъ законамъ, и не властна ни задержать малѣйшую долю своею возможнаго дѣйствія, ни наверстать собою то, чего не допускаетъ неблагопріятность обстоятельствъ. Не ведомая ни какою путеуказательною цѣлью, а повинуясь только могучему ходу природы, которымъ претъ ее впередъ, она не стремится сама собой къ осуществленію какого-бы то ни было плана, но каждый связный въ себѣ порядокъ разнообразныхъ дѣйствій зависитъ отъ тѣхъ особенныхъ условій, при какихъ многочисленные элементы вынуждены къ совокупной дѣятельности однажды существующею формою ихъ сопряженія.

Разрѣшая такимъ образомъ единство живоносной мощи въ дробность неопредѣленнаго множества элементарныхъ силъ, и полагая, что отъ способа сопряженія ихъ вполнѣ зависитъ окончательная форма созданій, естествовѣдѣніе оставляетъ нерѣшенымъ вопросъ о происхожденіи этихъ сопряженій, избранныхъ, какъ видимъ, такъ удачно, что все, что ни есть прекраснѣйшаго и знаменательнѣйшаго въ природѣ, должно развиться необходимымъ ихъ послѣдствіемъ. Имѣя въ виду объяснить только поддержку существующаго уже міра, оно въ самомъ дѣлѣ въ правѣ исключить этотъ вопросъ изъ тѣснѣй-

Digitized by Google

маго объема своихъ изслѣдованій. Если жь оно оказываетъ иногда наклонность относить происхожденіе такого порядка къ случаю, для котораго ненужно искать особыхъ основаній, то на столько же доступенъ естествовѣдѣнію и выводъ первоначальной основы этого порядка изъ премудрости божественнаго духа или Промысла. Но, заносясь можетъ-быть за предѣлы своей области, оно конечно станетъ утверждать, что вѣдь ни малѣйшее вѣяніе этого творческаго духа не перешло въ созданіе, и что однажды возникшая природа, какъ всякое художественное произведеніе, продолжаетъ существовать по тѣмъ неуклоннымъ законамъ, которыхъ неизмѣняемость столько же свидѣтельствуетъ о мудрости Творца, сколько и о совершенной безсамости созданія.

И въ этомъ дивномъ автоматѣ природы, котораго неустанный ходъ объемлетъ насъ со всѣхъ сторонъ, какое же положеніе занимаемъ мы сами? Мы, думавшіе нѣкогда признать за оболочкою явленій сродственные имъ лики боговъ; мы, въ комъ всеобщій разумъ души міра по крайней мѣрѣ грезилъ сознаніемъ великихъ цѣлей и того вѣчнаго позыва, который связываетъ насъ съ природою въ одно общее, великое міростроенье? Съ неотразимыми чаяніями нашей души, съ требованіями нашего нравственнаго существа, со всей теплотою нашей внутренней жизни, намъ жутко, неповадно въ этомъ царствѣ вещей, которое не знаетъ ничего внутренняго, ограничиваясь однимъ внѣшнимъ существованьемъ. Но быть-можетъ и это чувство розни только остатокъ заблужденія, отъ котораго намъ слѣдуетъ освободиться?

Вѣдь не одни только воззрѣнія на природу испытали на себѣ въ теченіе времени изложенныя нами перемѣны, вмѣстѣ съ ними обновлялось и наше самопознаніе. Сознаніе юнаго человѣчества могло беззавѣтно наслаждаться своей живостью, которая, подобно растенію, все выводя изъ собственнаго зерна и не

Digitized by Google

ощущая ни какого сторонняго понужденья, не чувствовала и ни какой потребности въ признаніи своей свободы. Возрастающій запасъ опыта и постепенно расширяющіеся взгляды на существованіе человѣка показали, что развитіе духовной его жизни также подчинено всеобщимъ, для всѣхъ обязательнымъ законамъ и становится болѣе и болѣе независимымъ отъ собственной заслуги отдѣльнаго лица. Успокоенное, покорялось сердце этой необходимости, пока видѣло въ ней тихо-нудящую мочь вѣчной идеи, въ которой мы живемъ и пребываемъ; оно ощутило гнетъ только тогда, когда мѣсто этой идеи заступило и здѣсь дробное множество обусловливающихъ и зиждущихъ все силъ. Изъ того, что относили мы къ самымъ неотъемлемымъ свойствамъ нашего личнаго существа, сколь многое оказалось плодомъ вліяній, которыя сходятся на насъ съ разныхъ сторонъ, и дѣйствуютъ либо заодно, либо въ ущербъ одно другому! Все болѣе таяла и умалялась полнота того, что могли мы назвать въ себѣ настоящею своей собственностью; часть прежняго богатства оттягали себѣ тѣлесные органы, какъ подарокъ ихъ же собственнаго строенья, другая часть пошла на долю общихъ силъ душевной жизни, дѣйствующихъ, безъ всякой заслуги съ своей стороны, по однимъ и тѣмъ же законамъ во всѣхъ личностяхъ; только тотъ маленькій удѣлъ, которымъ правитъ и распоряжается свобода нравственной нашей дѣятельности, повидимому, оставался въ насъ убѣжищемъ тому, что собственно и есть мы сами. Но и за этою послѣдней точкой истинно-внутренняго бытія наука оставляла одно сомнительное существованіе, какъ за возможнымъ лишь предметомъ вѣры; она чуть ли уже не готова вполнѣ отступиться и отъ нея. Съ тѣхъ поръ какъ мы знаемъ, что все общее мірохозяйство повидимому требуетъ ежегодно извѣстной суммы злодѣйствъ, словно извѣстной высоты температуры,—далеко ли ужь до того, чтобъ и въ духовномъ существованіи видѣть одну и ту же сплошную связь слѣпаго

Digitized by Google

механизма. Подобно непрерывной смѣнѣ всего внѣшняго, и внутренняя живость ваша будетъ, пожалуй, только вихремъ движеній, который неизочтеные атомы нашей нервной системы поддерживаютъ своимъ безпрерывнымъ взаимнодѣйствіемъ. Далеко ушли мы отъ наивнаго ребячества миѳологическаго міровоззрѣнья: мы не только отступились отъ личныхъ духовъ природы, но и обратили въ темнѣйшую загадку возможность самого личнаго существованія вообще. Посреди большаго автомата природы стоитъ мѣньшій автоматъ человѣческой души; онъ художественнѣе всякаго другаго, потому что чуетъ свои собственныя нутродвиженія и дивится подобнымъ движеніямъ въ своемъ громадномъ собратѣ; но напослѣдокъ должно вѣдь и ему распасться на составныя части, а тогда безъ слѣда исчезнутъ важность и шутка, любовь и ненависть, волновавшія это чудное существо.

Выводились даже и послѣднія эти заключенія, и выводились однимъ съ торжествомъ, другими съ истиннымъ отчаяньемъ. Но пришли къ нимъ далеко не всѣ, да притомъ и не въ равной мѣрѣ: несмѣтное число людей остановилось на разныхъ точкахъ по пути къ этимъ выводамъ и пыталось уклониться отъ нежеланной цѣли въ разныхъ направленіяхъ. И среди всѣхъ колебаній и перемѣнъ во взглядахъ уцѣлѣла же нерушимо и болѣе простая вѣра, — вѣра въ вѣчнаго Создателя, даровавшаго царству духа живую свободу стремиться къ священной цѣли и не давшаго ея царству вещности, да будетъ оно, въ слѣпой неволѣ, поприщемъ и средствомъ для дѣятельности свободныхъ стремленій. Благодаря этому естественному раздѣленію, душа человѣка выиграла возможность устроиться по-своему среди вещей, въ полной надеждѣ на ихъ неизмѣнную подзаконность и на свою собственную свободу. Но ей предстоитъ еще добиться другой возможности — отвѣчать на многочисленные вопросы о порубежной чертѣ между областями свободы и необ-

Digitized by Google

ходимости, — вопросы, возбуждаемые внимательнымъ наблюденіемъ подробностей общаго хода природы.

Такого рода загадками опутаны мы теперь со всѣхъ сторонъ. Не то, чтобъ онѣ не существовали и не чувствовались во всякое другое время; но нынѣ, больше чѣмъ когда-нибудь, возрастающій разливъ естествовѣдѣнія выдвинулъ ихъ передъ нами на первый планъ. Конечно, при выработкѣ своего міропостиженья духъ человѣческій слишкомъ долго терялъ изъ виду обслѣдованіе темнаго и упорнаго элемента необходимости, противостоящаго ему царства вещей. Благодаря успѣхамъ опыта, этотъ элементъ выступилъ для насъ съ сугубою силой, и тщетно было бы уже стараніе скрывать, что господство его надъ чувственнымъ міромъ — дѣло рѣшеное. Если, однакожь, мы снова пытаемся отнять у него то, чего, какъ намъ кажется, не можемъ уступить ему, не отступаясь отъ своей собственной сущности, то и тутъ намъ отнюдь не слѣдъ начинать оспориваніемъ такихъ вещей, которыя постоянно повторяются и потверждаются общимъ свидѣтельствомъ совокупнаго опыта. Напротивъ, даже и для нашего тѣлеснаго бытія должны мы признать полную силу тѣхъ началъ, которыми механическое естествознаніе объясняетъ явленія чувственнаго міра. Впрочемъ, есть, можетъ-быть, замѣтная разница между тѣмъ, что въ пылу спора выдается со стороны ихъ за непреложное начало естествовѣдѣнія, и тѣмъ, что признаетъ своимъ вѣрнымъ и неотъемлемымъ достояніемъ сама наука, которая сносливѣе въ этомъ многихъ своихъ учениковъ. Можетъ статься, окажется напослѣдокъ и то, что вся совокупность механизма, отнюдь не переча истиннымъ задачамъ духовной жизни, сама принадлежитъ, напротивъ, какъ необходимый служебный членъ, къ общему составу того великаго цѣлаго, которое измѣнчивый въ направленіяхъ духъ времени выставляетъ передъ человѣкомъ то одною стороной, то другою.

Digitized by Google

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Механическая природа.

Всеобщность законовъ. — Назначеніе всего дѣйствующаго — Атомы и смыслъ предположенія ихъ. — Физическія силы. — Законы дѣйствій и ихъ сочетанія. — Общіе выводы для объясненія явленій природы.

Необходимой связи между вещами, въ какомъ бы то ни было смыслѣ, доискивались любая эпоха и любой взглядъ; механическая наука нашего времени отличается совсѣмъ не этимъ, но собственно тою мыслью, какую привноситъ она насчетъ значенія и основнаго начала этой необходимости. Вѣдь и самое темное суевѣріе, мечтавшее жалкимъ колдовствомъ опредѣлять участь отдаленныхъ предметовъ, опиралось же на ту неизбѣжную связь, въ силу которой его заклятія оказывали желаемое дѣйствіе. Наука понимаетъ это иначе, и притомъ въ двоякомъ смыслѣ слова. Не то, говоритъ она, чтобъ слѣпая необходимость только навязывала вещамъ разныя ихъ состоянія опредѣленной чередой; нѣтъ, состоянія эти происходятъ единственно одно изъ другаго, и каждое предшествующее заключаетъ въ себѣ самомъ причину, по которой, въ силу всеобщаго и всѣмъ понятнаго права, оно можетъ требовать позднѣйшаго состоянія, какъ прямаго своего слѣдствія. Да и каждая отдѣльная дѣйствительность не развиваетъ въ себѣ одного состоянія изъ другаго по особому, ей одной дарованному, праву; напротивъ, необходимость, царящая въ одномъ существѣ, обязана своей принудительной силой тѣмъ же всеобщимъ законамъ, которые, дѣйствуя и во всѣхъ другихъ созданіяхъ, воздаютъ равному равное, а неравному — иною мѣрой. Поэтому разнообразныя сферы явленій, наполня-

Digitized by Google

ющія міръ своими противоположностями, основаны не каждая порознь на особыхъ и неприравнимыхъ другъ къ другу предопредѣленіяхъ; всѣ онѣ только многоразличные примѣры того, что порождается силою всеобщихъ законовъ, смотря по обстоятельствамъ, которыя хотя и подчиняются ей, но не всегда и не вездѣ однообразно. На этой мысли общаго, властнаго надъ всей природой, права, изъ котораго вытекаютъ для вещей всѣ обязанности и дѣеспособности, механическій взглядъ на природу основалъ обширную постройку своихъ ученій.

Но познанія этого всеобщаго права, исходя отъ окружающей насъ видимости, мы можемъ достичь только путемъ умозаключеній, переходящихъ за предѣлы всего видимаго. Не каждый изъ шаговъ, пройденныхъ по этому пути, одинаково несомнѣненъ. Не вездѣ вѣрныя по себѣ начала нашего вѣдѣнья достаточны для снисканія полезныхъ результатовъ; нерѣдко счастливому взгляду приходилось угадывать плодотворныя точки зрѣнія. И конечно не вездѣ досельная исторія науки подтверждала вѣрность такихъ взглядовъ, которые при первомъ появленіи своемъ поражали умъ открытіемъ обширнѣйшаго кругозора; съ другой стороны, не вездѣ удалось возвести къ ихъ внутренней необходимости даже и такія догадки, которыхъ фактическая вѣрность блистательно подтверждена опытомъ. Поэтому, сомнѣвающійся найдетъ, пожалуй, поводъ къ многимъ оговоркамъ или недоумѣніямъ, и зыбкость этихъ не вполнѣ совершенныхъ основаній естествовѣдѣнія въ тайнѣ поманитъ инаго надеждою ускользнуть отъ нѣкоторыхъ выводовъ механическаго взгляда на природу. Но немного бы мы выиграли, попавъ на мысль, что наборомъ возраженій, внушаемыхъ мгновеннымъ впечатлѣніемъ нѣкоторыхъ положеній науки, можно пошатнуть всю великую постройку этого воззрѣнія. Покоясь на безмѣрномъ обиліи согласныхъ между собою фактовъ, оно заслуживаетъ, чтобъ и на него, какъ на любое естественное произведеніе, смотрѣть съ тою

Digitized by Google

довѣрчивою надеждой, что дальнѣйшее знакомство съ тѣсною связью его частей разсѣетъ всѣ первоначальныя сомнѣнія насчетъ нѣкоторыхъ ея звеньевъ. И въ самомъ дѣлѣ, подобно естественному произведенію, и этотъ взглядъ на природу способенъ еще къ богатому преобразовательному развитію. Только весьма недостаточное знакомство съ его духомъ могло видѣть въ примѣняемыхъ имъ доселѣ основныхъ началахъ вполнѣ законченный и далѣе уже неразширимый кругъ всѣхъ возможныхъ воззрѣній.

Сравнительно съ безконечнымъ разнообразіемъ ежедневно окружающихъ насъ естественныхъ событій, физика, напротивъ знаетъ очень хорошо, что она успѣла покорить себѣ вполнѣ только весьма немногіе ихъ участки. Физика знаетъ, что общія начала, которыми она пользуется, выведены отчасти изъ тѣхъ особенныхъ формъ, въ какія облекается природа на немногихъ, ближе извѣстныхъ намъ, окраинахъ; она чувствуетъ, что съ каждымъ новымъ звеномъ опыта, входящимъ по мѣрѣ полнѣйшаго изученія, въ общую цѣпь нашихъ розысканій, снова возникаетъ и потребность давать прежнимъ основамъ ея взглядовъ болѣе общее и широкое выраженіе. На пути этого саморазвитія рѣдко случается ей поступаться тѣмъ, что она однажды прочно установила; но чаще бываетъ, что законы, которыхъ силу оставляетъ она неприкосновенною по-прежнему, оказываются потомъ только особенными случаями болѣе общихъ началъ, тутъ и открывающихся ея взору. Такимъ образомъ настоящее естествовѣдѣніе никогда не обнаружитъ той жалкой поспѣшности, съ какою такъ часто торопятся объяснить всѣ явленія по образцу тѣхъ, которыя особенно освѣщены для насъ или случаемъ, или извѣстной ступенью наблюденія въ данную минуту. Въ этомъ текущемъ образованіи науки намъ должно выставить только тѣ немногія точки, которыя она дѣйствительно выдаетъ за необходимыя и общезакон-

Digitized by Google

ныя; относительно же прочихъ довольно будетъ узнать ту степень вѣроятности, какую она сама приписываетъ имъ, не простирая своихъ притязаній дальше.

Рядомъ съ помянутымъ нами убѣжденіемъ о всеобщей законной связи міра, духъ механическаго воззрѣнія на природу существенно отличается еще одною чертой: непрестанною заботливостью, съ какою для каждаго приводимаго имъ дѣйствія ищетъ оно въ точности опредѣлить элементы, производящіе это дѣйствіе или подлежащіе ему. Въ прежнее время не всегда соблюдалась такая осторожность. Говорили о совершающихся дѣйствіяхъ, не говоря о томъ, кто именно ихъ производитъ; толковали о дѣятельностяхъ, не упоминая, отъ кого онѣ идутъ и на кого направлены; къ многосложнымъ пластическимъ образованіямъ, обнаруживавшимъ въ себѣ тму различныхъ частей, относили огуломъ и цѣликомъ такія силы, такіе процессы развитія и дѣятельности, которые являлись въ этихъ образованіяхъ какъ-бы вполнѣ неопредѣленно,—напримѣръ электрическіе разряды въ облакахъ, видимые только своимъ блескомъ, но не обнаруживающіе въ точности, откуда они собственно исходятъ. Строгости, съ какою новѣйшая наука избѣгала этой ошибки, обязана она всѣмъ своимъ успѣхомъ. Стараясь каждый элементъ, рождающій какое-нибудь дѣйствіе, тщательно опредѣлить по относительному положенію его къ другимъ элементамъ и по всѣмъ тѣмъ обстоятельствамъ, въ какихъ находился онъ въ моментъ своей дѣятельности, она успѣла не только узнать дѣйствія вещей по ихъ общимъ видоочертаніямъ и по внѣшнимъ примѣтамъ, но и связать величину этихъ дѣйствій, ихъ направленіе и продолжительность, равно какъ и вліяніе ихъ въ ту или другую сторону, съ законами опредѣленной мѣры. Тѣмъ самымъ превзошла она ту низшую точку зрѣнія, на которой останавливаются по большой части и до сихъ поръ обсужденія процессовъ духовнаго развитія. Послѣ мел-

Digitized by Google

ихъ попытокъ объяснить общій ходъ исторіи и все, что цѣнно въ ея событіяхъ, изъ трезваго, тощаго произвола отдѣльныхъ лицъ, теперь предпочитаютъ опять выводить изъ всеобщаго духа и безсознательно-органической его дѣятельности различныя состоянія общественнаго быта, религіозныя настроенія и измѣнчивыя направленія искусства. Прекрасные плоды, которыми одолжены мы этимъ трудамъ, ничего не утратятъ отъ сознанія, что исторіи все же вѣдь не обойдтись безъ одушевленныхъ личностей или личныхъ духовъ, и что точнѣйшее наблюденіе познаетъ во всеобщемъ духѣ только то однообразное конечное направленье, которое отдѣльныя личности принимаютъ подъ вліяніемъ общезаконныхъ условій и благодаря взаимнодѣйствіямъ человѣческаго общежительства. Не то, чтобъ всѣ прекрасныя и знаменательныя формы естественнаго и историческаго существованія были чистымъ порожденіемъ фактически-предшествовавшихъ обстоятельствъ; напротивъ, идеальное содержаніе, которое находимъ мы осуществленнымъ въ мірѣ, было, пожалуй, и побудительною первопричиной къ опредѣленному порядку вещей, постоянно возрождающему передъ нами этотъ идеалъ, какъ необходимое его слѣдствіе. Но вездѣ, гдѣ рѣчь идетъ не о достоинствѣ возникшаго существа, но о возможности его возникновенія и о томъ, какъ именно оно произошло, взоръ непремѣнно обратится всегда къ особымъ реальнымъ элементамъ, которыхъ правильнымъ взаимнодѣйствіемъ обусловливается возникновеніе всего сущаго. А потому и исторія, и естествовѣдѣніе всегда будутъ выводить не только нарожденіе каждаго новаго состоянія, но и поддержку уже существующаго, изъ взаимнаго соотношенія многихъ одиночныхъ, особыхъ элементовъ, которые одни даютъ идеѣ возможность дѣйствительнаго осуществленія.

Неизбѣжно попавъ на этотъ путь изслѣдованія, наука дол-

Digitized by Google

жна была попытаться отыскать тѣ первоисходныя точки всякихъ дѣйствій, которыя, при совершенной простотѣ и неизмѣнности, слагаютъ изъ себя разнообразный ходъ природы, внося въ него всегда одинакія, а потому и предрасчислимыя доли своего участія. То, что̀ всего прежде предстаетъ непосредственному наблюденію въ видѣ замкнутаго въ себѣ единства,—легкоподвижная фигура животнаго или рѣзко очеркнутая форма растенія, все это, какъ оказалось изъ процесса его жизни, основано и въ существованіи своемъ и въ своихъ дѣеспособностяхъ на извѣстной связи частей, и какъ скоро рушится эта связь, существо опять исчезаетъ. Безжизненныя тѣла, при раздѣлимости ихъ на однородныя составныя части или при очевидности разнородныхъ частей въ составѣ ихъ, еще скорѣе оказываются такими соединеніями, которыхъ свойства зависятъ отъ природы, количества и силъ вошедшихъ въ нихъ элементовъ. Но попытка отыскать самые эти элементы скоро убѣдила въ томъ, что простыя и неизмѣнныя частицы вещей вообще недоступны чувственному созерцанію. Что̀ въ малѣйшемъ пространствѣ представляется чувствамъ въ видѣ однороднаго и постояннаго элемента, то самое, при дальнѣйшемъ успѣхѣ опыта, или оказывается измѣнчивымъ, или снова распадается передъ вооруженнымъ глазомъ въ цѣлый разнообразный міръ, и опять мы видимъ здѣсь несмѣтныя количества частицъ, строящихъ своимъ взаимнодѣйствіемъ тѣ мнимые элементы, которые обманываютъ насъ видомъ однообразнаго и внутренно-коснаго существованія. Такимъ образомъ то, чего не даетъ чувственное созерцаніе, надо было предположить въ недоступной ему области и искать послѣднихъ составныхъ частей тѣлеснаго міра въ безчисленныхъ атомахъ, незримыхъ по своей мелкости, несокрушимо-прочныхъ и неизмѣнно-постоянныхъ по свойствамъ. То слагаясь многоразличнѣйшимъ образомъ воедино, то отрѣшаясь въ неизмѣнномъ

Digitized by Google

видѣ отъ этихъ временныхъ сочетаній, порождаютъ они разнообразіемъ своихъ положеній и движеній всѣ возможныя формы естественныхъ существъ и переходчивое ихъ развитіе.

Микроскопическое изслѣдованіе, столь часто разрѣшающее намъ однородное съ виду вещество въ связное сплоченіе частицъ болѣе или менѣе разнообразныхъ, повидимому всего скорѣе благопріятствуетъ наклонности представлять себѣ дѣйствующіе элементы всякаго тѣла распредѣленными по разнымъ точкамъ пространства, а свойства не столь мелкихъ, уже ощутительныхъ для насъ, тѣлъ поставлять въ зависимость отъ способа сопряженія частицъ ихъ между собою. Но задолго до изобрѣтенія микроскопа уже глубокая древность выработала эту мысль, руководимая такими соображеніями, которыхъ сущность отчасти и донынѣ сохраняетъ свое значеніе. Недостатокъ послѣдовательныхъ, прямо къ этой цѣли направленныхъ, наблюденій помѣшалъ однако древнимъ придать этому воззрѣнію математическую обработку, и оно осталось у нихъ болѣе только общею мыслью о способѣ возможнаго объясненія природы, не приложенною ни къ какому удовлетворительному истолкованію той или другой опредѣленной группы явленій. Но если древніе плохо умѣли воспользоваться плодотворностью своего основоположенія, зато въ другомъ смыслѣ пошли они гораздо далѣе того, чѣмъ хочетъ быть атомистика въ нашей нынѣшней физикѣ. Въ атомахъ они чаяли найти послѣднія и исконныя стихіи всякой дѣйствительности, и то, что мы считаемъ теперь постояннымъ въ ходѣ созданія, то слыло у нихъ за безусловно и истинно сущее, которому не предшествуетъ ни что, тогда какъ само оно, предшествуя всему, есть необходимая и независимая основа всякой твари. Чтобы несмѣтное множество самостоятельныхъ и безсвязныхъ точекъ служило первымъ началомъ существующему міру, и чтобы изъ безпланныхъ, случайныхъ встрѣчъ ихъ возникла связная въ

Digitized by Google

себѣ всецѣлость явленій, — эта мысль всегда будетъ имѣть противъ себя живѣйшее стремленіе духа, жаждущаго развить единство природы изъ одного плана и изъ одного источника. Но это возраженіе, справедливо противопоставляемое нами мнѣнію древнихъ, невѣрно было бы обращать противъ атомистическихъ основаній нашей физики, такъ какъ возобновленіе того мнѣнія отнюдь не въ необходимой связи ни съ ея потребностями, ни съ ея духомъ. Говоря о несокрушимыхъ атомахъ, различныхъ по формѣ и величинѣ, мы думаемъ, съ помощью удачнаго предположенія, только пріумножить новою и особенно плодотворною, хотя и сверхчувственною чертой, рядъ фактовъ, наблюдаемыхъ нами на самомъ дѣлѣ. Что всѣ перемѣны въ ходѣ природы досягаютъ только до рубежа этихъ малѣйшихъ частицъ и, при всѣхъ переворотахъ во внѣшнихъ ихъ отношеніяхъ, оставляютъ ихъ неизмѣнно-исходными точками безпрерывнаго дѣйствія, — въ этомъ фактѣ, на который навели насъ безчисленныя указанія опыта, мы видимъ удачную разгадку одной изъ отличительныхъ чертъ природы, по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, какою она намъ представляется. И этотъ фактъ, подобно другимъ, пожалуй можетъ справедливо подать поводъ къ дальнѣйшимъ вопросамъ о его смыслѣ и происхожденіи. Но естественная наука, озабоченная только объясненіемъ того, что совершается въ предѣлахъ существующаго уже созданія, будетъ права съ своей стороны, останавливаясь на какомъ нибудь послѣднемъ фактѣ, обозначающемъ всеобщую и неотъемлемую черту этого созданія такимъ способомъ, который окажется плодотворнымъ для истолкованія явленій. Неизмѣнные и нераздѣльные, — стало, не по безусловной нерушимости своего существа, но потому, что дѣйствительный ходъ природы не порождаетъ достаточныхъ поводовъ къ ихъ распаденію, — атомы образуютъ неуклонно-твердыя точки для постройки всѣхъ видимыхъ явленій. Отъ какихъ бы тамъ

Digitized by Google

высшихъ условій ни зависѣло ихъ собственное существованіе, при объясненіи однажды данной природы, условія эти можемъ мы оставить въ сторонѣ, такъ какъ они вѣдь постоянно выполняются, никогда не погибаютъ, а потому никогда и не нуждаются въ возстановленіи.

Что намъ затѣмъ думать о самой природѣ атомовъ, это можно рѣшить только по указаніямъ опыта, которыя вообще вынуждаютъ насъ принимать ихъ существованье, и многое въ этомъ отношеніи разъяснитъ намъ еще будущность. Безпредубѣжденному соображенію всего ближе выводить различныя свойства видимаго изъ различныхъ же свойствъ мельчайшихъ элементовъ; но естественный интересъ науки — сводить пестрое разнообразіе явленій къ возможно меньшему числу первобытноразныхъ началъ. И въ самомъ дѣлѣ, изслѣдованіе скоро научаетъ насъ, что многія существенныя на видъ несходства между вещами зависятъ только отъ разности въ величинѣ и способѣ сочетанія однородныхъ впрочемъ составныхъ частей; при всемъ томъ упорство, съ какимъ многія произведенія природы отстаиваютъ, среди самыхъ перемѣнныхъ условій, свои характеристическія отличія отъ другихъ, можетъ затруднить насъ въ попыткѣ объяснить изъ совершенно равныхъ и однородныхъ атомовъ, единственно лишь разнообразіемъ ихъ сопряженій, всѣ уклоненія въ формѣ тѣлъ и всѣ особенности соотношеній ихъ между собою. Впрочемъ, ни какой высшій взглядъ, кажется, и не требуетъ этой одинаковости атомовъ; ибо единство вселенной состоитъ не въ тождествѣ ея первоначальныхъ составныхъ частей, но исключительно лишь въ томъ, что различныя части пріурочиваются къ смыслу единаго всеобъемлющаго плана.

Въ атомистикѣ древнихъ господствовала эта мысль о существенномъ тождествѣ мельчайшихъ элементовъ; и какъ цѣль объясненія природы все-таки требовала различій между

Digitized by Google

ними, то древніе искали этихъ различій единственно въ разнообразіи формъ и величинъ, будто бы присущихъ атомамъ. Но совершенно одинаковое вещество повидимому требовало одинаковой формы и одинаковой величины повсюду; а потому они и попали на мысль воображать себѣ самые атомы составленными еще изъ мельчайшихъ, однородныхъ и равной величины, частичекъ, а формы ихъ зависящими отъ относительнаго сплоченія этихъ частицъ. Такимъ образомъ атомы были уже собственно не простые элементы, но нераздѣльныя системы многихъ частицъ. И все-таки же они, а не частицы эти, считались элементами кругооборота природы. Потому что на сопряженія мельчайшихъ первочастицъ въ болѣе крупныя и разноформныя фигуры атомовъ смотрѣли какъ на вѣчные и неотмѣнные факты, которыхъ начало внѣ существующаго мірозданія, а потому и внѣ круга естествознательныхъ изслѣдованій. Теперь, когда мірозданіе однажды существуетъ, всѣ взаимнодѣйствія продолжающагося въ немъ кругооборота природы могутъ только разрѣшить видимыя тѣла на атомы, но отнюдь не разнять и послѣдніе на однородныя ихъ первочастицы. Допустить такое необъяснимое, предвѣчное сложеніе атомовъ замѣчательная система эта вынуждается однакожь только своимъ собственнымъ предположеніемъ о совершенной однородности мельчайшихъ первочастицъ. Потому что въ самомъ дѣлѣ тутъ нельзя уже было отыскать никакой причины, почему ни одной изъ возникающихъ въ природѣ силъ не удалось бы порушить опредѣленную связь первочастицъ въ извѣстномъ атомѣ и привести ихъ въ иную форму сочетанія, какую имѣютъ онѣ въ другомъ, различномъ отъ перваго атомѣ, и которая потому именно, что она здѣсь осуществлена, не можетъ сама по себѣ быть противна природѣ тѣхъ частичекъ. Другое дѣло, еслибъ мы возобновили представленіе древнихъ такимъ образомъ, что допустили бы къ соединенію въ атомы не однородныя, а на-

Digitized by Google

противъ существенно различныя составныя части. Каждый изъ такихъ атомовъ могъ бы тогда быть нераздѣльнымъ, такъ какъ между составными частями каждаго господствовало бы особое сродство, неодолимое ни для какого другаго, и каждый обладалъ бы въ то же время опредѣленной величиною и формою, ибо только при ограниченномъ числѣ частей и при извѣстномъ ихъ сплоченіи взаимная связь ихъ пріобрѣтала бы на столько прочности, чтобы не дать выдѣлиться ни одной. И этого рода образованія, по нерушимости своей заслуживающія имени атомовъ, были бы также не послѣдними и простѣйшими элементами тѣлеснаго міра; они были бы только послѣдними изъ тѣхъ, до которыхъ восходятъ измѣненія въ природѣ, и которыя, при всѣхъ сочетаніяхъ и разъединеньяхъ, удерживались бы въ качествѣ неизмѣнныхъ составныхъ частей.

Легко сообразить, что этотъ способъ представленія дозволяетъ намъ вмѣстѣ съ тѣмъ оставлять въ сторонѣ пространственный объемъ первочастичекъ и смотрѣть на нихъ какъ на сверхчувственныя существа, которыя съ извѣстныхъ точекъ пространства властвуютъ своими силами надъ опредѣленной мѣрой его протяженія, собственно ни чуть его не наполняя. Взаимнодѣйствіемъ своимъ непротяженныя эти точки опредѣляли бы и свои разстоянія другъ отъ друга, и относительное свое положеніе, при чемъ онѣ такъ же точно и вѣрно описывали бы очерки извѣстной пространственной фигуры, какъ еслибъ занимали всю ея внутренность сплошнымъ своимъ протяженьемъ. Теперь вообразимъ, что съ каждою изъ этихъ реальныхъ точекъ связаны силы притяженія и отпора, дѣйствующія во внѣ; тогда значительныя группы ихъ, противясь вторгающейся силѣ, порождали бы явленіе осязательной тѣлесности, или, отражая свѣтовыя волны, производили бы видъ цвѣтной поверхности, точно такъ же, какъ еслибъ дѣятельныя существа наполняли пространство сплошнымъ собственнымъ

Digitized by Google

протяженіемъ. Физикѣ, для которой мельчайшія части важны лишь какъ средоточія исходящихъ силъ, ни мало не претитъ выводить кажущуюся видимость протяженной матеріи изъ простыхъ существъ, недоступныхъ нашимъ чувствамъ; философское созерцаніе природы будетъ также вынуждено къ этой попыткѣ, потому что только она одна соединяетъ представленіе о простотѣ дѣйствительно-послѣднихъ элементовъ съ равно-необходимою разноформностью а́томовъ, которые мы должны предполагать ближайшими составными частями всего тѣлеснаго.*

Какое бы впрочемъ ни сложилось у насъ понятіе о свойствѣ а́томовъ, существеннѣйшею потребностью всякаго объясненія природы будетъ та, чтобъ найдти общія точки зрѣнія, при которыхъ результаты ея дѣятельности сводились бы къ опредѣленнымъ законамъ. Яснымъ сознаніемъ этихъ коренныхъ основъ для всѣхъ обсужденій своего предмета, новѣйшая наука совершенно отличается отъ атомистики древнихъ, которые, въ попыткахъ своихъ объяснять явленія изъ перемѣнныхъ сочетаній элементовъ, хотя вездѣ предполагали въ тихомолку законы дѣйствія, приглядѣвшіеся намъ во вседневномъ созерцаніи естественныхъ событій, но не выставляли преднамѣренно этихъ началъ и не изслѣдовали предѣловъ законнаго ихъ правомочія. Намъ же, съ нашей стороны, полезна будетъ откровенная исповѣдь, что и наша наука не завершена еще въ этомъ отношеніи и что многими началами своими обязана она только указаніямъ опыта; а какъ новые опыты въ будущемъ могутъ научить ее совсѣмъ иному, то и не слѣдъ ей запираться преждевременно отъ всякаго преобразованія и расширенья.

Неизвѣстною остается для насъ во-первыхъ внутренность а́томовъ. Но какія бы внутреннія состоянія и стремленья мы

* На этотъ важный выводъ, сдѣланный геніальнымъ Лейбницемъ, автору прійдется указать впослѣдствіи не разъ.

Digitized by Google

въ нихъ ни предположили, никогда изъ-за нихъ однихъ ни какое существо не прійдетъ въ движеніе, безъ понуды со стороны отношеній своихъ къ другимъ ему подобнымъ. Вѣдь пространство само по себѣ одинаково объемлетъ отовсюду каждый атомъ, и ни одна точка этого безразличнаго протяженія не имѣетъ такого преимущества передъ другими, чтобы покоящійся атомъ двинулся къ ней только ради ея, или движущійся уклонился для нея отъ своего направленія; ни одна не отвѣчаетъ природѣ атома болѣе другой, такъ, чтобы онъ устремлялся къ ней скорѣе или покидалъ ее медленнѣе. Все покоящееся будетъ до наступленія внѣшнихъ вліяній пребывать въ покоѣ, а все движущееся останется при одинаковомъ направленіи и одинаковой скорости, пока участіе новыхъ дѣйствующихъ причинъ не прекратитъ или не уклонитъ движенія.

Этотъ законъ косности, лежащій въ основѣ всѣхъ сужденій нашихъ о движеніи, обозначаетъ собою однакожъ такой случай, который никогда не встрѣчается въ подобной чистотѣ. Потому что на дѣлѣ движимое всегда состоитъ подъ вліяніемъ тѣхъ внѣшнихъ причинъ, которыя измѣняютъ направленіе и быстроту движенья. Одиночный атомъ объемлется не пустымъ пространствомъ, но такимъ, которое въ несмѣтномъ числѣ точекъ занято другими, подобными или различными атомами. Между всѣми ими, какъ составными частями одного и того же міра, можемъ мы предполагать обоюдную связь бытія другъ для друга, изъ которой исходитъ непосредственное взаимнодѣйствіе ихъ внутреннихъ состояній. Но эти внутреннія жизнедвиженія атомовъ совершенно ускользаютъ отъ нашихъ наблюденій; поэтому не ихъ избираетъ своимъ предметомъ естествознаніе, но одни лишь пространственныя движенія, являющіяся ихъ внѣшнимъ отпечаткомъ и послѣдствіемъ. Между двумя неизмѣнными атомами въ пустомъ пространствѣ это выраженіе внутренняго взаимнодѣйствія ихъ можетъ состоять только въ

Digitized by Google

сокращеніи или удлиненіи обоюднаго ихъ разстоянія. Которое изъ этихъ двухъ явленій наступитъ въ данномъ случаѣ, то-есть, послѣдуетъ ли притяженіе, или оттолкновенье, это зависитъ отъ неизвѣстныхъ внутреннихъ отношеній взаимнодѣйствующихъ а́томовъ и потому можетъ быть найдено только опытомъ. Далѣе, только лишь на совокупномъ впечатлѣніи всѣхъ опытовъ, по крайней мѣрѣ до сихъ поръ, можемъ мы основать то правило, что живость каждаго взаимнодѣйствія убываетъ по-мѣрѣ удаленія другъ отъ друга дѣйствующихъ элементовъ и возрастаетъ по мѣрѣ ихъ сближенія. Какая же собственно мѣра наблюдается ею при этомъ, смотря по перемѣннымъ величинамъ разстоянія, это для каждаго отдѣльнаго случая можно рѣшить только изъ показаній опыта, точно такъ же какъ онъ одинъ открываетъ намъ степень силы, съ какою между двумя атомами опредѣленнаго свойства вообще разовьется притяженіе или оттолкновенье.

Изъ всего вышесказаннаго ясно, что способность или побудъ произвесть извѣстное дѣйствіе никогда не лежатъ въ свойствѣ отдѣльнаго а́тома или отдѣльнаго тѣла совсѣмъ законченными и готовыми. Напротивъ, какъ необходимость всякаго дѣйствія вообще возникаетъ только изъ обоюднаго соотношенія двухъ элементовъ, такъ и рѣшеніе насчетъ того, явится ли одинъ изъ нихъ притягивающимъ или отталкивающимъ, зависитъ столько же отъ природы другаго, на который направляетъ онъ эту дѣятельность; далѣе, величина производимаго каждымъ вліянія частію отмѣривается ему тѣмъ же отношеніемъ его къ особенной природѣ своего противника, частію — разстояніемъ между ними, стало-быть мгновенно-данными обстоятельствами. Хотя, такимъ образомъ, опредѣленная сила дѣйствія прилагается каждому атому собственно въ моментъ его дѣятельности, однакожь естествознаніе обыкновенно считаетъ силу постоянно присущею а́тому. Этимъ, конечно, порождаетъ оно недора-

Digitized by Google

умѣніе у тѣхъ, кто не слѣдитъ за смысломъ этого выраженія въ примѣненіи его къ дѣлу. Потому что тутъ близокъ соблазнъ принять силу, будто бы постоянно присущую веществу, за какое-то новое, но безплотное вещество, за свойство, остающееся однако скрытымъ, за дѣятельность, пребывающую въ покоѣ, или за стремленіе, которому недостаетъ ни сознанія цѣли, ни дѣятельнаго произвола, ни дѣйствительности исполненія. Никто не ощутилъ бы подобныхъ трудностей, еди рѣчь, напримѣръ, о силѣ нашей души, любить или ненавидѣть. Мы знаемъ, что любовь и ненависть не изначала лежатъ у насъ готовыя въ душѣ, поджидая только предметовъ, на которые бы устремиться; обѣ развиваются въ извѣстной мѣрѣ только въ моментъ соприкосновенія нашего существа съ чужимъ. Несмотря на то, мы охотно допускаемъ выраженіе, что сила ненависти и любви въ самомъ дѣлѣ присуща нашему сердцу; мы завѣдомо высказываемъ этимъ только то, что постоянная природа нашей души, какова ни на есть она, подъ вліяніемъ извѣстныхъ условій необходимо будетъ развивать одно изъ этихъ чувствъ. Съ такою же точно законностью выраженія и естествознаніе переноситъ во внутреннее существо тѣлеснаго элемента, какъ заранѣе уже готовую силу притяженія или оттолкновенья, извѣстную дѣеспособность, пріобрѣтаемую имъ только съ наступленіемъ данныхъ условій. Ему нечего бояться, чтобъ это сокращенное выраженіе не ввело его въ ошибки при практическомъ употребленіи; потому что ни какое примѣненіе понятія силы не обходится безъ того, чтобъ настоящая обстановка дѣла, на которой основано это примѣненіе, не указывалась еще и въ другой какой-либо формѣ. Мы говоримъ объ атомахъ не поколику они бездѣйственны, но поколику дѣйствуютъ, и не можемъ говорить ни о какомъ дѣйствіи одного изъ нихъ, не упоминая о другомъ, подлежащемъ этому дѣйствію; мы не можемъ допустить между этими двумя атомами никакого притяженія

Digitized by Google

или оттолкновенья безъ того, чтобъ не представить себѣ извѣстнаго между ними разстоянія въ начальный моментъ дѣйствія и не вывесть изъ него величину обнаружившейся силы по закону, дознанному изъ опыта. Поэтому, для любаго приложенія все равно, скажемъ ли мы, что изъ внутреннихъ соотношеній элементовъ между собою для каждаго возникаетъ понуда къ извѣстной формѣ и величинѣ дѣйствія только въ самый тотъ моментъ, подъ вліяніемъ данныхъ обстоятельствъ, или скажемъ, что изъ многихъ силъ, готовыхъ, но бездѣйственно дремлющихъ въ атомѣ, ежемгновенно достигаетъ проявленія только та, которая въ данныхъ тогда обстоятельствахъ находитъ условія своего пробужденія и проявленья. Но физика безспорно имѣла основаніе предпочесть послѣднюю форму выраженія, какъ болѣе удобопримѣнимую къ дѣлу.

Еслибъ внутреннія состоянія, которыя каждый атомъ можетъ-статься испытываетъ въ моментъ своего дѣйствія, оставляли природу его измѣненною до того, что на одинаковое позднѣйшее побужденіе онъ воздѣйствовалъ бы не такъ, какъ на прежнее, тогда мы не могли бы говорить о постоянно-присущихъ, присныхъ ему силахъ. Но опытъ вообще не обнаружилъ намъ подобной измѣнчивости. Химическій элементъ, вступая въ тѣ же соединенія то съ однимъ, то съ другимъ элементомъ и потомъ выдѣляясь изъ этихъ соединеній, оказываетъ напослѣдокъ тѣ же самыя свойства, какія имѣлъ онъ при вступленіи въ первое соединеніе. А гдѣ, повидимому, бываетъ иначе, причина мгновенной перемѣны свойствъ лежитъ въ продолжающемся еще дѣйствіи того процесса, какимъ сопровождалось послѣднее его выдѣленіе. Поэтому, сколько бы ни пережилъ атомъ разныхъ состояній, онъ все-таки выходитъ изъ перемѣнныхъ положеній своихъ совершенно тѣмъ же и не пріобрѣтаетъ никакихъ новыхъ навыковъ, подобныхъ развивающимся въ любомъ многосложномъ организмѣ, а равно

Digitized by Google

не оказывается въ немъ ни малѣйшаго слѣда памяти, при которой прошлыя его состоянія могли бы отчасти располагать образъ его дѣйствій въ будущемъ. Характеръ дѣятельности его можно, стало-быть, опредѣлить заранѣе, если мы только знаемъ первоначальную его природу и совокупность всѣхъ дѣйствующихъ въ тотъ моментъ условій, такъ что нѣтъ никакой нужды обращать вниманіе на ходъ исторіи, пережитой имъ въ промежуткѣ двухъ состояній. Этотъ постоянный возвратъ къ одинаковой дѣятельности при одинакихъ условіяхъ собственно и составляетъ то, въ чемъ полагаемъ мы неизмѣняемость вещественныхъ атомовъ. Вѣдь мы не въ правѣ утверждать, что природа ихъ вообще никогда не испытываетъ перемѣны своихъ внутреннихъ состояній; но дѣло въ томъ, что перемѣны эти исчезаютъ для насъ вполнѣ, по крайней мѣрѣ относительно вліянія ихъ на внѣшнюю дѣятельность, съ прекращеніемъ внѣшнихъ своихъ условій, и всегда, когда послѣднія воротятся вполнѣ къ одному изъ прежнихъ своихъ распорядковъ, и самъ атомъ возвращается къ тому именно состоянію, которое соотвѣтствовало этому распорядку,—возвращается съ полной живостью и вступаетъ опять тою же самой силою или тою же самой тяжестью, какъ и прежде, въ игру дальнѣйшихъ взаимнодѣйствій.

Наше познаніе явленій совсѣмъ не такъ объемчиво и глубоко, чтобы намъ отважиться прямо выдавать эту неизмѣнность за рѣшительно-общее свойство всѣхъ элементовъ природы. Конечно, дѣло возможное, что въ тѣхъ областяхъ ея, которыя мы только еще начинаемъ изслѣдовать, окажутся признаки поступательнаго внутренняго развитія атомовъ. Но во-первыхъ весь досельный опытъ еще не далъ намъ почувствовать необходимости такого предположенья, а потомъ и вообще легко сообразить, что, по крайней мѣрѣ въ извѣстныхъ предѣлахъ, неизмѣнность элементовъ всегда должна сохранить

Digitized by Google

свое значеніе. Вѣдь строй природы, въ которомъ всѣ разряды тварей должны всегда имѣть тотъ же наружный видъ и тотъ же распорядокъ взаимныхъ соотношеній, а ходъ событій или процессовъ — тѣ же общія очертанія, — такого рода строй былъ бы вполнѣ немыслимъ при постоянной измѣнчивости самыхъ элементовъ, изъ которыхъ вовѣки должно возрождаться именно это разнообразіе, а не какое-либо другое. Можетъ статься, вся природа совершаетъ и въ самомъ дѣлѣ поступательное развитіе, но по свидѣтельству опыта постоянство ея все же таково, что всѣ исторически-доступныя намъ эпохи ея существованія понятны для насъ только при предположеніи неизмѣнныхъ элементовъ, которые, пробѣжавъ замкнутый кругъ извѣстныхъ внѣшнихъ условій, возвращаются къ первоначальному состоянію своего существа и даютъ опять прежніе поводы къ возобновленію того же самаго кругооборота.

Если предположеніе это доставляетъ намъ самую общую основу для предопредѣленія грядущихъ дѣйствій, то опытъ точно такъ же подтвердитъ обширную правомочность другаго предположенія, по которому мы обсуждаемъ результаты, исходящіе для каждаго простаго элемента изъ совокупнаго дѣйствія многоразличныхъ условій. Движеніе, въ какомъ уже находится извѣстный атомъ, не мѣшаетъ намъ допустить другое; не упираясь или уступая только отчасти, но, напротивъ, въ полной мѣрѣ повинуется атомъ и этому другому побужденію, какъ будто бы и не было въ немъ прежняго движенья, и быстрота, пріобрѣтаемая имъ въ общемъ итогѣ, есть полная сумма частныхъ скоростей, сообщаемыхъ ему этими разными силами въ одномъ и томъ же направленьи. Если мы представимъ себѣ силы эти совершенно равными между собою и соединимъ ихъ мысленно, какими бы то ни было числовыми группами, въ извѣстную совокупность силъ,

Digitized by Google

которыхъ величину опредѣлимъ потомъ по числу простыхъ и равномѣрныхъ толчковъ, приходящихся на каждую, тогда изъ всего сказаннаго легко вывесть положеніе, что скорости, сообщаемыя разными силами одному и тому же элементу, содержатся между собою какъ величины самихъ производящихъ силъ. Далѣе, если постоянно-дѣйствующая сила возобновляетъ каждое мгновеніе тотъ же самый толчокъ, какой давала она въ предыдущее, тогда порождаемая скорость будетъ съ теченіемъ времени возрастать постояннымъ присовокупленіемъ позднѣйшихъ толчковъ къ продолжающимся по закону косности прежнимъ, и движеніе перейдетъ въ ускоренное, какое, напримѣръ, при паденіи тѣлъ происходитъ отъ земнаго притяженья. Наконецъ, если разныя силы, разныхъ скоростей и направленій, попытаютъ двигать одновременно одинъ и тотъ же элементъ, то онъ и здѣсь отнюдь не станетъ повиноваться только одной изъ нихъ, уклоняясь отъ прочихъ, но будетъ удовлетворять всѣмъ вмѣстѣ побужденіямъ. Къ концу извѣстнаго промежутка времени, благодаря совокупному вліянію двухъ разныхъ силъ, элементъ будетъ на томъ же мѣстѣ, куда бы пришелъ онъ въ томъ случаѣ, еслибъ, повинуясь обѣимъ порознь, сперва двигался по направленію одной, а потомъ, въ такой же промежутокъ времени, отъ достигнутаго имъ теперь мѣста, пошелъ по направленію другой. Если, на основаніи того же предположенія, мы захотимъ отыскать мѣста, на которыхъ движимое находилось къ концу первой, второй и любой слѣдующей за тѣмъ безконечно малой доли того промежутка времени, то соединяющая эти точки линія обозначитъ собою прямой или криволинейный путь, дѣйствительно пройденный элементомъ подъ совокупнымъ вліяніемъ обѣихъ силъ, на него дѣйствовавшихъ. Линія эта сожмется въ одну точку, и элементъ пребудетъ въ совершенномъ покоѣ, когда равны между собою суммы силъ, побуждающихъ его въ противоположныя направленія.

Digitized by Google

Наконецъ, если есть необходимость взаимнодѣйствія промежъ двухъ элементовъ, то оно произойдетъ точно такъ же и тогда, когда одному изъ нихъ противопоставить не одинъ лишь другой, но многіе, и притомъ, все равно, порознь или заразъ. Воспріимчивость къ взаимнодѣйствію и тутъ не оказывается истощимою въ томъ смыслѣ, чтобы одинъ элементъ долженъ былъ простирать свое вліяніе непремѣнно только на извѣстное число другихъ, или раздѣлять величину его только между ними. Напротивъ, каково бы ни было количество этихъ его противниковъ, между нимъ и каждымъ изъ нихъ порознь взаимнодѣйствіе разыгрывается точно такъ, какъ еслибы всѣхъ остальныхъ не существовало вовсе. Каждому изъ нихъ даетъ и отъ каждаго принимаетъ элементъ ту скорость, которая вообще соотвѣтствуетъ взаимнодѣйствію между атомами именно такого рода. Поэтому онъ столько же разъ собираетъ въ себѣ эту скорость, сколько въ массѣ его противника соединяется равныхъ ему элементовъ, и каждому изъ нихъ, въ его очередь, сообщаетъ онъ ту же скорость одинъ разъ. Такимъ образомъ, если величиною движенія назовемъ мы произведеніе скорости, помноженной на число однородныхъ движимыхъ частей или на ихъ массу, то каждый изъ двухъ членовъ взаимнодѣйствующей пары получаетъ одну и ту же величину движенія, каждый, стало-быть, такую скорость, которая возрастаетъ тѣмъ болѣе, чѣмъ больше его противникъ и чѣмъ менѣе его собственная масса. Этотъ законъ равенства дѣйствія и противодѣйствія, въ связи съ предыдущимъ, дозволяетъ намъ опредѣлять пути, которые неравныя величиною массы, будь онѣ первоначально въ покоѣ или въ движеніи, предписываютъ другъ другу обоюдными своими силами.

Всѣ эти правила обсужденія многосложныхъ естественныхъ процессовъ опираются на то всеобщее предположеніе, что взаимнодѣйствіе между однимъ элементомъ и другимъ не оказы-

Digitized by Google

ваетъ ни какого вліянія на законъ, по которому онъ долженъ въ то же время вступить во взаимнодѣйствіе и съ третьимъ. Не образъ дѣйствія каждой силы порознь, но только результатъ ея измѣняется встрѣчею съ другими, одновременно дѣйствующими, силами, потому что, въ результатѣ, противоположныя побужденія различныхъ силъ, которымъ одинъ и тотъ же элементъ не можетъ слѣдовать въ одно время, дѣйствительно должны упраздняться одно другимъ, а всѣ остальныя слагаться въ одну среднюю, общую имъ, дѣятельность. Предположеніе это всего проще и всего благопріятнѣе для опредѣленія разультатовъ, порождаемыхъ совокупнымъ дѣйствіемъ многихъ условій, такъ какъ оно дозволяетъ вычислить дѣйствіе каждой силы сперва порознь, безотносительно къ другимъ, а потомъ связать найденные частные результаты въ одинъ общій, окончательный итогъ. Далѣе, той же основной мысли пришлось бы намъ держаться и въ такомъ случаѣ, когда силы, разныя не только по величинѣ, но и по качеству, повстрѣчались бы, напримѣръ, одновременно на одномъ и томъ же атомѣ. И здѣсь слѣдовало бы предположить, что встрѣча ихъ не измѣняетъ отдѣльныхъ законовъ, по которымъ данный элементъ воздѣйствуетъ на каждую изъ нихъ порознь или самъ подлежитъ ея дѣйствію; только въ результатѣ упразднились бы и здѣсь тѣ противоположныя побужденья, которыя каждая изъ различныхъ силъ стремится одновременно придать общему предмету ихъ дѣятельности. Но мы не могли бы въ самомъ дѣлѣ показать, далеко ли простирается правомочность такого представленія. Вѣдь безразличіе, съ какимъ разныя силы дѣйствуютъ рядомъ въ одномъ и томъ же элементѣ, не увлекая другъ друга къ перемѣнѣ своего стремленія, не составляетъ же само по себѣ необходимаго предположенья; напротивъ, между многими статочными предположеніями оно можетъ слыть за менѣе вѣроятное. Если двѣ личности связаны между собой

Digitized by Google

взаимнымъ расположеніемъ, и если каждая изъ нихъ состоитъ въ равно дружественномъ отношеніи къ третьей, то не всегда приступленіе къ нимъ третьей личности оставляетъ чувство первыхъ другъ къ другу неизмѣннымъ; часто прежнюю пріязнь ихъ превращаетъ оно во вражду, или двѣ сперва разрозненныя личности сближаются въ дружный отпоръ третьей. Этотъ примѣръ, изъ совершенно чуждой области, не представляетъ можетъ-быть ни какого болѣе глубокаго сходства съ занимающимъ насъ простымъ случаемъ, но онъ наглядно поясняетъ то, что̀ мы можемъ теперь выразить вообще уже безъ всякаго уподобленья. Представимъ себѣ, что взаимнодѣйствія вещей не примкнуты къ нимъ снаружи, но, какъ и слѣдуетъ, что они зависятъ отъ перемѣнъ ихъ внутреннихъ состояній, или по крайней мѣрѣ сопровождаются такими перемѣнами: тогда каждый элементъ, въ моментъ своего дѣйствія, въ сущности будетъ вѣдь не тѣмъ, чѣмъ былъ онъ прежде или послѣ. Конечно, можетъ быть, что законъ, по которому изъ бездѣйственнаго состоянія онъ вступилъ во взаимнодѣйствіе съ другимъ, и теперь останется въ силѣ для дѣятельнаго уже элемента; такъ какъ перемѣна внутренняго состоянія, связанная съ его дѣйствіемъ, не необходимо должна затрогивать тѣ черты его существа, на которыхъ основано подчиненіе его тому закону. И тогда, согласно упомянутому предположенію, всякое новое взаимнодѣйствіе начинается точно такъ, какъ если бы прежняго не существовало вовсе. Но, конечно, вообще, можно равнымъ образомъ допустить, что однажды вызванная дѣятельность такъ существенно измѣняетъ внутреннее состояніе дѣйствующаго элемента, что затѣмъ онъ уже не можетъ болѣе вліять на другой элементъ по прежнему закону своей дѣятельности. Ибо силы, какъ мы видѣли, не суть такія нерушимыя особенности, которыя были бы всегда присущи свойству элемента, не смотря ни на какія обстоятельства; и сами онѣ, и

Digitized by Google

ихъ законы суть только выраженія тѣхъ побудовъ къ взаимнодѣйствію, которые возникаютъ для вещей только изъ ихъ же взаимныхъ отношеній. Измѣнятся внутреннія состоянія вещей, — съ ними могутъ измѣниться и эти отношенія, причемъ разовьются побужденія къ новымъ, инаковымъ дѣйствіямъ, а слѣдовательно новыя силы и новые законы силъ. Поэтому мы безспорно должны допустить возможность положенія, что законъ дѣйствія извѣстной простой силы, законнымъ же, конечно, образомъ, измѣняется и самъ вмѣстѣ съ перемѣной внутреннихъ состояній носителя этой силы.

Правда, что въ предѣлахъ, понынѣ доступныхъ точной теоріи, едва ли обнаруживались хоть только признаки намека на практическую важность этого общаго соображенія; а потому неизмѣнность законовъ дѣйствія, на сколько она для насъ очевидна, должны мы принимать за одинъ изъ тѣхъ фактовъ опыта, которыми поясняются основныя черты міростроенья: но намъ отнюдь не слѣдъ видѣть въ ней необходимый самъ по себѣ уставъ, непремѣнно долженствующій царить во всякой природѣ, или даже и въ той, которая окружаетъ насъ, имѣть безпредѣльное значеніе. Тѣмъ менѣе можемъ мы дозволить себѣ переносить его тихомолкомъ въ область духовной жизни, какъ будто бы онъ имѣлъ право, безъ особеннаго подтвержденія опытомъ, слыть общею нормой для всѣхъ возможныхъ ступеней и процессовъ бытія. Наконецъ, едвали нужно прибавлять что вообще рѣчь о немъ можетъ быть только вразсужденіи тѣхъ простыхъ силъ, которыя мы постоянно приписываемъ природѣ каждаго элемента въ отношеніи его къ другому. Совокупныя же дѣйствія соединеній бо́льшаго числа элементовъ, разумѣется, зависятъ отъ особаго рода связи этихъ составныхъ частей, и тутъ ни какъ нельзя вывесть общее правило для тѣхъ измѣненій, которыя силы эти могутъ испытать, благодаря разнообразнѣйшей перетасовкѣ связанныхъ между собою

Digitized by Google

элементовъ. Многое въ такой сложной системѣ атомовъ можетъ невозвратно сгинуть отъ вліяній со стороны, и возвратъ однихъ и тѣхъ же внѣшнихъ условій, пожалуй, не возвратитъ системѣ способности къ тому самому воздѣйствію, какое оказывала она при подобныхъ условіяхъ прежде. Въ простыхъ элементахъ мы, напротивъ, не допустили бы подобной убыли, и даже послѣдуй упомянутая перемѣна въ ихъ образѣ дѣйствія, мы все-таки продолжали бы предполагать, что каждому повторенію вполнѣ одинаковой встрѣчи внѣшнихъ условій соотвѣтствуетъ и возвратъ тѣхъ же самыхъ законовъ дѣйствія.

Вотъ на какихъ основаніяхъ наука развила свои объяснительные выводы о процессахъ природы, подчиняя этимъ общимъ началамъ извѣстныя сочетанія условій, подходящія какъ можно ближе къ обстоятельствамъ, которыя представляетъ намъ опытъ, и соображая, какіе именно результаты должны произойдти отъ данныхъ силъ при этихъ условіяхъ. Такимъ путемъ достигла она отчасти полнаго разъясненія нѣкоторыхъ группъ явленій, а тамъ, гдѣ крайняя многочисленность совмѣстныхъ условій слишкомъ затрудняла непосредственное ихъ вычисленіе, она дошла по крайней мѣрѣ до общихъ соображеній, которыми ожидаемые результаты замыкаются въ извѣстный, обозримый для насъ, предѣлъ. Такъ, изъ равенства дѣйствія съ противодѣйствіемъ легко было развить тотъ выводъ, что внутреннія взаимнодѣйствія сложной системы массъ могутъ, правда, измѣнить ея форму, но не мѣсто ея въ пространствѣ, или что при всѣхъ внутреннихъ перемѣнахъ этой системы центръ тяжести ея все-таки останется въ покоѣ, если онъ былъ въ покоѣ передъ этимъ, или если онъ только продолжаетъ прежнее свое движеніе, не измѣняя ни направленія, ни скорости. Всякое перемѣщеніе, вызываемое собственными силами какого-либо тѣла, предполагаетъ поэтому взаимнодѣйствіе его съ чѣмъ-нибудь внѣшнимъ, служащимъ ему

Digitized by Google

точкою опоры или преградой, опредѣляющей его направленіе. Обсужденіе жизненныхъ условій, къ которому хочется намъ поспѣшить, отнюдь не вынуждаетъ насъ входить въ эти частныя подробности физико-динамики; оно только подаетъ намъ поводъ присовокупить еще нѣсколько замѣчаній насчетъ способовъ воззрѣнія на эту часть науки.

Въ духовной жизни нашей величина многихъ дѣятельностей оказывается зависимою отъ времени: интересъ чувства къ предметамъ, ясность представленій, сила воли, — все это со временемъ, повидимому, ослабляется, безъ помо и новыхъ возбужденій. Поэтому обыкновенное мнѣніе считаетъ самымъ вѣроятнымъ, что всякое вообще дѣйствіе, а слѣдовательно и проявленіе всякой естественной силы, подлежитъ такому же постепенному утомленью. Что сообщенное однажды движеніе прекращается наконецъ само собой, долго оставалось общепринятымъ предположеньемъ, и когда законъ косности противосталъ ему впослѣдствіи, онъ показался какимъ-то страннымъ открытіемъ науки. Вѣдь разумѣется, не само время постепенно изводитъ силу дѣятельности и въ духѣ, но разные постоянно скрещивающіеся въ немъ процессы мѣшаютъ своими взаимными вліяніями безущербному продолженію каждаго изъ нихъ порознь. Въ простыхъ элементахъ природы или нѣтъ этой множественности внутреннихъ состояній, или она вовсе не обнаруживаетъ подобнаго дѣйствія; ибо на сколько можемъ мы обозрѣть исторію естественныхъ явленій, силы равныхъ массъ всегда были однѣ и тѣ же. Ни одна изъ нихъ не убываетъ и не прибываетъ только потому, что она уже нѣкоторое время была въ дѣйствіи, и какъ рѣшительно ни одна не испытываетъ утомленья, такъ ни одна же, чрезъ повторительную работу, не пріобрѣтаетъ и навыка къ болѣе совершенной дѣятельности. Поэтому источникъ всякой дѣеспособности, возникающей гдѣ-либо передъ нами вновь, мы должны искать въ

Digitized by Google

новой обстановкѣ измѣнчивыхъ обстоятельствъ, которая или удалила съ пути вѣчно одинаковыхъ силъ задерживавшія ихъ препятствія, или даровала имъ недостававшія прежде благопріятныя условія ихъ проявленья; для всякаго кажущагося намъ исчезновенія силы должны мы точно такъ же искать основанія въ перемѣнѣ взаимныхъ отношеній дѣйствующихъ массъ, которыя или прекращаютъ дальнѣйшее проявленіе ея своимъ отпоромъ, или дѣлаютъ его незамѣтнымъ для насъ, распредѣляя одну и ту же величину дѣйствія на возрастающій кругъ предметовъ. Итакъ, для всякаго объясненія позднѣйшаго состоянія вещи, необходимо брать въ разсчетъ продолженіе прежняго съ тою величиной, какую имѣетъ оно въ данную минуту, и сверхъ-того сумму всѣхъ вновь-наступившихъ обстоятельствъ, какъ другое соусловіе новоявленнаго результата.

Очевидно, какъ путемъ этихъ разсужденій мы необходимо пришли къ тому, чтобы всякую перемѣну въ образѣ дѣйствія, всякую разнохарактерность развитія и всю многосторонность проявленій, какія мы замѣчаемъ въ естественномъ произведеніи, возводить отчасти къ внутреннимъ движеніямъ, которыми постоянно преобразуется строй его собственныхъ частей, отчасти же къ тѣмъ измѣнчивымъ соотношеніямъ, которыми связано оно съ внѣшнимъ міромъ. Но почти все, чѣмъ природа возбуждаетъ въ насъ къ себѣ живѣйшее участіе, принадлежитъ къ этой области измѣнчивыхъ явленій, и между всѣми ими особенно привлекаетъ къ себѣ наше вниманіе органическая жизнь и потомъ всесвязующій порядокъ естественныхъ событій въ цѣломъ. Наукѣ неизбѣжно распространить вышеизложенныя начала своего изслѣдованія и на эти явленія, и столь же неизбѣжно, по крайней мѣрѣ до времени, принять ей на себя видъ, какъ будто бы нигдѣ, передъ взоромъ пытливой фантазіи, не открываетъ она внутренняго существа, ни-

Digitized by Google

гдѣ не обнажаетъ передъ нею настоящей жизни. Ибо, если безпредубѣжденное чувство нашей души именно за то и уважаетъ типъ жизни, что, при всемъ разнообразіи его, оно видитъ въ немъ только связную полноту одного и того же существа, а во всей подвижной многосторонности его развитія— только постепенный ростъ одного и того же завѣтнаго характера: то мы не можемъ отрицать, что наука въ самомъ дѣлѣ уничтожаетъ цѣнность этого прекраснаго типа, слагая отдѣльныя черты его изъ множества разсѣянныхъ условій, не вѣдающихъ другъ о другѣ ровно ничего. Вещи, по ея толкованію, живутъ уже не изнутри себя; пестрою чередою обстоятельствъ навязывается имъ извнѣ какой-то перемѣнчивый процессъ, который мы, правда, величаемъ еще жизнію, но при этомъ не можемъ указать, гдѣ же именно то единство, которое придаетъ внутренній сплавъ цѣлости этому вихрю мчащихся другъ за другомъ явленій. Упрекъ въ чисто-внѣшнемъ, мозаичномъ подборѣ того, что мы, повидимому, цѣнимъ только какъ сразу отлитое произведеніе,— этотъ упрекъ всегда противопоставляли всѣмъ попыткамъ естествословныхъ объясненій, и мы далеки отъ требованія, чтобы его болѣе не дѣлали. Въ то самое время, когда изслѣдованіе успѣвало пробить себѣ многотрудный путь сквозь плетеницу разнообразнѣйшихъ явленій, тутъ-то именно эти укоряющіе голоса и напоминали ему о великихъ цѣляхъ, которыя однѣ придаютъ всѣмъ его усиліямъ человѣческій интересъ; они всегда снова открывали неизмѣримый кругозоръ тамъ, гдѣ удовольствіе, доставляемое успѣшнымъ отчасти отстраненіемъ ближайшихъ затрудненій, готово было привести насъ къ преждевременному окончанію нашихъ поисковъ. Но, признавая самымъ положительнымъ образомъ полноправность такихъ упрековъ, мы все-таки должны присовокупить, что ни одному изъ тѣхъ воззрѣній, которыя всего сильнѣе ими вооружаются, не удалось еще до сихъ поръ, помимо началъ

Digitized by Google

механическаго естествознанія, добиться такихъ же неоспоримыхъ и плодотворныхъ результатовъ, какіе добыты съ помощью этихъ началъ по всѣмъ отраслямъ уясненія природы. А потому, не уклоненіемъ съ пути, котораго держались мы понынѣ, но лишь преслѣдованіемъ его до конца, можно намъ надѣяться удовлетворить и тому завѣтному стремленію духа, которому рѣшительный отпоръ ни сколько не лежитъ въ смыслѣ механическаго естествовѣдѣнія.

Къ упреку, что оно нарушаетъ единство живаго созданія, несправедливо прибавляютъ еще тотъ, будто бы и простые элементы, изъ соединенія которыхъ выводится имъ все сущее, необходимо разсматриваетъ оно какъ безжизненныя, лишенныя внутренняго существа, точки, къ которымъ только извнѣ примыкаетъ разнообразіе всякихъ силъ. Напротивъ, оно воздерживается лишь отъ такихъ положеній, которыя не нужны для достиженія ближайшихъ его цѣлей: тутъ вполнѣ достаточно ему видѣть въ атомахъ только опорныя средоточія исходящихъ и входящихъ дѣйствій. Научась изъ опыта, что внутреннія состоянія атомовъ, если послѣдними и переживается что-нибудь подобное, не обнаруживаютъ ни какого преобразующаго вліянія на законный строй ихъ дѣйствій, мы можемъ исключить эти состоянія изъ соображеній своихъ о явленіяхъ, ни мало не вынуждаясь изгнать ихъ вообще изъ всецѣлости нашего міровоззрѣнья. Напротивъ, дальнѣйшій ходъ пытливаго ума вскорѣ возвратитъ насъ къ мысли, которую мы съ самаго начала положили въ основу нашего изслѣдованія, именно что не къ безжизненному нутру вещей примыкаютъ силы, а возникаютъ изъ нихъ самихъ, изъ глубины ихъ нѣдръ, и что все совершающееся *между* вещами должно напередъ совершиться *внутри* ихъ. Всѣ внѣшніе процессы сочетанія и разрозненья должны поэтому основываться на внутренней жизни или находить въ ней себѣ отзывъ, и если естествовѣдѣніе разнимаетъ единство

Digitized by Google

сложныхъ созданій, то все же каждый отдѣльный элементъ мозаики, которою оно замѣщаетъ его, непремѣнно долженъ быть живою и внутренно-возбужденною точкой. Не сомнѣваюсь, что такого рода наверстка, повидимому единственная, какую мы сначала можемъ предложить, покажется мало того что жалкою, но многимъ даже и невозможною. Предоставимъ дальнѣйшимъ обсужденіямъ ясно показать ея возможность, да вмѣтѣ и то, что значеніе ея гораздо важнѣе, нежели иному повидится на первый взглядъ. Быть-можетъ, мы найдемъ, что и въ другомъ еще смыслѣ доступно для насъ объединеніе распадающихся процессовъ, безъ того чтобъ намъ пришлось отрицать справедливость механическаго естествовѣдѣнія, къ признанію котораго волей или неволей, мы постоянно вынуждаемся вновь и вновь совокупною силой всѣхъ нашихъ наблюденій.

Digitized by Google

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Основа жизни.

Химическое непостоянство тѣла. — Смѣна составныхъ его частей. — Возрожденіе и поддержка его силы. — Гармонія его дѣйствій. — Дѣйствующая идея. — Сообразное цѣли самохраненіе. — Раздражительность. — Машины, строимыя человѣческимъ искусствомъ.

Только мало по малу, даже и въ наше время, изложенныя выше начала нашли себѣ доступъ въ сужденія о живой организаціи. Растеніе, развивающееся очевидно по предначертанному плану, и животное, неизслѣдимое въ своей всеподвижности, раздѣлялись такой широкой бездной отъ оцѣпенѣлости и безрядицы неорганическаго ихъ обиталища, что непосредственное созерцаніе ихъ ни какъ не могло вызывать чувство существеннаго общенія между двумя столь различными областями. Разнообразіемъ своего внутренняго строя, порождающаго изъ себя правильною чередой обиліе самыхъ многоразличныхъ состояній, явленіе жизни подавляло собой воображеніе; повидимому нельзя было сомнѣваться въ томъ, что сфера процессовъ, которыхъ смыслъ и значеніе такъ несравненно превосходятъ все, создаваемое внѣ ея природою и искусствомъ, должна быть несравнима ни съ чѣмъ другимъ и по своему происхожденію или началу. Такъ сложилось представленіе о совсѣмъ особенной жизненной силѣ, котораго существенный смыслъ уже объясненъ нами при другомъ случаѣ, и котораго

Digitized by Google

подробности хотимъ мы изложить теперь въ томъ видѣ, въ какомъ противопоставляются онѣ — и противопоставляются, думаемъ мы, вотще — идущимъ себѣ неуклонно впередъ притязаніямъ механическаго взгляда на природу. Сколь бы ни велика была разность жизни отъ безжизненнаго по тѣмъ мыслямъ, какія призваны они можетъ-быть представлять собою въ мірѣ явленій, тѣмъ не менѣе наукѣ отнюдь не слѣдъ возводить винословную связь осуществленія и поддержки жизни къ законамъ и силамъ, непохожимъ на царящіе въ остальной природѣ, изъ которой развивается все живое и въ которую оно подъ-конецъ возвращается. Пока преобладаетъ эта связь, которую мы и прежде выставляли за рѣшительную точку нашихъ воззрѣній, пока жизнь должна почерпать всѣ средства свои изъ общаго запаса природы и можетъ развиваться только въ предлагаемыхъ природой веществахъ, до тѣхъ поръ всѣми особенностями своего развитія она будетъ обязана только совершенному повиновенію своему законамъ общаго теченія природы. Не высшею, особенною силой, которая чужевластно становилась бы надъ всякимъ инымъ процессомъ естества, не другими, ни съ чѣмъ не сравнимыми, законами дѣйствія отличается живое отъ неживаго, но только особою формой сопряженія, въ которую вплетаетъ оно многоразличныя составныя части такимъ образомъ, что естественныя силы ихъ, подъ вліяніемъ внѣшнихъ условій, должны порождать послѣдовательную череду особеннаго рода явленій по тѣмъ же общимъ законамъ, въ силу которыхъ и вездѣ одно состояніе обыкновенно слѣдуетъ изъ другаго. Сколь ни мало способны мы теперь объяснить, въ духѣ этого воззрѣнія, все запутанное обиліе жизненныхъ процессовъ, намъ легко однакожь будетъ показать, что главные его очерки и особенныя привычки дѣйствія, которыми живое сначала какъ-бы безусловно отличается отъ остальнаго бытія, не совсѣмъ для насъ непо-

Digitized by Google

стижимы, и что взгляды, доселѣ еще перечащіе этому воззрѣнію, лишены многихъ изъ тѣхъ преимуществъ, которыя мы дѣйствительно уже можемъ извлечь изъ началъ механическаго созерцанія для болѣе яснаго обсужденія частныхъ вопросовъ.

Повидимому, едва ли какое либо другое явленіе такъ знаменательно отличаетъ жизнь отъ безжизненности, какъ видъ тлѣнія, изводящаго мертвое тѣло. Кажется, убѣдительнѣйше поучаетъ оно насъ, что лишь преобладаніе высшей силы во время жизни держитъ составныя части въ ихъ особенномъ смѣшеніи и возбраняетъ дѣйствію того взаимнаго сродства, которое по смерти приводитъ ихъ совсѣмъ въ другія и простѣйшія формы соединенія. Достаточно однакожь слегка поразмыслить для того, чтобъ увидѣть всю неосновательность подобнаго вывода. Почему не заключить намъ изъ того же самаго явленія, что игра жизни можетъ длиться только до тѣхъ поръ, пока химическій составъ тѣла представляетъ къ тому необходимыя условія, и что тлѣніе умершаго не что иное, какъ явно обнаруживающееся разстройство этой смѣси, которое можетъ-быть давно уже подрывало условія жизненности? Убѣдительною становится догадка эта въ тѣхъ случаяхъ, когда возникшая внутри тѣла явная болѣзнь совершенно прекращаетъ ходъ жизни; но тлѣніе, хотя правда не такъ скоро, наступаетъ для тѣла и тогда, когда насильственная смерть постигнетъ его въ полнотѣ здоровья, а потому здѣсь снова кажется намъ правдоподобнѣйшимъ, что данная смѣсь составныхъ частей поддерживается при жизни особенною силою и только по исчезновеніи этой силы подпадаетъ общимъ законамъ химическихъ дѣятельностей Но ближайшее наблюденіе открываетъ почти столь же сильную измѣнчивость и въ составныхъ частяхъ живаго тѣла. Постоянно, путемъ разнообразнѣйшихъ процессовъ, выдѣляются части его массы, которыхъ химическій составъ хотя и сходенъ съ произведеніями тлѣ-

Digitized by Google

нія, однакожь гораздо ближе къ нимъ той формы, въ какой полное жизни тѣло соединяетъ свои элементы. Но мы знаемъ по многочисленнымъ наблюденіямъ, что большая часть тканей, изъ которыхъ состоитъ живое тѣло, подлежатъ непрестанному разложенію и возобновленью, и что вещества, выдѣляемыя тѣломъ въ многоразличнѣйшихъ формахъ, частію суть остатки или развалины, въ которые ходъ разложенія превратилъ то, что прежде было полно жизни. Нѣтъ никакого основанія полагать, чтобы процессъ этого разложенія слѣдовалъ заживо не тѣмъ законамъ, какіе обнаруживаются въ распаденіи тѣла по смерти. Ибо побочныя условливающія обстоятельства въ обоихъ случаяхъ до того различны, что мы легко можемъ возвести къ нимъ однимъ великую разность въ обнаруживающихся результатахъ. Постоянное движеніе соковъ даетъ разложеннымъ составнымъ частямъ въ живомъ тѣлѣ удобный случай приливать малыми, непримѣтными количествами къ выдѣляющимъ органамъ, которые возвращаютъ ихъ окружающему міру и тѣмъ предупреждаютъ вредъ, какой дальнѣйшее пребываніе ихъ въ тѣлѣ могло бы причинить смѣси прочихъ составныхъ частей. Многочисленныя опредѣленныя отправленія сводятъ между собою въ живомъ тѣлѣ все то, что взаимнодѣйствіемъ своимъ можетъ обезпечить прочность его строя и ускорить его обновленіе, и напротивъ удаляютъ другъ отъ друга все, что своимъ столкновеніемъ въ немъ могло бы возбудить слишкомъ разрушительные химическіе процессы. Такъ, изъ разложенія и обновленья возникаетъ та медленная смѣна составныхъ частей, которая будучи незамѣтно распредѣлена на долгіе сроки, представляетъ намъ живое тѣло въ видѣ постояннаго облика. Ни одного изъ этихъ благопріятныхъ обстоятельствъ для умершаго тѣла нѣтъ. Съ прекращеніемъ всѣхъ отправленій запираются пути, которыми могло бы быть удалено разрушенное и замѣниться новымъ;

Digitized by Google

неподвижно скопляясь, разлагающіяся уже вещества дѣйствуютъ другъ на друга долѣе и разъѣдаютъ тѣ перегородки, которыя мѣшали прежде ихъ соприкосновенію; распространяясь дальше и дальше и не направляемые уже никакимъ порядкомъ, химическіе процессы сливаются въ одну смутную картину гніенія. Какъ важенъ для живаго химическаго процесса этотъ особенный строй обусловливающихъ побочныхъ обстоятельствъ, въ томъ удостовѣряютъ насъ еще наблюденія разнообразныхъ болѣзней, гдѣ, за упраздненіемъ или сокращеніемъ того либо другаго изъ движущихъ и регулирующихъ отправленій, нерѣдко слѣдуютъ явленія зачатковъ частнаго тѣлоразложенія. Подобный ходъ вещей отнюдь не вынуждаетъ насъ искать въ живомъ тѣлѣ особой силы, поддерживающей, наперекоръ общимъ химическимъ законамъ, составныя части его въ такомъ смѣшеніи, которое противорѣчило бы природнымъ ихъ наклонностямъ. Напротивъ, тѣло достигаетъ этого результата именно тѣмъ, что, вполнѣ подчиняясь общимъ химическимъ законамъ, допускаетъ разложеніе всего, что, при существующихъ условіяхъ, не можетъ сохранить и поддержать своей связи. Но, благоустроенною чередой захватывающихъ другъ друга движеній, оно устраняетъ вредоносность тѣхъ процессовъ, которымъ не властно помѣшать, и снова наверстываетъ ущербъ, понесенный отъ ихъ вліянія. Поэтому, конечно, одни и тѣ же законы химическаго сродства управляютъ и распаденіемъ мертваго и поддержкою живаго тѣла; но, сравнительно съ смутнымъ гніеніемъ перваго, жизнь есть организованное разложеніе, зависящее отъ того порядка, въ какомъ непрестанно совершающіяся отправленія исключительно допускаютъ взаимнодѣйствіе веществъ.

Эту особенную игру смѣны вещества, которою мы пользуемся теперь только какъ фактомъ для объясненія страннаго явленія, мы узнаемъ впослѣдствіи со стороны ея важности

Digitized by Google

въ обосновкѣ самой жизни; теперь же обратимъ вниманіе на то, какъ противоположный взглядъ выставляетъ ее новымъ доказательствомъ въ пользу особеннаго свойства жизненной силы. Тогда какъ въ предѣлахъ неорганическаго бытія, говоритъ онъ, каждая сила присуща опредѣленной массѣ, и съ возрастаніемъ или убылью ея испытываетъ соотвѣтственныя перемѣны, жизненная сила переживаетъ смѣну тѣлесныхъ составныхъ частей и, возносясь надъ ихъ мимолетностью, является постоянною, высшею мощью, несвязанною съ переходнымъ веществомъ. Но такое мнѣніе едва ли бы даже и требовало опроверженія, еслибъ вмѣстѣ съ тѣмъ не представлялся случай ближе уяснить жизнь въ дѣйствительной ея особенности. Съ одной стороны, мнѣніе это очевидно утверждаетъ уже слишкомъ много, говоря, что жизненная сила переживаетъ мимолетность составныхъ частей вообще. Напротивъ, только немногія части тѣла могутъ въ данный мигъ подпасть разложенію безъ того, чтобъ не прекратился токъ жизни, который находитъ достаточную опору для своей поддержки въ несравненно большемъ множествѣ другихъ составныхъ частей, неуклонно сохраняющихъ въ то самое время свое нормальное смѣшеніе и свою надлежащую связь. Изъ самыхъ обыкновенныхъ опытовъ очевидно въ полной мѣрѣ, что такого рода отношеніе, уже по крайней простотѣ своей, не можетъ служить существеннымъ отличіемъ жизни передъ неорганическимъ процессомъ. Такимъ образомъ связность частей въ любомъ зданіи обыкновенно достаточна для того, чтобъ допускать на время выемъ какого-нибудь поврежденнаго камня, не возбуждая опасеній за сохранность зданія, пока негодный камень успѣютъ замѣнить новымъ. Но тѣ же наблюденія научаютъ насъ вмѣстѣ и тому, что части зданія, во время этой переправки, не всегда могутъ снести ту же тяжесть, какую выдерживали при своей прежней полнотѣ. Поэтому, гдѣ выемъ одной сос-

Digitized by Google

ставной части и не измѣняетъ внѣшней формы цѣлой связной системы массъ, а быть-можетъ не нарушаетъ замѣтно и хода внутреннихъ ея движеній, тамъ, однакожь, существенно можетъ отъ него пострадать устойчивость этой системы противъ внѣшнихъ потрясеній, а равно и величина оказываемыхъ ею послугъ. Нѣтъ никакого основанія полагать, чтобъ жизнь въ этомъ отношеніи дѣйствовала иначе. Ибо непосредственныя наблюденія показываютъ намъ одно, что обыкновенная скорость, съ какою происходитъ смѣна веществъ въ здоровомъ тѣлѣ, не особенно измѣняетъ форму его жизненныхъ отправленій и естественную ихъ послѣдовательность; но явленія не даютъ намъ повода утверждать, что и устойчивость его противъ внѣшнихъ вліяній, и способность къ живымъ дѣйствіямъ, ни сколько не терпятъ отъ колебаній въ наличной массѣ тѣла. Конечно, пока разложеніе и обновленіе соотвѣтствуютъ другъ другу, уравновѣшивая убыль прибылью, тѣлесная сила останется все на одинаковой высотѣ; гдѣ же, напротивъ, тѣлесная сила срочно прибываетъ или убываетъ, тамъ замѣчаемъ мы и періоды большей или меньшей устойчивости противъ внѣшнихъ разстройствъ или потрясеній. Да наконецъ и общая смертность всѣхъ живыхъ существъ научаетъ насъ какъ нельзя очевиднѣе, что постоянная смѣна составныхъ частей не всегда выносится жизненною силой, но что даже и безъ вліянія внѣшнихъ разстройствъ, она неизбѣжно ведетъ къ такимъ новымъ отношеніямъ между составными частями, при которыхъ продленіе прежней игры движеній становится совершенно невозможнымъ. Поэтому не въ видѣ духа, носящагося надъ водами, держится жизненная сила среди безпрерывной смѣны массъ, но опредѣленная связь составныхъ частей, которыя выбываютъ не съ одинаковою скоростью и которыхъ болѣе устойчивый кряжъ постоянно служитъ законодательнымъ ядромъ для наслойки каждой вновь привходящей

Digitized by Google

смѣны, — эта связь продлятъ на нѣкоторое время жизненныя явленія, не будучи однакожь въ силахъ предотвратить напослѣдокъ ихъ конецъ.

Между тѣмъ новая жизнь, неистощимо развивающаяся изъ отходящей, опять возбуждаетъ въ насъ сомнѣнія. Безъ ослабленія въ самой себѣ, жизненная сила расходится воспроизведеніемъ по новорождаемымъ организмамъ, тогда какъ неорганическія силы, распространяясь на возрастающую массу веществъ, удѣляютъ каждому изъ нихъ только ту долю величины своей, какая соотвѣтствуетъ ему по общей ихъ численности. Въ самомъ дѣлѣ, у дѣтей, при которыхъ жизнь родителей цвѣтетъ по прежнему, не только не замѣчается какого-либо ослабленья, напротивъ видно явное приумноженіе жизненныхъ силъ. Впрочемъ, одно только первое впечатлѣніе, а отнюдь не ближайшее наблюденье, открываетъ намъ здѣсь нѣчто болѣе загадочное, чѣмъ въ неоживленной природѣ. Вѣдь и магнитъ сообщаетъ свою силу многимъ желѣзнымъ полосамъ, не ослабляя ея въ самомъ себѣ; вѣдь и горящее тѣло зажигаетъ точно такъ же многія другія, не остывая отъ этой передачи. Не силы вообще, подобно дѣлимымъ и перемѣстимымъ жидкостямъ, переходятъ гдѣ бы то ни было отъ одного вещества въ другое; но въ каждомъ случаѣ взаимнодѣйствія одно тѣло приводитъ другое въ иныя внутреннія и внѣшнія состоянія, при которыхъ свойству его или прилагаются новыя дѣеспособности, или прежнія освобождаются отъ препятствій, мѣшавшихъ имъ обнаруживаться. Толчокъ, данный твердой массѣ и безсильный измѣнить внутренній ея составъ, сообщитъ ей только передвиженіе, котораго скорость будетъ тѣмъ меньше, чѣмъ большею мы представимъ себѣ массу, на которую должно распредѣлиться вліяніе толчка. Дѣйствіе выйдетъ совсѣмъ иное, если тотъ же толчокъ данъ будетъ щепоткѣ гремучаго серебра, котораго

Digitized by Google

сильный взрывъ произведетъ въ окружающихъ предметахъ гораздо болѣе разрушенія, чѣмъ произвелъ бы самый толчокъ, направленный прямо на эти предметы. Очевидно, что посредство взрывнаго вещества значительно увеличило здѣсь силу. Увеличеніе произошло благодаря тому, что первоначальный толчокъ и здѣсь сообщилъ частицамъ этого вещества непосредственно лишь ту незначительную скорость, какую придалъ бы онъ и всякому другому тѣлу одинаковой массы, но это ничтожное перводѣйствіе повстрѣчалось тутъ съ такими частицами, которымъ нужно лишь быстрое сближеніе для того, чтобы давно существовавшія между ними химическія сродства получили послѣднее необходимое условіе для внезапнаго ихъ перехода къ взрывной дѣятельности. Такъ достаточно вездѣ легкаго толчка для произведенія большаго дѣйствія; его достаточно будетъ и для того, чтобъ породить длинный рядъ развивающихся другъ изъ друга и подъ-конецъ очень многоплодныхъ процессовъ, если выведенныя имъ изъ равновѣсія силы, благодаря естественнымъ соотношеніямъ движимыхъ ими частицъ, способны только къ постепенному обнаруженію своихъ результатовъ.

Поэтому, сколь ни дивно казалось бы намъ всегда расположеніе живой природы путемъ предполагаемаго имъ тщательнаго подбора взаимно-соотвѣтствующихъ дѣятельностей, оно загадочно не по той причинѣ, которую, какъ мы видѣли, приводятъ въ пользу допущенія особой жизненной силы. Вѣдь дѣйствительный процессъ этого распложенія состоитъ лишь въ томъ, что весьма незначительная по массѣ часть материнскаго организма, не состоя ни въ какой важной связи съ его жизненными отправленіями, отрѣшается отъ него въ видѣ зародыша новой твари. Еелибъ и допустить, что на него перешла часть жизненной силы его родителей, то часть эта осталась бы по крайней мѣрѣ безконечно малою, потому что жив-

Digitized by Google

ненную силу зародыша находимъ мы вначалѣ ничтожною, и только по продолжительномъ развитіи, при которомъ сила эта укрѣпляется привлеченіемъ веществъ извнѣ, возрастаетъ она до величины значительной дѣеспособности. Стало-быть и въ этомъ случаѣ порождающій организмъ утрачивалъ бы съ своей стороны лишь сущую малость, а наблюденія наши конечно не уполномочиваютъ насъ утверждать, что малая эта трата связана не съ такимъ же соразмѣрно малымъ ослабленіемъ жизненной силы родителей, но съ гораздо бо́льшимъ. Да не стоитъ и преслѣдовать далѣе такую мысль, которой невозможность мы признали уже прежде; сообщаются отъ одного существа другому не силы, но могутъ передаваться только движенія, или же отъ какого-либо значительнѣйшаго соединенія могутъ отрѣшаться извѣстныя вещества, чтобы продолжать потомъ свое самобытное существованье. Поэтому всякая плодучесть основана конечно на томъ, что для производителя становится возможнымъ образованіе зародыша, который, будучи незначителенъ по массѣ, отличается только тщательно-опредѣленнымъ подборомъ и смѣшеніемъ своихъ составныхъ частей, что́ и придаетъ ему способность, подъ вліяніемъ внѣшнихъ благопріятныхъ условій, развиваться съ возрастающею силой въ жизнедѣятельный организмъ. Такимъ образомъ первое порожденіе новаго существа не такая задача, отъ которой слѣдовало бы ожидать умаленія жизненной силы въ производителяхъ; но частыя напряженія и натуги, которыя у многихъ тварей долженъ выносить материнскій организмъ, ради скорѣйшаго укрѣпленія и развитія зародыша, конечно могутъ причинить болѣе дѣйствительный ущербъ собственной жизненности этого организма.

Но та же самая загадка, которую старались мы устранить изъ таинственности распложенія, не выступаетъ ли передъ нами опять въ таинственности роста,—въ томъ именно, что

Digitized by Google

новорожденный организмъ постоянно увеличивается и въ силѣ и въ массѣ? Съ прибылью той тяжести, которую должна покорить жизненная сила, не ростетъ ли видимо и она сама, тогда какъ обыкновенно всякая способность изнемогаетъ отъ постояннаго увеличенія предлежащихъ ей урочныхъ задачъ. Однакожь и это затрудненіе исчезнетъ передъ ближайшимъ наблюденіемъ дѣйствительнаго хода дѣла, и заслуживаетъ упоминанія только изъ-за общаго предразсудка, который на него опирается. Когда подрастающее тѣло втягиваетъ въ себя вещества извнѣ и употребляетъ ихъ себѣ на службу, мы часто воображаемъ себѣ этотъ добытый матеріалъ до такой степени безучастнымъ и лишеннымъ внутреннихъ взаимнодѣйствій, что намъ кажется, тутъ вездѣ необходима особая охватывающая сила, которая удерживаетъ однажды собранный матеріалъ въ данныхъ формахъ его соединенія. Представленія наши о связи органическихъ частей построены уже слишкомъ по образцу какого-то пучка предметовъ, совершенно безучастныхъ другъ къ другу и лишенныхъ всякой силы взаимнаго сцѣпленія, а потому и требующихъ внѣшней связи, которая бы стягивала ихъ и держала вмѣстѣ. Вѣдь не обычное ли наше желаніе узнать поближе связь, соединяющую тѣло съ душой, или составныя части тѣла между собою, узнать, наконецъ, ту духовную связь, которая хоть вѣроятно и поблагороднѣе чувственныхъ смычекъ, но въ сущности все же не выше понятія о какой-нибудь веревкѣ? Если представлять ее себѣ единою, то вѣроятно она, какъ любая веревка, и стягиваетъ въ своихъ оборотахъ и перевивахъ внѣшній сборъ безотносительныхъ частей. Иначе выходитъ оно въ дѣйствительности. Добыча веществъ, которыми растетъ органическое тѣло, можетъ, пожалуй, требовать особыхъ напряженій, о которыхъ рѣчь будетъ далѣе; но поддержка ихъ въ тѣхъ формахъ взаимной связи, которыя однажды ими приняты, не есть

Digitized by Google

уже дѣло насилія, противъ котораго онѣ стали бы упираться, такъ что тутъ понадобилась бы особенная жизненная сила, перемогающая силы всѣхъ частей и улаживающая все по-своему; элементы даже и не безучастны къ этой общей задачѣ, напротивъ они сами ее выполняютъ. Ибо, вступивъ въ область живаго тѣла, они не лишились свойственныхъ имъ по природѣ силъ; этими именно силами держатся они другъ за друга, и въ этомъ общеніи своемъ, сообразно съ потребностями организма, слѣдуютъ все тѣмъ же законамъ дѣйствія, какимъ повиновались прежде, внѣ его и каждый порознь. Вмѣсто одной связи, которая наружными извивами своими охватывала бы все безчисленное множество частей, мы находимъ, напротивъ, бездну связей, соединяющихъ элементы тѣла попарно, и связи эти не иное что какъ собственныя силы элементовъ, не нуждающіяся ни въ какомъ высшемъ призывѣ для побужденія ихъ къ тому дѣйствію, какое свойственно ихъ природѣ, да и неспособныя возбудиться къ иному дѣйствію, которое шло бы ей наперекоръ. Каждый отдѣльный атомъ, увеличивающій собою массу тѣла, вступаетъ въ общую его связь, благодаря силѣ притяженія, испытываемой имъ со стороны какой-либо части этого тѣла; удерживаемый тою же силою, не стоящей тѣлу никакого особаго напряженія, предоставляетъ онъ ему во власть и свою собственную массу со всѣми присущими ей силами механическаго и химическаго свойства, которыя придаютъ тѣлу возможность бо́льшаго вліянія на внѣшній міръ, а слѣдовательно и приращаютъ его силу. Задача жизни состоитъ лишь въ томъ, чтобъ образовавшійся кряжъ составныхъ частей тѣла всегда пребывалъ въ томъ порядкѣ и соприкасался съ матеріаломъ внѣшняго міра всегда въ такой формѣ, при которыхъ наступающія взаимнодѣйствія и привходящіе, вслѣдствіе ихъ, новые налеты частицъ совершались бы сообразно дальнѣйшимъ потребностямъ жиз-

Digitized by Google

менного обихода. Можно воспользоваться и этою задачей для того, чтобы возобновить опять старыя недоумѣнія. Какъ прежде искали связи для слишкомъ уже спокойныхъ (безучастныхъ другъ къ другу) составныхъ частицъ, такъ, пожалуй, теперь, для оживленной ихъ совокупности, станутъ искать такой узды, которая бы гдѣ допускала ихъ дѣйствіе, а гдѣ и нѣтъ, то ускоряла бы его, то замедляла. Задача эта, конечно, врядъ ли разрѣшима въ томъ случаѣ, еслибъ пришлось предоставить ее въ руки одной силы, обязанной ежемгновенно поддерживать планъ организаціи особыми подмогами съ своей стороны. Но и это совершается само собою, пока сторонніе вліянія не нарушатъ въ конецъ внутреннихъ соотношеній. Сопостановка частицъ, образующая зародышъ органическаго существа, легко можетъ быть расположена такимъ образомъ, что въ развитіи своемъ оставляетъ праздными только извѣстныя мѣста на случай дальнѣйшихъ взаимнодѣйствій, а другія закрѣпляетъ такъ, что вещества внѣшняго міра минуютъ ихъ бездѣйственно, чтобы распространяться въ тѣлѣ путями, исключительно опредѣленными для процесса образованія, и чтобы давать росту возможность неослабнаго хода по извѣстному постоянному образцу. Новый налетъ однороднаго вещества не вездѣ садится на кристаллъ безразлично; силы уже образовавшагося кристалла указываютъ вновь привходящимъ частицамъ мѣсто и форму ихъ наслоенія и поддерживаютъ въ общемъ ростѣ первоначальный его строй или по крайней мѣрѣ первоначальный законъ его образованія. Что здѣсь выполняется неорганическою природой, то совершаетъ съ несравненно большею утонченностью и изворотливостью, однакожь не по другимъ какимъ-либо началамъ дѣйствія, и живое тѣло; а ближайшее разсмотрѣніе его строя и отправленій покажетъ намъ, какъ легко происходитъ здѣсь само собою многое, что кажется намъ затруднительнымъ: ибо постепенно, въ долгомъ ходѣ раз-

Digitized by Google

витія, каждое предыдущее состояніе болѣе и болѣе ограничиваетъ число неопредѣленныхъ возможностей послѣдующаго дѣйствія и все болѣе втѣсняетъ дальнѣйшіе процессы въ точно предначертанные имъ пути.

Такимъ образомъ и поддержаніе порядка въ измѣнчивой разновидности жизненныхъ процессовъ могло бы зависѣть не отъ постоянно возобновляющихся вмѣшательствъ особой направляющей силы, но отъ однажды даннаго распредѣленія системы частицъ, и осуществляться привычными дѣйствіями этихъ элементовъ въ частности. Мы выше уже присовокупляли, что подобный выводъ предполагаетъ отстраненіе всякихъ внѣшнихъ разстройствъ. Но въ томъ-то именно и находятъ особенность жизни, что, благодаря соразмѣрному противодѣйствію своей цѣлительной силы, она выноситъ и отстраняетъ эти разстройства. Пусть всѣ прочія явленія ея кажутся намъ подобными постепенно и правильно смѣняющимся движеніямъ машины, которыхъ однажды существующій и пущенный въ ходъ строй послѣдовательно развиваетъ череду разнообразныхъ дѣйствій; но все же та посредствующая дѣятельность, которая примѣняется къ обстоятельствамъ и, избирая лучшія средства, старается всегда выдержать первоначальный планъ, можетъ быть приписана одной только жизненной силѣ, которая, въ отличіе отъ всѣхъ прочихъ физическихъ силъ, руководится уже не однообразными законами дѣйствія, но легко-подвижнымъ соображеніемъ съ требованіями его цѣли. Однакожь, противъ этого блестящаго вывода и наблюдательность и размышленіе выставляютъ бездну опроверженій. Да и блестящъ-то онъ главное потому, что ставитъ дѣло въ слишкомъ выгодномъ свѣтѣ, а всѣ густыя тѣни обходитъ молчаніемъ. Смерть, похищающая столько существъ, не давъ естественно завершиться ихъ развитію, или возникая изъ такихъ поврежденій, которыя по своей мелкости ускользаютъ отъ нашихъ глазъ, — смерть не удостовѣряетъ ли насъ въ томъ, что цѣлительная сила тѣла далеко не безуслов-

Digitized by Google

на, а тьма не вполнѣ одолѣнныхъ болѣзней, отравляющихъ намъ позднѣйшіе года, развѣ не научаетъ насъ, что эта сила даже крайне ограничена? Да и здоровая жизнь вѣдь не самобытный же потокъ послѣдовательно смѣняющихся движеній; въ постоянномъ взаимнодѣйствіи съ внѣшнимъ міромъ, она обнимаетъ собою множество такихъ тѣлесныхъ перемѣнъ, которыхъ нельзя не признать за настоящія разстройства организма, тѣмъ болѣе, что на случай ихъ уже въ самой первой основѣ его заложенъ непрерывный рядъ многоразличныхъ противудѣйствующихъ отправленій. Система частей, одаренная такимъ цѣлесообразнымъ благоустройствомъ внутреннихъ соотношеній, что дѣйствія ея могутъ до извѣстной степени преодолѣвать безрядицу наружныхъ вліяній, не мгновенно же теряетъ эту способность, коль скоро непривычныя обстоятельства выведутъ ее и за этотъ положенный предѣлъ. Благодаря разнообразію мѣткихъ приспособленій и снаровокъ, которыми она разъ была надѣлена, ей часто удается превозмочь такую силу и форму потрясеній, на которыя не была она собственно разсчитана, а если и не превозмочь вполнѣ, то по крайней мѣрѣ на столько, что претерпѣваемое ею поврежденіе не слишкомъ измѣнитъ образъ ея дѣйствій. Но, конечно, она рушится совсѣмъ, если въ ея строѣ и отправленіяхъ не найдется такого счастливаго обстоятельства, которое принудило бы случайное поврежденіе извести само себя путемъ тѣхъ самыхъ воздѣйствій, которыя вызоветъ оно въ дѣятельностяхъ системы порожденнымъ отъ него раздраженіемъ. Многочисленные примѣры доказываютъ намъ на дѣлѣ, сколь успѣшно можетъ рѣшать эту задачу даже и человѣческая техника, при тѣхъ, все еще несовершенныхъ, средствахъ, которыя у ней въ распоряженіи. И она умѣетъ строить машины такимъ образомъ, что неодинаковое растяженіе, испытываемое разными металлами при равныхъ степеняхъ теплоты, упраздняетъ опять то вредное вліяніе, какое измѣнчивость температуры могла бы

Digitized by Google

оказывать на точность ихъ работы; и она умѣетъ принудить движущійся паровозъ пускать въ ходъ безъ сторонней помощи такое приспособленіе, при которомъ колеса снабжаются уменьшающимъ треніе масломъ въ томъ именно размѣрѣ, какой требуется въ каждый данный мигъ наличною быстротою поѣзда. Если на такія вещи мы смотримъ съ нѣкотораго рода гордостью, то тѣмъ именно и обличается ничтожность человѣческаго умѣнья, что мы готовы кичиться уже и подобными успѣхами, тогда какъ они въ высшей степени маловажны передъ безконечной тонкостью и многосторонностью, съ какими живое тѣло противустоитъ безчисленному множеству мелкихъ ущербовъ и порухъ; однакожь эта разница въ достоинствѣ дѣйствія не даетъ намъ права заключать о столь же великой разницѣ въ его основныхъ началахъ. И въ организмѣ врачующее воздѣйствіе зависитъ отъ однажды данной цѣлесообразности его внутренняго строя и не идетъ далѣе той черты, докуда внѣшнія поврежденія оставляютъ этотъ распорядокъ неприкосновеннымъ въ существенной его формѣ. Но тщетно ожидать его тамъ, гдѣ вредоносная сила не допускаетъ благопріятныхъ обстоятельствъ, хотя и въ этомъ случаѣ первоначальное превосходство строя даетъ себя знать тѣмъ, что не тотчасъ же наступаетъ полное разложеніе, но вмѣсто невозможнаго уже здоровья настаетъ сносное еще состояніе, которое поддерживаетъ нѣсколько времени очерки жизненнаго плана, по крайней мѣрѣ въ цѣломъ и вообще. Напротивъ, никогда не появляется цѣлительныхъ воздѣйствій вполнѣ новаго и необыкновеннаго рода, такихъ, которыхъ бы постоянно не употребляла въ дѣло и здоровая еще жизнь. Только въ усиленныхъ приступахъ и при другихъ усложненіяхъ, внѣшнія разстройства возбуждаютъ по временамъ эти всегда уже существующія въ организмѣ дѣятельности, и происходящее отъ того потрясеніе, обусловливая подъ-часъ необыкновенно-благополучные исходы, столь же

Digitized by Google

часто приводитъ и къ совершенному распаденію. Оживляй тѣло особая цѣлебная сила, дѣйствующая съ нѣкоторою свободою выбора и управляющая сколько нибудь независимо физическими и химическими силами массъ, тогда трудно было бы объяснить, почему она, свободная, въ такомъ случаѣ, отъ естественной необходимости, могла бы когда либо не успѣть въ осуществленіи своихъ цѣлей; мы понимаемъ необходимость ея ограниченности, когда примемъ ее за сумму всего того, что живое тѣло способно проявить при необыкновенныхъ обстоятельствахъ, но и тутъ съ помощію тѣхъ же самыхъ цѣлесообразныхъ дѣятельностей, которыя разсчитаны на обыкновенныя обстоятельства жизненнаго обихода.

Такъ велико однакожь удивленіе, вызываемое внутреннесвязнымъ строемъ жизни даже и у механистическаго воззрѣнія, что мы отнюдь не въ правѣ пенять на противоположные взгляды за то, что они постоянно силятся выставить намъ въ новомъ и новомъ видѣ свое завѣтное представленіе объ особой жизненной силѣ. Мы требуемъ, скажутъ они намъ, не новой силы, не вдругъ вторгающейся цѣлебной дѣятельности, которая, не имѣя основъ въ постоянныхъ процессахъ жизни, выступала бы только въ случаѣ какого нибудь разстройства послѣдней; но весь ходъ жизненныхъ явленій понятенъ намъ только тогда, когда живая идея цѣлаго постоянно охватываетъ и держитъ части какъ властительное ихъ начало, и ея-то именно дѣятельность, менѣе казистая въ здоровомъ состояніи, со всегдашнимъ чудомъ котораго мы уже свыклись, тѣмъ болѣе обнаруживается въ болѣзни усиленными воздѣйствіями противъ напора внѣшнихъ порухъ или разстройствъ. Только въ неорганическихъ произведеніяхъ, скажутъ они далѣе, цѣлое выходитъ изъ сложенія частей; въ живой твари оно имъ предшествуетъ. Ясно, что послѣднее положеніе можетъ имѣть тотъ лишь

Digitized by Google

смыслъ, что форма цѣлаго уже присуща образующемуся тѣлу, какъ живительная и законодательная сила, прежде чѣмъ явится на лицо вся совокупность частей, которыми со временемъ наполнятся его очерки. Дѣйствительно, многіе процессы въ первомъ образованіи зародыша показываютъ, что на мѣстахъ, гдѣ слѣдуетъ возникнуть опредѣленнымъ органамъ, сперва наслоятся какъ-бы безформныя массы, только впослѣдствіи развивающія въ себѣ ту членораздѣльность частей, которую подъ-конецъ и удерживаетъ за собою готовый органъ. Такого рода явленія могутъ на минуту ободрить вышепомянутое представленіе; но нормальныя развитія эти, происходящія одновременно въ разныхъ мѣстахъ зародыша и какъ бы имѣющія въ виду одинъ общій планъ, теряютъ свое стройное согласіе, какъ скоро механическая связь зародышныхъ частей нарушается потрясеніемъ или разрывомъ. Этотъ фактъ показываетъ намъ, что разные образовательные процессы поддерживаются не одною витающею надъ ними идеей, но опредѣленнымъ распорядкомъ взаимнодѣйствій, преобладающимъ между всѣми отдѣльными частями, благодаря извѣстному ихъ сплоченію. Черезъ нихъ-то скопляется на предназначенныхъ мѣстахъ способный къ образованію матеріалъ, а дальнѣйшія ихъ дѣйствія, которымъ первый этотъ успѣхъ доставляетъ новыя условія для послѣдующихъ, ведутъ къ постепенному разчлененію мельчайшихъ составныхъ частей ихъ. Развѣ было бъ менѣе удивительно, если бы образованіе, исходя отъ одного единственнаго средоточія, постоянно производило тотчасъ же въ окончательной ихъ формѣ ближайшія къ нему сферы существа, и не казалось ли бы это намъ еще болѣе загадочнымъ?

Итакъ, образованіе каждой органической части безспорно зависитъ отъ того, что она развивается въ постоянномъ общеніи со всѣми другими, принадлежащими къ одному съ нею цѣлому, но общеніе это состоитъ не въ охватѣ всѣхъ ихъ одною дѣя-

Digitized by Google

тельною идеей, а въ томъ, что всѣ онѣ вплетены въ систему постоянно поддерживающихся взаимнодѣйствій, изъ которыхъ для каждой части порознь исходятъ направленіе, форма и быстрота ея текущаго развитія.

Факты по крайней мѣрѣ допускаютъ такой взглядъ, а болѣе общее соображеніе показываетъ его необходимость. Вѣдь объ идеѣ цѣлаго можемъ мы говорить только въ двоякомъ смыслѣ. Вопервыхъ, мы можемъ принимать ее за тотъ образецъ и планъ, которые наше познаніе находитъ осуществленными въ готовомъ органическомъ произведеніи или осуществляемыми въ постепенномъ его развитіи. Но ни какой образецъ, ни какой планъ, принятый, положимъ, за цѣль извѣстнаго естественнаго процесса, не осуществляется же самъ собой; онъ исполнится только тогда, когда вещества, въ видообразованіи которыхъ слѣдуетъ ему проявиться, вынуждены первоначальнымъ распорядкомъ своихъ соотношеній производить собственными силами по законамъ общаго теченія природы то, что̀ оно имъ повелѣваетъ. Такимъ образомъ планъ всегда имѣетъ только кажущуюся силу, и если мы не считаемъ идею безпорядка за дѣятельное и движущее начало безурядной вереницы перемѣнъ, то не болѣе мы въ правѣ принимать и идею какого бы то ни было порядка за дѣятельную и блюстительную причину извѣстнаго правильнаго круга процессовъ. Въ обѣихъ случаяхъ происходитъ то, чему слѣдовало быть по однажды данной обстановкѣ, и преимущество послѣдняго случая состоитъ не въ постоянномъ участіи цѣлесообразной дѣятельности, но въ постоянно-выдержанномъ дѣйствіи цѣлесообразности первоначальнаго распорядка. Откуда же однако взяться первоначальному-то распорядку? возразятъ намъ. Этого мы не знаемъ, и не имѣемъ ни какого основанія здѣсь уже высказывать догадки, какія могутъ быть у насъ на его счетъ. Мы вовсе не думаемъ отрицать въ живой твари слѣды премудрости, ука-

Digitized by Google

зывающіе намъ, поверхъ механическаго сцѣпленія чистыхъ фактовъ, на непостижимую силу творчества; но мы не дошли еще до задачи, искать первоначальнаго источника жизни, мы говоримъ здѣсь только о законахъ, по которымъ дивно-сотворенное поддерживается, въ предѣлахъ, доступныхъ нашему наблюденію. И мы находимъ, что въ этихъ предѣлахъ жизнь уже не возникаетъ вновь, что, напротивъ, поддержка ея зависитъ отъ неразрывной преемственности извѣстныхъ веществъ съ извѣстнымъ сплоченіемъ ихъ мельчайшихъ частичекъ, и что при распложеніи частички постоянно передаются отъ одного существа другому. Въ этомъ видимъ мы доказательство того, что идеи не властны осуществляться въ такихъ веществахъ, которыхъ внутреннее расчлененіе не предустроено уже въ точности такимъ образомъ, чтобы единственно только изъ него, безъ всякой дальнѣйшей помощи со стороны идей,—даже и не желай онѣ этого,—все-таки возникало бы само-собою предначертанное имъ существо. Пускай себѣ, при началѣ міра, идеи служили опредѣляющими основами для первообразнаго сопряженія вещей; въ дальнѣйшемъ же существованіи послѣднихъ содержаніе идей осуществляется, напротивъ, дѣятельностью элементарныхъ частичекъ.

Мы знаемъ, однакожь, что опровергаемый нами взглядъ понимаетъ идею цѣлаго не въ смыслѣ празднаго образца или типа, немощно противостоящаго вещественной дѣйствительности. Но, принявъ ее за живую и дѣятельную мощь, онъ вынужденъ будетъ перейдти къ другому опредѣленному смыслу, который можно придать этому такъ часто злоупотребляемому выраженію. Если дѣятельность отдѣльныхъ частей недостаточна для стройнаго образованія цѣлаго, то все же вѣдь привходящая къ нимъ дополнительно высшая связь всегда будетъ испытывать впечатлѣніе со стороны того наличнаго распорядка вещей, въ который должна она вмѣшаться своей

Digitized by Google

властью; иначе нельзя ей во-время произвести то, что сообразно съ этимъ распорядкомъ. Такія впечатлѣнія можно принять за перемѣны состояній самой связи, которыя столь же необходимо вызываютъ опредѣленное воздѣйствіе и съ ея стороны. Очевидно, что при такомъ предрасположеніи высшая связь играетъ ту-же роль, какъ любое изъ веществъ, которыя, принимая другъ отъ друга впечатлѣнія, взаимностію своихъ воздѣйствій производятъ, и по нашему взгляду, образованіе органическихъ существъ. Особенность этого представленія заключалась бы слѣдовательно только въ томъ, что не отъ всѣхъ вообще частей ожидаетъ оно равнаго участія въ образованіи жизни, но одну изъ нихъ по преимуществу ставитъ посреди прочихъ въ видѣ фокуса, гдѣ сходящіяся вмѣстѣ дѣйствія ихъ всѣхъ вызываютъ множество согласныхъ между собой дѣятельностей. Неоспоримо вѣрно то, что разныя части имѣютъ различную важность для обосновки и поддержки извѣстной жизненной формы; но напрасно будемъ мы искать въ опытѣ такого факта, который управомочивалъ бы насъ принимать столь исключительно одну изъ этихъ частей за представительницу идеи цѣлаго. Конечно, опровергаемый нами взглядъ не хотѣлъ въ искомой имъ высшей связи найдти опять ту же безжизненную необходимость дѣйствія, которую желалось бы ему изгнать изъ организма вообще. Онъ потребуетъ, чтобъ эта связь отвѣчала на пріемлемыя ею впечатлѣнія такими дѣйствіями, которыя не необходимо связаны съ ними по однимъ физическимъ законамъ. Связь производитъ ихъ только потому, что они требуются планомъ организаціи, и такимъ образомъ довершаетъ собою не вполнѣ законченную цѣпь естественныхъ причинъ.

Если мы не захотимъ совсѣмъ заблудиться въ область неопредѣленнаго и принять началомъ истолкованія нѣчто такое, о родѣ и существѣ чего мы не въ силахъ составить се-

Digitized by Google

бѣ даже отдаленнѣйшаго понятія, то, конечно, намъ должно будетъ допустить, что подобный родъ цѣлесообразнаго дѣйствія можетъ быть присущъ только одной душѣ, а не идеѣ; и въ это болѣе ясное понятіе прійдется намъ превратить не увѣренное въ самомъ себѣ представленіе объ идеѣ. Одаренная способностью оживлять воспоминанія прежнихъ впечатлѣній, одна душа можетъ пополнить собою тотъ пробѣлъ естественной винословности, о которомъ мы упоминали. Возбуждаемая множествомъ раздраженій, не заключающихъ въ себѣ однакожь всѣхъ условій желательнаго послѣдствія, порождаетъ она въ добавокъ къ нимъ представленіе того, чего въ тотъ моментъ недостаетъ дѣйствительности, и отъ этой мысли, замѣняющей собою впечатлѣніе, или отъ другихъ, къ которымъ приводится она первою, душа приходитъ наконецъ къ цѣлесообразному рѣшенію, которое дѣятельно вторгается опять во внѣшнюю дѣйствительность. Такимъ образомъ винословная связь, прерываемая въ физической области, возстановляется чередою такихъ дѣйствій, которыя, происходя въ области души, смыкаютъ собою два событія, изъ которыхъ первое само по себѣ не заключало полнаго основанія для втораго. Исторія науки не обошлась и безъ такой гипотезы, что будто бы душа именно и есть та сила, которой дѣятельность заправляетъ порядкомъ и цѣлесообразностью органическаго развитія. Но если этотъ взглядъ содержитъ въ себѣ долю истины, то все же опытъ нашъ вовсе не благопріятствуетъ попыткѣ противопоставить гипотезу души механическому пониманію, въ видѣ болѣе удовлетворительнаго объясненья. Пускай можетъ-быть не такъ оно бываетъ въ разныхъ животненныхъ душахъ, но по крайней мѣрѣ въ нашей не находимъ мы ни малѣйшаго сознанія о такой тѣлообразовательной дѣятельности. И однакожь только отъ сознанія и законовъ, свойственныхъ ходу представленій, этой коренной способности

Digitized by Google

души, должна зависѣть возможность совершить нѣчто болѣе того, что̀ дается однимъ ходомъ внѣшней природы. Гдѣ, вслѣдствіе прежняго упражненія, навыкъ къ цѣлесообразному дѣйствованію утвердился въ душѣ до того, что сталъ для нея второю натурой, только тамъ лежащій въ основѣ этого навыка ходъ представленій можетъ не во всякомъ отдѣльномъ случаѣ сознаваться душою.* Предположеніе же, будто душа съ самаго начала безсознательно организуетъ тѣло, повело бы насъ опять лишь къ тому, чтобы смотрѣть на нее, какъ на подобный вещественнымъ частямъ невольный элементъ, который, возбуждаясь внѣшними обстоятельствами, оказываетъ необходимыя свои дѣйствія сообразно всеобщимъ законамъ. Въ этомъ смыслѣ, упомянутый взглядъ пожалуй имѣетъ свою цѣну; въ числѣ многихъ составныхъ частей, участвующихъ въ общемъ строѣ жизни, есть можетъ-быть и такая, которая по своей внутренней природѣ наиболѣе разнится отъ всѣхъ другихъ; но присутствіемъ ея все же не измѣнялся бы тотъ фактъ, что всѣ цѣлесообразныя дѣйствія живыхъ созданій неизбѣжно зависятъ отъ способа соединенія частей, между которыми находилась бы и эта, отличная отъ прочихъ по преимуществу. Но требовать, чтобы душа производила то, чему нѣтъ полнаго основанія въ этомъ частичномъ строѣ, и чтобы она производила это безсознательно,—значило бы спрашивать съ нея работы и въ то же время отказывать ей въ единственномъ условіи, при которомъ возможенъ для нея успѣхъ.

Ученіе объ особой жизненной силѣ прослѣдили мы во всѣхъ способахъ представленія, въ какихъ оно почередно выявлялось; всѣ, ближайшимъ или окольнымъ путемъ, выходили

* Такъ, напримѣръ, въ разговорѣ и на письмѣ мы употребляемъ привычныя сочетанія звуковъ и буквъ большею частію безсознательно.

Digitized by Google

изъ того наблюденія, что воздѣйствія живаго существа на пріемлемыя имъ впечатлѣнія основаны повидимому не на однихъ этихъ возбужденіяхъ, или что формы, въ какихъ оно развивается безъ всякаго замѣтнаго толчка извнѣ, повидимому не вполнѣ основаны на однихъ предшествовавшихъ обстоятельствахъ. Поэтому считали необходимымъ предполагать особую природу въ немъ самомъ, которой исключительныя способности только возбуждаются дѣйствіемъ внѣшнихъ впечатлѣній, но отнюдь имъ не порождаются. Эта раздражительность, которая отвѣчаетъ внѣшнему вліянію воздѣйствіями, не соразмѣрными ему ни по силѣ, ни по продолжительности, ни же по формѣ, повидимому и должна была служить гранью между живымъ и безжизненнымъ; потому что дѣйствія послѣдняго надѣялись вполнѣ объяснить, какъ самопонятныя, необходимыя слѣдствія совокупности данныхъ условій. Есть нѣкоторая ошибочность въ обоихъ членахъ этого противоположенія. Вездѣ, гдѣ какой-либо внѣшній толчокъ попадаетъ на многочастное цѣлое, тамъ величина, продолжительность и форма конечнаго дѣйствія, которое онъ произведетъ, никогда не зависятъ только отъ него, но вмѣстѣ, и обыкновенно въ гораздо высшей еще степени, отъ внутренней связи этихъ частей между собою. Взаимныя ихъ соотношенія могутъ разнообразно умалять или повышать величину принятаго впечатлѣнія, распредѣлять его на извѣстное число точекъ, указывать ему пути распространенія, на которыхъ оно можетъ освобождать связанныя дѣятельности и наоборотъ унимать дѣйствующія; въ концѣ всѣхъ этихъ разнообразныхъ сдѣлокъ и посредничествъ явится результатъ, не имѣющій съ первоначально-даннымъ толчкомъ ни малѣйшаго уже сходства. Такою раздражительностью обладаетъ любая машина. Рабочій вертитъ наружное колесо въ одномъ направленіи и съ постоянно одинаковою скоростью, а между тѣмъ внутренній механизмъ, получающій этотъ толчокъ, по-

Digitized by Google

очередно то поднимаетъ, то опускаетъ поршень, который, смотря по способу своей связи съ внѣшними предметами, можетъ на многоразличнѣйшіе лады переносить силу своего движенія далѣе. Между впечатлѣніями, испытываемыми живымъ тѣломъ со стороны, и между исходящимъ отъ него конечнымъ воздѣйствіемъ, точно также стоитъ безпредѣльное разнообразіе его частей съ непрерывными ихъ внутренними движеніями. Если мы вообще имѣемъ право, явленія живой раздражительности возводить къ этому промежуточному члену, хотя, при многосложности жизненныхъ процессовъ, и не можемъ прослѣдить цѣпь всѣхъ его звеньевъ вполнѣ, то все же и во многихъ частныхъ случаяхъ изслѣдованію нашему удалось показать по крайней мѣрѣ неразрывную механическую связь этой цѣпи. Такимъ образомъ раздражительность нельзя назвать особою дѣйствующею силой жизни, а лишь такою формою дѣйствія, которая столько же принадлежитъ живому тѣлу, сколько и всякой вообще сложной системѣ частей.

Впрочемъ мы были бы не въ правѣ ограничивать ее однѣми многосложными системами, хотя къ нимъ преимущественно водится относить это имя. Раздражительность не менѣе свойственна и самому простому субстрату. Вѣдь развѣ можемъ мы показать, какъ и почему въ возвышеніи температуры и во взаимномъ сближеніи двухъ элементовъ уже вполнѣ коренится необходимость химическаго ихъ соединенія? Напротивъ, мы должны допустить, что качественная особенность ихъ природы только раздражается этими внѣшними обстоятельствами къ такому дѣйствію, которое бы они не произвели, вліяй они на вещества другаго рода. Вездѣ, обнаруживающійся результатъ зависитъ, кромѣ внѣшнихъ условій, съ которыми онъ неразрывно связанъ, вмѣстѣ и отъ природы того, на что они дѣйствуютъ. Воздѣйствіе неорганическаго вещества только въ томъ оказывается проще, что на одни и тѣ

Digitized by Google

же раздраженія оно обыкновенно выходитъ одинаковой формы и величины, истекая изъ постоянной и неизмѣнной въ постоянствѣ возбудимости. Напротивъ, все живое, находясь внутренно въ безпрерывномъ движеніи, представляетъ однимъ и тѣмъ же раздраженіямъ въ разные моменты различную возбуждаемость, а потому воздѣйствія его кажутся непредрасчислимѣе воздѣйствій неживой природы, съ которыми, вразсужденіи послѣднихъ законовъ своего происхожденія, они однакоже согласны вполнѣ.

Такъ вслѣдъ и за этимъ обсужденіемъ возвращаемся мы опять къ тому механическому взгляду, который въ жизни, какъ и вездѣ, поставляетъ возможность, форму и подготовку сложныхъ результатовъ въ зависимость отъ стройной дѣятельности частей; мы отступаемся отъ представленія единственной силы, ведомой будто бы въ перемѣнной своей дѣятельности только однимъ соображеніемъ, какъ бы ей достигнуть цѣли. Но ту невыгодную тѣнь, которая ложится на наше воззрѣніе въ противоположность опровергаемымъ нами взглядамъ, постараемся мы смягчить еще нѣсколькими замѣтками. Конечно, мы не можемъ обѣщать того самаго преимущества, которое соединимо только съ кореннымъ понятіемъ отринутаго нами взгляда; то прекрасное единство, ту искренность жизни, которымъ обыкновенно такъ удивляются, мы не можемъ вывесть изъ взаимнодѣйствія частей; въ самыхъ тѣсныхъ отношеніяхъ своихъ другъ къ другу онѣ все-таки остаются и должны оставаться различными, или необходимо составляютъ ту совокупность дѣйствующихъ и страдающихъ точекъ, на разнообразномъ сопряженіи которыхъ именно и основаны преимущества нашего собственнаго воззрѣнія. Тѣмъ не менѣе едвали было бы справедливо упрекнуть насъ въ томъ, будто мы смотримъ на живое тѣло совершенно какъ на машину. Сколько ни готовы мы допустить, что подлинно принимаемъ въ обоихъ одни и тѣ же

Digitized by Google

законы дѣйствія, однакожь способъ приложенія этихъ законовъ въ произведеніяхъ нашей техники заключаетъ въ себѣ нѣчто скудное, чего мы отнюдь не желали бы перенесть въ добровольныя произведенія природы. Наши машины работаютъ силами изъ вторыхъ рукъ; онѣ основаны на твердости, связности и упругости веществъ, изъ которыхъ сдѣланы; онѣ не порождаютъ вновь ни одного изъ этихъ свойствъ, а предполагаютъ, что они уже произведены элементарными силами въ доставляемомъ внѣшнею природой матеріалѣ. Для хода машины требуется лишь извѣстная постоянная степень этихъ свойствъ; всякая перемѣна этой степени дѣйствуетъ уже въ ущербъ или въ поруху правильнымъ отношеніямъ. На остроумной приноровкѣ частей машины основанъ, далѣе, тотъ пріемъ, въ какомъ передается между ними сообщенное движеніе; но этотъ родъ связи произведенъ не животрепетнымъ притяженіемъ самихъ частей,—нѣтъ, именно здѣсь, въ царствѣ машинъ, лежитъ область тѣхъ внѣшнихъ связей, которыя, по какому-то странному недоразумѣнію, хотятъ иногда распространить и на живую природу. Сплоченіе производится здѣсь помощью гвоздей, болтовъ обручей и винтовъ, вращеніемъ на твердыхъ осяхъ установляется здѣсь движеніе соотносящихся частей механизма; не непосредственныя притяженія и оттолкновенья элементовъ, какъ силы первой руки, но успокоившіяся ихъ произведенія—косность и непроницаемость,—вотъ что употребляется здѣсь въ дѣло для того, чтобы внѣшнимъ сопоставленіемъ ихъ выполнить цѣль машины. Да и то, что въ ней дѣятельнаго, едвали гдѣ-нибудь является вновь-произведенною силой или движеніемъ; всѣ отправленія ея основаны на передачѣ однажды принятаго толчка. Только для произведенія этого толчка наше время чаще всего пользуется элементарными силами, развивая высокою температурой живое напряженіе паровъ. Но и эта живая сила служитъ намъ вообще только возбудите-

Digitized by Google

лемъ безформнаго по себѣ движенія; опредѣленный видъ, а вслѣдствіе того и пользу для цѣлой машины, снискиваетъ этотъ двигатель только благодаря взаимному положенію постоянныхъ колесъ или механизмовъ, на которые онъ попадаетъ. Совсѣмъ не то видимъ мы въ добровольныхъ произведеніяхъ природы. Не какая-либо вещественная связь припрягаетъ планету къ солнцу, но непосредственная дѣятельность элементарной силы, всеобщаго тяготѣнія или притяженья, невидимо держитъ оба свѣтила въ связи, и притомъ съ такою живою упругостью въ своемъ дѣйствіи, какой во вѣки не достичь ни одному искусственному приспособленью. Никакая постоянная ось, ни какой винтовой нарѣзъ, ни какой навивной и развивной канатъ не нудятъ планету перейдти къ кругообразнымъ путямъ изъ прямолинейнаго движенія; но постоянно видоизмѣняющаяся борьба между первоначальною ея скоростью и тяготѣніемъ, влекущимъ ее къ солнцу, ведетъ планету незримою, но вѣрною рукой по замкнутой орбитѣ, и ни малѣйшая трата средствъ движенія не нарушаетъ продолженія этой величавопрекрасной игры. Однако въ основѣ ея лежитъ тотъ же всеобщій законъ дѣйствія, который властвуетъ и въ нашихъ машинахъ. Только съ безконечно бо́льшимъ разнообразіемъ повторяетъ такой же родъ дѣятельности и живое тѣло. Вѣдь и оно дѣйствуетъ не внѣшними сопряженіями средствъ, вполнѣ безучастныхъ одно къ другому; вездѣ и въ немъ жизненный процессъ заполоненъ потокомъ непосредственныхъ стихійныхъ дѣйствій; каждый его элементъ, въ образованіи, обновленіи, видоизмѣненіи своемъ, раскрываетъ относительно своего сосѣда все обиліе присущихъ ему первоначальныхъ сихъ, и эти дѣйствія являются здѣсь не нарушеніями или перерывами сплошнаго процесса, но условіями, которыми все вновь и вновь обосновывается его дѣйствительность вообще, равно какъ и каждая утонченнѣйшая черта его формы въ частности. И даже тамъ, гдѣ живое

Digitized by Google

тѣло въ самомъ дѣлѣ пользуется механическимъ дѣйствіемъ для выполненія нѣкоторыхъ своихъ задачъ, какъ напримѣръ при движеніи членовъ, которыхъ твердыя кости поднимаетъ оно по законамъ рычага на веревкахъ мышцъ,—даже и тамъ образуетъ и поддерживаетъ оно рычагъ и веревки непрестанною дѣятельностью, состоящею изъ крайне-многосложной цѣпи непосредственныхъ атомическихъ взаимнодѣйствій.

Это же ограниченіе косными, готовыми уже, средствами и внѣшнимъ соединеніемъ ихъ между собой придаетъ дѣйствіямъ машинъ тотъ жуткій, неповадный для насъ видъ, изъ-за котораго мы особенно избѣгаемъ сравнивать ихъ съ жизнію. Нерѣдко двѣ части механизма долго остаются другъ возлѣ друга въ безотносительномъ состояніи,—одна, пожалуй, совсѣмъ неподвижною, другая—въ движеньи, къ которому однакожь безучастно все окружающее; вдругъ, при извѣстномъ особенномъ положеніи, котораго наконецъ достигаетъ движущаяся часть, происходитъ внезапный толчокъ, и отдѣльныя части быстро вовлекаются въ такое взаимнодѣйствіе, къ которому не было видно въ нихъ ни какой постепенной подготовки, и изъ котораго въ ближайшій за тѣмъ моментъ переходятъ онѣ опять къ своему безучастному покою. При непрерывномъ потокѣ дѣйствій, переливающемъ изъ атома въ атомъ, благодаря непосредственнымъ силамъ послѣднихъ, и образующемъ ежемгновенно сплошную, всепроникающую связь цѣлаго, жизнь избѣгаетъ этого непостоянства въ развитіи своемъ. Въ малѣйшей части организма есть какъ будто бы пониманіе того, что готовится въ другой, и непрестанное, не одиночными толчками совершающееся, взаимнодѣйствіе всѣхъ и каждой порождаетъ тотъ прекрасный видъ мягкости и милой кротости развитія, съ какимъ все живое побѣдоносно противостоитъ мертвой безсвязности движеній въ искусственныхъ автоматахъ.

Стало быть, и по нашему воззрѣнію, въ живомъ есть все-та-

Digitized by Google

ки дѣйствительная жизнь, на столько отличная отъ кажущейся лишь возбужденности машины, что тутъ вполнѣ явенъ предѣлъ между ея божественнымъ происхожденіемъ и скудостью человѣческаго искусства. Не смотря на то, мы готовы воротиться еще разъ къ основанію того упорства, съ какимъ отстаиваемъ мы этотъ взглядъ, повидимому противорѣчащій многимъ душевнымъ потребностямъ, допускаемымъ нами однакожь во всѣхъ своихъ правахъ. Тутъ дѣло для насъ не въ томъ, чтобы считать жизнь за результатъ случайнаго сопряженія частичекъ; напротивъ, мы до-времени оставляемъ первое возникновеніе ея въ сторонѣ, какъ еще неразрѣшимую для насъ тайну; только поддержку жизни считаемъ мы зависящею отъ общаго хода природы, безъ сторонняго вмѣшательства какихъ-либо новыхъ силъ. И подобно тому, какъ законы, по которымъ совершается теченіе планетной системы, дознаны неопровергнутою доселѣ наукой астрономіи прежде чѣмъ возникло какое-либо вѣроятное предположеніе о происхожденіи нынѣшняго ея распорядка, такъ точно и ученіе о поддержкѣ жизни можетъ самостоятельно предшествовать другому ученію — объ основномъ ея началѣ; мало того: именно первое укажетъ намъ своею полною разработкой, откуда можемъ мы надѣяться поясненій насчетъ этого начала. Главное для насъ — убѣжденіе въ томъ, что природа, не только по общему своему смыслу, но и по законамъ своего домостроительства, необходимо составляетъ одно цѣлое, котораго разнообразныя произведенія отличаются другъ отъ друга не особымъ какимъ-либо уставомъ, но разностію въ способѣ пользованія однимъ и тѣмъ же законодательствомъ. На этомъ предположеніи основаны всѣ надежды наши относительно будущихъ успѣховъ науки, а также и всѣ привычки нашей практической жизни. Кто робѣетъ передъ громадною задачей свести безконечное разнообразіе жизни къ этимъ основаніямъ, тотъ ощущаетъ такое чувство, ко-

Digitized by Google

торое мы дѣлимъ съ нимъ вполнѣ. Но великость требуемаго подвига не должна побуждать насъ, для болѣе удобнаго, но за то лишь только кажущагося, совершенія его, прибѣгать къ такимъ началамъ, которыхъ возможность вовсе для насъ не ясна. Къ числу такихъ началъ принадлежитъ представленіе единой дѣйствующей жизненной силы. Не ясно, чему должна она быть присуща, если именно не совокупности живыхъ частей и ихъ планообразнымъ сочетаніямъ; какъ приходитъ она къ перемѣнамъ своего способа дѣйствій и къ совершенію въ каждый мигъ того, что̀ тутъ необходимо, остается для насъ темною загадкой, пока мы не обопремся на предположеніе, что, при измѣнившихся обстоятельствахъ, она, по законной необходимости, становится иною и дѣйствуетъ иначе, какъ всякая сила, являющаяся результатомъ разнообразія измѣнчивыхъ частей. Что она присуща этимъ частямъ, что зависитъ отъ способа ихъ соединенія и совершаетъ что бы то ни было только въ постоянномъ взаимнодѣйствіи съ неорганическою природой,—это опытъ подтверждаетъ намъ вездѣ, на каждомъ шагу; мы не въ правѣ пренебречь его указанія и принимать то, что̀ является созданіемъ опредѣленныхъ условій, за какую-то сверхъестественную мощь, витающую надъ этими условіями съ неограничимою въ точности самостоятельностью и свободой. Мы подробно показали, какъ мало тѣ черты, которыя выставляются отличительными свойствами жизненной силы, приводятъ къ необходимости предполагать ее; а какія другія основанія могли бы насъ вести къ ней, мы столько же затруднились бы объяснить, сколько и то, какую именно пользу принесла она до сихъ поръ наукѣ.

Digitized by Google

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Механизмъ жизни.

Постоянныя и срочныя отправленія. — Поступательное развитіе. — Внѣзаконныя разстройства. — Употребленіе химическихъ силъ и слѣдствія ихъ для жизни. — Видообразованіе изъ безформнаго зародыша. — Смѣна веществъ, ея значеніе, форма и органы.

Обозрѣвая перемѣны, какія въ теченіе исторіи человѣчества испытывалъ взглядъ на природу вообще, мы замѣтили уже, какъ напрасно было бы наше стараніе воспользоваться изящнымъ представленіемъ объ одушевляющихъ влеченьяхъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ требуется объяснить осуществленіе и поддержку отдѣльныхъ явленій въ общей связи естественнаго домостроительства. Мы видѣли потомъ, какъ необходимо задачи физическаго изслѣдованія ведутъ его къ тому, чтобы въ каждомъ многосложномъ и измѣнчиво-развивающемся созданіи признать произведеніе многихъ силъ, которыхъ совокупное дѣйствіе получаетъ опредѣленную свою форму отъ способа сопряженія ихъ носителей. Наконецъ, самое обсужденіе такихъ явленій, въ которыхъ каждый привыкъ видѣть главныя черты жизни, утвердило въ насъ увѣренность, что и живая природа, сколь ни неизмѣримо превосходитъ она, положимъ, все остальное существованіе и цѣнностью и значеньемъ, не требуетъ, однакожь, чтобы для объясненія ея связи и дѣеспособностей

Digitized by Google

мы непремѣнно возвратились къ предположенію объ особой жизненной силѣ. Тѣмъ болѣе потребуется отъ насъ указать тѣ характеристическіе распорядки, благодаря которымъ составныя части живаго тѣла пріобрѣтаютъ возможность проводить до конца свою многозначительную игру, безъ всякой возобновляющейся помощи со стороны высшей силы. Но чѣмъ отчетливѣе сравнимъ мы разнообразіе предлежащихъ намъ жизненныхъ явленій съ познаніями, какія мы доселѣ пріобрѣли объ ихъ условіяхъ, тѣмъ менѣе отважимся питать въ себѣ дерзкую надежду, когда-либо увидѣть вполнѣ рѣшеннымъ этотъ загадочный вопросъ. Самоувѣренныя покушенія окончательно рѣшить все при нашихъ еще крайне недостаточныхъ средствахъ, могутъ только ободрить противоположный взглядъ къ тому, чтобъ опираясь на лучше оцѣниваемыя имъ трудности задачи, онъ заключалъ изъ нихъ о несбыточности той цѣли, которая, сколько ни недостижима она для насъ, все-таки должна направлять къ себѣ наши изслѣдованія. Между тѣмъ незнаніе наше не доходитъ же и до того, чтобъ въ изложеніи отдѣльныхъ жизненныхъ процессовъ мы не могли прослѣдить довольно далеко механическую связь дѣйствій, на которыхъ они держатся, да и взглядъ нашъ на совокупность этихъ процессовъ не такъ уже ограниченъ, чтобъ намъ было не подъ силу выяснить нѣкоторыя основныя черты, какими употребленіе всеобщихъ средствъ природы, собственно для жизненныхъ цѣлей, отличается отъ другихъ извѣстныхъ намъ способовъ пользованія этими же средствами.

Мы видимъ, что въ живомъ тѣлѣ перекрещиваются между собой разноформныя череды или процессы событій. Нѣкоторыя отправленія долго идутъ неизмѣннымъ ходомъ съ одинаковою силою; другія совершаютъ въ различные періоды замкнутые кругообороты и возвращаются опять почти къ тѣмъ же состояніямъ, отъ которыхъ они навремя удалились. Но эти посто-

Digitized by Google

янныя или самовозвратныя движенія вездѣ сопровождаются другимъ, поступательнымъ, развитіемъ, благодаря которому живое тѣло, по присущему ему закону постепеннаго роста, измѣняетъ какъ свой внѣшній видъ, такъ и внутреннюю связь своихъ отправленій, чтобы все покончить разложеніемъ, — этимъ не только что неизбѣжнымъ, но и естественно-предопредѣленнымъ завершеніемъ его существованья. Но и этотъ ходъ развитія и нормальная послѣдовательность различныхъ его ступеней перерываются въ каждый моментъ жизни разнообразіемъ внѣшнихъ впечатлѣній и не меньшимъ разнообразіемъ воздѣйствій, которыми живое существо, то съ мимолетнымъ раздраженіемъ, то съ устойчивымъ напряженьемъ, волнуется само и волнуетъ предметы внѣшняго міра. Ни впечатлѣнія, ни волненья эти не связаны постояннымъ закономъ срочнаго возврата или череды; дѣйствуя и возбуждаясь въ силу непредвидимой случайности, могутъ они прежде всего почесться только разстройствами тѣла и тѣхъ снарядовъ его, на которыхъ основанъ послѣдовательный ходъ опредѣленнаго ему развитія. Между тѣмъ существенный характеръ всякой животной жизни состоитъ не въ спокойномъ и ровномъ развитіи, но именно въ этой дѣеспособности, готовой каждый мигъ употребить излишекъ живой силы противъ безпорядочнаго напора внѣшнихъ впечатлѣній. А потому, по крайней мѣрѣ общая возможность воздѣйствій такого рода, непредвидимыхъ и непредрасчислимыхъ въ частности, должна быть обезпечена какою-нибудь существенною чертой животнаго домохозяйства.

Неорганическій міръ представляетъ намъ простѣйшіе образцы постояннаго продолженія одного и того же процесса, равно какъ и замкнутаго кругооборота самовозвратнаго развитія. Въ самомъ дѣлѣ, продолженіе каждаго прямаго движенія тѣла не потребовало бы иной помощи, кромѣ отстраненія помѣхъ, и наоборотъ, вліяніе одной какой-нибудь помѣхи, хоть напримѣръ

Digitized by Google

того притяженія, которымъ движущееся тѣло связано съ другимъ, было бы достаточно для покривленія пути его, и понадобились бы лишь немногія ближайшія условія для того, чтобъ превратить этотъ путь въ замкнутую орбиту, по которой планета кружитъ около своей главной звѣзды. И безъ конца продолжалась и повторялась бы эта правильная игра движеній между двумя тѣлами, пока они свободны отъ всякой внутренней перемѣны своихъ толщъ и силъ, равно какъ и отъ всякаго внѣшняго впечатлѣнія со стороны остальнаго міра. Но было бы заблужденіемъ приводить эти примѣры постоянно-однообразнаго или самовозвратнаго развитія въ доказательство легкости, съ какою и живому организму должно удаваться осуществленіе подобныхъ же процессовъ въ немъ самомъ. Ибо хотя и его дѣятельность основана, конечно, на примѣненіи тѣхъ же простыхъ законовъ косности и сочетанья силъ, однакожь при ближайшемъ разсмотрѣніи мы найдемъ, что процессы, идущіе въ живомъ тѣлѣ однообразнымъ потокомъ, какъ напримѣръ непрерывное питаніе и поддержка тѣла въ мельчайшихъ его частяхъ, все-таки обусловлены гораздо многосложнѣйшими отправленіями, нежели можно бъ было полагать, судя по простотѣ завершающаго ихъ результата. Они похожи на спокойно горящій свѣтъ восковой свѣчи: однообразное сіяніе его отнюдь не обличаетъ череды тѣхъ связно-послѣдовательныхъ дѣйствій, которыми оно питается. Когда первая зажженная часть свѣтильни соединилась съ кислородомъ атмосфернаго воздуха, она произвела, сгарая, болѣе тепла, нежели нужно было для нагрѣва и смежной съ нею части дотого, чтобы она послѣдовала также сродству съ кислородомъ. Такъ пламя распространилось отъ второй части на третью и потомъ на цѣлую свѣтильню, вслѣдствіе того, что каждая точка, долею освобождаемой ею теплоты, доводила до подобнаго же возгаранія связанныя прежде силы другой точки. Но пламя извело

Digitized by Google

бы слишкомъ скоро тонкія нити свѣтильни, еслибъ другая доля освобождаемаго тепла не плавила въ то же время воскъ, предназначенный питать горѣніе. Всасывающимъ притяженіемъ свѣтильни текучая масса поднимается вверхъ, и охраняя пропитываемыя ею нити отъ слишкомъ быстраго истребленія, достигаетъ той точки, гдѣ высокая температура воспламеняетъ и ее, тогда какъ за восходящимъ потокомъ накаленнаго воздуха, поднимающимся отъ пламени, къ этой самой точкѣ стремится снизу свѣжее подспорье плавленнаго воска и поддерживаетъ начатое уже горѣніе. Испаряемая послѣднимъ восковая жидкость освобождаетъ отъ себя напоенныя нити свѣтильни и даетъ новому матеріалу, котораго расплавкѣ она же и содѣйствовала, вольный просторъ продолжать, подымаясь снизу, опять ту же самую череду процессовъ. На подобныхъ же распорядкахъ основаны простыя съ виду и однообразно совершающіяся отправленія живаго организма. Разница лишь въ томъ, что пламя гаснетъ по истребленіи однажды даннаго матеріала, а живымъ дѣятельностямъ общая связь цѣлаго доставляетъ возможность продолжаться все сызнова. Такъ, являются они не столько элементарными процессами, которыхъ однообразное постоянство представляетъ прочную почву для измѣнчивости другихъ, но скорѣе дѣеспособностями, обусловленными выдержкою обширнѣйшаго и многосложнѣйшаго плана, хотя и въ самой упрощенной формѣ, но съ удивительно тонкой и перепутанной подготовкою. Столь же недостаточны были бы вышеприведенныя аналогіи теченія планетъ и для объясненія періодическихъ кругооборотовъ, совершаемыхъ другими отправленіями живаго тѣла. Біенія сердца, мѣрныя сокращенія кишекъ, переливы дыханія,—все это процессы, не имѣющіе ни какого сходства съ простыми движеніями свободно-парящихъ тѣлъ. Здѣсь видимъ мы большія количества скрѣпленныхъ между собою частей совокупно дѣйствующими для совершенія общихъ

Digitized by Google

движеній, которымъ нѣтъ возможности произойдти безъ перемѣны въ образѣ связи частей, безъ пожертвованія иными изъ тѣхъ условій, отъ которыхъ именно зависитъ ихъ дѣятельность. Стало-быть, и эти дѣйствія ихъ подчинены болѣе общему и объемистому плану, обезпечивающему имъ вознагражденіе потерь и правильный возвратъ необходимыхъ для нихъ возбужденій.

Напрасно стали бы мы искать въ неорганическомъ мірѣ третьей изъ вышеупомянутыхъ нами формъ процесса многосложныхъ событій, — именно: поступательнаго развитія, идущаго ступенями предопредѣленныхъ состояній. Она принадлежитъ одной только жизни и, въ полной красѣ и чистотѣ своего значенія, выступаетъ въ развитіи растеній. Однакоже не совсѣмъ излишне прослѣдить и тѣ несовершенные намеки на эту форму, какіе можемъ мы найдти въ царствѣ безжизненнаго. Только между двумя вышеприведенными тѣлами могла бы съ безконечной правильностью продолжаться игра круговаго планетнаго движенія; привхожденіе всякаго третьягв тѣла измѣнило бы взаимнодѣйствіе двухъ первыхъ и понудило бы ихъ идти такими путями, въ которыхъ обнаружилось бы нарушающее вліяніе со стороны. Только въ продолжительнѣйшіе періоды удалось бы этой системѣ тѣлъ — еслибъ и удалось когда-нибудь — вполнѣ воротиться опять къ первоначальному своему распорядку и съизнова повторить во всей точности совершенное ею прежде движенье. Съ числомъ дѣйствующихъ другъ на друга членовъ должна возрастать затруднительность мѣрно-возвратнаго процесса перемѣнъ, и потребуется особенно-благопріятныхъ условій для того, чтобы взаимныя помѣхи оставались въ тѣхъ наименьшихъ предѣлахъ, при которыхъ не терпѣли бы существенно ни видъ системы, ни ея движенія, по крайней мѣрѣ въ цѣломъ. Такія условія и осуществлены для планетной системы нашего солнца, и къ

Digitized by Google

числу ихъ принадлежитъ прежде всего то, что, при всемъ внутреннемъ разнообразіи своихъ движеній, она составляетъ замкнутое и разобщенное отъ другихъ цѣлое, на которое не простираются уже замѣтно вліянія, лежащаго за его предѣломъ, міра отдаленнѣйшихъ неподвижныхъ звѣздъ. Не то было бы, еслибъ, подобно тѣлу растенія, система эта была доступна внѣшнимъ вліяніямъ и должна была терпѣть, подобно ему, чтобъ всѣ движенія, въ какія ни вступитъ она по своей природѣ, наитствовались и измѣнялись бы правильно-возвратною чередою внѣшнихъ впечатлѣній. Положимъ, что система небесныхъ тѣлъ двигалась бы въ такомъ пространствѣ, гдѣ находила бы распредѣленными по извѣстному закону другія массы, на которыя могла дѣйствовать своимъ притяженіемъ; тогда не только возрастала бы она сама, вовлекая ихъ въ кругъ своихъ собственныхъ движеній и привязывая на будущее время къ себѣ, но привхожденіемъ этихъ новыхъ составныхъ частей измѣнялись бы и взаимныя отношенія всѣхъ прежнихъ, а движенія цѣлой системы развивались бы постоянно въ новыхъ формахъ, которыя необходимо возникали бы каждая изъ непосредственно предшествовавшей и изъ вліянія новыхъ условій данной минуты. Такимъ образомъ произошла бы правильная постепенность состояній, схожихъ съ послѣдовательными фазами развитія живаго организма. Потому что вѣдь и живое тѣло есть такая открытая система частей, не замкнутая отъ внѣшнихъ вліяній, но ожидающая ихъ правильнаго возврата для своего развитія. Къ тому, во что оно слагается, нѣтъ полнаго основанія въ немъ самомъ; ему нуженъ не только приливъ массъ, изъ которыхъ зиждется ростущій его обликъ, но еще и возбуждающія впечатлѣнія, которыя направляютъ его собственныя силы и опредѣляютъ послѣдовательность ихъ проявленій; замкнутое, повидимому, въ самомъ себѣ, оно составляетъ между-тѣмъ только половину жизненной основы,

Digitized by Google

тогда какъ другая добавочная половина лежитъ еще безформно во всеобщемъ теченіи природы, приливающемъ къ нему обильною струей.

Однакожь развитіе живаго организма не исключительно основано на томъ, что не довлѣя самъ себѣ и нуждаясь во внѣшнемъ мірѣ, онъ зиждется приращеніемъ массы и пріемомъ впечатлѣній; должно присовокупить къ этому еще другую особенность, которою онъ вполнѣ отличается отъ приведеннаго нами образца развивающейся солнечной системы. Мѣсто тяготѣнія, проникающаго все міровое пространство, и соединяющаго отдаленнѣйшія другъ отъ друга тѣла между собой, заступаетъ здѣсь обширнѣйшее употребленіе въ дѣло химическаго сродства и притяженій на незамѣтныхъ разстояніяхъ. Обычный взглядъ, видящій живую цѣльность только въ тѣлѣ растенія или животнаго, и принимающій планетную систему за сгруппировку самостоятельныхъ существъ, не безъ основанія допускаетъ эту разность; она зависитъ отъ разнородности силъ, на долю которыхъ въ томъ и въ другомъ случаѣ приходится главнѣйшее участіе въ осуществленіи измѣнчиваго развитія, здѣсь—системы, тамъ—организма. Вѣдь и тѣло планеты образуется и поддерживается тѣми притяженіями, которыя, дѣйствуя только въ крайней близи, исчезаютъ при замѣтныхъ разстояніяхъ; непрерывныя химическія измѣненія преображаютъ безпрестанно по крайней мѣрѣ его поверхность: но эти внутреннія колебанья ничего не значатъ для тяготѣнія, въ силу котораго планета, какъ цѣлое, занимаетъ свое мѣсто въ кругу небесныхъ тѣлъ. Наоборотъ, и въ живомъ тѣлѣ тяжесть дѣйствуетъ вездѣ, на сколько это возможно ей, по всеобщимъ законамъ; но какъ бы ни были важны и знаменательны эти дѣйствія для отдѣльныхъ случаевъ, имъ не дано преобладающаго вліянія на видообразованіе жизненныхъ явленій. Благодаря тому тяготѣнію, которое дѣятельно проникаетъ

Digitized by Google

собою неизмѣримость міровыхъ пространствъ, планетная система можетъ осуществить столь слабую на видъ и столь крѣпкую на дѣлѣ связь частей своихъ, которыхъ величина исчезаетъ передъ громадностью раздѣляющей ихъ дали; напротивъ, посредствомъ такихъ силъ, которыя немощны уже на маломъ разстояніи отъ своей исходной точки, а при непосредственномъ соприкосновеніи взаимнодѣйствующихъ частицъ превозмогаютъ даже значительныя препятствія, живое тѣло пріобрѣтаетъ тотъ крѣпко-связный составъ, которымъ, какъ законченное въ себѣ единство, оно вездѣ отличается отъ окружающей его среды. И разность эта существуетъ не по одному только виду. Предоставленная сама себѣ, связь звѣздной системы можетъ быть крѣпка; но, какъ осуществляется она только силами, дѣйствующими изъ-дали, такъ и нарушить ее могли бы лишь подобныя же силы, и тогда звѣздная система обличитъ соотвѣтственными колебаніями вліяніе малѣйшихъ перемѣнъ въ распорядкѣ внѣшняго для нея міра,—перемѣнъ, отъ которыхъ не оградиться ей ни какимъ дѣйствительнымъ способомъ. Напротивъ, живому тѣлу, предопредѣленному на постоянное взаимнодѣйствіе со внѣшнимъ міромъ, эта особенная природа его силъ служитъ болѣе или менѣе надежною охраной; небольшое разстояніе, на какомъ химическое сродство и сцѣпленіе частицъ теряютъ свою дѣйственность, окружаетъ его, можно сказать, какъ бы поясомъ безучастія, а между тѣмъ тѣ же самыя силы связываютъ его собственныя соприкасающіяся части довольно крѣпко для того, чтобы давать отпоръ даже и дѣйствительному на него натиску. Вотъ почему, тогда какъ менѣе стойкая связь любой звѣздной системы готова съ дивною чуткостью отражать перемѣны остальнаго міра въ своихъ собственныхъ, живое тѣло, болѣе сносливое въ этомъ отношеніи, возвращается даже послѣ сильныхъ колебаній въ прежнее положеніе своихъ частей и тѣмъ самымъ представ-

Digitized by Google

лнетъ видъ всегда тожественнаго съ собою, и однакожь не коснаго, но легкоподвижнаго существа.

Намъ хотѣлось бы упомянуть здѣсь еще объ одномъ преимуществѣ, извлекаемомъ изъ того же обстоятельства живымъ организмомъ, преимуществѣ, которое съ перваго взгляда можетъ показаться недостаткомъ. Люди дотого уже привыкли видѣть одно изъ существеннѣйшихъ и удивительнѣйшихъ преимуществъ жизни въ чрезвычайной утонченности взаимной связи частицъ, что можетъ показаться страннымъ, если недостатокъ подобной связи въ нѣкоторомъ отношеніи мы выставимъ какъ дѣйствительное его качество. Однакожь недостатокъ этотъ въ самомъ дѣлѣ существуетъ, и легко убѣдиться, что именно въ немъ, наверстываемомъ только особыми процессами для опредѣленныхъ цѣлей, заключается больше обезпеченія для сохранности жизни, чѣмъ въ несуществующемъ (но предполагаемомъ) избыткѣ всепроникающей связи мельчайшихъ частицъ. Будь всѣ части живаго тѣла непосредственно связаны взаимнодѣйствіями дотого, что малѣйшая перемѣна въ одной отзывалась бы неизбѣжно на всѣхъ прочихъ, то въ этомъ лежалъ бы обильный источникъ безконечныхъ разстройствъ для цѣлаго, который потребовалъ бы такихъ же многосложныхъ предосторожностей для ихъ исправленья. Ибо не вездѣ оказалось бы возможнымъ извести разстройство его собственными послѣдствіями, да и въ этомъ даже случаѣ тревога, распространенная имъ по всему тѣлу, была бы уже сама по себѣ зломъ, еслибъ не представлялось способа кстати воспользоваться ею для достиженія какихъ-нибудь другихъ цѣлей (разумѣется, полезныхъ). Въ системѣ небесныхъ тѣлъ усматриваемъ мы результатъ этого всепроникающаго взаимнодѣйствія, въ томъ именно, что ни одна планета не можетъ описать путь свой такъ, какъ бы она описала его безъ нарушеній со стороны притягательной силы всѣхъ прочихъ. Жи-

Digitized by Google

вое тѣло, особымъ строемъ своей нервной системы, возстановляетъ въ себѣ тѣсную внутреннюю связь только тамъ, и притомъ крайне утонченно въ томъ лишь отношеніи, гдѣ, и на сколько, это требуется задачами его жизни; сама же по себѣ, каждая часть тѣла, при маломъ кругѣ дѣйствія тѣхъ силъ, которыя орудуютъ здѣсь на первомъ планѣ, связана только съ немногими изъ ближайшихъ своихъ сосѣдей такъ непосредственно, чтобы каждое состояніе одной замѣтнымъ образомъ вліяло и на другую. Отсюда для каждой группы частей возникаетъ свобода вырабатывать свою фигуру, ткань и смѣсь съ извѣстною степенью упорной самостоятельности, и, не смущаясь мимоходными колебаніями всего остальнаго организма, совершать тѣ отправленія, которыхъ правильный исходъ обезпечиваетъ общую связь цѣлаго.

Едвали затѣмъ нужно выставлять еще на видъ тѣ особенные результаты, которые возникаютъ для жизни изъ пользованія химическими процессами. Небесныя движенія происходятъ между массъ, остающихся все одинакими; машиностроительная техника употребляетъ, правда, химическія силы для добычи себѣ первоначальнаго двигателя, но форма механическаго дѣйствія также основана здѣсь на косномъ строѣ неизмѣнныхъ частей; одно живое тѣло представляетъ намъ развитіе, котораго носители не только ростутъ, но среди дѣятельности своей испытываютъ еще предопредѣленную перемѣну своей природы. Стало-быть, гораздо существеннѣе нежели въ двухъ первыхъ сферахъ, каждый будущій успѣхъ обусловленъ здѣсь непосредственно предшествующимъ состояніемъ. И въ машинѣ удача позднѣйшаго момента является по милости предыдущаго, которымъ части механизма приведены были въ надлежащее положеніе; но въ томъ и въ другомъ случаѣ остаются все тѣ же дѣйствующія массы и тѣ же силы: поэтому работа цѣлаго ограничивается, хотя можетъ быть и очень многослож-

Digitized by Google

ною, но все же только срочно-возвратною, а не возрастающею чередою результатовъ. Напротивъ, въ живомъ тѣлѣ каждое происшедшее въ немъ химическое измѣненіе приводитъ въ дѣйствіе несуществовавшія прежде силы, и угомоняетъ другія; такимъ образомъ въ каждый моментъ создается для дальнѣйшаго развитія новая основа, которая, то обезпечивая продолженіе прежнихъ состояній, то вызывая развитіе новыхъ, или соединяя то и другое вмѣстѣ, вообще даетъ просторъ болѣе широкой игрѣ пластическаго видообразованія и дѣеспособности организма. Необходимо имѣть въ виду это постепенное возрожденіе самыхъ основъ, чтобы понять, какимъ образомъ организмъ выходитъ наконецъ завершеннымъ изъ простаго своего зародыша, и не чувствовать при этомъ надобности въ постоянныхъ вмѣшательствахъ какой-то руководящей силы. Конечно, опытъ удостовѣряетъ насъ почти до полной несомнѣнности, что въ нынѣшнемъ кругообротѣ природы уже ни одинъ рѣшительно организмъ не возникаетъ изъ соединенія элементарныхъ веществъ непосредственно и прямо; только въ видѣ распложенія однороднаго продолжается еще преданіе жизни и постоянно поддерживаетъ въ сѣмени и въ яйцѣ распредѣленную извѣстнымъ образомъ совокупность частей, изъ которыхъ, при возбужденіи извнѣ, можетъ опять развиться череда урочныхъ жизненныхъ явленій. Однакожь и это преданіе кажется намъ часто дотого ничтожнымъ, эта начальная точка дотого простой, что мы не можемъ представить себѣ въ нихъ однихъ всю полноту условій обновленнаго развитія въ будущемъ. Мы позабываемъ въ такомъ случаѣ, какъ длиненъ въ самомъ дѣлѣ тотъ образовательный путь, который, чрезъ безчисленное множество процессовъ, ведетъ отъ нехитраго, повидимому, зародыша къ законченности цвѣта и плода, и что на каждой ступени этого пути возникаютъ новыя возможности, которыхъ на предшествующей еще недоставало. Мы далеки

Digitized by Google

отъ непосильной для насъ мысли изложить исторію этихъ превращеній, а также и законовъ, по которымъ, въ развитіи живаго организма, они дѣйствительно слѣдуютъ другъ за другомъ опредѣленной чередой; но нельзя сказать, чтобы намъ было совершенно не подъ силу оцѣнить вообще тѣ способы, которые могла употребить здѣсь природа, и которыхъ посредство сближаетъ между собой края широкой бездны между начальной и конечной точкой образованія, подѣляя этотъ переходъ на многія промежуточныя ступени.

Еслибъ сначала представилась намъ только какая-нибудь жидкость съ извѣстной, точно опредѣленною смѣсью составныхъ частей, безъ всякаго еще твердаго зерна, обозначающаго основу будущаго развитія, то вѣдь для произведенія этого зерна достаточно бы уже было первыхъ химическихъ вліяній со стороны окружающаго. Одна изъ составныхъ частей отдѣлилась бы въ видѣ сгустка, и какъ свойству каждаго вещества не только соотвѣтствуетъ опредѣленная форма, какую принимаетъ оно, предоставленное самому себѣ, но какъ притомъ, смотря по обстоятельствамъ, можетъ обозначиться и величина облика, который способно оно сомкнуть своими силами, то это отвердѣвающее вещество распалось бы на извѣстное число частей, готовыхъ принять то взаимное положеніе, въ какомъ могутъ онѣ держаться при наличныхъ условіяхъ. Если этимъ процессомъ, или существующимъ уже строемъ сѣмени, дано первое твердое зерно дальнѣйшаго развитія, то намъ нужна лишь небольшая отмѣна въ распорядкѣ его по разнымъ направленьямъ, чтобы постичь, какъ развитіе ближайшаго момента, допуская дѣйствіе одинаковыхъ внѣшнихъ раздраженій на эти несходно-сложенныя части, увеличиваетъ ихъ разность и такимъ образомъ подготовляетъ возникновеніе изъ однороднаго, повидимому, начала различныхъ и далеко расходящихся между собою формъ. Каждое совершившееся химическое превра-

Digitized by Google

щеніе влечетъ за собой тотчасъ же соотвѣтственную перемѣнѣ вещества перестановку въ пространственномъ распорядкѣ частицъ; а каждое произведенное имъ новообразованіе будетъ въ свою очередь обусловливать дальнѣйшее вліяніе внѣшнихъ раздраженій, отстраняя его отъ частицъ, сдѣлавшихся теперь недоступными, и сосредоточивая его на тѣхъ, которыя остались ему доступны, чѣмъ самымъ предначертываются послѣдующему развитію ближе и ближе опредѣлимые пути. Но какъ каждая новая химическая смѣсь неразлучна съ новымъ пластическимъ видообразованіемъ, такъ точно и каждый вновь пріобрѣтаемый видъ влечетъ за собой новыя возможности и повадки химическаго дѣйствія. Въ мастерскихъ нашихъ искусственныхъ производствъ мы тщательно избѣгаемъ, чтобы употребляемый нами сосудъ не принялъ какъ-нибудь участія въ химическихъ взаимнодѣйствіяхъ своего содержанья; напротивъ, въ живомъ тѣлѣ ткани отнюдь не составляютъ только безучастное поприще, на которомъ сводятся имъ другія вещества для обоюдныхъ взаимнодѣйствій, но своею плотностью, своею формой, притягательными или отталкивающими силами, которыми дѣйствуютъ онѣ на свое содержаніе, ткани оказываютъ долю своего вліянія и на самый ходъ обмѣна веществъ въ цѣломъ организмѣ. Этимъ постепенно нарастающимъ образованіемъ сосуда, въ которомъ онѣ содержатся, питательныя жидкости вырабатываются для произведенія тончайшихъ смѣсей, а внѣшнимъ раздраженіямъ жизни открывается вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣе и болѣе опредѣленный и сподручный для нихъ доступъ. Мы не въ правѣ считать маловажнымъ ни одного изъ этихъ совмѣстно-дѣйствующихъ началъ, и сколько ни убѣждены мы въ томъ, что ни одинъ подобный процессъ живаго развитія не можетъ уклониться отъ общихъ законовъ физической и химической дѣятельности, мы однакожь отнюдь не должны питать надежды объяснить извѣстною намъ доселѣ

Digitized by Google

частію этихъ законовъ ту необозримую многосложность, съ какою безпрерывныя перемѣны формы, смѣшенія и доступа внѣшнихъ раздраженій переплетаются здѣсь одна съ другой и взаимно другъ друга вызываютъ. Всего менѣе можемъ мы надѣяться, чтобъ человѣческому искусству когда либо удалось подражательно воспроизвесть хоть одну сколько нибудь существенную часть живаго тѣла. Ибо, хотя и несомнѣнно то, что ни одно живое произведеніе не могло возникнуть иными силами, кромѣ присущихъ общему теченію природы, однакожь для возникновенія его былъ не менѣе необходимъ тотъ именно опредѣленный распорядокъ силъ и ихъ носителей, который одинъ могъ предначертать будущему результату окончательную его форму. А распорядокъ этотъ никогда уже не возобновляется самъ собой *; храненіе его предоставлено природой непрерывной передачѣ путемъ приплода. Всякая надежда искусственно возсоздать жизнь заключала бы въ себѣ заносчивую мечту, что съ гораздо мѣньшими, недостаточными средствами и притомъ гораздо кратчайшимъ путемъ, мы можемъ совершить то самое, что даже и природа властна осуществить только посредствомъ долгаго развитія и съ помощію органически-подготовленныхъ къ тому силъ.

Въ разные сроки прекращается образуемость отдѣльныхъ частей развивающейся такимъ порядкомъ системы; однѣ вполнѣ прошли уже рядъ превращеній, къ какимъ были способны при данныхъ обстоятельствахъ, тогда какъ другія находятся еще на срединѣ своего образовательнаго пути. Такъ деревенѣющій стволъ растеній устраняется постепенно отъ участія въ далънѣйшемъ развитіи, но продолжаетъ служить цѣлому своими физическими свойствами, крѣпостью и косностью,

* То-есть, онъ не принадлежитъ къ числу продолжающихся въ природѣ самовозвратныхъ процессовъ.

Digitized by Google

очерчивая поприще дѣятельности тѣмъ частямъ, которыя остались еще подвижны. Многоразличнѣйшими способами въ поступательномъ ходѣ своемъ развитіе создаетъ себѣ новыя и новыя опоры, благодаря которымъ идетъ далѣе, но вмѣстѣ порождаетъ себѣ этимъ и предѣлы, которыми возможности дѣйствія пригоняются къ извѣстнымъ формамъ и такимъ образомъ ведутъ или къ выдержкѣ постояннаго типа жизни, или въ то же время и къ конечному ея завершенію, къ полному истощенію всѣхъ случаевъ дальнѣйшей дѣятельности. Всѣ эти черты, изъ которыхъ слагается для насъ образъ замкнутаго въ себѣ развитія, связаны съ пользованіемъ законами химическаго сродства и съ употребленіемъ въ дѣло частичныхъ силъ, дѣйствующихъ только въ непосредственномъ соприкосновеніи.

Растеніе, самый ясный образецъ этого развитія, не имѣетъ иной задачи жизни, кромѣ выработки своего облика или пластическаго вида. Еслибъ внѣшній міръ предлагалъ ему готовыми тѣ вещества, которыми оно можетъ воспользоваться для своей постройки, тогда оно ограничивалось бы одною пріимчивостью, и не было бы ему никакой необходимости возвращать внѣшнему міру эти вещества до полнаго разрушенія растительнаго организма. Но оно не встрѣчаетъ такого готоваго матеріала, и вынуждено производить его изъ элементарныхъ частицъ. При этой работѣ часть употребляемаго въ дѣло матеріала можетъ отпадать, какъ ненужный побочный продуктъ, и возвращаться внѣшнему міру въ этомъ качествѣ; другія вещества, какъ напримѣръ большое количество принятой воды, круговращаются въ растительномъ тѣлѣ не какъ составныя его части, но собственно для того, чтобъ, въ видѣ растворяющаго средства, обезпечивать подвижность настоящихъ его дѣятелей; они также возвращаются во внѣшній міръ, сослуживъ свою службу; наконецъ многое, что было важно для извѣстныхъ періодовъ роста, отрѣшается отъ цѣлаго по выполненіи своей задачи, за-

Digitized by Google

сыхая или увядая. Но нѣтъ ни какого основанія предполагать, чтобъ вещества, вошедшія однажды въ постоянный строй растенія, подлежали повторительному обновленью. Извѣстно, что животное тѣло дѣйствуетъ въ этомъ отношеніи иначе, и хотя устранены еще не всѣ сомнѣнія насчетъ объема, въ какомъ допускаетъ оно смѣну веществъ, достовѣрно однакожъ, что большая часть его массы находится въ постоянномъ разложеніи и такъ же постоянно обновляется свѣжимъ приливомъ матеріала. Этотъ фактъ, котораго размѣры изучимъ мы впослѣдствіи, сначала слѣдуетъ намъ обсудить въ его значеніи для той черты животной жизни, съ которою онъ неоспоримо въ ближайшей связи, именно съ такими дѣйствіями, которыя животное тѣло совершаетъ безъ опредѣленнаго закона ихъ возврата и послѣдованія, но притомъ не помимо выработки и поддержки своего пластическаго вида.

Ни одно изъ безчисленныхъ впечатлѣній, съ которыми внѣшній міръ непрерывно и безурядно приступаетъ къ нашимъ чувствамъ и которыхъ переводъ на ощущенья составляетъ собственно задачу души животнаго, не можетъ быть принято тѣломъ безъ того, чтобъ пріемлющіе органы не испытали отъ него перемѣны того состоянія, въ какомъ дѣйствующія ихъ частицы находятся, когда онѣ спокойны. Ни одно изъ столь же многочисленныхъ движеній, которыми внутренняя жизнь животнаго воздѣйствуетъ на эти раздраженья, невыполнимо безъ того, чтобъ значительная перемѣна въ положеніи его членовъ не была подготовлена бездною перемѣнъ во взаимномъ распорядкѣ ихъ мельчайшихъ частичекъ. Всѣ процессы эти, наступая не въ видѣ предопредѣленныхъ степеней развитія правильной какой-нибудь чередою, но помимо всякаго математическаго закона, могутъ считаться только за разстройства или порухи тѣхъ соотношеній, которыя предписаны составнымъ частямъ тѣла родовымъ его образцомъ. Теперь захоти

Digitized by Google

мы пуститься въ созерцаніе возможностей, не имѣющихъ никакого явнаго отношенія къ настоящему дѣлу, мы бы могли, пожалуй, вообразить себѣ строй тѣла расположеннымъ такъ, что органы его, послѣ каждаго изъ подобныхъ потрясеній, возвращаются опять вполнѣ живо и упруго въ прежнее свое состояніе. Но догадка эта подтверждается опытомъ только въ весьма ограниченномъ объемѣ, такъ какъ достовѣрно лишь одно, что силы сцѣпленія между частями крѣпкихъ тканей достаточно могучи для того, чтобы преодолѣвать мгновенно-грозящіе имъ напоры. Напротивъ, истощеніе чувствъ, утомленіе мышицъ, неизбѣжно наступающія послѣ извѣстнаго продолженія непрерывной работы, убѣждаютъ насъ, что приведенная догадка, хотя, пожалуй, и мыслима, но въ самомъ дѣлѣ не вѣрна, и что тѣми средствами, какія предоставлены жизни обычнымъ ходомъ естества, она не можетъ образовать органовъ, которые не испытывали бы постепеннаго ущерба отъ взаимнодѣйствія предназначенныхъ для нихъ раздраженій. Но въ цѣляхъ жизни лежитъ требованіе, почти вездѣ изглаживать слѣды прежнихъ впечатлѣній и опять возвращать орудія къ тому состоянію, въ которомъ они могутъ принимать на себя новыя задачи, ни мало не стѣсняясь уже свершенными ими дѣйствіями и не ослабѣвъ отъ нихъ, какого бы они ни были рода или величины. Спрашивается, какъ можетъ быть всего проще удовлетворена эта потребность постояннаго обновленія способностей?

Не вдаваясь въ розыскъ отдаленныхъ возможностей, которыя какое-нибудь ускользнувшее отъ насъ обстоятельство слишкомъ легко можетъ обратить въ совершенную невозможность, укажемъ лучше немедленно въ безпрерывной смѣнѣ вещества то простѣйшее начало этого удовлетворенія, которое притомъ, какъ очевидно изъ опыта, и дѣйствительно примѣняется на дѣлѣ. Жизнь, употребляя себѣ на службу переходныя вещества и осуществляя явленія свои на непрестанно смѣняющихся

Digitized by Google

массахъ, тѣмъ самымъ всего лучше облегчила поддержку нормальнаго своего состоянія въ борьбѣ противъ непредвидимыхъ разстройствъ. Если легкимъ и тонкимъ впечатлѣніямъ со стороны внѣшняго міра надлежало имѣть возбудительную силу на тѣлесные органы, если нѣжные оттѣнки внѣшнихъ раздраженій должны были явственно выступать передъ нашимъ смысломъ замѣтными разностями въ своихъ дѣйствіяхъ, и если требовалась выполнимость многоразличныхъ движеній во всѣхъ возможныхъ степеняхъ силы, продолжительности и быстроты, то служебныя орудія всѣхъ подобныхъ отправленій непремѣнно должны были обладать легко-возбуждаемою нарушимостью своихъ внутреннихъ состояній. Необходимое это качество было связано съ измѣнчивостью химическаго состава, и живая природа не уклонилась отъ этого слѣдствія, напримѣръ тѣмъ, чтобы потрясенныя извнѣ вещества предохранить какими-нибудь высшими силами отъ разложенія, которому подлежатъ они по общему закону химическихъ процессовъ; она обрекла потрясенное на гибель, удержавъ за то необходимыя основы для вознагражденія утратъ. Но не только то, что разрушено своими собственными дѣйствіями, но и то, что бездѣйственно пережило срокъ, до котораго могло просуществовать его соединенье, также предоставляется своей судьбѣ и идетъ прямо къ разложенію, хотя и не столь быстро, какъ первое. Такимъ образомъ природа уклоняется отъ необходимости противопоставлять каждому разстройству порознь соотвѣтственное его роду и величинѣ воздѣйствіе, а тѣмъ самымъ она избѣгаетъ множества невыгодъ, едва ли не неразлучныхъ со всякимъ инымъ порядкомъ вещей. И безъ того, воздѣйствія такого рода могла бы она производить въ томъ лишь случаѣ, еслибъ само разстройство вызывало ихъ съ механическою необходимостью и такимъ образомъ сокрушалось бы объ извѣстную часть своихъ собственныхъ послѣдствій, обратившуюся на него. Но по-

Digitized by Google

добная дѣятельность, проявляясь только въ моментъ надобности, наступала бы въ такіе же неправильные сроки, какъ и разстройство, которымъ она возбуждается; поэтому она сама была бы опять новымъ потрясеніемъ, которое безъ вреда общему составу обходилось бы развѣ только при особенно-благопріятныхъ обстоятельствахъ. То же самое выходило бы въ томъ случаѣ, еслибъ составныя части тѣла были сами по себѣ неизмѣнны и разлагались бы только потрясенныя напоромъ внѣшнихъ раздраженій и ихъ послѣдствіями, а за тѣмъ тотчасъ требовали бы себѣ обновленья, тогда какъ въ спокойные промежутки обходились бы и безъ него. Напротивъ, если совокупность дѣйствующихъ частей есть цѣлое, постоянно движимое приливомъ и отливомъ, то сплошной этотъ потокъ безпрерывно уноситъ съ собой остатки разрушенія и, безпрерывно обновляя основы дальнѣйшей дѣятельности, охраняетъ цѣлость жизни отъ внезапныхъ и толчкообразныхъ потрясеній, которыя были бы неразлучны со всякою иною охраной, пробуждающейся только въ моментъ нужды. Да при этомъ становится ненужнымъ и производство для каждаго потрясенія особаго цѣлебнаго средства, смотря по его роду и величинѣ; вмѣсто открытаго боя съ многоразличными послѣдствіями внѣшнихъ впечатлѣній, жизнь всегда хитростно уклоняется отъ общей схватки: дѣйствуя съ самаго начала смѣнными орудіями, она тотчасъ же готова отступиться отъ того, что, разстроенное внѣшнимъ гнетомъ, тѣмъ скорѣе идетъ къ разрушенію, на которое было предназначено изначала. Конечно, въ живомъ тѣлѣ мы все же находимъ положительныя мѣры и для того, чтобъ на извѣстныя впечатлѣнія отвѣчать въ данные моменты воздѣйствіями, разсчитанными по продолжительности, формѣ и величинѣ этихъ раздраженій; но самая дѣйствительность такихъ мѣръ, о которой намъ прійдется еще говорить далѣе, обусловлена напослѣдокъ все тѣмъ же постоянно-

Digitized by Google

бѣгучимъ, всеобщимъ потокомъ непрерывной смѣны вещества.

Однакожь, называть этотъ потокъ вполнѣ всеобщимъ, не имѣемъ мы, по ближайшемъ соображеніи, никакого дознаннаго права, и мы рѣшительно преувеличиваемъ переходчивость живаго тѣла, когда беремся означать періоды, въ которые оно будто бы обмѣниваетъ весь свой вещественный составъ. Не всѣ вещества, произведенныя органическимъ химизмомъ, такъ податливы на разложеніе, какъ мы часто воображаемъ себѣ, обманываясь страннымъ зрѣлищемъ гніенія того, либо другаго; мы хорошо знаемъ прочность дерева, костей, жилъ, кожи, и пользуемся ею многоразличнѣйшимъ образомъ; мы знаемъ, въ противоположность къ тому, быстрое часто вывѣтриваніе камней, которыхъ видъ казался намъ гораздо надежнѣе. Испытываютъ ли эти крѣпко связанныя составныя части тѣла при жизни значительное обновленіе, и требуютъ ли онѣ его,— дѣло еще не вполнѣ рѣшеное, и сомнительно даже, не сохраняются ли и многія другія части, быстро разлагающіяся по смерти, гораздо долѣе заживо, пока онѣ окружены благопріятнѣйшими обстоятельствами. Наконецъ, для многихъ неизвѣстна намъ форма обновленія, и мы не знаемъ въ разсужденіи такихъ элементарно-полныхъ образованій, каковы напримѣръ волокна нервовъ и мышцъ, сохраняются ли они въ цѣломъ и обновляются ли постоянно только въ мельчайшихъ своихъ частяхъ, или, смотря по обстоятельствамъ, распадаются вполнѣ и они, а мѣсто ихъ заступаютъ совсѣмъ новые представители. Наконецъ, всего менѣе можемъ мы опредѣлить для разныхъ образованій величину и скорость потраты и возобновленія, испытываемыхъ ими въ обыкновенныхъ условіяхъ здоровой жизни. Не смотря на эту недостаточность познаній нашихъ, мы можемъ, однакожь, дополнить картину смѣны вещества тою неоспоримо-вѣрною догадкою, что разрушеніе и обмѣнъ составныхъ частей, если они и всеобщи, совершают-

Digitized by Google

ся во всякомъ случаѣ съ весьма различною быстротой, и что въ каждый моментъ жизни значительный кряжъ этихъ частей удерживается при постоянной или медленно-смѣняющейся массѣ въ прочныхъ и крѣпкихъ формахъ соединенія и всегда представляетъ законодательное (нормирующее) ядро для новообразованія остальныхъ частей, кружащихъ около него съ большею разложимостью и быстрѣе смѣняющимся движеньемъ.

Будущности предстоитъ рѣшить, есть ли въ этомъ потокѣ какое-нибудь вполнѣ спокойное русло, и притомъ на сколько оно обширно. Обыкновенно мы смотримъ на части тѣла, какъ на камни зданія, которые, благодаря постояннымъ своимъ силамъ и однажды данной имъ связи, спокойно выполняютъ свое дѣло и нуждаются въ движеніи только для того, чтобъ упругимъ возвратомъ къ прежнимъ своимъ отношеніямъ преодолѣвать разстройства, угрожающія цѣлому. Конечно, дѣло возможное, что смѣна вещества служитъ жизни не единственно лишь для безпрерывной возстановки прежняго ея состава, такъ что сама по себѣ смѣна эта могла бы, пожалуй, и не существовать, будь только на лицо иное средство поддержать органическую форму безъ ея помощи; напротивъ, подобно тому, какъ горящій уголь производитъ движущій машину жаръ не тѣмъ, чѣмъ онъ прежде былъ, и не тѣмъ, во что онъ потомъ обращается, но единственно лишь этимъ переходомъ изъ одного состоянія въ другое, такъ точно и процессы постояннаго образованія и обновленья могутъ порождать тѣ движущіе толчки, которые нужны жизни для хода ея развитія. Но у насъ нѣтъ ни какой возможности прослѣдить далѣе эту мысль. При всѣхъ процессахъ питанія и выдѣленья мы дотого привыкли думать только о добычѣ или отверженіи необходимаго или вреднаго запаса веществъ, что доискивались еще слишкомъ мало, не самые ли эти процессы и порождаемое ими возбужде-

Digitized by Google

ніе силъ важнѣе здѣсь той смѣны вещества, иногда составляющаго можетъ-быть только болѣе или менѣе безучастный матеріалъ, въ переработкахъ котораго могутъ возникать и поддерживаться эти возбужденія. Въ одномъ лишь случаѣ наша досельная наука приняла этотъ способъ представленья: преходящее усвоеніе организмомъ большаго запаса веществъ она объяснила какъ средство для произведенія теплоты, которая возникаетъ изъ химической имъ перемѣны и, сообщаясь тканямъ тѣла, выполняетъ этимъ существенную задачу принимаемыхъ имъ въ себя массъ.

Взявшись за объясненіе смысла этой всегдашней измѣнчивости тѣла по отношенію къ общимъ цѣлямъ жизни, мы желали бы дополнить картину изложеніемъ опредѣленныхъ химическихъ процессовъ, которые своей планообразной послѣдовательностью порождаютъ правильную смѣну вещества. Духъ новѣйшаго изслѣдованія обратился къ этимъ вопросамъ съ самою остроумной и внимательною разработкой; но многосложность явленій и затруднительность розысковъ такъ здѣсь велика, что изъ множества важныхъ частныхъ открытій, о которыхъ общій нашъ обзоръ долженъ по необходимости умалчивать, едва ли можно представить хоть небольшое число выводовъ позначительнѣй, которые не возбуждали бы опасенья, что дальнѣйшій ходъ изслѣдованія преобразуетъ ихъ еще не разъ.

На сколько намъ извѣстна органическая жизнь, мы видимъ, что пластически-образующія массы вездѣ состоятъ изъ многоразличныхъ химическихъ соединеній углерода, водорода, кислорода и азота. Ни одно изъ этихъ особенныхъ соединеній не порождается, какъ извѣстно, само собой, безъ того, чтобъ какой нибудь органическій зародышъ или какой-нибудь остатокъ разлагающагося органическаго вещества не послужилъ первоначальнымъ ядромъ, котораго усвояющая сила стяги

Digitized by Google

ваетъ распространенныя по всей атмосферѣ вещества въ форму слагающагося и ростущаго облика. При средствахъ, доставляемыхъ растенію его организаціей, оно способно соединять кислородъ и водородъ въ томъ количественномъ содержаніи, въ какомъ образуютъ они воду, съ разными количествами углерода и чрезъ то производить рядъ углеводородныхъ соединеній, въ томъ числѣ клѣтковину, изъ которой оно слагаетъ нѣжныя стѣнки своихъ клѣточекъ, да потомъ и весь свой остовъ, тогда какъ другія подобныя соединенія, какъ напримѣръ сахаръ и крахмалъ, содержатся въ немъ растворенныя или скученныя, какъ средства дальнѣйшаго его образованія. Превращенія этихъ веществъ и ростъ, которому они служатъ, повидимому возможны только при содѣйствіи другой группы соединеній, которыя къ составнымъ частямъ первыхъ привлекаютъ еще азотъ и, по существенному сходству ихъ съ животной бѣлковиной, слывутъ подъ общимъ именемъ бѣлковинныхъ или протеина. Они, равно какъ и жирныя вещества массъ, далеко распространены въ растительномъ царствѣ, и путемъ растительной пищи, которою прямо или посредственно ограничивается вся животная организація, переходятъ въ тѣло животнаго, котораго живыя дѣятельности неспособны слагать простые элементы внѣшней природы въ органически-пригодныя соединенія. Такимъ образомъ царство растеній, представляющее и въ этомъ передовую, подготовительную ступень животной жизни, передаетъ послѣдней уже существенно-образованными тѣ составныя части, которыхъ тончайшая выработка согласно потребностямъ каждой породы предоставляется затѣмъ особымъ дѣятельностямъ ея самой.

Изъ бѣлка, а также изъ бѣлковинныхъ и масляныхъ составныхъ частей желтка, новорожденному птенцу надлежало произвести всѣ ткани его тѣла; изъ молока, которое, при бѣлковинныхъ и жирныхъ веществахъ, отличается еще большимъ

Digitized by Google

количествомъ сахара, молодому сосунку, долго ограниченному однимъ этимъ источникомъ пищи, приходится производить многоразличныя образованія, которыхъ требуетъ планъ его породы; наконецъ, изъ крови, гдѣ встрѣчаются опять тѣ же вещества, должна постоянно вознаграждаться вся потрата разрушенной части тканей. Итакъ несомнѣнно, что на бѣлковинныя вещества должно смотрѣть, какъ на основу всѣхъ тѣхъ азотистыхъ тѣлъ, которыя, въ мясѣ, въ клѣтчаткѣ, въ хрящахъ, волосахъ, перьяхъ и рогахъ, являются довольно схожими по количественнымъ содержаніямъ состава, но чрезвычайно различными по виду, твердости, плотности и тягучести своихъ массъ. При нынѣшнемъ состояніи нашихъ разысканій, напрасно было бы однако желаніе прослѣдить тѣ химическіе процессы, какими общій образовательный матеріалъ переходитъ въ каждое изъ своихъ видоизмѣненій. Всего постояннѣе удерживаютъ первоначальный характеръ бѣлковины тѣ изъ частей, которыя наиболѣе служатъ цѣлямъ организма своею собственною дѣятельностью, — мякоть нервовъ и мозговое вещество; волокнину мышцъ находимъ мы подобною имъ по химическому составу, но ея предназначеніе къ быстрой сокращаемости требовало, повидимому инаго распорядка мельчайшихъ частицъ или такой отмѣны въ ихъ смѣшеніи, которой мы указать не можемъ; дальнѣйшее преобразованіе видимъ мы въ тканяхъ, которыя, переходя чрезъ продолжительную варку въ клей, употреблены въ дѣло для хрящевыхъ и кожныхъ основаній, для переемокъ и связей, подпирающихъ, ограждающихъ и соединяющихъ живодѣятельныя части организма; послѣдними и отдаленнѣйшими членами этого ряда веществъ являются болѣе твердыя и сухія роговидныя и перовидныя образованія, развивающіяся особенно для прикрытія тѣла снаружи въ величайшемъ многоразличіи формъ. Ни одно изъ углеводородныхъ соединеній, вводимыхъ растительною пищею въ тѣло животнаго, не участвуетъ у

Digitized by Google

высшихъ породъ этого царства въ образованіи тканей; задача ихъ, кромѣ порожденія теплоты, обусловливаемой медленнымъ ихъ горѣніемъ при посредствѣ кислорода, можетъ состоять въ разныхъ вспомогательныхъ отправленьяхъ, которыми они участвуютъ въ химическихъ преобразованіяхъ остальныхъ веществъ. Важнѣе, кажется, значеніе жировъ, которые, удерживая собой теплоту и уменьшая треніе, не только цѣнны этими физическими своими качествами, но и необходимы какъ существенные члены для химическаго соединенія однихъ образованій и для взаимнодѣйствія другихъ. Сверхъ-того многія неорганическія вещества, металлы и соли щелочей и земель, употребляетъ организмъ, вмѣстѣ съ бѣлковинными тѣлами, для приданія своимъ тканямъ особенныхъ физическихъ свойствъ; другія обращаются въ немъ какъ будто лишь для того, чтобы оказывать разныя благопріятныя вліянія на успѣшный ходъ смѣны веществъ однихъ другими.

Сколько ничтожны наши свѣдѣнія о поступательномъ образованіи составныхъ частей тѣла, столько же неясно для насъ и разобразованіе, постепенно подготовляющее ихъ къ окончательному выдѣлу изъ организма. Весьма значительная доля ихъ рано достигаетъ очень постояннаго ровновѣсія во внутреннемъ своемъ составѣ, и такого рода образованія, изсыхая понемногу до конца, отлагаются тѣломъ въ довольно крупныхъ массахъ и безъ распаденія своей формы; таковы: волоса, ногти и покровъ верхней кожи, который постоянно лупится. Другія, благодаря дѣятельности особыхъ органовъ, испытываютъ малоизвѣстное намъ превращеніе, послѣ котораго, въ видѣ многосложнѣйшихъ еще тѣлъ, каковы: мокрота, желчь и органическія составныя части мочи, они покидаютъ организмъ или сами по себѣ, или растворенныя въ водянистой жидкости; другой весьма значительный послѣдъ этого неизвѣстнаго въ точности разложенія составляетъ углекислота, которая, въ

Digitized by Google

газообразномъ соединеніи съ водянымъ паромъ, удаляется выдыханіемъ. Между всѣми, обращающимися въ тѣлѣ, веществами, кислороду можетъ-быть наиболѣе выпадаетъ на долю задача своимъ преобладающимъ сродствомъ постепенно ослаблять связь элементовъ въ составныхъ частяхъ организма и многосложную первоначально смѣсь ихъ сводить исподволь на простѣйшія, ближайшія къ неорганическимъ формы, въ какихъ порушенныя вещества, ставъ разрѣшимѣе и рыхлѣй, покидаютъ напослѣдокъ область тѣла. Кислородъ представлялся прежде настоящимъ жизнебудителемъ и жизноносцемъ; мы же, въ нашу пору, не отрицая, что могучее вліяніе его, какъ производящая сила, способно порождать условія жизнедѣятельностей, находимъ по крайней мѣрѣ другую и столько же значительную долю его дѣйствій въ той медленно-разрушающей мощи, съ какою онъ отстраняетъ жизненныя препятствія, удаляя полнѣйшимъ разложеніемъ изъ среды дѣйствующихъ еще массъ тѣ части, которыя стали уже негодны къ употребленію.

Наконецъ, для совокупности жизненныхъ отправленій особенно важна вода, разлитая въ чрезвычайномъ изобиліи, какъ въ растеніи, такъ и въ животномъ тѣлѣ. Какъ растворяющее средство, обусловливаетъ она большую часть химическихъ взаимнодѣйствій; на ея текучести основана всякая возможность кругооборота и непрерывнаго распредѣленія питательнаго матеріала; на способности ея принимать, проводить и поглощать испареніемъ теплоту, основано равновѣсіе температуры, нужное живому тѣлу для неослабнаго хода его отправленій. Не менѣе существенно входитъ она въ смѣсь органическихъ составныхъ частей; ея присутствіе въ животныхъ тканяхъ, и особенное къ нимъ сродство, сообщаетъ имъ ту влажность, благодаря которой онѣ гибки, упруги и растяжимы, въ отличіе отъ неорганическихъ тѣлъ, а равно и отъ ломъ-

Digitized by Google

каго, неподатливаго состоянія, какому по высушкѣ подпадаютъ онѣ сами. Ни въ одномъ неорганическомъ веществѣ вода не относится къ твердой массѣ такъ своеобразно, какъ видимъ мы это здѣсь; вотъ почему мы говоримъ о сокахъ живаго тѣла, но никогда не припишемъ ихъ ни чему безжизненному. Кристаллизующаяся соль, предоставивъ большую часть растворявшей ее воды испаренію и принявъ меньшую въ свой химическій составъ, является затѣмъ сухою, а частички ея пришедшими въ постоянное между собою сослоеніе. Гигроскопически можетъ она сгустить въ себѣ (осадить) часть окружающей ее воздушной влаги, но этой втяжкою воды она только нарушитъ связь свою, а между тѣмъ распадающіяся частицы все-таки не пройдутъ напередъ чрезъ то состояніе вязкой мягкости и упругой тягучести, какого, по особенному сродству своему съ водой, достигаютъ всѣ вещества, идущія на постройку живаго тѣла. На этомъ, безъ сомнѣнія, основаны особыя образовательныя влеченья организма, отличающіяся отъ застоя кристаллизаціи собственно тѣмъ, что лишь немногія органическія вещества способны принимать эту форму, и тѣ, для которыхъ она дѣйствительно доступна, именно принявъ ее, становятся негодными для образовательныхъ потребностей живаго тѣла.

Мы не знаемъ ни одного органически-образовательнаго сока, который представлялъ бы вполнѣ однородную жидкость, и гдѣ не показывались бы первые зачатки пластическаго образованія въ формѣ микроскопично-малыхъ, точковидныхъ зернышекъ, неизслѣдимыхъ для насъ въ своемъ сложеніи и составѣ. Они могли произойдти только отъ свертки жидкаго вещества и увеличиваются лишь — или продолжающеюся наслойкой однородныхъ же свертковъ, или тѣмъ, что выдѣленное прежде зернышко, въ силу химическаго сродства, осаждаетъ вокругъ себя изъ жидкости различныя отъ него частицы. Ростъ этихъ,

Digitized by Google

либо однородныхъ, либо изъ разныхъ химическихъ соединеній состоящихъ, зернышекъ, никогда не превосходитъ очень мелкихъ микроскопическихъ размѣровъ; но въ тѣхъ же еще предѣлахъ наступаетъ уже вторичное образованіе, — нѣжной, прозрачной, безтканной кожицы или плевы, появляющейся вкругъ зернышка и составляющей вмѣстѣ съ нимъ замкнутую клѣточку, которой внутренность около зерна наполняется влагой. Какимъ способомъ нѣжная эта плева образуется силами зернышка, для насъ не ясно; но самая клѣточка, которая въ растеніяхъ часто бываетъ поприщемъ живыхъ движеній, круговращающихъ ея зернисто-жидкое содержаніе, — у животныхъ не представляетъ, правда, такихъ странныхъ явленій, но все же остается живымъ средоточіемъ химическихъ взаимнодѣйствій съ окружающею влагою, которой растворенныя составныя части проницаютъ клѣточную плеву. Благодаря такому общенію, постепенно измѣняются смѣсь, внутренній распорядокъ, а съ ними и самый видъ клѣточки, и изъ первоначальной круглоты она переходитъ въ разныя удлиненныя, остроконечныя, вѣтвистыя формы, которыхъ происхожденіе такъ же для насъ темно, какъ и значеніе ихъ для жизненныхъ отправленій. Растительное тѣло сохраняетъ первобытную форму клѣточки въ большей степени, чѣмъ животный организмъ; въ органахъ, преимущественно железчатаго строя, служащихъ питанію и смѣнѣ вещества, находимъ мы клѣточную форму мельчайшихъ частицъ ткани еще явственно, а постоянно-продолжающееся расщепленіе и новообразованіе ея отчасти неоспоримо, отчасти вѣроятно; но особенныя потребности животной жизни влекутъ за собой уже новую форму съ многочисленными ея приложеніями, — форму волокна, не вездѣ возникающаго только вторичнымъ плодомъ ряда клѣточекъ. Волокна встрѣчаемъ мы отчасти неразвѣтвленными и расположенными одно возлѣ другаго, какъ напримѣръ въ стволѣ нервовъ и въ мышцахъ, а потомъ видимъ

Digitized by Google

связки ихъ, соединенныя промежуточными тканями и плевами, частію же перепутанныя между собой въ крѣпкія и прочныя сплетенія, между которыми особенно важно выступаетъ форма полаго сосуда съ круговымъ разрѣзомъ.

Изъ сопряженія этихъ относительно-простыхъ формъ возникаютъ наконецъ тѣ многосложныя образованія, которыя мы обыкновенно зовемъ органами и которыя пользуются физическими и органическими дѣеспособностями разныхъ тканей для совокупности того или другаго опредѣленнаго отправленія. Въ большей части органовъ, рядомъ съ многоразличными покровами и связками, охраняющими скрѣпу цѣлаго и относительное положеніе составныхъ частей, находимъ мы сосуды и нервы, проникающіе, конечно въ весьма различныхъ количествахъ, основную клѣточную массу. Носимое ею названіе мякоти или, точнѣе, «паренхимы», то-есть промежуточной влаги, не должно вводить насъ въ заблужденіе насчетъ того, что она собственно и есть дѣйствующій элементъ цѣлаго организма, тогда какъ всѣ сосудистые каналы и нервы только приводятъ къ ней подлежащій обработкѣ матеріалъ и вмѣстѣ позывы къ этой обработкѣ, или же проводятъ въ остальныя части тѣла вещественный продуктъ ея трудовъ и, исходящія отъ ея дѣятельности, пригодныя организму возбужденья.

Digitized by Google

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Строй живаго тѣла.

Костякъ. — Мышцы и двигательные нервы. — Сосудистая система и кровеобращеніе. — Дыханье и питаніе — Выдѣленія.

Пока мы излагали тѣ общіе взгляды, которые хотѣлось бы намъ установить для изслѣдованія жизненныхъ явленій, мы еще могли предполагать, что естественное знакомство съ этими явленіями и съ общимъ строемъ живаго тѣла замѣнитъ до времени недостатокъ наглядная описанія. Даже и теперь, приступая къ опыту изложенія тѣхъ процессовъ и отправленій, которыми различныя орудія жизни связаны между собой, мы не имѣемъ въ виду прослѣдить всѣ помыслы, вызываемые внимательнымъ разсмотрѣніемъ настоящаго предмета нашихъ изслѣдованій,—человѣческаго тѣла. Мы не станемъ наблюдать его ни въ красотѣ его обликаг ни въ особенной знаменательности его формъ, которыя возводятъ къ окончательному совершенству типъ образованія, выдержанный въ цѣлой половинѣ животнаго царства. Отлагая все это до дальнѣйшихъ поводовъ, мы удовольствуемся въ текущихъ нашихъ соображеніяхъ односторонней отмѣткою того, чѣмъ тѣло человѣческое, вполнѣ схожее въ этомъ съ высшими породами животныхъ, осуществляетъ кругооборотъ своихъ жизненныхъ отправленій.

Digitized by Google

Вездѣ, подъ болѣе или менѣе толстыми слоями покрововъ, костяной остовъ составляетъ твердую основу тѣлеснаго облика. Изъ смѣси прозрачнаго, упругаго хряща съ фосфорно-кислой известью, своеобразно наслоенной въ его тканяхъ, соорудила природа эти надежныя опоры, которыя находясь при жизни въ увлаженномъ состояніи, представляютъ всѣ выгоды твердости, не будучи притомъ и слишкомъ хрупки. Гладкая и твердая снаружи, внутри же—гдѣ плотнѣе, гдѣ рыхлѣе и ноздреватѣе, смотря по предназначенной цѣли, эта костяная ткань образуетъ, въ многоразличнѣйшихъ формахъ, то довольно большія полыя трубы, то плоскіе щитки или разнообразно выпуклыя и изогнутыя пластины или бляхи, до такой степени парныя между собой, что площадь, прорѣзывающая тѣло по срединной чертѣ сверху до низу, дѣлитъ и костякъ на двѣ симметрическія половины. Пригнанныя другъ къ другу зубчатыми краями, раковиной выгнутыя кости, смыкаются въ крѣпкій сводъ черепа, эту надежную броню мозга; онѣ неподвижно связаны между собой, или допускаютъ лишь незамѣтныя отдачи, способныя въ крайнемъ случаѣ развѣ только посмягчитьи атискъ жестокаго удара. Къ нимъ спереди и снизу прочно приросли среднелицевыя кости, а нижняя часть лица дополняется подвижною исподнею челюстью. Мѣстами, отверзтія, оставленныя между смежными краями многихъ костей, мѣстами—болѣе или менѣе широкія дыры, которыми прободены иныя кости, ведутъ изнутри черепа къ наружной его поверхности, давая свободный проходъ сосудамъ и нервамъ. Значительнѣйшимъ отверзтіемъ въ исподней своей части (большою затылочною дирой) полость черепа сообщается съ длиннымъ и болѣе широкимъ каналомъ хребта, который, почти вплоть до нижняго своего конца, наполненъ толстымъ мякотнымъ стержнемъ спиннаго мозга, служащаго непосредственнымъ продолженіемъ головному. Значительное число отдѣльныхъ

Digitized by Google

костей (позвонковъ), вообще имѣющихъ форму короткаго цилиндра, поставлены здѣсь одна на другую въ видѣ столба и прочно связаны между собой приросшими къ нимъ упругими хрящевыми пластинками, вставленными въ промежутокъ каждой костной пары. Поэтому между двумя смежными звеньями этой цѣпи возможно только очень слабое движеніе, но значительное число ихъ тѣмъ не менѣе дозволяетъ цѣлому столбу большіе и широкіе сгибы, благодаря совокупности легкихъ погибовъ каждой отдѣльной пары позвонковъ. Такою постройкой цѣлаго изъ множества мелкихъ частей достигнуты и благонадежность связи и достаточная подвижность, а вмѣстѣ и обойденъ тотъ вредъ, какой крутые перегибы этого костнаго снаряда могли бы причинить тѣмъ нѣжнымъ образованіямъ, для храненія которыхъ онъ предназначенъ. Отъ каждаго изъ вышепомянутыхъ костяныхъ цилиндровъ, или позвонковъ, выходятъ по бокамъ двѣ костяныя дужки, которыя, смыкаясь кольцеобразно позади, оставляютъ между собой округлую, сердцевидную полость. Этими отверзтіями, пригнанными одно надъ другимъ, какъ и самые позвонки, изъ которыхъ они выходятъ, кольца обнимаютъ длинный полый каналъ, не замыкая его однакожь совершенно. Вышиною меньше позвонковъ, два смежныя кольца не вездѣ прикасаются одно къ другому, но оставляютъ свободные промежутки и благодаря лишь выпуклостямъ или бугоркамъ въ трехъ точкахъ своей окружности, состоятъ между собой въ подвижномъ сочлененіи, которое, вслѣдствіе крѣпкихъ своихъ связокъ, ограничено однакожь только слабыми движеньями. Такимъ образомъ позвоночный столбъ представляетъ видъ длинной полости, которой передняя, гораздо толстѣйшая, стѣна нераздѣльна, тогда какъ болѣе тонкія боковыя и задняя стѣнки просѣчены многочисленными отверзтіями. Внутри этой полости, одѣтой гладкими плевами, спинной мозгъ укрѣпленъ такимъ образомъ на вѣсу, чтобъ наилучше предохранить его

Digitized by Google

отъ поврежденій, при частыхъ погибахъ и передвиженіяхъ его костной ограды. Спереди, къ верхнимъ семи позвонкамъ, такъ-называемымъ шейнымъ, не примыкаетъ ни какого дальнѣйшаго костнаго образованія; двѣнадцать слѣдующихъ позвонковъ (грудныхъ или, пожалуй, спинныхъ) поддерживаютъ спереди, въ соотвѣтствіе направленнымъ кзади позвоночнымъ дужкамъ, гораздо болѣе обширныя костныя дуги реберъ, которыя заднимъ концомъ своимъ находятся отчасти въ подвижной связи съ позвонками, а напереди сводятся въ плоскую грудную кость (такъ-называемую грудину). Такимъ образомъ ограждаютъ они съ боковъ грудную полость, которой верхнее устье не замкнуто, а только съужено меньшимъ объемомъ первыхъ реберъ, и котсрой нижнее, просторнѣйшее, устье также отдѣлено отъ брюшной полости только мышчатою перепонкою (грудобрюшною преградой), а не костнымъ какимъ-либо заслономъ. Пять дальнѣйшихъ позвонковъ (поясничныхъ), какъ и шейные, не поддерживаютъ уже реберъ и, будучи толще и крѣпче всѣхъ остальныхъ, опредѣляютъ только сзади вышину брюшной полости, которой боковыя стѣны сплошь состоятъ изъ однѣхъ мягкихъ частей. Напротивъ, ея исподъ, назначенный поддерживать собою тяжесть внутренностей, построенъ изъ большаго круга тазовыхъ костей, который, выходя отъ послѣднихъ позвонковъ хребта, сросшихся въ широкую кость, извѣстную подъ именемъ крестцовой, пускаетъ отъ себя въ обѣ стороны большія крылья; скошенныя сверху внизъ и снаружи внутрь, крылья эти оставляютъ между собой довольно значительную полость, замкнутую только мягкими частями. Къ этому костяному остову, котораго форма, при малоподвижности отдѣльныхъ его частей, подлежитъ только легкимъ перемѣнамъ, примыкаютъ наконецъ костяныя трубы тѣхъ членовъ, которымъ строй поворотнаго ихъ механизма дозволяетъ перемѣны положеній въ обширнѣйшемъ размѣрѣ. Лопатка, прикрѣпленная къ

Digitized by Google

спинѣ только мягкими частями, а спереди подвижно связанная ключицею съ грудиной, поддерживаетъ мелкою членосоставной впадиной своего верхняго конца головку плечевой кости; наружная же поверхность таза держитъ въ глубокой суставной впадинѣ книзу головку массивнаго бедра. Обѣимъ этимъ костямъ способъ ихъ сочлененія дозволяетъ во всѣ стороны движенія, которыхъ объемъ ограничивается только прираженіемъ къ окружающимъ предметамъ; обѣ, напротивъ, состоятъ съ локтевою костью и голенью въ такой связи, которая допускаетъ послѣднія двигаться только въ одной съ ними площади. Но эти отношенія, равно какъ и дальнѣйшее устройство рукъ и ногъ, которыхъ тонкою организаціей человѣкъ отличается отъ всего царства животныхъ, предоставляемъ мы себѣ изложить при другомъ случаѣ, когда намъ не нужно будетъ, какъ теперь, ограничиваться однимъ общимъ очеркомъ организма въ цѣломъ. Если къ вышесказанному прибавить, что бездна сухожильныхъ связокъ крѣпко соединяетъ подвижно пригнанныя другъ къ другу кости, что особыя перепончатыя сумки обыкновенно охватываютъ ихъ сочлененія и, отдѣленіемъ масловидной жидкости, поддерживаютъ поверхность ихъ въ слизкомъ состояніи, то этимъ и завершится картина костяного остова, котораго различныя части приводятся въ движеніе только жизнедѣятельностью мышцъ.

Многочисленныя пустоты и промежутки, оставляемые костями, по большой части заняты или прикрыты мясомъ мышцъ, а потому костякъ, одѣтый мышечнымъ наслоемъ, почти совершенно наполняетъ наружные очерки своей тѣлесной формы. Чрезвычайно-тонкія и нѣжныя волокна, замѣтныя только вооруженному глазу, простираясь рядомъ по одному направленію, соединяются въ тончайшія нити, а эти сходятся опять въ болѣе значительные пучки, и извѣстны намъ подъ именемъ составныхъ частей мяса. Сопринадлежныя массы этихъ мяс-

Digitized by Google

ныхъ волоконъ, служащія вмѣстѣ одному и тому же отправленію, проникаясь множествомъ тончайшихъ кровяныхъ сосудовъ и отдѣляясь отъ другихъ подобныхъ или различныхъ образованій болѣе явственными оболочками изъ клѣтчатки, составляютъ отдѣльныя мышцы, которыя, безъ всякой ближайшей связи между собой, сходятся въ значительнѣйшія группы и системы только вслѣдствіе своего положенія, разсчитаннаго на достиженіе какихъ-нибудь общихъ цѣлей. Подъ вліяніемъ разныхъ внѣшнихъ раздраженій, мышцы способны сокращаться вдоль своихъ волоконъ. Тогда какъ каждое изъ послѣднихъ сокращается, въ силу малоизвѣстнаго доселѣ сближенія мельчайшихъ частицъ своихъ, часто на весьма значительную долю своей длины, соразмѣрно этому поперечникъ мышцы, при меньшемъ въ то же время приращеніи ея плотности, непремѣнно долженъ расширяться. Если представить себѣ пучекъ волоконъ прикрѣпленнымъ обоими концами къ двумъ подвижнымъ частямъ тѣла, то живымъ сокращеніемъ своимъ онъ будетъ стремиться сблизить ихъ по прямой линіи, и сила, какую онъ при этомъ обнаружитъ, будетъ зависѣть отъ числа дѣйствующихъ волоконъ, стало-быть отъ толщины пучка или мышцы, а мѣра сближенія или величина произведеннаго движенья — отъ длины того пучка. Поэтому, гдѣ члены, не описывая слишкомъ большихъ дугъ, должны выполнять сильныя движенія, или удерживаться въ такихъ положеніяхъ, гдѣ имъ предстоитъ выносить значительную тяжесть, тамъ, какъ мы видимъ на опытѣ, всего чаще употребляются короткія или многоволокнистыя, толстыя мышцы; гдѣ же, напротивъ, безъ развитія значительной силы, имѣется въ виду произвесть болѣе широкое движенье, тамъ между подвижными точками протягиваются болѣе длинныя и часто тонкія мышцы. Однакожь простое это правило подлежитъ на дѣлѣ нѣкоторымъ исключеньямъ. Ибо только немногія мышцы простираются ме-

Digitized by Google

жду точками, для которыхъ сближеніе возможно по прямой линіи; бо́льшая часть прикрѣплена обоими концами къ костямъ, которыя соединены между собой суставомъ и, только вращеніемъ вкругъ послѣдняго, могутъ двигаться одна къ другой. Мышца, простираясь черезъ такой суставъ и — какъ требуютъ законы рычага для произведенія наибольшаго дѣйствія — прихватывая кость сколько можно дальше отъ точки вращенья, хотя и уменьшала бы значительно, при сокращеніи своемъ, уголъ, образуемый костями въ суставѣ, однако въ то же время наполняла бы его отверзтіе своею утолщенною массой. Видъ членовъ испытывалъ бы такимъ образомъ перемѣну, которая, напримѣръ, уже въ рукѣ, представляющей простѣйшій тому образчикъ, но еще гораздо болѣе въ другихъ случаяхъ, оказывалась бы неблагопріятною для цѣлей наступившаго движенія. Отчасти стремленье избѣжать столь несоотвѣтственнаго цѣли видоизмѣненія, отчасти и другія обстоятельства, чрезвычайно разнообразятъ въ приложеніи къ дѣлу мышечную дѣятельность; но подробнѣйшій обзоръ этихъ отношеній, даже и будь онъ возможенъ для насъ здѣсь, не принесъ бы нашему изслѣдованію ничего такого, чего не могли бы мы извлечь уже изъ немногихъ приведенныхъ нами фактовъ. Въ строѣ подвижнаго остова и въ механизмѣ его движеній мы не мѣстами только встрѣчаемъ аналогіи съ пріемами, употребляемыми машиностроительною техникой, но и вся совокупность этихъ дѣйствій, въ величайшемъ разнообразіи и тонкости исполненія, основана совершенно на тѣхъ же средствахъ и законахъ, какими мы пользуемся, только гораздо плоше, въ ежедневныхъ нашихъ попыткахъ изобрѣтать орудія для передвижки массъ. Тѣ же негибкіе шесты, тѣ же соединеніе и скрѣпа различными связями, та же пригонка подвижныхъ частей посредствомъ приспособленныхъ къ тому суставныхъ поверхностей, точно опредѣляющихъ всѣ возможные повороты, тѣ же бичевки съ бло-

Digitized by Google

ками и закрѣпами, измѣняющими, смотря по удобству и надоб. ности, направленіе ихъ дѣйствія: всѣ эти вспомогательныя средства встрѣчаемъ мы равномѣрно въ машинахъ и въ строѣ живаго тѣла, но нигдѣ не находимъ ихъ въ остальной природѣ. Проникающія пространство силы водятъ планеты по ихъ путямъ, какъ бы на невидимыхъ для насъ нитяхъ; взаимный гнетъ частицъ, напряженіе испаряющихся, или чрезъ всасываніе разбухающихъ, массъ, наконецъ химическія притяженія и непосредственныя противодѣйствія веществъ во взаимномъ соприкосновеніи,—вотъ силы, дѣятельныя въ метеорологическихъ явленіяхъ и въ явленіяхъ растительной жизни; но эта разчисленная и стройная система механическихъ приспособленій, дѣйствующихъ по законамъ рычага, наступаетъ только въ жизни животнаго, и притомъ именно лишь тамъ, гдѣ дѣло идетъ объ осуществленіи одной изъ важнѣйшихъ чертъ ея,—свободнаго видоизмѣненія и перемѣщенья. Стало-быть, одушевленная жизнь вовсе не чуждается тѣхъ средствъ, которыя мы съ какимъ то пренебреженіемъ зовемъ орудіями искусственнаго механизма; напротивъ, организацію ея должно почесть совершеннѣйшимъ образцомъ машины, даннымъ самою природой въ этомъ высшемъ изъ ея произведеній. Живое только тѣмъ превосходитъ наши подражательныя подѣлки, что движущею силой всей этой совокупности разнообразныхъ средствъ является здѣсь собственная внутренняя сокращаемость самихъ мышцъ, тогда какъ наша техника умѣетъ укорачивать бичевки только навоемъ ихъ на вальки или колеса, а для движенія послѣднихъ вынуждена прибѣгать опять къ новымъ способамъ.

Мы замѣчали уже, что намъ неизвѣстенъ настоящій процессъ, какимъ происходитъ мышечное сокращеніе; многоразличныя догадки на этотъ счетъ не представляютъ ничего вѣрнаго, кромѣ той самопонятной необходимости, что мельчайшія частицы волоконъ стремятся сократить свои разстоянія въ

Digitized by Google

силу извѣстныхъ привходящихъ побудовъ. Въ живомъ тѣлѣ побудъ этотъ сообщается имъ дѣятельностью нервовъ, которые, какъ телеграфныя проволоки, протянуты между ними и исходными точками раздраженій,—мозгомъ головнымъ и спиннымъ. Микроскопически-тонкія, длинныя волокна нервовъ, состоящія изъ прозрачной оболочки и вязко текучей мякоти, слагаются на этомъ пути между центральными органами и мышцами въ болѣе крупные пуки, облеченные покровами клѣтчатки, не раздѣляясь и не сливаясь въ одно на всемъ этомъ дальнемъ переходѣ. Вблизи мышцъ, смотря по удобству размѣщенія, выступаютъ изъ этихъ пуковъ все мѣньшіе пучки, а напослѣдокъ отдѣльныя волокна, которыя, погружаясь въ нити мышцъ и разрѣшаясь въ тончайшія развѣтвленія, оканчиваются или исчезаютъ здѣсь еще не вполнѣ яснымъ для насъ образомъ. Очень мало извѣстенъ намъ и противоположный конецъ ихъ, гдѣ, соединенные въ значительные пуки, они выходятъ изъ обѣихъ половинъ тѣла* попарно, и симметрически, длиннымъ рядомъ, внѣдряются сверху до низу въ большой мозгъ и въ переднюю половину спиннаго мозга; едвали можемъ мы сказать объ этомъ что-нибудь болѣе того, что мочки нервныхъ корешковъ, входящихъ слѣва и справа въ спинной мозгъ, замѣтны еще на нѣсколько линій отъ ихъ вступленія, и что отдѣльныя нити направлены отчасти къ срединѣ мозга, отчасти же вверхъ или внизъ для совершенія неизвѣстнаго намъ дальнѣйшаго пути. Столь же мало, какъ и тончайшее ихъ развѣтвленіе, извѣстны намъ физическіе процессы, передачей которыхъ по всей своей длинѣ онѣ приносятъ подъ конецъ элементамъ мышечной ткани достаточное условіе ихъ сокращенія. У только-что умерщвленныхъ животныхъ, какъ механическія раздраженія посредствомъ гнета или ушиба, такъ равно химическія дѣйствія и

* То-есть изъ обѣихъ половинъ, раздѣленныхъ линіей хребта.

Digitized by Google

вліянія электрическихъ токовъ, направленныя на какую-нибудь точку нерва, возбуждаютъ содроганіе въ мышцахъ, на которыя онъ распространенъ:—ясное доказательство того факта, что равновѣсіе мельчайшихъ частицъ достаточно зыбко и въ нервной субстанціи, чтобы нарушаться отъ разныхъ раздраженій и легко передавать эти порухи отъ одной точки до другой. Тонкія изслѣдованія новѣйшей эпохи* убѣдили многихъ въ вѣроятности того заключенія, что перемѣна электрическихъ состояній есть тотъ быстро, хотя и не мгновенно, пробѣгающій нервы процессъ, котораго передача возбуждаетъ элементы мышцъ къ отправленію ихъ дѣятельности. Важное для спеціально-физіологическихъ изслѣдованій, рѣшеніе этого вопроса не прибавило бы ничего существеннаго къ той общей картинѣ организма, которую мы пытаемся здѣсь набросать: достаточно того, что какое бы то ни было потрясеніе физическихъ состояній нерва, переходя съ атома на атомъ, производитъ либо мимолетныя содроганія, либо болѣе продолжительныя напряженія въ мышцахъ.

Раздражительность мышцъ и нервовъ постепенно гаснетъ въ умерщвленныхъ животныхъ; долго поддерживается она только тогда, когда, оставаясь въ естественномъ относительномъ положеніи, и тѣ и другіе доступны все еще возобновляющемуся притоку крови. Между двумя вышепомянутыми составными частями тѣла кровеносные сосуды вступаютъ многовѣтвистой плетеницею, которой толстые стволы, проходя большими полостями и развѣтвляясь все болѣе и болѣе, разбѣгаются наконецъ въ видѣ тончайшихъ канальцевъ, замѣтныхъ только вооруженному глазу. Часто встрѣчаясь и соущиваясь однѣ съ другими, тонкія эти трубочки образуютъ чрезвычайно-спутанную сѣть, которою, гдѣ гуще, гдѣ жиже, облечены мельчай-

* Особенно изслѣдованія Дюбуа-Реймона.

Digitized by Google

міе элементы ткани. Двѣ главныя задачи предстоятъ этой системѣ сосудовъ вразсужденіи отдѣльныхъ тканей. Во-первыхъ содержаніемъ своимъ вознаграждаетъ она питательную кровь, всѣ части организма и прежде всего мышцы, за тѣ вещества, которыя, бывъ потрачены на производство живой дѣятельности, сдѣлались неспособны къ дальнѣйшей службѣ. Что дѣйствительно потребляется столько массы на производство движенія, въ этомъ едва ли можно сомнѣваться; недостовѣрно, однакожь, испытываютъ ли при этомъ волокна самихъ мышцъ такое потрясеніе въ своемъ химическомъ составѣ, которое требовало бы обновленія мельчайшихъ частицъ, или же вліяніе нервной дѣятельности прежде всего переходитъ на кровь и, разложеніемъ ея, порождаетъ условія, заставляющія волокна сокращаться. Во всякомъ случаѣ мышца, пока она жива, постоянно находится подъ вліяніемъ крови, а исчезающая раздражительность волоконъ въ умерщвленномъ животномъ, чрезъ увлаженіе ихъ кровью, въ нѣкоторой степени снова оживаетъ. Жидкая часть крови, или водянистый растворъ бѣлка съ малыми количествами свертывающагося на свободѣ фибрина, способна выпотѣніемъ проникать сквозь нѣжныя оболочки сосудной сѣти, раскинутой по всей массѣ мышцъ, и постоянно напитывать послѣднюю, тогда какъ употребленныя въ дѣло вещества поступаютъ опять въ кровь и удаляются въ другія части ортанизма. Концы нервовъ погружены въ ту же омывающую ихъ жидкость, но остальное ихъ протяженіе гораздо менѣе подвержено постоянному вліянію крови, тогда какъ, напротивъ, центральные органы (головной и спинной мозгъ) оказываются опять одѣтыми снаружи и просѣченными внутри многовѣтвистою системой сосудовъ. Особенно для нервовъ, но отчасти также и для мышцъ, важна другаго рода дѣятельность, предлежащая этой системѣ. Повидимому только при извѣстной температурѣ можетъ существовать какъ сокращаемость мышцъ,

Digitized by Google

такъ и способность нервовъ возбуждать ее; по тупости, окоченѣлости и неловкости движеній, замѣчаемой нами въ наружныхъ членахъ нашихъ при возрастающемъ холодѣ, познаемъ мы то вредное вліяніе, какое понижающаяся температура оказываетъ на эти дѣятельности и которое, правда, усиливается здѣсь можетъ-быть еще умаленіемъ податливости въ кожѣ и уменьшеніемъ подвижности соковъ. Сосудистая система не только служитъ средствомъ доставлять питательную жидкость всѣмъ частямъ организма, но это въ то же время и теплопроводный снарядъ, такъ что многія особенности утонченнаго ея строя скорѣе можно бы объяснить себѣ этой цѣлью, нежели первою. Сама кровь—настоящій носитель этой высшей температуры; отъ нея заимствуютъ всѣ части тѣла нужную имъ теплоту, и именно наружная его поверхность вознаграждается ею за то значительное излученіе тепла, отъ котораго она безпрерывно остываетъ въ соприкосновеніи съ окружающей природою.

Обѣ цѣли, вознагражденіе потратъ и вещества, и теплоты, влекутъ за собой необходимость дальнѣйшихъ приспособленій: чтобы постоянно достигать ихъ вновь и вновь, кровь должна испытывать движеніе непрерывнаго разноса, и сосуды не могутъ быть только ея хранилищемъ, но должны вмѣстѣ пособлять ея кругообороту. Далѣе, необходимо было озаботиться постояннымъ воспроизведеніемъ въ крови и веществъ ея, и той теплоты, которой непрерывной передачею органамъ она вноситъ свою долю участія въ производство всѣхъ жизненныхъ явленій.

Еслибъ у замкнутаго кругомъ, полнаго влагой и упруго-растяжимаго канала, хоть одно мѣсто было охвачено сокращающимися волокнами, то каждое съуженіе этого перехвата, который мы прямо назовемъ здѣсь сердцемъ, оттѣсняло бы влагу въ обѣ стороны, и отъ мгновенно растянутаго и затѣмъ упруго-

Digitized by Google

сжавшагося кольца вправо и влѣво распространялись бы двѣ противоположныя струи. Внутренній клапанъ, устроенный по одну сторону сердца такимъ образомъ, чтобы теченіе съ одной стороны должно было затворять, съ другой — отворять его, дозволилъ бы, вмѣсто двойной струи, пропускъ крови въ одну только сторону по всей кривизнѣ сосуда, а возвращаясь къ сердцу съ другой стороны, этотъ самый потокъ отворялъ бы клапанъ для того, чтобы съ вторичнымъ сжатіемъ кольца отхлынуть опять въ прежнемъ направленіи. Положимъ, что простой круглый этотъ сосудъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ сердца расходится на многія отрасли, которыя въ свою очередь развѣтвляются на необозримое множество тончайшихъ трубокъ, что далѣе эти трубочки смыкаются опять въ значительнѣйшіе влагопроводы и напослѣдокъ двумя большими протоками снова впадаютъ въ сердце; такимъ образомъ къ простому представленію круглаго сосуда приложили мы всѣ перемѣны, необходимыя для того, чтобъ сдѣлать его подобіемъ питательной сосудистой системы организма. Въ самомъ дѣлѣ сердце образуетъ большую мышчатую полость, которой сильныя сокращенія тѣснятъ содержимую въ немъ кровь въ главную боевую (т. е. отводную) жилу или артерію, аорту,— этотъ нераздѣльный еще рукавъ большаго сосуднаго круга или кольца. Перепончатая заслонка въ сердцѣ, затворяемая во время его сокращенія напоромъ тѣснимой и на нее крови, мѣшаетъ выходу ея въ противоположную сторону и принуждаетъ ее непремѣнно идти тѣмъ широкимъ рукавомъ въ дальнѣйшія развѣтвленія артерійной системы. Жилы, куда она гонится, кровь застаетъ при этомъ всегда уже полными; когда, идучи отъ сердца, она втѣсняется въ устье аорты, то распираетъ ея стѣнки въ длину и въ ширину и, на мгновеніе, находитъ себѣ достаточный просторъ въ растянутомъ такимъ образомъ сосудѣ. Но упругая оболочка послѣдняго,

Digitized by Google

состоящаго изъ крѣпкихъ и тягучихъ кольцевыхъ и долевыхъ волоконъ, усиленно стремится прійдти въ прежнюю свою мѣру и такимъ образомъ вытѣсняетъ излишекъ распирающей ее крови тѣмъ же путемъ далѣе, причемъ ближайшее звено сосуда въ свою очередь испытываетъ подобное расширеніе и вслѣдъ за тѣмъ противодѣйствуетъ ему съ тою же упругостью и силой. Такъ, быстро пробѣгаетъ по всей длинѣ сосуда волна расширенія, которую легко себѣ представить наглядным образомъ, если кишку животнаго наполнить водой до сплошнаго напряженія ея стѣнокъ, а потомъ замкнувъ ее по концамъ, съ одного изъ нихъ подѣйствовать на нее внезапнымъ давленіемъ. Это волнообразное движеніе боевыхъ жилъ, получившихъ отъ него свое прозвище, извѣстно намъ подъ именемъ пульса; оно менѣе явственно въ мелкихъ прожилкахъ, а въ широко-раскинутой сѣти волосныхъ сосудовъ исчезаетъ уже и совсѣмъ. По ней кровь течетъ ровною струей, и безъ пульса возвращается къ сердцу путемъ, образовавшихся изъ тѣхъ сосудцевъ, большихъ кровеприводныхъ каналовъ, такъ-называемыхъ венъ. Быстрота, съ какою волна пульса доходитъ отъ сердца до дальнѣйшихъ артерій, значительнѣе той, съ какою кровь, вогнанная однимъ ударомъ сердца, движется по пути сосудовъ.— Вѣдь каждое сокращеніе сердца, должно бы, повидимому оттѣснять содержащійся въ немъ столбъ крови только до начала аорты и понуждать находящуюся уже тамъ кровь подаваться на необходимое пространство далѣе; такимъ образомъ каждая часть кровянаго столба выпирала бы ближайшую, а напослѣдокъ изъ оконечности венной системы нагнанная туда понемногу кровь возвращалась бы опять въ полость сердца Да и это движеніе не оканчивалось бы въ тотъ моментъ, когда волна пульса успѣвала бы пробѣжать всю сосудистою систему: въ промежутокъ времени отъ одного біенія сердца до другаго стѣнки артерій все-таки испытывали бы еще свое періодическое съуже-

Digitized by Google

ніе, а слѣдовательно и продолжали бы еще оттѣснять кровь. Но простое это понятіе не вполнѣ отвѣчаетъ дѣйствительному процессу, который на дѣлѣ оказывается не совсѣмъ такъ правильнымъ. Такъ какъ вслѣдъ за толчкомъ сердца жидкость, втѣсняемая въ аорту, сталкивается съ бывшею уже тамъ жидкостью, то при этомъ происходятъ разныя смѣшенія, и часть вновь вступающей крови, въ болѣе или менѣе долгій срокъ, можетъ быть протѣснена сквозь прежнюю, тогда какъ другая часть новой крови гонитъ еще остатокъ прежней прямо передъ собой. Поэтому, путь, совершаемый каждою частицей крови, можетъ быть весьма различенъ: только въ среднемъ пространствѣ сосудистой системы будетъ онъ всегда равномѣрно поступателенъ, въ началѣ же аорты приведенныя обстоятельства могутъ сдѣлать его весьма неправильнымъ, а въ волосныхъ сосудахъ многія мелкія пригнетенія извнѣ и другія случайности могутъ временно превращать его въ шаткое движеніе взадъ и впередъ по многовѣтвистымъ канальцамъ этой сѣти. Показанія, будто кровь совершаетъ свой путь по всей системѣ сосудовъ въ минуту времени, тогда какъ сердце даетъ въ такой же срокъ отъ 60 до 80 ударовъ, можно принимать только обозначающими средній результатъ всего кругооборота въ совокупности, а не движенія каждой частички порознь.

Большіе сосуды, артеріи и вены, отдѣленныя толстыми и непроницаемыми перепонками отъ массы пробѣгаемыхъ ими частей, суть только русла, въ которыхъ совершается приливъ и отливъ крови; одни лишь волосные сосуды, просѣчивая или осѣчивая собою въ тончайшемъ и обильнѣйшемъ развѣтвленіи мелкіе элементы тканей, служатъ поприщемъ дѣйствительному обмѣну вещества. Изъ нихъ постоянно выпотѣваютъ жидкія составныя части крови и просасываются въ скважины ткани, замѣщаясь тотчасъ же растворенными остатками разложенія употребленныхъ въ дѣло тѣлесныхъ частей, которые по-

Digitized by Google

токъ крови разноситъ затѣмъ по мѣстамъ, назначеннымъ для ихъ выдѣла. Намъ почти совершенно неизвѣстно, какого рода химическое измѣненіе претерпѣваютъ ткани отъ времени и отъ своей собственной дѣятельности, равно какъ неизвѣстна и послѣдовательная череда тѣхъ формъ, въ какія превращаются онѣ, благодаря постепенному разложенію, пока, ставъ вполнѣ растворимы, и приблизясь своимъ химическимъ составомъ къ простѣйшимъ неорганическимъ веществамъ, онѣ окончательно подготовляются къ выдѣлу. Явнѣе виденъ намъ одинъ только результатъ этой постоянной дѣятельности всѣхъ частей тѣла, — именно: образованіе углекислоты, отъ вступленія которой въ волосные сосуды, кровь, на обратномъ пути своемъ по венамъ, принимаетъ тотъ темнокрасный цвѣтъ, которымъ отличается она тогда отъ источаемой сердцемъ свѣтлокрасной артерійной крови. Болѣе обильное содержаніе кислорода, замѣчаемое въ послѣдней, исчезаетъ по большой части въ волосныхъ сосудахъ и, обмѣнясь здѣсь на углекислоту, повидимому переходитъ въ ткани для того, чтобы снова содѣйствовать образованію этого газа. Какимъ бы способомъ ни отнимался углеродъ у составныхъ частей тѣла и чрезъ какіе бы посредствующіе члены ни образовывалась углекислота, мы во всякомъ случаѣ должны принимать это медленное горѣніе, постоянно происходящее во всѣхъ частяхъ организма, за источникъ животной теплоты. Сосуды же служатъ тѣми каналами, которыми произведенная теплота, неразлучная съ ходомъ кровеобращенія, равномѣрно распространяется по всему тѣлу, такъ что избытокъ живо смѣняющихся частей обращается на пользу даже и тѣмъ, которыя, по малообмѣнности своей или неблагопріятнѣйшему положенію, неспособны произвесть и поддержать надлежащей высоты температуру.

Доселѣ мы разсматривали наполненную кровью систему сосудовъ какъ запасный магазинъ, откуда доставляются тканямъ

Digitized by Google

тѣла, и питательное подспорье, и необходимый кислородъ. Но запасъ этотъ скоро бы истощился, еслибъ дыханіе не обновляло постоянно кислорода, пищевареніе не подготовляло пригодныхъ къ образованію массъ, а выдѣленіе не удаляло изъ крови остатковъ разложенія, никуда уже не годныхъ. Изъ числа этихъ процессовъ дыханіе вопервыхъ обусловливаетъ собою у высшихъ породъ животныхъ образованіе особаго отдѣла сосудистой системы, предназначеннаго къ тому, чтобы взаимнодѣйствіемъ съ внѣшнимъ воздухомъ освобождать отъ углекислоты кровь, измѣненную принятіемъ веществъ, ставшихъ негодными къ употребленію, и снова наполнять ее кислородомъ. Вмѣсто одного только сердца, откуда мы выводили прежде артерійный потокъ и куда непосредственно же возвращали и венный, представимъ себѣ теперь два одинаково устроенныя сердца; возвращаясь изъ волосныхъ сосудовъ, венный потокъ принимается сначала однимъ сердцемъ, прогоняется изъ него по дугѣ меньшаго круга сосудовъ и, только при возвратѣ противоположнымъ концемъ этой дуги, достигаетъ втораго сердца, откуда и идетъ уже извѣстнымъ намъ путемъ большаго кругообращенія. Кратчайшая дуга между двумя сердцами составляетъ путь малаго кругооборота, на которомъ кровь подвергается вліянію воздуха; сердце, куда течетъ венная кровь, есть правое; другое, откуда выходитъ кровь, ставшая артерійною, —лѣвое; оба они, хотя и при совершенно раздѣльныхъ полостяхъ, лежатъ однакожь вплоть одно къ другому, и кровь, стремясь изъ праваго въ лѣвое чрезъ систему сосудовъ малаго кругооборота, къ концу этого движенія достигаетъ опять почти той же самой точки пространства, отдѣленной отъ мѣста ея выхода только мышчатою перегородкой между сросшимися вплоть сердцами. Сосудные пути, проходимые ею между этихъ двухъ точекъ, похожи своимъ строеніемъ на пути большаго кругооборота. Толстый стволъ легочной артеріи, подоб-

Digitized by Google

ный аортѣ, сначала принимаетъ въ себя венную кровь, выгоняемую лѣвымъ сердцемъ, которое ударяетъ одновременно съ правымъ; вскорѣ этотъ стволъ раздѣляется на двѣ большія отрасли; изъ которыхъ каждая наполняетъ половину грудной полости древовиднымъ развѣтвленіемъ въ тончайшіе и тончайшіе каналы. И эти волосные сосудцы собираются потомъ въ болѣе крупные стволы, такъ-называемыя легочныя вены, по которымъ кровь, ярко окрашенная между-тѣмъ дыханіемъ, возвращается въ лѣвое сердце, чтобы отсюда сызнова начать большой кругооборотъ. Сквозь промежутки, оставляемые тонкою сѣтью волосныхъ сосудцевъ, проростаетъ вездѣ развѣтвленіе другихъ каналовъ, именно воздухоносныхъ, или бронхій. Въ глубинѣ зѣва начинается широко-отверзтое дыхательное горло, вначалѣ совсѣмъ простой сосудъ, предохраняемый отъ сжатія хрящевыми кольцами, а сверху прикрываемый, въ случаѣ нужды, надгортаннымъ хрящемъ или язычкомъ; прикрытое шейной кожей и тонкимъ слоемъ мышцъ, спускается оно внизъ и подъ началомъ грудной кости раздѣляется на двѣ главныя отрасли, расходящіяся вправо и влѣво все мельчайшими тонкокожистыми вѣточками и образующія тѣ два большія дерева, которыхъ побѣги внѣдряются въ тонкую сѣть кровяныхъ сосудовъ, раздѣленныхъ также на два многовѣтвистыя сплетенія. Общая тонкая плева, входящая только въ немногіе главные отдѣлы этого двугнѣзднаго сплетенья, одѣваетъ каждую изъ двухъ отраслей, то-есть оба легкія, изъ которыхъ правое, большое, занимаетъ собою всю свою половину грудной полости, тогда какъ лѣвое, поменьше, даетъ сверхъ-того мѣсто, лежащему въ срединѣ и нѣсколько влѣво, сердцу, огибая его сзади, сверху и, выдающимся своимъ краемъ, немного спереди. Средина грудной полости, промежность, раздѣляющая оба легкія, есть именно то пространство, гдѣ идетъ аорта, дугою поднимаясь вверхъ и опускаясь потомъ съ уклоненіемъ назади, и откуда про-

Digitized by Google

вяные сосуды снизу, а обѣ вѣтви дыхательнаго горла сверху, вступаютъ по обѣ стороны въ легочную ткань.

Тончайшія, плотно переплетенныя развѣтвленія воздухоносныхъ и кровяныхъ сосудовъ служатъ и здѣсь настоящимъ поприщемъ дѣятельности. Крайніе концы нѣжныхъ воздухоносныхъ трубочекъ (бронхій) расширяются въ маленькіе пузырьки, по оболочкѣ которыхъ проходятъ волосные сосуды, отдѣленные лишь чрезвычайно-тонкою плевой отъ воздуха, наполняющаго нутро этихъ мелкихъ легочныхъ клѣточекъ. Сквозь такія тонкія и влажныя плевы, даже и внѣ живаго тѣла, происходитъ обмѣнъ разныхъ газовъ по законамъ, которые въ подробностяхъ не вполнѣ выяснены еще и теперь. Углекислота венной крови, проводимая по этимъ тонкимъ стѣнкамъ, раздѣляющимъ ее отъ воздуха, выдыхается изъ сосудовъ въ полость легочныхъ клѣточекъ, а находящійся здѣсь кислородъ атмосфернаго воздуха проникаетъ, наоборотъ, сквозь стѣнки волосныхъ сосудовъ и вмѣстѣ съ поглотившею его кровью, которая сдѣлалась оттого артерійной, направляется потомъ въ лѣвое сердце, а черезъ него переходитъ въ большой кругооборотъ. Наконецъ, постоянное продолженіе этого процесса обезпечивается движеніями груди, почередностью вдыханія и выдыханья. Для вдыханія мышцы поднимаютъ подвижныя ребра вверхъ и такимъ образомъ стремятся расширить грудную полость; но, замкнутая со всѣхъ сторонъ, она не можетъ повиноваться этому стремленію безъ того, чтобы наружный воздухъ, вторгаясь въ гортань и дыхательное горло, не наполнилъ собою лишняго пространства, которое отъ того произошло. Эти дѣятельныя движенія грудныхъ мышцъ перестаютъ какъ скоро совершилось вдыханіе, и собственная упругость легочной ткани, растянутой вторгшимся внутрь воздухомъ, достаточна уже для того, чтобы отъ стремленія ея сократиться самой собою произвело выдыханіе поглощеннаго воздуха. а вмѣстѣ и

Digitized by Google

неразлучное съ этимъ опаденіе приподнятыхъ или роспертыхъ реберъ. Стало быть одно только вдыханіе неизбѣжно обусловлено живою дѣятельностью мышцъ, выдыханіе же совершается обыкновенно безъ ихъ содѣйствія, хотя пособіе съ ихъ стороны и можетъ быть нужно для совершеннаго опорожненія легкихъ.

Сердцемъ, легкими и большими стволами сосудовъ наполнено пространство грудной полости. Снизу отдѣлена она грудобрюшною преградой отъ брюшной полости, вмѣстилища пищеварительнаго канала и его принадлежностей. Плоскія мышчатыя пластинки, съ разнообразно-перекрещенными волокнами исходятъ отъ хребта, исподняго ребра и нижняго края грудины и, соединяясь между собой, образуютъ этотъ заслонъ, который опускается глубже къ спинѣ чѣмъ спереди и потому выпукаетъ въ видѣ свода въ грудную полость. На немъ покоятся сердце и легкія, и сквозь щель, оставляемую волокнистыми его пучками близь спиннаго хребта, аорта, у самаго позвоночнаго столба, вступаетъ въ брюшную полость, а за тѣмъ скоро дѣлится на двѣ большія (сначала подвздошныя, потомъ) бедренныя артеріи. Мышечное сокращеніе грудобрюшной преграды сплащиваетъ ея обращенную кверху выпуклость и тѣмъ помогаетъ расширенію грудной полости для вдыханья; напротивъ, сокращеніе мышчатыхъ стѣнокъ брюшной полости, приподнимая содержимыя въ ней внутренности, увеличиваетъ эту выпуклость и, стѣсняя грудь, споспѣшествуетъ силѣ или глубинѣ выдыханья.

Изъ задней части рта, то есть отъ глотки, спускается мышчатый рукавъ пищевода, сперва между позвоночникомъ и дыхательнымъ горломъ, потомъ въ груди примыкаетъ къ передней лѣвой сторонѣ аорты и идетъ наконецъ въ брюшную полость, проникая въ нее отверстіемъ грудобрюшной преграды. Между стѣнками этого канала мышцы зѣва и глотки протѣ-

Digitized by Google

сняютъ разжеванную пищу, равно какъ и жидкое питье; такъ какъ вслѣдъ за каждымъ глоткомъ мышчатая перепонка пищевода стягивается сама собою, то пища постепенно пролагаетъ себѣ путь по этому каналу, котораго стѣнки, не расширяясь, подобно дыхательнымъ органамъ, упругими хрящами, въ обычномъ своемъ состояніи сходятся вплоть одна съ другой. Спущенная такимъ образомъ въ брюшную полость, пища попадаетъ въ тотъ отдѣлъ пищеварительнаго канала, гдѣ начинается химическая дѣятельность ея претворенія или уподобленья. Разнообразными извилинами, сохраняющими опредѣленное положеніе только въ извѣстныхъ его частяхъ, простирается кишечный каналъ по брюшной полости; онъ вездѣ состоитъ изъ мышчатаго наружнаго слоя и слизистой, лоснящейся какъ бархатъ, оболочки внутри; обѣ эти части просѣчены множествомъ кровяныхъ сосудовъ, и обѣ, при сходномъ вообще строеніи, различно организованы въ подробностяхъ, смотря по особымъ цѣлямъ разныхъ отдѣленій канала. Вслѣдъ за вступленіемъ своимъ въ брюшную полость пищеводъ расширяется въ просторный кошелевидный органъ, котораго наибольшее утолщеніе простирается влѣво отъ его устья, тогда какъ другая, длиннѣйшая его часть тянется въ видѣ кишечнаго канала. Мышечная перепонка этого органа, ж е л у д к а, сотканная изъ разныхъ плоскихъ пучковъ волоконъ, можетъ, благодаря своимъ волнообразнымъ, но не сильнымъ сокращеніямъ, двигать туда и сюда принятую имъ въ себя пищевую кашицу и тѣмъ самымъ приводить ее въ разнообразное соприкосновеніе съ внутреннею слизистою оболочкой. Обильная кровяными сосудами, къ которымъ во время пищеваренія усиливается притокъ крови, оболочка эта выдѣляетъ изъ микроскопическихъ железокъ которыми она усѣяна вдоль нижней обширнѣйшей кривизны желудка, особаго рода продуктъ, такъ-называемый пепсинъ, котораго составъ намъ мало извѣстенъ и который, въ соеди-

Digitized by Google

ненія съ водянистымъ, соленымъ и молочно-кислымъ желудочнымъ сокомъ, оказываетъ на пищу первое, сильно растворяющее и химически-измѣняющее, вліяніе. Уже здѣсь крахмалистыя составныя части послѣдней превращаются въ сахаръ; бѣлковина и волокнина мясной пищи, при распаденіи, теряютъ часть своихъ свойствъ; жиры же проходятъ повидимому не измѣняясь. Значительная доля питья и разжиженныхъ частей пищи всасывается уже здѣсь кровеносными сосудами желудка; а не вполнѣ растворявшіяся вещества, для дальнѣйшей разработки, постепенно переходятъ противоположнымъ отверстіемъ желудка въ ближайшій отдѣлъ пищеварительнаго канала, двѣнадцатиперстную кишку. Тутъ подвергаются они вліянію двухъ органовъ,—печени и поджелудочной железы, которые всего короче можемъ мы назвать отвороченными придатками кишечнаго канала. Представимъ себѣ выходящую наружу пустую складку послѣдняго, постепенно вытянувшуюся въ длинный и тонкій каналъ, котораго очень узкое отверстіе остается въ свободной связи съ гораздо обширнѣйшимъ отверстіемъ большой кишки. Этотъ каналъ, именуемый желчнымъ протокомъ, дѣлится потомъ на двѣ отрасли, изъ которыхъ одна очень скоро замыкается пузырьчатымъ утолщеніемъ, такъ-называемымъ желчнымъ пузыремъ, тогда какъ другая, подобно дыхательному горлу, раскидывается тонковѣтвистымъ деревомъ, и неизвѣстные намъ въ точности концы ея вѣтвей исчезаютъ въ кучкахъ тѣсно сжатыхъ клѣточекъ. Въ массу этого перваго сплетенія, подобно тому какъ и въ легкія, проторгается двоякое другое. Не только кругъ большаго кровеобращенія высылаетъ изъ аорты артеріи, распространяющіяся здѣсь сѣтью волосныхъ сосудцевъ, но и венная кровь, на возвратномъ ти изъ брюшныхъ внутренностей, собирается въ одинъ большой стволъ, воротную жилу, а послѣдняя, снова расходясь въ сѣть волосныхъ сосудовъ, также сопровождаетъ тонкими вѣт-

Digitized by Google

вями своими вѣтви желчныхъ каналиковъ. Такъ, тройное это сплетеніе, въ соединеніи съ клѣтчатою массой, образуетъ существо печени; перепончатою оболочкой смыкается она въ плотный массивный органъ и, простираясь съ правой стороны брюха книзу, даже за срединную его линію, виситъ подъ грудобрюшною преградой, укрѣпленная въ складкѣ брюшины,—перепончатаго, отовсюду закрытаго мѣшка, котораго передняя поверхность устилаетъ собою внутреннюю сторону мышчатой стѣнки брюха, и котораго задняя сторона обнимаетъ и держитъ въ разнообразно ввернутыхъ внутрь мѣшка складкахъ важнѣйшія части пищеварительнаго канала. Изъ клѣточекъ печеночной мякоти, гдѣ оканчиваются мельчайшія мочки желчныхъ канальцевъ, выдѣляется въ нихъ желчь,—желтая, горькая жидкость, происходящая изъ смѣси многихъ трудно разложимыхъ составныхъ частей быстро-измѣнчиваго химическаго свойства, которой образованіе столько же для насъ темно, какъ и польза, оказываемая ею пищеваренію. Что вліяніе ея должно быть, однакожь, существенно для послѣдняго, это доказывается постоянствомъ, съ какимъ у высшихъ классовъ животныхъ положеніе печени приноровлено вездѣ такъ, что изъ нея и изъ желчнаго пузыря, въ которомъ скопляется безпрерывно приготовляемый продуктъ, желчь вышепомянутыми истоками проводится къ пищеварительному каналу по мѣрѣ того, какъ пища поступаетъ въ него изъ желудка Догадки физіологіи всего вѣроятнѣе сходятся къ тому, что желчь осредотворяетъ кислоту приготовляемой желудочнымъ сокомъ пищевой кашицы, и измѣненнымъ при этомъ бѣлковиннымъ веществамъ, своимъ химическимъ соединеніемъ съ ними, мѣшаетъ перейдти въ гніеніе. Становясь чрезъ то труднѣе растворимыми, тѣла эти ровнѣе распространяются по всей плоскости дальнѣйшихъ частей кишечнаго канала; они растворяются только исподволь въ ихъ болѣе щелочистомъ соку и тогда уже поглощаются наконецъ

Digitized by Google

всасываніемъ. Вліяніе той водянистой жидкости, какую выдѣляетъ другой изъ вышеназванныхъ органовъ,—поджелудочная железа, до такой степени неизвѣстно, что мы просто можемъ умолчать объ его устройствѣ и положеніи.

Равномѣрно и тонкая кишка, самая длинная и разнообразно извитая часть всего пищеварительнаго канала, содержитъ во многихъ мѣстахъ группы мелкихъ железокъ, которыхъ выдѣленіе конечно способствуютъ дальнѣйшему ходу претворенія питательнаго матеріала. Но участіе ихъ въ этомъ до того неизвѣстно, что, обходя всѣ догадки на его счетъ, мы лучше обратимъ вниманіе на другія приспособленья, посредствомъ которыхъ приготовленнымъ въ кишечномъ каналѣ веществамъ обезпеченъ переходъ изъ его полости въ составъ крови.

Задача эта подѣлена между двумя системами сосудовъ. Кровяные сосуды, просѣчивающіе все протяженіе пищеварительнаго канала тонкими своими жилками, повидимому всасываютъ только растворенныя неорганическія составныя части, каковы соли, и тѣ изъ органическихъ, которыя, будучи совершенно разжижены, должны переходить въ тѣло не для образованія тканей, а для другихъ надобностей. Всасываніе это идетъ такъ быстро, что жидкіе яды, уже черезъ нѣсколько минутъ по пріемѣ ихъ, обнаруживаются въ крови и въ выдѣленіяхъ несомнѣнными реактивными признаками, а въ прочихъ частяхъ тѣла своими дѣйствіями. Пріемъ организмомъ тканеобразовательныхъ частей пищи, бѣлковинныхъ тѣлъ и, при нихъ, жировъ, выпадаетъ на долю другой системы,—системы сокопитательныхъ или млечныхъ сосудовъ. Бархатистый видъ, болѣе и болѣе принимаемый внутреннею поверхностью слизистой оболочки книзу отъ желудка, оказывается при микроскопическомъ наблюденіи произведеніемъ проникающихъ въ полость кишечнаго канала тонкихъ волоконецъ или космъ. Образуя въ верхней части канала, кеглевидныя возвышенія съ широкою

Digitized by Google

основой, въ нижней части переходятъ они въ форму язычковъ, стѣсненныхъ въ числѣ отъ 40 до 90 на каждой квадратной линіи площади слизистой оболочки. Блѣдную, неопредѣленно волокнистую массу ихъ ткани одѣваетъ снаружи оболочка цилиндрическихъ клѣточекъ, подъ которой поднимаются съ двухъ сторонъ тонкіе кровяные сосуды, связанные промежуточными сѣтками; средину ихъ занимаетъ начало млечнаго сосуда съ глухимъ широкообразнымъ или тупымъ кончикомъ. Съ этими сосудцами, постепенно сливающимися въ болѣе крупныя мочки или стволики, соединяется потомъ развѣтвленіе лимфатическихъ или пасочныхъ сосудовъ, которые всасываютъ изъ другихъ частей тѣла излишне разлитую въ нихъ кровяную жидкость (пасоку), и обѣ, очень схожія между собою строемъ и отправленіемъ, системы каналовъ ведутъ напослѣдокъ чрезъ одинъ общій имъ протокъ жидкое содержаніе свое въ одинъ изъ главныхъ стволовъ венной сосудистой системы,—въ полую вену, нисходящую отъ головы.

Въ млечныхъ, какъ и въ кровяныхъ, сосудахъ не видно ни какихъ полыхъ устьевъ для пріема проводимыхъ ими веществъ: стало-быть и въ нихъ всасываніе происходитъ сквозь замкнутыя стѣнки и должно ограничиваться или жидкостями, или столь мелкими твердыми частями, что онѣ способны проникать въ незамѣтныя для насъ скважины, которыя мы можемъ предполагать между мельчайшими частицами стѣнокъ. Однакожь и въ такомъ случаѣ механизмъ этого всасыванія представляетъ особенныя трудности, которыя едва ли можно устранить, не предположивъ химическаго притяженія со стороны внутреннихъ частей глухихъ шишечекъ, которыми оканчиваются сосуды; притяженіе это обусловливаетъ проступъ жидкостей сквозь стѣнки и мѣшаетъ выходу ихъ тѣмъ же путемъ. При такомъ предположеніи, значительной упругости сосудныхъ стѣнокъ было бы достаточно для того, чтобъ объяснить себѣ,

Digitized by Google

какимъ образомъ расширяющее ихъ содержаніе пропирается дальше и дальше въ открытомъ ему направленіи къ кровеносной системѣ, а многочисленныя заслонки, которыя потокъ отпираетъ въ этомъ направленіи и которыя онъ запиралъ бы при обратномъ движеніи, пособляютъ дѣйствію этой побудительной силы.

На пути, совершаемомъ млечнымъ сокомъ и пасокой до вступленія ихъ въ кровь, обѣ жидкости подвергаются во многихъ железахъ, возникающихъ изъ сращенія ихъ же собственныхъ сосудовъ, преобразовательному вліянію крови, къ составу которой болѣе и болѣе приближается ихъ собственный составъ. Въ обѣихъ появляются особаго рода зернистыя микроскопическія тѣльца, состоящія изъ бѣлковинныхъ веществъ. Они кажутся первозачатками того образованія, которымъ кровь отличается отъ всѣхъ остальныхъ соковъ, — именно: красныхъ кровяныхъ шариковъ. Въ видѣ кругообразныхъ гладкихъ клѣточекъ плаваютъ они несмѣтнымъ числомъ въ крови, состоя изъ вязкой, свѣтлой жидкости безъ твердаго ядра и одѣтыя чрезвычайно упругою прозрачной оболочкой, изъ смѣси бѣлковиннаго тѣла, глобулина, съ краснымъ желѣзисто-красильнымъ веществомъ, также впрочемъ бѣлковиннымъ, — гематиномъ. Ни способъ ихъ происхожденія, ни то, какъ они современемъ исчезаютъ, ни услуги, оказываемыя ими жизни организма и которыя мы имѣемъ много поводовъ считать весьма важными, не извѣстны намъ доселѣ несомнѣнно. Печень состоитъ повидимому въ близкой связи съ ихъ производствомъ; назначенія ихъ ищутъ отчасти въ пригодности къ питанію и тканеобразованію, отчасти же въ томъ, что почереднымъ поглощеніемъ кислорода и углекислоты, подъ вліяніемъ которыхъ они обусловливаютъ разноцвѣтность между артерійною и венной кровью, эти шарики дѣйствуютъ какъ движущія средства при обмѣнѣ веществъ. Колебанія численности ихъ въ крови

Digitized by Google

оказываются, при болѣзняхъ, неразлучными съ значительнымъ вліяніемъ на живость нервныхъ отправленій.

Питательный сокъ и пасока—единственные источники, откуда обновляется кровь; гораздо разнообразнѣе формы, въ какихъ она расходуетъ свои составныя части. Вѣроятно, только малая сравнительно доля этой траты идетъ на постоянное возрожденіе пищею издержавшихся отъ своей дѣятельности тканей; значительнѣйшая часть потребляется можетъ-быть на воспроизведеніе тѣхъ многоразличныхъ образованій, которыя, какъ напримѣръ волоса, ногти и верхняя кожица тѣла, постоянно ростутъ и ростутъ, а по временамъ отдѣляются отъ тѣла твердыми массами, ломаясь, обсѣкаясь или обтерхиваясь; еще важнѣе повидимому масса тѣхъ выдѣленій крови, которыя, подобно многочисленнымъ сокамъ пищеварительнаго канала и пріуроченныхъ къ нему железчатыхъ органовъ, до окончательнаго удаленія изъ тѣла, вторично употребляются въ видѣ вспомогательныхъ средствъ для успѣшнѣйшаго претворенія. Но наибольшее по вѣсу выдѣленіе совершается испареніемъ изъ кожи и легкихъ и изліяніемъ мочи; оба эти процесса назначены только для удаленія негодныхъ уже массъ, хотя быть-можетъ первый, благодаря побочнымъ дѣйствіямъ, сопровождающимъ выдѣленіе или наступающимъ вслѣдъ за нимъ, способенъ еще уравновѣшивать и поправлять разныя тѣлесныя разстройства. Азотистыя составныя части мочи, то растворенныя въ большомъ и притомъ неравномѣрномъ количествѣ воды, то осаждаясь изъ нея въ твердомъ видѣ, не допускаютъ ни какого сомнѣнія насчетъ того, что преимущественно этимъ путемъ удаляются остатки бѣлковинныхъ веществъ, разрушенныхъ въ химическомъ своемъ составѣ. Одинъ изъ такихъ остатковъ, мочевину, открыли уже совсѣмъ готовымъ въ крови, и по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ нему почки играютъ роль не производительнаго органа, а особенно устроеннаго цѣдила, котораго ткани пропус-

Digitized by Google

кают водянистый растворъ его въ полость испражнительныхъ протоковъ, тогда какъ остальныя, растворенныя, но еще пригодныя, составныя части крови задерживаются имъ собственно для нея.

Удаленіе углекислоты посредствомъ легкихъ сопровождается обильнымъ развитіемъ водянаго пара, отъ котораго, при свѣжей температурѣ, дыханіе становится видимымъ; только поглощенная этимъ паромъ углекислота и переходитъ изнутри тѣла въ окружающій его міръ. Вода такъ же постоянно просится наружу изъ влажнаго толстаго слизистаго пласта, лежащаго подъ верхнею кожей и обильно снабженнаго сосудами, и точно такъ же испаряется оттуда сквозь тонкую роговидную оболочку верхней кожи. Бо̀льшая часть всего кожнаго испаренія совершается повидимому этимъ путемъ, и только мѐньшая оказывается произведеніемъ особеннаго рода мелкихъ железокъ, которыя, нѣдрясь въ слизистой сѣти нижней кожи, пускаютъ отъ себя наружу винтообразные тонкіе канальцы, которые отверзтыми устьями своими испаряютъ выдѣленную влагу; въ случаѣ крайне обильнаго ея выдѣленія или когда она недостаточно поглощается наружнымъ воздухомъ, влага эта выступаетъ въ видѣ капель пота. Сверхъ обыкновенныхъ солей крови и весьма малыхъ примѣсей органическихъ составныхъ частей, потъ содержитъ въ себѣ только воду, молочную кислоту и амміакъ. Составъ его не оправдываетъ повидимому того значенія, какое придаемъ мы кожной дѣятельности, ни того разнообразнаго вреда, какой приписываемъ случайному ея прекращенью; но дѣло очень возможное, что тутъ важнѣе всего не удаленіе этихъ малозначащихъ веществъ, а происходящая при томъ работа, или: что, постоянною поддержкой этого испаренія, лежащія у поверхности тѣла въ самой кожѣ нервныя оконечности приводятся въ благопріятныя состоянія, необходимыя для удовлетворительнаго продолженія ихъ отправ-

Digitized by Google

леній. Сколько закрыта для насъ эта сторона пользы, доставляемая каждымъ выдѣленіемъ, столько же очевидна другая: оно служитъ дѣятельнымъ охлаждающимъ средствомъ для увеличивающейся отъ разныхъ обстоятельствъ теплоты тѣла и особенно крови. Въ обильномъ испареніи, видимомъ ли или невидимомъ, но постоянно поддерживаемомъ всею нашею поверхностью, поглощается и отнимается у тѣла большое количество тепла, и то же самое непрерывно происходитъ путемъ выдыханія изъ легкихъ.

Не обо всѣхъ частяхъ тѣла упомянули мы въ этомъ очеркѣ его строя и отправленій. Мы умолчали о тѣхъ, которыя, подобно селезенкѣ, все еще загадочны въ своемъ значеніи; другія важнѣйшія части, какъ напримѣръ мозгъ, чувствительные нервы и органы внѣшнихъ чувствъ, отложили мы для болѣе подробныхъ разъясненій впослѣдствіи, такъ-какъ положеніе ихъ въ организмѣ и существеннѣйшія черты ихъ строя могли мы предполагать и безъ того общеизвѣстными; въ послѣднемъ отдѣлѣ этой книги намъ остается поговорить еще объ одной неупомянутой прежде системѣ,—системѣ сочувственнаго нерва, которою мы и заключаемъ обзоръ животной жизни въ человѣкѣ.

Digitized by Google

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Поддержка жизни.

Физическій, органическій и психическій уладъ тѣлесныхъ разстройствъ.— Примѣры возстановки равновѣсія.—Сочувственная нервная система.—Постоянное безпокойство всего органическаго.—Общая картина жизни.

Процессы, которыми осуществляется поддержка пластической формы тѣла и живыхъ его дѣеспособностей, въ послѣднемъ основаніи своемъ вездѣ зависятъ отъ прямыхъ взаимнодѣйствій мельчайшихъ частицъ вещества. Ни одного изъ этихъ взаимнодѣйствій не обличаетъ ни наружный видъ живаго тѣла, ни внутреннее наше наблюденіе; незамѣтно и въ тиши происходятъ всѣ химическія превращенія веществъ, всѣ постепенности ихъ видообразованія, правильное наростаніе однихъ и исподвольное отрѣшеніе другихъ. То, что бросается намъ въ глаза какъ вѣрный признакъ жизни,— постоянный приливъ и отливъ дыханія, безпокойное біеніе сердца, теплота, проникающая всѣ части тѣла,—все это одно только проявленіе посредствующихъ дѣятельностей, съ помощью которыхъ организмъ ежемгновенно стремится осуществлять условія, необходимыя для продолженія невидимой его игры. Но и въ такомъ даже смыслѣ приготовительные эти процессы — дѣло очень важное; вѣдь въ томъ именно и заключается особенность жизни, что путемъ опредѣленныхъ сочетаній, въ которыхъ сводятся ею элемен-

Digitized by Google

тарныя вещества для обоюднаго взаимнодѣйствія, она побуждаетъ и нудитъ прирожденныя имъ силы къ произведенію необычныхъ (то-есть, несвойственныхъ имъ внѣ организма) результатовъ. Поэтому, вслѣдъ за изображеніемъ взаимной связи этихъ дѣятельностей, стоитъ труда спросить еще о томъ, какими силами и законами, смотря по измѣненію потребностей, опредѣляются величина и энергія каждой дѣятельности порознь, а равно и образъ ея дѣйствія въ совокупности со всѣми другими. Оставляя обширное поле изслѣдованіямъ въ будущемъ, вопросъ этотъ, по отношенію къ плану и распорядку животнаго домохозяйства вообще, дозволяетъ намъ для нашихъ цѣлей немногія только указанія, которыя помогутъ намъ воспользоваться руководившимъ насъ доселѣ взглядомъ для того, чтобы завершить набрасываемую нами общую картину жизни.

Какъ, по прежнимъ нашимъ соображеніямъ, устраненіе всякаго разстройства можетъ удасться только благодаря тому, что само разстройство это, для собственнаго упраздненія своего, вызоветъ какимъ ни наесть способомъ цѣлебныя дѣятельности тѣла, такъ точно и удовлетвореніе каждой потребности должно зависѣть отъ того, что всякое нуждающееся въ перемѣнѣ состояніе организма само собою вызываетъ воздѣйствія, необходимыя для предстоящаго ему преобразованья. Но это всеобщее условіе можетъ быть осуществлено весьма различными путями. Однажды данный строй совокупныхъ частей, какъ обнаруживается почти въ каждомъ примѣрѣ упругости, можетъ оказывать такое стремленье къ возврату въ прежнія состоянія, которое, по крайней мѣрѣ въ извѣстныхъ предѣлахъ, возрастаетъ соразмѣрно силѣ отклоненія отъ этихъ состояній. Разстройство устраняется здѣсь самымъ непосредственнымъ образомъ собственными силами частицъ, которыхъ взаимное отношеніе имъ нарушено, — устраняется благодаря ли тому, что съ возрастающимъ разстройствомъ по-

Digitized by Google

стоянно увеличивалось и цѣлебное противодѣйствіе, или же тому, что разстройство, только достигнувъ извѣстной степени, понудило внутреннія отношенія пораженныхъ частей къ внезапно проявившемуся отпору. Еслибъ живое тѣло состояло изъ такихъ частей, которымъ каждой приходилось бы биться только изъ-за собственнаго самохраненія, тогда намъ чаще встрѣчалась бы на дѣлѣ эта простѣйшая форма устраненія разстройствъ, или, лучше сказать, мы находили бы отдѣльныя части устроенными такъ, что приложеніе этой формы оказывалось бы вездѣ возможнымъ. Но въ цѣляхъ жизни очевидно лежитъ планъ пользоваться разстройствами одной части для возбужденія дѣеспособностей въ другихъ, и улаживать потрясенія каждой не кратчайшимъ собственно путемъ, а именно тѣмъ, который даетъ возможность извлечь изъ нихъ необходиныя и полезныя побочныя дѣйствія въ общихъ выгодахъ цѣлаго организма. Поэтому обширно примѣняется другая форма возстановки нормальныхъ его состояній: разстройство одной какой-нибудь части простираетъ свои слѣдствія на значительнѣйшій отдѣлъ организма и не только вызываетъ собственный отпоръ самой пораженной мѣстности, но распространеніемъ даннаго толчка возбуждаетъ и отдаленныя части къ сильнѣйшему и разностороннѣйшему противодѣйствію. Исходя отъ составныхъ частей, получившихъ этотъ толчокъ въ силу правильной взаимной связи и разнообразныхъ соотношеній между ними, противодѣйствіе это можетъ сдѣлаться полнѣе и разнообразнѣе того простого отпора, какой дали бы первоначально нарушенныя части сами по себѣ; оно не только устранитъ эти мѣстныя разстройства, но и разовьетъ еще въ разныхъ направленіяхъ полезные побуды для дальнѣйшаго хода живыхъ дѣятельностей организма. Подобно тому, какъ искусственный приборъ машины передаетъ полученный имъ, сперва простой, почти безформный толчокъ, превращеннымъ въ цѣлый рядъ разнообразныхъ,

Digitized by Google

и остроумно прилаженныхъ другъ къ другу движеній, такъ точно и не менѣе хитро пригнанныя соотношенія живыхъ частей вступаются въ разладъ мѣстныхъ потрясеній со всею совокупностью организма и удовлетворяютъ каждой отдѣльной потребности сообразно общей пользѣ цѣлаго. Въ нервной системѣ увидимъ мы также это приспособленіе; благодаря ему, состоянія пространственно-раздѣльныхъ частицъ соединяются между собой къ такому взаимнодѣйствію, которое собственно было бы невозможно для нихъ по ихъ положенію и складу, тогда какъ, вслѣдствіе его, разсѣянное и отрывочное удовлетвореніе различныхъ потребностей превращается въ связный ходъ одного общаго домохозяйства. Если эту новую форму возстановленія назовемъ мы органическою въ противоположность прежде указанной простѣйшей, физической, то мы вовсе не разумѣемъ подъ этимъ разности въ самихъ дѣйствующихъ силахъ, но единственно лишь ту разность въ ихъ употребленіи, по которой общій взглядъ нашъ на природу вездѣ отличаетъ устроенную по плану жизнь отъ отдѣльныхъ или случайно-сцѣпившихся веществъ неорганическаго міра. Но и эта форма возстановленія и поддержки еще не послѣдняя и не высшая; намъ неизбѣжно упомянуть здѣсь и о содѣйствіи души, хотя по-настоящему оно уже выходитъ за предѣлы теперешнихъ соображеній нашихъ. Не всегда разстроенная часть можетъ найдти въ самой себѣ источникъ цѣленія, часто она находитъ его даже и не въ кругу средствъ нервной системы, въ которомъ его ищетъ; но потрясеніе ея превращается тутъ въ чувство и ощущеніе души, и, покидая недостаточную для него тѣлесную область, возбужденіе идетъ далѣе уже по духовной почвѣ, чтобы вызвать всѣ пособія сообразительности, добытымъ наконецъ полезнымъ рѣшеніемъ воли воздѣйствовать опять на тѣлесные органы и указать имъ такіе пути къ удовлетворенію, которыхъ никогда не отыскали бы они сами.

Digitized by Google

Отложимъ до дальнѣйшихъ случаевъ эти пополненія тѣлесной жизни пособіями духовной, и попытаемся въ немногихъ примѣрахъ дать достаточный образецъ простаго физическаго возстановленія, подготовляющаго органическое.

По мѣрѣ возможности, природа предпочла непосредственный уладъ разстройствъ и удовлетвореніе потребностей собственными силами различныхъ частей тѣла вызову особыхъ органическихъ пособій; такъ она часто пускаетъ въ дѣло свойства, или постоянно присущія тканямъ, или по крайней мѣрѣ остающіяся при нихъ надолго, а бережетъ за то другія дѣятельности организма, которыхъ употребленіе повидимому невозможно безъ потраты ихъ носителей. Уже движеніе мышцъ замѣняется во многихъ случаяхъ физическою упругостью тканей. Сердце, правда, совершаетъ свои сжатія живымъ сокращеніемъ мышечныхъ волоконъ; но расширяется оно не противоположною жизнедѣятельностью, а отчасти въ силу малоупругости своей ткани, отчасти же въ силу своей податливости передъ напоромъ потока венной крови. Вообще каждая мышца, по сокращеніи своемъ, мгновенно достигаетъ сама собой своей прежней длины, не требуя для того особой растяжительной силы. Расширеніе легкихъ производится живою дѣятельностью дыхательныхъ мышцъ, выдыханіе—добровольнымъ упругимъ сокращеніемъ расширенной ткани. Благопріятными соотношеніями въ строѣ членовъ снято съ нихъ много работы при самыхъ обыкновенныхъ ихъ отправленіяхъ. Маятный размахъ, зависящій отъ тяжести, безъ всякаго проявленія живой силы, проводитъ отступившую на ходу ногу мимо поставленной впередъ до точки новаго упора ступни о земь; само тѣло пріобрѣтаетъ отъ ходьбы стремительность впередъ, которая предоставляетъ живому мышечному напряженію только подпирать его и крѣпко вытягивать заносимую дальше ногу. Не особыми какими либо дѣятельностями, но однимъ только давленіемъ воздуха, головка бедря-

Digitized by Google

ной кости удерживается подвижно въ глубинѣ суставной своей впадины,— и такихъ примѣровъ бережи въ употребленіи живыхъ силъ нашлось бы при тщательномъ наблюденіи тѣлодвиженій очень много. Равно и обращенье крови поддерживаетъ свою правильность, въ значительной мѣрѣ, само собой, опредѣляя вмѣстѣ съ тѣмъ и величину тѣхъ выдѣленій, которыя должны изъ нея послѣдовать. Положимъ, артерійная система мгновенно переполнилась бы кровью; тогда возросшее отъ того напряженіе ея сосудныхъ оболочекъ стало бы тѣмъ скорѣе и сильнѣе устранять этотъ избытокъ, а меньшій притокъ крови, какой доводила бы къ сердцу сравнительно не такъ полная дотолѣ область венъ, уже самъ собою не допустилъ бы сердце поддерживать переполненіе артерій. При высокомъ относительно постоянствѣ, съ какимъ, подъ разнообразнѣйшими вліяніями пищи и образа жизни, кровь поддерживаетъ или обновляетъ свой составъ, кажется вѣроятною та догадка, что разныя составныя ея части, въ тѣхъ именно количественныхъ отношеніяхъ, въ какихъ онѣ образуютъ нормальную ея смѣсь, подобно элементамъ твердаго химическаго соединенія, плотнѣе льнутъ одна къ другой, нежели при иныхъ взаимныхъ содержаніяхъ, въ которыхъ свелъ бы ихъ, положимъ, мимолетный случай. Это не помѣшало бы крови вбирать въ себя изъ тканей притяженіемъ все новыя и новыя вещества, растворять ихъ въ своемъ составѣ и увлекать въ свой кругооборотъ; тѣмъ не менѣе излишнія эти примѣси все-таки оставались бы внѣ законной ея связи и такъ скоро переходили бы во власть силъ, орудующихъ превращеніемъ и выдѣленіемъ веществъ въ организмѣ, что, по совершеніи ими своей службы, кровь опять пришла бы въ свой нормальный составъ. Это будетъ нѣчто въ родѣ того, какъ если бы изъ водянистаго раствора выдѣлился водоносный кристаллъ. Принадлежащая къ химическому его составу вода противится испаренію, которое удалило всю ос-

Digitized by Google

тальную; кристаллъ остается однако растворимымъ въ водѣ: стало-быть, не смотря на то, что химическая его формула допускаетъ только извѣстное количество воды, для него не прекратилась возможность вбирать въ себя и бо́льшія ея количества,—только онъ не можетъ отстоять ихъ за собой такъ же прочно, какъ первыя, въ случаѣ неблагопріятныхъ обстоятельствъ. При подобномъ предположеніи было бы понятно, какъ кровь можетъ опредѣлять величину всасыванія и выдѣленія сама, своимъ наличнымъ составомъ. Когда въ той степени сгущенія, при которой она содержитъ въ себѣ только необходимыя составныя части своей смѣси, кровь войдетъ въ соприкосновеніе съ жидко- переваренымъ пищевымъ сокомъ и съ разлитою вездѣ пластическою пасокой, тогда она способна принять въ себя значительныя количества обоихъ; но всасываніе это станетъ уменьшаться по мѣрѣ того, чѣмъ болѣе кровь уже втянула веществъ свыше необходимой для нея потребности. Стало-быть, переполниться ими возбраняетъ ей собственное ея насыщеніе, которымъ истощаются всасывающія или притягательныя силы, а вознагражденіе (замѣна веществъ новыми) приходитъ въ извѣстную соразмѣрность съ существующей потребностью. Послѣ перемѣнъ, которыя могла потерпѣть кровь во время кругооборота, она приводится къ выдѣляющимъ органамъ всегда подъ извѣстнымъ давленіемъ оболочки своихъ сосудовъ. Едва-ли давленіе это достаточно для произведенія какого бы то ни было выдѣленья, не говоря уже обо всѣхъ; органы, служащіе этому процессу, нельзя считать простыми цѣдилами, сквозь которыя напоръ крови только протѣсняетъ жидкости; послуги ихъ, какъ мы уже видѣли, часто бываютъ и разнообразнѣе и многосложнѣй. Между тѣмъ, по крайней мѣрѣ вода и растворенныя въ ней соли не должны испытывать при выдѣленіи ни какой дальнѣйшей переработки; къ ней-то и можемъ мы примѣнить общія наши на-

Digitized by Google

блюденія. Если кровь разжидилась до того, что водное содержаніе ея стало болѣе опредѣленнаго нормальною ея формулой, то выдѣляющія силы органа, въ чемъ бы онѣ тамъ ни состояли, будутъ благопріятнѣе пропуску этого излишка подъ вліяніемъ напора крови, нежели дальнѣйшему выдѣлу изъ нея и той доли воды, которая необходимо требуется ея составомъ. Ибо доля эта будетъ подлежать дѣйствію выдѣляющихъ силъ не въ свободномъ состояніи, но въ связи съ растворенной въ ней бѣлковиной и съ другими составными частями крови, и, опираясь на такія сдерживающія отношенія, можетъ сопротивляться этимъ силамъ, равно какъ и тѣ соли, которыя принадлежатъ къ составу крови въ опредѣленныхъ количествахъ. Но мы можемъ приложить общія эти соображенія и къ тѣмъ органическимъ составнымъ частямъ, которыя выступаютъ изъ крови путемъ питающаго и испражняющаго выдѣленія, иногда потерпѣвъ отчасти химическую перемѣну со стороны выдѣляющихъ органовъ. Вполнѣ нормальная и потому именно не нуждающаяся въ вознагражденіи часть ткани не станетъ особенно тянуть къ себѣ кружащій мимо нея питательный матеріалъ; но часть, измѣненная въ своемъ составѣ и тѣмъ самымъ ставшая непохожею на этотъ матеріалъ, можетъ притягивать его къ себѣ гораздо живѣе, и такимъ образомъ присовокупитъ новое благопріятное условіе для выступленія его изъ сосудовъ (въ массу ткани). Поэтому и здѣсь потребность прямо ведетъ за собой цѣлесообразную величину вознагражденія. Если обильнѣйшая веществами кровь предлагаетъ выдѣляющимъ органамъ бо̀льшія количества того, что они обыкновенно переработываютъ какою бы то ни было изъ своихъ дѣятельностей, то можетъ-быть довольно уже одного присутствія этого обильнѣйшаго матеріала, чтобы усилить подобную дѣятельность по крайней мѣрѣ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ она основана не на такихъ внутреннихъ перемѣнахъ органа,

Digitized by Google

которыя сами ограничены извѣстнымъ высшимъ предѣломъ напряженія и быстроты. Очевидно, что выдѣляющая дѣятельность встрѣтитъ усиленное сопротивленіе тогда, когда матеріалъ ея доставляется ей въ такомъ лишь количествѣ, какое необходимо для нормальнаго состава крови и которое она поэтому задерживаетъ. Далѣе, если какое-нибудь препятствіе мѣшаетъ выдѣляющей дѣятельности одного органа, то задерживаемыя здѣсь массы станутъ во всѣхъ другихъ мѣстахъ искать себѣ такого выхода, какой только возможенъ для нихъ при столь измѣнившихся состояніяхъ, или изъ многихъ возможныхъ выходовъ естественно изберутъ тотъ, которымъ всего легче для нихъ воспользоваться. Прекращеніе испарины кожи обращаетъ внутрь массу воды, которой слѣдовало выйдти паромъ изъ наружной поверхности, и какъ нѣтъ непроходимаго для нея органа, то мы видимъ, что вслѣдъ за бездѣятельностью кожи наступаютъ усиленныя водянистыя испраженія изъ всѣхъ другихъ выдѣляющихъ поверхностей, во-первыхъ и по преимуществу изъ той, которая, среди совокупности данныхъ обстоятельствъ, представляетъ выходу наименѣе препятствій. Равно извѣстно и то, что чрезмѣрное испареніе умаляетъ количество всѣхъ прочихъ выдѣленій и усиливаетъ ихъ сосредоточенную густоту,—результатъ, объясняемый помимо особаго употребленія какой бы то ни было уравновѣшивающей дѣятельности, просто изъ одного недостатка сподручнаго растворяющаго средства. Однакожь не для всѣхъ выдѣляемыхъ веществъ представляется такое множество исходовъ; перерывъ извѣстнаго какого нибудь выдѣленія можетъ или совершенно помѣшать образованію предназначеннаго къ удаленью вещества, такъ какъ образованіе это было, пожалуй, возможно только благодаря особенной дѣятельности покоящагося теперь органа, или же когда вещество находится въ крови уже готовымъ, то перерывъ выдѣленія можетъ по-

Digitized by Google

мѣшать выходу вещества въ томъ видѣ, какой оно здѣсь имѣетъ и въ какомъ оно могло бы свободно пройдти далѣе единственно лишь путемъ запертаго теперь органа. Въ послѣднемъ случаѣ очевидно должны развиться какія-нибудь замѣнительные процессы: или матеріалъ, изъ котораго надлежало образоваться выдѣляемому веществу, или уже совсѣмъ готовое образованіе, должны будутъ подвергпуться дальнѣйшимъ превращеніямъ и передѣламъ, чтобы напослѣдокъ принять формы, въ которыхъ сдѣлалось бы возможнымъ выдѣленіе ихъ другими органами, которыя остались еше удобопроходимы. Такъ какъ перерабатываемыя вещества подлежатъ въ крови непрерывно дѣйствующему вліянію кислорода, которое повидимому споспѣшествуетъ распаденію ихъ на простѣйшія и легче растворимыя соединенія, то можно полагать, что и эта перемѣна, подъ стать выдѣляющей дѣятельности, происходитъ сама собой безъ вмѣшательства особой, направляющей ее, силы. Между тѣмъ, дурныя слѣдствія, съ какими обыкновенно сопряжено для здоровья цѣлаго организма задержаніе важныхъ выдѣленій, все-таки показываетъ, что замѣна одной дѣятельности другою не обходится безъ затрудненій и едва-ли можетъ служить средствомъ для улада органическихъ разстройствъ въ болѣе обширныхъ размѣрахъ.

Можно бы привести еще другіе подобные примѣры и упомянуть о томъ, какъ благопріятныя соотношенія, разсчитанныя на обычный ходъ тѣлесной жизни, часто простираютъ свое дѣйствіе даже и на исцѣленіе необыкновенныхъ потрясеній; но при такой попыткѣ мы подвергались бы двойной опасности, не только выйдти далеко за предѣлы этого общаго очерка, но и выставить въ видѣ положительныхъ фактовъ такія воззрѣнія, за которыми мы можемъ признать только извѣстную степень вѣроятности. Въ вышеизложенныхъ примѣрахъ намъ хотѣлось лишь наглядно показать возможность чисто-фи-

Digitized by Google

зическаго улада разстройствъ, или такого самоуправленія со стороны органическихъ процессовъ, при которомъ цѣлесообразныя отмѣны въ однихъ прямо зависятъ отъ перемѣнъ въ другихъ, какъ непосредственныя ихъ послѣдствія. Но мы никакъ не поручимся за то, чтобъ и въ упомянутыхъ явленіяхъ не заключалось уже начало другаго, органическаго улада, чтобы поэтому и въ нихъ не существовало уже взаимнаго приспособленія процессовъ, производимаго вмѣшательствомъ особо-назначенной къ тому системы органовъ или дѣятельностей. Въ глубинѣ общей связи жизненныхъ явленій еще такъ много для насъ неяснаго, что часто иное отправленіе кажется намъ проще, нежели оно въ самомъ дѣлѣ, и что для объясненія того, что мы о немъ знаемъ, нерѣдко намъ бываетъ достаточно немногихъ данныхъ, тогда какъ изъ очевиднаго употребленія природою гораздо многосложнѣйшихъ средствъ необходимо должно заключить, что на самомъ дѣлѣ тутъ существуютъ какія-нибудь еще неизвѣстныя намъ трудности. Выше изложилъ я общую причину недостаточности всѣхъ чисто-физическихъ вознагражденій, наверстокъ или замѣнъ. Всѣ онѣ сводились бы напослѣдокъ къ одной только возстановкѣ прежняго равновѣсія, но не больше; а природѣ не всегда вѣдь нужно это равновѣсіе: подъ-часъ она сама хочетъ измѣнить его въ видахъ дальнѣйшаго развитія. Съ этой цѣлью должна она привлекать къ живому взаимнодѣйствію даже и такія части, которыя непосредственно, сами по себѣ, не смогли бы перенести своихъ состояній другъ на друга.

Нервная система предназначена къ выполненію собственно этой задачи. Мы упомянули уже о нитяхъ движительныхъ нервовъ, выходящихъ изъ головнаго и спиннаго мозга, проводящихъ возникшія тамъ изъ духовной жизни позывы къ движенію въ мышцы тѣла и побуждающихъ послѣднія то къ мгновеннымъ, то къ продолжительнымъ сокращеніямъ. Совершен-

Digitized by Google

но сходныя по виду съ этими нитями или волокнами и различныя отъ нихъ только результатами своихъ дѣйствій, чувствительныя волокна точно такъ же соединяютъ всѣ способныя къ ощущенью точки тѣла, откуда они возникаютъ, съ центральными органами (головнымъ и спиннымъ мозгомъ), до которыхъ должны быть доведены всѣ впечатлѣнія, чтобъ осуществиться для сознанья. На этихъ двухъ родахъ волоконъ и на массахъ головнаго и спиннаго мозга, гдѣ они оканчиваются или откуда выходятъ, основаны всѣ послуги, какія тѣлесная жизнь должна оказывать цѣлямъ жизни духовной. Точнѣйшее ихъ описаніе можемъ мы отложить до другаго случая. Но рядомъ съ этими органами, которые мы разумѣемъ подъ общимъ именемъ головохребетной системы, поддержка внутренняго порядка тѣлесныхъ отправленій возложена по бо́льшей части на другую систему,—систему сочувственныхъ нервовъ, которая получила названіе узловатой отъ множества клубчатыхъ и плетевидныхъ соединеній, такъ называемыхъ ганглій или узловъ, въ которые перепутаны ея несравненно тончайшія волоконца.

Чѣмъ менѣе какая-либо часть тѣла предназначена для произвольнаго движенія, чѣмъ ограниченнѣе ея способность передавать сознанью впечатлѣнія своихъ состояній, чѣмъ живѣе въ ней смѣна вещества или образовательная (пластическая) ея дѣятельность, тѣмъ чаще въ нервныхъ ея пучкахъ встрѣчаются тонкія волокна сочувственной системы, рядомъ съ волокнами головохребетной, которыя толще. И наблюденія, и опыты единогласно подтверждаютъ выводъ, очевидный самъ собой изъ подобнаго распорядка: именно, что вторая эта нервная система назначена блюсти за совокупностью растительныхъ отправленій, за химическими превращеніями веществъ, за ихъ питаніемъ и воспроизведеньемъ, за сложеніемъ мельчайшихъ частицъ, наконецъ за цѣлесообразнымъ соглашеніемъ

Digitized by Google

между величинами и формами отдѣльныхъ дѣйствій. Это взаимное приспособленіе дѣятельностей разнообразнѣйшихъ частей предполагаетъ уже, что впечатлѣнія, принимаемыя разными волокнами отъ состояній того мѣста, которымъ они проходятъ, ставятся въ соотношеніе, пріурочиваются другъ къ другу, и что существуютъ такія средоточія, гдѣ различныя возбужденія этихъ волоконъ сходятся между собой, чтобы взаимнодѣйствіемъ своимъ породить толчокъ къ опредѣленной, сообразной съ даннымъ положеніемъ реакціи. Несомнѣнно, что нервные узлы весьма многочисленные въ растительныхъ органахъ, служатъ посредствующими точками для этихъ обоюдныхъ вліяній; но намъ еще не довольно ясны условія, благодаря которымъ здѣсь происходитъ переносъ состояній одного волоконца на другое, не встрѣчающійся въ иныхъ случаяхъ. Ибо и тутъ не замѣчается непосредственнаго сліянія многихъ волоконъ въ одинъ общій стволъ; но между нихъ разсѣяны особаго рода элементы, кругловатые, зернчатые пузырьки, такъ-называемыя узлонервныя клѣточки, откуда не только выходятъ отдѣльныя волоконца, но изъ которыхъ многія иногда неразрывно между собою связаны мочкообразными продолженіями, которыя онѣ пускаютъ отъ себя въ разныя стороны. Будущности предстоитъ окончательно рѣшить значеніе этихъ частей, которымъ много подобныхъ есть также въ головномъ и спинномъ мозгѣ, и опредѣлить пользу ихъ для взаимнодѣйствія отдѣльныхъ волоконецъ. Если мы представимъ себѣ это взаимнодѣйствіе какъ-либо осуществленнымъ, то вопервыхъ каждый нервный узелъ будетъ посредствующимъ звеномъ, чрезъ которое впечатлѣнію, идущему отъ извѣстной части тѣла, становится вообще возможнымъ вліять на состояніе другой части, съ которою первая прямо не соприкасается; но въ то же время онъ будетъ служить и центральнымъ органомъ, ибо не тотчасъ же дозволитъ этому впечатлѣнію пріобрѣсть величину и форму

Digitized by Google

дальнѣйшаго дѣйствія, соразмѣрныя его силѣ и свойству, но опредѣлитъ дѣятельность его сообразно потребностямъ всѣхъ прочихъ частей, съ которыми онъ также связанъ. Ни что не мѣшаетъ допустить, что мелкіе нервные узелки, управляющіе внутренними отношеніями извѣстнаго отдѣла сопринадлежныхъ частей, соединяясь въ свою очередь между собой посредствующими нитями или сообщаясь съ крупнѣйшими узлами, какъ центральными органами высшаго разряда, соглашаютъ другъ съ другомъ дѣятельности болѣе обширныхъ органовъ и ихъ системъ, пока наконецъ совокупное сплетеніе общей наличности нервныхъ узловъ сведетъ всѣ растительныя отправленія къ единству предразсчитаннаго хода, всесторонней круговой поруки или помощи и всеулаживающаго взаимнодѣйствія. Такіе союзы центральныхъ органовъ существуютъ въ самомъ дѣлѣ, и отъ шеи, сквозь грудную и брюшную полости, спускается по обѣимъ сторонамъ хребта цѣпь главныхъ нервныхъ узловъ, связанныхъ между собой нервными нитями и выпускающихъ въ свою очередь другія нити для образованія многочисленныхъ сплетеній, пріуроченныхъ къ разнымъ отдѣламъ брюшныхъ внутренностей или утробы.

Сочувственность, къ которой разстройства одного органа такъ часто влекутъ другіе, даже мѣстно-отдаленные, въ старину приписывали дѣятельности этой системы, и не безъ основанія носитъ она оттого имя сочувственной, хотя, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, многія изъ такихъ сочувствій происходятъ помимо ея, прямо изъ взаимнодѣйствія головохребетныхъ нервовъ. Въ какой формѣ совершаетъ она свои отправленія, это намъ отчасти извѣстно изъ наблюденій и опытовъ, хотя мы не въ состояніи точнѣе опредѣлить объемъ ея дѣйствій. Навѣрно дознано вопервыхъ вліяніе ея на движеніе кишекъ, которыхъ мышчатыя перепонки сокращаются по раздраженіи заправляющихъ ими нервныхъ узловъ. Не внезапно, какъ мышцы

Digitized by Google

произвольнаго движенія, но чрезъ нѣкоторое время послѣ раздраженія, кишечный каналъ съуживается отъ сокращенія одѣвающей его тонкой мышчатой оболочки, и это сжатіе, длясь долѣе употребленнаго раздраженья, идетъ постепенно движущеюся волной, ибо, безъ всякаго новаго повода извнѣ, за возрастяженіемъ одного мѣста, сжимается другое, къ нему ближайшее. Подобныя же медленно-наступающія сжатія замѣчаются въ болѣе крупныхъ стволахъ кровяныхъ сосудовъ, которыхъ оболочки не только упруги, но состоятъ притомъ изъ живо-сокращаемыхъ мышцевидныхъ волоконецъ, перенятыхъ нитями сочувственныхъ нервовъ. Періодическіе удары сердца зависятъ отъ системы микроскопично-мелкихъ нервныхъ узелковъ, внѣдренной въ самое мышчатое существо этого органа. Біенія его у холоднокровныхъ животныхъ продолжаются довольно долго и притомъ правильно даже и по вырѣзкѣ сердца изъ тѣла; мало того, сокращаются и отдѣльныя части изрубленнаго въ куски органа, но только тѣ, гдѣ есть нервные узелки. Факты эти доказываютъ, что какъ позывъ къ движенію вообще, такъ и причина мѣрнаго чередованія натугъ и отдачъ, заключается въ этихъ нервно-центральныхъ органахъ, но мы не знаемъ ни того, откуда сами они получаютъ свою возбудительную силу, ни того, какимъ именно способомъ порождается періодичность ихъ дѣйствій.

Сочувственные нервы повидимому неспособны возбуждать ощущенія. О состояніяхъ преимущественно имъ подвластныхъ частей, о ходѣ пищеваренія, претворенія, выдѣленья, а равно и о напряженіи сосудовъ, не дается намъ обыкновенно ни малѣйшаго впечатлѣнія; мы узнаемъ объ нихъ только тогда, когда вліяніе ихъ перейдетъ дальше на другія части, которыхъ чувственные нервы сообщаютъ намъ изъ вторыхъ рукъ эти передаточныя возбужденія, или же когда наступятъ въ этой области очень значительныя перемѣны и совсѣмъ ненормаль-

Digitized by Google

ныя состоянія. Навѣрное неизвѣстно, сама ли сочувственная нить приводитъ въ послѣднемъ случаѣ впечатлѣнія эти къ сознанію, на что она обыкновенно неспособна, или же, какъ и всегда, исполняютъ это головохребетныя нити, которыми, хотя бы и въ маломъ числѣ, а ужь непремѣнно сопровождаются первыя. Быть можетъ, сочувственная нить вообще и не лишена способности порождать ощущенья, но не въ силахъ лишь придать имъ надлежащую тонкость и остроту, чтобы они ясно выступали порознь изъ нашего общаго самочувствія. Напротивъ, достовѣрно, что нити эти выполняютъ относительно нервныхъ узловъ отчасти ту же самую задачу, какая лежитъ на нитяхъ головохребетной системы вразсужденіи головнаго мозга: онѣ служатъ проводниками, возвѣщающими состоянія частей, откуда онѣ идутъ, нервному узлу, какъ центральному своему органу, съ тѣмъ, чтобъ вызвать у него надлежащее воздѣйствіе на это раздраженье.

Значительное вліяніе, неоспоримо оказываемое сочувственною системой на измѣненія въ смѣси тѣлесныхъ соковъ, всего менѣе извѣстно со стороны способа своего осуществленія; однакоже легко представить себѣ разныя возможности, между которыми рѣшитъ быть-можетъ будущее время. Сокращенія, возбуждаемыя дѣятельностью сочувственныхъ нервовъ въ мышцахъ, ведутъ къ догадкѣ, что и другія ткани подъ тѣмъ же вліяніемъ могутъ испытывать перемѣны въ расположеніи мельчайшихъ своихъ частицъ. Такъ какъ химическій составъ соковъ несомнѣнно въ высшей степени зависитъ отъ свойства перепонокъ, сквозь которыя они дѣйствуютъ другъ на друга, выступаютъ наружу или всасываются, то перемѣнами въ физическомъ состояніи перепонокъ легко было бы объяснить разныя особенности выдѣленій, обнаруживающіяся вслѣдствіе сильныхъ нервныхъ разстройствъ, и которыя, хотя не столь явно и съ менѣе крутыми переходами, безъ сомнѣнія нормаль-

Digitized by Google

но совершаются въ теченіе всей жизни. Перепонка, сквозь которую стремятся дѣйствовать другъ на друга двѣ влаги, въ различныхъ степеняхъ своего напряженія и при различномъ укладѣ (группировкѣ) мельчайшихъ своихъ частицъ, не всегда одинаково допуститъ ихъ дѣятельность: она иногда задержитъ одну изъ нихъ и въ то же время облегчитъ ходъ другой. Помѣшавъ этимъ осуществленію одного изъ привычныхъ организму химическихъ процессовъ, она легко можетъ придать совокупному результату своей дѣятельности совсѣмъ новыя и отмѣнныя отъ прежнихъ формы. Но затѣмъ остается еще и другая возможность, что въ самый моментъ дѣятельности нервная нить непосредственно производитъ химическое взаимодѣйствіе, внеся въ игру сопричастныхъ веществъ какое-нибудь условіе, которое направитъ иными путями ихъ химическое сродство, подобно тому, какъ электрическій токъ внезапно сводитъ готовыя, но еще медлящія сойдтись составныя части иного предстоявшаго соединенія, или такъ же внезапно разлагаетъ другое, уже состоявшееся. Всего менѣе могли бы мы постичь непосредственное пластическое дѣйствіе со стороны нервовъ, и мы въ правѣ полагать, что дѣятельность ихъ исчерпывается установкою одного лишь химическаго характера веществъ, которыя потомъ, своими собственными силами и подъ совокупнымъ вліяніемъ организованной уже среды, принимаютъ подобающія имъ формы.

Сжатіемъ сосудовъ сила нервовъ, увеличиваетъ, пожалуй, давленіе крови на сосудистыя стѣнки и тѣмъ самымъ измѣняетъ условія всѣхъ процессовъ всасыванія и выдѣленья; стягиваніемъ нѣкоторыхъ частей ткани она, пожалуй, причиняетъ особенный приливъ и отливъ крови въ этихъ частяхъ и замедляя мѣстами ея теченіе производитъ скопы пригодныхъ къ дѣлу массъ именно тамъ, гдѣ онѣ нужны для болѣе сильнаго пластическаго образованія и для быстрѣйшаго кругообо-

Digitized by Google

рота; ускореніемъ мышечныхъ движеній, которыми сопровождается перемѣщеніе веществъ въ большомъ видѣ,—испражненіе выдѣленныхъ и пріемъ вновь добытыхъ массъ,—наконецъ перемѣною въ напряженіи перепонокъ, сила нервовъ можетъ пожалуй, опредѣлять самую величину обмѣна веществъ въ цѣломъ и колебанія его энергіи въ отдѣльныхъ частяхъ. И ко всѣмъ этимъ проявленіямъ своей дѣятельности нервная система можетъ отчасти побуждаться вліяніемъ разстройствъ, которыя приходится ей уладить, отчасти же и нормальные процессы тѣла могутъ постоянно наводить ее на такіе позывы, которые, накопясь исподволь и достигнувъ въ извѣстный моментъ опредѣленной силы, разрѣшаются наконецъ цѣлесообразнымъ дѣйствіемъ. Такимъ образомъ въ первомъ случаѣ могутъ наступать разновидныя колебанія, а въ послѣднемъ правильно и мѣрно возвращающіеся періоды дѣятельности и покоя. Нѣтъ нужды далѣе описывать эти явленія, которыхъ внѣшняя форма знакома всѣмъ, а опредѣленныя условія невѣдомы ни кому на свѣтѣ; присоединимъ къ перечню ихъ одно только замѣчаніе, что при этомъ обиліи отправленій система сочувственныхъ нервовъ не ограничивается однакожь исключительно своими собственными средствами, но связана множествомъ нитей съ головохребетною системой. Долго нити эти слыли настоящими корнями узловыхъ нервовъ, которыхъ совокупность считали не за самобытную систему, а за подчиненное распространеніе и переплетеніе многихъ нервовъ головнаго и спиннаго мозга. Разныя соображенія дали въ настоящее время перевѣсъ представленію о самостоятельной узлонервной системѣ; но не слѣдуетъ полагать, чтобы многочисленныя связи ея съ головнымъ и спиннымъ мозгомъ имѣли цѣлью только приводить къ этимъ органамъ ту замѣну вещества, въ какой могутъ они нуждаться, потрачиваясь на свою дѣятельность; напротивъ, онѣ по крайней мѣрѣ на столько же служатъ къ то-

Digitized by Google

му, чтобъ этимъ настоящимъ средоточіямъ собственно-животной жизни дать возможность содѣйственнаго вліянія на ходъ образовательныхъ и хранительныхъ отправленій. Только растеніе поддерживаетъ свою жизнь одною лишь согласною и стройною дѣятельностью своихъ матеріальныхъ составныхъ частей; животный организмъ, хотя и не въ примѣръ богаче разчлененный, не образуетъ однакожь въ себѣ самомъ вполнѣ законченнаго кругооборота отправленій. Гдѣ-нибудь и въ какой-нибудь, хотя бы даже самой подчиненной, формѣ, среди дѣйствій тѣлесныхъ органовъ, въ немъ все-таки прорываются элементы духовной жизни и наполняютъ собой тѣ пробѣлы, какіе общая связь жизненныхъ процессовъ оставляетъ между различныхъ его частей. Растеніе, погруженное въ жизненныя свои стихіи, воздухъ и воду, находится уже безъ всякихъ дальнѣйшихъ заботъ въ постоянномъ взаимнодѣйствіи съ тѣмъ возмѣстительнымъ подспорьемъ, какое ему нужно; а животное должно отыскать себѣ пищу, и эту часть своего жизнеоборота совершаетъ оно не безъ разнообразныхъ пособій со стороны духовной дѣятельности. Уничтожьте всѣ тѣ инстинкты, по которымъ животное ищетъ противъ гнетущихъ его состояній цѣлебныхъ средствъ, не всегда добровольно предлагаемыхъ ему природою, и организмъ его будетъ способенъ лишь къ узкому и кратковременному самосохраненію; далекій отъ того, чтобъ быть самоподвижною машиной, за какую такъ часто принимался онъ невѣрнымъ анализомъ фактовъ, этотъ организмъ не что иное, какъ одна только половина цѣлаго, неспособная жить безъ другой половины, — внѣшняго міра и души.

До какой степени ходъ нашего изслѣдованія вообще преобразилъ тѣ предубѣжденія, которыя внушаются намъ сначала непосредственнымъ взглядомъ на жизнь и ея явленія! Гдѣ теперь наши мечты о единствѣ, законченности и постоянствѣ

Digitized by Google

живаго организма! Едва съумѣемъ мы указать даже и на пространственныя границы, отдѣляющія организмъ отъ его внѣшней обстановки. Воздухъ въ нашемъ легкомъ, когда именно начинаетъ принадлежать намъ и когда перестаетъ быть составною частью нашего тѣла? Усвоился ли онъ нашему организму только по поглощеніи кровью, и былъ ли ему чуждъ, пока находился въ легочныхъ клѣточкахъ? А этотъ пищевой сокъ, сдѣлался ли уже частію насъ самихъ, проникнувъ въ млечные сосуды, или же и онъ, и сама кровь суть только вступившіе въ насъ отрывки внѣшняго міра, слегка видоизмѣненные живыми силами, но только еще готовящіеся къ участію въ жизнедѣятельности? И не кружатъ ли многія вещества, каковы напримѣръ растворимыя соли земнаго черепа, въ нашемъ тѣлѣ, въ крови и въ органахъ, а между-тѣмъ все-таки остаются имъ чужды? Ни на одинъ мигъ содержаніе тѣла нашего не ограничивается исключительно тѣмъ, что принадлежитъ къ настоящему его составу; всегда находимъ мы въ немъ вещества, которыя только еще должны стать его собственностью, и всегда находимъ другія, которыя уже перестали быть ею; подготовка его будущности и развалины его прошлаго совокупляются въ немъ съ живымъ кряжемъ настоящей жизни и съ случайно разметанными обломками внѣшняго міра.

Столь же мало, какъ и въ пространствѣ, тѣло замыкается строгимъ единствомъ и во временномъ своемъ развитіи. Пополняясь, наращаясь и развертываясь не изъ собственныхъ своихъ средствъ, оно, напротивъ, вездѣ зависитъ отъ благопріятнаго содѣйствія внѣшней обстановки. Жизнь его похожа на водоворотъ, производимый въ рѣчномъ руслѣ особымъ какимъ-то препятствіемъ. Рѣка эта — всеобщее теченіе природы, а органическое тѣло — та преграда, о которую ударяется потокъ и которой своеобразная форма превращаетъ ровный и прямолинейный напоръ воды въ чудныя извилины и закру-

Digitized by Google

ти водоворота. Пока русло останется въ томъ же видѣ и пока волны будутъ приливать, безпрерывно будетъ возобновляться эта игра движенія, повидимому ни мало не мѣняясь въ своей формѣ, хотя ежемгновенно смѣняются струи, которыя, приходя, порождаютъ ее, а уходя — покидаютъ. Но форма русла не останется однообразною; сила теченья постоянно будетъ измѣнять ее, а чего не сможетъ теченіе, то довершитъ собственная разрушительнѣйшая еще сила возбужденнаго водоворота. Какъ морское теченіе, ходомъ своихъ волнъ, къ которому оно нудится извѣстнымъ видообразованіемъ дна или грунта, выравниваетъ это дно и такимъ образомъ само устраняетъ причину особеннаго своего движенія, такъ и обычныя дѣятельности жизни, всѣ процессы и отправленія ея организаціи, съ медленною, но тѣмъ не менѣе вѣрною силой, разрушительно борящаются противъ своей собственной основы; сегодняшній водоворотъ уже не тотъ, что былъ наканунѣ; постоянно-обновляющая замѣна приноситъ съ собой, правда, схожія, но никогда не вполнѣ одинаковыя состоянія.

Мы не покинемъ этого очерка безъ того, чтобъ не извлечь изъ него же послѣдній общій взглядъ на совокупность жизненныхъ процессовъ. Сильно распространена мечта, будто высшія и благороднѣйшія явленія природы, равно какъ и духовнаго бытія, запечатлѣны строгимъ отсутствіемъ потребностей (полнымъ самодовлѣньемъ), побѣдоносные противъ всѣхъ вторженій внѣшняго міра несокрушимостью своего ядра и обезпеченные въ непрерывности своего развитія простотою своего внутренняго строя. Дѣйствительно же все высшее предполагаетъ для существованія своего гораздо болѣе, чѣмъ поставленное ниже, и вся энергія его бытія заключается лишь въ томъ геніальномъ разсчетѣ, съ какимъ оно умѣетъ удовлетворять бо̀льшему разнообразію своихъ потребностей. Не простой, замкнутый въ себѣ самомъ и могучій своей напряженностью об-

Digitized by Google

разовательный позывъ одушевляетъ живое тѣло; не съ помощью чрезвычайныхъ, неодолимыхъ какихъ-то силъ смыкаются составныя его части въ единство, тѣснѣйшее того, какое доступно для неодушевленнаго созданія; опираясь на безпрерывную смѣну своихъ массъ, оно представляется зыбкимъ и утлымъ противъ послѣдняго. Но объ удачно пригнанныя соотношенія, въ какихъ совокупныя части его противопоставляются общему потоку природы, все-таки сокрушается напоръ несмѣтнаго числа физическихъ процессовъ и превращается здѣсь въ постоянный обликъ, втягивающій вещества извнѣ, удерживающій ихъ въ себѣ нѣсколько времени и потомъ возвращающій ихъ скудоформному разгулу неорганической природы. Не къ твердому, безсмѣнному субстрату или ядру прикована эта богатая игра процессовъ и отношеній, но, подобно яркоцвѣтному блеску радуги, витаетъ она, подвижная, надъ безпрерывно измѣняющеюся основой. Въ органическихъ тѣлахъ мы такъ мало находимъ самородной, самодовлѣющей жизненной силы, что скорѣе можемъ считать ихъ за тѣ точки или мѣста въ пространствѣ, въ которыхъ вещества, силы и движенія всеобщаго потока природы встрѣчаются при столь удачныхъ соотношеніяхъ, что измѣнчивыя массы успѣваютъ навремя сойдтись хотя и въ недолговѣчный обликъ, а взаимодѣйствія ихъ — пробѣжать мелодически-законченную череду разцвѣта и увяданія. Тихо возникающій обликъ растенія и подвижно слагающаяся фигура животнаго сколько ни соблазняютъ насъ дивоваться ихъ прочнымъ единствомъ и самодержащеюся цѣлостью; сколько нравственныя побужденія ни вызываютъ насъ къ тому чувству, что мы противостоимъ остальному міру, какъ вмѣстилищу сподручнаго матеріала для нашей дѣятельности: тѣмъ не менѣе, въ глазахъ науки, ищущей тѣлесной основы нашего бытія, остальная природа раскинута вкругъ живаго созданія не чуждымъ ему безформнымъ ка-

Digitized by Google

кимъ-то хаосомъ, который отъ его только жизненныхъ силъ ожидаетъ себѣ и связи, и формы, и развитія. Подобно тому какъ фокусъ лупы сосредоточиваетъ свѣтовую теплоту или рисуетъ красивый образъ какой-нибудь фигуры, не участвуя въ томъ самодѣятельно, но становясь поприщемъ такихъ замѣчательныхъ явленій лишь по милости собравшихся въ немъ лучей: почти такъ же беззаслужно и безучастно дѣйствуетъ живое тѣло, собирая вещество и движенія окружающей его среды въ замкнутый образъ своей собственной фигуры. Правда, оно отчасти само то зажигательное стекло, котораго преломляющая сила сводитъ лучи свѣта, но даже и этою дѣятельною формой обязано оно извѣстному преданію (то-есть не своему, а передаточному дѣйствію), въ которомъ принимали участіе силы внѣшняго міра. Тѣло, въ наличномъ своемъ видѣ, является результатомъ породившихъ его обстоятельствъ; предназначенное къ стройному развитію, если они гармонически сошлись для его порожденья, оно обречено на жалкое и слабое существованіе, если неблагопріятныя условія нарушили ладъ перваго зачала его. Непрерывное всеобщее движеніе природы представляетъ собою тотъ всеобъемлющій потокъ, гдѣ въ самыхъ быстрыхъ мѣстахъ возникаютъ и гинутъ живыя твари, —возникаютъ и гинутъ даже не какъ устойчивые острова, но какъ перехожіе буруны и всплески, потому что мчащіяся мимо струи массъ, мгновенно сводятся здѣсь въ какое-нибудь особое теченіе, смыкаются въ какой-нибудь опредѣленный обликъ, и вскорѣ потомъ тѣми же самыми силами, которыми были онѣ собраны къ этому сподручному для нихъ средоточію, разсѣеваются опять въ безформную пучину всеобщаго теченья.

Digitized by Google

Digitized by Google

КНИГА ВТОРАЯ.

ДУША.

Digitized by Google

Digitized by Google

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Существованіе души.

Основанія принимать душу. — Свобода воли. — Несравнимость физическихъ и психическихъ процессовъ. — Необходимость двухъ равныхъ объяснительныхъ началъ. — Предполагаемое соединеніе ихъ въ одномъ и томъ же существѣ. — Единство сознанія. — Что̀ собственно сознаніе, и въ чемъ оно дѣйствительно состоитъ. — Невозможность объяснить его изъ совокупности многихъ дѣйствій. — Соотносительное знаніе въ противоположность физическому среднесложному образованію*. — Сверхчувственная природа души.

И среди этой постоянной суетни элементовъ, то ищущихъ, то убѣгающихъ другъ друга, гдѣ отыскать намъ свое мѣсто? Разнообразіе нашей внутренней жизни, игра познанія, скорбь и радость, подвижность измѣнчивыхъ стремленій, кому же все это принадлежитъ? Ужь не утонченнѣйшая ли это форма той же самой внѣшности, не отблескъ ли внутреннихъ движеній того круговорота, нѣчто подобное радужному переливу красокъ производимому мельчайшей водяной пылью надъ всплесками болѣе тяжеловѣсныхъ волнъ. Или нѣтъ ли среди всей этой наружной сумятицы какой-нибудь точки настоящей внутренней жизни, для которой тѣлесное образованіе служитъ только пріі-

* То-есть образованію, являющемуся результатомъ средней сложности данныхъ условій.

Digitized by Google

ютною обстановкой, а вся тревога перемѣнъ, сквозящая изъ-подъ видимаго облика, есть лишь неотвязный призывъ осуществлять единство своей собственной жизни въ многообразнѣйшемъ развитіи?

Въ противоположность тому, что̀ видится непосредственной наглядкѣ опыта, естественная дума человѣческаго рода всегда рѣшительно склонялась къ этому вѣрованью. Ни какое наблюденіе не представляетъ намъ духовной жизни иначе какъ во всегдашней связи съ тѣлеснымъ обликомъ и съ постепеннымъ его сложеніемъ; и она и онъ развиваются, какъ мы видимъ, вмѣстѣ, а съ распаденіемъ плоти безслѣдно исчезаетъ для насъ полнота и сила духа, ее оживлявшаго. Вотъ какими яснымъ указаніями опытъ силится убѣдить насъ въ томъ, что вся внутренняя подвижность происходитъ отъ соединенія веществъ, и съ разложеніемъ его пропадаетъ; тѣмъ не менѣе живое образованіе всѣхъ народовъ міра, создавъ имя для души, выразило въ немъ свою увѣренность, что не одно различіе наружнаго вида отдѣляетъ внутреннія явленія отъ тѣлесной жизни, но что своеродный элементъ, совсѣмъ не похожій на тѣлообразовательныя вещества, лежитъ въ основѣ міра ощущеній, чувствованій и стремленій, и своимъ собственнымъ единствомъ связываетъ ихъ въ цѣльность замкнутаго въ себѣ развитія. Столь всеобщее предубѣжденье никогда не возникнетъ безъ настоятельныхъ требованій, коренящихся въ природѣ нашего существа; не смотря на то, мы въ правѣ видѣть въ немъ покамѣстъ только предразсудокъ, котораго провѣрка, подтвержденіе или опроверженье, должны быть предоставлены положительному разслѣдованью. Ибо сколь ни достовѣрно то, что всеобщій инстинктъ человѣческаго образованія не приступаетъ къ отработкѣ такихъ взглядовъ безъ основательнаго правомочія со стороны неотразимыхъ потребностей, мы все же не можемъ рѣшительно предполагать, что ему вездѣ счастливится

Digitized by Google

въ окончательныхъ результатахъ и не случается искать невѣрнымъ путемъ такого удовлетворенія, котораго обманчивость обнаружится рано или поздно передъ изощреннымъ взглядомъ науки. И въ самомъ дѣлѣ, вникнувъ въ основанія, на которыя общее мнѣніе втайнѣ разсчитываетъ тамъ, гдѣ ему нужно выдѣлить духовную жизнь изъ области природы, мы найдемъ, что не на всѣ опирается оно съ одинаковымъ правомъ, и что только въ тѣсномъ кругу явленій лежитъ рѣшительная необходимость выводить объясненіе внутреннихъ процессовъ изъ особеннаго существа.

Можно преимущественно указать на три черты, повидимому, невозвратно рознящія духовную жизнь со всякимъ теченіемъ или распорядкомъ природы. Ни одной изъ нихъ обыкновенный взглядъ не придаетъ такого вѣса, какъ самой сомнительной изъ всѣхъ, именно — свободѣ внутренняго самоопредѣленія, которую мы воображаемъ сознавать въ себѣ съ непосредственною ясностью, въ противоположность той сплошной, безъизъятной необходимости, съ какою состоянія всего неодушевленнаго развиваются одни изъ другихъ. Все, чѣмъ отличается духовное наше бытіе, все достоинство, какое мы считаемъ долгомъ за нимъ отстаивать, вся цѣнность нашей личности и нашихъ поступковъ, кажется намъ, зависятъ отъ этого освобожденія нашего существа изъ-подъ гнета механической послѣдовательности, которой могущество не только надъ неодушевленнымъ міромъ, но и надъ развитіемъ нашего собственнаго тѣла мы невольно ощущаемъ каждый мигъ. И однакожь довольно немного поразмыслить для удостовѣренія себя въ томъ, что ни помянутая выше свобода не представляется намъ очевиднымъ фактомъ нашей внутренней жизни, ни наше собственное мнѣніе насчетъ придаваемой ей нами цѣны не во всемъ согласно само съ собой. Правда, что самонаблюденіе очень часто не открываетъ тѣхъ обусловливающихъ побужде-

Digitized by Google

ній, изъ которыхъ съ очевидною для насъ зависимостью проистекаютъ рѣшенія нашей воли и другія внутреннія движенья; но за то вѣдь и вниманіе наше такъ разсѣянно и урывочно обращается на насъ самихъ, что не мудрено если бѣглый его обзоръ приметъ за свободное самоопредѣленіе, пожалуй, и то, чему нашлись бы, можетъ быть, необходимыя причины, ступи мы еще одинъ лишній шагъ въ разслѣдованіи внутреннихъ нашихъ состояній. Правда, что производимыя на насъ впечатлѣнья вызываютъ съ нашей стороны воздѣйствія, не соотвѣтственныя имъ ни по формѣ, ни по величинѣ, и что въ разные моменты, на одинаковый толчокъ извнѣ, даются нами самые разнообразные отзывы. Но, при всей непредрасчислимости своихъ дѣйствій, духовная наша жизнь только повторяетъ то общее явленіе раздражительности, которое, будучи равно свойственно тѣлесному, какъ и бездушному бытію, представляется не освобожденьемъ изъ-подъ гнета узаконенной дѣятельности, а скорѣе истинымъ ея содержаньемъ. Ибо дѣйствующая причина нигдѣ вѣдь не переноситъ своего дѣйствія совсѣмъ готовымъ на подлежащій ей элементъ, такъ чтобы она получала отъ него тожественный лишь отголосокъ своей собственной дѣятельности; вездѣ произведенное впечатлѣніе побуждаетъ проявиться только собственную природу того, на что было оно устремлено, и порождаемый-имъ результатъ обусловливается не только самимъ впечатлѣніемъ, но равномѣрно и тѣми особенными дѣятельностями, какія пробудило оно своимъ вліяніемъ въ подлежащемъ ему существѣ. Иногда извѣстенъ намъ внутренній строй предметовъ, на которые падаетъ впечатлѣнье или раздраженье, и мы можемъ прослѣдить его путь и сцѣпленіе вызываемыхъ имъ по пути воздѣйствій; еще чаще неясны для насъ внутреннія обстоятельства раздраженнаго, и наблюденію нашему доступны только первый толчокъ извнѣ и послѣдняя форма окончательнаго воздѣйствія;

Digitized by Google

неизвѣданно лежитъ въ промежуткѣ множество посредствующихъ членовъ, необходимо связывающихъ начало съ концомъ. Итакъ въ многоразличныхъ постепенностяхъ представляетъ намъ рядъ естественныхъ явленій то такіе результаты, которыхъ совокупные задатки явственно входятъ въ доступный намъ кругозоръ, и которые мы поэтому принимаемъ за вполнѣ обусловленныя слѣдствія предшествующихъ данныхъ, то результаты другого рода, которыхъ форма, опредѣленная при существенномъ содѣйствіи скрытаго отъ насъ свойства посредствующихъ членовъ, не состоитъ уже ни въ какомъ понятномъ отношеніи къ тому единичному раздраженію, которымъ она первоначально зарождена. Въ подобныхъ случаяхъ всегда естественна наклонность къ мысли, что въ необходимой связи членовъ есть здѣсь дѣйствительный разрывъ; мы уже встрѣчались съ этой наклонностью по поводу объясненія тѣлесной жизни, мы наталкиваемся на нее опять и тутъ, гдѣ несравненно бо́льшая многосложность входящихъ и однакожь обыкновенно скрытыхъ отъ насъ условій дѣлаетъ воздѣйствіе еще менѣе похожимъ на вызывающее его раздраженье и тѣмъ сильнѣе убѣждаетъ насъ въ свободѣ безпричиннаго самоопредѣленія. Однажды удостовѣрясь въ ошибочности заключенія, отрицающаго сплошную, безъизъятную условность духовной жизни только потому, что условность эта не вездѣ для насъ услѣдима, мы пожалуй можемъ попытаться объяснить себѣ свободу, какъ необходимое слѣдствіе нравственныхъ истинъ или какъ неизбѣжное предусловіе всякаго выполненія нравственныхъ задачъ. Въ самомъ дѣлѣ, удайся намъ несомнѣнно подобное доказательство, мы охотно придали бы ему, по отношенію къ установкѣ нашихъ взглядовъ, такую же цѣну, какую имѣетъ для насъ добытый наблюденіемъ фактъ. Но мы выше уже говорили, что общее мнѣніе далеко не согласно въ этомъ само съ собою: намъ часто бываетъ сомнительно, полезна ли

Digitized by Google

и нужна ли вообще безусловная свобода, и притомъ въ какомъ именно опредѣленномъ видѣ, для удовлетворенія нравственныхъ потребностей; не всѣмъ казалась она необходимою, и попытка всмотрѣться въ нее пристальнѣй ведетъ къ вопросамъ, на которые любой какой бы то ни было отвѣтъ, во всякомъ случаѣ далекъ отъ ясности мысли, способной лечь коренною основой важнаго воззрѣнія. И наконецъ, должны мы присовокупить, любое мнѣніе на этотъ счетъ по необходимости относилось бы не къ общей свободѣ всей внутренней жизни, но единственно лишь къ свободѣ воли: вѣдь въ цѣломъ ходѣ нашихъ представленій, нашихъ чувствованій и пожеланій такъ ясно и беззакрытно обнаруживаются слѣды всеобщей подзаконности, что никогда ни одинъ взглядъ не рѣшался вполнѣ устранять всѣ эти процессы изъ-подъ вѣдомства механической необходимости. Болѣе глубокое изслѣдованіе отняло бы можетъ-быть эту нерѣшимость и съумѣло бы показать намъ, какъ неосновательно бояться этого соединенія свободы съ механизмомъ въ существѣ души; но, конечно, при началѣ изысканій, очевидное господство общей законности въ большей части внутренней нашей жизни должно только противорѣчить вѣрованію въ недоступную наблюденію свободу, какою повидимому проникнута одна мѣньшая ея часть.

Однако опытъ такъ же мало способенъ убѣдить насъ въ несуществованіи свободы, и мнѣнія, указывающія съ назойливой самоувѣренностью на постоянную связь духовныхъ событій съ измѣненіями тѣла, перетолковываютъ всѣмъ извѣстный фактъ съ явно ошибочнымъ произволомъ, воображая себѣ видѣть въ немъ доказательство, что все духовное вполнѣ объяснимо изъ свойствъ вещества, служащаго ему носителемъ. Что перемѣны внутреннихъ нашихъ состояній зависятъ отъ внѣшнихъ впечатлѣній и ихъ взаимнодѣйствія съ составными частями нашего тѣла, это, конечно, доказывается всеобщимъ и непре-

Digitized by Google

станно повторяющимся опытомъ. Ощущенія наши мѣняются съ измѣнчивыми возбужденіями нашихъ чувственныхъ органовъ; иныя чувства и стремленія возникаютъ въ насъ, когда внѣшнія вліянія или безпрерывныя собственныя видоизмѣненья живыхъ дѣятельностей нашего тѣла настроятъ его иначе; живость и подвижность хода нашихъ мыслей въ обширнѣйшемъ размѣрѣ зависитъ отъ колебанія тѣлесныхъ состояній, то благопріятствующихъ этому ходу, то пригнетающихъ его совсѣмъ, и тщательное изысканіе непремѣнно должно будетъ допустить, что даже въ высшихъ проявленіяхъ духовной жизни, представляемыхъ намъ исторіей человѣческаго образованія, все-таки ощутительны слѣды того вліянія, какимъ тѣлесныя настроенья, неодинаковыя въ разныя времена, обыкновенно отзываются и на духовномъ развитіи. Но всѣ факты эти доказываютъ лишь одно, что измѣненія въ элементахъ тѣла — дѣйствительно то царство условій, съ которымъ неразрывно связаны существованіе и форма нашихъ внутреннихъ состояній; они отнюдь не доказываютъ того, что въ этихъ перемѣнахъ лежитъ единственная и достаточная причина, самосильно и безъ содѣйствія совсѣмъ иного начала порождающая изъ себя одной все разнообразіе душевной жизни. Вторичный взглядъ на свойство этой связи обнаруживаетъ намъ ту бездну, которая лежитъ здѣсь между достаточною повидимому причиной и мнимымъ ея слѣдствіемъ. Все, что бываетъ съ матеріальными составными частями внѣшней природы или нашего собственнаго тѣла, все, что можетъ приключиться имъ каждой порознь и въ разнообразной ихъ связи, совокупность всѣхъ опредѣленій протяженія, смѣси, густоты и движенья, все это отнюдь нейдетъ ни въ какое сравненіе съ особенностью духовныхъ состояній, съ ощущеніями, чувствованіями, стремленьями, которыя какъ мы видимъ, дѣйствительно за ними слѣдуютъ, и которыя, какъ мы ошибочно полагаемъ, отъ нихъ только и происходятъ. Ни какое

Digitized by Google

сравнительное разложеніе не откроетъ въ химическомъ составѣ нерва, въ напряженности, сгруппировкѣ и подвижности мельчайшихъ его частицъ, причину того, почему звуковая волна, достигши его своими струями, должна породить въ немъ что-нибудь болѣе подобнаго ей колебанія и вызвать у него сознательное ощущеніе тона. Какъ далеко ни слѣдили бы мы въ нервѣ проникшее въ него чувственное раздраженіе, сколько бы ни придавали разнообразныхъ измѣненій его формѣ и какихъ бы ни измышляли для него самоутонченнѣйшихъ движеній, никогда не сможемъ мы показать, что въ свойствѣ порожденнаго такимъ образомъ движенія само собою лежитъ то, чтобы ему прекратиться какъ движенію и возродиться въ видѣ свѣтлаго блеска, въ видѣ тона, въ видѣ сладкаго вкуса и т. д. Скачокъ между послѣднимъ, доступнымъ для насъ, состояніемъ матеріальныхъ элементовъ и первымъ зачаломъ ощущенія будетъ все такъ же великъ, и едва ли кто станетъ питать тщетную надежду, что болѣе развившаяся наука отыщетъ таинственный переходъ тамъ, гдѣ невозможность всякаго сплошнаго перехода сама бросается въ глаза просто и ясно, какъ солнце. На эту очевидную неприравнимость всѣхъ физическихъ процессовъ къ процессамъ сознанія искони опиралось убѣжденіе въ необходимости искать особаго начала для объясненія духовной жизни.

Конечно, въ интересѣ науки — подводить разнообразіе явленій подъ одинъ и тотъ же принципъ, но высшій и существеннѣйшій интересъ всякаго знанія, безспорно, одинъ лишь тотъ, чтобы все сущее относить къ тѣмъ именно условіямъ, отъ которыхъ оно въ самомъ дѣлѣ зависитъ, и стремленіе къ единству должно подчиняться признанію многоразличныхъ началъ тамъ, гдѣ факты опыта вовсе не даютъ намъ права выводить разное изъ одинаковаго источника. Ни какое сомнѣніе, всеобъемлющаго свойства, не должно по этому мѣшать намъ

Digitized by Google

допустить различныя, несводимыя другъ къ другу, объяснительныя начала для двухъ большихъ и отдѣльныхъ группъ физическихъ и духовныхъ процессовъ; вѣдь стремленіе къ единству и безъ того заключаетъ въ себѣ одно только требованіе, чтобы въ единой цѣлости вселенной напослѣдокъ вообще совокуплялось то, что представляется раздѣльнымъ нашему непосредственному наблюденію; мы можемъ желать, чтобъ разныя отрасли исходили отъ одного корня, но отнюдь не требовать вмѣстѣ и совпаденія самихъ отраслей или наконецъ того, чтобъ одна непремѣнно выходила изъ другой, а не независимо, наряду съ нею, изъ общаго корня. Отложимъ до дальнѣйшихъ соображеній новый пересмотръ этого вопроса и удовольствуемся теперь только правомъ требовать разныхъ началъ для объясненія такихъ вещей, которыя не сравнимы ни по своей формѣ, ни по существу. И право это выговариваемъ мы себѣ здѣсь въ томъ же самомъ смыслѣ, въ какомъ оно всегда предоставляется намъ и относительно явленій внѣшней природы. Вездѣ, гдѣ мы видимъ элементъ, производящій результаты, не понятные для насъ ни изъ постояннаго его свойства, ни изъ движенія его въ данный мигъ, мы ищемъ дополнительной причины этого дѣйствія въ инородномъ свойствѣ другаго элемента, которое, бывъ затронуто и возбуждено первымъ, порождаетъ изъ себя ту часть или ту форму результата, которую мы тщетно пытались бы вывесть изъ одного перваго элемента исключительно. Не искра сообщаетъ пороху взрывную его силу, ибо, упадая на другіе предметы, она не производитъ же такого дѣйствія; ни въ температурѣ ея, ни въ образѣ ея движенія, ни же въ какомъ либо другомъ ея качествѣ не открыли бы мы причины, по которой она могла бы изъ себя одной развить ту разрушительную силу; искра находитъ ее въ порохѣ, на который падаетъ, или, точнѣе, не то, чтобъ она находила ее готовою даже и въ немъ, но она встрѣчаетъ

Digitized by Google

здѣсь разныя вещества въ такомъ соединеніи, что при внесеніи ею туда своей высокой температуры, соединеніе это должно внезапно расшириться во всѣ стороны въ видѣ газа. Форма происходящаго дѣйствія зависитъ стало-быть отъ одной только смѣси пороховыхъ частей, а дѣйствительное наступленіе его вызывается калильнымъ жаромъ искры, какъ послѣднимъ необходимымъ дополнительнымъ условіемъ. Къ такимъ же заключеніямъ управомочиваетъ насъ и неприравнимость матеріальныхъ состояній къ ихъ духовнымъ послѣдствіямъ. Сколь ни тѣсно послѣдствія эти связаны съ ними, какъ съ своими условіями, причина формы ихъ должна лежать въ иномъ началѣ, и какую бы ни придумали мы дѣятельность матеріи, она все-таки не породитъ сама собой духовной жизни, а только побудитъ ее обнаружиться, вызвавъ къ дѣйствію элементъ совсѣмъ другаго рода.

Однакожь намъ должно еще точнѣе ограничить заключенія, какія мы дозволяемъ себѣ вывесть изъ этихъ соображеній. Мы были въ правѣ искать разныхъ объяснительныхъ началъ для двухъ разнородныхъ группъ явленій, но отсюда не слѣдуетъ чтобъ мы были въ правѣ приписать эти начала разнороднымъ же существамъ. Если изъ тѣхъ свойствъ, изъ-за которыхъ мы и зовемъ матерію матеріей, нельзя вывесть дѣйствительнаго наступленія ни одного изъ духовныхъ состояній, то что мѣшаетъ намъ допустить въ тѣлесныхъ же элементахъ, рядомъ съ вышеупомянутыми свойствами, еще особое сокровище внутренней жизни, ускользающее въ другихъ случаяхъ отъ нашего вниманія и обнаруживающееся именно только въ томъ, что мы называемъ духовной жизнью? Зачѣмъ же, въ противоположность матеріи, какъ всегда мертвому веществу, сосредоточивать всю духовную живость въ особое существо, душу, лишенную, въ свою очередь, тѣхъ свойствъ, благодаря которымъ тѣлесные элементы пріобрѣтаютъ себѣ

Digitized by Google

значеніе въ природѣ? Развѣ видимое вещество не можетъ непосредственно вести двоякой жизни, проявляясь наружу какъ матерія и не обличая въ себѣ ни какой способности, кромѣ извѣстныхъ намъ механическихъ свойствъ, внутренно же, напротивъ, оживляясь духомъ, ощущая перемѣну своихъ состояній и сопровождая пожеланіями свою дѣятельность, хотя произвольно измѣнять общезаконный ходъ ея конечно не въ его власти?

Только исподволь, въ теченіе всего нашего изслѣдованія, можемъ мы дать полный отвѣтъ на эти вопросы; здѣсь же достаточно будетъ показать, какъ мало измѣнилось бы дѣло, еслибъ мы отвѣтили на нихъ утвердительно теперь, при самомъ началѣ. Это ощущающее и желающее вещество вѣдь все-таки осталось бы двоякимъ; какъ ни свяжи оно единствомъ своей сущности матеріальныя и духовныя свои качества, они все же будутъ несравнимы между собою, и изъ перемѣны матеріальныхъ состояній мы никогда не сможемъ вывести необходимость для духовной стороны испытать послѣдовательно соотвѣтственную имъ перемѣну. Оно развивалось бы въ такомъ случаѣ въ два различныхъ ряда, и ни изъ одного ряда нельзя было бы вообразить себѣ перехода въ другой; пріуроченные только внѣшнимъ образомъ, члены одного на дѣлѣ соотвѣтствовали бы, правда, членамъ другаго, но и тутъ матеріальная перемѣна только потому влекла бы за собой духовную, что на другой сторонѣ двойственнаго вещества находила бы уже способную возбуждать ее духовную природу; никогда и здѣсь міръ сознанія не выходилъ бы самопонятнымъ слѣдствіемъ изъ міра движеній. А въ этомъ для насъ покамѣстъ все и дѣло. Гибельный для всякаго міровоззрѣнія, истинно-вредный матеріализмъ въ томъ вѣдь и состоитъ, что изъ взаимнодѣйствія веществъ, поколику они вещества и ничего больше, изъ толчка и гнета, изъ напруги и расширенія, изъ смѣ-

Digitized by Google

шенія и разложенья, самодѣльно выводятъ всю полноту духовной жизни, какъ легко-дающійся прихвостень, что воображаютъ себѣ, будто такъ же просто и очевидно, какъ изъ двухъ равныхъ и сопротивныхъ движеній возникаетъ покой, или изъ двухъ разничныхъ движеній третье въ среднемъ отъ нихъ направленіи, точно такъ же и изъ встрѣчи физическихъ процессовъ происходитъ все разнообразіе внутренней жизни. Всякому основательному соображенію всегда прійдется отвергать ту небрежность мысли, которая въ формахъ механическаго процесса, призванныхъ въ цѣломъ мірѣ только служить взаимнымъ посредствомъ внутреннему бытію отдѣльныхъ существъ, видитъ первоначальную основу, изъ которой, какъ придаточный, побочный результатъ, возникаетъ будто бы вся сила и живость этого внутренняго существованія. Такой ошибки избѣгаетъ взглядъ, приписывающій матеріи скрытую въ ней духовную жизненность, а если и не избѣгаетъ положительно, то по крайней мѣрѣ впадаетъ въ нее не необходимо; ибо не изъ физическихъ свойствъ выводитъ онъ все духовное, но изъ того, что матерія втайнѣ гораздо лучше, нежели она кажется. Но потому-то именно мы и не находимъ въ немъ ни какой выгоды, которою бы могли воспользоваться для первоначальной обработки нашихъ взглядовъ. Если въ одномъ и томъ же веществѣ соединены, хоть и на дѣлѣ, но безпроизводно другъ отъ друга, свойства матеріальности и духовности, то перемѣны физической стороны этого двойственнаго существа можно будетъ понять только какъ поводы къ проявленію также и духовныхъ состояній. Подобный взглядъ нашелъ бы между двумя этими сторонами такъ же мало существенной связи, какъ и мы, допускающіе ту же самую рознь, въ бо́льшемъ еще размѣрѣ, и видящіе въ живой особи союзъ души съ системою тѣлесныхъ элементовъ, которыхъ вліянія на нее очевидны, а необъяснимъ лишь заключающійся въ нихъ по-

Digitized by Google

зывъ къ раскрытію ея собственныхъ способностей. Поэтому, при дѣйствительномъ производствѣ физіологическихъ изслѣдованій, и помянутый выше взглядъ, принимающій, что оба атрибута соединены въ одномъ носителѣ, воспользовался бы ими только какъ вполнѣ различными началами объясненья; такимъ образомъ, утверждая это соединеніе, онъ во всякомъ случаѣ высказалъ бы безполезную покамѣстъ мысль, допустилъ бы болѣе того, чего сами факты требуютъ для своего объясненія. Да излишекъ этотъ оказался бы притомъ и не совсѣмъ безвреднымъ; ибо тутъ напрашивается уже еще одно соображеніе, которое принудитъ или вполнѣ отречься отъ подобнаго взгляда, или существенно измѣнить его содержаніе.

Какъ на рѣшительный фактъ опыта, вынуждающій насъ, при объясненіи духовной жизни, принимать носителемъ явленій сверхчувственное существо, а не матеріальные элементы, должны мы указать на то единство сознанія, безъ котораго совокупность нашихъ внутреннихъ состояній не могла бы даже стать предметомъ нашего самонаблюденія. Много недоразумѣній накопилось вкругъ простаго имени, подъ которымъ помянули мы этотъ фактъ, и они-то вынуждаютъ насъ подробнѣе обозначить, что̀ мы подъ нимъ разумѣемъ.

Пока особыя причины не понудятъ насъ къ другаго рода заключеніямъ, мы обыкновенно предполагаемъ въ каждомъ замкнутомъ живомъ обликѣ одну только душу, для внутренней жизни которой онъ служитъ оболочкою и представляетъ приборъ сподручныхъ, дѣеспособныхъ орудій. Обиходная жизнь не даетъ намъ ни какого повода къ мысли, что, кромѣ души, составляющей наше собственное *я*, въ тѣлѣ нашемъ есть еще другія существа, которыя, какъ сборныя точки входящихъ и исходящихъ дѣйствій, переработываютъ затрогивающія ихъ возбужденія въ міръ сознательныхъ состояній. Наблюденіе всѣхъ высшихъ животныхъ поддерживаетъ въ насъ этотъ на-

Digitized by Google

выкъ, а если и ведетъ иногда къ сомнѣніямъ въ единствѣ сознанія, предполагающемъ всего одну только душу въ каждой живой особи, то исключительно лишь благодаря отдѣльнымъ явленіямъ, болѣе знакомымъ наукѣ, нежели простому взгляду. Только внимательное разсмотрѣніе низшихъ разрядовъ животнаго царства напоминаетъ намъ потомъ, что мы уже слишкомъ наклонны видѣть въ этомъ фактическомъ отношеніи какую-то всеобщую необходимость. Части изрѣзаннаго въ куски полипа выростаютъ современемъ въ цѣлыхъ животныхъ, и каждое изъ нихъ вполнѣ обладаетъ совокупностью психическихъ способностей, принадлежавшихъ первоначальной твари до разрѣза. Но не всякой, произвольно избранный разрѣзъ повлечетъ за собой такое слѣдствіе; возможность полнаго доразвитія каждой части повидимому зависитъ отъ того, чтобъ въ ней сохранилась, хотя можетъ-быть небольшая, но все-таки опредѣленная доля внутренней организаціи, въ видѣ зародыша, способнаго развиться. Однако не одинъ лишь искуственный разъемъ обнаруживаетъ эти замѣчательныя явленія; у многочисленныхъ породъ животныхъ приплодъ совершается добровольнымъ распаденіемъ тѣла, котораго обломки, частію еще въ связи съ нимъ, частію уже по отрѣшеніи пріобрѣтаютъ полный обликъ и организацію породы. Еще другіе классы постоянно живутъ такъ, что на одномъ общемъ и сплошномъ кряжѣ организма развиваются, какъ почки дерева, отдѣльныя особи, независимыя другъ отъ друга въ возможныхъ для нихъ скудныхъ проявленіяхъ живой подвижности, и однакожь, благодаря своей взаимной связи, подлежащія разнымъ общимъ внѣшнимъ вліяніямъ. Ясно показываютъ намъ эти колоніи или выселки животныхъ, что не вездѣ область тѣлесной массы, въ которой проявляется жизненность одиночной души, вполнѣ отграничена строго очеркнутою фигурой; въ нѣкоторыхъ точкахъ нераздѣльной органической массы находятся здѣсь многія самостоя-

Digitized by Google

тельныя существа, которыхъ дѣйствія могутъ встрѣчаться между собою въ общемъ кряжѣ, и предоставлять каждому въ частности только ограниченную сферу произвола. Что̀ является здѣсь постоянною жизненною формою, то можетъ, пожалуй, у животныхъ, размножающихся дѣленіемъ, обнаруживаться именно только въ этомъ процессѣ, тогда какъ у другихъ, способныхъ распадаться на нѣсколько особей путемъ искусственнаго разъема, быть-можетъ никогда большинство отдѣльныхъ живучихъ существъ, соединенныхъ въ предѣлахъ одного и того же тѣлеснаго облика, не найдетъ благопріятныхъ условій къ самобытному развитію, если условія эти не будутъ даны ему случаемъ или вмѣшательствомъ произвола. Не душа полипа дѣлится стало-быть сѣченіемъ, но тѣлесная связь, державшая вмѣстѣ многія наличныя души и мѣшавшая индивидуальному развитію каждой порознь. Если мы и не ошибочно считаемъ себя въ правѣ смотрѣть на эти процессы именно такимъ образомъ, то все же не съумѣемъ заранѣе опредѣлить, докуда можетъ простираться это разсѣяніе многихъ душъ въ общей тѣлесной массѣ у животныхъ высшихъ разрядовъ. Не желая приступать къ рѣшенію этого вопроса, которое, на сколько оно возможно, удобнѣе отложить до другаго случая, мы должны по его поводу сказать, что единство сознанія имѣетъ вовсе не тотъ смыслъ, будто имъ ограничивается число существъ, оживляющихъ органическій обликъ, и что всего меньше можно уничтожить его значеніе ссылкою на вышепомянутыя явленья. Напротивъ, о каждой изъ отдѣльныхъ частей полипа готовы мы утверждать, что, если только вообще душа составляетъ движущее ея начало, то и каждой части должно приписать такое же единство сознанія, какое находимъ мы въ своемъ собственномъ внутреннемъ опытѣ, и которое вынуждаетъ насъ допускать въ себѣ единое нераздѣльное сверхчувственное существо средоточіемъ и носителемъ всяческаго дѣйствія и страданія.

Digitized by Google

Понятною становится для насъ исторія и связность внутренней жизни только благодаря тому, что всѣ ея событія относимъ мы, какъ разныя состоянія, къ одному и тому же *я*, безсмѣнно лежащему въ основѣ и одновременнаго ихъ разнообразія и повременной послѣдовательности. Каждый безпредубѣжденный взглядъ, брошенный нами на наше прошлое, неизбѣжно выводитъ съ собой образъ этого *я*, какъ связующаго средоточія, и только порожденное научными измышленіями раздумье могло бы выбить насъ изъ привычной колеи относить всѣ представленія, всѣ чувствованія и всѣ пожеланья къ этому нераздѣльному единству нашей духовной личности. Однако естественный этотъ навыкъ нельзя же намъ такъ просто и принять достаточною порукой за дѣйствительное существованіе нераздѣльной души, — по крайней мѣрѣ такою порукой, которая вовсе не нуждалась бы въ оборонѣ отъ готовыхъ тутъ же возраженій. Потому что вѣдь именно только во взглядѣ на прошлую нашу жизнь, бросаемомъ нами умышленно или съ извѣстнымъ сосредоточеннымъ вниманьемъ, выступаетъ ясно это отношеніе всѣхъ внутреннихъ состояній къ единству нашего *я*; отдѣльное же ощущеніе, въ моментъ его порожденья, отдѣльное чувство, когда оно возникаетъ отъ внѣшнихъ впечатлѣній, и даже развивающіяся въ насъ пожеланія, ведутъ съ собой это указаніе на сопринадлежность свою съ единствомъ нашего существа только въ едва замѣтной для насъ степени. Далѣе, многое изъ запаса полученныхъ нами впечатлѣній долго покоится въ забвеніи и какъ будто уже и не принадлежитъ намъ; наконецъ, изъ того разнообразнаго матеріала, который пробѣгаетъ чрезъ наше сознаніе въ одинъ и тотъ же мигъ, многое, сказать правду, остается совершенно безсвязнымъ между собою и такъ же не сливается въ цѣлость одной тожественной сферы мыслей, какъ и не ставится въ ясное соотношеніе къ единству нашего собственнаго существа. Стало быть,

Digitized by Google

о сопринадлежности всѣхъ нашихъ внутреннихъ состояній съ единствомъ одного и того же *я*, какъ будто находимой нами въ себѣ при взглядѣ на припоминаемое нами прошлое нашего внутренняго опыта, мы конечно не въ правѣ утверждать, чтобы она всегда ощущалась или признавалась нами въ тотъ моментъ, когда мы переносимъ эти состоянія, а потому и единство сознанія не можетъ назваться постояннымъ сознаніемъ единства нашего существа.

Однако въ упомянутыхъ нами явленьяхъ нѣтъ же и такой необоримой трудности, которая мѣшала бы намъ, изъ природы нашего сознанія, заключать о совершенномъ единствѣ сознающаго существа. Ибо, необходимо вѣдь не то, чтобы вездѣ, въ каждый мигъ и относительно всѣхъ своихъ состояній, душа оказывала единящую свою дѣятельность; если она многое оставляетъ безсвязнымъ и безсознательно переживаетъ иныя свои состоянія, то этимъ не нарушается существенное ея единство, не становится въ ней необходимою множественность сознающихъ частей. Напротивъ, если хотя изрѣдка и въ ограниченномъ размѣрѣ бываетъ она способна собирать разнообразное въ единство сознанія, то не возможно уже поставить исполнителемъ этой объединяющей дѣятельности ничего инаго, кромѣ вполнѣ нераздѣльнаго единства. Пусть, въ моментъ чувственнаго созерцанія, мало замѣтно отношеніе возникающаго ощущенья къ единству нашего *я*, пусть даже мы сами какъ бы теряемся въ его содержаніи; но вѣдь и для позднѣйшей думы нашей обстоятельство это не могло бы стать предметомъ воспоминанія и удивленья, еслибъ и тогда уже ощущеніе не принадлежало единству нашего существа и не сберегло имъ для того, чтобъ получить наконецъ запоздалое признаніе своей принадлежности къ этому нераздѣльному единству. Мы не можемъ назвать какого-либо представленія забытымъ безъ того, чтобъ самымъ этимъ названіемъ не высказать и не признать,

Digitized by Google

что представленіе было прежде нашимъ, и безъ того, чтобъ, припоминая его, не наверстать опущеннаго сперва сужденія о связи его съ совокупностью всего нашего сознанья. Поэтому, хотя бы, въ моментъ своего возникновенія, многое не ощущалась нами въ своемъ отношеніи къ единству нашего *я*, а продолжаясь какъ бы порознь, вводилось только позднѣйшимъ наблюденіемъ нашей памяти въ совокупность нашихъ состояній; однакожь первоначальная эта розпь еще не противорѣчитъ единству нашего существа, а возможность позднѣйшаго объединенія представляетъ напротивъ неопровержимый доводъ въ его пользу.

Но и эту, кажется, очевидную здѣсь необходимость понимаютъ не вполнѣ вѣрно, толкуя ее такъ, что будто сознаніе единства нашего *я* служитъ само по себѣ порукой за дѣйствительное единство нашей сущности. По крайней мѣрѣ съ видомъ нѣкотораго права можно возразить на это тѣмъ, что въ теченіе внутренняго нашего развитія возникаютъ почти съ неодолимою силой многія такія убѣжденья, которыя, при всей ясности, покоряющей себѣ неискушенный умъ, оказываются передъ судомъ болѣе тонкаго разбора ошибочными заключеньями, противорѣчащими законамъ мысли, которые одни должны оставаться внѣ всѣхъ возможныхъ сомнѣній неизбѣжнымъ мѣриломъ всякой истины. Такимъ образомъ, скажутъ далѣе возражатели, и единство нашего *я* есть только форма, въ какой представляется само себѣ наше существо; но форма, въ какой видятся намъ другія вещи не обличаетъ же непосредственно настоящей ихъ природы, а потому и собственное наше существо не обязано быть нераздѣльнымъ единствомъ только на томъ основаніи, что такимъ оно намъ кажется. Не стану разбирать, какъ близко подходитъ эта мысль къ переутонченностямъ философскаго раздумья, втайнѣ вертящимся около тѣхъ самыхъ лжезаключеній, которыхъ желаютъ онѣ избѣ-

Digitized by Google

жать; но, въ такомъ видѣ, какъ она обыкновенно выражается, мысль эта вовсе не опровергаетъ того, что намъ хотѣлось бы здѣсь доказать. Ибо не на томъ основана вѣра наша въ единство души, что мы сами себѣ представляемся единствомъ, но на томъ, что мы можемъ представляться себѣ вообще. Будь содержаніе того, чѣмъ мы себѣ представляемся, даже и совсѣмъ иное, кажись мы себѣ, положимъ, безсвязнымъ множествомъ; изъ одной уже возможности казаться себѣ тѣмъ или другимъ, мы заключили бы о необходимомъ единствѣ нашего существа, на этотъ разъ совершенно вопреки тому, что̀ самонаблюденіе выставляло бы намъ за нашъ собственный образъ. Не въ томъ сила, чѣмъ существо является само себѣ; если оно можетъ являться себѣ вообще или если можетъ являться ему другое, то оно необходимо должно имѣть возможность сводить разнообразіе явленія, въ совершенной нераздѣльности своей природы, къ общему единству.

Обыкновенно сбиваетъ насъ съ толку въ этомъ вопросѣ та немножко легкомысленная игра, какую мы такъ часто дозволяемъ себѣ съ понятіемъ явленія. Мы довольствуемся противопостановкой ему сущности, бросающей отъ себя призракъ явленья, и забываемъ, что для возможности этого призрака необходимо представить себѣ еще другое существо, которое бы его видѣло. Изъ сокровенной глуби самобытія, явленіе, сдается намъ, исходитъ подобно блеску, существующему прежде нежели есть глазъ, гдѣ ему блеснуть; этотъ блескъ сіяетъ въ дѣйствительности и уловимъ для того, кто захочетъ ловить его, но онъ продолжается тѣмъ не менѣе и тогда, когда нѣтъ ровно ни кого, кто захотѣлъ бы его видѣть. Мы при этомъ теряемъ изъ виду, что и въ области чувственнаго ощущенія, изъ которой мы заимствуемъ этотъ образъ, блескъ, исходящій отъ предметовъ, только что кажется исходящимъ отъ нихъ, и что онъ можетъ казаться исходящимъ единственно лишь бла-

Digitized by Google

годаря присутствію нашихъ глазъ, этихъ воспріимчивыхъ орудій сознательной души, для которой только и могутъ возникать явленія. Не вкругъ насъ разливаются свѣтъ и блескъ; и они, подобно всякому другому явленію, существуютъ лишь въ сознаніи того, для кого они существуютъ. Вотъ объ этомъ то сознаніи, объ этой способности имѣть какія бы то ни было явленія вообще, утверждаемъ мы, что она необходимо принадлежитъ только нераздѣльному единству всякаго существа, и что любая попытка приписать ее какой ни есть связной многосложности подтвердитъ своей неудачею наше убѣжденье въ сверхчувственномъ единствѣ души.

Простая эта мысль, кажется, едва ли потребуетъ доказательства, да едва ли и станетъ отъ него яснѣе; но она находится въ связи съ другою мыслію, о которой кстати упомянуть здѣсь мимоходомъ. Что мы утверждаемъ о сознаніи, то самое, въ извѣстной мѣрѣ, приложимо и ко всякому дѣйствію, ко всякому состоянію, къ любой дѣятельности и страдательности вообще; по настоящему всѣ они могутъ относиться только къ нераздѣльнымъ единствамъ, и лишь косвеннымъ образомъ, отчасти въ ограниченномъ только смыслѣ, можемъ мы приписывать ихъ составному сбору элементовъ. Представимъ себѣ извѣстное число àтомовъ, соединенныхъ своими притягательными силами въ нерушимый составъ, такъ чтобы каждому движенію могли они слѣдовать только всѣ вмѣстѣ; тогда, если цѣлое это тѣло двинется впередъ, движеніе его будетъ точно таковоже, какъ и сложность вполнѣ равныхъ движеній, совершаемыхъ всѣми частицами его порознь. Стало быть, одинъ и тотъ же процессъ совершится здѣсь столько разъ, сколько существуетъ àтомовъ, на которые онъ простирается; о сліяніи этихъ движеній воедино рѣчь можетъ быть только тогда, когда мы захотимъ вычислить величину толчка, какую сумма ихъ можетъ сообщить одному и тому же элемен-

Digitized by Google

ту, при совокупномъ дѣйствіи на него всѣхъ движеній вдругъ. Представимъ себѣ другую систему àтомовъ, слабѣе связанныхъ между собой и не только способныхъ къ разнообразнымъ движеніямъ, но и дѣйствительно ихъ совершающихъ: ясно, что и здѣсь о совокупномъ результатѣ этихъ отдѣльныхъ движеній едва ли можно говорить иначе, какъ измѣряя его величиной того наличнаго движенія, какое цѣлая система можетъ передать постороннему элементу, за вычетомъ взаимно-упразднившихся въ ней противоположныхъ дѣйствій. Конечно, мы бы имѣли право сказать, что дѣйствіе системы въ этомъ передаточномъ результатѣ не вполнѣ выражено, такъ какъ вѣдь тому же дѣйствію принадлежитъ еще разнообразное передвиженіе ея собственныхъ частицъ, замѣчаемое въ ней ежемгновенно. Поэтому совокупную дѣятельность живаго тѣла мы стали бы измѣрять не одною лишь тою силою, съ какою оно движетъ сторонніе тяжести; поддержка связи его собственныхъ частей, внутреннее движеніе его соковъ, пòгибы и перемѣны его облика и незамѣтно-поступательный ходъ его роста, — все это также принадлежитъ къ числу дѣйствій или послугъ, совершаемыхъ имъ въ каждую данную минуту. Но всѣ процессы эти принимаются за общій результатъ соучаствующихъ дѣятельностей только нашимъ же собственнымъ наблюденьемъ, которое ихъ подмѣчаетъ и представляетъ себѣ потомъ въ совокупной связи; вѣдь все таки мы же одни, наблюдая положеніе частей въ разные моменты, заносимъ въ свое созерцаніе значенье каждаго прогресса, красоту формъ и роскошь совершающагося развитія, — заносимъ и услаждаемся ими созерцательно. Въ самòмъ тѣлѣ ничего этого нѣтъ. Правда, каждая изъ его частей принимаетъ со стороны своихъ подругъ всѣ доступныя ей вліянія и связываетъ ихъ въ одно, такъ-сказать, итожное состояніе; но въ простой понудѣ къ извѣстному движенью, возникающей для него отсюда въ любой данный мо-

Digitized by Google

ментъ, не обладаетъ оно ровно ни чѣмъ, похожимъ на созерцаніе своего цѣлаго и совокупной цѣльности всѣхъ его дѣйствій. Слѣдовательно, и при такой сопостановкѣ частей мы найдемъ, что хотя каждая изъ нихъ привноситъ свою долю участья въ общемъ дѣлѣ, но что именно общій-то этотъ результатъ дѣйствительно существуетъ не самъ по себѣ, а только въ единствѣ подмѣчающаго его наблюдателя.

Отъ примѣровъ можемъ мы возвратиться къ настоящему нашему предмету и вообразить въ соединенныхъ атомахъ ту внутренне-духовную жизнь, какую приведенный нами взглядъ приписывалъ всякой вообще матеріи. Положимъ, общее имъ чувственное раздраженіе дѣйствуетъ на всѣ атомы вмѣстѣ, какъ прежде дѣйствовалъ у насъ общій движущій толчокъ; возникающаго въ такомъ случаѣ раздраженія можемъ мы искать только внутри же каждаго атома. Оно повторится столько разъ, сколько недѣлимыхъ существъ соединено тутъ вмѣстѣ; но многочисленныя эти ощущенія нигдѣ не сольются въ одно общее чувство. А если, какъ сдѣлали мы прежде съ разными движеньями, мы допустимъ теперь въ отдѣльныхъ элементахъ этого цѣлаго, возникновеніе разныхъ ощущеній, и примемъ, что каждому изъ нихъ дана возможность употребить свое возбужденіе и для раздраженія другаго элемента, то вѣдь и здѣсь каждое отдѣльное существо потерпитъ отъ вліянія всѣхъ прочихъ только смотря по особенности своего относительнаго къ нимъ положенія и сольетъ или свяжетъ только въ себѣ самомъ полученныя отовсюду впечатлѣнья. Но новое ощущеніе или познанье, возникающее изъ этихъ взаимнодѣйствій опять-таки будетъ существовать только въ отдѣльныхъ элементахъ, изъ которыхъ каждый по своему смѣситъ въ своемъ единствѣ разнообразныя впечатлѣнья. Тутъ почасту произойдетъ одно и то же знаніе, если каждый элементъ одинаково терпитъ вліянія со стороны всѣхъ остальныхъ, и почасту же

Digitized by Google

возникнетъ знаніе различное, если несходныя отношенія, въ какихъ состоятъ другъ къ другу отдѣльные атомы, причинятъ въ каждомъ изъ нихъ особенную смѣсь доступныхъ ему впечатлѣній. Но въ послѣднемъ случаѣ ни одинъ атомъ не въ силахъ будетъ обозрѣть разнообразіе всѣхъ возникшихъ состояній; общій итогъ ощущенія или знанья будетъ существовать только для новаго сторонняго наблюдателя, который въ единствѣ недѣлимаго своего существа соберетъ опять разсѣянные факты въ совокупный образъ, представляющійся ему исключительно. Подобно тому какъ духъ времени, общественное мнѣніе, витаютъ не подлѣ и не между личныхъ существъ, но всегда существуютъ только въ сознаніи отдѣльнаго человѣка, — несовершенно и отрывочно у тѣхъ, кто безоглядно втянутъ въ оцѣпляющія ихъ взаимнодѣйствія, совершеннѣе лишь въ созерцаніи того, кто обсуждаетъ наибольшее сравнительно число чуждыхъ настроеній, — такъ вообще и всѣ результаты духовнаго взаимнодѣйствія существуютъ только въ одиночныхъ и нераздѣльныхъ душахъ, сводящихъ разнообразныя впечатлѣнія къ обоюдному сопроникновенью. Всѣ дѣйствія и страданія какого бы то ни было связнаго множества всегда будутъ или множествомъ отдѣльныхъ дѣйствій и страданій, или истинно сольются воедино только тогда, когда будутъ разсматриваться какъ побужденія, направленныя къ строгому единству внѣ себя и лишь въ немъ обрѣтающія дѣйствительное сопроникновеніе, которое иначе для нихъ невозможно.

Стоитъ пристально вдуматься въ эти соображенія, чтобы найти въ нихъ оправданія высказанной нами выше мысли. Не на томъ основано единство души, что мы сами представляемся себѣ такимъ единствомъ; въ нераздѣльности нашего существа убѣждаетъ насъ то, что намъ вообще что-либо можетъ представляться. Но этотъ выводъ развивали мы до сихъ поръ съ той лишь стороны, съ которой онъ вообще приложимъ ко всѣмъ

Digitized by Google

совокупностямъ явленій; мы придадимъ ему можетъ-быть еще болѣе убѣдительности, выставивъ на видъ различительное свойство сознанія и показавъ, до какой степени покидаютъ насъ въ этой области обычные взгляды и пріемы естествознанія, за которыми во всемъ вышеизложенномъ мы какъ будто бы признавали еще нѣкоторую примѣнимость. Представленія о слитіи многихъ состояній въ одно среднее, въ итогъ производныхъ силъ, или результатовъ, порождаемыхъ столкновеніемъ разныхъ дѣятельностей, такъ невыгодно вліяли на объясненія внутреннихъ явленій, что мы не можемъ не противопоставить имъ здѣсь совершенно различные отъ нихъ пріемы сознанія. Если въ природѣ мы видимъ, что изъ двухъ движеній рождается или покой, или третье среднее движеніе, въ которомъ первыя незамѣтно исчезаютъ, то ничего подобнаго никогда не бываетъ въ сознаніи. Наши представленія, какія ни испытывали бы они разнообразныя судьбы, постоянно сохраняютъ одно и тоже содержаніе, и никогда впечатлѣнія двухъ разныхъ красокъ не сливаются въ нашей памяти въ одинъ общій образъ третьей краски, смѣшанной изъ этихъ двухъ, никогда ощущенія двухъ тоновъ не переходятъ въ ощущеніе одного средняго, промежуточнаго, никогда представленія радости и горя не уравновѣшиваются въ спокойную смѣсь полнаго и совершеннаго безучастья. Пока два разныя раздраженія, исходящія отъ внѣшняго міра, производятъ по физическимъ законамъ нѣчто среднее еще въ тѣлесной области нервовъ, какъ посредницѣ между раздраженіями и душой, только до тѣхъ поръ средній этотъ результатъ, передаваемый душѣ въ видѣ простаго единичнаго толчка развиваетъ въ ней и простое смѣшанное ощущенье вмѣсто двухъ, которыя мы почувствовали бы тогда, еслибъ раздраженія могли дойдти къ намъ порознь. Такъ разные цвѣта смѣшиваются для нашего ощущенія по краямъ, соприкасаясь ими въ пространствѣ; но впечатлѣнія этихъ цвѣтовъ, со-

Digitized by Google

существующія въ нашей памяти безпространственно и безпередѣжно, не сливаются однакожъ въ однообразно-мутную смѣсь, которой бы намъ слѣдовало ожидать отъ нихъ въ средней сложности, еслибъ вообще различное сливалось въ нашей душѣ воедино, уравниваясь или осредотворяя свои особности. Напротивъ, сознаніе рознитъ несходные предметы въ тотъ же самый моментъ, какъ оно пытается соединить ихъ*; оно не даетъ разнообразнымъ впечатлѣніямъ незамѣтно исчезать въ ихъ общей смѣси, а напротивъ, оставляя каждому его первоначальный оттѣнокъ, движется между ними, сравнивая ихъ и соображая при этомъ величину и способъ своего перехода отъ одного къ другому. Въ этомъ соотношеніи и сравниваніи, первомъ зародышѣ всякаго сужденія, заключается тотъ совершенно инородный плодъ, который въ духовной области соотвѣтствуетъ среднесложному образованію физическихъ явленій; въ этомъ же и настоящій смыслъ того единства сознанія, о которомъ говорили мы выше.

Когда слабѣйшій и сильнѣйшій тонъ одинаковой высоты и одинаковаго звука поражаютъ вмѣстѣ нашъ слухъ, мы слышимъ не оба порознь, а одинъ и тотъ же тонъ, только посильнѣе: дѣйствія ихъ совпадаютъ уже въ слуховомъ нервѣ, и въ получаемомъ душою единичномъ раздраженіи она не находитъ ни какой причины рознить его на два впечатлѣнія. Но когда оба тона раздались одинъ за другимъ, такъ что органъ внѣшняго чувства могъ провести ихъ впечатлѣнія порознь, то изъ представленій о нихъ, сохраненныхъ памятью и передаваемыхъ ею для сравненія сознанію въ одинъ и тотъ же мигъ, возникаетъ уже не представленіе третьяго, сильнѣйшаго тона, но оба они противостоятъ другъ другу въ отдѣльности, хотя и не-

---

* Напримѣръ: разность цвѣтовъ явнѣе для него именно тогда, когда оно припоминаетъ оба вмѣстѣ.

Digitized by Google

разграничивались въ безпространственномъ созерцаніи ни какою перегородкой. Да еслибъ и произошелъ тотъ средній тонъ, онъ былъ бы вѣдь не сравненіемъ обоихъ, а только новымъ придаткомъ къ сравниваемому матеріалу для сознанія, умѣющаго сравнивать. Дѣйствительно, производимое нами сравненіе состоитъ въ сознаніи особой перемѣны, испытываемой нами внутренно, при переходѣ нашего представленія отъ одного тона къ другому, и въ перемѣнѣ этой возникаетъ для насъ, вмѣсто третьяго подобнаго тона, гораздо драгоцѣннѣйшій выигрышъ,—представленіе о большей или меньшей напряженности. Красный и желтый цвѣта сливаются въ одинъ (оранжевый), если смѣшавшись уже въ глазу, они входятъ къ намъ въ душу единичнымъ среднимъ раздраженіемъ; но въ воспоминаніи нашемъ, ощущенные однажды порознь, они остаются раздѣльными, и не производятъ впечатлѣнія оранжеваго; да возникни и это впечатлѣніе, оно бы только умножило собою сравнительный матеріалъ, а сравненія все-таки бы не совершилось. Оно совершается только тѣмъ, что мы сознаемъ форму перемѣны, испытываемой нашимъ состояніемъ, при переходѣ отъ краснаго къ желтому, и благодаря ему пріобрѣтаемъ новое представленіе о количественномъ сходствѣ и несходствѣ. Наконецъ, если мы сравниваемъ какое-нибудь впечатлѣніе само съ собой, то результатомъ этого мысленнаго одвоенія является намъ не удвоеніе единичной его силы, но, замѣчая дѣятельность перехода безъ всякой отмѣны въ результатѣ, мы получаемъ здѣсь представленіе тожественности. Нѣтъ нужды размножать примѣры эти еще далѣе; при близкомъ знакомствѣ каждаго съ внутреннею жизнью, здѣсь уже само собой рождается общее убѣжденіе, что всѣ высшія задачи нашего вѣдѣнія и всего нашего духовнаго образованія основаны на той же бѣрежи, съ какой сознаніе оставляетъ пеструю массу впечатлѣній при ея первоначальной пестротѣ, при всемъ

Digitized by Google

многоразличія ея оттѣнковъ, и что всего дальше отъ необходимыхъ навыковъ и пріемовъ души то образованіе среднеслож-ныхъ, смѣсныхъ состояній, которыми такъ часто и такъ необдуманно хотятъ объяснить все дальнѣйшее развитіе и даже первое зачало нашихъ внутреннихъ движеній.

Въ этихъ дѣйствіяхъ соотносящаго и сравнивающаго познанія едва-ли кто вздумаетъ видѣть дѣятельность многочлен-наго состава, сборнаго какого-либо существа. Пока рѣчь шла единственно о томъ, что всѣ представленія собираются въ одномъ и томъ же сознаніи, что всѣ они дѣйствуютъ другъ на друга, взаимно вытѣсняясь или вызываясь, до тѣхъ поръ можно было пожалуй предполагать, что уже и эти явленія требуютъ единства своего носителя. Можно было разсматри-вать сознаніе какъ пространство, гдѣ тѣснится вся разно-образная эта игра, и оставлять въ сторонѣ вопросъ, отъ̀куда именно идетъ озаряющій ее свѣтъ знаемости. Но тотъ дѣя-тельный элементъ, который, переходя отъ одного предмета къ другому, оставляетъ оба въ сохранности и сознаетъ при томъ величину, способъ и направленіе своего перехода, эта совсѣмъ особенная связь, единящая многоразличное, отнюдь не можетъ быть многоразличною сама; если всякія вообще дѣйствія совокупляются только въ единствѣ нераздѣльнаго существа, въ которомъ они встрѣчаются, то тѣмъ болѣе стро-гое единство связующаго начала становится необходимымъ здѣсь, для такой своеобразной связи многоразличнаго. Вся-кая попытка замѣнить ее множествомъ дѣятелей, какъ бы то ни было соединенныхъ, повела бы къ тѣмъ послѣдствіямъ, о которыхъ упоминали мы прежде. Или различныя впечатлѣ-нія, назначенныя прійдти въ соотношеніе, упали бы на раз-ныя части составнаго дѣятеля, и тогда вообще не достигли бы другъ друга, остались бы недоступны и всякому соотно-шенію и всякому обоюдному вліянью, или, разсѣянныя ещ-

Digitized by Google

чала, собрались бы они потомъ, благодаря взаимному возбужденію, въ каждомъ отдѣльномъ элементѣ: тогда каждый элементъ могъ бы привесть ихъ въ соотношеніе внутри себя, и духовное развитіе совершилось бы столько же разъ, сколько нашлось бы недѣлимыхъ существъ въ этомъ соединеніи, а въ такомъ случаѣ любому изъ нихъ надлежало бы приписать единство сознанія. Поэтому, какъ мы тутъ ни изворачивайся, какъ ни щедро надѣляй чисто-матеріальныя вещества внѣшней природы скрытою способностью къ духовному развитію, намъ все-таки прійдется еще рѣшить вопросъ, кто же собственно тотъ, для кого и въ комъ духовные процессы несмѣтнаго числа составныхъ частей живаго тѣла сливаются въ единство, составляющее подъ именемъ нашего сознанія собственный предметъ нашихъ розысканій.

Какъ, наконецъ, слѣдуетъ рѣшить такой вопросъ, на это наводитъ насъ сама собой послѣдовательность различныхъ способовъ представленія, обыкновенно развивающихся въ насъ насчетъ мѣстилища духовной жизни. Только крайнее простодушіе принимаетъ весь тѣлесный обликъ за само-духовно-дѣятельное лицо: это тотъ первоначальный взглядъ, для котораго вездѣ, даже и при созерцаніи природы, носители явленій совпадаютъ непосредственно съ обиліемъ принадлежностей, состоящихъ въ какой бы то ни было связи съ единою собственно дѣятельною точкой, которой невидная форма отъ насъ ускользаетъ. Здѣсь же естественная эта наклонность созерцанія поддерживалась еще силою эстетическаго впечатлѣнія, представляющаго намъ живой обликъ одухотвореннымъ до конца ногтей и всѣ перемѣны его въ такомъ тѣсномъ ладу съ внутренними состояніями, что въ совокупности своей онъ дѣйствительно можетъ слыть за полное видимое выраженіе живаго духа. Слишкомъ скоро обнаруживается, однакожь, совсѣмъ другое: какъ много въ видимомъ обликѣ такихъ частей, которыя для

Digitized by Google

душевной жизни имѣютъ только крайне посредственное значеніе! Голову и сердце уже древнѣйшій языкъ поэзіи прозвалъ живыми двигателями, которымъ остальное тѣло служитъ только какъ приросшій къ нимъ клочокъ внѣшняго міра, правда отражающій въ себѣ внутреннія движенія еще гораздо тоньше и мягче, но вѣдь собственно въ такомъ же смыслѣ, какъ выдаютъ ихъ, пожалуй, одежда своими складками или жилая обстановка тѣмъ выраженіемъ, какое получаетъ она подъ рукой хозяина. Съ той минуты, какъ наука сознательно установила этотъ раздѣлъ живаго облика на движущую силу и на косную тяжесть массъ, начались и жалобы, что этимъ дѣленіемъ загублено прекрасное единство внутренней сущности и видимаго ея проявленья; и каждый дальнѣйшій шагъ по пути усовершенствованія нашихъ представленій встрѣчалъ себѣ отпоръ, противоборствовавшій той наклонности, которая, однажды раздѣливъ цѣльность личнаго существа, казалось должна была непремѣнно повести и здѣсь къ безжизненному механизму. Мы не намѣрены входить теперь въ разборъ этихъ жалобъ, которыхъ неосновательность обнаружится впослѣдствіи; довольно сказать, что онѣ не остановили успѣховъ знанья. Возрастающее физіологическое образованіе неизбѣжно должно было прійдти къ тому, чтобъ еще болѣе ограничить внутреннюю жизненность одною нервною системой, да и въ ней новѣйшая наука различаетъ уже опять проводниковъ возбужденія отъ тѣхъ центральныхъ органовъ, которые одни считаются прямыми носителями и породителями духовныхъ отправленій. Но анатомическое изслѣдованіе не открываетъ въ строѣ этихъ органовъ ни какого сліянія ихъ безчисленныхъ волоконъ въ одну общую конечную точку; да еслибъ оно и успѣло въ этомъ, то все же такая точка состояла бы неизбѣжно изъ протяженной, и слѣдовательно раздѣльной, массы, въ которой бы опять до безконечности пришлось различать посредственно-дѣятель-

Digitized by Google

ныя составныя части отъ центральной точки, умаляющейся болѣе и болѣе. Такое положеніе вещей представляетъ только два исхода. Или попытаться обойдтись совсѣмъ безъ этой смычной точки цѣлаго тѣлеснаго строя и объяснить единство сознанія прямо изъ взаимнодѣйствій множества скученныхъ здѣсь составныхъ частей, или обратиться къ тому, чего не показываетъ и не можетъ показать наблюденіе, и дополнить его недоступнымъ ему предположеніемъ сверхчувственнаго существа. Въ непроходимости перваго пути мы уже увѣрились достаточно; намъ не остается ничего кромѣ послѣдняго: искать въ единой и нераздѣльной душѣ той смычной точки, того фокуса, гдѣ сливаются всѣ измѣнчивыя и переходныя движенія тѣлесной жизни. Ни одна матеріальная составная часть не можетъ обладать той недѣлимостью, какая для насъ тутъ необходима; вышеприведенный взглядъ, приписывающій духовную живость также и матеріи, неизбѣжно пришелъ бы, въ силу сейчасъ изложенныхъ соображеній, къ убѣжденію, что и сама матерія, чтобъ обладать этою внутреннею жизнью, должна быть сведена на мысль о сверхчувственной простотѣ, о безсложной единичности. Припомнимъ здѣсь замѣчаніе, къ которому привело насъ выше ученіе объ атомахъ: есть возможность, безъ ущерба интересамъ естествовѣдѣнія, принимать ихъ за безпространственныя точки, отличающіяся только напряженностью. Но если бы кто захотѣлъ выбрать этотъ путь, чтобъ обойдти понятіе о душѣ и духовную жизнь связать во что бы ни стало съ элементами матеріи, тотъ очутился бы скорѣе на пути вполнѣ упразднить самостоятельное значеніе всего матеріальнаго, и, не употребляя имени души, принять ее одну за то реальное, отъ котораго зависѣла бы и самая внѣшность матеріи, самый призракъ вещества.

Это уже заходитъ далѣе того, что намъ теперь нужно. Оставимъ пока въ сторонѣ внѣшнюю природу и удовольствуемся

Digitized by Google

тѣмъ, чтобъ, въ противоположность къ ея элементамъ, постигать мыслію существованіе вѣщей души. Необдуманное стремленіе къ единству готово, пожалуй, тотчасъ примирить эту противуположность въ чемъ-нибудь, какъ говорится, высшемъ; но въ сущности это значило бы только затемнять необходимое и ясное пониманіе ея. Мы не отрицаемъ существованія такой возвышенной точки зрѣнія, для которой блѣднѣетъ различіе между духовнымъ и тѣлеснымъ, или съ которой оно можетъ быть принято за мечту. Но успѣхъ нашихъ розысканій не столько зависитъ отъ достиженія этой точки, сколько онъ пострадалъ бы отъ преждевременнаго ея усвоенія. Вѣдь, пожалуй, и всѣ борьбы, всѣ трудности жизни, при общемъ обзорѣ ихъ въ совокупности, также представляются напослѣдокъ только упражненіемъ, котораго заслуга собственно не въ достиженіи извѣстной цѣли; земныя цѣли кажутся, пожалуй, ничтожно-мелкими передъ конечнымъ удѣломъ, котораго мы себѣ чаемъ; тяжкія противоположности нашего существованія теряютъ свою горечь и значеніе сравнительно съ вѣчнымъ и безпредѣльнымъ, къ которому стремится жаждущій нашъ взоръ. Но при всемъ томъ мы не покидаемъ же тѣхъ житейскихъ упражненій, мы посвящаемъ тѣмъ ограниченнымъ цѣлямъ всю энергію, всю горячность нашей души, мы всегда будемъ чувствовать тѣ противоположности и всегда должны будемъ изъ-за нихъ биться, вести за нихъ борьбу; жизнь наша не возвысилась бы отъ того, поставь мы ни во что ея отношенія и то поприще, какое она предлагаетъ нашимъ силамъ. Такъ и противоположность между тѣлеснымъ и духовнымъ существованіемъ пусть себѣ будетъ не послѣднею и не непримиримой; но настоящая наша жизнь все же вѣдь проходитъ въ такомъ мірѣ, гдѣ противоположность эта еще не разрѣшена и остается не разрѣшенною въ основѣ всѣхъ отношеній между мыслями и поступками человѣка. И какъ она всегда будетъ необходима

Digitized by Google

для жизни (просто немыслимой безъ борьбы), такъ точно необходима она, по крайней мѣрѣ до времени, и для науки. Что окажется для насъ несоединимымъ, несовмѣстнымъ между собою, тому основаніе должны мы покамѣсть отводить въ особомъ началѣ. Узнавъ ближе естественный ростъ и развѣтвленіе каждой различенной нами группы явленій порознь, мы впослѣдствіи найдемъ возможность повести рѣчь и объ общемъ ихъ корнѣ. Хотѣть соединить ихъ слишкомъ рано, значило бы только потемнить себѣ ихъ обзоръ и исказить значеніе, какое разность эта имѣетъ даже и въ томъ случаѣ, если она не неупразднима.

Digitized by Google

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Природа и способности души.

Множественность душевныхъ способностей. — Неудобства, сопряженныя съ допущеніемъ ея. — Совмѣстность ея съ единствомъ души. — Непосредственныя и пріобрѣтенныя способности. — Невозможность одной единственной первоспособности. — Представленіе, чувствованіе и хотѣнье. — Постоянная дѣятельность всего существа души. — Низшія и высшія воздѣйствія. — Измѣнчивость души и ея предѣлы. — Вѣдомая и невѣдомая намъ сущность души.

Доселѣ разсмотрѣнныя нами явленія управомочили насъ только къ одному, — видѣть въ душѣ то невѣдомое существо, котораго нераздѣльное единство связываетъ собою все многоразличіе внутренней жизни; они еще ни мало не пояснили намъ сущности, которою душа наполняетъ эту пустую форму единства и благодаря которой развиваетъ пестрое разнообразіе своихъ состояній. Болѣе точный обзоръ внутренняго опыта будетъ равномѣрно единственнымъ путемъ для рѣшенія и этого вопроса; у насъ нѣтъ иного способа заглянуть въ сущность души, кромѣ обратныхъ заключеній изъ подмѣченныхъ фактовъ нашего сознанія. Мы должны мысленно представлять себѣ, какою надлежитъ быть ея природѣ, чтобы она могла переносить то, что̀ мы ощущаемъ какъ ея состоянія, и совершать то, что̀ мы находимъ въ себѣ самихъ, какъ ея дѣятельности. Поэтому, намъ прійдется начать съ сравненія вну-

Digitized by Google

треннихъ процессовъ нашихъ; сопоставляя схожее и отдѣляя несходное, мы соберемъ разнообразный матеріалъ въ группы, изъ которыхъ каждая будетъ заключать въ себѣ то, что сопринадлежно по одинаковости общаго своего типа и отлично отъ всего инороднаго. Внутреннія явленія на столько разнятся другъ отъ друга, что сравненіе это, пока оно не вмѣшаетъ въ дѣло какіе нибудь другіе взгляды, по всей вѣроятности прійдетъ къ различенію нѣсколькихъ отдѣльныхъ группъ, которыхъ особенностей не удастся свести ни на какое общее выраженье. Отъ измѣнчивыхъ внѣшнихъ условій, возбуждающихъ дѣятельность души, поставимъ мы, конечно, въ зависимость тѣ мѣньшія различія, которыми въ каждой отдѣльной группѣ разнятся сопринадлежащія къ ней проявленья, не въ ущербъ однакожь общему сходству въ ихъ характерѣ. Но для совокупности каждой группы явленій, мы все же должны будемъ приписать душѣ особенную способность дѣйствовать такимъ образомъ, чтобы являться господствующею равномѣрно во всѣхъ отдѣльныхъ членахъ этой группы. Поэтому, сколько наблюденіе покажетъ намъ отдѣльныхъ группъ, рѣшительно не сводимыхъ другъ на друга, столько же разныхъ душевныхъ способностей прійдется намъ предположить; однако мы при этомъ останемся въ убѣжденіи, что онѣ не внѣдрены въ сущность души одна подлѣ другой въ видѣ безсвязнаго множества разныхъ склонностей, но что между ними есть же все-таки и общее сродство, благодаря которому онѣ сходятся въ гармоническую цѣлость разумнаго ея развитія, какъ различныя выраженія одного и того же существа.

Такъ возникло извѣстное ученіе о душевныхъ способностяхъ, которое въ первыхъ своихъ зачаткахъ принадлежитъ уже и обычному взгляду повседневной жизни. Бывъ долго лелѣемо, какъ любимый предметъ науки, и многократно развиваемо въ видѣ подробныхъ системъ, оно постепенно утратило

Digitized by Google

свою цѣну, и едва ли кто въ настоящее время захочетъ видѣть въ немъ что-нибудь болѣе первоначальнаго и предварительнаго обзора фактовъ, нужнаго для предстоящихъ розысканій, которыя за нимъ только и слѣдуетъ начать. И надо въ самомъ дѣлѣ признаться, что отъ него уже слишкомъ мало пользы для выясненія отдѣльныхъ явленій въ частности. Было бы ошибочно воображать, что въ понятіи о душевныхъ способностяхъ мы обладаемъ такимъ же могучимъ средствомъ изслѣдованья, какое пріобрѣтено естествознаніемъ въ понятіи о дѣйствующей силѣ. Что придаетъ послѣднему плодоносность, того первому недостаетъ и, напротивъ, оно повторяетъ всѣ тѣ погрѣшности, благодаря которымъ сродственное понятіе о жизненной силѣ истощается въ напрасныхъ попыткахъ выяснить жизненныя явленія. Гдѣ физика употребляетъ свое понятіе о силѣ, тамъ она не довольствуется тѣмъ, чтобъ только охарактеризовать ее формою и наружнымъ видомъ ея результата; она не говоритъ только о притягательныхъ и отталкивающихъ силахъ вообще, но присовокупляетъ къ этому и законъ, по которому перемѣняется величина ихъ дѣйствія, когда точно-опредѣлимыя условія, съ какими оно соединено, испытываютъ столь же опредѣленную перемѣну своего значенья. Только этимъ физика пріобрѣтаетъ возможность вычислить опредѣленное дѣйствіе, какое каждая сила произведетъ въ извѣстныхъ обстоятельствахъ; только благодаря этому удается ей вообще связать съ постоянно-равною дѣятельностью силы разнообразнѣйшіе результаты, которые, правда, разнятся прежде всего своей величиной, но въ своемъ столкновеніи съ другими, также опредѣленными, дѣйствіями, ведутъ къ необозримому множеству разновиднѣйшихъ явленій. Понятіе душевныхъ способностей не представляетъ этихъ выгодъ. Односторонне выведенная изъ общей формы, принадлежащей совокупности многоразличныхъ процессовъ, каждая изъ нихъ, въ свою очередь, естественно

Digitized by Google

опредѣляетъ только вообще форму, принадлежащую ея проявленіямъ. Такимъ образомъ несомнѣнно, что способность представленій породитъ только представленія, способность чувствованій—только чувства; но нѣтъ никакихъ правилъ, которыя бы, посверхъ этой безполезной достовѣрности, научили насъ заключать о томъ, какое и при какихъ обстоятельствахъ возникнетъ представленіе, или что произойдетъ при встрѣчѣ разныхъ проявленій одной и той же способности.

Конечно, и естествознаніе не вездѣ смогло опредѣлить законы дѣйствія своихъ силъ; но тамъ, гдѣ это не удалось ему, оно и сознается, что не довольно еще подготовлено для дѣйствительнаго объясненія явленій. Впрочемъ, даже и въ этихъ случаяхъ, понятіе о дѣйствующей силѣ доставляетъ ему такія преимущества, какихъ понятіе о душевныхъ способностяхъ не даетъ никогда. Дѣйствія естественныхъ силъ всегда сравнимы между собою: какъ бы ни изумительно разнообразны были внутреннія состоянія элементовъ, внѣшнія перемѣны, которыми они обнаруживаются, всегда можно свести подъ конецъ на движенія въ пространствѣ, разнящіяся другъ отъ друга только скоростью и направленіемъ. Вотъ почему физика всегда можетъ приложить къ нимъ общія правила математическаго расчета и точно опредѣлить результатъ, производимый встрѣчею разныхъ силъ въ одномъ и томъ же элементѣ; изъ двухъ простыхъ прямолинейныхъ движеній происходитъ или покой, или одинаковая скорость въ среднемъ направленіи, или постоянныя круговращенья по криволинейнымъ путямъ. И, благодаря этой сравнимости силъ между собой, даже тогда, когда законы ихъ не точно извѣстны, все же есть еще возможность, изъ формы ихъ дѣятельности, вывесть правдоподобное по крайней мѣрѣ заключеніе о результатѣ, какой выйдетъ изъ совокупнаго ихъ дѣйствія, и обозначить въ опредѣленныхъ границахъ вѣроятную его величину. Наоборотъ, ду-

Digitized by Google

шевныя способности оказываются несравнимыми; каждая выведена изъ особаго характера своихъ проявленій, который вѣдь нѣтъ надежды подвести подъ одну точку зрѣнія съ совсѣмъ различнымъ типомъ другихъ. Поэтому, какъ извѣстное явленіе представительной способности подѣйствуетъ на способность чувствованій, и какія послѣдняя вызоветъ или подавитъ стремленья, это, конечно, мы кое-какъ угадываемъ помимо науки, слѣдуя инстинкту нашего внутренняго опыта; но въ понятіяхъ означенныхъ способностей нѣтъ ничего такого, что̀ давало бы намъ средства возвести тактъ вѣрнаго практическаго сужденья въ ясное научное уразумѣніе взаимной зависимости всѣхъ этихъ процессовъ.

Прибавимъ наконецъ еще одно. Физика опредѣленно показываетъ условія, при какихъ вообще можетъ быть рѣчь о дѣйствіи предположенныхъ силъ. Она отличаетъ тѣ коренныя силы, которыя можно представлять себѣ всегда присущими массѣ, потому что условія ихъ осуществляются постоянно, и которыя, поэтому, будучи всегда наготовѣ и налицо, какъ-будто поджидаютъ лишь предмета, на которомъ обнаружиться ихъ вліянію; этимъ силамъ противопоставляетъ она тѣ дѣеспособности, которыми элементъ не обладаетъ изначала, но которыя пріобрѣтаетъ смотря по обстоятельствамъ, которыя, вслѣдствіе того, то обнаруживаясь, то опять исчезая, имѣютъ исторію своего происхожденія, изслѣдимую для науки. Психологическое же ученіе въ проигрышѣ и тутъ. Ни одной изъ способностей своихъ не могло оно понять въ качествѣ постоянной дѣятельности души; представленіе, поджидающее своего предмета, чувство, поджидающее своего положительнаго оттѣнка, воля или хотѣніе, поджидающія своей цѣли, казались слишкомъ явно нелѣпыми предположеніями; очевидно было, что все это такія дѣйствія, къ выполненію которыхъ душу возбуждаютъ и оспособляютъ опредѣленныя только впечатлѣ-

Digitized by Google

нія: вотъ почему, подъ именемъ способностей, и противопоставили ихъ силамъ. Но исторія происхожденія ихъ изъ встрѣчи тѣхъ впечатлѣній съ природою души изучена еще слишкомъ мало, и недостатокъ этого указанія нельзя было наверстать тѣмъ, что различныя способности распредѣлили смотря по большей общности или частности ихъ проявленій и такимъ образомъ соподчинили ихъ однѣ другимъ. Ибо многое выходило при этомъ одинаково первобытнымъ и равностепеннымъ, что́ въ сущности пріобрѣтается только поступательнымъ житейскимъ образованіемъ и усвоивается чрезъ упражненіе, а потому въ дѣйствительномъ развитіи духовной жизни занимаетъ послѣдовательно совсѣмъ не равносильныя мѣста. Наконецъ, смутныхъ представленій о дремотѣ и слѣдующемъ потомъ пробужденіи разныхъ способностей было слишкомъ мало, чтобъ вознаградить за общій недостатокъ знакомства съ ихъ совокупной связью и той взаимной помощью, какую оказываютъ онѣ другъ другу въ своихъ дѣйствіяхъ.

Такъ терялась изъ виду настоящая цѣль научныхъ розысканій, изслѣдованіе причинной связи, въ силу которой каждое событіе душевной жизни шагъ за шагомъ выходитъ изъ предыдущихъ и въ свою очередь вліяетъ на ближайшее послѣдующее. А между тѣмъ каждая наука, дорожащая будущимъ своимъ приложеньемъ, непремѣнно должна помышлять о томъ, чтобы для нея открылась современемъ возможность, изъ настоящаго состоянія угадывать и прошлое и грядущее. И тамъ, гдѣ, какъ въ вопросахъ о душевной жизни, необозримая многосложность содѣйствующихъ условій всегда будетъ препятствовать рѣшенію этой задачи вполнѣ, намъ должно по крайней мѣрѣ стремиться къ тому обозрѣнію причинной связи, которое, относительно цѣлаго и вообще, дозволяло бы распознавать очертанія будущаго и предшествовавшія причины настоящаго все-таки вѣрнѣе нежели это дѣлается по ненадежной оцѣнкѣ

Digitized by Google

природнаго инстинкта, такъ-называемой смѣтки или догадливости. Только такого рода познаніе доставило бы намъ возможность вызывать путемъ воспитанія тѣ противодѣйственныя силы, которыя были бы способны обращать къ лучшему всякій нежелательный для насъ результатъ. Ученіе о душевныхъ способностяхъ не предлагаетъ намъ ничего для рѣшенія этой задачи; оно собственно лишь повторяетъ намъ, только безцвѣтнѣе и изъ-дали, общее очертаніе явленій, наблюдаемыхъ нами непосредственно въ насъ самихъ въ полномъ разнообразіи ихъ яркихъ мѣстныхъ красокъ; но оно совершенно молчитъ о закрытыхъ нашему наблюденію процессахъ, которые такъ же незримо порождаютъ эту разновидную игру, какъ и незамѣтныя для насъ дрожанія эоира производятъ міръ чувственнаго свѣта и изумительныхъ его преломленій.

Но сколь ни мало разрѣшались доселѣ этимъ взглядомъ тѣ задачи, на которыя желалось бы имѣть отъ объясняющей теоріи удовлетворительный отвѣтъ, недостатокъ этотъ, пожалуй, можно было приписать не основной ея мысли, а несовершенству ея примѣненія въ подробностяхъ. Быть-можетъ, когда тщательному наблюденію удастся отдѣлить отъ первоначальныхъ способностей души тѣ, которыя очевидно пріобрѣтаются только ходомъ образованія, оно успѣетъ наконецъ открыть и законы этихъ коренныхъ настроеній духа, а также и не менѣе важные законы ихъ взаимнаго другъ на друга вліянія. Но прежде чѣмъ отдаться подобной надеждѣ, должно упомянуть еще объ одномъ возраженіи, которое грозитъ ей немедленнымъ концомъ.

Всякая множественность первоначальныхъ способностей, говорятъ возражатели, не противорѣчитъ ли единству души? Полагать ее въ основу такъ же несовмѣстно съ необходимою строгостью мысли, какъ и безполезно въ видахъ предполагаемаго объясненія; послѣднее отнюдь не удовлетворитъ насъ,

Digitized by Google

если разнообразіе способностей, которыхъ выводъ изъ одного источника именно и долженъ быть задачею науки, мы примемъ непосредственно за соприсущее и не требующее никакихъ дальнѣйшихъ толкованій относительно своего происхожденья. Общее мнѣніе до того привыкло видѣть въ этомъ самое рѣшительное возраженье, какое только можно выставить противъ ученія о способностяхъ души, что мы едва отваживаемся выступить съ противоположнымъ взглядомъ. Правда, о способностяхъ этихъ часто говорили такъ, какъ будто бы онѣ были уже совсѣмъ готовыя дарованья, внѣдренныя въ душу одно наряду съ другимъ, и этому недостаточному изображенію справедливо противопоставлялось требованье, смотрѣть на разнообразныя свойства всякаго существа, какъ на различныя выраженія единой и всегда себѣ равной его природы, вызванныя у нея только взаимнодѣйствіемъ, въ какое вступаетъ она съ природой другихъ элементовъ. Но справедливо оспоривая небрежный оборотъ рѣчи, можетъ быть ставятъ уже слишкомъ высоко новизну и цѣнность этого опроверженія. Что тѣла цвѣтны только благодаря свѣту, жестки только когда гнетущая сила вызоветъ ихъ на отпоръ, текучи въ одной, тверды въ другой температурѣ, — все это соображенія, возбуждаемыя самымъ обыкновеннымъ опытомъ. Легко было перейдти отъ нихъ къ убѣжденію, что по крайней мѣрѣ чувственныя свойства вещей на какія-либо готовыя, нерушимо присущія имъ опредѣленія, но возникающіе и потомъ исчезающіе виды или зраки, которые природа вещей попеременно принимаетъ на себя въ нашихъ глазахъ подъ вліяніемъ измѣнчивыхъ условій. Но еще гораздо ближе была мысль примѣнить тотъ же самый взглядъ и къ душевнымъ способностямъ, которыхъ самое имя уже указывало на то, что ихъ не слѣдъ считать за готовыя быти, но именно за разныя возможности проявленія, которыми располагаетъ единая природа души, вызываясь къ дѣятельности раз-

Digitized by Google

личными раздраженьями, конечно необходимыми для этой цѣли. Итакъ, не лучше ли ужь будетъ оставить въ сторонѣ неловкости выраженія, допущенныя въ этомъ вопросѣ, и признать за опровергаемымъ ученьемъ по крайней мѣрѣ то, что вѣдь и оно естественно вышло изъ того самаго убѣжденія, которое противопоставляютъ ему возражатели. Первой части опроверженья ужь конечно не заслуживало оно вовсе: вѣдь и оно считало всѣ способности за слѣдствія единой природы души, только не полагало нужнымъ ставить ихъ въ такую взаимную зависимость между собою, чтобы изъ одной способности происходили всѣ другія. Право ли оно въ этомъ случаѣ, и не въ ущербъ ли наукѣ оно поступило, удовольствовавшись слишкомъ рано допускомъ многихъ первобытныхъ наклонностей безъ дѣйствительнаго сведенія ихъ къ одному и тому же источнику, это конечно другой вопросъ, который слѣдуетъ еще рѣшить. Но и относительно и этой второй части возраженья не можемъ мы вполнѣ раздѣлять мнѣнія, очень распространеннаго въ наше время.

Конечно, наука не можетъ идти далѣе того, докуда хватаетъ средствъ познанья, и она поневолѣ должна видѣть только рядъ данныхъ фактовъ въ такихъ явленіяхъ, которыхъ въ сущности не можетъ вывесть изъ одного и того же начала. Доходить здѣсь во что бы то ни стало до конца, ведетъ лишь къ искушенію урѣзать кое-что изъ фактическаго содержанія, чтобы тѣмъ легче объяснить болѣе сподручный остатокъ. И въ этомъ психологическомъ вопросѣ отъ такого искушенія недалеко. Требованье, видѣть въ проявленіяхъ какого-либо существа только различныя слѣдствія его природы, признаемъ мы вполнѣ справедливымъ; но мы не въ состояніи удовлетворить ему дѣйствительнымъ проведеніемъ его въ наукѣ. Изъ немногихъ мѣстъ, занятыхъ кометой въ разное время на небѣ, заключаемъ мы о предлежащемъ ей дальнѣйшемъ пути; законы

Digitized by Google

небесныхъ движеній не дозволяютъ ей занять эти мѣста безъ того, чтобы впослѣдствіи она по необходимости не прошла и чрезъ всѣ другія, сопринадлежныя къ одной и той же, закономъ опредѣленной, кривой. Такую же правильную послѣдовательность предполагаемъ мы и въ существѣ души. Если природа ея отвѣчаетъ на одно какое либо раздраженье опредѣленнымъ образомъ, тогда и другое проявленье, какимъ отзовется она на второе драженіе, не будетъ уже неопредѣленно или предоставлено ей на произволъ; одинъ шагъ рѣшаетъ уже и всѣ остальные, и какія бы ни дѣйствовали на нее разнообразнѣйшія впечатлѣнія, отношеніе ея къ каждому изъ нихъ обусловливается тѣмъ, какъ отнеслась она къ которому либо одному. Такъ и многоразличныя воздѣйствія, вызываемыя у нея разнообразными возбужденьями, должны быть не безотносительны одно къ другому, а сводиться въ совокупность цѣлостной природы, проявляющейся въ послѣдовательной многосторонности. Но, какъ астрономія изъ наблюденія одного только мѣста не можетъ заключить о скорости и направленіи проходящей чрезъ него кометы, такъ точно и въ одномъ только способѣ проявленія души не найдемъ мы средства предсказать форму проявленій ея подъ вліяніемъ другихъ условій. Между тѣмъ въ небесномъ тѣлѣ ежемгновенно вполнѣ существуетъ то движеніе, которымъ предопредѣляется ему дальнѣйшій путь; такъ и въ каждомъ проявленіи души можетъ уже заключаться внутренняя необходимость, которой послѣдовательная выдержка рѣшаетъ форму всѣхъ прочихъ проявленій. Относительно кометы извѣстны намъ притомъ законы притяженія и косности, какъ та объединяющая связь, которая приводитъ въ довѣдомое намъ соотношеніе всѣ части теченія ея между собою; для души понадобился бы намъ гораздо болѣе глубокій законъ, который научилъ бы насъ постигать различныя дѣятельности ея, несравнимыя по своей формѣ, все-таки какъ члены одной и той же череды

Digitized by Google

развитія. Намъ надлежало бы имѣть возможность сказать, отчего именно существо, которое, по поводу эѳирныхъ волнъ, видитъ свѣтъ и краски, необходимо должно слышать тоны, когда дрожанія воздуха дѣйствуютъ на чувственные его органы, или почему именно природа его, производя подъ вліяніемъ извѣстныхъ впечатлѣній наглядныя, но безразличныя для сердца ощущенья, непремѣнно должна проявляться въ чувствахъ удовольствія или недовольства подъ вліяніемъ другихъ. Едва ли нужно еще высказать напрямикъ, что чрезвычайная эта задача никогда не была приведена къ рѣшенью, и что мы нигдѣ не видимъ даже и надеждъ на возможность ея рѣшенія; любая психологія раздѣлитъ съ нами убѣжденье въ томъ, что эта непрерывная послѣдовательность въ природѣ души дѣйствительно существуетъ, но ни одинъ психологъ не съумѣетъ выразить ея законъ. Поэтому, руководящею точкой зрѣнья, направляющею общую связь и ходъ разысканій нашихъ, можетъ всегда считаться требованье такого единства души; но, при ближайшемъ выясненіи его надѣлѣ, мы поневолѣ должны принимать различные способы проявленія души за данный фактъ, и довольствоваться этимъ.

Дѣйствительно, всѣ попытки, противопоставляемыя ученію о душевныхъ способностяхъ, оканчивались признаньемъ такой многосложности, но онѣ полагали разницу между множественностью этихъ простыхъ, равно первобытныхъ, дѣятельностей, происходящихъ не одна изъ другой, а возникающихъ всѣ подрядъ изъ душевной природы, и между тѣми высшими дѣятельностями, которыя являются не одинаково первобытными, но происходятъ уже изъ сочетанія, предшествующихъ, простыхъ состояній; и объясненія ихъ-то именно, говорятъ намъ, лишается наука въ томъ случаѣ, когда ихъ прямо сводятъ на особыя способности, посвященныя будто бы исключительно только имъ. Оправдаться, во всѣхъ отношеніяхъ отъ этого упрека, теорія ду-

Digitized by Google

шевныхъ способностей не успѣетъ никогда. Увидимъ мы, напримѣръ, что въ числѣ этихъ способностей приведятъ, наряду съ другими, разсудительность и воображеніе, тогда мы не призадумаемся допустить, что ни та, ни другая не принадлежатъ къ природному достоянію души, но суть навыки, развиваемые житейскимъ образованіемъ, одинъ медленно, другой быстро. Мы допустимъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что для объясненія ихъ происхожденья нужны только законы общаго хода представленій, по которымъ каждое пріобрѣтенное ощущенье можетъ сохраниться въ памяти и, даже исчезнувъ для сознанія, можетъ быть опять возвращено ей возобновленіемъ какихъ-нибудь другихъ ощущеній, съ которыми оно было связано. Въ душѣ, пока не искусилась она опытомъ, не станемъ мы искать способности схватывать легко и ясно сходства и различія дѣйствующихъ на нее впечатлѣній и пріурочивать каждое къ извѣстной общей точкѣ зрѣнья, соотвѣтственной его содержанію. Но каждое сохраненное памятью ощущеніе, бывъ пробуждено другимъ подобнымъ, опять приводитъ къ сознанью и другія ощущенія, связанныя съ первымъ, хотя они совершенно чужды послѣднему, и такимъ образомъ неизбѣжно вызываетъ мысль къ розняшимъ и единящимъ сравненіямъ. Каждое повтореніе простыхъ этихъ случаевъ пріумножаетъ число точекъ зрѣнья или взглядовъ, которые, хранясь памятью, помогаютъ потомъ при дальнѣйшихъ наблюденіяхъ и споспѣшествуютъ быстрому пріуроченію ихъ къ сферѣ родственнаго имъ содержанья. Такъ развивается и крѣпчаетъ мало по малу вѣрность сужденія; шагъ-за-шагъ каждое новопріобрѣтенное познаніе прилагается къ запасу смѣтливости, выростающей наконецъ дотого, что трудная и безплодная сначала работа идетъ такъ легко, какъ будто бы она и въ самомъ дѣлѣ производилась прирожденной способностью. Еще менѣе можно ставить въ зависимость отъ первоначально готовой способности дѣйствія воображенія,

Digitized by Google

столь многоразличныя на видъ, что для выполненія ихъ, кажется, далеко не такъ пригодна правильная послѣдовательность одной и той же силы, подчиненной постоянному закону дѣятельности, сколько напротивъ полный разгулъ всѣхъ душевныхъ силъ вообще. На самомъ дѣлѣ основаніе этой способности, правда, и не лежитъ въ такомъ строгомъ подчиненіи закону, но конечно не одна особая сила орудуетъ всѣми ея дѣйствіями. Счастливое разнообразіе данныхъ опытовъ обогатило ходъ представленій многоразличнѣйшими впечатлѣньями, которыхъ запасомъ можетъ онъ распоряжать; другія благопріятныя обстоятельства, и тѣлосложенія и духовнаго строя, соединяются вмѣстѣ для того, чтобы предоставить игрѣ его всю ту подвижность, съ какою онъ порождаетъ самъ собой разнообразнѣйшія сочетанья представленій, пріурочивая другъ къ другу сродственное, контрастируя противоположное и ведя начатые ряды мыслей все дальше и дальше. Итакъ, обѣ способности эти имѣютъ свою исторію; мы можемъ прослѣдить, какъ вырабатываются онѣ возрастающимъ опытомъ, какъ тощаютъ при скудномъ запасѣ впечатлѣній, какъ сбиваются съ пути одностороннимъ житейскимъ направленьемъ и вліяніемъ болѣзненныхъ разстройствъ, и для объясненія такихъ процессовъ не нужно намъ допускать особыхъ природныхъ расположеній, посвященныхъ имъ исключительно. Обѣ, для осуществленія своихъ отправленій, предполагаютъ дѣятельность другихъ способностей; но зато ихъ собственная работа становится отсюда понятною вполнѣ.

Можно ли провести соображеніе это еще дальше, такъ чтобы наконецъ остался одинъ только первоначальный способъ проявленія души, откуда, какъ изъ общаго корня, выростали бы всѣ прочія видимыя способности? Ужь не похожи ли онѣ на листъ, цвѣтъ и плодъ, которые всѣ порождены одной и тою же растительною силой, а разнообразіемъ своихъ формъ обя-

Digitized by Google

заны отчасти многоразличію внѣшнихъ раздраженій, отчасти благопріятному стеченію обстоятельствъ, которое дозволяетъ каждому высшему произведенію брать себѣ исходомъ вершину ближайшаго къ нему низшаго? На этотъ вопросъ прежняя психологія отвѣчала отрицательно; она прежде всего полагала, что чувство и воля содержатъ въ себѣ особые элементы, не исходящіе ни изъ свойства представительности, ни изъ общаго характера сознанья, которымъ пользуются вмѣстѣ и воля и чувство и представительность; поэтому, наряду съ послѣднею, объ другія способности также принимались за первобытныя, и новѣйшимъ взглядамъ кажется не удалось опровергнуть основанія, по которымъ допущена эта троичность первоспособностей. Конечно, не то хотимъ мы сказать, чтобы представленіе, чувство и воля подѣляли между собою глубь души, какъ три самобытныя череды развитія съ особыми корнями, и, произрастая каждая сама по себѣ, сходились бы для разнообразныхъ взаимнодѣйствій только послѣдними своими развѣтвленьями. Наблюденіе показываетъ слишкомъ ясно, что большею частію перемѣны въ ходѣ представленій служатъ точками опоры для внутреннихъ чувствъ, а изъ послѣднихъ, то-есть изъ довольства или недовольства, развиваются стремленія, въ видѣ пожеланій или отвращеній. Но явная эта зависимость вовсе еще не рѣшаетъ, дѣйствительно ли предыдущій фактъ производитъ здѣсь самъ собою послѣдующій, какъ полная и достаточная его причина, или не влечетъ ли онъ его за собой, служа ему только вызывающимъ поводомъ и дѣйствуя отчасти сторонней силою вспомогательнаго условія, ускользающаго отъ нашихъ наблюденій. Точнѣйшій разборъ всѣхъ обстоятельствъ даннаго случая долженъ отстранить всякое на этотъ счетъ сомнѣнье. Гдѣ удается намъ отыскать въ предлежащемъ матеріалѣ всѣ до послѣдняго зачатки и составныя части будущаго, и притомъ подмѣтить въ этихъ зачаткахъ такое движеніе, кото-

Digitized by Google

рое должно само собою породить современемъ новую форму позднѣйшаго результата, тамъ мы можемъ принимать предшедшій фактъ за достаточную причину послѣдующаго. Гдѣ же, напротивъ, въ результатѣ обнаружится остатокъ, котораго нельзя вывесть изъ обусловливающихъ обстоятельствъ, но который привходитъ къ нимъ со стороны, тамъ надлежитъ намъ заключить, что одни тѣ обстоятельства еще не содержатъ въ себѣ полной и достаточной причины позднѣйшаго явленья, но что въ добавокъ къ нимъ привзошло извнѣ незамѣченное нами условіе, которое мы и должны теперь отыскать.

Если не ошибаемся, къ допуску послѣдняго предположенья вынуждаетъ насъ сравненіе приведенныхъ выше явленій. Станемъ ли разсматривать душу, какъ представляющее только существо, то увидимъ, что въ какое бы ни пришла она особенное положеніе при отправленіи этой своей дѣятельности, мы никогда не откроемъ тутъ достаточнаго основанія, которое принудило бы ее выйти изъ этого способа самопроявленія и развить въ себѣ чувства довольства или недовольства. Можетъ, правда, казаться, какъ будто, напротивъ, разумѣется уже само собой, что непримиренныя противуположности различныхъ представленій, которыхъ борьба тяжело ложится на душу, непремѣнно должны возбуждать въ ней чувство недовольства, а отсюда должно возникать стремленіе къ какому-нибудь цѣлительному выходу. Но это кажется такъ лишь намъ, потому именно, что мы не представляющія только существа, а нѣчто болѣе многостороннее; не сама собой разумѣется необходимость той послѣдовательности, она понятна только изъ общаго порядка нашего внутренняго опыта, пріучившаго насъ съ давнихъ поръ къ ея фактической неизбѣжности и побуждающаго насъ смотрѣть сквозь пальцы на то, что по-настоящему здѣсь есть пробѣлъ между каждымъ предыдущимъ и послѣдующимъ членомъ ряда,—пробѣлъ, который мы можемъ восполнить

Digitized by Google

только предположеніемъ, не наблюденнаго еще нами, добавочнаго условія. Если же оставить этотъ опытъ въ сторонѣ, то чисто представляющая лишь душа не найдетъ въ себѣ ни какого основанія смотрѣть на внутреннюю свою перемѣну, даже, положимъ, и опасную для прочности ея существованья, иначе какъ съ безучастною только зоркостью, какъ смотритъ она на всякую другую борьбу противоположныхъ силъ; далѣе, еслибъ, рядомъ съ простымъ ощущеньемъ, изъ другихъ источниковъ возникло еще и внутреннее чувство, то чисто-чувствующая лишь душа, даже и въ случаѣ жесточайшей боли, не нашла бы въ себѣ ни основанія, ни способности перейдти въ стремленіе къ какой либо перемѣнѣ; она страдала бы, не возбуждаясь къ хотѣнію. Но это на дѣлѣ совсѣмъ не такъ, и чтобы быть тому иначе, способность чувствовать довольство или недовольство должна быть изначала присуща нашей душѣ, и перемѣны въ ходѣ представленій, воздѣйствуя на существо души, сталобыть только побуждаютъ способность эту къ проявленію, а не производятъ ее сами собою; какія чувства ни овладѣли бы сердцемъ нашимъ, не они порождаютъ стремленіе, а вызываютъ только существующую въ душѣ способность хотѣнія, которой, не будь она въ ней отъ природы, имъ никогда бы ей и не придать. Убѣжденіе это ни сколько не замѣнится для насъ той уступкою, какую намъ, пожалуй, готовы будутъ сдѣлать: что, конечно, извѣстное дѣйствительное положеніе хода представленій не есть еще само по себѣ чувство довольства или недовольства, или проистекающее изъ него стремленіе, но что именно чувство и стремленіе не что иное какъ формы, подъ которыми то дѣйствительное положеніе предстаетъ сознанью. Мы, напротивъ, должны будемъ присовокупить, что эти формы постиженія вовсе не такіе маловажные придатки, о которыхъ можно было бы упомянуть вскользь, какъ будто онѣ идутъ только заурядъ, объ руку съ наличнымъ положе-

Digitized by Google

ніемъ хода представленій, въ которомъ, какъ хотятъ насъ увѣрить, единственно и заключается вся сущность дѣла; совсѣмъ наоборотъ, сущность-то именно и лежитъ въ этомъ способѣ предъявленія ихъ сознанью. Только какъ чувства и стремленія, движенья эти и цѣнны для духовной жизни, которой значеніе совсѣмъ не въ томъ, чтобы въ ней наступали разныя вереницы представленій, подъ-часъ доходящія до сознанья также въ формахъ стремленій или чувствъ, но именно въ томъ, что природа души обладаетъ способностью ощущать что-либо въ видѣ чувства и стремленья *.

Такимъ образомъ, три коренныя эти способности представлялись бы намъ постепенностью все высшихъ и высшихъ дарованій, и проявленіе одной выдѣляло бы изъ себя дѣятельность по слѣдующихъ. Но мы въ такомъ лишь случаѣ желали бы внушить о нихъ это представленье, если основой ему ляжетъ увѣренность, что въ существѣ души коренится однакожь единство того, что̀ распадается на эту троичность только для нашего сознанья. Не такъ отрывочно вступаетъ она въ свои проявленія, чтобы одна изъ ея частей пробуждалась въ то

* То-есть, вопросъ отнюдь не рѣшается догадкой, будто одни и тѣ же представленья иной разъ переходятъ въ чувство и въ стремленіе; главное дѣло въ томъ, что этотъ переходъ совершается не произвольно и не случайно, не самъ собой и не вслѣдствіе благопріятныхъ условій, а стало-быть въ силу какого-нибудь коренного свойства души или ея природы. Здѣсь нельзя не обратить вниманія на мысль Ульрици, который, рядомъ съ логическими категоріями, различаетъ въ душѣ категоріи нравственныя, то-есть такія коренныя намѣты, которыхъ дальнѣйшее развитіе и судьба зависятъ отъ условій данной личности, обстоятельствъ и окружающей среды. Категоріи—это нормы, руководящія душевную дѣятельность во всѣхъ ея проявленьяхъ. Норма не то, что правило, и еще менѣе похожа она на законъ. Норма именно только намѣчаетъ дѣятельность, предоставляя впрочемъ полную волю ея ходу; правило опредѣляетъ и самый способъ исполненія, но допускаетъ возможность уклоненій; законъ же, въ тѣсномъ смыслѣ, выражаетъ самое свойство дѣятельности, а потому не терпитъ ни какихъ уклоненій даже и въ способѣ исполненія.

Digitized by Google

время, какъ другія еще дремлютъ; напротивъ, въ каждой формѣ своей дѣятельности душа участвуетъ вся цѣликомъ; уже и въ представленіи дѣйствуетъ она не одною только стороной своего существа, но придаетъ лишь цѣлому одностороннее выраженіе, потому что на извѣстное опредѣленное возбужденье способна отвѣчать только одною опредѣленною возможностью самопроявленья. Если мы сравнимъ четыре съ пятью, то первое число выйдетъ единицею меньше, но не прибавитъ къ этому безъ особеннаго вызова, что оно притомъ половина осми и вдвое больше двухъ; необходимы новыя сравненія для того, чтобъ оно припомнило намъ и эти отношенья; въ каждомъ изъ нихъ выражается однакожь вся природа четырехъ, только односторонне, въ томъ именно направленіи, въ какомъ данъ ей къ тому поводъ. Или воротимся опять къ приведенному уже однажды уподобленью. Если взглянуть на движущееся тѣло въ одной лишь точкѣ его пути, то никто не скажетъ, въ какомъ направленіи и съ какою скоростью оно чрезъ нее проходитъ, а между тѣмъ въ немъ и тутъ вполнѣ дѣйствуетъ то же самое движенье, которымъ опредѣляется продленіе пути его въ ближайшій слѣдующій моментъ. Если станемъ наблюдать душу только въ представленіи, то въ этомъ элементѣ ея жизни не выскажется для насъ все ея существо, изъ котораго въ слѣдующій за тѣмъ моментъ можетъ наступить переходъ къ чувству и стремленію; между тѣмъ и въ этомъ участкѣ общаго ея развитія природа ея дѣйствуетъ всецѣло. Божественная прозорливость познала бы все движеніе небеснаго тѣла не изъ обширной только части его пути, но усмотрѣла бы его непосредственно изъ каждой недѣлимой точки; такъ и въ каждомъ одиночномъ проявленіи души она усмотрѣла бы присутствіе всей ея природы и ощутила бы въ немъ внутреннюю ея необходимость, при иныхъ условіяхъ, проявляться въ другихъ формахъ дѣятельности. Нашему человѣческому познанію пре-

Digitized by Google

доставлено одно, — исчерпывать эту полноту лишь мало по малу, но при этомъ не забывать, что тамъ, гдѣ видимъ мы рядомъ многія способности, природа души совокупляетъ ихъ въ послѣднемъ основаніи только единствомъ своей нераздѣльной сущности. Однакожь нѣтъ достаточной причины считать это предположеніе разныхъ способностей единственно за подспорье слабости человѣческаго познанія; напротивъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ, оно подходитъ и къ самому существу дѣла. Быть-можетъ, и божественная прозорливость не нашла бы въ понятіи одного представленія отдѣльно той необходимости, по которой надлежало бы изъ него слѣдовать чувству; только въ разумномъ смыслѣ всей душевной жизни она усмотрѣла бы можетъ-быть яснѣе нашего причину, побуждающую оба явленія наступать вмѣстѣ или слѣдовать одно за другимъ, — причину, подобную животворной идеѣ какого-нибудь стихотворенія, связывающей крѣпко и необходимо разнообразныя составныя части, изъ которыхъ ни одна не развила бы самодѣятельно другой.

Быть-можетъ, мы ужь слишкомъ долго останавливались на этихъ соображеніяхъ; но они такъ близко касаются существеннѣйшихъ представленій, на которыхъ основаны всѣ помыслы наши о жизни души, что мы должны отдать еще одну минуту тому общему взгляду на внутренніе процессы, который окажется ближайшимъ выводомъ нашего изслѣдованья. Мы говорили, что любой взглядъ все-таки оканчивается наконецъ признаніемъ многихъ способовъ проявленія души, отнюдь не сводимыхъ другъ на друга. Одно ученіе, которому психологія обязана большими успѣхами, ограничиваетъ однакожь признаніе это кругомъ тѣхъ воздѣйствій, которыя развиваются душой при непосредственномъ соотношеніи ея съ внѣшними раздраженьями, — то-есть, кругомъ простыхъ ощущеній. Эти первобытнѣйшія проявленія, которыми начинается душевная

Digitized by Google

жизнь, и по мысли того ученія не сводимы одно на другое; оно также не думаетъ удовлетворительно отвѣтить на вопросъ, почему то существо, которому являются свѣтъ и цвѣта, непремѣнно должно ощущать иныя впечатлѣнія, кромѣ звуковъ. Но зато всѣ другія высшія дѣятельности, возникающія при переработкѣ и обоюдномъ взаимнодѣйствіи этихъ внутреннихъ состояній, должны вмѣстѣ съ тѣмъ изъ нихъ же только и проистекать; однажды произведя изъ своей природы этотъ первобытный матеріалъ, такъ-называемый міръ ощущеній, душа совершенно исчезаетъ съ своей дѣятельностью; она предоставляетъ эти свои порожденія самимъ себѣ и общимъ законамъ ихъ взаимнодѣйствія; не вступаясь уже въ нихъ дѣятельно своей природою и не давая сложившимся однажды отношеніямъ такихъ новыхъ оборотовъ, которые не наступили бы для нихъ сами собой, въ силу послѣдовательности механическаго ихъ хода. Такимъ образомъ душа становится уже только поприщемъ того, что происходитъ (помимо ея) между ощущеньями и представленьями,—правда, такимъ поприщемъ, которое все совершающееся на немъ сопровождаетъ сознаніемъ, но не оказывая тутъ много замѣтнаго вліянья, кромѣ только охвата и удержи въ связи, какими и любая рама служитъ заключенной въ ней картинѣ. Вотъ именно та точка зрѣнія, противъ которой ратуетъ нашъ взглядъ. Не однажды только, не въ первоначальномъ лишь развитіи простыхъ ощущеній душа являетъ творческую свою дѣятельность: первыя эти произведенія пускай себѣ подпадаютъ закону механизма, пускай ходъ предоставленій образуетъ свои сочетанія и разрѣшенья, пусть онъ позабываетъ и припоминаетъ самъ собой, безъ всякаго новаго вмѣшательства со стороны души; но этимъ духовная жизнь еще не заканчивается, и высшія дѣятельности, на которыхъ зиждется ея цѣнность, все-таки не происходятъ изъ этого механическаго передвиженья сами собой. Весь неиз-

Digitized by Google

бѣжный ходъ этихъ внутреннихъ процессовъ порождаетъ одни поводы, только потому и вызывающіе у души новыя формы дѣйствія, которыхъ они сами собой никогда бы не произвели, что они воздѣйствуютъ на постоянно соприсутствующее (присное) имъ существо души, цѣлостное и нераздѣльное Относительно каждаго изъ внутреннихъ своихъ состояній душа находится въ такомъ же положеніи, въ какомъ находилась она относительно къ внѣшнимъ раздраженьямъ; на каждое можетъ она отвѣчать такою формой своей дѣятельности, которой намъ никакъ не вывесть изъ тѣхъ состояній, потому что въ самомъ дѣлѣ она заключается не въ нихъ однихъ, и которую мы можемъ только привязывать къ этимъ состояніямъ, научась напередъ изъ опыта, что именно эту новую форму дѣйствія пробуждаютъ они въ существѣ души, какъ раздраженія высшаго порядка.

Не уклонимся отъ повторенія этой мысли въ такой оболочкѣ, какую внушаетъ намъ готовое здѣсь и однакожь опасное сравненіе духовной жизни съ развитіемъ органическаго существа. Душа образуется не такъ, какъ растеніе. Послѣднее слагается изъ даннаго числа существенно различныхъ самостоятельныхъ частей, которыя, будучи опредѣленнымъ образомъ соединены извнѣ, рождаютъ поступательное образованіе по всеобщимъ законамъ теченія природы; самая жизнь вполнѣ сложившагося растенія есть совокупность дѣйствій между разными частями, которыя остаются самостоятельны, и, подобно жизни любого общества, она принимаетъ опредѣленныя формы развитія, благодаря положенію и дѣятельности соучаствующихъ въ ней членовъ. Къ этимъ членамъ или частямъ можемъ мы приравнять элементы душевной жизни только съ осторожнымъ ограниченіемъ; потому что элементы эти не самостоятельные àтомы, а всегда лишь состоянія одного и того же существа, изъ котораго выступить они не властны. Для

Digitized by Google

нихъ нѣтъ, поэтому, безучастнаго поприща, на которомъ они могли бы невозбранно предаваться своимъ взаимнодѣйствіямъ, повинуясь однимъ только законамъ всеобщаго механизма. Для дальнѣйшихъ соотношеній ихъ оказывается раздражительною и самая почва, на которой они дѣйствуютъ; не однажды только произвела ихъ природа души и пустила потомъ на вольную волю, какъ думаютъ, что земля производитъ животныхъ, служа затѣмъ только терпѣливымъ поприщемъ ихъ свободнымъ движеньямъ; напротивъ, душа чувствуетъ каждый шагъ, дѣлаемый въ ней ходомъ представленій и, возбуждаемая имъ, выступаетъ опять самодѣятельно то здѣсь, то тамъ, вводитъ въ предоставленный какъ бы самому себѣ механизмъ этого хода новые элементы, которыхъ мы напрасно искали бы въ немъ одномъ. Это вовсе не отсутствіе законности, но та многосложнѣйшая законность, которую мы назвали прежде только вообще возможною и о которой могли дознаться единственно изъ опыта, что въ этомъ видѣ она совершенно чужда міру вещества. Итакъ, въ развитіи организма, результатъ, предстоящій отъ взаимнодѣйствія двухъ элементовъ, вполнѣ опредѣленъ общими законами порядка природы и мгновенно данными обстоятельствами; напротивъ, въ духовной жизни, къ каждымъ двумъ состояніямъ и къ законамъ, управляющимъ ихъ взаимнодѣйствіемъ, постоянно привходитъ четвертый элементъ,—природа души,—которымъ предстоящій результатъ обусловливается и видоизмѣняется на столько же, на сколько пріемъ въ расчетъ противоборствующей среды можетъ, напримѣръ, измѣнить соображеніе, сдѣланное для совсѣмъ пустаго пространства. Конечно, внутри насъ могутъ наступать и такія череды явленій, на ходъ которыхъ этотъ четвертый элементъ не окажетъ преобразовательнаго вліянія, и, въ механической послѣдовательности своей, явленія эти повидимому будутъ развиваться вполнѣ только одно изъ другаго; но лишь тщательное

Digitized by Google

внутреннее наблюденіе можетъ уяснить намъ предѣлы такого образа дѣйствій, а принимать его за общую норму мы отнюдь не въ правѣ.

Покинемъ эти размышленія, предоставляя себѣ нѣкоторые выводы изъ нихъ впослѣдствіи, и обратимся къ давно готовому сомнѣнію, наводимому однимъ предположеньемъ, которымъ мы пользовались до сихъ поръ втихомолку. Изъ предыдущаго ясно, что душа подошла для насъ подъ понятіе раздражительнаго существа. Не сама собой и не безъ возбужденія со стороны стремится природа ея къ дѣятельности или властна она предназначить себѣ цѣль и направленье своихъ дѣйствій, но впечатлѣнія извнѣ вызываютъ ее къ воздѣйствіямъ, изъ дальнѣйшаго соотношенія которыхъ между собой возникаетъ все многоразличіе внутренней жизни. Собственной природѣ души принадлежитъ тутъ особенная форма проявленія; источникомъ ощущенія, чувства, стремленія остается все-таки она; въ раздраженіяхъ лежатъ лишь побудительныя причины, обусловливающія извѣстную послѣдовательность ея проявленій и направляющія ея нерѣшительныя по себѣ способности. Но мы не можемъ отдаться этимъ представленіямъ безъ того, чтобъ, повидимому, не приписать душѣ такой измѣнчивости, которая грозитъ поставить насъ въ противорѣчіе съ строгимъ единствомъ, будто бы несовмѣстнымъ ни съ какою перемѣной. Такого вывода устранить невозможно; конечно, внѣшнее раздраженіе только тогда будетъ неодолимымъ побужденьемъ для вызова какого-нибудь воздѣйствія, если оно было въ силахъ произвесть на душу дѣйствительное впечатлѣнье, отъ котораго потерпитъ ея существо. Не одна лишь угроза разстройствомъ можетъ побудить душу къ оборонной дѣятельности, потому что угроза не существуетъ для подлежащаго ей, пока оно ея не чувствуетъ; когда же она станетъ для него ощутительной, она уже проявилась перемѣной въ его собственномъ существѣ. Если законамъ

Digitized by Google

нашего мышленія противорѣчитъ то, чтобъ изъ равнаго себѣ единства какой-либо сущности выводить самодѣятельныя побужденія къ многоразличнымъ дѣйствіямъ, то необходимо допустить, что душа, когда она дѣйствуетъ, не та, какою была она передъ этимъ въ покоѣ; вѣдь только измѣнившись сама, можетъ она стать достаточною причиной для измѣненія своей дѣятельности. Нельзя будетъ увернуться отъ этого заключенія и оградить душу отъ измѣнчивости тою же самою уловкой, благодаря которой естествознаніе принимаетъ вещественные атомы за нерушимыхъ и неизмѣнныхъ носителей разнообразнѣйшихъ явленій. Какъ отдаленные предметы, сходясь для нашего глаза въ пространствѣ, сливаются въ одно и то же впечатлѣніе, а вблизи разрѣшаются опять на множество отдѣльныхъ частей, такъ точно и ходъ природы вообще, пожалуй, можетъ представлять нашему наблюденію множество кажущихся измѣненій, тогда какъ въ дѣйствительности внѣшніе предметы остаются все тѣми же, какими были они и прежде. Атомы, вполнѣ неизмѣнные внутри, приходя послѣдовательно въ разныя внѣшнія соотношенія между собою, и постоянно измѣняя свое положеніе, разстояніе и движенье, производятъ на насъ столь же и измѣнчивыя впечатлѣнія, и, будучи въ самомъ дѣлѣ косны и непроницаемы, кажутся нашему собирательному наблюденію то слитными, то раздѣльными, то вполнѣ измѣнившимися въ свойствахъ. Но, если перемѣны внѣшняго міра сводимъ мы такимъ образомъ на порождаемый въ насъ самихъ мерекъ или призракъ, тогда какъ дѣйствительность измѣняетъ только несущественныя отношенія безперемѣнныхъ по природѣ элементовъ, то нельзя же намъ и возникновеніе въ насъ этого призрака принимать опять только за призракъ же, который для другаго наблюдателя будто бы заключаетъ въ себѣ кажущуюся перемѣну нашего существа, а на дѣлѣ никакой перемѣны въ себѣ не допускаетъ. Напротивъ, наблю-

Digitized by Google

дающее существо дѣйствительно испытываетъ перемѣну, не во внѣшнемъ своемъ положеніи, но во внутреннемъ состояніи, когда представляетъ себѣ смѣну внѣшнихъ явленій, и отъ одного представленія переходитъ къ другому. Поэтому, даже и будь возможность отстранить измѣнчивость отъ всего внѣшняго міра, она тѣмъ неизбѣжнѣе осталась бы всегдашней принадлежностью самаго существа нашей души. Итакъ допустимъ эту измѣнчивость и не прибѣгнемъ къ безнадежной попыткѣ открыть такой хитрый пріемъ, благодаря которому свойство нерушимой безперемѣнности стало бы вдругъ совмѣстно съ назначеніемъ такого существа, которое призвано къ внутреннему развитію (то-есть къ послѣдовательному ряду внутреннихъ измѣненій). Мы не думаемъ, чтобы этою уступкой терялось что-либо изъ того, что надлежало бы намъ удержать, въ интересѣ нашего изслѣдованья. Если для какого-нибудь круга явленій отыскиваемъ мы существо, которое было бы ихъ носителемъ, то, конечно, мы должны признавать его на столько твердымъ и самостоятельнымъ, чтобы оно представляло въ себѣ надежную опору для многоразличныхъ событій; но нѣтъ ни малѣйшаго основанія приписывать ему завѣтную косность совершенной бездвижности,—напротивъ, мы этимъ сдѣлали бы только понятіе о немъ скорѣе непригоднымъ. Заботясь односторонне о его твердости, мы сдѣлали бы его неспособнымъ выполнить гораздо существеннѣйшее назначеніе, — быть средоточіемъ исходящихъ и входящихъ дѣйствій, изъ которыхъ именно и состоитъ кругъ процессовъ, требующій объясненія. Намъ прійдется присовокупить всего лишь нѣсколько словъ, чтобы разсѣять опасенія, къ какимъ это представленіе объ измѣнчивой душѣ можетъ подать поводъ.

Оно прежде всего не заключаетъ въ себѣ ничего похожаго на безпланную измѣнчивость, на постоянную вереницу все новыхъ и новыхъ состояній, въ мимолетности которыхъ поги-

Digitized by Google

бало бы все единство первоначальнаго существа. Ни одна вещь въ мірѣ не представляется такимъ безучастнымъ, немощнымъ веществомъ, чтобы одни только внѣшнія впечатлѣнья сообщали ему его качества, а само оно служило лишь средствомъ, наглядно закрѣплять собой въ дѣйствительности это измѣнчивое содержанье, — чѣмъ-то въ родѣ крюка, безучастно поддерживающаго все, что на него ни повѣсьте. Ни одна вещь въ мірѣ не допуститъ череду внѣшнихъ вліяній перегонять себя изъ одной формы въ другую дотого, чтобы, послѣ извѣстнаго числа превращеній, въ совершенно обновившемся оборотнѣ не осталось наконецъ даже и слѣда прежней его природы. То, что какое-либо существо терпитъ, на первый взглядъ, какъ бы только извнѣ, на дѣлѣ всегда оказывается проявленіемъ его собственной дѣятельной природы, только что возбуждаясь, а отнюдь не порождаясь толчкомъ со стороны. Поэтому въ каждый моментъ любаго перемѣннаго процесса наличное состояніе существа всегда есть вмѣстѣ содѣйствующее, и притомъ, можетъ быть, могущественнѣйшее условіе, которое опредѣляетъ заодно съ другими результатъ ближайшаго слѣдующаго впечатлѣнья. Ни что не мѣшаетъ намъ теперь считать первоначальную природу существа достаточно могучею для того, чтобъ сквозь всѣ звенья длинной цѣпи перемѣнъ, вліяніе ея продолжало оказываться сильнѣйшимъ, и всѣ они вступали черезъ то въ послѣдовательную связь, которой столько же присуще внутреннее единство, какъ не чуждо оно мелодіи, развивающейся во множествѣ послѣдовательныхъ варіацій. Не знаю, что могло бы побудить насъ требовать отъ сущности (субстанціи), лежащей въ основѣ измѣнчивыхъ явленій, чего-нибудь болѣе этого единства ея самой съ собою; душа даетъ, однакожь, еще болѣе. Она не только носитель своихъ состояній, но притомъ еще и знаетъ себя въ этомъ качествѣ, и, сберегая въ памяти пережитое прежде, рядомъ съ впечатлѣніями

Digitized by Google

настоящаго, она не только представляетъ стороннему наблюдателю зрѣлище послѣдовательнаго ряда измѣненій, но и сводитъ въ себѣ различные процессы развитія своего измѣнчиваго существа въ единство высшаго смысла,—гораздо выше того, какое можнобъ было когда либо приписать безплодной косности нерушимой (и безсознательной) субстанціи.

Тутъ указана только та общая форма представленія, въ какой можно бы выразить этотъ вопросъ. Подробнѣйшій обзоръ дѣйствительныхъ явленій душевной жизни обнаружилъ бы передъ нами, что она далеко не обладаетъ тѣмъ широкимъ раздольемъ измѣнчивости, которое могли бы мы вывесть для нея изъ этого представленья. Въ природѣ, какъ мы видѣли, не встрѣчается прочнаго, устойчиваго измѣненія атомовъ, по крайней мѣрѣ такого, которое бы обличало себя новыми формами дѣйствія во внѣ; всегда съ прекращеніемъ особыхъ условій, возвращаются опять и прежнія качества. Конечно, не вездѣ такъ бываетъ въ душевной жизни, которой развивчивость основана, напротивъ, на усовершеніи ея воздѣйствій навыкомъ упражненія. Однако, намъ тотчасъ же встрѣчается и въ ней цѣлая область, которая постоянствомъ своихъ отношеній напоминаетъ уже физическую дѣятельность. Всѣ чувственныя впечатлѣнія, какъ бы часто они ни принимались, всегда возбуждаютъ одни и тѣ же ощущенья; красное всегда остается краснымъ, гнетъ и жаръ всегда отзываются болью, и однѣ и тѣ же тѣлесныя потребности всегда вызываютъ опять тѣ же самыя стремленья. Все это повидимому до такой степени разумѣется само собой, что пожалуй покажется страннымъ и упоминать объ этомъ. Но по настоящему вѣдь каждое отдѣльное ощущенье есть уже перемѣна въ самомъ существѣ души; что природа ея обладаетъ способностью такъ уравновѣшивать всѣ потрясенія, постоянно причиняемыя ей несмѣтнымъ множествомъ впечатлѣній, что навстрѣчу каждому позд-

Digitized by Google

нѣйшему потрясенью идетъ она всегда съ одинаковою готовностью,—фактъ этотъ мы правда легко понимаемъ въ его цѣлесообразности по отношенію къ задачамъ духовнаго образованія, но его механическое такъ-сказать сложеніе не понятно для насъ само собой. Мы можемъ замѣтить то же постоянство въ законахъ, по которымъ память и воспоминаніе удерживаютъ, связываютъ и воспроизводятъ представленья; далѣе, неизмѣнны остаются и пріемы разсудка при сочетаніи и обсужденіи данныхъ впечатлѣній; вездѣ видимъ мы, что безчисленныя вліянія, которыхъ душа не можетъ принять въ себя безъ внутренней перемѣны, тѣмъ не менѣе отнюдь не нарушаютъ постоянства и послѣдовательности силъ, съ какими возвращается она къ этимъ впечатлѣніямъ для ихъ разработки; повидимому, силы эти пріобрѣтаютъ только больше ловкости отъ возрастающаго упражненія, благодаря которому онѣ приноровились ко всѣмъ запутанностямъ подлежащихъ имъ предметовъ. Итакъ измѣнчивость души далеко не заходитъ въ необъятную неопредѣленность; напротивъ, образовательное дѣйствіе первобытной ея природы постоянно обнаруживается въ такой степени, что объ измѣнчивости ея могли мы больше говорить почти только въ видахъ логическаго интереса, не допускавшаго насъ совмѣщать ея развитіе съ противорѣчащимъ ему понятіемъ внутренней неподвижности. Въ самомъ же дѣлѣ послѣдовательность внутренняго развитія по ея значенію и важности такъ велика, что она скорѣе представляетъ намъ образъ постояннаго тожества ея самой съ собою, нежели образъ поступательнаго измѣненія или превращенья.

Но въ чемъ же теперь состоитъ то, что остается тожественнымъ, себѣ равнымъ въ этомъ развитіи? Въ чемъ состоитъ то первобытное существо, та суть души, которыя начало нашего изслѣдованья повидимому обѣщало обозначить ближе? Мы бы готовы были отвѣчать: какъ всякое существо познаетъ-

Digitized by Google

ся только по тѣмъ слѣдствіямъ, какими подпадаетъ оно нашему наблюденью, то и о душѣ можемъ мы сказать лишь одно, что она есть именно то, что̀ носитъ въ себѣ способность къ этому развитію. Такой отвѣтъ не удовлетворитъ ни кого. Всѣ представленія, чувства, мысли и стремленія, возразятъ намъ на это, суть только дѣйствія души, вызванныя у нея поневолѣ какими-нибудь условіями; намъ же хочется знать не то, какъ дѣйствуетъ душа, но что̀ она такое сама по себѣ, отчего можетъ такъ дѣйствовать, и чѣмъ должна быть первоначальная ея природа для того, чтобы возращать въ себѣ подобныя способности. На такой изощренный вопросъ могли бы мы просто отвѣчать признаніемъ, что эта глубочайшая суть души всегда остается намъ неизвѣстною; но мы дали бы, пожалуй, поводъ полагать, что въ этомъ невѣдѣніи мы теряемъ много такого, чѣмъ намъ слѣдовало бы дорожить, и что вразсужденіи души для насъ оказывается неразрѣшимою такая трудность, которую легко устранить относительно всѣхъ прочихъ вещей.

Однакожь, чтобъ убѣдиться, какъ далеко намъ до посдѣдняго, стоитъ лишь немного сообразить тѣ познанія, какими думаемъ мы обладать о сущности вещей въ окружающей природѣ. Если мы жалуемся, что никогда не видимъ существа души такимъ, каково оно само въ себѣ, помимо всякаго даннаго условія, вызывающаго у нея опредѣленное проявленье, то должны распространить эту жалобу и на наши представленія обо всѣхъ вещахъ вообще. Мы только воображаемъ себѣ, будто намъ въ самомъ дѣлѣ извѣстно, что̀ такое вода, что̀ такое ртуть, а между тѣмъ ни одной изъ нихъ не можемъ обозначить тѣми постоянными свойствами, которыя присущи имъ помимо всякихъ внѣшнихъ условій. Обѣ при обыкновенной температурѣ текучи, при возвышенной—обѣ газообразны, при низкой—обѣ тверды; но что̀ же онѣ такое помимо всякой температуры? Мы этого не знаемъ, и не чувствуемъ даже ни ка-

Digitized by Google

кой потребности это знать, потому что для насъ очевидно, что никогда въ мірѣ ни одно изъ этихъ веществъ не можетъ уклониться отъ вліянія такихъ условій: вотъ отчего съ насъ и довольно смотрѣть на воду, какъ на тѣло, которое при такой-то опредѣленной температурѣ твердѣетъ, при другой кипитъ, и которое сверхъ-того доказываетъ свою тожественность само съ собою тѣми постоянными воздѣйствіями, которыя при одинаковыхъ условіяхъ проявляетъ оно всегда одинаково. То же самое приложимо и ко всѣмъ предметамъ чувственныхъ наблюденій. Все ощущаемъ мы сперва только въ одномъ изъ возможныхъ для него состояній, которое и считаемъ за полную и постоянную его природу до тѣхъ поръ, пока не научимся изъ опыта, что другія условія приводятъ его къ другимъ состояньямъ. Тогда мы связываемъ между собой различныя явленія, какъ преходящія формы одного и того же существа, которое мы продолжаемъ называть прежнимъ именемъ, хотя мысленно обозначаемъ его уже не однимъ только опредѣленнымъ свойствомъ, но понимаемъ его просто какъ неизвѣстное, способное превращаться въ этомъ кругу формъ такъ и сякъ, никогда однакожь изъ него не выступая и не переходя въ какой-либо другой. Нѣтъ ничего столько твердаго и стойкаго, чтобъ уклониться отъ этой неизбѣжной доли; всѣ наши опредѣленія дѣйствительныхъ предметовъ основаны на гипотезѣ, на догадкѣ, и непремѣнно обозначаютъ искомое тѣмъ, что при такомъ условіи оно проявится такъ, а при другомъ иначе. Поэтому, если мы допустимъ, что существо души намъ невѣдомо, то сдѣлаемъ это въ такомъ только смыслѣ, что тутъ заключается вмѣстѣ и невозможность опредѣлить, чѣмъ окажется существо любой вещи въ мірѣ, если мысленно устранить всякое условіе, дающее ему случай къ какому бы то ни было проявленью. Какъ нѣтъ возможности сказать, какими видятся вещи въ темнотѣ, такъ противорѣчиво въ самомъ се-

Digitized by Google

бѣ и требованье узнать, что̀ такое душа, прежде чѣмъ вступитъ она въ одно какое-либо изъ тѣхъ положеній, въ кругу которыхъ только и развивается жизнь ея.

Однакожь, кажется, мы ничего не выиграли этимъ разъясненьемъ, развѣ только смягчили для психологіи укоръ въ невѣдѣніи, распространивъ его на всю область человѣческаго познанья. Но если правда, что сущность вещей не извѣстна намъ въ этомъ смыслѣ, то равно ли справедливо тогда и то, что мы многое теряемъ этимъ невѣдѣньемъ, и въ этой ускользающей отъ насъ сущности должны ли мы именно искать то существенное, чего не хотѣлось бы намъ утратить? Не думаю, чтобы можно было отвѣчать утвердительно на этотъ вопросъ, и дѣйствительно, въ жизни думаемъ мы о немъ совсѣмъ не такъ, какъ подъчасъ считаемъ, повидимому, необходимымъ думать въ наукѣ. Въ суммѣ знаній, въ настроеніи души, въ постоянныхъ наклонностяхъ характера и въ особенномъ взаимнодѣйствіи этихъ элементовъ думаемъ мы имѣть передъ собой полную личность другаго человѣка; когда наше познаніе проникло весь этотъ внутренній составъ, мы уже не чаемъ вразумиться въ сокровеннѣйшее существо его еще болѣе, если намъ сверхъ-того скажутъ, чѣмъ былъ онъ первоначально, прежде нежели пріобрѣлъ ходомъ своего образованія эту полноту внутренняго бытія, или что̀ такое онъ и теперь еще въ сущности и чѣмъ оказался бы онъ тогда, еслибъ отнять отъ него всѣ эти результаты прежней жизни, да вмѣстѣ и всѣ условія, которыя способны дѣйствовать на него до сихъ поръ. Мы, правда, признаемъ, что эта духовная жизнь не могла бы вовсе развиться безъ того, чтобъ ей не предшествовала вначалѣ первобытная, не проявившаяся еще душа, которая подверглась бы потомъ вліянію жизне-возбудительныхъ условій; но душа, выступающая передъ нами въ другихъ случаяхъ настоящимъ и кореннымъ существомъ дѣла, здѣсь представляется лишь необходи-

Digitized by Google

мымъ, но ни чуть не самоцѣннымъ, предварительнымъ условіемъ, лишь неизбѣжно-предполагаемымъ средствомъ этого развитія, въ которомъ собственно только и лежитъ вся сила и все существенное значенье. Въ томъ видится намъ теперь истинная сущность, чѣмъ стало наконецъ развивающееся существо, и какъ въ совсѣмъ сложившемся и цвѣтущемъ растеніи мы видимъ отнюдь не что-либо меньшее однообразнаго и безформнаго ростка, изъ котораго оно вышло, такъ же точно и въ представленіяхъ, которыя мы мыслимъ, въ чувствахъ и стремленіяхъ, которыя сопровождаемъ самымъ теплымъ участьемъ, не расположены мы видѣть, какъ бы съ сожалѣніемъ, только скудную замѣну помысла о неразвитомъ, первобытномъ существѣ души.

Еслижь, не смотря на то, намъ такъ трудно совсѣмъ отступиться отъ поисковъ ненаходимаго, то причиной этому иное желанье, затаившееся въ вопросѣ о сущности вещей. Она должна быть не однимъ зачаткомъ, откуда позднѣйшее явленье возникаетъ такъ, чтобы въ послѣднемъ мы обладали уже ея собственнымъ содержаніемъ; сущность должна вмѣстѣ быть и тѣмъ, что закрѣпляетъ, отверждаетъ это содержаніе въ дѣйствительности, что придаетъ этому содержанію, которое само по себѣ только лишь мыслимо *, ту дюжую и крѣпкую реальность, съ какою, какъ дѣйствующее и страждущее, занимаетъ оно свое мѣсто въ мірѣ вещей. Сущность вмѣстѣ и та связь, которая своей неизмѣнною природой собираетъ, снизываетъ на себѣ отдѣльныя явленія, даетъ возможность представленьямъ и всѣмъ внутреннимъ нашимъ состояніямъ сохраняться,

* Содержаніе извѣстнаго существа, какъ совокупность послѣдовательныхъ его проявленій, въ самомъ дѣлѣ только мыслимо, фактически не никогда не предлежитъ наблюденію вполнѣ. Категорія совокупной цѣлости столько же необходима для мысли, сколько существенно идеальна; именно очевидная идеальность ея особенно и вооружаетъ противъ нея односторонній позитивизмъ, который, даже въ лицѣ даровитѣйшаго своего представителя, прибѣгаетъ къ смѣшнымъ уловкамъ и почти дѣтскимъ хитростямъ, чтобы какъ-нибудь обойти необходимое.

Digitized by Google

длиться и сближаться для плодотворнаго взаимнодѣйствія. Такимъ образомъ очевидно, что въ сущности души ищемъ мы не только основы для формы и содержанія внутренняго развитія, но быть-можетъ еще болѣе — причины, сообщающей обоимъ дѣйствительность. Теперь, чего же хотѣлось бы намъ знать? Именно того, какъ дѣлается, что эта внутренняя жизнь дѣйствительно можетъ быть разрядомъ, дѣйствительно существуетъ? какимъ образомъ міротворящій духъ умудряется слагать среди вихря переходныхъ явленій нѣчто нерушимое, твердое, ютящее всѣ ихъ въ себѣ, несущее ихъ и дающее имъ устойчивость существованья, — нѣчто, подобное остову, поддерживающему своею прочною опорой закрѣпленную на немъ цвѣтущую полноту формъ? Такой вопросъ естественно не разрѣшимъ ни для какой, даже и глубочайшей, думы: никогда не откроемъ мы, какъ творится бытіе и дѣйствительное существованіе, или изъ чего именно состоятъ вещи. Но этотъ вопросъ былъ бы для насъ въ самомъ дѣлѣ важенъ только въ томъ случаѣ, еслибъ задачею нашего знанія было не познать, а сотворить міръ. Между тѣмъ назначеніе его только то, чтобы постигать созданное, и оно внутренно готово допустить, что по настоящему вѣдь всякое бытіе уже чудо, которое признается нами какъ фактъ, но никогда не можетъ быть разгадано въ способѣ своего происхожденья. Въ этомъ смыслѣ существованіе вещей для насъ недовѣдомо; но неразрѣшимый тутъ нашимъ знаніемъ остатокъ составляетъ не ядро вещей, а скорѣе ихъ скорлупу, не содержаніе существа ихъ, а способъ постановки, благодаря которому оно существуетъ. Изъ-за этого вовсе не непостижимо для насъ, что̀ такое вещи: содержаніе свое раскрываютъ онѣ проявленіемъ своихъ свойствъ; но какъ собственно могутъ онѣ быть и являться, — это загадка, всѣмъ имъ общая.

Digitized by Google

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

О ходѣ представленій.

Устойчивость (пребываемость) представленій и ихъ забываемость.—Взаимный гнетъ ихъ другъ на друга и тѣснота сознанія. — Различная сила ощущеній. — Степени ясности воспоминаній.—Противоположность представленій.—Смыслъ. —Направленіе хода представленій законами мыслесочетанія и воспроизведенья.

Какъ въ тѣлесной жизни сначала предшествуетъ пора ненаблюдаемой еще дѣятельности, когда толпой роятся дивныя новообразованія и превращенья, между тѣмъ какъ по рожденіи организма едва ли остается ему что-нибудь кромѣ однообразнаго, тихаго наростанія давно-установившихся формъ, такъ и въ глубинѣ души находимъ мы постоянныя привычки ея дѣятельности уже данными фактами, едва впервые захотимъ съ умышленнымъ вниманьемъ всмотрѣться въ ея развитіе. Что только еще происходитъ передъ нашими глазами, то кажется намъ покамѣстъ не чѣмъ-либо инымъ какъ лишь постояннымъ упражненіемъ давно-сложившихся силъ, все-возрастающимъ притокомъ свѣдѣній, отлитыхъ въ такія формы, которыя идутъ встрѣчу имъ уже совсѣмъ готовыя, благодаря прежней, предсознательной работѣ духа *, наконецъ — распространеніемъ нашихъ чувствъ и пожеланій на тотъ возрастающій кругъ соотношеній, который предлагаетъ намъ умножающаяся со дня

*Авторъ разумѣетъ подъ этимъ тѣ относительно-общія понятія, къ которымъ пріурочиваются или по которымъ распредѣляются соотношенія предметовъ, болѣе или менѣе близкія другъ къ другу своей однородностью.

Digitized by Google

на день опытность. Во всѣхъ этихъ процессахъ безъ сомнѣнія лежатъ сверхъ-того очень положительныя начала, обусловливающія особенный строй и вѣсъ высшаго человѣческаго образованія; но гдѣ рѣчь идетъ еще не о возникновеніи человѣчности, а только о природѣ и развитіи общихъ душевныхъ способностей, изъ особеннаго употребленія которыхъ происходитъ человѣчность,—тамъ внутреннее наблюденіе обѣщаетъ намъ повидимому немного поживы. Большая часть того, что хотѣлось бы намъ знать, подобно первымъ великимъ эпохамъ образованія земнаго шара, далеко упредило всякій опытъ; и изъ сравнительно однообразныхъ и ограниченныхъ процессовъ, движущихъ нашу внутренность теперь, мы лишь путемъ догадокъ можемъ заключить о тѣхъ событіяхъ, которыми первоначальная эпоха нашей души подготовила прочную почву для дальнѣйшаго ея развитія.

И затрудненія эти здѣсь еще гораздо ощутительнѣй, чѣмъ для геологіи; потому что темны даже и самые законы, по которымъ совершается происходящее внутри насъ, а вѣдь съ ихъ только помощью и надлежало бы намъ разгадать прежнюю обстановку дѣла. Безчисленныя впечатлѣнія уже овладѣвали нами прежде, и послѣдствія ихъ дѣятельности ежемгновенно вносятъ свою долю вліянія въ опредѣленіе судьбы каждаго позднѣйшаго впечатлѣнья, а вліяніе это мы едвали сможемъ отдѣлить отъ того, что произвели бы и сами по себѣ всегда одинаковые общіе законы внутренней жизни. Да притомъ нѣтъ намъ ни какой возможности разобщить здѣсь разныя силы путемъ искусственнаго опыта, какъ дѣлается въ естествознаніи, чтобы опредѣлить степень участія каждой изъ нихъ въ этомъ многосложномъ результатѣ. Мы не въ силахъ сдѣлать прошлую жизнь нашу несуществовавшею, а потому и не можемъ никогда освободиться отъ того темнаго, неразложимаго для насъ гнета, какимъ обусловливаетъ она заодно со

Digitized by Google

многимъ другимъ всю позднѣйшую исторію сознанья; и никогда не представляется намъ случая наблюдать тѣ простыя и элементарныя дѣйствія, отъ которыхъ надлежало произойдти безконечно-многосложному внутреннему состоянію, въ какомъ находимся мы теперь. Итакъ, намъ, повидимому, не остается ничего болѣе, какъ на первыхъ порахъ держаться тѣхъ широкихъ и вовсе не сбивчивыхъ очертаній, которыя предлагаются намъ нашимъ внутреннимъ опытомъ. Мы попробуемъ затѣмъ точнѣе выразить общія догадки, развивающіяся изъ этого самообозрѣнія, провѣрить большее или меньшее согласіе ихъ съ фактами, обнаруживаемыми наблюденіемъ, и такимъ далекимъ обходомъ достигнемъ можетъ-быть наконецъ болѣе точнаго уразумѣнія законовъ духовной жизни.

До безконечности разнообразно протекаетъ эта жизнь для каждаго отдѣльнаго лица, и, не смотря на то, такъ единогласно было впечатлѣніе, выносимое изъ внутренняго самонаблюденія, что рано возникло уже всеобщее понятіе о механизмѣ, которому ходъ внутреннихъ процессовъ подлежитъ можетъ-статься вездѣ, и ужь навѣрно въ весьма широкомъ объемѣ, хотя, правда, не въ такихъ формахъ и не по тѣмъ частнымъ законамъ, какими отличается ходъ внѣшней природы, однакожь съ равно-неизбѣжною зависимостью каждаго отдѣльнаго событія отъ предшествующихъ ему условій Но сколь ни явенъ этотъ психическій механизмъ въ памяти и припоминаніи, въ зависимости чувствъ и стремленій нашихъ отъ извѣстныхъ впечатлѣній, которыми они постоянно вызываются; сколь ни рѣшительно и вѣрно разсчитываемъ мы даже въ повседневной жизни на благонадежность его дѣйствій; мы однакожь не въ силахъ указать руководящія его правила такъ же отчетливо, какъ законы природы. Ибо трудности внутренняго наблюденія, о которыхъ уже говорено, умножаются еще благодаря тому обстоятельству, что намъ не приходитъ здѣсь на помощь ни

Digitized by Google

какая всеобщая и достовѣрная сама по себѣ теорія неизбѣжныхъ взаимнодѣйствій, въ какихъ должны находиться между собой состоянія каждаго отдѣльнаго существа. Основныя черты, подмѣчаемыя нами въ дѣятельности духовной жизни, мы бо̀льшею частію можемъ принимать за фактическія данныя, которыхъ важность для высшаго образованія намъ часто вполнѣ понятна, но относительно которыхъ мы никакъ не можемъ показать, что именно эти формы дѣйствія должны быть необходимыми слѣдствіями природы каждаго сверхчувственнаго существа, доступнаго неопредѣленному многоразличію внѣшнихъ впечатлѣній. Легко сообразить, какъ невыгодно это положеніе вещей въ видахъ удовлетворительнаго объясненья. Если мы должны ограничиться собраніемъ однихъ фактовъ опыта, то не имѣемъ права и выходить за предѣлы того, что̀ высказываетъ опытъ; но имѣй мы возможность прослѣдить тѣ же самые факты въ ихъ необходимомъ возникновеніи изъ природы души, тогда намъ легко было бы придать имъ болѣе строгое и глубокое выраженіе, которое открыло бы намъ доступъ ко множеству недостижимыхъ нынѣ выводовъ. Затрудненія эти кажутся обыкновенно легче, нежели онѣ въ дѣйствительности; избалованные успѣхами естествознанія, мы слишкомъ часто готовы принять за всеобщія и необходимыя истины такія положенія, которыя имѣютъ неоспоримый вѣсъ для объясненія физическихъ процессовъ, и позабыть при этомъ, что всякое безпредубѣжденное наблюденіе внутренней жизни представляетъ намъ совсѣмъ другія формы дѣйствія и осуществленья. Для движенія веществъ обладаемъ мы суммою теоретически точныхъ законовъ; насчетъ душевныхъ проявленій есть у насъ извѣстное число данныхъ опыта, но намъ недостаетъ еще третьяго и высшаго, что̀ было бы тутъ совершенно необходимо,— недостаетъ общей теоріи, которая указывала бы намъ законы, предписанные состояніямъ всякихъ существъ вообще, и изъ

Digitized by Google

которой, въ видѣ двухъ разныхъ приложеній могли бы истекать наука о ходѣ природы и наука о ходѣ духовной жизни въ частности.

Къ числу простѣйшихъ фактовъ, въ которыхъ явенъ психическій механизмъ, принадлежитъ извѣстное наблюденье, что изъ несмѣтнаго числа представленій, которыми обязаны мы внѣшнимъ впечатлѣніямъ, въ каждый данный моментъ только лишь весьма немногія дѣйствительно предстаютъ нашему уму; бо́льшая же часть совсѣмъ исчезаетъ для сознанія, хотя и не теряется вмѣстѣ съ тѣмъ для души вообще, потому что, безъ всякаго повторенія внѣшнихъ впечатлѣній, забытыя представленья снова предстаютъ воспоминанію. Факты эти обыкновенно толковали такъ, что на всегдашность однажды возбужденнаго представленія смотрѣли какъ на нѣчто, чему естественно такъ слѣдуетъ и быть; искали объясненія только для забываемости представленій, и думали легко найдти его въ томъ взаимномъ гнетѣ или давленіи, которымъ разнообразныя встрѣчныя представленья силятся вытѣснить другъ друга изъ сознанія. Но тщетно пытались бы мы выставить прочную устойчивость представленій самопонятнымъ слѣдствіемъ всеобщаго закона косности или непреложности, — закона, по которому каждое, разъ возбужденное состояніе извѣстнаго существа, предоставленное самому себѣ, продолжалось бы непремѣнно до тѣхъ поръ, пока не будетъ измѣнено или упразднено какимъ-либо вновь наступившимъ дѣйствіемъ. Аналогія естествознанія, употребляющаго этотъ законъ, какъ одно изъ важнѣйшихъ пособій въ теоріи тѣлодвиженья, недостаточна для примѣненія его къ процессамъ душевной жизни, при очевидной разницѣ въ природѣ обоихъ случаевъ. Тѣло вѣдь ничего не терпитъ отъ своего движенья, которое все сводится для него только на внѣшнее перемѣщеніе, а какое занять мѣсто, тѣлу все равно; поэтому, для противоборства такой

Digitized by Google

перемѣнѣ не найдется въ его собственной природѣ ни причины, ни способности. Представленіе, напротивъ, какъ внутреннее событіе, неизбѣжно становится для существа, въ которомъ оно происходитъ, вмѣстѣ и порухой первобытнаго его состоянія; повидимому, съ тѣмъ же правомъ, съ какимъ ожидаемъ мы всегдашности однажды возбужденнаго представленья, могли бы мы примѣнить этотъ законъ и къ природѣ души; мы могли бы предположить въ ней такое стремленье отстаивать прежнее свое состояніе, что вслѣдъ за прекращеніемъ внѣшняго гнета, она тотчасъ силилась бы снова устранить всякое навязанное ей впечатлѣніе. Не вдаваясь въ неразрѣшимый споръ, такъ оно, или нѣтъ, къ которому повели бы здѣсь противоположные взгляды, признаемся лучше напрямикъ, что факты сознанія вынуждаютъ насъ допустить устойчивость представленій, а будущности предоставимъ понять эту фактическую данность, какъ неизбѣжное слѣдствіе самаго существа души. Чуждою и странною особенностью не представляется вѣдь она и намъ: вѣдь именно на упорной сохранности впечатлѣній основано исполненіе выпавшаго духовной жизни призванія соединять то, что въ пространствѣ и времени распадается безотносительно, и обезпечивать прошлому, посредствомъ оставленнаго имъ по себѣ образа, его долю вліянія на настоящее, долго спустя послѣ того, какъ само это прошлое выдѣлилось уже изъ дѣйствительнаго хода природы.

Итакъ, сколь ни далеки мы отъ того, чтобъ отрицать устойчивость представленій, мы не колеблемся однакожъ признать во вліяніи ихъ другъ на друга причину, почему вытѣсняются они изъ сознанія. Но если опытъ вездѣ понуждаетъ насъ къ такой уступкѣ, то съ другой стороны намъ вовсе не подъ силу выяснить причину этой необходимости. Мало сослаться здѣсь на единосущность души, не дозволяющую различ-

Digitized by Google

нымъ ея состояніямъ проходить безсвязно и бездѣйственно одному подлѣ другого. Вѣдь единство навело бы насъ прежде всего на ожиданіе, что душа будетъ стремиться слить все многоразличіе внутреннихъ своихъ состояній въ одинъ тожественно-общій строй. Но намъ извѣстно, что нѣтъ такой наклонности въ сознательномъ ходѣ представленій, такъ какъ въ немъ остаются сохранными всѣ разнообразныя впечатлѣнья, да не можетъ ея быть и въ тѣхъ безсознательныхъ состояніяхъ, въ которыя переходятъ исчезающія представленія, такъ какъ изъ сплошной глубины забвенія они возникаютъ опять съ тѣми же яркими противоположностями, какими обладали въ прежнемъ сознаніи. Поэтому мы вполнѣ разочаруемся въ надеждахъ, которыя готовы были возложить на единство души, и неудача эта невольно дастъ намъ понять, что единство, пожалуй, можетъ вести любое существо ко взаимнодѣйствію различныхъ его состояній, но что опредѣленная форма или смыслъ, въ какихъ совершается это взаимнодѣйствіе, зависитъ отъ особой природы каждаго существа въ частности (а не просто отъ единства). Что представленья не сливаются, не перемѣшиваются въ нѣчто среднее, но только оспориваютъ другъ у друга свѣтъ сознанія, причину этому должны мы искать въ томъ, что дѣлаетъ душу душою, или въ томъ, чѣмъ сознаніе отличается отъ другихъ проявленій ея дѣятельности.

Въ виду затрудненій, какими озадачиваетъ насъ природа сознанья, мы потѣшаемъ себя въ повседневной жизни такими скудными понятіями, что едва ли слѣдовало бы и говорить о подобныхъ взглядахъ, еслибъ очевидность ихъ недостатковъ не уясняла намъ тѣхъ загадокъ, которыя они оставляютъ нерѣшенными. Не смотримъ ли мы на сознаніе, какъ на ограниченное пространство, въ которомъ впечатлѣнія оспориваютъ другъ у друга свои мѣста? При этомъ мы мало заботимся о причинѣ, ставящей его протяженію извѣстные предѣлы, а ра-

Digitized by Google

вно и о томъ, что побуждаетъ впечатлѣнія тѣсниться въ это пространство; держась за представленія о тѣлесныхъ образахъ, изъ которыхъ каждый своей непроницаемостью, конечно, долженъ отнимать мѣсто у другихъ, мы, разумѣется, находимъ самопонятнымъ дѣломъ, что въ ограниченномъ пространствѣ сознанія можетъ умѣститься рядомъ только ограниченное число представленій. Такимъ способомъ, единственно подъ щитомъ неосновательнаго и невѣрнаго образа, мы всѣми неправдами дошли до мысли о несовмѣстности представленій между собою и о необходимости оказываемаго ими другъ на друга гнета или давленія. Или мы говоримъ еще о сознаніи, какъ о свѣтѣ, обладающемъ быть-можетъ перемѣнною, но все же ограниченною степенью ясности, а потому и находимъ естественнымъ, что запасъ освѣтительной его силы распредѣляется на наличное число впечатлѣній, слабѣя при распространеніи на большее количество и явно усиливаясь при сосредоточеніи на мѣньшемъ. И при подобномъ сравненіи намъ измѣняетъ даже самый тотъ образъ, за которымъ мы погнались. Потому что всякій, распространяющійся кругомъ, свѣтъ освѣщаетъ бо́льшее число вещей не хуже меньшаго, и лучи его, отъ точки, гдѣ нечего ему освѣщать, не уклоняются же криволинейно для того, чтобы упасть потомъ дружнѣе на мѣньшее количество наличныхъ предметовъ. Множество вещей только тогда освѣщается слабѣе, когда, заслоняя другъ друга, онѣ отнимаютъ одна у другой свѣтъ; а вѣдь объяснить требовалось именно то обстоятельство, какъ можетъ произойдти, что между представленіями наступаютъ такія отношенья, при которыхъ одно отнимаетъ у другаго возможность быть вѣдомымъ. Но мало выиграли бы мы и тѣмъ, еслибъ, покинувъ эти пространственныя сравненія, опредѣлили сознаніе истощимою какою-нибудь силой вообще, способною развивать изъ себя дѣятельность только въ ограниченномъ размѣрѣ. Вѣдь и

Digitized by Google

тутъ недоставало бы причины, почему только отдѣльныя представленія постигались бы сознаніемъ вполнѣ живо, а другія совсѣмъ оставлялись бы въ сторонѣ; мы все же не довѣдались бы, почему вмѣсто сумерокъ, которымъ съ постоянной убылью свѣта надлежало бы распространяться все на бо́льшее число представленій, должна наступать эта чередовая смѣна полнаго освѣщенія съ совершенной темнотой, — смѣна, при которой представленія то возникаютъ, то опять исчезаютъ для сознанья.

Но и на этотъ вопросъ есть у ходячаго мнѣнія свой запасный отвѣтъ, который, проникая нѣсколько глубже, понуждаетъ и насъ идти въ соображеніяхъ своихъ далѣе. Изо всѣхъ тѣхъ раздраженій, которыя шевелятъ душу извнѣ, возникаютъ въ ней, положимъ, такія впечатлѣнія, которыя собственно еще не ощущенья и не представленья, но которыя, въ качествѣ скопившагося запаса внутреннихъ состояній, ожидаютъ только сознанія, которое бы подмѣтило ихъ и тѣмъ самымъ подняло на степень ясныхъ ощущеній. Объ особенности ихъ мы естественно никогда не можемъ составить себѣ нагляднаго созерцанья, потому что въ существѣ своемъ они всегда остаются внѣ сознанія и перестаютъ быть, чѣмъ были первоначально, какъ скоро имъ подмѣчаются; но несмѣтное число именно этихъ впечатлѣній и представляется намъ умаленнымъ и приблизительнымъ отраженьемъ внѣшняго міра, хотя и перенесеннымъ внутрь души, однако столь же чуждымъ сознанію, какъ и все то, что̀ покоится во внѣшней дали отъ насъ безъ малѣйшаго къ намъ соотношенья. Вразсужденіи этихъ-то впечатлѣній допустимъ теперь силу закона всегдашней косности; положимъ, что, однажды возникнувъ, они не исчезаютъ уже никогда; но отношеніе ихъ къ познающей дѣятельности духа пусть все-таки будетъ измѣнчиво: подобно блуждающему свѣту, обращаясь то къ одному, то къ другому впечатлѣнію,

Digitized by Google

она будетъ то подмѣчать ихъ, то снова упускать въ безсознательную глубь скрытыхъ, неявныхъ впечатлѣній.

Не безинтересно прослѣдить тѣ затаенныя догадки, на которыхъ основывается этотъ взглядъ. Гдѣ мы видимъ, что какой-либо элементъ вызывается внѣшнимъ раздраженьемъ къ перемѣнѣ, которой опредѣленную форму получаетъ онъ только изъ своей собственной природы, а не изъ природы раздраженья, тамъ совокупность того, что происходитъ въ элементѣ, мы всегда можемъ мысленно разсматривать, какъ послѣдовательность двухъ событій, сперва впечатлѣнія, а потомъ живаго на него воздѣйствія. Житейскія наши наблюденія обыкновенно относятся къ многосложнымъ образованіямъ, а здѣсь потребенъ извѣстный срокъ времени, пока потрясеніе одной части, прежде другихъ пораженной впечатлѣніемъ, распространится на весь многосложный составъ и, возбужденіемъ остальныхъ частей, вызоветъ воздѣйствіе противъ первоначальнаго потрясенья. Такъ привыкаемъ мы представлять себѣ цѣлую пропасть между страданіемъ и пробужденною имъ дѣятельностью. Но обратимся теперь мысленно къ простой единосущной природѣ души, и тогда то же самое представленіе покажется намъ не одинаково необходимымъ. Конечно, всякое внѣшнее раздраженье только тѣмъ и вызоветъ ее къ дѣйствію, что она отъ него потерпитъ; ибо, не потерпи она, для нея вовсе не существовало бы раздраженья. Конечно, и внутреннія ея перемѣны, какъ страданіе ея, такъ и положительное воздѣйствіе, разовьются только въ извѣстный срокъ; но по крайней мѣрѣ нѣтъ ни какой необходимости, чтобъ обѣ эти различимыя для насъ части цѣлаго процесса слѣдовали другъ за другомъ въ различныя доли времени, или чтобы къ впечатлѣнію отъ внѣшнихъ раздраженій непремѣнно приходило еще какое-нибудь другое добавочное условіе, которое обратило бы внимательность сознанія на несознанное само по себѣ впечат-

Digitized by Google

лѣнье. Въ каждый нераздѣльный мигъ можемъ мы разсматривать обѣ части одновременно, до такой степени слитными между собою, что придаваемыя имъ нами разныя названья будутъ означать уже не два отдѣльныхъ событія, но только два различныхъ взгляда на одинъ и тотъ же фактъ. Потому что вѣдь и то, что зовемъ мы страданьемъ, не есть перемѣна, вносимая совсѣмъ готовою въ страждущее существо, такъ чтобы послѣднее ощущало отъ нея только гнетъ въ общемъ смыслѣ слова, не чувствуя себя притомъ угнетеннымъ въ опредѣленной формѣ и извѣстнымъ образомъ. Подъ однимъ и тѣмъ же впечатлѣньемъ разныя существа страждутъ неодинаково; страдать же именно такъ, а не иначе, значитъ уже воздѣйствовать, живо обличая въ этомъ глубину своей природы.

Если мы обратимся теперь къ непосредственному ощущенію, причиняемому намъ внѣшнимъ чувственнымъ раздраженьемъ, то должны будемъ сознаться, что весь наружный видъ этихъ простыхъ процессовъ мало говоритъ въ пользу перваго, разрозняющаго ихъ воззрѣнія, и гораздо больше въ пользу послѣдняго, объединяющаго. Мы не знаемъ, почему свѣтовая волна, поражающая нашъ глазъ, своимъ дѣйствіемъ на душу должна произвесть сперва невыразимое, безсознательное впечатлѣнье, а за тѣмъ, въ видѣ воздѣйствія, породить уже ощущеніе, для котораго впечатлѣнье это является синимъ или краснымъ цвѣтомъ. Зрѣніе опредѣленнаго цвѣта, слухъ опредѣленнаго тона, конечно, можно прямо считать наступающимъ для души нераздѣльнымъ состояніемъ, и мы называемъ его впечатлѣньемъ, когда мыслимъ о происхожденіи его отъ внѣшняго раздраженія, а живымъ воздѣйствіемъ тогда, когда вспомнимъ, что то же самое раздраженье возбудило бы въ другихъ природахъ иныя состоянія, и что поэтому форма того, которое здѣсь на лицо, зависитъ отъ существа души, принявшей раздраженіе. На процессы эти должны мы повидимому

Digitized by Google

смотрѣть точно такъ же, какъ на передачу движенія между неупругими вещественными точками. Мы не думаемъ, чтобы получившее толчекъ тѣло сначала ограничивалось только пріемомъ скорости и направленія, которыя стремится сообщить ему толчекъ, и что лишь затѣмъ уже, благодаря движенію, въ какомъ находилось оно прежде, тѣло, воздѣйствуя на полученное имъ впечатлѣнье, опредѣляло бы себѣ тотъ среднесложный путь, который совершаетъ оно въ самомъ дѣлѣ. Напротивъ, съ самаго перваго момента толчка въ тѣлѣ не происходитъ ничего, кромѣ этого единаго и нераздѣльнаго движенья, въ которомъ сообщенное впечатлѣніе и дѣятельность первобытнаго состоянія слиты безразлично. Въ силу этихъ соображеній, мы могли бы, пожалуй, отказаться отъ мысли, что безсознательныя возбужденія предшествуютъ въ душѣ сознательнымъ ощущеньямъ; можетъ даже показаться не только тщетнымъ, но и безсмысленнымъ, искать въ глубинѣ духа, въ этомъ чистомъ свѣтѣ сознанія, какую-то первобытную основу ночной тьмы, изъ которой, въ видѣ позднѣйшаго явленія, возникаетъ потомъ лучезарность мысли. И въ самомъ дѣлѣ, отсюда развился особый психологическій взглядъ, видящій въ сознательныхъ ощущеньяхъ первобытнѣйшіе процессы душевной жизни и выводящій всѣ остальныя явленія изъ ихъ взаимнодѣйствія.

Такое положеніе вещей нѣсколько видоизмѣнится отъ того, если мы обратимъ надлежащее вниманье на забытыя представленія. Конечно, мы не въ правѣ ставить обычному словоупотребленію въ вину, если оно продолжаетъ называть представленіемъ то, что и дѣйствительно было имъ прежде, только давно утратило существенный признакъ, изъ-за котораго подобало ему это названіе. Но объясняющее изслѣдованіе обязано же припомнить неточность этого выраженія; оно должно же допустить, что названія забытыхъ или безсознательныхъ представленій означаютъ нѣчто такое, что вовсе уже не представленіе, и

Digitized by Google

что противорѣчивыя эти названія терпимы только какъ воспоминанья о происхожденіи обозначаемыхъ ими состояній, а отнюдь не какъ опредѣленіе наличной ихъ природы. Какъ ни продолжали бы мы потомъ все, безсознательно происходящее внутри насъ, выводить изъ задержки представленій, все-таки и этотъ взглядъ заключалъ бы въ себѣ неизбѣжную уступку, что кромѣ сознанія есть еще и другія состоянія души, въ которыя можетъ иногда переходить сознанное. Но если намъ нельзя этого не допустить, то затѣмъ уже трудно будетъ обозначить предѣлы тѣхъ послѣдствій, которыя можно отсюда вывести. Мы вѣдь допустили такимъ образомъ постоянное взаимнодѣйствіе между ясною жизнію сознанія и темною основой безсознательнаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ очевидно поставили опять на ноги вышеприведенный взглядъ, разсматривающій представленіе вообще какъ переходную, измѣнчивую дѣятельность, которая то приступаетъ къ накопленному запасу безсознательныхъ впечатлѣній, то отъ него отвертывается.

Противоположность этихъ двухъ мнѣній — одна изъ главнѣйшихъ причинъ, почему и нынѣшніе психологическіе взгляды расходятся въ разныя стороны. Для обоихъ самою существенною задачей должно быть то, чтобъ объяснить послѣдовательность и порядокъ, обнаруживающіеся въ смѣнѣ нашихъ преставленій. Одно ставитъ вопросъ такимъ образомъ, что ищетъ правилъ механизма, которымъ сознанныя состоянія взаимно вытѣсняютъ другъ друга; другое добивается причинъ, по какимъ отдѣльныя безсознательныя впечатлѣнія привлекаютъ къ себѣ вниманіе представительной способности и отводятъ его отъ другихъ. Оба часто будутъ сходиться въ своихъ выводахъ, такъ какъ должны руководствоваться созерцаніемъ одной и той же фактической обстановки, тѣмъ не менѣе они на столько будутъ разниться въ своихъ пріемахъ, что еще на минуту продержатъ насъ въ напряженномъ ожиданіи.

Digitized by Google

Естественно, что въ большей или меньшей силѣ представленій первый изъ этихъ взглядовъ найдетъ основаніе для мѣры того гнета, какой они другъ на друга оказываютъ въ сознаніи. Однако представленія не надѣлены уже изначала отталкивающими силами; необходимость взаимнодѣйствія ихъ вообще наступаетъ лишь отъ того, что единство души стремится связать ихъ, а ихъ противоположности между собою перечатъ этому соединенію. Вотъ почему степень противоположности, раздѣляющей два представленья, будетъ вообще опредѣлять живость дѣйствія ихъ другъ на друга, а напротивъ сила ихъ опредѣлитъ мѣру того страданія, какое причинятъ они другъ другу или обоюдно потерпятъ въ этомъ взаимнодѣйствіи. Что эта борьба, хоть и возбужденная противоположностями представленій, не оканчивается однакожь ихъ примиреніемъ, но что умаляется одна только сила борющихся представленій безъ всякой перемѣны ихъ противоположнаго содержанія, это всего лучше будетъ вышеприведенному взгляду признать за столь же нечаянный, какъ и необъяснимый фактъ, который допустить вынуждаетъ насъ просто наблюденіе. Только за этою уступкой начинается возможность свести на нее и болѣе сложныя явленія душевной жизни; внутренняя необходимость уступаемаго совершенно для насъ непостижима, и мы не выигрываемъ ровно ничего, если вздумаемъ восполнить этотъ пробѣлъ скрадчивыми рѣчами.

Но и самыя понятія о силѣ и противуположности, къ которымъ мы привыкли при выкладкѣ физическихъ событій, навлекаютъ много трудностей, когда захотимъ употребить ихъ для объясненія хода представленій. Ощущеніямъ, то-есть тѣмъ представленьямъ, которыя возбуждаются въ насъ наличнымъ дѣйствіемъ внѣшняго раздраженія, неоспоримо принадлежитъ различная степень силы, ибо ни одно изъ нихъ не есть чистое и безучастное выраженіе одного своего содержанья; напротивъ,

Digitized by Google

каждое чувствуется нами въ то же время какъ болѣе или менѣе сильное потрясеніе, какъ болѣе или менѣе захватывающее насъ состояніе нашего собственнаго существа. Ослѣпительный свѣтъ не только самъ по себѣ сильнѣе кроткаго мерцанія, но и намъ самимъ приключается нѣчто бо́льшее при видѣ перваго, чѣмъ при видѣ послѣдняго; громкій звукъ не только самъ по себѣ составляетъ бо́льшій матеріалъ для нашего ощущенья, но и самое это ощущенье производитъ въ насъ сильнѣйшее впечатлѣніе, нежели звукъ тихій. И не только ощущенія одного и того же чувства сравнимы между собой въ этомъ отношеніи, но и возбужденія одного могутъ быть сопоставляемы съ возбужденіями другого, въ качествѣ бо́льшихъ или мѣньшихъ потрясеній нашей внутренности. Итакъ, если мы представимъ себѣ, что душа, которой сознаніе не охвачено еще воспоминаніемъ прежнихъ опытовъ, впервые подвергается дѣйствію разнообразныхъ внѣшнихъ раздраженій, тогда найдемъ вѣроятнымъ, что ощущеніе, сильнѣйшее содержаніемъ, вытѣснитъ другое, котораго содержаніе слабѣе. Но въ выработавшейся и опытной душѣ дѣло не обходится уже такъ просто: мы знаемъ, что легкій шорохъ можетъ отвлечь наше вниманіе отъ громкаго шума, и что вообще власть, оказываемая представленьями на направленіе хода нашихъ мыслей, не соразмѣряется уже съ силою того чувственнаго содержанія, которое они подмѣчаютъ. Въ поступательномъ развитіи жизни преобладающій интересъ получаемыхъ нами впечатлѣній сросся съ тою цѣнностью, какую имѣютъ они какъ предвѣщающіе, сопровождающіе или напоминающіе признаки другихъ событій. Такимъ образомъ опытъ, для каждаго особенный и иной, опредѣляетъ въ будущемъ и самую цѣнность любого представленья иначе для каждаго, да притомъ не всегда неизмѣнно и для одного и того же отдѣльнаго лица. Только упорная природа духа и не менѣе стойкія коренныя черты тѣлесной организаціи

Digitized by Google

заботятся о томъ, чтобы эта разница не переходила всякой мѣры: та неодолимая сила, съ какою отдѣльныя чувственныя и умственныя впечатлѣнья одинаково захватываютъ всѣхъ, сводитъ вездѣ оцѣнку представляемаго на извѣстную мѣру приравнимости и приблизительнаго разсчета.

Итакъ, повидимому, намъ приходится различать втройнѣ, вопервыхъ — бо́льшій или мѣньшій объемъ представляемаго содержанія, потомъ — степень причиняемаго имъ намъ раздраженья, и наконецъ — силу, оказываемую его впечатлѣніемъ на ходъ нашихъ представленій; и лишь въ ощущеніи безопытной еще души могли бы совершенно совпасть между собой различныя эти опредѣленія. Но второй изъ приведенныхъ здѣсь членовъ исчезаетъ уже въ нашемъ воспоминаніи. Вѣрно повторяя содержаніе прежнихъ ощущеній по характеру его и силѣ, оно не повторяетъ того потрясенія, какое мы отъ нихъ испытали, а гдѣ повидимому, и повторяетъ, тамъ въ сущности оно присоединяетъ только одинъ образъ прежняго потрясенія, какъ второе представленіе, въ добавокъ къ воспроизведенному созерцанію прежняго содержанья. Рокотанье грома въ нашемъ воспоминаніи, какъ ни ясно передается здѣсь его особенность и сила, потрясаетъ насъ однакожь не сильнѣе столь же яснаго представленія о какомъ нибудь самомъ ничтожномъ звукѣ; намъ можетъ быть и прійдетъ при этомъ на мысль то сильнѣйшее потрясенье, какое причинилъ намъ громъ, но и это представленіе живаго тогда переполоха, встревожитъ насъ теперь такъ же мало, какъ и равно-ясное представленіе гораздо слабѣйшаго впечатлѣнья. Въ воспоминаніи различаемъ мы разныя тяжести двухъ предметовъ, но точное воспредставленіе сильнѣйшаго гнета, причиненнаго намъ однимъ изъ нихъ, тяготитъ насъ теперь такъ же мало, какъ и столь же точное воспредставленіе мѣньшей тяжести. Представленіе боли не боль, представленіе утѣхи не сама утѣха; безстрадно и безрадостно

Digitized by Google

порождаетъ сознаніе, какъ бы изъ неприступной высоты, содержаніе прошлыхъ впечатлѣній со всѣмъ его внутреннимъ многоразличіемъ, даже съ образами возбужденныхъ имъ чувствованій, но никогда не мутитъ оно рѣшенія своей задачи тѣмъ, чтобъ на мѣсто образа вызывать опять самое впечатлѣнье. Положительно отсутствующимъ ставится имъ представляемое и, столь же мало возбуждаясь сильнѣйшимъ, какъ и слабѣйшимъ, оно съ одинаковой легкостью повторяетъ оба, какъ двѣ тѣни, изъ которыхъ ни одна не тяжеле другой, сколько бы ни различны были тяжести тѣлъ, которымъ онѣ соотвѣтствуютъ.

Такимъ образомъ, ходъ мыслей при воспоминаніи, правда, можетъ возвращать сознанію обширное и малое, сильное и слабое содержаніе, но употребляемая имъ къ тому представляющая дѣятельность будетъ всегда и вездѣ одна и та же. И однакожь только отъ различій именно этой дѣятельности можетъ зависѣть взаимнодѣйствіе представленій, для котораго необходимо, чтобъ содержанія ихъ никогда не смѣшивались; ибо только въ непосредственномъ ощущеньи величина представляемаго, совпадая съ силой возбужденія, могла бы рѣшить побѣду одного впечатлѣнья надъ другимъ. Поэтому, если мы говоримъ о силѣ впечатлѣній, какъ опредѣляющей судьбу каждаго изъ нихъ въ ихъ взаимной борьбѣ, то можемъ дѣлать это только въ послѣднемъ изъ трехъ изложенныхъ выше смысловъ, то-есть, разумѣя подъ нею ту мощь, съ какою каждое отдѣльное представленье вліяетъ на направленіе хода мыслей. Но мощь эта не явное съ самаго начала свойство, которымъ могли бы мы выяснить себѣ дальнѣйшій результатъ; она именно и есть та способность, которой основаній мы доискиваемся. Выводить дѣйствія представленій изъ силы въ этомъ смыслѣ такъ же мало пособило бы объясненію, какъ и утверждать, что въ борьбѣ обыкновенно одолѣваетъ тотъ, кто

Digitized by Google

одерживаетъ верхъ по недовѣдомымъ намъ причинамъ. Но прежде чѣмъ отыскивать эти безвѣстныя причины въ чемъ либо иномъ, мы должны упомянуть еще о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, какъ будто подкрѣпляющихъ отчасти мысль объ измѣнчивой или различной силѣ представленій.

Мы вполнѣ привыкли думать, что каждое содержаніе, не измѣняясь въ сущности само, можетъ быть мыслимо въ безконечно разныхъ степеняхъ ясности или силы, и что чѣмъ ниже спускаются представленья по этой лѣстницѣ, тѣмъ болѣе они постепенно тускнѣютъ и наконецъ совсѣмъ исчезаютъ изъ сознанія. Но это вѣдь описаніе такого случая, который наблюсти никто не могъ, такъ какъ наблюдающее вниманіе именно и не допустило бы возможности его наступленья. Только позже, замѣтивъ, что какого-либо представленія недоставало нѣкоторое время въ нашемъ сознаніи, на вопросъ, какъ оно оттуда исчезло, мы отвѣчаемъ себѣ этою догадкой о постепенномъ его помраченіи; но справедливость догадки отнюдь не завѣряется дѣйствительнымъ наблюденіемъ, насколько оно здѣсь можетъ подойти къ дѣлу. Если припомнимъ себѣ внутреннее состояніе, въ какомъ мы находились, пока сильно-возбужденное представленіе живо занимало насъ нѣкоторое время, а затѣмъ стало повидимому исподоволь исчезать, то всегда найдемъ, что оно помрачалось не сподрядъ, но со многими и рѣзкими перерывами, то присутствуя въ сознаніи, то нѣтъ. Каждое новое впечатлѣнье, котораго содержаніе какъ либо относилось къ этому представленію, мгновенно вызывало его опять въ памяти, тогда какъ всякое поразительное новостью, чуждое ему, впечатлѣнье мгновенно же вытѣсняло его вонъ; такъ оно подобилось пловучему тѣлу, то вдругъ поглощаемому нахлынувшею волной, то столь же быстро выносимому опять на поверхность, стало-быть вполнѣ видимому въ одинъ моментъ, и совсѣмъ невидимому въ дру-

Digitized by Google

гой. Постепеннымъ помраченіемъ называемъ мы здѣсь отчасти тѣ возрастающія паузы, какими перемежаются новыя появленія одного и того же представленья, отчасти другую еще особенность, о которой поговоримъ послѣ.

Если все разнообразное множество представленій раздѣлить на простыя впечатлѣнія чувственнаго ощущенья и на многосложные образы, возникающіе изъ нихъ благодаря разнородному ихъ сочетанію, то нельзя было бы сказать, въ чемъ именно должна состоять разность въ силѣ первыхъ впечатлѣній, если мы не измѣнимъ незамѣтно представляемаго содержанія. Одинъ и тотъ же тонъ, одинаковой высоты и силы, производимый равно-звучнымъ инструментомъ, мы не можемъ представить себѣ ни болѣе, ни менѣе ясно; мы или представляемъ его себѣ, или нѣтъ, или наконецъ мы грѣшимъ противъ своего собственнаго предположенія, ставя представленіе сильнѣйшаго или слабѣйшаго тона, слѣдовательно уже другого, на мѣсто сильнѣйшаго или слабѣйшаго представленья одного и того же тона. Такъ точно и тожественный оттѣнокъ одного цвѣта не можемъ мы, при равной степени освѣщенія, представлять себѣ ни болѣе, ни менѣе ясно; но конечно, если намъ назовутъ его по имени, или какъ-нибудь обозначатъ словами, то въ попыткѣ припомнить себѣ такой оттѣнокъ мы можемъ нерѣшительно колебаться между разныхъ, близкихъ другъ къ другу цвѣтообразовъ, которые равно напрашиваются всѣ, и между которыми не извѣстенъ намъ навѣрно настоящій. Тогда мы ложно толкуемъ свое внутреннее состояніе въ такомъ смыслѣ, какъ будто бы у насъ и дѣйствительно было это представленіе, только не ясно; тогда какъ въ самомъ дѣлѣ у насъ вовсе его нѣтъ, и мы только выбираемъ его изъ цѣлой группы представленій, съ многочисленностью которыхъ растетъ наша неувѣренность, а стало-быть и кажущаяся неясность представленья. Многосложные образы еще менѣе исчезаютъ для

Digitized by Google

насъ путемъ непрерывнаго отраченья, при которомъ, освѣщаясь все слабѣе и слабѣе, угасали бы они наконецъ совсѣмъ; они становятся, напротивъ, неясны, разлагаясь какъ бы тлѣніемъ. Изъ видѣннаго нами предмета, въ воспоминаніи выпадаютъ у насъ кой-какія части, на которыя мы меньше обратили вниманія, и тогда опредѣленная связь, въ какой были онѣ вмѣстѣ съ другими, мало по малу совершенно забывается; при попыткѣ возобновить этотъ образъ въ памяти блуждаемъ мы безсовѣтно среди множества возможностей наполнить оказавшіеся пробѣлы или связать между собой тѣ черты, которыя предстаютъ намъ еще вполнѣ ясно. Такимъ образомъ и здѣсь возникаетъ мнимая неясность представленья, возрастающая въ прямомъ отношеніи къ простору, предоставленному нашей дополняющей фантазіи. Напротивъ, совершенно ясно всякое то представленіе, котораго части мыслимъ мы вполнѣ и притомъ съ рѣшительною опредѣленностью ихъ взаимныхъ отношеній; такого рода ясность не способна сама по себѣ ни увеличиваться, ни уменьшаться. Между тѣмъ намъ часто сдается, какъ будто и давно вполнѣ представляемое содержаніе можетъ еще возрасти въ степени своей представимости, на дѣлѣ же оно въ подобныхъ случаяхъ только умножается новыми придатками. Какъ отъ замѣчаемыхъ въ немъ пробѣловъ, умаляющихъ подлинный его составъ, становится оно неяснымъ, такъ наоборотъ оно какъ будто возрастаетъ въ ясности, коль скоро, сверхъ собственнаго его состава, въ сознаніе входятъ еще разнообразныя отношенія, связывающія его во всѣ стороны съ другимъ сподручнымъ содержаньемъ. Нѣтъ возможности представить себѣ лучше или хуже треугольникъ или кругъ: мы или имѣемъ вѣрный образъ ихъ, или его не имѣемъ; однакожь созерцаніе и того и другого какъ будто выигрываетъ въ ясности, когда геометрическое наше образованіе тотчасъ же припомнитъ намъ всю массу важныхъ соот-

Digitized by Google

ношеній, какими обѣ эти фигуры отличаются отъ всѣхъ другихъ. Вотъ именно ясность въ томъ совсѣмъ особомъ смыслѣ, въ какомъ мы и готовы были ее допустить: это мощь, прилагающаяся представленію не изъ собственной его силы, но изъ соотношеній его съ другими представленьями. Вотъ почему, словно менѣе яснымъ становится живое прежде представленіе въ сознаніи нашемъ тогда, когда по какой ни на есть причинѣ оно постепенно перестаетъ вызывать въ памяти всѣ другія, которыя соединялись съ нимъ въ первый моментъ величайшей его живости, или на соприсутствіи которыхъ именно основывалась эта живость. Такъ меркнетъ въ насъ мало по малу однажды возбужденное представленье, которое, то всплывая, то исчезая опять, при каждомъ новомъ появленіи выводитъ съ собою все менѣе и менѣе сопровождавшихъ его вначалѣ побочныхъ мыслей. Вотъ отчего и кажется намъ потомъ, когда мы оглянемся на какую нибудь прежнюю череду представленій, что иное отдѣльное впечатлѣнье какъ будто прошло чрезъ наше сознаніе не такъ ясно или не такъ знаменательно, какъ другія, тогда какъ въ самомъ дѣлѣ оно выступило съ одинаковою ясностью, но возбудило слишкомъ мало побочныхъ представленій, благодаря которымъ могло бы продержаться долѣе и повліять на самое направленье нашихъ мыслей.

Не воротились ли мы подъ конецъ къ прежде высказанному положенію, что настойчивость, съ какою многоразличныя представленія противоборствуютъ другъ другу, не зависитъ отъ опредѣленной степени той силы, которою каждое изъ нихъ могло бы первоначально обладать или которой могло бъ оно достигать, по какимъ ни на есть причинамъ, то болѣе, то менѣе въ любой данный моментъ? То, въ чемъ видѣли мы до сихъ поръ силу представленій, состоитъ не въ опредѣлимой степени знаемости ихъ, а въ фактически-измѣримой полнотѣ

Digitized by Google

ихъ необходимаго содержанья и въ измѣнчивомъ обилiи добавочныхъ элементовъ, привходящихъ къ составу этого содержанiя со стороны. Но, быть-можетъ, точнѣйшему изслѣдованiю удастся открыть что-нибудь еще, опущенное нами въ обзорѣ самыхъ фактовъ; только прежде чѣмъ перейдти къ такому изслѣдованью, должно обратить вниманiе на другой элементъ, на который при разсмотрѣнiи хода представленiй обыкновенно налегаютъ, — именно на противоположность отдѣльныхъ впечатлѣнiй между собой.

Въ ощущенiи, то-есть пока мы принимаемъ въ себя наличныя внѣшнiя впечатлѣнья, мы видимъ сознанiе доступнымъ величайшему разнообразiю. Безчисленныя точки цвѣта различаетъ глазъ нашъ однимъ взглядомъ, и тамъ, гдѣ разныя эти впечатлѣнiя повидимому мутятъ и перебиваютъ другъ друга, мы имѣемъ основанiя выводить этотъ результатъ не изъ взаимнодѣйствiя образовавшихся уже цвѣтопредставленiй, но изъ разстройствъ, испытываемыхъ другъ отъ друга тѣлесными возбужденьями въ самыхъ элементахъ чувственныхъ органовъ, прежде чѣмъ окончательное дѣйствiе ихъ на душу успѣетъ породить опредѣленное ощущенье. Всего менѣе можемъ мы допустить, чтобы въ какую бы то ни было прежнюю эпоху точки цвѣта для глаза или тоны для уха когда-либо представлялись безразличной смѣсью, изъ которой только возрастающая внимательность выдѣляла бы потомъ элементы эти порознь. Ибо не было бы у нея ни побудительной причины, ни правила для такого выдѣла, еслибъ впечатлѣнiе не представляло ей уже замѣтно разныхъ составныхъ частей, которыхъ порубежныя черты, конечно, могла она впослѣдствiи углублять и дѣлать явнѣе, но не могла бы провести тамъ, гдѣ не были онѣ предозначены ни малѣйшимъ намекомъ. Итакъ, очевидно, что сознанiе ни слишкомъ тѣсно для разнообразiя ощущенiй, ни заключаетъ въ себѣ какой-либо наклонности сли-

Digitized by Google

вать въ нѣчто среднее, однажды сложившіяся, многоразличныя представленья. Эта неоднократно указанная нами особенность, правда, внушаетъ недовѣріе къ мысли, что противоположность содержанія разныхъ представленій тѣмъ не менѣе должна служить мѣрою той живости, съ какою они силятся вытѣснить другъ друга изъ сознанья; но все же она не дѣлаетъ этого вліянія до такой степени невозможнымъ, чтобъ намъ не обратиться здѣсь напередъ къ суду опыта. Самонаблюденія наши въ этомъ случаѣ вообще не очень ясны; однакожь они повидимому отнюдь не подтверждаютъ вышепомянутаго предположенья. Всегда крайне трудно схватить два представленія, между которыми нѣтъ ни какой связи; но насколько это намъ удается, мы не находимъ, чтобы труднѣе было одновременно представлять себѣ бѣлое и черное, нежели красное и оранжевое, не находимъ, чтобъ попытка мыслить вмѣстѣ сладкое и кислое была для насъ тяжеле другой — соединить въ представленія двѣ схожія (хотя и различныя) между собою сласти. Намъ кажется, напротивъ, что крайнія противоположности, какихъ можемъ мы достичь въ содержаніи представленій, легче было бы вообразить вмѣстѣ, нежели такія разности, которыя расходятся между собой на опредѣленную мѣру: представленія свѣта и тьмы, великаго и малаго, положительнаго и отрицательнаго, и безчисленное множество имъ подобныхъ, находимъ мы до того неразрывными въ сознаніи, что одного нельзя мыслить безъ другаго, и если намъ невозможно постичь эти противоположности, какъ одновременные признаки одного и того же существа, то наоборотъ нѣтъ ни какой трудности распредѣлить ихъ на разные предметы, а этого вполнѣ достаточно здѣсь, гдѣ дѣло идетъ не о совмѣстности извѣстныхъ свойствъ въ той или другой вещи, но о соединимости ихъ представленій въ нашемъ сознаніи. Дѣйствительно, еслибъ представленія мѣшали одно другому по мѣ-

Digitized by Google

рѣ противоположностей въ своемъ содержаніи такимъ образомъ, что менѣе схожія отнимали бы другъ у друга болѣе ясности нежели сходнѣйшія, то отсюда проистекало бы то странное слѣдствіе, что и сравнительному нашему наблюденію надлежало бы мелкія разности схватывать яснѣе чѣмъ большія. Но вся выработка нашихъ мыслей основана, напротивъ, на томъ, что сознаніе остается вполнѣ безпредубѣжденнымъ къ содержанію, и что для безпристрастнаго постиженья соотношеній между даннымъ многоразличіемъ предметовъ, оно во всѣхъ отправленіяхъ своихъ не задерживается да и не поощряется этими соотношеньями. Правда, нельзя не допустить, что различныя отношенія представленій по ихъ содержанію возбуждаютъ въ насъ извѣстныя чувства, опредѣляющія мѣру той внимательности, какую обращаемъ мы на одно больше, на другое меньше; но помимо этихъ дѣйствій, служащихъ другимъ цѣляхъ духовной жизни, мы кажется въ правѣ положительно утверждать, что для взаимнаго помраченія или вытѣсненія представленій однихъ другими, степень противоположности ихъ содержаній не имѣетъ ни какого значенія. Можно быть недовольну этимъ выводомъ потому, что, пожалуй, сочтешь его въ противорѣчіи съ тѣмъ вообще-необходимымъ началомъ, по которому противоположныя состоянія одного и того же существа упраздняютъ другъ друга безотмѣнно. Но каково бы ни было значеніе этого начала, вышеприведенные опыты научаютъ насъ именно тому, что дѣятельности, посредствомъ которыхъ мы представляемъ себѣ противоположныя содержанія, или не противоположны между собою, или противоположны не въ томъ смыслѣ, въ какомъ и существующая, пожалуй, противоположность ихъ должна была бы породить воздѣйствіе. И здѣсь узнаемъ мы только то, какъ совершенно иначе все происходитъ въ духѣ, сравнительно съ внѣшнею природою, и на какой ложный путь ведетъ насъ торопливое приложеніе къ нему

Digitized by Google

познаній, имѣющихъ неоспоримую силу въ естествовѣдѣніи, потому что тамъ въ точности извѣстны факты, къ которымъ слѣдуетъ ихъ прилагать, тогда какъ въ области духовной жизни, всеобщее можетъ-быть и здѣсь, значеніе ихъ остается для насъ покамѣстъ безполезнымъ, такъ какъ мы имѣемъ передъ собой не первоначальныя событія, не основные факты, къ которымъ надлежало бы ихъ относить, но одни только разнообразно-опосредствованные результаты этихъ (скрытыхъ отъ насъ) фактовъ.

Ни на одинъ изъ вопросовъ нашихъ не добились мы до сихъ поръ отвѣта. Ни какого достаточнаго основанія не отыскали мы для той необходимости, чтобы сознаніе вообще совмѣщало въ себѣ только ограниченное число представленій. А когда мы предположили ее какъ данный фактъ, то повидимому ни въ понятіи различной силы представленій, ни въ понятіи противоположнаго ихъ содержанія, не нашлось объясненія для величины того упорства, съ какимъ каждое изъ нихъ стремится отстоять себя и обусловливаетъ въ свою очередь направленіе хода мыслей. Еще разъ надлежитъ намъ попытать, въ умаленной теперь сферѣ возможныхъ здѣсь догадокъ отыскать пригодную.

Той тѣсноты сознанія, которая была первымъ предметомъ нашихъ вопросовъ, для дѣйствительнаго ощущенія внѣшнихъ впечатлѣній въ сущности вѣдь вовсе и нѣтъ. Всѣ чувства наши могутъ быть дѣятельны въ одно и то же время и принимать безконечное разнообразіе отдѣльныхъ раздраженій, изъ которыхъ каждое, пока какія-нибудь тѣлесныя междудѣйствія * не помѣшаютъ проведенію его къ душѣ, подмѣчается особымъ сознаннымъ представленьемъ. Сколько бы ни утверждали, что

---

* Смуты или разстройства въ органахъ чувствъ и нервахъ.

Digitized by Google

изъ такой бездны впечатлѣній бо́льшая часть схватывается лишь темно и неявственно: возможность припоминать себѣ потомъ не только ихъ самихъ, но и относительную ихъ неясность, все же доказываетъ намъ, что они таки-дѣйствительно были въ сознаніи, и что ни преобладающимъ чувственнымъ возбужденьемъ, ни бо́льшею важностью своего значенія не смогли они вытѣснить другія и поставить себя главными руководителями хода мыслей. Повидимому, совсѣмъ иначе бываетъ тогда, когда, не вынуждаемые наличными чувственными раздраженьями, мы стараемся повторить въ воспоминаніи какое-нибудь отсутствующее или прошлое многоразличіе впечатлѣній. Почти только одна вслѣдъ за другой возвращаются тутъ части видѣннаго и слышаннаго, хотя въ дѣйствительномъ ощущеньи являлись онѣ зара́зъ; и мысли, возникающія не столь непосредственнымъ снимкомъ чувственныхъ впечатлѣній, всегда образуютъ въ насъ только узкую и тонкую струю, которая хотя часто и круто перескакиваетъ отъ одного представленія къ другому, и въ коротких излучинахъ пробѣгаетъ много разныхъ предметовъ, но повидимому совсѣмъ уже утратила способность обнимать, подобно взору глаза, несмѣтное множество за одинъ разъ. Такимъ образомъ гнетъ, производимый на насъ напоромъ внѣшнихъ раздраженій, какъ будто одинъ лишь расширяетъ сознаніе, тогда какъ предоставленное самому себѣ въ воспоминаніи, оно съуживается до того, что можетъ постигать многое уже не зара́зъ, а только порознь одно за другимъ. Однако мы зашли бы слишкомъ далеко, еслибъ вздумали утверждать послѣднее во всей строгости. Ибо хотя и очень трудно было бы рѣшить путемъ непосредственнаго опыта, могутъ ли многія представленія существовать въ сознаніи одновременно, и не обманываетъ ли насъ этимъ призракомъ только быстрота ихъ смѣны; однако насъ все-таки вынуждаетъ допустить возможность ихъ совмѣстнаго существованія тотъ несомнѣнный фактъ, что

Digitized by Google

мы вообще способны дѣлать всякія сравненія. Вѣдь кто сравниваетъ, тотъ не только переходитъ отъ представленія одного изъ сравниваемыхъ членовъ къ представленію другаго: для того, чтобъ произвесть сравненіе, онъ неизбѣжно долженъеще связать ихъ въ одномъ нераздѣльномъ сознаніи, вмѣстѣ съ формою своего перехода отъ одного къ другому. Когда мы захотимъ передать какое-нибудь сравненіе, то вынуждены природой языка ставить другъ за другомъ названія обоихъ сравниваемыхъ членовъ и обозначеніе соотношенья между ними, а это конечно вводитъ насъ въ заблужденіе, будто и въ передаваемомъ нами представленьи существуетъ такая же преемственность; но тутъ разсчитываемъ мы однакожь на то, что въ сознаніи сторонняго лица показаніе наше родитъ не три раздѣльныя представленья, а одно — о взаимномъ соотношеніи между двумя другими. Наконецъ, хотя, привыкнувъ къ извѣстному словоупотребленью, мы и сокровенный ходъ мыслей своихъ невольно перелагаемъ въ форму внутренней рѣчи, однакожь очевидно и здѣсь, порядокъ, въ какомъ отдѣльныя слова послѣдовательно вяжутся у насъ въ представленіи, есть только снимокъ сътѣхъ отношеній, которыя мы представляли себѣ прежде между ихъ содержаньями; и эта навычка къ внутреннему говору собственно замедляетъ ходъ нашихъ мыслей, разлагая первоначально-одновременное въ преемственную череду.

Если такіе факты соотносительнаго знанія ручаются намъ за одновременность многихъ представленій, то повидимому они обнаруживаютъ передъ нами и условія ея существованія. Только для безсвязнаго множества нѣтъ мѣста въ нашемъ сознаньи; но оно вовсе не тѣсно для такого разнообразія, котораго члены мыслимъ мы раздѣльными, пріуроченными и связными, въ силу ихъ взаимныхъ соотношеній. Намъ не удается представить себѣ два впечатлѣнья вдругъ, безъ всякаго отношенія между ними; сознанію нужно видѣть путь, которымъ предле-

Digitized by Google

жить имъ дойдти отъ одного къ другому, и сокращеніемъ этого пути оно легче охватываетъ значительное даже множество, нежели и немногое безъ такой опоры. Поэтому сообразительность его способна къ возрастающей выработкѣ. Многосложные чувственные образы воспоминаніе повторяетъ тѣмъ легче, чѣмъ болѣе мы привыкли уже въ ощущеніи не отдаваться страдательно первому впечатлѣнью, а слѣдить взаимныя соотношенія его частей. Одновременные тоны музыки каждымъ и ощущаются одновременно, но съ трудомъ припоминаются такимъ лицомъ, для кого они были только безсвязнымъ множествомъ; музыкально-образованное ухо съ самаго начала схватываетъ въ нихъ обильное соотношеньями цѣлое, котораго весь внутренній строй уже подготовленъ предшествующимъ ходомъ мелодіи (главной темы). Каждый пространственный образъ держится крѣпче въ нашей памяти, если мы въ силахъ разложить наглядное его впечатлѣніе въ послѣдовательное описанье. Когда объ одной части какого-нибудь зданія мы говоримъ, что она покоится на другой, поддерживаетъ собою третью и наклонена подъ такимъ-то угломъ къ четвертой, мы сначала размножаемъ сумму представленій, которыя слѣдуетъ запомнить; но этимъ словеснымъ выраженіемъ дѣла въ предложеніяхъ, спокойная сперва сопостановка разныхъ частей превращается уже незамѣтно въ рядъ взаимнодѣйствій, которыя какъ будто происходятъ между ними и связываютъ ихъ гораздо яснѣе, чѣмъ сплошная, нераздѣльная наглядность перваго впечатлѣнія. Чѣмъ богаче становится умственное образованіе, чѣмъ тоньше умѣетъ оно разыскать объединяющія соотношенья отдаленныхъ между собою мыслей, тѣмъ болѣе ростетъ широта сознанія и для самыхъ представленій, которыхъ содержаніе связывается уже не формами пространства и времени, но соотношеніями внутренней зависимости.

Digitized by Google

Если въ ощущеніи, подъ гнетомъ внѣшнихъ раздраженій, настойчиво требующихъ себѣ уваги, сознаніе являлось доступнымъ безконечному множеству страдательныхъ состояній, то напротивъ это вспоминающее вѣдѣнье представляется скорѣе соотносительною дѣятельностью, порождаемою самимъ духомъ. Пока мы смотрѣли на сознаніе какъ на пространство, гдѣ представленія самосильно возникаютъ и исчезаютъ, намъ недоставало причины для тѣсной его ограниченности, и множество одновременныхъ состояній могло еще не казаться намъ чѣмъ-то несбыточнымъ; напротивъ, теперь мы считаемъ естественнѣе предполагать, что единство души исключаетъ одновременное множество безсвязныхъ дѣйствій, и что она охватываетъ лишь то, что̀ можетъ обнять единствомъ одного нераздѣльнаго дѣйствія. Если такимъ образомъ этотъ взглядъ, приписывающій представительной способности, какъ подвижному внутреннему смыслу, выясненіе впечатлѣній, скорѣе приводитъ къ тѣснотѣ сознанія, причинъ которой мы доискивались до сихъ поръ, то все же онъ далекъ отъ того, чтобы дать доказательство ея необходимости. Но еще менѣе заключаетъ онъ въ себѣ указаній на законы, по которымъ блуждающій свѣтъ сообразительности или смѣтки избираетъ направленіе своего пути. Не зря же, въ сплошную пустоту можно пускаться ему въ своихъ поискахъ; но если онъ повидимому дѣятельно схватываетъ предметы, то дѣятельность его можетъ состоять только въ разборчивости, съ какою изъ множества напрашивающихся къ нему впечатлѣній онъ принимаетъ одни, и оставляетъ въ сторонѣ другія.

Мы намекаемъ этимъ на знакомые всѣмъ факты. Что новорожденное впечатлѣнье воскрешаетъ забытое представленіе подобнаго же прежняго впечатлѣнья, или воспроизводитъ его въ сознаніи, это простѣйшій изъ всеобщихъ законовъ, управляющихъ ходомъ воспоминанія. Но обновленіе тогда лишь имѣетъ

Digitized by Google

цѣну для внутренней жизни нашей, если оно не только возстановляетъ забытое, но вмѣстѣ и будитъ сознаніе его тожественности съ новымъ впечатлѣньемъ. Новое не должно поэтому вполнѣ совпадать со старымъ, но оба должны быть признаны за два разныхъ случая одного и того же представленья; а это возможно лишь тогда, когда оба различимы другъ отъ друга присущими имъ побочными чертами. Выгода непосредственнаго воспроизведенія основана поэтому на возможности для вызваннаго вновь содержанья вводить съ собой въ сознаніе и другія содержанія, съ которыми было оно прежде сопряжено, хотя бы послѣднія заключались не болѣе какъ въ одномъ лишь темномъ чувствѣ того общаго настроенія души, въ какомъ ощущено было прежнее впечатлѣнье, и которое было бы различно отъ настроенія, сопровождающаго его вновь. Эту липкость впечатлѣній одного къ другому называютъ обыкновенно мыслесочетаньемъ, которое мы должны считать продолжающимся и въ безсознательномъ ихъ состояніи, чтобы постичь общее появленіе ихъ въ моментъ воспроизведенья. Напрасно было бы всякое усиліе пріобрѣсть какое-нибудь наглядное представленіе о родѣ и способѣ этой связи; замѣтная только въ своемъ результатѣ, сама по себѣ недоступна она ни какому наблюденію и не имѣетъ себѣ подобія или аналогіи ни въ одномъ изъ естественныхъ явленій. Итакъ, не спрашивая болѣе, какимъ способомъ осуществляется благонадежность этого сочетанія представленій, мы можемъ стараться только обозначить условія, при какихъ наступаетъ оно впрочемъ непостижимымъ для насъ образомъ.

Всѣ сочетанія представленій можно подвести подъ ту общую точку зрѣнья, что совокупность своихъ временныхъ состояній душа соединяетъ не химически въ единообразное среднесложное состоянье, но механически, какъ части связнаго цѣлаго, и что такимъ же образомъ временно-текущую череду своихъ перемѣнъ

Digitized by Google

она смыкаетъ въ мелодію, въ которой всего крѣпче держатся другъ за друга члены, соприкасающіеся непосредственно, безъ всякаго вмѣшательства какихъ либо другихъ. Каждое воспроизведеніе основано поэтому на томъ, что воспроизведенное не одно можетъ всплыть на поверхность сознанія, но стремится вытянуть съ собою и все цѣлое, котораго оно было нѣкогда частью, изъ цѣлаго же — напередъ ту отдѣльную часть, съ которою оно всего тѣснѣе было связано. Къ этому общеприкладному выраженію можно свести всѣ частные случаи, которые здѣсь обыкновенно различаютъ. Оно вопервыхъ объемлетъ не только тѣ сочетанія представленій, на которыя навело насъ всего ближе наше изслѣдованье, но заключаетъ въ себѣ и тѣ, которыя точно такимъ же образомъ наступаютъ между чувствованіями и между стремленьями порознь, или между представленьями и чувствованьями, между чувствованьями и стремленьями въ связи, и которыхъ опредѣляющаго содѣйствія не должно упускать изъ виду при начертаніи полной картины даже и самаго хода представленій. Далѣе, въ этомъ общемъ выраженіи содержится и такого рода мыслесочетанье, благодаря которому образы отдѣльныхъ пространственныхъ частей облика вызываются одинъ другимъ и вызываютъ цѣлое. Ибо каждый пространственный обликъ или даетъ намъ обозрѣть всѣ части свои вдругъ, или мы сознаемъ ихъ преемственно цѣлымъ рядомъ воспроизводительныхъ движеній нашего, слѣдящаго за ними, взгляда. Каждое иное, болѣе внутреннее, соотношеніе, которымъ мы когда-либо связывали что-нибудь разнообразное въ цѣлость единой мысли, такъ же точно будетъ для насъ постижимо только въ одновременномъ представленіи или въ непрерывномъ ходѣ извѣстной послѣдовательной его череды. Наконецъ, если часто одно впечатлѣніе припоминаетъ намъ другое подобное, съ которымъ оно однакожь никогда одновременно не ощущалось, то и этотъ весьма обыкновенный про-

Digitized by Google

цессъ не требуетъ ни какого особеннаго объясненія. Онъ отчасти основанъ на оживленіи тожественнаго тожественнымъ: прежнее представленіе о томъ, что̀ обще обоимъ впечатлѣньямъ, стремится вступить снова въ сознаніе, и путемъ косвеннаго воспроизведенья ведетъ за собой и тѣ особыя черты, изъза которыхъ старое теперь только сходно съ новымъ, а ужь не тожественно. Простыя представленія, которыхъ сходство заключается въ столь же простомъ, невыразимомъ сходствѣ ихъ содержанія, вызываютъ другъ друга съ меньшею живостью: одинъ какой-нибудь цвѣтъ мало напоминаетъ другіе цвѣта, одинъ тонъ едва ли напомнитъ разнообразіе цѣлой скàлы; гораздо сильнѣе воспроизводятъ оба то цѣлое, котораго они прежде бы̀ли частями: цвѣтъ больше напоминаетъ обликъ растенія, которое онъ завершалъ собою въ видѣ цвѣтка, тоны — ту мелодію, которая ими начиналась. Слово, какъ послѣдовательная череда тоновъ, правда, напоминаетъ подобнозвучныя слова, и въ такомъ случаѣ мы пожалуй готовы перемѣшать ихъ; но еще живѣе напоминаетъ оно образъ вещи, съ которымъ сочеталось въ одно цѣлое. Въ многосложныхъ представленіяхъ обыкновенно форма связи разнообразнаго содержанія преобладаетъ въ нашемъ воспоминаніи надъ впечатлѣньемъ, производимымъ непосредственною особенностью частей: одну и ту же форму буквъ распознаетъ уже и дѣтскій глазъ, не останавливаясь передъ разницею ихъ цвѣта. Поэтому всего живѣе напоминаютъ другъ друга такіе образы, которыхъ можетъ-быть и крайне различныя составныя части все-таки распредѣлялись въ однородномъ порядкѣ, по одному и тому же плану взаимнаго сочетанія. Направленіе принимаемое ходомъ духовнаго образованья, постепенно даетъ перевѣсъ одному изъ этихъ способовъ воспроизведенія надъ другими: чѣмъ чаще вниманіе наше было обращено на тожественныя и сходныя формы связи разнообразнаго содержанья, тѣмъ легче подмѣчаетъ оно разности,

Digitized by Google

встрѣчающіяся и тутъ, и тѣмъ лучше запоминаетъ общія подобія; оно привыкаетъ схватывать также и внутреннія, ненаглядныя соотношенья, и для воспоминанія его то, что въ силу понятія подходитъ подъ общія точки зрѣнья, становится въ ближайшее сродство нежели то, что̀, будучи чуждо другъ другу по своей сущности, столкнулось въ сознаніи только благодаря одновременному ощущенью. Нерѣдко острота памяти начинаетъ измѣнять вразсужденіи преемственнаго порядка житейскихъ случайностей, тогда какъ вразсужденіи общихъ соотношеній между природами вещей вѣрность ея видимо возрастаетъ. Но довольно намекнуть на эти подробности, потому что невозможно исчерпать здѣсь вполнѣ ихъ богатое разнообразіе.

Итакъ, благодаря механизму сочетаній, открыто ходу мыслей множество возможныхъ путей, которые всѣ для него доступны и между которыми предстоитъ ему выборъ. И какъ каждое изъ наличныхъ представленій стремится вызвать всѣ прочія, съ которыми оно когда-нибудь сопрягалось въ теченіе цѣлой жизни, либо съ тѣмъ, либо съ другимъ; то рѣшенье, что̀ именно изъ всего этого огромнаго запаса должно̀ въ данный моментъ воротиться въ сознаніе, конечно будетъ зависѣть отъ стеченія разнообразнѣйшихъ условій. Чѣмъ болѣе число подобныхъ чертъ, раздѣляемое какимъ-либо изъ забытыхъ представаній съ господствующимъ въ данную минуту, тѣмъ легче можетъ оно быть вызвано послѣднимъ, ибо тѣмъ многочисленнѣе нити связи, соединяющей ихъ между собой. Но дѣятельное сродство между обоими будетъ состоять не въ одномъ только подобіи ихъ содержаній; и помимо этого согласія представленіе можетъ многоразличнымъ косвеннымъ образомъ примыкать болѣе или менѣе тѣсно къ смыслу текущей вереницы помысловъ, съ которою прежнія соображенія связали его какъ существенную точку взаимныхъ соотношеній, какъ составную

Digitized by Google

часть, какъ примѣръ, какъ сопровождающее явленіе. Даже и простое, безформное настроеніе души придаетъ двумъ группамъ представленій, на которыя бросило оно одинаковый оттѣнокъ, видъ ближайшаго сродства, при всей разности ихъ содержанія, нежели сродство, обнаруживаемое между собой другими группами, болѣе сходными по своему типу. Итакъ, на мѣсто постоянной противоположности между разныхъ представленій, которая давала бы мѣру живости взаимнаго ихъ вытѣсненія и воспроизведенья, мы должны поставить для каждаго момента новоопредѣленную величину ихъ сродства, измѣняющуюся подобно контрасту двухъ красокъ, смотря по грунту, на который онѣ наносятся. Равно измѣнчиво и другое условіе для направленія хода мыслей, — величина интереса, подобающая каждому представленію и образующая ту силу, съ какою оно стремится оказать себя въ сознаніи. Ни одинъ позднѣйшій моментъ не принесетъ съ собой опять ту же совокупность представленій, чувствованій и стремленій и то же тѣлесное настроеніе, въ связи съ которыми приложилась извѣстному впечатлѣнью та или другая мѣра интереса. Итакъ, не этой прошлой своей цѣнностью дѣйствуетъ оно на направленіе дальнѣйшаго хода мыслей, но тою новоопредѣленной степенью, какую удалось ему пріобрѣсть послѣ того, какъ, обладая еще прежнею, оно вступило въ эту новую борьбу съ совсѣмъ новою обстановкой.

Развитіе вереницы представленій слагается среди этихъ условій въ то переходное и измѣнчивое зрѣлище, которое такъ знакомо намъ въ насъ самихъ, и котораго кажущаяся безрядность приводитъ насъ часто въ изумленіе, потому что мы никогда не въ силахъ обозрѣть его основаній. Полная и достаточная причина строя каждаго ближайшаго момента лежитъ только въ совокупномъ состояніи нашей души въ текущій моментъ; но самонаблюденіе наше всегда обнаруживаетъ намъ

Digitized by Google

немногіе лишь отрывки этого настоящаго; правда, мы сознаемъ послѣдовательность нашихъ предыдущихъ представленій, но никогда не въ состояніи разложить по частямъ особенность нашего тѣлеснаго-настроенья, расположенія нашей души, нашихъ стремленій, разложить наконецъ тотъ видъ или фазисъ взаимныхъ соотношеній, въ которыя переплелись здѣсь всѣ эти элементы между собой. А между тѣмъ только отъ совокупности всѣхъ этихъ условій вмѣстѣ зависитъ даже и малѣйшая, ничтожнѣйшая черта хода нашихъ представленій; вѣдь не въ пустомъ же сплошь сознаніи совершается онъ вообще, а напротивъ въ полнотѣ живой души, которая дѣятельна въ то же время и по всѣмъ другимъ направленіямъ, и опять-таки не можетъ быть дѣятельна въ нихъ безъ того, чтобъ, благодаря единству своего существа, не ощущать этой разнородной дѣятельности и въ самомъ своемъ представленьи.

Digitized by Google

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Формы соотносительнаго знанія.

Отношенія между отдѣльными представленьями, какъ предметами новыхъ представленій.—Смѣна знанія и знаніе смѣны.—Врожденныя идеи.—Пространственно-временное міровоззрѣніе чувственности.—Разсудочное міровоззрѣніе смысла.—Понятіе, сужденіе, умозаключенье.—Объединительное стремленіе разума.

Описаніе наше соотвѣтствуетъ, пожалуй, многосложнымъ формамъ высшаго тока мысли, съ которыми, заглянувъ въ самихъ себя, встрѣчаемся мы обыкновенно прежде всего; но оно можетъ показаться совсѣмъ неудовлетворительнымъ по отношенію къ нѣкоторымъ изъ самыхъ обиходныхъ процессовъ, служащихъ между тѣмъ основою возможности и для многообразнѣйшаго развитія духовной жизни. Повтореніе извѣстнаго числа впечатлѣній въ томъ послѣдовательномъ порядкѣ, въ какомъ были они первоначально ощущены: выучку наизустъ какихъ-нибудь стиховъ, запоминаніе извѣстной мелодіи, — всѣ эти обыкновеннѣйшія дѣйствія памяти желалось бы намъ подвести подъ какія либо болѣе простыя точки зрѣнья. Тутъ покажется гораздо болѣе естественнымъ воротиться къ покинутому нами понятію объ измѣнчивой силѣ представленій и допустить, что каждое первое впечатлѣнье извѣстнаго ряда чувственныхъ ощущеній, подъ гнетомъ того отпора, какой испытываетъ оно тотчасъ же отъ наличной тѣсноты

Digitized by Google

переполненнаго сознанья, теряетъ часть своей силы прежде чѣмъ успѣетъ ощутиться второе впечатлѣніе. Тогда уже собственно не съ первымъ, но лишь съ опредѣленнымъ остаткомъ его ясности, можетъ сочетаться второе, и сочетанье это, тѣснимое точно такъ же всѣмъ прочимъ содержаніемъ (болѣе или менѣе наполненнаго) сознанья, опять-таки ослабѣетъ въ силѣ, коль скоро привзойдетъ къ нему еще третье впечатлѣніе. Такъ каждый дальнѣйшій элементъ ряда примыкаетъ къ предшествующей ему группѣ, въ которой каждое предыдущее звено дѣйствуетъ съ тѣмъ болѣе слабымъ остаткомъ ясности, чѣмъ ближе оно лежитъ къ началу всей этой цѣпи. Оживленіе забытаго ряда въ сознаніи происходитъ по тѣмъ же постепенностямъ. Обновленное начальное звено не мигомъ и не съ разу возбуждаетъ всѣ прочія; когда само оно ослабнетъ опять до того остатка ясности, съ какимъ въ первичномъ ощущеніи встрѣтило прившедшее къ нему второе звено ряда, только тогда вызоветъ оно опять въ воспоминаніи и это послѣднее; ибо только такимъ образомъ сочетались они впервые, а на этомъ первоначальномъ сочетаніи основано всякое ихъ обновленье. Далѣе, только тогда всплыветъ на поверхность третье звено ряда, когда соотвѣтственное помраченіе или ослабленье пригнететъ второе, и наконецъ каждое дальнѣйшее звено будетъ возвращаться такимъ же образомъ въ первоначальномъ порядкѣ общей цѣпи, какъ скоро, вслѣдствіе неизбѣжныхъ пригнетеній, предшествующее ему понизится до того остатка ясности, при какомъ оно дѣйствительно сочеталось впервые съ ближайшимъ къ нему сосѣдомъ. Такъ, повидимому, постепенно измѣняющеюся силой представленія всего проще объясняется одинъ изъ важнѣйшихъ процессовъ представительной жизни духа. Да наконецъ, не всегда ли въ сущности такъ именно и дѣйствуетъ представленье? Для возможности понять смыслъ самопростѣйшей рѣчи, не необходимо ли, чтобы сознаніе удерживало

Digitized by Google

воспоминанье каждаго предыдущаго слова рядомъ съ впечатлѣніемъ послѣдующаго,—и притомъ удерживало не вообще какънибудь, но сообразно тому послѣдовательному порядку, на которомъ основано значенье сказаннаго? И какъ же бы могло это дѣлаться, если не такъ, что предыдущее представленье, не измѣняя впрочемъ своего содержанія, отличалось бы отъ послѣдующаго только убылью своей силы?

Но подъ постепенностями силы, на которыя опирается этотъ способъ объясненія, не можетъ же самъ онъ разумѣть опредѣленной величины ясности предшествующаго представленья. Вѣдь, если впервые ощущенный рядъ чувственныхъ впечатлѣній вызывается опять новымъ впечатлѣньемъ, совершенно равнымъ въ силѣ прежнему ощущенію начальнаго его звена, то мы не видимъ однакожь, чтобъ которое-либо изъ позднѣйшихъ звеньевъ возвращалось въ воспоминаніи съ тою же живостью дѣйствительнаго ощущенья, съ какою привзошло оно первоначально къ остатку своего ближайшаго предшественника; новое ощущеніе начальнаго звена воспроизводитъ весь дальнѣйшій рядъ звеньевъ, ужь не какъ дѣйствительное ощущеніе, но лишь какъ образъ его представленья. Наоборотъ, еслибъ пробуждающій элементъ самъ не былъ новымъ живымъ ощущеньемъ, а только образомъ воспоминанія прежняго, то послѣднему, для воспроизведенія цѣлаго ряда, надлежало бы выступить по крайней мѣрѣ съ такою же силой, съ какою въ начальномъ ощущеніи первый остатокъ его ясности связалъ съ собой ощущеніе второго элемента: будь сила его слабѣе, тогда онъ былъ бы уже не тѣмъ, съ чѣмъ сочетался этотъ рядъ, какъ съ начальнымъ своимъ членомъ. Но еслибъ мы вздумали предположить, что воспоминаніе связано не съ тѣми же неизмѣнными величинами силы, но только съ соотвѣтственными степенями ясности, что стало-быть весь процессъ ощущенья можетъ повторяться воспоминаніемъ въ какомъ бы то

Digitized by Google

ни было умаленномъ, только пропорціональномъ, размѣрѣ всѣхъ внутреннихъ соотношеній ряда; то на это пришлось бы возразить, что, въ первоначальномъ ощущеніи, съ каждою меньшей долей ясности извѣстнаго члена сочетавалось уже и другое представленье, а не то, которое должно соединиться съ нимъ теперь, при повтореніи его воспоминаньемъ. Быть можетъ, понятіе объ измѣнчивой силѣ представленій допускаетъ и другое толкованіе, которое могло бы избѣжать подобныхъ трудностей; но намъ думается, что здѣсь напрасно хотятъ механически объяснить и построить такое явленіе, которое мы имѣемъ достаточную причину просто принимать за непосредственное выраженье фактическихъ соотношеній. Вѣдь надо же наконецъ признаться, что процессъ сочетанія представленій вообще остается для насъ совершенно необъяснимымъ, и законы, по которымъ оно совершается, можемъ мы развить не изъ понятія его, а только изъ указаній опыта. Итакъ, удовольствуемся же тѣмъ, что связь установляется вообще только между двумя слѣдующими другъ за другомъ ощущеньями, которыя не перемежаются ни чѣмъ постороннимъ; тогда стройное воспоминаніе извѣстной череды впечатлѣній не потребуетъ ни какого особеннаго объясненія, такъ какъ къ каждому изъ послѣдующихъ членовъ путь представленія необходимо будетъ пролегать черезъ всѣ средніе. Намъ осталось бы отвѣчать на одинъ только вопросъ: почему при такихъ условіяхъ воспоминаніе вообще проходитъ послѣдовательно по всѣмъ членамъ извѣстнаго ряда, а не озираетъ ихъ всѣ въ одинъ нераздѣльный моментъ, какъ любой пространственный образъ, въ которомъ каждая точка вполнѣ одинаково занимаетъ свое мѣсто между двумя, къ ней ближайшими. Еслибъ каждое впечатлѣніе, какъ казалось вышеприведенному взгляду, должно было временно ослабѣвать, чтобы потомъ сдѣлаться опять такимъ, съ какимъ было связано послѣдующее, то отсюда сама собою

Digitized by Google

вытекала бы необходимость, извѣстнаго временнаго продленія и для самаго воспоминанья; но мы, съ своей стороны, будемъ вынуждены искать основанія и значенія такой длительности не въ этомъ, а кое въ чемъ иномъ.

Вступить на этотъ иной путь побуждаетъ насъ и прежняя ссылка наша на тотъ фактъ, что мы понимаемъ смыслъ любой рѣчи не иначе, какъ удерживая въ сознаніи предыдущія впечатлѣнья рядомъ съ послѣдующими. Даже и для выясненія этого процесса отвергнутый нами способъ пригоденъ только повидимому; въ самомъ же дѣлѣ онъ оставляетъ въ сторонѣ такую черту, которая должна казаться намъ важнѣйшею. Вѣдь для уразумѣнія какого-либо предложенья недостаточно одного того, чтобы образы словъ и ихъ содержаній располагались въ нашей душѣ, по степенямъ своей ясности, извѣстною чередой, въ томъ же почти порядкѣ, какъ они прежде возбуждались въ насъ внѣшними впечатлѣньями. Конечно, такимъ образомъ они походили бы на войско въ боевомъ строю, но тутъ недоставало бы взгляда военачальника, подмѣчающаго ихъ порядокъ. Не говоря о томъ, какъ часто расположеніе словъ мало соотвѣтствуетъ естественному развитію передаваемаго ими смысла, допустимъ, напротивъ, что передаваемый смыслъ цѣлаго вполнѣ опредѣляется послѣдовательностью отдѣльныхъ представленій; но все же этотъ смыслъ существуетъ не для воздуха, въ которомъ звуковыя волны выговариваемыхъ словъ слѣдуютъ одна за другой въ томъ же самомъ порядкѣ, каждая соприкасаясь со всѣми позднѣйшими въ постепенно слабѣющихъ колебаньяхъ; онъ существуетъ не для уха, въ нервахъ котораго разноформныя возбужденія, соотвѣтствующія звуковымъ волнамъ, опять-таки слѣдуютъ въ томъ же порядкѣ, и каждое предшествующее возбужденіе опять соединяется со всѣми дальнѣйшими рядами постепенно убывающихъ воздѣйствій; далѣе, онъ не существуетъ и для души, такъ какъ

Digitized by Google

ощущенія слышимыхъ тоновъ и вызываемые ими образы ихъ значенія только вѣдь слѣдуютъ въ ней другъ за другомъ, единственно лишь фактически смыкаясь въ опредѣленную череду при посредствѣ своихъ постепенно измѣняющихся соотношеній. Мало того, чтобъ порядокъ этотъ былъ тутъ на лицо, ощутимый для кого-либо, приступающаго къ нему съ должной наблюдательностью; всякое пониманіе его основано на томъ, что именно сама душа, въ силу того соотносительнаго вѣдѣнія, котораго особенную важность мы имѣли уже случай оцѣнить, сознаетъ не только отдѣльныя представленія порознь, но и ихъ послѣдовательныя между собою соотношенья. Когда мы смотримъ на душу только какъ на поприще, гдѣ отдѣльныя представленья совершаютъ себѣ свои взаимнодѣйствія, подобно самобытнымъ мелкимъ существамъ, то, конечно, еслибъ намъ удалось открыть законы этихъ взаимнодѣйствій, мы могли бы въ точности опредѣлить, какой видъ послѣдовательныя перемѣны ихъ должны представлять стороннему наблюдателю, который имѣлъ бы то преимущество передъ наблюдаемой душой, что не принималъ бы видимость только такъ, какъ отражается она, напримѣръ, въ зеркалѣ; но, соображая, сравнивая и связывая ее своимъ сознательнымъ ощущеніемъ, могъ бы углубляться въ соотношенія отдѣльныхъ впечатлѣній. Напротивъ, наблюдаемая душа выходила бы при этомъ ни чѣмъ не лучше музыкальнаго инструмента, переживающаго въ себѣ одновременно и въ извѣстной послѣдовательности сотрясенія различныхъ тоновъ: изъ него звучитъ мелодія, не не существуетъ для него самого; она раздается только въ душѣ слушателя, въ которой тотъ же порядокъ впечатлѣній, не только повторяется, но и сознается во всемъ разнообразіи внутреннихъ его соотношеній. Мало разницы въ томъ, что сотрясенья инструмента суть лишь безсознательныя физическія состоянія, а каждое впечатлѣніе въ

Digitized by Google

душѣ есть, напротивъ, сознательное представленье; потому что и череда сознательныхъ представленій сама по себѣ всегда будетъ только смѣной знанія, не болѣе; знаніе же этой смѣны породитъ она въ такомъ лишь наблюдателѣ, который способенъ не только подлежать послѣдовательному ряду разныхъ состояній, но вмѣстѣ сообразить и обсудить вторичнымъ и высшимъ сознаніемъ всѣ перемѣны своей непосредственно возбужденной представительности.

На дѣлѣ же намъ конечно и не понадобится здѣсь этотъ другой зритель, ибо душа тѣмъ только и душа, что она способна наблюдать и другое и себя вмѣстѣ. Между тѣмъ, у насъ все-таки будетъ достаточное основаніе положительно выставить эту своеобразную ея способность, и отличить ее въ противоположность тому механизму непосредственнаго представленія, которымъ никогда нельзя объяснить ее исключительно однимъ, хотя измѣнчивыя его событія и служатъ руководящими позывами къ обнаруженію этой высшей способности. Ошибаются тѣ, кто это знаніе смѣны нашего знанія думаетъ постичь изъ единства души, какъ самопонятное его слѣдствіе, едва ли и достойное особаго упоминанья. Созерцаніе этой соотносящей дѣятельности (или, пожалуй, сообразительности), конечно, могло бы вести насъ къ обратному заключенію о необходимомъ единствѣ проявляющаго ее существа, но собственно одно пустое понятіе единства отнюдь не научитъ насъ тому, что душа неизбѣжно должна смыкать рядъ переходныхъ своихъ возбужденій въ эту форму сознательнаго созерцанія; понятію единства и его требованіямъ удовлетворила бы она, повидимому, вполнѣ однимъ уже сцѣпленіемъ разныхъ мыслесочетаній и взаимнодѣйствіемъ отдѣльныхъ представленій, такъ что затѣмъ внѣ общей связи и соучастія не оставалось бы ровно ничего. Недовольно будетъ, къ понятію о единствѣ присовокупить еще и то, что душа есть представ-

Digitized by Google

ляющее существо, которое на каждую поруху своего состоянія отвѣчаетъ внутреннимъ ея ощущеньемъ; пришлось бы идти далѣе и утверждать, что и взаимныя соотношенія первыхъ этихъ дѣйствій, отношенія представленій между собою, снова становятся вызывающими ея дѣятельность раздраженіями и понуждаютъ ее къ развитію новыхъ созерцаній. Не тѣмъ только, что они существуютъ, отношенія эти становятся уже и предметами сознанія, хотя бы они дѣйствительно были отношеніями предметовъ сознанія между собой; они и сознаются лишь благодаря тому, что вторично возбуждая пріимчивость души, вторично же вызываютъ ея живое, объединительное воздѣйствіе. Изъ анализа любого внѣшняго раздраженья, не посовѣтовавшись напередъ съ опытомъ, не можемъ мы заранѣе опредѣлить, ощутится ли оно въ видѣ тона или цвѣта: точно такъ же, опираясь на понятіе о душѣ, какъ существѣ представляющемъ, не можемъ мы отнюдь предсказать, какія формы объединительнаго созерцанія возбудятся въ ней новыми впечатлѣньями, которыя получитъ она не непосредственно отъ внѣшнихъ раздраженій, но отъ внутренней соотносительности своихъ собственныхъ состояній, причиненныхъ ей этими раздраженьями. Будь мы наклонны видѣть и въ чувственныхъ ощущеньяхъ одну простую подмѣту вносимыхъ въ душу готовыхъ впечатлѣній, только тогда могло бы намъ казаться самопонятнымъ зѣломъ, что душа подмѣчаетъ отношенія представленій просто, какъ они есть, и потому что таковы они въ самой вещи. Если же, напротивъ, мы должны смотрѣть на это новое сознаніе, какъ на новое живое проявленье духа, то имѣемъ право ожидать отъ него другихъ и высшихъ дѣйствій, къ которымъ механизмъ хода представленій, правда, даетъ поводы, но которымъ онъ никакъ не можетъ служить объяснительнымъ и достаточнымъ основаньемъ. Обращаясь къ этимъ дѣйствіямъ, покидаемъ мы

Digitized by Google

тотъ особенный рядъ мыслей, который занималъ насъ до сихъ поръ; и если еще остались насчетъ его какія-нибудь невыясненныя сомнѣнья, то они разрѣшатся для насъ сами собой впослѣдствіи.

Было время, когда много толковали о врожденныхъ идеяхъ, которыя, принадлежа человѣческому духу прежде всякаго опыта, составляютъ будто бы неотъемлемую часть его существа. Не доискиваясь всегда въ точности, какими именно признаками мысль могла бы доказать предвѣчное свое происхожденье, обозначали довольно широко предѣлы этого первобытнаго достоянія сознательности, и все, что̀ образованный человѣкъ считаетъ для себя высшимъ,—вѣру въ Бога, въ безсмертіе души, въ свободу воли, старались надежнѣе обезпечить тѣмъ, что включали все это въ сокровищницу такихъ истинъ, которыя даются намъ не обманчивымъ и всегда недостаточнымъ опытомъ, но вѣчно одинаковою природой нашего духовнаго существа. Произвольность подобныхъ взглядовъ, первый же удачный шагъ германской философіи ограничилъ предположеньемъ, что конечно духу человѣческому свойственны многія врожденныя идеи, но не такія, которыя обнаруживали бы передъ нами какой бы то ни было фактъ, или какую-либо отдѣльную черту мірозданія, а единственно лишь выражающія общія начала сужденія, по которымъ наша мысль должна постигать и разработывать матеріалъ всякаго возможнаго для насъ ощущенья. Все содержаніе мыслей нашихъ, говорила философія, идетъ посредственно или непосредственно изъ опыта; но не такъ оно съ правилами, по которымъ, соображая, сравнивая, обсуждая и умозаключая, мы соединяемъ или рознимъ это содержаніе, и переходимъ отъ одного къ другому. Источника этихъ правилъ, продолжала она, слѣдуетъ искать не внѣ насъ; чувство необходимой и неизбѣжной полносильности, съ какою налегаютъ они на наше сознаніе, по-

Digitized by Google

рукою намъ, напротивъ, въ томъ, что они происходятъ изъ чего-то съ нами нераздучнаго, то-есть изъ природы нашего духовнаго существа. Вооруженные этими пріемами или способами постиженья, противостоимъ мы разнообразію впечатлѣній, порождаемыхъ въ насъ внѣшнимъ міромъ; только благодаря употребленью въ дѣло этихъ способовъ, наличная совокупность внутреннихъ нашихъ состояній становится для насъ знаніемъ. Такимъ образомъ врожденныя намъ наглядныя формы пространства и времени выносимъ мы какъ бы навстрѣчу впечатлѣньямъ, которыхъ взаимныя соотношенія превращаются для насъ, благодаря этому, въ послѣдовательный и сопоставный распорядокъ чувственнаго міра явленій; съ неотразимымъ предположеніемъ, что вся дѣйствительность должна опираться на основу неизмѣнныхъ сущностей, къ которымъ зависимо и несамобытно примыкаютъ измѣнчивыя свойства,—далѣе, съ увѣренностью, что каждое событіе состоитъ съ предшествующими ему условіями въ необходимой виновословной связи, какъ ихъ дѣйствіе,—съ такимъ врожденнымъ намъ убѣжденьемъ или вѣрованьемъ приступаемъ мы къ наблюденію даннаго содержанія, и, примѣняя къ нему эти основныя начала сужденія, превращаемъ разнообразную его пестроту въ познаніе сомкнутаго въ себѣ внутреннею связью цѣлаго,—въ познаніе вселенной.

Многое въ этихъ взглядахъ, доселѣ еще сильно преобладающихъ въ наукѣ, сама наука должна будетъ понять иначе. Несвойственное названье врожденныхъ идей не должно вводить насъ въ соблазнъ насчетъ этихъ основныхъ началъ познанія, или тѣхъ понятій, какими ихъ обыкновенно вкратцѣ обозначаютъ, — насчетъ представленій пространства, времени, вещи, причины и другихъ, можетъ-быть не менѣе ихъ важныхъ: мы не должны смотрѣть на нихъ какъ на первобытно-сознательное достояніе нашего духа. Какъ искра не сверкнетъ отъ кремня

Digitized by Google

до тѣхъ поръ, пока не вызоветъ ее огниво, точно такъ и прежде впечатлѣній опыта основныя эти понятія не предстаютъ совсѣмъ готовыми сознанью и не занимаютъ его въ одиночествѣ подобно тому, какъ могло бы занять насъ разсматриваніе какого-нибудь орудія до употребленія его въ дѣло. Даже и въ дѣйствительной, опытами образованной, жизни нашей рѣдко представляются они въ этомъ видѣ нашему вниманію; въ насъ существуетъ только безсознательный навыкъ дѣйствовать по ихъ указанію и руководиться ими въ познаніи вещей; нужно преднамѣренное размышленье для того, чтобъ эти понятія, бывшія долго незамѣтно для насъ руководительными пружинами сужденій, сами сдѣлались предметомъ нашего представленія. Итакъ, ни въ какомъ иномъ смыслѣ нельзя назвать ихъ врожденными, кромѣ того, что въ первобытной природѣ духа лежитъ черта, понуждающая его, подъ напоромъ опыта, неизбѣжно вырабатывать именно эти пріемы познанія, а не другіе, и что не одно содержаніе опыта передаетъ ихъ духу совсѣмъ готовыя, но что именно потребна была первобытная природа послѣдняго для того, чтобы къ образованію ихъ побудился онъ силою опытныхъ впечатлѣній.

Въ подобномъ смыслѣ, общую вѣрность этого взгляда едва ли можно признать опровергнутой, сколько ни разнообразны были попытки показать, что будто всѣ эти основныя черты мысли происходятъ изъ одного механизма непосредственнаго представленія.* Языкъ, когда онъ говоритъ о причинѣ, о происхожденіи,

---

* Выше было изложено, что этотъ механизмъ далеко не исчерпываетъ собою всѣхъ разнообразныхъ явленій духовной жизни, что, напротивъ, онъ вездѣ является только поводомъ къ той внутренней дѣятельности, которой источникъ лежитъ въ природѣ духа. Непосредственное представленіе само по себѣ ограничивалось бы только повтореніемъ или отраженіемъ отдѣльныхъ впечатлѣній, а вся работа сообразительнаго знанія, постигающаго взаимную ихъ связь, о бъединяющаго безконечную пестроту ихъ въ распредѣ-

Digitized by Google

о зависимости и возникновеніи слѣдствія отъ причины, конечно напоминаетъ намъ этими названьями различные факты и формы опыта, по поводу которыхъ мы всего легче сознавали внутреннюю связь, предполагаемую коренною природой нашего разума въ совокупномъ многоразличіи явленій; но точнѣйшее соображеніе дѣла всегда воротитъ насъ опять къ убѣжденію, что всѣми помянутыми наблюденьями духу давался только случай припомнить врожденную ему истину, и что сами по себѣ они никогда бы не смогли надѣлить насъ всеобщими основными началами сужденія обо всѣхъ предметахъ. Въ какихъ бы тонко соразмѣренныхъ отношеніяхъ ни находились между собой наши представленія, весь внутренній порядокъ ихъ никогда не породилъ бы въ насъ самъ собою мысли о необходимой связи между ними, не неси въ себѣ природа духа этого требованія заранѣе. Никогда и самое точное знаніе механическихъ взаимнодѣйствій между отдѣльными представленьями не поведетъ насъ къ объясненію того способа, какъ появляются въ нашемъ духѣ общія предположенія о взаимной связи всѣхъ вещей, если мы не признаемъ въ немъ такого стремленія порождать ихъ, которое неизбѣжно должны будемъ включить въ свое понятіе о коренной его природѣ. Въ томъ и состоитъ истинное единство духа, служащее ему, какъ духу, отличіемъ отъ единства всякаго другаго существа, что онъ не только сводитъ различныя свои состоянія въ механизмъ обоюднаго между ними взаимнодѣйствія, но сверхъ-того соотносящею своей дѣятельностью, обнаруживаемою имъ въ вышеупомянутыхъ способахъ познанія, стремится объяснить это многоразличіе впечатлѣній въ смыслѣ общесвязнаго цѣлаго и превратить его

ленныя и понятныя для насъ группы, и наконецъ, угадывающаго и разъясняющаго въ послѣднихъ одно нераздѣльное цѣлое, — вся работа эта непостижима безъ самобытно-возпроизводящей силы, которою отъ природы надѣленъ нашъ духъ.

Digitized by Google

въ образъ міра, котораго внутренняя стройность является духу отраженіемъ его собственнаго единства.

Но какъ наука ни суди о началѣ этого стремленья, для человѣческаго образованія и для развитія, которымъ оно порождается, всегда будетъ равно важно обозрѣть отдѣльные, постепенно наступающіе пріемы, которыми мало по малу выполняется задача того объединительнаго и соотносящаго знанія, о которомъ говорили мы сейчасъ.

Намъ остается сказать только еще одно слово о единствѣ души, въ которой впечатлѣнія различныхъ частей внѣшняго міра и различныхъ эпохъ совокупляются вмѣстѣ: это и есть первое, коренное условіе для возможности всякаго соотносящаго дѣйствія, — условіе, столь необходимое для его осуществленья, что именно присутствіе въ человѣкѣ этой особенной психической способности и привело насъ выше къ обратному заключенію о недѣлимости души. Но не безразлично, не въ одинаковой близи одно къ другому собираются и хранятся впечатлѣнія въ этомъ единомъ существѣ, словно въ пустомъ какомъ-нибудь сосудѣ: механизмъ сочетаній, тѣснѣе сближая одно, разводитъ дальше другое и образуетъ первую возможность правильнаго хода мыслей, который проникаетъ все пестрое многоразличіе хранимыхъ впечатлѣній, организуя его въ опредѣленныхъ направленіяхъ, сводя сходное, розня различное или соединяя между собой то, что требуетъ другъ друга какъ составную часть одного и того же болѣе сложнаго цѣлаго. Но и вторичная эта дѣятельность, всѣ эти законы хода представленій объясняютъ только тѣ формы его послѣдовательности, въ какихъ воспоминанія вяжутся одно къ другому; тутъ все еще нѣтъ наблюдательнаго глаза, подмѣчающаго весь этотъ порядокъ, этотъ строй. Взглядъ его впервые обнаруживается въ созерцаніяхъ пространства и времени *, на которыя объедини-

* Въ нихъ мы созерцаемъ представленіе сопоставнаго и преемственнаго распорядка впечатлѣній независимо отъ нихъ самихъ, отъ ихъ свойствъ.

Digitized by Google

ющее сознаніе переводитъ взаимныя отношенья впечатлѣній, какъ бы на иной языкъ. Конечно, намъ можетъ сдаваться, что всякая временно текущая череда представленій, именно потому, что она проходитъ, и должна уже казаться намъ временною, то-есть послѣдовательнымъ рядомъ впечатлѣній: но, совсѣмъ напротивъ, именно потому, что она проходитъ передъ нами, ей никогда не слѣдовало бы представать нашему сознанію въ своей цѣлости; прохожденіе ея и всѣ ея внутреннія соотношенья подмѣтимъ мы только тогда, если въ одномъ нераздѣльномъ актѣ сознанія совокупимъ прошлое съ настоящимъ и обозримъ относительное положеніе ихъ другъ къ другу мгновенно, за одинъ разъ.

То, что̀ кажется намъ здѣсь затруднительнымъ, выясняется лучше на другомъ примѣрѣ, на примѣрѣ пространства. Вѣдь не вздумается же намъ приписать впечатлѣніямъ вещей внутри насъ ни пространственнаго протяженія, ни величины, ни относительнаго положенія; какъ бы ни велико было представляемое содержаніе, представленіе о немъ не расширяется же у насъ въ душѣ на такое же пространство. Поэтому, даже оставь мы нерѣшеннымъ вопросъ о томъ, имѣетъ ли нашъ внѣшній міръ дѣйствительно то протяженіе, въ какомъ мы думаемъ его видѣть, или не имѣетъ, въ обоихъ случаяхъ сообщаемыя имъ намъ впечатлѣнія существуютъ въ духѣ нашемъ такъ же безпространственно другъ подлѣ друга, какъ и одновременные тоны музыки; и всѣ взаимныя отношенія между ними не суть отношенія (мѣстныхъ) положеній, направленій и протяженій, но подобны тѣмъ постепеннымъ сродствамъ, по которымъ и тоны раздѣляются и соотносятся между собой безпространственными интервалами. Изъ этого міра безпространственныхъ впечатлѣній душа образуетъ созерцанье пространственнаго міра, не потому, чтобы внѣшнее было пространственно, а потому, что пространство — слово ея собственнаго языка, на которое пе-

Digitized by Google

реводитъ она получаемыя ею извнѣ безпространственныя возбужденья. И какъ, привыкнувъ къ способу выражать свое чувственное созерцаніе, мы переводимъ гармоническія соотношенія тоновъ на пространственные символы высоты и низкости, восхожденія и спуска по ступенямъ интерваллов, такъ точно и душа, подъ напитіемъ первичныхъ сверхчувственныхъ соотношеній между впечатлѣньями, указываетъ каждому изъ нихъ его относительное положеніе къ другому въ этомъ, созданномъ ею, пространственномъ мірѣ представительности: стало-быть, время и пространство, временныя и пространственныя отношенья впечатлѣній не суть нѣчто готовое, что̀ познающая наша дѣятельность просто встрѣчала бы и подбирала на своемъ пути; и то, и другое производится ею же самою. Въ правѣ ли мы были сказать, что отношенья впечатлѣній и внѣшнихъ предметовъ переводятся ею на чуждый имъ языкъ, — это отложимъ пока въ сторону. Быть-можетъ, внѣшній міръ и самъ по себѣ пространственъ, быть-можетъ событія и дѣйствительно проходятъ во времени (преемственною чередой); въ такомъ случаѣ сознаніе наше, говоря на своемъ собственномъ языкѣ, попало вмѣстѣ съ тѣмъ на языкъ самихъ вещей въ природѣ; но изъ-за этого его дѣятельность все же не была ни иною, ни менѣе своеобразною. Вѣдь и мы, имѣющіе между собой одинъ и тотъ же языкъ, одно и то же мышленіе, не передаемъ другому лицу смыслъ нашей рѣчи непосредственно готовымъ; и оно сначала внемлетъ только безсмысленный самъ по себѣ звукъ слова и должно своею собственною дѣятельностью воспроизвесть изъ него то представленіе, иногда чувственнаго предмета, иногда сверхчувственнаго отношенія, иногда событія, которое мы хотѣли ему сообщить.

Благодаря безсознательной дѣятельности нашей души, возникаетъ такимъ способомъ пространственный образъ охваты-

Digitized by Google

вающаго насъ міра и созерцаніе временной череды событій вокругъ насъ и въ насъ самихъ; никогда тѣ первоначальныя соотношенья впечатлѣній, которыхъ постепенности мы переводимъ на эти (сподручныя для насъ) формы, не бываютъ предметами нашего сознанія въ настоящемъ своемъ видѣ; никогда не видимъ мы и того, какъ наша собственная дѣятельность создаетъ этотъ временно-пространственный образъ міра, словно непосредственно дающійся намъ совсѣмъ готовымъ и дозволяющій легкій доступъ къ своему многоразличному составу. Съ другой же стороны чувственное это міросозерцаніе вездѣ обнаруживаетъ слѣды соотносительнаго знанія, распространившагося по всѣмъ отдѣльнымъ его частямъ. Ибо никогда не ограничивается оно въ самомъ дѣлѣ изображеніемъ пространственной сопоставовки и временной послѣдовательности: даже и чувственный этотъ образъ міра вездѣ проникнутъ мыслями о тонко-разчлененной внутренней зависимости, безъ которой наглядный его порядокъ былъ бы для насъ совершенно непонятенъ. Сознаніе, не только, подобно зеркалу, отражаетъ видъ внѣшняго міра; но, связывая отдѣльныя его части въ небольшія цѣлыя и отграничивая ихъ отъ всего окружающаго, оно наноситъ на него такія рубежныя черты, которыхъ въ непосредственно данномъ образѣ не было вовсе, и которыя исходятъ отъ предположенія неравной внутренней сопринадлежности ихъ между собою, связывающей иногда отдаленное гораздо тѣснѣе и крѣпче того, что близко. Къ этому новому распорядку смысла и значенія, въ который приводимъ мы все чувственно-ощущенное, влечетъ насъ отчасти естественный механизмъ сочетанія нашихъ представленій, но не довершаетъ этого дѣла самъ по себѣ, одинъ. Удерживая прежде-сознанныя ощущенья и вызывая ихъ опять сызнова, когда измѣнившееся впечатлѣніе напоминаетъ ихъ только отдѣльно-уцѣлѣвшими подробностями, онъ мало по малу подго-

Digitized by Google

товляетъ матеріалъ для связно-осмысленнаго опыта, но дѣйствительное осуществленіе послѣдняго совершается только привходящею къ тому собственною дѣятельностью мысли.

Весьма многое приносится нашему сознанію внѣшнимъ ощущеньемъ въ пространственной и временной связи, что̀ не связано ни какою общностью смысла, но, совсѣмъ чуждое другъ другу, обязано своимъ мгновеннымъ столкновеньемъ одному только особому случаю. Воспоминаніе вѣрно и безпристрастно повторяетъ то, что̀ дано ему было сознаннымъ ощущеньемъ; оно вызываетъ опять съ одинаковой точностью безсвязное, какъ и связанное внутреннимъ сродствомъ, и, несвойственными сочетаніями, случайно прильнувшими къ нѣкоторымъ впечатлѣньямъ, выбиваетъ ходъ нашихъ представленій изъ той постоянной колеи, которой могъ бы онъ держаться, слѣдуя чередѣ строго-обосновывающихъ другъ друга мыслей. Но духъ не довольствуется тѣмъ, чтобъ только насильно принимать отъ механизма ощущенія и воспоминанья извѣстныя сочетанія представленій; какъ постоянно-критическая дѣятельность, мысль старается каждое изъ нихъ возвести къ тѣмъ основнымъ началамъ, которыми обусловлена ихъ связь и доискаться въ данномъ соприсущемъ сверхъ-того и сопринадлежности. Для этого она разрозняетъ тѣ впечатлѣнія, которыя столкнулись въ душѣ только въ качествѣ представленій, и подтвердительно возобновляетъ союзъ тѣхъ, которымъ внутренняя связь ихъ содержанія даетъ право на постоянное единенье. Во всей этой дѣятельности мысль руководится и подкрѣпляется механическимъ ходомъ представленій, который она тутъ же и выправляетъ; ибо самый этотъ ходъ, противорѣча новосознанными ощущеніями прежнимъ или, наоборотъ, подтверждая ими послѣднія, постепенно доходитъ до самоисправленія, благодаря тому постоянному разбору, который такимъ образомъ неизбѣжно выдѣляетъ все чуждое и связываетъ между собою все сход-

Digitized by Google

ственное. Однакожь онъ не составляетъ еще цѣлаго мышленья и не выполняетъ задачъ, предлежащихъ послѣднему.

Часто повторяясь, подобныя представленія не только что сохраняются во всей ихъ особенности, но рядомъ съ ними возникаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе общіе и менѣе опредѣленные образы, которые собираютъ въ себѣ то, что есть однороднаго въ отдѣльныхъ представленьяхъ, различія же ихъ сглаживаютъ или опускаютъ. Но простое присутствіе этихъ образовъ, порождаемыхъ самимъ механическимъ ходомъ представленій, нельзя еще поровнять съ понятіемъ, въ формѣ котораго дѣятельная мысль сводитъ извѣстное многоразличіе къ однородной общности его типа. Ибо въ понятіи вездѣ присуща сверхъ-того неразлучная мысль о законодательной нормѣ, по которой отдѣльныя черты общаго являются не фактическимъ только сопряженіемъ, повторяющимся во многихъ частностяхъ, но и какъ сопринадлежное между собою цѣлое, заручаемое въ своей совокупной связи нераздѣльнымъ смысломъ сущности, какую онѣ собой выражаютъ. Здѣсь мало дѣла до того, насколько выработалось наше знаніе о началѣ и значеніи этой сопринадлежности: что она ощущается нами какъ бы то ни было, и что одну сумму соединенныхъ признаковъ, которую только и даетъ намъ самъ по себѣ ходъ представленій, мы превращаемъ въ положительную мысль о цѣломъ, — этимъ уже достаточно отличается наше разумѣніе отъ простаго образа сопоставныхъ частей. Превращеніе же это постоянно совершается и самымъ малоопытнымъ мышленьемъ, какъ скоро оно выговариваетъ какое нибудь имя, названіе; предпосылаемый имени (въ нѣкоторыхъ языкахъ) членъ показываетъ еще явнѣе, какъ рѣшительно перешло это объединеніе сопоставленныхъ между собою отдѣльныхъ чертъ образа въ мысль о внутренно-нераздѣльномъ цѣломъ.

Ходъ сознанныхъ ощущеній часто представляетъ намъ въ

Digitized by Google

связи два такія впечатлѣнья, которыя скоро наступающее за тѣмъ новое ощущенье преставляетъ уже врозь, тогда какъ наконецъ третье опять подтверждаетъ первоначальное ихъ сочетаніе. У насъ не было ни какого основанія, при первомъ изъ этихъ ощущеній разрознивать соединенное: мы и приняли его безъ всякаго недоумѣнья за нѣчто, состоящее во взаимной связи; но послѣдне-повторенному ощущенью противостоитъ воспоминаніе о замѣченной вслѣдъ за тѣмъ розни: два разныя эти впечатлѣнія уже не вяжутся одно съ другимъ такъ же просто и беззавѣтно, какъ вязались въ первомъ ощущеніи; ихъ раздѣляетъ неизбѣжная мысль о возможности ихъ разрозненья. Дерево, сначала цвѣтущее или одѣтое листвой, представитъ намъ единый, вполнѣ однородный образъ, котораго всѣ части сомкнуты одинаково тѣсной связью одна съ другой; дальнѣйшее ощущенье, представляющее намъ дерево безлистнымъ, нарушаетъ однородность этого образа, и даже тамъ, гдѣ онъ возстановится для насъ опять новымъ дѣйствительнымъ созерцаньемъ, этотъ образъ перейдетъ ужь въ представленіе постоянной формы ствола или кряжа, къ которому, только въ видѣ измѣнчивыхъ, переходныхъ частей, примыкаютъ листья. Вотъ такія-то разрозненія и соединенія представленій мы и выражаемъ мысленно въ формѣ сужденья; но въ сужденіи высказываемъ мы болѣе того, что̀ въ нихъ собственно заключалось. Когда мы говоримъ о деревѣ, что оно зелено, мы постигаемъ его въ формѣ самобытной вещи, къ которой цвѣтъ привходитъ какъ нѣчто измѣнчивое и отъ нея зависящее, въ томъ же родѣ какъ свойства вообще присущи ихъ носителямъ. Это примышленное нами отношенье между вещью и свойствомъ есть именно то начало, къ которому мы сводимъ особенную связь нашихъ представленій, на столько же рознящую связуемое, насколько она его объединяетъ; въ природѣ того внутренняго соотношенья, которое единитъ сущность съ ея принадлежностями (субстанцію

Digitized by Google

съ ея атрибутами), лежитъ необходимость, смыкающая содержаніе представленій и въ этомъ случаѣ въ такую особенную форму. То же самое, когда въ сознанномъ нами ощущеньи, вслѣдъ за созерцаніемъ движенія приближающагося къ намъ тѣла, наступаетъ боль отъ его толчка: въ воспоминаніи у насъ сочетаются оба впечатлѣнья; но сужденіе, что именно отъ тѣла получили мы толчокъ, содержитъ въ себѣ болѣе простаго повторенія того факта, что оба впечатлѣнія обыкновенно слѣдовали въ насъ одно за другимъ. Когда сужденіе ставитъ тѣло дѣйствующею причиной, а толчокъ ея слѣдствіемъ, то соприсущность и двухъ этихъ представленій сводитъ оно на внутреннее начало ихъ сопринадлежности, на ту винословную связь, которой общее господство надъ всѣми возможными событіями составляетъ одно изъ коренныхъ предположеній нашего духа относительно связи всего сущаго.

Наконецъ, изъ частаго повторенія одного и того же ощущенья, въ которомъ одно явленіе слѣдуетъ всегда за другимъ, развьется навыкъ воспоминанія, при наступленіи вновь одного изъ нихъ ожидать возврата и другаго. Такія ожиданія, надежды или опасенья насчетъ будущаго, простыя порожденія механическаго хода представленій, овладѣваютъ нами въ повседневной жизни вездѣ, и бо̀льшая часть дѣйствій нашихъ, конечно такъ же руководится этими непосредственными сочетаньями представленій, безъ всякой дальнѣйшей думы объ ихъ источникѣ, какъ мы обыкновенно предполагаемъ это о душѣ животнаго, приписывая ему, справедливо, или несправедливо, одинъ только механизмъ, но отнюдь не высшую дѣятельность мысли. И въ самомъ дѣлѣ, помянутыя выше ожиданья, конечно, сослужатъ для практическихъ цѣлей ту же службу животному, какой могло бы оно надѣяться и отъ воспроизведенія ихъ мыслію въ формѣ умозаключенья; однакожь умозаключеніе отличается совсѣмъ не тою духовною работой,

Digitized by Google

какую мы находимъ въ инстинктивномъ ожиданіи. Принимая возобновившееся ощущенье за исходную точку предвидѣнія, мы оправдываемъ въ умозаключеніи связь ожидаемаго съ ощущеннымъ мыслію того всеобщаго закона, въ силу котораго оба они сопринадлежны между собою. Такимъ образомъ и здѣсь, мы или возводимъ фактъ ихъ сочетанья къ такому началу, которое, коренясь въ собственной природѣ вещи, дѣлаетъ эту связь необходимою, или убѣждаемся въ томъ, что оба члена не смыкаются между собой ни какимъ существеннымъ внутреннимъ соотношеньемъ и что помянутое ожиданіе — одна изъ тѣхъ многихъ маръ, какія наводитъ намъ механизмъ хода представленій, сочетая многоразличныя впечатлѣнья не по сродству ихъ содержанія, а по случайности одновременнаго вступленья ихъ въ нашу сознательность.

Результатами этой разборчивой, критической дѣятельности духа наше чувственное міросозерцанье проникнуто уже вездѣ и во всемъ; нѣтъ уголка, гдѣ было бы оно чисто чувственнымъ, гдѣ не примѣшивался бы къ нему элементъ смысла, разсудка. Нигдѣ уже явленія не витаютъ передъ нами въ видѣ простыхъ образовъ, мы думаемъ видѣть вмѣстѣ съ ними и вещи, которыхъ единство и самобытность смыкаютъ эти образы въ сопринадлежныя цѣлыя, надѣленныя такими свойствами или другими; никогда, при наблюденіи какого-либо событія, ближайшее состояніе не становится для насъ только на мѣсто предыдущаго, развѣ лишь сопровождаясь еще въ нашемъ сознаніи воспоминаньемъ о послѣднемъ: напротивъ, намъ мнится видѣть передъ собою и ту винословную связь, которая сопрягаетъ эти состоянія неразрывностью внутренняго единенья. Наконецъ, гдѣ слѣдуютъ одна за другой значительнѣйшія группы событій, тамъ въ порядкѣ ихъ какъ бы непосредственно видитъ для насъ гнетъ всепроникающей законности, которая каждому основанью прилагаетъ слѣдствіе, каждой причинѣ отмѣриваетъ

Digitized by Google

величину и способъ ея дѣйствій. Но это общее стремленіе смысла постичь чувственно-ощущаемый міръ какъ связную внутри себя цѣлость, само достигаетъ удовлетворенія себѣ только съ помощію опыта. Подлагая подъ явленія сущность, подъ событія причину, а подъ взаимную связь какъ тѣхъ, такъ и другихъ, опредѣляющій ее законъ, мы однакожь часто ошибаемся въ обозначеніи того, что составляетъ характеристическую сущность иного явленія, особую причину иного даннаго событія, многознаменательный законъ иной опредѣленной группы явленій или событій. Только когда удачное разнообразіе наблюденій и постоянная внимательность къ ихъ различіямъ и сходствамъ освободитъ насъ отъ случайныхъ мыслесочетаній, порождаемыхъ отдѣльными ощущеньями, только тогда научаемся мы мало по малу познавать болѣе общія и существенныя сочетанья, и міросозерцаніе наше начинаетъ все ближе и ближе удовлетворять требованію смысла, видѣть примѣненными на дѣлѣ ко всему разнообразію дѣйствительности тѣ общія предположенья, которыя дѣлаетъ онъ по необходимости относительно взаимной связи всѣхъ вещей. Но исторія такого постепеннаго развитія не относится къ предметамъ, которые долженъ совмѣстить въ себѣ этотъ первый обзоръ духовной жизни нашей. Посвященный только разсмотрѣнію тѣхъ способовъ, изъ употребленія которыхъ можетъ возникнуть человѣческое образованіе, онъ долженъ удовольствоваться, съ своей стороны, показаніемъ того, какъ мало образованіе это лежитъ въ насъ наготовѣ, и какъ даже то, что̀ можетъ, пожалуй, назваться врожденною наклонностью, только тѣмъ и выполняетъ свою задачу, что сила его ростетъ въ употребленіи, такъ какъ каждое вновь пріобрѣтенное познаніе увеличиваетъ способность духа къ дальнѣйшему расширенію познаній вообще.

Поверхъ ощущающей чувственности и соотносящаго смыс-

Digitized by Google

ла, очень распространенный между нами взглядъ думалъ видѣть въ духѣ человѣческомъ еще высшее познательное стремленье,—дѣятельность разума, которая, будучи направлена къ единству нашего міросозерцанія, силится будто бы завершить собою опытъ. Какія бы сомнѣнія ни возбуждало это предпоставленіе смыслу человѣческаго разума, какъ новой и высшей способности духа, которой особенныя требованія какъ будто бы даже и противорѣчатъ навыкамъ смысла, тѣмъ не менѣе новое это имя въ самомъ дѣлѣ выражаетъ новую и особенную форму соотносящаго мышленія, которая такъ знаменательно выступаетъ въ дѣйствительной жизни, что нельзя не поставить ея здѣсь на видъ, прежде чѣмъ начнемъ дальнѣйшее изслѣдованіе о ея происхожденьи. Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, представляемомъ намъ опытомъ, смыслъ, въ силу тѣхъ законовъ взаимной внутренней связи, которые предполагаетъ онъ необходимыми вообще, занятъ изысканьемъ ближайшаго дополнительнаго члена, на который намекаетъ и котораго требуетъ сознанное ощущенье. Къ любому отблеску свойствъ доискивается онъ бросающей его сущности, къ любому событію — породившей его причины, а потомъ и тѣхъ дальнѣйшихъ дѣйствій, которыя породитъ оно само, наконецъ къ любой группѣ фактовъ ищетъ онъ управляющаго ею закона. Переходя такимъ образомъ отъ одной точки къ другой, насколько встрѣчаетъ къ тому возбудительныхъ поводовъ въ ощущеніи, онъ и связываетъ лишь точку съ точкой, каждый разъ особнякомъ; но не задается вопросомъ, какой же совокупный образъ міра и общей его связи возникнетъ наконецъ тогда, когда тѣ же правила обсужденія приложатся ко всѣмъ дѣйствительнымъ и возможнымъ случаямъ ощущенья, и столько разъ повторительно приложатся къ каждому въ отдѣльности, сколько каждый изъ нихъ потребуетъ того по своей природѣ. Смыслу нѣтъ дѣла до того, какъ завершится гдѣ-нибудь рядъ причинъ,

Digitized by Google

который, восходя все выше и выше, требуетъ на каждой ступени своей вновь-опредѣленной причины любого отдѣльнаго событія; ему нѣтъ дѣла, въ какой узелъ переплетутся наконецъ безчисленныя нити законнаго сопряженія, которыя зорко слѣдитъ онъ одну за другой, къ какому безусловному существу примкнутъ напослѣдокъ многоразличныя условныя дѣйствительности, которыхъ взаимныя соотношенья, по возникновеніи своемъ, оказываются подлежащими верховнымъ его законамъ. Можно подумать, что мы допускаемъ совсѣмъ напрасный раздѣлъ труда, утверждая о смыслѣ, будто онъ вовсе не ставитъ себѣ такихъ вопросовъ, и прибавляя затѣмъ, что отвѣчать на нихъ собственно и есть задача разума. И конечно оба они сродни между собою въ томъ отношеніи, что равно пытаются объединить многоразличное; но руководящая мысль, которой держится при этомъ разумъ, убѣжденіе, что совокупная дѣйствительность можетъ существовать только какъ совершенное единство и всецѣлость, отнюдь не то же самое начало, по которому смыслъ изслѣдываетъ лишь форму связи между каждыми двумя членами, не высказывая ровно ничего относительно той общей формы, которая должна возникнуть изъ сліянія воедино всѣхъ ихъ въ совокупности. Подобно тому, какъ избранный нами при постройкѣ архитектурный стиль опредѣляетъ образъ сопряженія каждаго изъ членовъ зданія со всякимъ другимъ членомъ порознь, оставляя совершенно неопредѣленною окончательную форму цѣлаго, котораго планъ предначертывается, напротивъ, задуманною для него цѣлью: такъ точно и основныя начала смысла показываютъ намъ, правда, стиль міроздавія, но отнюдь не форму тѣхъ общихъ очерковъ, которыми опредѣляется его законченная цѣлость. Мы, конечно, не станемъ утверждать, чтобы загадка эта разрѣшалась разумомъ, равно какъ никогда не дерзнемъ приписать смыслу полную удачу въ его гораздо маловажнѣйшемъ трудѣ. Уже насчетъ значенія тѣхъ общихъ за-

Digitized by Google

коновъ, которые считаетъ онъ себя въ силахъ устанавливать для взаимной связи вещей, обманываютъ его часто привычки ограниченнаго опыта: опираясь на примѣры событій, представляемые намъ скуднымъ у всякаго конечнаго духа опытнымъ запасомъ, мы слишкомъ часто принимаемъ опредѣленную форму, подъ которой въ особыхъ случаяхъ обнаруживается законная связь вещей, за чистую и всеобщую необходимость, которую должны мы одинаково встрѣчать вездѣ; такъ впадаемъ мы въ различныя заблужденья относительно истиннаго смысла и предѣловъ власти тѣхъ началъ, которыя мы долго примѣняли къ привычному кругу опыта съ полнѣйшимъ чувствомъ и необходимости ихъ, и непосредственной ясности. Чѣмъ болѣе тяготятъ насъ уже и эти затрудненья, тѣмъ менѣе разумъ, въ свою очередь, сможетъ начертать цѣлостный образъ вселенной, которой частныя подробности даются ему далеко не вполнѣ: онъ можетъ высказать только самыя всеобщія требованья, которыхъ удовлетворенія ожидаетъ отъ каждой попытки изслѣдывающей мысли; но, подъ гнетомъ разныхъ противоположныхъ интересовъ, съ какими наши желанія и потребности вовлекаютъ насъ въ наличный кругъ дѣйствительной обстановки, и разумъ будетъ часто ошибаться и недоумѣвать насчетъ того, чего именно ему требовать въ своихъ видахъ. Еще болѣе, чѣмъ ограниченное міровоззрѣнье смысла, эти стремленія разума, возникая въ непосредственной жизни духа, будутъ нуждаться въ правильномъ выясненіи самихъ себя наукою, и еще менѣе перваго способны они достигнуть своей цѣли, только какъ природныя наклонности, безъ дисциплины преднамѣреннаго образованья. Но въ первоначальномъ порывѣ своемъ они все-таки обличаютъ особую, достойную вниманія дѣятельность духа, которой источника должно намъ, кажется, искать не въ одной только представляющей и соотносящей природѣ души, но въ иной чертѣ ея сущности, къ которой мы теперь и обратимся.

Digitized by Google

ГЛАВА ПЯТАЯ.

О чувствованіяхъ, самосознаніи и волѣ.

Происхожденіе и формы чувствованій.—Ихъ связь съ познаніемъ.—Оцѣнивающая дѣятельность разума.—Самосознаніе; эмпирическое и чистое *Я*.—Побужденія и стремленья.—Воля и ея свобода.—Заключеніе.

Какъ краска въ картинѣ оживляетъ и сильнѣе выдаетъ ея рисунокъ, не обладая сама по себѣ тѣмъ же многоразличіемъ правильныхъ соотношеній, какое обнаруживается въ рисункѣ, такъ и чувствованія проникаютъ насквозь всю духовную жизнь, не пріумножая собою числа существенно-различныхъ формъ, помимо того представимаго содержанія, къ которому они примыкаютъ. Мы прежде убѣдились уже въ томъ, какъ плохо удается вывесть начало ихъ изъ разнообразныхъ сростковъ представленій, дающихъ ближайшій поводъ къ ихъ возникновенію. Если къ первоначальнымъ особенностямъ духа принадлежитъ та, чтобъ не только испытывать въ себѣ перемѣны, но и подмѣчать ихъ въ представленіи, то столь же первобытною чертою его должно признать ту, что онъ не только представляетъ себѣ эти перемѣны, но съ удовольствіемъ или съ недовольствомъ ощущаетъ еще ту цѣну, какую они для него имѣютъ, то возбуждая его въ смыслѣ его собственной природы, то силясь навязать ему такія формы и сочетанія состояній, которыя противны естественному ходу его дѣятельностей. Не основывается ли всякое удовольствіе окончательно на томъ,

Digitized by Google

что духу, котораго назначеніе не покой, но неослабное развитіе, причиняются такія возбужденья, которыя, находясь въ согласіи съ направленіемъ, условіями или формой живаго его роста, не только доставляютъ ему увѣренность въ его сохранности, но и споспѣшествуютъ ходу его собственныхъ дѣйствій. И если душа, какъ измѣнчивое и дѣятельное существо, въ этомъ упражненіи силъ своихъ сознаетъ съ чувствомъ довольства новую цѣну своему существованію, то точно такъ же обладаетъ она и способностью не только страдательно переносить помѣхи, перечащія ей на ея собственномъ пути, но и съ чувствомъ недовольства ощущать въ нихъ именно помѣхи всегдашнему ея направленію и отдѣлять ихъ отъ естественнаго развитія собственной ея природы.

Ближайшимъ образомъ, конечно, только наша изслѣдывающая мысль представляетъ себѣ такое происхожденіе внутренняго чувства; мы сравниваемъ полученное впечатлѣніе съ тѣми условіями, которыя предписываются душевной жизни ея собственной природою, и находимъ въ непріятномъ противоборство принятаго возбужденія съ тѣмъ, что̀ требуется этими условіями, а въ пріятномъ, напротивъ, согласіе между первымъ и послѣдними. Сама же чувствующая душа не производитъ этого сравненія ни завсегда, ни непосредственно въ моментъ своего чувствованія. Подобно тому, какъ она не сознаетъ, какими посредствующими событіями въ ея тѣлѣ порождается чувственное ощущенье, такъ точно и до начала своего чувствованія не замѣчаетъ она ни какого противоборства или согласія впечатлѣній съ своими жизненными условіями, и только уже къ результату (незамѣтно совершившагося) сравненія привязываетъ потомъ чувство довольства или недовольства. Не вѣдая тѣхъ условій, какъ не вѣдаетъ она того, что̀ дѣлается въ чувственныхъ органахъ, душа не могла бы даже и выполнить этого сравненья, и какъ изъ всѣхъ

Digitized by Google

процессовъ, обосновывающихъ ощущеніе, въ сознаніи явенъ только послѣдній результатъ, — само ощущенье, такъ точно и чувствованія возникаютъ въ насъ невѣдомымъ путемъ, не обличая внутренняго движенья души, изъ котораго они рождаются. Но какъ скоро они однажды произошли, мы всегда будемъ толковать ихъ такъ, какъ истолковали выше, и никогда естественное сознаніе не усомнится въ томъ, что довольство коренится въ какомъ-нибудь безвѣстномъ намъ подспорьѣ, а недовольство въ какой-нибудь невѣдомой помѣхѣ, которыя испытала внутренняя наша жизнь. И наконецъ, какъ возрастающая опытность постепенно исправляетъ сочетанія нашихъ представленій, такъ точно и обратное это заключеніе (о причинѣ довольства или недовольства) пріобрѣтаетъ отъ нея ближайшую опредѣленность. Мгновенное подспорье, доставляемое намъ какимъ-либо впечатлѣньемъ, не ручается за благотворность тѣхъ дальнѣйшихъ дѣйствій, какими оно повліяетъ на жизнь нашу въ ея цѣлости, и одна какая нибудь прибыль, получаемая нами отъ даннаго свойства извѣстнаго раздраженья, отнюдь не устраняетъ опасности тѣхъ вліяній, какія могутъ произойти отъ другихъ свойствъ. Чувство будетъ въ полномъ правѣ находить пріятною сладость яда и весьма горькою справедливость наказанія, такъ какъ въ сладкомъ отзывѣ все-таки лежало мгновенное согласіе впечатлѣнія съ дѣятельностью нерва, а въ горечи наказанія враждебное нарушеніе нашего спокойнаго настроенья; опытъ не беретъ назадъ этихъ однажды постановленныхъ имъ сужденій; онъ только предостерегаетъ, не полагаться на нихъ одни, и научаетъ насъ судить о совокупномъ достоинствѣ впечатлѣнія только тогда, когда мы подведемъ общій итогъ его послѣдствій, то-есть всѣхъ отрадъ и разстройствъ, которыя съ нимъ сопряжены.

Разнообразны формы, принимаемыя чувствованіями какъ

Digitized by Google

въ тѣлесной, такъ и въ духовной части нашего бытія. То выступаютъ они въ неразрывной связи съ какимъ-нибудь опредѣленнымъ впечатлѣньемъ, котораго содержаніе и форма подмѣчаются сверхъ-того особымъ яснымъ представленіемъ, то распространяются безъ яснаго воспоминанья о своемъ происхожденіи въ видѣ общихъ настроеній духа, подобно тѣмъ освѣщеніямъ, которыя возникаютъ отъ скрытаго свѣтоисточника, благодаря безчисленному множеству лучеотраженій. Будучи первоначально всегда лишь различными степенями довольства или недовольства, они однакожь непосредственно являются нашему внутреннему наблюденію въ видѣ разнообразныхъ состояній особаго характера или оттѣнка. Связанныя съ разными тѣлесными состояньями, которыя ихъ вызываютъ или сами ими вызываются,—сопровождаемыя то болѣе обильнымъ, то болѣе скуднымъ кругомъ воспоминаній, котораго каждая часть опять-таки стремится пробудить особенный интересъ, присущій ея содержанію,—проникнутыя, наконецъ, разными стремленьями, или увѣренными въ своей цѣли, или ищущими чего-то наугадъ, настроенія нашей души принимаютъ величайшее многоразличіе тонко-оттѣненныхъ формъ, столь, повидимому, далекихъ отъ возможности сравненія ихъ по величинѣ или количеству. Въ томъ видѣ, какъ наполняютъ они наше сознаніе, едва ли которое изъ нихъ можно назвать простымъ, единичнымъ процессомъ; почти въ каждомъ усмотримъ мы сплетеніе разныхъ степеней довольства и недовольства, которыхъ сліянію въ однородное среднесложное состояніе мѣшаютъ различныя представленья, прочно связанныя своимъ содержаніемъ съ каждымъ элементомъ ощущаемой отрады и горечи. Ходъ образованія, расширяющій сознательность нашу для того, чтобъ ей совмѣщать въ себѣ самыя разнообразныя представленья, утончаетъ болѣе и болѣе и эти перевивы внутреннихъ чувствъ, и порождаетъ ту необъятную

Digitized by Google

многосторонность душевныхъ движеній, которыхъ изображеніе едва доступно искусству и никогда не дается менѣе совершеннымъ средствамъ научнаго анализа.

Не вступая теперь въ этотъ лабиринтъ, куда должны будемъ углубиться впослѣдствіи, когда станемъ разсматривать ходъ человѣческаго образованья, мы обозначимъ, на первый разъ, три главныя направленія, въ которыхъ дѣйствуетъ внутреннее чувство, какъ одна изъ существеннѣйшихъ силъ всей духовной жизни человѣка. Прежде всего должно вполнѣ отучить себя отъ мысли принимать чувствованія за какія-то побочныя событія или случаи, наступающіе иногда въ процессѣ внутреннихъ состояній, тогда какъ бо́льшая часть послѣднихъ состоитъ будто бы изъ равнодушной череды безскорбныхъ и безотрадныхъ перемѣнъ. Кромѣ совершеннаго покоя, не мыслимо для насъ ни какое состояніе, которое или не согласовалось бы съ условіями собственнаго развитія души, или не перечило ему какимъ бы то ни было образомъ. Поэтому, какое возбужденіе ни испытывай душа, отъ каждаго должны мы ожидать впечатлѣніе довольства или недовольства, а тончайшее самонаблюденіе, насколько оно сможетъ распознать поблекшія краски этихъ (полузатертыхъ уже) впечатлѣній, подтверждаетъ такую догадку, не встрѣчая ни одного проявленія духовной нашей дѣятельности, которое не сопровождалось бы какимъ-нибудь чувствованьемъ. Конечно, краски эти блекнутъ въ развитой душѣ передъ преобладающимъ интересомъ нашимъ къ извѣстнымъ цѣлямъ ея стремленій, и только преднамѣренная внимательность доискивается ихъ опять вновь, точно такъ, какъ микроскопическое наблюденіе распознаетъ правильный строй незамѣтныхъ для насъ предметовъ, обыкновенно совсѣмъ ускользающихъ отъ нашихъ глазъ. Каждому простому чувственному впечатлѣнью, каждому цвѣту, каждому звуку, соотвѣтствуетъ первоначально извѣстная степень довольства или

Digitized by Google

недовольства; но, навыкнувъ принимать эти впечатлѣнія только въ смыслѣ признаковъ того или другого предмета, важнаго для насъ по своему значенью или понятію, мы замѣчаемъ цѣнность простого впечатлѣнія единственно лишь тогда, когда углубимся въ содержаніе его съ сосредоточеннымъ вниманьемъ. Любая форма сопряженія многоразличнаго возбуждаетъ въ насъ, рядомъ съ подмѣтою его нами, легкое впечатлѣніе его согласія (или несогласія) съ навыками нашего собственнаго развитія, и эти-то часто неясныя чувства окрашиваютъ особымъ оттѣнкомъ каждый отдѣльный предметъ для каждой отдѣльной души, такъ что, при одной и той же наличной обстановкѣ признаковъ, онъ каждому изъ насъ представляется иначе. Но даже и самыя простыя, самыя, повидимому, сухія понятія нашего мышленія никогда не обходятся вполнѣ безъ этого сопровождающаго ихъ чувства; понятіе единства не усвоивается нами безъ того, чтобъ мы не ощутили удовлетворенія, присущаго его содержанью, а понятіе противоположности — безъ того, чтобъ не почувствовать при немъ какого-то враждебнаго отношенья; покоя, движенья и равновѣсія также не подмѣтить намъ въ вещахъ, да и не развить въ себѣ этихъ представленій, безъ того, чтобъ не перенестись въ нихъ со всей живостью, и не почувствовать той степени и того рода противодѣйствія или угодья, какія могли бы для насъ отъ нихъ произойдти.

На этомъ вездѣприсутствіи внутреннихъ чувствъ основана значительная часть нашего высшаго человѣческаго образованья: оно источникъ фантазіи, порождающій всѣ созданія искусства и открывающій намъ уразумѣніе всякой естественной красоты; ибо не въ чемъ иномъ состоитъ это возсоздательное творчество, какъ въ той чуткости духа, съ какою міръ нравственныхъ цѣнностей облекается имъ въ соотвѣтственныя формы, или съ какою изъ покрова формъ умѣетъ онъ прочувство-

Digitized by Google

вать и ощутить содержащуюся подъ ними отраду. Но чувство заключаетъ въ себѣ вмѣстѣ основу той особенной и высшей дѣятельности, съ которой повстрѣчались мы въ области ума, — именно основу разума, требующаго, чтобъ вся дѣйствительность держалась такихъ формъ существованія, въ которыхъ онъ находитъ единственную поруку за достоинство и цѣнность дѣйствительнаго. Если отъ понятія вселенной намъ столько же хотѣлось бы устранить исчислимую конечность любой опредѣленной величины, сколько, съ другой стороны, незавершенную и незавершимую безпредѣльность; если отъ представленія ея мы требуемъ, чтобъ оно давало намъ единое, внутренно-замкнутое цѣлое, которое въ то же время равно охватывало бы собою всѣ особи: то въ этомъ требованіи мы слѣдуемъ уже не одной равнодушной наклонности смысла, для котораго предметъ его былъ бы только немыслимъ помимо этихъ условій; мы слѣдуемъ внушеніямъ разума, который, при чуткости своей къ достоинству предмета, отвергаетъ даже и мыслимое, пока оно только мыслимо, а не снискало себѣ при этомъ внутренней цѣною своего содержанія признанія своей важности среди міровой жизни. Самъ по себѣ, смыслъ нашелъ бы, пожалуй, возможнымъ и сообразнымъ съ законами своей дѣятельности много такого, что разумъ, не смотря на то, отринетъ за внутреннюю несбыточность; и съ своей стороны потребуетъ онъ много другаго, что недоступно смыслу въ свойственныхъ ему формахъ мышленія. Взглянувъ на міровоззрѣніе наше въ томъ видѣ, какъ развилось оно съ ходомъ дѣйствительнаго нашего образованія, не только по выводамъ науки, но и благодаря житейскимъ опытамъ, мы замѣчаемъ, что оно столько же опредѣлялось этими, часто втайнѣ содѣйствовавшими требованіями разума, какъ и вполнѣ явными началами такъ-называемаго здраваго смысла. Надъ загадками, представляемыми измѣненіемъ вещей, разнообразіемъ свойствъ ихъ,

Digitized by Google

живостью и свободою всякаго развитія, — надъ этими трудными задачами бьется до изнеможенія научная сила смысла, бьется, правда, не безъ плода, но все же оказывается неспособною такъ ясно оправдать понятія живой свободы и дѣятельности, какъ потребовала бы того неотразимая увѣренность разума для приданія имъ полной силы и мощи. Душа человѣка надѣлена той счастливой непослѣдовательностью, что способна безподозрительно держаться въ одно и то же время двухъ разныхъ мысленаправленій, не ощущая того противорѣчія, къ какому прійдутъ они напослѣдокъ, не всегда, конечно, въ очевидной близи. Такъ, въ теченіе обычнаго нашего опыта, мы не обинуясь отдаемся процессамъ смысла, благодаря которымъ навѣрно ожидаемъ всегда правильно связать одно частное явленіе съ другимъ, и при которыхъ, лишь только соображай мы это, мы могли бы вмѣстѣ быть увѣрены, что никогда не достигнемъ того умственнаго образа вселенной, который, среди всѣхъ этихъ домогательствъ смысла, неотразимо предстоитъ разуму, или ищется имъ по мѣрѣ его силъ. Конечно, не всегда ходъ жизненныхъ событій оставляетъ насъ въ подобномъ забытьи; какъ въ жизни отдѣльныхъ лицъ, такъ и въ жизни цѣлыхъ поколѣній, на извѣстныхъ поворотныхъ точкахъ неизбѣжно возникаетъ вдругъ сознаніе великаго пробѣла между научнымъ нашимъ опытомъ въ области конечнаго и нашей вѣрою въ содержаніе и форму вѣчнаго. Но ни борьбу этихъ убѣжденій въ любой отдѣльной душѣ, ни величавыя формы, принимаемыя ею въ исторіи образованія и философской мысли, не хотѣлось бы намъ предвосхитить здѣсь у дальнѣйшихъ нашихъ изслѣдованій; какъ бы ни рѣшалась она въ ту или другую эпоху, но въ дѣйствительной жизни, гдѣ очевидность нашихъ мыслей совсѣмъ инакова, да и распредѣляется не такъ, какъ въ наукѣ, различныя эти рѣшенія никогда не смогли поколебать увѣренности, что въ чувст-

Digitized by Google

вѣ внутренней цѣны вещей и ихъ взаимныхъ отношеній разумъ нашъ столько же обладаетъ положительнымъ откровеніемъ, какъ въ началахъ смысловаго (или, пожалуй, разсудочнаго) изслѣдованія онъ обрѣтаетъ себѣ необходимыя орудія для опыта. Но въ то же самое время обзоръ вышепомянутыхъ рѣшеній научилъ бы насъ тому, что ни одинъ источникъ откровенія не течетъ такъ мутно, ни одинъ не требуетъ такого точнаго уразумѣнія, какъ именно тотъ, который способенъ утвердить свои понятія о необходимой формѣ міра только на основаніи чувства внутренней цѣнности, думая открыть ее въ одной этой формѣ и не находя ея уже ни въ какой другой. Бездна обстоятельствъ можетъ вводить насъ здѣсь въ заблужденіе; безчисленные, незамѣтно возникшіе навыки мысли и созерцанья, обязанные своимъ началомъ индивидуальной особенности, степени образованія эпохи, ограниченности нашего житейскаго опыта, могутъ увлечь насъ къ тому, что удовлетворенія справедливымъ вообще требованіямъ своимъ станемъ мы упорно искать въ одной только опредѣленной формѣ, или, невѣрно и не понимая хорошенько самихъ себя, извращать настоящій ея смыслъ. Поэтому, хотя бы эти такъ называемые высшіе взгляды и служили животворною, согрѣвающею силой для всѣхъ стремленій нашихъ, однакожь ими все-таки подтвердится близкое сродство между внутренноцѣнящимъ разумомъ и художественною фантазіей; въ порожденіяхъ и того и другой чувство поэтической справедливости вездѣ займетъ мѣсто яснаго уразумѣнія основъ, на которыхъ утверждается достовѣрность. Обѣ эти высшія способности — великое сокровище нашего внутренняго бытія, но сокровище, неудоборазмѣнное на ходячую монету смысла, и наука, можетъ-быть, должна будетъ удовлетвориться тѣмъ, если успѣетъ показать, что ясныя и неопровержимыя начала смысла не что иное сами, какъ лишь объяснимыя и вполнѣ выработанныя для общаго

Digitized by Google

употребленья части этого сокровища, вовсе не примкнутыя къ нему со стороны, но возникающія изъ его же собственной глуби, какъ тѣ единственные способы, которыми, съ нашей человѣческой точки зрѣнья, удается намъ провести настоящій смыслъ и цѣль разума,—совокупленіе дѣйствительности въ единство внутренно-сопринадлежнаго цѣлаго, въ единство вселенной.

Если эти попытки нашего духа объяснить себѣ міръ формъ изъ міра внутреннихъ цѣнностей соотвѣтствуютъ воспроизводящей дѣятельности фантазіи, которая силится возсоздать дѣйствительность изъ ея же собственной красы, какъ художественно-зиждущей силы, то рядомъ съ художественнымъ порожденіемъ прекраснаго становится и нравственно дѣятельный разумъ. Различныя эпохи и вѣка стремились къ различнымъ идеаламъ искусства; но сколь ни странны, сколь ни причудливы были формы, въ какихъ грубая иногда фантазія мечтала уже достигнуть выраженія верховнаго бытія, всѣ эпохи и всѣ вѣка живо чувствовали идеалъ свой въ томъ, что̀ чтилось ими за высшее. Едва ли менѣе разнообразны были въ различныя эпохи и на различныхъ ступеняхъ бытоваго развитія и нравственные идеалы дѣятельнаго разума; но каково бы ни было ихъ содержаніе, люди чувствовали обязанность осуществлять ихъ въ своихъ поступкахъ, и нравственныя начала каждой эпохи всегда одобрялись духомъ иначе, нежели истины положительнаго знанія: въ нихъ высказывалось живое чувство внутренней оцѣнки. Образованіе, снискавшее съ различнѣйшихъ сторонъ самыя разновидныя поясненья насчетъ положенія человѣка въ мірѣ, насчетъ мѣры и условій его силъ и насчетъ обилія осуществимаго имъ блага,—образованіе считаетъ себя можетъ-быть уже перешедшимъ ту точку зрѣнія, которая и сознаніе нашихъ нравственныхъ обязанностей выводила изъ нравственнаго чувства. Конечно, содержаніе глав-

Digitized by Google

ныхъ нравственныхъ заповѣдей кажется намъ до того яснымъ, что мы готовы думать, будто внутренняя ихъ необходимость должна такъ же непосредственно даваться человѣку, какъ мимовольно дались всѣмъ племенамъ простѣйшія начала знанія, по крайней мѣрѣ въ видѣ безсознательныхъ пріемовъ. Однакоже и намъ (участникамъ этого новаго образованья) житейскій опытъ даетъ чувствовать, хотя, правда, въ меньшей мѣрѣ, великую разнообразность содержанія, за которое отдѣльныя личности стоятъ между тѣмъ съ равнымъ убѣжденіемъ и вѣрой какъ за обязательную для нихъ заповѣдь; но болѣе широкій обзоръ такихъ нравственныхъ разнообразій, при сравненіи различныхъ народовъ и культуръ, показалъ бы намъ одно: что вездѣ образъ мыслей и дѣлъ былъ предметомъ внутренней оцѣнки разума, но что способность послѣдняго распознавать въ опредѣленныхъ формахъ поступковъ достоинство искомаго имъ идеала, подвержена такимъ же заблужденіямъ и погрѣшностямъ, какія свойственны и попыткамъ нашимъ къ высшему познанію явленій природы. Міръ нравственныхъ убѣжденій тоже результатъ образованія; что онъ не могъ возникнуть безъ многихъ вліяній со стороны послѣдняго, въ доказательство этому прійдется намъ сопоставить самыя характерическія черты при дальнѣйшемъ изображеніи человѣчества, — изображеніи, которому настоящія наши изслѣдованья служатъ только предуготовительнымъ вступленьемъ; но что онъ возникъ и не по милости одного образованія, а коренится въ самой сущности духа, — напомнить объ этомъ необходимо было уже и здѣсь. Нравственная наша сторона произошла вовсе не побочнымъ придаткомъ къ представительной способности; она основана, напротивъ, на томъ чувствѣ, которымъ истинная природа духа обозначается гораздо ближе нежели знаніемъ, и котораго вліяніе, какъ мы уже замѣчали, очевидно перехватываетъ и въ стремленія познающаго смысла, разсудочнаго пониманія.

Digitized by Google

Но мы хотѣли опредѣлить дѣятельность его съ трехъ разныхъ сторонъ, а только-что сдѣланный теперь отзывъ напоминаетъ намъ второе изъ тѣхъ внутреннихъ явленій, которыя мы отнюдь не можемъ постичь, не опираясь на глубокую основу чувства, хотя по большой части явленіе это принимаютъ за фактъ одной лишь чисто-познательной способности. Я разумѣю самосознаніе, въ которомъ мы различаемъ самихъ себя, какъ свое *я*, отъ своего *не я*, какъ остального міра, относя къ этому *я*, какъ связующему средоточію исходящихъ и входящихъ дѣйствій, все разнообразіе внутреннихъ состояній нашихъ.

Прежнимъ взглядамъ вопросъ этотъ часто представлялся такъ, какъ будто именно самосознаніе и есть та существенная, природная черта, безъ первобытнаго существованія которой самый духъ былъ бы совершенно немыслимъ, или которою онъ отличается по крайней мѣрѣ отъ безсамостной души животнаго. Мнѣніе это мало по малу оставили и привыкли видѣть въ самосознаніи результатъ довольно долгаго образованья, или принимая стремленіе къ нему за движущую силу всего духовнаго развитія, или полагая, что и сознаніе собственнаго *я* должно возникать однимъ изъ счастливыхъ побочныхъ плодовъ механическаго хода представленій. Но кажется, что настоящее существо дѣла можно найдти только въ промежуткѣ этихъ двухъ крайнихъ воззрѣній. Конечно, никто не почтетъ самосознанія прирожденнымъ даромъ духа въ такомъ смыслѣ, какъ будто бы уже изначала мы видимъ передъ собой въ ясномъ представленіи то, что̀ мы именно на самомъ дѣлѣ. Вѣдь такого полнаго познанія, передъ удовлетворительной отповѣдью котораго смолкли бы всѣ дальнѣйшіе вопросы объ истинной природѣ нашего существа, не достигаемъ мы даже и при помощи всего жизненнаго образованія, при всей внимательности устремленной къ тому думы. Никогда сознаніе не

Digitized by Google

представляетъ намъ полнаго образа нашего *я* чѣмъ-то уже найденымъ или готовымъ; мы видимъ одно указаніе на ту болѣе или менѣе темную точку, въ которой должно заключаться это искомое. Но то, что мы можемъ искать именно его, что предметъ столь невполнѣ доступный нашему вѣдѣнью, мы, не смотря на то, всегда такъ рѣшительно отдѣляемъ отъ внѣшняго міра, — этого побужденія не льзя было бы постичь, не мысли мы его совсѣмъ независимымъ отъ тѣхъ обстоятельствъ, какими обусловлено постепенное усовершеніе нашего знанія и насъ самихъ. Какъ же приходимъ мы къ разрозненію этой бездны всего представимаго на двѣ части, — на единое *я* и на противостоящее ему несмѣтное многоразличіе всего остальнаго? Если мы рознимъ себя отъ міра, то различеніе это не похоже на то, какое мы допускаемъ между двухъ какихъ бы то ни было другихъ предметовъ; противоположность между нами и тѣмъ, что̀ не мы, представляется намъ по смыслу и величинѣ своей безусловною, несравнимою ни съ какой иной противоположностью въ мірѣ.

И это, скажутъ намъ, — по весьма естественной причинѣ: противоположность эта не есть ли тотъ особенный и вполнѣ единственный случай, когда то самое, чѣмъ это противоположное соотношеніе мыслится, есть вмѣстѣ и одинъ изъ членовъ мыслимаго противоположенья. Такое совпаденіе мыслящаго съ мыслимымъ, существенная черта того, что называемъ мы своимъ *я*, не оправдываетъ ли, скажутъ далѣе, особеннаго вѣса, какой придаемъ мы этому различію? Но, при ближайшемъ осмотрѣ, обстоятельство это плохо объясняетъ загадку исключительнаго интереса, принимаемаго нами въ такомъ различіи, и имѣющаго очень мало общаго съ простымъ участьемъ, возбуждаемымъ въ насъ интересною своеобразностью какого-нибудь особеннаго случая. Значенье самосознанія лежитъ не въ томъ, что въ немъ мыслящее совпадаетъ съ мыслимымъ; ибо этою

Digitized by Google

чертой отличается не одно наше *я*, но общая природа всякаго *я* (всякой вообще личности), отъ которой должны же мы чѣмъ-нибудь отличать свое собственное. Отличіе это, конечно, состоитъ въ томъ, что наше *я* мыслитъ исключительно только наши мысли. Но чтожь разумѣемъ мы, обозначая какія бы то ни было мысли именемъ нашихъ, или своихъ? Насчетъ этой принадлежности ихъ намъ, должна очевидно существовать непосредственная достовѣрность, и она не можетъ возникать изъ представленія о природѣ *я* вообще, такъ какъ отличеніе отъ этой природы нашего особеннаго *я* собственно и есть прямое дѣло нашего самосознанія. Послѣ этого легко уже понять, какъ мало постепенно-зрѣющее вразумленіе въ существо нашей души могло бы восполнить перерывъ или пробѣлъ, который здѣсь просто неизбѣженъ. Вѣдь еслибъ мы даже и могли въ точности и вѣрно обозначить всѣ своеобразныя примѣты, какими душа наша дѣйствительно отличается отъ всѣхъ другихъ, то все же у насъ не было бы ни какой побудительной причины считать пріобрѣтенное такимъ образомъ представленіе за что-нибудь бо́льшее сторонней для насъ картины такого существа, которое находилось бы себѣ гдѣ-нибудь и отличалось бы отъ другаго такъ же совершенно, какъ третье отъ четвертаго. И даже пусть не ускользнуло бы отъ насъ то обстоятельство, что это вполнѣ дознанное нами существо есть именно то самое, которое созерцаетъ въ этотъ мигъ само себя, то этимъ дѣйствительно совершившимся самоотраженіемъ мы конечно дополнили бы образъ того существа послѣднею, свойственною ему, замѣчательною чертою, но все же остались бы такъ же далеко отъ того полновѣснаго значенья, какимъ въ дѣйствительной жизни беззавѣтно обдаетъ и услаждаетъ насъ самосознаніе. Для этого совершеннаго уже познанія собственное существо его выступило бы, правда, вполнѣ ясно и предметно, но зато дотого предметно, что и его самость, его *я*, казались бы

Digitized by Google

ему только предметомъ среди множества подобныхъ другихъ; невѣдома и непостижима осталась бы ему та присная задушевность, съ какою въ дѣйствительномъ своемъ самосознаніи мы чувствуемъ цѣну этого возвратнаго отношенія своего къ самимъ себѣ. Какъ всѣ цѣнности представляемыхъ предметовъ, мы схватываемъ и цѣнность этого внутренняго отношенія только чувствами довольства или недовольства. Не на томъ, что мы мыслимъ совпаденіе мыслящаго съ мыслимымъ, но на непосредственной цѣнности, какую мы ощущаемъ при этомъ своимъ чувствомъ, основывается наше самосознаніе, и разница между нами и внѣшнимъ міромъ рѣшительно ставится внѣ всякихъ сравненій съ тѣми противоположностями, какими одинъ предметъ отличается отъ другихъ.

А для этого такъ же достаточны простыя ощущенія, вызываемыя внѣшнимъ впечатлѣньемъ, какъ и тѣ утонченнѣйшія чувствованія души, благодаря которымъ болѣе развитыя духовныя существа ясно созерцаютъ въ то же время всю цѣну и все особенное достоинство своей личности. Какъ бы ни было богато или бѣдно представленіе души о себѣ самой, какъ ни вѣрно или ошибочно начертывала бы она передъ собой свой собственный образъ, отъ этого ни мало не зависятъ живость и искренность, съ какими она чувствуетъ содержаніе этого образа неизмѣримо различнымъ отъ всего другого. Растоптанный червякъ, скрючиваясь отъ внезапной боли конечно различаетъ свое страданье отъ остальнаго міра, хотя бы и не могъ понять ни своего *я*, ни окружающей его природы. Но и совершенный разумъ ангела, при недостаткѣ того внутренняго чувства, безспорно развилъ бы въ себѣ самое отчетливое созерцаніе сокровеннѣйшаго существа души и всѣхъ вещей, и наблюдалъ бы въ величайшей ясности свое внутреннее самоотраженье, но никогда бы не постигъ, отчего различію своему отъ остальнаго міра должно ему придавать болѣе важности, неже-

Digitized by Google

ли безчисленному множеству различій между вещами вообще, такъ же точно представляющимися его познанію. Итакъ, самосознаніе считаемъ мы только истолкованіемъ (переводомъ на мысль) того самочувствія, котораго всегда-предшествующая и первобытная живость не усиливается непосредственно отъ выработки нашей познательности; успѣхи образованія увеличиваютъ только богатство и ясность того образа нашего существа, который мы начертываемъ передъ собой въ самопознаніи. И вмѣстѣ съ нимъ возрастаетъ, конечно, совокупность мыслей, приводящихъ внѣшніе предметы въ соотношеніе съ нашимъ стремленіемъ и нашей волей; содержаніе нашего *я* становится для насъ не только яснѣе, но въ то же время и расширяется, получаетъ бо́льшую емкость; черезъ это (но отнюдь не непосредственно) возрастаетъ, правда, и живость самочувствія, такъ какъ образованная душа становится раздражимою несмѣтнымъ множествомъ отношеній, въ которыхъ ощущаетъ порухи или подспорья своему собственному существу, тогда какъ неразвитый духъ видитъ въ нихъ только сторонніе для него соотношенія внѣшнихъ явленій.

Прослѣдить и этотъ путь образованія мы предоставимъ себѣ при дальнѣйшемъ изложеніи тѣхъ житейскихъ отношеній, какими онъ собственно обусловленъ, и только въ немногихъ словахъ коснемся здѣсь нѣкоторыхъ его точекъ, способныхъ приблизить насъ къ послѣдней цѣли этого обозрѣнія. Понятно, что сначала образъ нашего собственнаго тѣла долженъ занимать преобладающее мѣсто въ ходѣ нашихъ помысловъ. Орудіе всѣхъ ощущеній и движеній, оно участвуетъ въ каждомъ проявленіи нашей жизни, и всякое воспоминаніе о томъ или другомъ впечатлѣніи, дѣйствіи, страданіи или наслажденіи, ведетъ за собой образъ ихъ и пріучаетъ насъ видѣть живость нашего существа непосредственно въ движущемся и подвижномъ обликѣ тѣла. Но вѣдь столько же просты и ука-

Digitized by Google

занія опыта, скоро убѣждающія насъ въ томъ, что живое въ тѣлѣ не оно само, что конечно въ немъ, но не источенною въ видимой его формѣ, должны мы искать движущей силы, которая есть вмѣстѣ причина его собственной измѣнчивости и живыхъ перемѣнъ того внутренняго міра, гдѣ тѣснятся всѣ наши представленія, чувствованья и стремленья. Недостаточнымъ этимъ понятіемъ довольствуется, правда, огромное большинство людей, болѣе побуждаемое только вообще переходить за представленіе о тѣлѣ, нежели сосредоточиваться мыслію на какой-нибудь опредѣленной точкѣ его объясненія. Наука пытается, конечно, восполнить этотъ пробѣлъ, стремясь постичь темное для насъ искомое существо въ формѣ чего-то особаго, какой-то сверхчувственной силы, невещественной субстанціи; но попытки эти выступаютъ уже за предѣлы простого и естественнаго хода мыслей, и силясь установить общую природу души, онѣ вовсе не ведутъ къ уясненію для каждаго отличительной природы его собственнаго *я*. Поэтому естественное сознаніе не слишкомъ расположено идти вслѣдъ за этимъ мудрованьемъ; оно скорѣй готово тѣшиться своей индивидуальностью, когда, благодаря воспоминанію о тѣлесномъ его проявленьи, объ исторіи его жизни, о его страданіяхъ и радостяхъ, о совершаемыхъ имъ дѣйствіяхъ и надеждахъ, обо всемъ своеобразномъ положеніи его среди міра, оно сознаетъ себя за это особенное *я*, отличное отъ всякаго другого.

Но оно также изъ опыта научается и тому, что внѣшній міръ оказываетъ ему сопротивленье, что въ ближайшій моментъ далеко не всегда удается ему сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ желало оно сдѣлаться въ предыдущій; и вѣдѣніе его, и дѣеспособность зависятъ, какъ оказывается, отъ разныхъ случайностей въ ходѣ его образованія; вся доступная его наблюденію собственная его индивидуальность представляется ему въ

Digitized by Google

неизбѣжной связи съ обстановкой, которая въ сущности къ нему не принадлежитъ. Такъ приходимъ мы исподволь къ тому, что рѣзко очеркнутому образу своего эмпирическаго *я* противопоставляемъ другой, въ которомъ думаемъ совокупить однѣ постоянныя черты, входящія въ истинное содержанье нашей сущности и не зависящія отъ той опредѣленной формы, въ какую выработали насъ понемногу внѣшнія побужденья. Подобно тому, какъ въ созерцаніи всѣхъ вещей мы отдѣляемъ случайный обликъ, приданный имъ чуждымъ вліяніемъ, отъ тѣхъ неизмѣнныхъ свойствъ, въ силу которыхъ теперь способны онѣ получить именно эту форму, а при другихъ обстоятельствахъ совсѣмъ иную, такъ точно ищемъ мы и нашего истиннаго *я* въ постоянныхъ привычкахъ и особенностяхъ своей духовной дѣятельности, которыя оставались бы все тѣми же, будь даже внѣшнія условія ихъ выработки совершенно различны. Итакъ, вовсе не тѣмъ, что̀ мы сдѣлали и пережили, думаемъ мы теперь исчерпать наше *я*; но положительно принимая все многоразличіе этого развитія за одну изъ многихъ возможныхъ сначала разработокъ нашей сущности, себя самихъ находимъ мы, напротивъ, въ общемъ настроеніи своихъ чувствъ, въ темпераментѣ, который ни съ кѣмъ вполнѣ не раздѣляемъ, въ манерѣ и обычаѣ, въ ловкости или неуклюжести всѣхъ нашихъ пріемовъ, въ своеобразномъ способѣ пользоваться содержаніемъ нашего вѣдѣнья. Все это, полагаемъ мы, осталось бы совершенно такимъ же, какой бы ходъ развитія ни предначертала намъ житейская судьба; и если всякую изящную и отличную черту образованія, доставшуюся намъ по милости дѣйствительнаго нашего положенья, мы охотно причисляемъ къ собственнымъ преимуществамъ нашей природы, то съ другой стороны ни мало не сомнѣваемся въ томъ, что все недоброе и неудачное должно отнести къ винѣ однихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ. Эмпирическое

Digitized by Google

я представляется намъ какъ бы листвою дерева, которой обиліе и красота зависятъ отъ погожаго или ненастнаго года; помимо листвы остается въ кряжѣ движущая сила, всегда себѣ равная и всегда обнадеживающая на лучшее развитіе среди болѣе благопріятныхъ условій. Вотъ такъ-то, съ помощью эстетическаго образа нашей постоянной природы, мы обыкновенно силимся представить себѣ свою личность, и конечно достигаемъ этимъ болѣе вѣрной и живой картины нашего существа, нежели путемъ разбросаннаго многоразличія своихъ эмпирическихъ воспоминаній, въ которомъ слишкомъ много прошлаго и случайнаго, а будущаго уже слишкомъ мало. Но вскорѣ мы замѣчаемъ, что и это представленіе вовсе не даетъ намъ того, чего мы ищемъ какъ нашего собственнаго *я*, въ высшемъ значеніи этого слова.

Мы находимъ, что темпераментъ нашъ, постоянное настроеніе нашего духа, особое направленіе и свойственная намъ живость фантазіи, наконецъ замѣтные таланты, составлявшіе повидимому ближайшее содержаніе нашей индивидуальной личности,—все это зависитъ въ слишкомъ значительной мѣрѣ отъ нашего тѣлосложенія и его перемѣнъ; многое изъ всего этого, перейдя къ намъ даже въ качествѣ наслѣдственной склонности, есть только результатъ такого процесса природы, который задолго до нашего существованія, невозвратно опредѣлилъ уже извѣстныя черты предстоящей нашей жизни. И даже, пусть обязаны мы въ этомъ случаѣ не послѣдовательному ряду физическихъ дѣйствій; пусть существенная природа нашей души образовалась и независимо отъ послѣднихъ: и тогда первоначальная наклонность все-таки представлялась бы намъ, какъ нѣчто данное, какъ дополнительный даръ творческой силы, изъ которой возникло наше существованіе, и тамъ, гдѣ чаяли мы уловить наше собственное *я*, мы увидѣли бы, что оно установлено чуждою намъ мощью, что оно принадлежитъ намъ не въ

Digitized by Google

томъ смыслѣ, въ какомъ обладаемъ мы всѣмъ тѣмъ, что̀ произошло отъ нашихъ собственныхъ усилій, отъ свободной нашей дѣятельности. Такъ слагается въ насъ мало по малу глубокое стремленье выступить за предѣлы содержанія своего *я*, и искать истиннаго и кореннаго существа нашей личности въ чистомъ, еще неопредѣленномъ и саморазвивчивомъ первоначальномъ побужденіи: тутъ мы считаемъ себя воистину за то, чѣмъ сдѣлали себя сами. Не станемъ слѣдить пеструю череду тѣхъ странныхъ противорѣчій, къ которымъ это направленіе мысли необходимо должно было привести въ научномъ изслѣдованіи; болѣе естественное мнѣніе простого здраваго смысла покоряется судьбѣ и не требуетъ, чтобы изъ нашей сущности удалено было все то, что въ ней не наше собственное дѣло. Допуская — что̀ для него неоспоримо, — что, помимо нашего выбора, кругъ всего возможнаго для насъ развитія неколебимо предначертанъ внѣшнею обстановкой, особенностью пола, къ которому мы принадлежимъ, даннаго намъ тѣлосложенія, эпохи, въ какую мы рождены, наконецъ общими законами духовной жизни, равно сильными для всѣхъ и каждаго, — допуская все это, оно требуетъ только, чтобъ среди всей законной необходимости существовала по крайней мѣрѣ хоть одна точка свободы, изъ которой наша дѣятельность могла бы переработывать предлагаемый намъ жизненный матеріалъ въ принадлежащее намъ однимъ, исключительное наше достоянье. Обусловленные во всемъ прочемъ, въ формахъ нашего познанія, въ ходѣ нашихъ представленій и чувствованій, хотимъ мы быть свободны по крайней мѣрѣ въ нашей волѣ, въ нашихъ поступкахъ.

Прежде мы высказали убѣжденіе, что сравнительно съ представленіемъ и чувствомъ воля содержитъ въ себѣ своеобразный элементъ духовной жизненности, неудобовыводимый изъ обоихъ первыхъ, хотя и зависящій отъ нихъ, какъ пово-

Digitized by Google

довъ его проявленья. Но теперь, возвращаясь по ходу дѣла къ точнѣйшему разсмотрѣнію этой новой дѣеспособности души, мы должны предпослать ему признаніе, что въ числѣ многоразличныхъ явленій, относимыхъ, подъ разными именами, къ ней непосредственно или только пріурочиваемыхъ по извѣстному сродству, есть много такихъ, въ которыхъ мы, съ своей стороны, можемъ распознать только особыя формы представленія и внутренняго чувства. Мы конечно слишкомъ щедро расточаемъ названіе воли и стремленья, и обозначаемъ имъ многіе такіе случаи, къ которымъ душа относится лишь какъ наблюдающее сознаніе, а не какъ дѣятельное существо; движенія представленій и чувствованій, происходящія въ насъ только по разнымъ поводамъ со стороны общаго психическаго механизма и подмѣчаемыя нами по мѣрѣ ихъ совершенія, мы ошибочно принимаемъ за дѣятельности, будто бы пущенныя въ ходъ нашею рѣшительною волею или, пожалуй, хоть и менѣе настойчивымъ стремленьемъ нашего *я*. Вникнувъ въ разнообразіе чувственныхъ своихъ побужденій, мы откроемъ настоящее зерно ихъ всегда въ одномъ лишь внутреннемъ чувствѣ, которое довольствомъ или недовольствомъ обличаетъ намъ относительную цѣнность для насъ такого тѣлеснаго состоянія, которое можетъ-быть и не доходитъ до сознательнаго уразумѣнья. Только по прежнимъ опытамъ, которые механизмъ воспоминанія вызываетъ въ насъ опять, такъ что представленія тѣхъ движеній и предметовъ, которые прежде продляли наше удовольствіе или сокращали недовольство, снова возвращаются въ сознаніи, — только благодаря этому, чувство приходитъ въ движеніе, направленное къ снисканію такихъ же благопріятныхъ обстоятельствъ съизнова. Но на первомъ планѣ возникаетъ здѣсь отнюдь не проявленіе нашей воли; напротивъ, совсѣмъ безвольно и съ механическою послѣдовательностью само чувство и соединенныя съ нимъ представленія мгновенно

Digitized by Google

возбуждаютъ ведущіе къ той цѣли зачатки тѣлеснаго движенья, и то, что̀ мы зовемъ тутъ побужденіемъ, совсѣмъ не воля, направляющая наше тѣло, но сознанное ощущенье страдательнаго состоянія и невольно возникающихъ въ немъ движеній, чѣмъ и другія стороны нашего сознанія вызываются къ соотвѣтственной тому дѣятельности. Такимъ образомъ побужденіе есть только внутреннее чувство побужденности, и если въ немъ встрѣчается какая-нибудь воля, то чисто одна лишь та, чтобъ не противиться естественному ходу этихъ внутреннихъ перемѣнъ, а вполнѣ отдаваться ихъ теченію. Но мы не можемъ ограничиться при этомъ обзорѣ одними чувственными побужденьями; бо̀льшая часть того, что̀ зовемъ мы въ повседневной жизни своими дѣйствіями, происходитъ точно такъ же. Представленія возникаютъ передъ нами по общимъ законамъ, и къ нимъ, отчасти непосредственно, отчасти чрезъ посредствующее звено различныхъ внутреннихъ чувствъ, примыкаютъ разные образы тѣлесныхъ движеній, предстающихъ нашему сознанью, то какъ способы достигнуть извѣстныхъ предметовъ, то какъ облегченія какому-нибудь наличному вреду или злу. Крайне рѣдко этимъ приливомъ внутреннихъ раздраженій возбуждается дѣйствительная воля; по большей части череда представленій сама собою переходитъ во внѣшнее движеніе, и бездна многосложныхъ даже дѣйствій совершается такимъ непроизвольнымъ путемъ, при чемъ не вполнѣ раскрывается передъ сознаніемъ и рядъ тѣхъ посредствующихъ звеньевъ процесса, которыя ставятъ эти дѣйствія въ зависимость отъ первоначальныхъ поводовъ или побужденій. Нѣтъ ни какого основанія отличать эти случаи особымъ именемъ отъ тѣхъ дѣйствій, которыя въ каждомъ сложномъ организмѣ совершаются, какъ мы видимъ, съ такимъ же разнообразіемъ формъ и съ такою же механически-неизбѣжною послѣдовательностью; и въ самомъ дѣлѣ, мы обыкновенно отрицаемъ настоящую во-

Digitized by Google

лю у животныхъ, полагая, что всѣ ихъ дѣйствія исключительно устроены на этотъ ладъ. Только тамъ убѣждены мы, что имѣемъ дѣло съ настоящимъ актомъ воли, гдѣ ясно сознаются влекущія къ поступку побужденія, а рѣшеніе насчетъ того, слѣдовать имъ или нѣтъ, подлежитъ дальнѣйшему розыску и предоставляется не собственной силѣ влекущихъ побужденій, но опредѣленію свободнаго выбора независимаго отъ нихъ духа. Въ такой близкой связи понятіе свободы оказывается съ понятіемъ воли; ибо только въ этомъ рѣшеніи насчетъ данной наличности фактовъ состоитъ истинная дѣятельность воли человѣческой. Напротивъ, всякое возможное содержаніе воли всегда слагается непроизвольнымъ ходомъ представленій и чувствованій, и, не будучи сама по себѣ направленнымъ ко внѣ творческимъ и зиждительнымъ стремленьямъ, воля должна довольствоваться свободой неограниченнаго выбора изъ того, что̀ предлагается ей оттуда.

Не будь возможности мыслить такую свободу или оправдать ея допущеніе, развѣ былъ бы у насъ какой-нибудь поводъ вообще даже удерживать за собой только имя воли? Сколько, положимъ, ни превосходила бы своеобразная запутанность событій духовной жизни пеструю плетеницу хода природы, взаимная связь этихъ событій казалась бы намъ въ такомъ случаѣ ни чѣмъ существенно не отличною отъ совершенной и слѣпой необходимости непрерывнаго сплошь механизма (чувственной обстановки). Мы думаемъ однако, что даже и при этомъ предположеніи волю не льзя было бы совсѣмъ устранить, какъ своеродный элементъ, изъ ряда остальныхъ проявленій духовной дѣятельности, хотя положеніе ея было бы тогда очень странно. Когда человѣческая рѣчь отчеканитъ особое имя для такихъ простыхъ процессовъ, которые сложены не изъ многихъ представленій, а напротивъ сами совокупляютъ извѣстныя множества въ одно цѣлое, то хотя бы она ча-

Digitized by Google

сто и ошибалась въ его употребленіи, въ предѣлахъ обозначенія имъ тѣхъ или другихъ явленій; однако же то, что̀ имѣла она при этомъ въ виду, едвали могло быть схвачено ею безъ того, чтобъ оно въ самомъ дѣлѣ какъ-нибудь да не существовало въ мірѣ. Вѣдь надо же наконецъ сказать, что вся представительность наша можетъ овладѣть такимъ только содержаніемъ, которое мы какъ бы то ни было переживаемъ; и если намъ не вымыслить ни чего новаго, то едва ли можемъ мы иначе и ошибаться, какъ только насчетъ связи и употребленія простыхъ элементовъ, данныхъ намъ этимъ внутреннимъ опытомъ. Вотъ почему, кажется, одинъ только школьный предразсудокъ способенъ отважиться на попытку свести природу воли къ чистому лишь знанію и защищать ту мысль, что сужденіе: *я хочу*, равнозначительно ясному и увѣренному въ себѣ сознанію другого: *я буду*, *я сдѣлаю*. Можетъ-быть, одна только увѣренность, что я стану дѣйствовать, равносильна знанію моей воли; но тогда въ понятіе этого дѣйствія будетъ уже включенъ и тотъ своеродный элементъ одобренья, допущенья или намѣренья, который именно и дѣлаетъ волю волею, и котораго недостаетъ въ простомъ предвидѣніи будущаго наступленія какого-либо дѣйствія съ нашей стороны. Поэтому тщетно пытаются отринуть существованіе нашей воли, такъ же тщетно, какъ если бъ мы вздумали описательными толкованьями выяснять простую ея природу, которую можно только непосредственно переживать. То одобреніе, какимъ воля наша усвоиваетъ себѣ рѣшеніе, предлагаемое ей на выборъ влекущими побужденьями естественнаго хода представленій, или то порицаніе, съ какимъ она его отталкиваетъ, — оба были бы мыслимы даже и тогда, еслибъ ни одно изъ нихъ не имѣло ни малѣйшей силы опредѣлять или измѣнять процессъ внутреннихъ событій. Подобно тому какъ человѣкъ побуждается иногда внѣшними условіями къ образу дѣйствій, лишен-

Digitized by Google

ному всякаго сердечнаго участія, всякаго внутренняго согласія съ его стороны, такъ же точно и внутри его могли бы съ непрерывною необходимостью примыкать другъ къ другу отдѣльныя состоянія и неодолимо вынуждать у него такіе поступки, которые, въ самый моментъ ихъ исполненія, совѣсть сопровождала бы уже раскаяніемъ.

Это представленіе, какъ ни страннымъ покажется оно, пожалуй, на первый взглядъ, совсѣмъ не такъ далеко отъ мысли, къ которой мы привыкли въ житейскомъ обиходѣ. Вѣдь почти одно только научное изслѣдованье обыкновенно смѣшиваетъ неограниченную свободу воли съ беззавѣтною способностью совершать все; напротивъ, житейскій опытъ напоминаетъ намъ нашу слабость въ борьбѣ съ увлекающею силою непроизвольныхъ стремленій, и мы вѣруемъ, что намъ нужна высшая помощь для преодолѣнія ихъ. Въ самомъ дѣлѣ, ошибочно требовать отъ воли чего-нибудь больше воленія; а трудности, противопоставляемыя убѣжденію въ ея свободѣ, хотя не неодолимыя и тогда, возникаютъ по большой части именно изъ этого предразсудка. Какъ часто опасались разрушенія всего порядка дѣйствительности отъ свободнаго рѣшенія одушевленнаго существа, еслибъ не удалось ввести и это рѣшеніе, также необходимо-обусловленнымъ слѣдствіемъ, въ остальную связь міровой жизни. При этомъ забывали, какіе тѣсные предѣлы были бы начертаны конечной твари даже и тогда, еслибъ не только воля ея была свободна въ своемъ хотѣніи, но и средства тѣлесной организаціи безусловно подчинялись ея рѣшеньямъ. Забывали, что каждое дѣйствіе, какъ бы ни непредвидимо свободна была его побудительная причина, вступаетъ опять въ кругъ предрасчислимыхъ и подзаконныхъ событій, коль скоро проявляется въ видѣ дѣйствія, и что ни какой свободѣ не предоставлено болѣе того простора, какой уступается ей неколебимымъ порядкомъ вселенной со-

Digitized by Google

вмѣстно его собственнымъ правамъ. И если, наконецъ, опасались, что, не смотря на то, непредвидимые процессы, вводимые одушевленной волею по ея выбору въ законный ходъ дѣйствительности, могли бы, постепенно накопившись, расшириться въ ущербъ или наперекоръ общему плану природы, то упускали при этомъ изъ виду, что даже и сплошь-несвободная связь всѣхъ состояній душевной жизни не смогла бы умалить этой опасности. Ибо гдѣ была бы у насъ порука за то, что въ каждой отдѣльной душѣ представленія, чувствованія и стремленья встрѣчались бы и дѣйствовали другъ на друга въ такой удачной формѣ и сочетаніи, чтобы напослѣдокъ всегда приводить къ дѣйствіямъ, сообразнымъ общему смыслу порядка природы? Каковы мы ни наесть, свободны или несвободны, развѣ не вторгаемся мы въ составъ природы опустошительно и вредоносно, оставляя по себѣ явные слѣды произвольной своей дѣятельности, но, разумѣется, отнюдь не успѣвая потрясти общаго ея порядка? И допусти мы теперь, что совершенно непредвидимая и свободная воля руководитъ наши дѣйствія, развѣ, при существующихъ предѣлахъ нашей власти, мы могли бы тогда опасаться болѣе значительнаго вреда внѣшнему порядку міра? И какъ окружающая насъ природа, точно такъ же, вопреки часто-повторяемому мнѣнію, отъ безусловной свободы своихъ рѣшеній не утратило бы всякой внутренней связи и наше собственное существо. Вѣдь свободѣ этой мы всегда предоставляли только одни рѣшенія; на прирожденномъ намъ общемъ чувствѣ нашего бытія, на своеобразности дарованій нашихъ, на совокупности полученныхъ нами впечатлѣній, на воспоминаніи всего пережитаго, на постоянномъ настроеніи, на всегда дѣятельныхъ общихъ законахъ хода нашихъ представленій, покоились бы надежно и широко единство и непрерывность нашего личнаго сознанія, ибо надъ всѣми этими стихіями духовной жизни нашей свобода не имѣла бы ни какой

Digitized by Google

власти. А напротивъ, та мѣра измѣнчивости, какая дѣйствительно оставалась бы за нами, благодаря непредрасчислимому наступленію свободныхъ рѣшеній, — этотъ элементъ скорѣе усиливалъ бы собою нашу способность къ развитію, нежели принадлежалъ къ такой перемѣнности, которой намъ слѣдовало бы убѣгать.

Но всеобщій законъ винословной связи, повелѣвающій для каждаго дѣйствія отыскивать достаточную причину, не возстанетъ ли наконецъ противъ всякаго допущенія свободы и не превратитъ ли такимъ образомъ общую связь вселенной въ безконечную цѣпь слѣпыхъ дѣйствій (вслѣдствіе достаточныхъ причинъ)? Мы готовы думать, что чѣмъ явнѣе превращеніе такого рода оказывается необходимымъ слѣдствіемъ этого понятія о винословной связи, тѣмъ явнѣе и невѣрность самаго понятія. Что совокупная дѣйствительность не можетъ представлять нелѣпость вездѣ слѣпаго и неизбѣжнаго круговорота событій, въ которомъ не нашлось бы нигдѣ мѣста для свободы, — это убѣжденіе нашего разума до того твердо, что на долю всему остальному познанію можетъ выпадать только задача согласить съ этимъ достовѣрнѣйшимъ для насъ убѣжденіемъ кажущееся противорѣчіе нашего опыта. Не споримъ, что эта задача науки далека еще отъ того яснаго рѣшенія, какое для нея желательно, и не входя здѣсь въ изслѣдованія, которыхъ производство оказалось бы труднымъ, а результатъ сомнительнымъ, мы намѣрены только навести обычное убѣжденіе на нѣкоторые частные вопросы, стоющіе того, чтобы обдумать ихъ не одинъ разъ.

Если законъ винословности въ правѣ требовать причины для каждаго дѣйствія, то, наоборотъ, наша обязанность — видѣть въ каждомъ событіи извѣстное дѣйствіе, или принимать каждую найденную причину опять-таки за дѣйствіе другой. Незавершимая череда дѣйствій и причинъ, въ которую мы та-

Digitized by Google

кимъ образомъ неизбѣжно попадаемъ, должна вразумить насъ насчетъ того, что вышеприведеннымъ положеніемъ въ сущности высказывается менѣе, чѣмъ сдается намъ съ перваго взгляда. Утверждая, напримѣръ, что всякая сущность нерушима, мы совершенно правы въ томъ случаѣ, если въ понятіе о сущности включили уже признакъ нерушимости; но этимъ мы не выражаемъ ничего, имѣющаго непосредственно дѣйствительную силу: вѣдь тогда возникнетъ именно вопросъ о томъ, есть ли въ самомъ дѣлѣ сущность въ такомъ смыслѣ, и дѣйствительно ли опытъ, побуждающій насъ примышлять къ каждому кругу свойствъ или развитій извѣстный субъектъ, въ качествѣ ихъ носителя, вездѣ понуждаетъ и къ тому, чтобы мыслить этотъ субъектъ въ видѣ такого рода сущности. Такъ точно и все то, что мы мыслимъ и обозначаемъ какъ дѣйствіе, безъ сомнѣнія требуетъ своей причины: но вопросъ, въ правѣ ли мы каждый встрѣчающійся намъ случай принимать за дѣйствіе въ этомъ смыслѣ? Самая незавершимость винословной череды убѣждаетъ насъ въ отсутствіи такого права, такъ какъ она неизбѣжно ведетъ къ признанію первоначальнаго бытія и первоначальнаго движенья. Не въ томъ состоитъ безусловная сила закона причинности, чтобъ каждая часть конечной дѣйствительности всегда должна была порождаться по общимъ законамъ опредѣленными причинами въ этомъ именно конечномъ кругу; она состоитъ въ томъ, что каждая составная часть, однажды введенная въ дѣйствительность, всегда уже дѣйствуетъ по однимъ общимъ законамъ. Если мы обыкновенно говоримъ лишь о томъ, что всякое дѣйствіе имѣетъ свою причину, то, наоборотъ, намъ слѣдовало бы болѣе налегать на другое выраженіе этого тезиса, именно на то, что всякая причина неизбѣжно производитъ дѣйствіе. Правда, не единственная, но, помоему, существеннѣйшая часть значенія винословности конечна та, что всякому, откуда бы ни возникшему, элементу дѣйствительно-

Digitized by Google

сти она обезпечиваетъ дѣятельное соучастіе въ цѣломъ составѣ міра, къ которому онъ оттолѣ принадлежитъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ возбраняетъ ему дѣйствовать здѣсь иначе, какъ лишь въ согласіи съ тѣми общими законами, которые правятъ всѣмъ совершающимся во вселенной. Такимъ образомъ міръ подобился бы водовороту, въ который текутъ со всѣхъ сторонъ новыя струи, не привлекаемыя впрочемъ имъ самимъ и не имъ рождаемыя, но вынужденныя участвовать въ его движеніи, коль скоро онѣ разъ въ него вступили. Такъ, чтобы предложить дальнѣйшій примѣръ, имѣемъ мы образецъ подобнаго же порядка въ соотношеніи нашей собственной души къ органамъ тѣла: множество рѣшеній, починныхъ точекъ разнообразнаго будущаго движенія, порождаетъ изъ себя душа; ни одному изъ нихъ не нужно быть обусловленнымъ событіями тѣлесной жизни, на которую они воздѣйствуютъ; но каждое, въ моментъ перехода своего въ эту жизнь, подчиняется свойственнымъ ей законамъ и производитъ такъ много или такъ мало силы и движенія, сколько дозволяютъ эти законы; самое направленіе движенья идетъ не какъ-либо иначе, а всегда лишь сообразно имъ. Зачатковъ, которыхъ родникъ не въ ней самой, міровая жизнь можетъ заключать въ себѣ ежемгновенно несмѣтное множество, но нѣтъ изъ нихъ ни одного, котораго необходимое продолженіе не встрѣчалось бы потомъ въ ея сферѣ. Гдѣ же именно лежатъ зачатки, —этого мы не можемъ заранѣе опредѣлить; если опытъ убѣждаетъ насъ въ томъ, что всякое событіе внѣшней природы есть вмѣстѣ дѣйствіе, имѣющее свою причину въ предыдущихъ фактахъ, то это еще вовсе не отнимаетъ возможности, чтобы кругъ внутренней духовной жизни образовалъ не сплошь-мертвый и неизбѣжно идущій механизмъ, но допускалъ бы рядомъ съ безграничною свободой воли и ограниченную мощь безусловнаго (самодѣятельнаго) почина.

Однако всѣ эти соображенія не могутъ привести насъ здѣсь

Digitized by Google

къ окончательному выводу. Настоящія трудности вопроса лежатъ въ той именно исходной точкѣ, изъ которой онъ возникъ и самъ. Намъ кажется тутъ всего темнѣе не мыслимость свободы, но та цѣнность, какую дѣйствительное ея существованія имѣло бы для нравственнаго развитія, изъ за котораго мы обыкновенно ея требуемъ и желаемъ. Кто захотѣлъ бы сверхъ того имѣть передъ собой наглядную повѣсть рожденія свободнаго почина, кто пожелалъ бы мысленно возсоздать еще и его, тотъ обнаружилъ бы въ себѣ только темную и вездѣ вредную наклонность, простое по существу своему дѣло пояснять усложненіемъ; переспорить такую наклонность было бы съ нашей стороны тщетнымъ трудомъ, но зато и ея жалобамъ не дадимъ мы ни какого вліянія на наши собственныя убѣжденья. Напротивъ, гораздо дѣльнѣе выступаютъ противъ насъ тѣ сомнѣнія, которыя не видятъ въ свободномъ и безусловномъ рѣшеніи ни какой нравственной цѣны, а уважаютъ лишь того, кто избираетъ доброе, движимый силою добра, и которыя, однакожь, еще менѣе признаютъ условіе развитія нравственной воли въ такомъ выборѣ, гдѣ стать на противоположную сторону было бы не въ его власти. Будучи не фактомъ внутренняго наблюденья, но положеніемъ, къ пріему котораго мы считаемъ себя вынужденными общимъ строемъ нашего нравственнаго сознанія, вѣра въ свободу воли можетъ быть подтверждена или исправлена только обстоятельнымъ разборомъ нашихъ внутреннихъ побужденій, а это такая трудная задача, что мы должны отложить ее до гораздо позднѣйшей части этого изслѣдованья.

Въ заключеніе настоящаго очерка, которымъ, вовсе не думая исчернать полноту духовной жизни, мы старались только обозначить главныя черты ея внутренняго строенія, мы желали бы особенно выставить одну мысль, какъ истинный плодъ всѣхъ этихъ соображеній: именно,—твердое убѣжденіе въ коренной разности, отдѣляющей условія внутренней жизни отъ

Digitized by Google

особенностей хода внѣшней природы. Не только элементы первой вовсе не сходны съ элементами второй: сознаніе, чувствованіе и воля не имѣютъ ни какого подобія съ тѣми состояніями, которыя наблюденіе или указываетъ намъ въ матеріальныхъ массахъ или вынуждаетъ насъ въ нихъ допускать; самыя формы дѣятельности, всѣ проявленія соотносительнаго объединенія многоразличнаго, которыхъ цѣнность намъ теперь извѣстна, не представляютъ ни какихъ аналогій съ взаимнодѣйствіями, замѣчаемыми въ сферѣ матеріальныхъ массъ. Сколько преобладающее развитіе естественныхъ наукъ ни пріучило насъ считать выработанныя ими основныя представленія за всюду-примѣнимыя опоры изслѣдованья, мы должны, однако же, сознаться въ томъ, что здѣсь мы вступили совсѣмъ въ иную и новую область, которой особая природа требуетъ отъ насъ навычки и къ новымъ, своеобразнымъ воззрѣніямъ. Ошибочно было бы полагать, что требованіе это высказывается только въ противоборство матеріализму, который, отвергая самобытность духовнаго существа, долженъ послѣдовательно отвергать и обязанность искать новыхъ способовъ воззрѣнія на предметъ, въ которомъ онъ не признаетъ для себя ни чего новаго; та же самая, порицаемая нами, наклонность распространена гораздо далѣе и въ тѣхъ взглядахъ, которые опираются, подобно нашему, на самобытную первоначальность духовнаго существа. Благодаря созерцанію природы, мы дотого присматриваемся къ опосредствованнымъ только дѣйствіямъ и объясненію ихъ средней сложностью наличныхъ участковъ, дотого привыкаемъ сводить значительныя разности свойствъ на маловажныя перемѣны въ величинѣ и способѣ сочетанія однородныхъ элементовъ, что наконецъ теряемъ способность понимать все непосредственное, и нашей мыслію невольно овладѣваетъ общая страсть къ умственно-возсоздательнымъ постройкамъ или конструкціямъ, такъ что наконецъ уже рѣ-

Digitized by Google

шительно подо все подсовываемъ мы сложный механизмъ его возникновенія и существованья. Тогда мы почти готовы утверждать, что и въ насъ самихъ нѣтъ ничего, кромѣ наружнаго сцѣпленія событій, подобнаго передачѣ движенія, которою, какъ мы видимъ во внѣшней природѣ, одинъ элементъ толкается впередъ другимъ; а что происходитъ въ насъ затѣмъ еще далѣе, — сознаніе, чувствованіе и стремленье, — все это готовы бы мы были, пожалуй, принять за какое-то марево, или какой-то побочный отблескъ, бросаемый тѣмъ настоящимъ въ насъ процессомъ, не требуйся тутъ чего-нибудь еще, для чего и въ чемъ именно происходитъ этотъ отблескъ. Вотъ это-то нѣчто тутъ дѣйствительно и есть: каждое частное проявленье нашего сознанія, каждое волненіе нашихъ внутреннихъ чувствъ, каждое зарождающееся въ насъ рѣшеніе, громко говорятъ намъ, что съ неотразимою и неоспоримою дѣйствительностью происходятъ въ насъ такія событія, которыхъ не измѣрить ни какою мѣрою естествовѣдныхъ понятій. Доколѣ мы все это переживаемъ внутри себя, матеріализмъ, конечно, можетъ еще пробавляться въ школѣ, ютящей въ себѣ такъ много противожизненныхъ помысловъ; пожалуй, онъ можетъ даже подъ-часъ торжествовать, но сами его исповѣдники живою своею дѣятельностью будутъ явно противорѣчить своему же ошибочному мнѣнью. Ибо всѣ они будутъ по прежнему любить и ненавидѣть, надѣяться и опасаться, мечтать и изслѣдовать, и тщетны будутъ ихъ старанія увѣрить насъ, что вся эта разнообразная игра духовныхъ дѣятельностей, которую безсильно истребить даже и умышленное отвращеніе отъ всего сверхчувственнаго, есть лишь порожденіе ихъ тѣлесной организаціи, и что интересъ къ истинѣ, обнаруживаемый одними, или честолюбивая раздражительность, замѣтная у другихъ, происходитъ только изъ отправленій ихъ мозговыхъ волоконъ. Изъ всѣхъ заблужденій человѣческаго духа самымъ чуднымъ

Digitized by Google

казалось мнѣ всегда то, какъ дошелъ онъ до сомнѣнія въ своемъ собственномъ существѣ, которое онъ одинъ непосредственно переживаетъ, или какъ попалъ онъ на мысль возвратить себѣ это существо въ видѣ подарка со стороны той внѣшней природы, которую мы знаемъ только изъ вторыхъ рукъ, именно посредствомъ нами же отринутаго духа.

Digitized by Google

КНИГА ТРЕТЬЯ.

ЖИЗНЬ.

Digitized by Google

Digitized by Google

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Связь между тѣломъ и душой.

Разныя ступени міропонятія; истинныя и производныя, или второстепенныя точки зрѣнья.—Общая связь между духомъ и тѣломъ.—Возможность и необъяснимость взаимнодѣйствій между однороднымъ и разнороднымъ.—Начало ощущеній.—Направленіе движеній.—Пластическое вліяніе души.

Наблюденіе внутренней жизни увело насъ далеко отъ тѣхъ путей, которыхъ обыкновенно держится объясненіе естественныхъ явленій; благодаря ей открылся намъ совсѣмъ иной кругозоръ. Духовное бытіе оказалось дотого своеобразнымъ, что только самая необдуманная привычка къ формамъ чувственности могла считать мыслимымъ происхожденіе его изъ взаимнодѣйствія веществъ: но чѣмъ значительнѣе его особенность, тѣмъ живѣе подступаютъ къ намъ теперь неудержимые почти вопросы о возможности того обоюднаго вліянія, въ какомъ встрѣчаемъ мы вездѣ двѣ столь рѣзко различныя области всемірной жизни Какъ сильно и многознаменательно въ каждомъ отдѣльномъ лицѣ перемѣна тѣлесныхъ настроеній дѣйствуетъ на степень и направленіе духовной подвижности, въ этомъ, не говоря уже напрасно ни о чемъ другомъ, удостовѣряетъ насъ самый обыкновенный опытъ,—даже и помимо всѣхъ тѣхъ легкомысленныхъ преувеличеній, благодаря которымъ многіе изъ взглядовъ нашего времени, какъ будто бы

Digitized by Google

забывъ всякое самообладаніе и самоотверженье, думаютъ во всѣхъ движеніяхъ души видѣть одинъ лишь тожественный отголосокъ физическихъ событій. Какъ много всякое высшее развитіе общества зависитъ отъ безчисленныхъ взаимнодѣйствій между нами и внѣшнимъ міромъ, — взаимнодѣйствій, все же обусловленныхъ тѣлесною дѣятельностью и потребностями организма, и какъ мощно окружающая насъ природа, то облегчая, то упорно затрудняя намъ путь, или будитъ силы наши къ новому развитію, или сокрушаетъ ихъ совершенно, — всему этому представляетъ несомнѣнныя доказательства каждая эпоха, но конечно ни одна не сознавала этой зависимости такъ вполнѣ и ясно, какъ наша. Предоставимъ будущему рѣшить, даетъ ли намъ это какое-нибудь общее преимущество противъ прежнихъ поколѣній, сбережетъ ли въ насъ эта сознательная и, по объему своихъ усилій, величавая эксплуатація внѣшняго міра въ видахъ общихъ пользъ, также и живое чувство тѣхъ высокихъ цѣлей, на службу которымъ призвана вся блистательная обстановка просвѣщенья; вѣрно лишь одно, что торопливость прогрессивнаго порыва не успѣла еще подавить участія къ тѣмъ полновѣснымъ, все сызнова возникающимъ передъ нами, вопросамъ насчетъ связи духовнаго міропорядка съ ходомъ природы вообще и насчетъ связи нашей личной души съ ея тѣлесной оболочкою въ частности.

Но чѣмъ многообразнѣйшіе интересы волнуютъ направленную ковнѣ шумную жизнь, отъ которой, сосредоточиваясь въ самихъ себѣ, мы постоянно возвращаемся къ думѣ надъ рѣшеніемъ этихъ вопросовъ, тѣмъ разновиднѣе становятся не только потребности ихъ выяснить, но и тѣ тайныя ожиданья, съ какими мы приступаемъ къ изслѣдованію ихъ, тѣ скрытныя сѣмена недоразумѣній, которыя, выростая потомъ съ живымъ противорѣчіемъ разнообразной своей притязательности, грозятъ смутить и перепутать всѣ усилія съ нашей стороны.

Digitized by Google

Удовлетворить всѣмъ этимъ требованіямъ души, часто не увѣреннымъ въ себѣ самихъ,—дѣло трудное для какого бы то ни было воззрѣнья; но особенно трудно оно тогда, когда не раздѣляя по частямъ задачъ, мы захотимъ выполнить однимъ разомъ всѣ тѣ цѣли, какія можетъ вообще поставить себѣ научное изслѣдованье.

Вѣдь желанья наши могутъ быть устремлены или на уразумѣніе явленій и на предчаяніе существеннаго ихъ смысла, или на точное познаніе формъ ихъ связи и ихъ взаимную предрасчислимость одного изъ другихъ; но разныя несовершенства человѣческой природы, повидимому, отказываютъ намъ въ возможности вполнѣ слить два эти направленія въ нераздѣльное единство знанія. Дойдти до послѣднихъ и глубочайшихъ основъ существа вещей и выяснить себѣ тяжелую для насъ темноту явленій изъ первоначальныхъ законовъ всякаго дѣйствія и изъ разумнаго плана, связывающаго частныя событія въ общій порядокъ многозначительнаго цѣлаго, — этой идеальной задачи не желалось бы намъ ни опостылить восторженному стремленію, всегда снова возвращающемуся къ ея рѣшенью, ни уронить въ глазахъ той, можно-сказать грубой, непріимчивости, которая отвертывается отъ нея, считая ее ни во что. Не смотря на то, мы должны, однакожь, допустить, что это углубленіе мысли въ высшее рѣдко порождало точное познаніе низшаго; доставляя намъ особенное удовлетвореніе невозмутимаго покоя въ нѣдрахъ общей основы всѣхъ вещей, оно не усиливало вмѣстѣ съ тѣмъ той зоркой подвижности, съ какою человѣческій духъ, обязанный для выполненія житейскихъ своихъ цѣлей вникать и въ связный распорядокъ конечнаго, имѣетъ всѣ поводы изслѣдывать, какимъ образомъ одно происходитъ здѣсь изъ другаго. Вездѣ, гдѣ къ задачамъ простого познанія присоединяются цѣли практической дѣятельности, гдѣ намъ нужно не только съ удивле-

Digitized by Google

ніемъ уразумѣвать ходъ событій, но и вторгаться въ него преобразовательно,—цѣнность пониманія всеобщихъ высшихъ началъ уступаетъ знанію тѣхъ ближайшихъ правилъ, какими обусловленъ частный кругъ нашей дѣятельности. Отъ созерцанія частностей мы, правда, легко переходимъ къ общему и высшему, что̀ надъ нами преобладаетъ; но труднѣе кажется намъ обратный путь изъ неопредѣленности всеобщаго въ такіе закоулки частныхъ явленій, которыми прямо овладѣть намъ тутъ всего нужнѣе. Вотъ почему тѣ науки, которымъ доселѣ обязаны мы самымъ надежнымъ и плодотворнымъ расширеніемъ нашихъ положительныхъ свѣдѣній, идутъ совсѣмъ не этою дорогой; онѣ исходятъ въ своей разработкѣ не отъ такихъ точекъ, которыя и всякому дальнѣйшему размышленію надлежало бы принять за высшія, достовѣрныя въ самихъ себѣ, основы послѣдующихъ выводовъ, за сущую, непреложную истину самихъ вещей. Напротивъ, многое оставляютъ онѣ не рѣшеннымъ или покамѣстъ въ сторонѣ, особливо окончательное оправданіе началъ, извлекаемыхъ ими изъ тщательнаго анализа опытовъ, какъ достовѣрныя, хотя и темныя въ своихъ основахъ опоры, на которыхъ держатся всѣ ихъ объясненія; всегда направляясь лишь впередъ, чтобы какъ можно ближе овладѣть частнымъ фактомъ, онѣ могутъ казаться созерцательнымъ умамъ, пожалуй, далеко не такъ мудрыми, но зато онѣ навѣрно тверже на ногу и бойчѣе на руку нежели тѣ высшіе взгляды, которые по большей части выступаютъ съ неосуществимыми притязаньями, требуя всегда уже слишкомъ много и не давая ровно ничего. По соображеніи всѣхъ условій какого-нибудь естественнаго событія, намъ можетъ-быть и удастся иногда отыскать формулу, вполнѣ выражающую ихъ законъ; но мы не въ состояніи рѣшить полученнаго такимъ образомъ уравненья, и истина, которою мы въ немъ обладаемъ, остается для насъ заповѣднымъ сокровищемъ. Въ

Digitized by Google

такихъ случаяхъ наука покоряется судьбѣ, и, выкинувъ изъ своего розыска нѣкоторыя условія, маловажныя въ обосновкѣ факта и между тѣмъ страшно усложняющія формулу, она выводитъ изъ упрощеннаго и разрѣшимаго теперь уравненія такія слѣдствія, которыя, правда, вѣрны только приблизительно, но все же гораздо полезнѣе вполнѣ вѣрныхъ, да зато и недоступныхъ намъ, другихъ. Такимъ же образомъ найдемъ мы можетъ-быть и вѣроятное объясненіе высшихъ цѣлей міра; но всѣ бывшіе въ этомъ родѣ опыты пріучили насъ доселѣ къ тому горю, что изъ столь возвышенныхъ задачъ мы плохо умѣемъ выводить многосложный процессъ, какимъ обычный ходъ природы приводитъ ихъ въ исполненіе; а между тѣмъ практическія побужденья ко всѣмъ нашимъ изслѣдованіямъ лежатъ преимущественно въ той области, которой законы оказываются болѣе или менѣе доступными для мысли, парящей не слишкомъ уже высоко.

Это естественное пристрастіе къ вещамъ, которыя намъ по силѣ, подкрѣпляется еще двоякимъ соображеніемъ, убѣждающимъ насъ подѣлить задачу, которой рѣшеніе намъ предстоитъ. Чѣмъ болѣе удаляемся мы отъ данныхъ фактовъ, чтобы въ обобщительномъ сравненіи искать высшихъ началъ, долженствующихъ воротить насъ къ нимъ снова, тѣмъ болѣе неизбѣжно размножаются источники всевозможныхъ погрѣшностей; число ихъ ростетъ вмѣстѣ съ числомъ тѣхъ посредствующихъ членовъ, которыми наши заключенія смыкаютъ данное съ искомымъ высшимъ. Стало-быть, одна лишь роковая вѣра въ ея собственную непогрѣшимость можетъ увлечь науку до того, чтобы все познаніе свое о многообъятнѣйшемъ содержаніи она охотно привязывала къ возможно-меньшему числу первыхъ началъ или нанизывала бы ихъ на тонкую нить одного начала, съ разрывомъ которой разсыпалось бы и все ея сооруженіе. Вмѣсто того, чтобъ утверждать свою

Digitized by Google

постройку на острому лезвеѣ одного основнаго созерцанія и, такимъ образомъ, все болѣе и болѣе глубокомысленными средствами выполнять странный фокусъ возможно-бо́льшей падучести, она принесетъ гораздо болѣе пользы, если прежде чѣмъ пускаться въ высоту, приготовитъ возможно-широкое основаніе для своего подъема, и, дѣйствуя сдержаннѣе и скромнѣй, первоначально сведетъ данный предметъ къ тѣмъ ближайшимъ объяснительнымъ началамъ, какихъ требуетъ его особенность, доступная отчетливому познанью. Она предоставитъ себѣ, на этихъ первоначальныхъ выводахъ основать современемъ высшія соображенья; но, помня, какъ на подобной высотѣ постепенно утрачивается ясность изслѣдуемыхъ очертаній, а съ нею падаетъ и вѣрность нашего обсужденія, наука допуститъ здѣсь возможность ошибочныхъ выводовъ, и тѣмъ самымъ уменьшитъ ихъ зловредность. Она будетъ считать себя вольною опять покинуть высшія эти области, которыя чаяла совсѣмъ покорить себѣ при недостаточныхъ своихъ средствахъ, и, покинувъ, снова ограничиться тѣми низшими воззрѣньями, которыя все-таки могутъ держаться независимо и сами по себѣ, и хотя смотрятъ не съ превыспренней высоты, но все же открываютъ намъ какую-нибудь истину и дѣйствительность.

И наконецъ, надѣйся мы даже безошибочно взойдти до самой вершины высшихъ началъ міропознанія, мы и тогда имѣли бы достаточный поводъ рѣдко вступать на этотъ путь. Ибо для достиженія этой высоты пришлось бы намъ разстаться съ множествомъ такихъ представленій, на примѣненіи которыхъ основана для насъ вся ясность и наглядность въ повседневномъ обиходѣ съ предметами. Поэтому, сколь ни рѣшительно должны мы поступиться вѣрностью привычнаго намъ наглядnаго созерцанья, нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что, возвратясь съ высшихъ точекъ зрѣнія въ равнину окружаю-

Digitized by Google

щаго насъ конечнаго міра, мы опять-таки должны будемъ предпочесть языкъ своихъ чувственныхъ представленій. Отчетливости и ясности не достигнемъ мы никогда, отступая въ каждомъ данномъ случаѣ отъ привычныхъ формъ человѣческаго пониманья и замѣщая ихъ гораздо менѣе опредѣленнымъ языкомъ высшей истины; отчетливость и ясность пріобрѣтемъ мы только тѣмъ, если, дойдя къ началу вещей, уразумѣемъ изъ него тѣ предѣлы, въ какихъ можемъ безошибочно употреблять привычныя формы постиженья, какъ послушные органы нашего познанія, какъ приблизительныя и сподручныя сокращенія истиннаго существа вещей. Вмѣшивать же высшія начала, отъ которыхъ конечно зависитъ всякое послѣднее рѣшеніе, прямо въ чистыя и одиночныя изслѣдованья, приноситъ не пользу, а всегда только вредъ, распространяя на нихъ какую-то жуткую, запугивающую неясность; никто не въ силахъ удержать передъ собой въ мысли весь рядъ тѣхъ послѣдовательныхъ опредѣленій, благодаря которымъ эти высшія начала собственно и становятся тѣмъ, отъ чего прямо и всего ближе зависитъ данный случай. Хотя астрономія давно рѣшила недвижность солнца и движеніе земли, однакожь словоупотребленіе избѣгаетъ безвкусицы предпочитать «восходу и закату» солнца тяжеловѣсное выраженіе того, что̀ тутъ въ самомъ дѣлѣ происходитъ; хотя отъ силъ, съ какими дѣйствуютъ другъ на друга мельчайшія частицы, зависитъ бо̀льшая или ме́ньшая способность тѣлъ возстановлять свой первоначальный видъ, когда онъ нарушенъ, однако мы не принимаемся же каждый разъ особенно вычислять это дѣйствіе, и очень рады, что въ понятіи упругости и въ дознанныхъ опытомъ законахъ ея имѣемъ сподручныя средства для гораздо удобнѣйшаго обсужденія; наконецъ, хотя каждая перемѣна, черезъ которую наша пища становится съѣдобною, конечно, основана на общихъ химическихъ законахъ, мы не ожидаемъ однако, пока

Digitized by Google

ихъ откроютъ, да по всей вѣроятности даже и тогда само поваренное искусство почтетъ опытные свои пріемы лучшею порукой за успѣхъ, нежели всѣ предписанія (запоздалой) науки. Нерасположеніе, доселѣ обнаруживаемое высшими изслѣдованьями, размѣнивать кладъ своихъ, быть-можетъ очень важныхъ, выводовъ на ходячую монету легко запоминаемыхъ мыслей и всѣмъ понятныхъ сокращеній, не только лишаетъ ихъ общаго сочувствія, но способствуетъ и къ ихъ собственной неясности. Нельзя назвать совершеннымъ состояніе того общества, гдѣ рѣшеніе каждой спорной мелочи и распорядокъ по выполненію ничтожнѣйшаго дѣла должны непосредственно идти отъ высшихъ властей; какъ здѣсь, въ подручники законодателю и верховному правительству, ставимъ мы навычный механизмъ администраціи, такъ точно и наукѣ нужна извѣстная іерархія взглядовъ, и недостаточныя рѣшенія низшихъ, конечно, должны представляться для лучшаго разбора высшимъ, но не вездѣ же ищущее правды изслѣдованье непремѣнно обязано восходить дальнимъ путемъ до послѣдняго начала міра. — Все это необходимо было предпослать первому воззрѣнію на связь между тѣломъ и душою, которое намѣрены мы теперь развить, вовсе не съ притязаніемъ удовлетворительно рѣшить эту задачу, но въ надеждѣ дать сподручный и достаточный очеркъ тѣхъ представленій, которыми можно пользоваться при изслѣдованіи частныхъ случаевъ тѣлесно-духовнаго взаимнодѣйствія.

Всего скорѣе ожидать неизбѣжнаго вопроса о связи между тѣломъ и душой вообще: въ размышленіяхъ такого рода онъ ставится обыкновенно первымъ, и къ нему же возвращаются потомъ опять, когда, не удовлетворясь цѣлой вереницей возможно обстоятельныхъ разъясненій, хотятъ какъ бы совмѣстить въ немъ еще разъ всю главную трудность предпринятаго изслѣдованья. И однакожь, едва ли что можетъ быть вреднѣе того не-

Digitized by Google

доразумѣнія, какое заключается именно въ этой постановкѣ вопроса. Ибо что такое связь, если не средство внѣшняго сочетанія для того, что само по себѣ не вяжется, и что, по отсутствію всякаго внутренняго соотношенья, не расположено обмѣниваться взаимнодѣйствіемъ? Да и удайся намъ, наконецъ, открыть это общее, эту связь между тѣломъ и душою, какой бы собственно потребности мы тогда удовлетворили? Ни одно изъ множества происходящихъ между ними взаимнодѣйствій не стало бы объяснимѣе ни въ своемъ видѣ, ни въ своемъ качествѣ, изъ этой внѣшней для нихъ смычки; даже самую возможность обоюднаго ихъ вліянія пришлось бы намъ, совсѣмъ новымъ поворотомъ изслѣдованья, стараться опять уразумѣть изъ природы связанныхъ между собою элементовъ, такъ какъ въ неопредѣленномъ представленіи связи мы отнюдь не встрѣчаемъ этой возможности. А притомъ, какова бы ни была связь, что жь за новыя еще узы сопрягаютъ ея собственныя составныя части, чтобы своей вязкостью она могла потомъ вязать и другое? Сколько ни прибѣгай мы безъ конца къ помощи все тончайшихъ и тончайшихъ цементовъ или смазокъ, мы будемъ же наконецъ вынуждены допустить, что не предшествующая связь оспособляетъ послѣдніе элементы къ взаимнодѣйствію, но что именно само взаимнодѣйствіе и смыкаетъ ихъ непосредственно между собой, придавая имъ силу связывать и другіе элементы, которыхъ собственное взаимное сродство слишкомъ безсильно для того, чтобъ отстоять свой союзъ противъ напора одолѣвающихъ его препятствій.

Но требованіе показать здѣсь общую связь, не заключаетъ ли въ себѣ того правильнаго смысла, что хочется знать условіе, при которомъ осуществленіе взаимнодѣйствія именно и становится возможнымъ? Сосудъ, объемлющій собою два химическія вещества, не дѣйствуетъ ли какъ связь, которая понуждаетъ ихъ взаимно соприкасаться, и тѣмъ самымъ даетъ имъ

Digitized by Google

случай проявить тѣ вліянія, которыхъ особенныя свойства и размѣры, конечно, зависятъ отъ ихъ собственнаго взаимнаго сродства? Элементы, не отличающіеся такой живостью взаимнодѣйствій, при которой они непремѣнно ищутъ другъ друга сами собой, безъ сомнѣнія нуждаются въ посредникѣ, который бы сводилъ ихъ другъ съ другомъ; но послѣ того, какъ разъ они сошлись, соединеніе поддерживается уже не этимъ посредникомъ и не какимъ-либо сосудомъ, но ихъ собственными взаимнодѣйствіями, и часто оно становится гораздо прочнѣе того, какое могло бы быть дано имъ наружной связью. Но оставимъ теперь сравненія и скажемъ напрямикъ: вопросъ о томъ, какимъ способомъ тѣло и душа соединились при первомъ жизнеобразованіи, можетъ дѣйствительно заслуживать вниманья; но вѣдь ближайшимъ предметомъ нашихъ изысканій должна все-таки быть сложившаяся и уже поддерживающаяся только жизнь, такъ какъ одно лишь знакомство съ наличнымъ ея существованіемъ можетъ вести насъ къ догадкамъ о ея происхожденіи; а требовать отъ нея какой-то еще особой связи между тѣломъ и душой, помимо живаго ихъ взаимнодѣйствія, это уже совершенно лишнее и при томъ жалкое представленье. Оно точно такъ же излишне, какъ еслибъ мы захотѣли, напримѣръ, увидѣть наглядно и особнякомъ связь дружбы, соединяющую два сердца, тогда какъ дружба-то именно и есть эта связь; мы назвали его жалкимъ, потому что оно силится снять тѣло съ душой совершенно внѣшнимъ образомъ, не размысливъ о томъ, что вмѣсто этой безформной его связи, тонкоразчлененная плетеница безчисленныхъ соотношеній мудро приспособляетъ ихъ ко взаимному содѣйствію и соучастію въ каждомъ состояніи и въ каждой потребности того и другого. Вѣдь любое взаимнодѣйствіе, какимъ обмѣниваются они между собой, есть нить той неизслѣдимой ткани, которою они связаны, и насмѣшливыя возраженія, осыпающія такъ часто помыслъ

Digitized by Google

о составѣ человѣческой природы изъ тѣла и души, какъ будто бы онъ хочетъ произвесть все наше существо простымъ сложеніемъ двухъ разныхъ элементовъ, только напрасно переносятъ скудость своего собственнаго представленія о общей связи на безконечное разнообразіе этого организованнаго взаимнодѣйствія между тѣломъ и душой. И такъ, оставимъ этотъ безполезный взглядъ въ сторонѣ, все равно, ищетъ ли онъ, въ грубѣйшей своей формѣ, какого-то вещественнаго цемента, вяжущаго тѣло и душу, положимъ хоть въ видѣ эѳирной матеріи, или, когда въ формѣ, болѣе утонченной, но отнюдь не болѣе истинной, онъ ставитъ самую душу непосредственнымъ звеномъ между тѣломъ и духомъ, и всѣмъ этимъ только пріумножаетъ число спаекъ, которыя бы ему хотѣлось, однакожь, затереть и замазать.

Но сами эти взаимнодѣйствія не принадлежатъ ли къ разряду необъяснимѣйшихъ явленій? Да и есть ли какое-нибудь средство наглядно представить себѣ, какимъ образомъ впечатлѣнія отъ тѣла переходятъ къ душѣ и идутъ отъ нея обратно? Этотъ вопросъ опять обиленъ недоразумѣніемъ, и по настоящему это лишь только новая форма выраженія для той же ложной мысли, на которой основанъ первый. Взаимнодѣйствіе тутъ, конечно, не объяснимо, но оно принадлежитъ не къ такимъ, процессамъ, въ дѣйствительности которыхъ могли бы мы усомниться только по ихъ необъяснимости, какъ будто бы они непремѣнно и должны были объясняться по извѣстнымъ намъ законамъ; напротивъ, оно само не иное что, какъ понятіе простого и первоначальнаго процесса, къ которому приводитъ насъ любое объясненіе всякаго сложнаго явленія, и который, не понимая хорошенько, что мы дѣлаемъ, мы хотѣли бы теперь основать на его же собственныхъ послѣдствіяхъ. Или не требуемъ ли мы этимъ вопросомъ быть-можетъ совсѣмъ не того, чтобъ намъ подробно и наглядно описали руки, которыми

Digitized by Google

душа дѣятельно перехватываетъ въ тѣло, а потомъ и тѣ физическія орудія, которыми тѣло сообщаетъ ей свои впечатлѣнья: словомъ, чтобы намъ изобразили весь тотъ механизмъ, какимъ въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ вообще взаимнодѣйствіяхъ, посредствуется переходъ вліянія съ чего-либо одного на другое? Вникнувъ въ себя безъ предубѣжденія, мы не рѣшимся отрицать, что въ нашемъ міропонятіи любопытство очень нерѣдко заступаетъ любознательность, и что обильное удовлетвореніе одного интересною пестротою смѣняющихся образовъ слишкомъ часто заставляетъ насъ позабывать, до какой степени останется при этомъ неутоленною другая. Нерѣдко мы цѣнимъ основательность своего знанія по множеству частностей, съ которыми успѣли освоиться въ томъ или другомъ предметѣ изслѣдованія; чѣмъ болѣе внутренняго механизма, чѣмъ болѣе сложности открываетъ въ немъ наше разлагающее вниманіе, тѣмъ, кажется намъ, полнѣе уразумѣли мы его сущность и образъ дѣйствій. Мы не подумаемъ, что это многоразличіе связанныхъ между собою членовъ собственно только увеличиваетъ сумму матеріала, нуждающагося въ объясненіи, и что никакое указаніе посредствующихъ звеньевъ между первою причиной и конечнымъ слѣдствіемъ отнюдь не рѣшаетъ загадку о возможности взаимнодѣйствія различныхъ элементовъ, а напротивъ только усложняетъ ее. Осмотрѣвъ нутрь машины, которой дѣйствіе казалось намъ сначала непонятнымъ, и запримѣтивъ, гдѣ каждое колесо прихватываетъ другое, передавая свои собственныя движенья въ извѣстныхъ направленіяхъ другимъ частямъ, мы думаемъ, что разрѣшили уже всѣ тонкости, а между тѣмъ не узнали ничего о томъ внутреннемъ процессѣ, которымъ дѣйствующія силы производятъ здѣсь окончательный результатъ; общую и неоглядную тайну цѣлой машины мы разложили только на частныя тайны простыхъ естественныхъ дѣйствій, вразсужденіи которыхъ порѣшено у

Digitized by Google

насъ однажды навсегда принимать ихъ за вполнѣ ясныя, не смотря на то, что при ближайшемъ разборѣ они оказываются для насъ совершенно непонятными. Всякое механическое дѣйствіе основано вѣдь на передаваемости движенья и на прочности состава и связи массъ, между которыми должна совершиться передача. А которое изъ этихъ двухъ условій для насъ понятно? Съумѣемъ ли мы, напримѣръ, сказать, что̀ собственно происходитъ въ передачѣ движенія, и какъ движущее тѣло берется за то, чтобы напоромъ или толчкомъ привести въ движеніе другое и сообщить ему часть своей скорости? Или ужь не яснѣе ли намъ то, какъ и почему отдѣльныя части маховаго колеса держатся такъ крѣпко другъ за друга, что толчокъ, данный одной, принуждаетъ и всѣ другія двигаться вмѣстѣ съ нею и совершать на оси тотъ кругооборотъ, который употребляется потомъ для производства новыхъ полезныхъ дѣйствій? Положимъ, мы сошлемся на вліяніе притягательныхъ силъ, которыми всѣ частички сплачиваются въ одно цѣлое. Но это взаимнодѣйствіе обоюдныхъ притяженій, въ чемъ же оно состоитъ и отъ чего происходитъ? Какимъ образомъ силы эти перехватываютъ за предѣлы тѣла, которому онѣ принадлежатъ, и дѣйствуютъ на другое, имъ чуждое, такъ могущественно, что оно вынуждается слѣдовать его притяженью? Мы теперь не боимся, чтобы и тутъ не заговорили опять объ особой связи, сопрягающей, напримѣръ, солнце съ планетами; и на вопросъ, по какому же праву въ данномъ случаѣ то сокращаютъ, то удлиняютъ эту связь, намъ, разумѣется, дадутъ уклончивый отвѣтъ, что это вѣдь одно изъ тѣхъ простыхъ естественныхъ дѣйствій, которыми, конечно, можно объяснить себѣ форму болѣе сложныхъ результатовъ, но что само оно не можетъ быть далѣе разъяснено ни какимъ посредствующимъ механизмомъ. Намъ очень хорошо извѣстно, что̀ мы разумѣемъ, приписывая чему-нибудь бытіе, хотя и

Digitized by Google

никогда не узнаемъ, какъ бытіе дѣлается; равно извѣстно намъ и то, что̀ мы разумѣемъ, когда говоримъ о дѣйствіи, хотя никогда не съумѣемъ показать, какъ оно вообще происходитъ. Наукѣ нашей подъ силу только тщательно искать условій, при какихъ наступаетъ это непонятное и непостижимое дѣйствіе; и какъ ни громадны, какъ ни важны были бы ея подвиги въ дѣлѣ разъясненія и отчетливаго разбора многосложныхъ процессовъ жизни, лишь только дойдетъ она до простыхъ взаимнодѣйствій, на которое сводится ею все многоразличное, она вездѣ должна покончить признаніемъ, что настоящій актъ дѣйствія остается для насъ равно необъяснимымъ во всѣхъ возможныхъ случаяхъ его проявленья.

Это, разумѣется, и допускаютъ, но только лишь до тѣхъ поръ, пока рѣчь не коснется вопроса о взаимнодѣйствіи между тѣломъ и душою. Стоитъ однако хоть нѣсколько вникнуть въ естествознаніе, и сейчасъ научишься изъ него тому, что во всѣхъ формахъ взаимнодѣйствія между какими бы то ни было веществами господствуетъ точно такая же темнота, какъ и тамъ; но, не смотря на то, вошло въ непреодолимую почти привычку считать обоюдное вліяніе тѣла и души за какой-то исключительный, особенно несчастный случай, гдѣ, сверхъ всякаго ожиданія, остается для насъ совершенно темнымъ то, что будто бы вполнѣ ясно въ любомъ примѣрѣ или случаѣ чисто-физическихъ дѣйствій. Мы, правда, уже показали, до какой степени не ясно оно и тамъ; но эта докучная жалоба будетъ повторяться попрежнему, такъ какъ впечатлѣніе неясности усиливается здѣсь несравнимостью тѣхъ членовъ, которые должны другъ на друга дѣйствовать. Вещественнымъ частямъ тѣлеснаго состава противостоитъ сверхчувственная природа души: какимъ же образомъ толчокъ или гнетъ массъ, или химическое ихъ притяженіе,—единственныя средства, какими онѣ, повидимому, могутъ дѣйствовать,—окажутъ вдругъ вліяніе на душу,

Digitized by Google

которая, какъ пустая тѣнь, не доступна имъ ни подъ какимъ видомъ. И наоборотъ, какъ можетъ велѣніе души, не одаренное само по себѣ исполнительною силой толчка или гнета, двигать массами, повинующимися только такого рода осязательнымъ побужденьямъ? Вѣдь обмѣнъ взаимнодѣйствій возможенъ только промежъ однородныхъ существъ? Но, при ближайшемъ обсужденіи, даже и это требованье однородности оказывается проистекшимъ изъ ошибочнаго предположенія, будто гнетъ, толчокъ, притяженье и отпоръ, или химическое сродство, суть объяснительныя условія взаимнодѣйствія, тогда какъ они только тѣ формы, въ какихъ дѣйствіе происходитъ непонятнымъ для насъ образомъ. Совершенное равенство двухъ столкнувшихся шаровъ само по себѣ не дѣлаетъ передачи ими другъ другу движенія болѣе понятнымъ; оно только доставляетъ нашей наглядкѣ ту выгоду, что мы можемъ представить себѣ оба взаимнодѣйствующіе элемента съ одинаковой ясностью и видѣть пространственное движеніе, какимъ они сближаются между собою: то-есть, она даетъ намъ возможность видѣть передъ собой образъ той обстановки дѣла, въ какой находятся они до взаимнодѣйствія; но какъ совершается оно само, этого она ни на волосъ не уясняетъ. Преимущества наглядности мы дѣйствительно лишены въ вопросѣ о душѣ. Мы, пожалуй, и удовлетворились бы тѣмъ, еслибъ увидѣли ее готовою навинуться на вещество, для того чтобъ въ него проникнуть, или расширяющеюся для того, чтобы лучше принять отъ него толчокъ: тогда передъ нами былъ бы по крайней мѣрѣ многожеланный наглядный образъ, хотя для уразумѣнія дѣла не выиграли бы мы этимъ ничего. Быть-можетъ, дальнѣйшій ходъ нашего изслѣдованья приведетъ насъ и къ такой точкѣ зрѣнья, гдѣ разнородность сверхчувственной души и чувственно-ощущаемой матеріи исчезнетъ сама собою; но если она даже и не исчезнетъ, то все-таки ни мало не увеличитъ собою предстоящей намъ

Digitized by Google

трудности. Потому что актъ дѣйствія, будучи самъ не чувственно-наглядным процессомъ, не можетъ требовать иной однородности взаимнодѣйствующихъ членовъ, кромѣ той, которая вполнѣ дается свойствомъ души противостоять атомамъ вещества, какъ дѣйствительная сущность, способная и дѣйствовать, и страдать; тогда какъ на атомы, съ другой стороны, смотримъ мы также какъ на реальныя средоточія входящихъ и исходящихъ дѣйствій. Всякое требованіе дальнѣйшаго еще сходства основывалось бы только на заблужденіи, воображающемъ себѣ въ актѣ дѣйствія переходъ совсѣмъ готовыхъ состояній изъ одного элемента въ другой, и потому, конечно, вынужденнаго настаивать на подобіи или равенствѣ обоихъ, чтобы имѣть возможность предложить переселяющемуся состоянію опять точно такое же помѣщеніе и тамъ, куда оно переходитъ.

И надо же наконецъ присовокупить, что взаимнодѣйствій, вообще говоря, не существуетъ, такъ же какъ—что мы видѣли изъ прежнихъ разысканій—не существуетъ и связи вообще. Каждое дѣйствіе есть нѣчто особенное, опредѣленное по величинѣ и по формѣ, и нѣтъ у насъ ни какого основанія полагать, чтобы всякое различіе результатовъ въ жизни міра всегда происходило лишь отъ разныхъ способовъ сочетанія и употребленія одного и того же однороднаго дѣйствія. Если это такъ, то что же бы мы выиграли для уразумѣнія явленій, даже и выясни мы себѣ какъ-нибудь общую возможность взаимнодѣйствія между тѣломъ и душою? Вѣдь мы все-таки не могли бы изъ нея понять, почему въ различныхъ обстоятельствахъ долженъ наступить то тотъ, то другой особенный образъ дѣйствій между ними. Стало-быть, интересъ науки вовсе не требуетъ дальнѣйшаго разъясненія этого крайне общаго вопроса. Она должна будетъ согласиться и предположить, что способъ, какимъ вообще возможны всяческія дѣйствія, во всѣхъ разноо б

Digitized by Google

разныхъ случаяхъ и въ любой области событій, вездѣ равно недоступенъ для мысли, то-есть равно ею невоспроизводимъ; что настоящее и плодоносное поле изслѣдованія лежитъ лишь въ розыскѣ того, при какихъ опредѣленныхъ и удобопоказныхъ условіяхъ наступаютъ вообще и законно столько же опредѣленныя и удобопоказныя дѣйствія. Отрекшись вывѣдать, почему и какъ дѣйствія вообще исходятъ отъ причинъ своихъ, наука обращаетъ вниманіе на другой, болѣе полезный, вопросъ, какія именно дѣйствія отъ какихъ исходятъ причинъ. Предоставляя заботу о выполненіи событій всеобщей и подзаконной естественной необходимости, которой велѣнія не встрѣчаютъ себѣ ни какого противоборства, устраняемаго помощію тѣхъ или другихъ особыхъ средствъ, она обрѣтаетъ въ этой мысли столько же обильный и плодучій предметъ изслѣдованья, какой астрономія нашла себѣ въ представленіи о всеобщемъ тяготѣніи: и послѣдняя не знаетъ, какъ происходитъ тяготѣніе, но, соображая многоразличныя обстоятельства, при какихъ возможно наступленіе непостижимыхъ его дѣйствій, она тѣмъ и менѣе можетъ объяснить имъ бездну самыхъ многосложныхъ явленій.

Этотъ взглядъ можно обозначить вполнѣ вѣрно, назвавъ его технически — окказіонализмомъ*; но несправедливо было бы порочить это названіе, означающее такой взглядъ, который во всемъ, что представляется намъ обыкновенно производящею причиной какого-либо результата, видитъ одинъ случай, при которомъ этотъ результатъ наступаетъ непостижимымъ для насъ образомъ. Намъ же хотѣлось только пробудить сознаніе, что и всѣ лучшія свѣдѣнія наши о природѣ вездѣ ограничиваютъ-

* Этотъ терминъ первоначально введенъ Декартомъ, чтобы выразить ту необъяснимую случайность, съ какою, при предполагаемой имъ непосредственной помощи свыше, душа и тѣло дѣйствуютъ одновременно, но независимо другъ отъ друга.

Digitized by Google

ся однимъ точнымъ изученіемъ случаевъ, при которыхъ, благодаря внутренней связности дѣйствія, непостижимаго для насъ въ движущихъ его нервахъ, наступаетъ то или другое событіе, зависящее, въ силу общихъ законовъ, отъ какого-нибудь исключительно принадлежащаго ему повода, и измѣняющееся, въ силу столь же постояннаго правила, какъ скоро измѣнится этотъ поводъ. Мы не выходимъ изъ круга естествознательныхъ воззрѣній, полагая это соображеніе въ основу взаимнодѣйствіямъ между тѣломъ и душой; а только распространяемъ обычные пріемы естествовѣдѣнія послѣдовательно и на это новое соотношенье. Ясное уразумѣніе того, что и свѣдѣнія наши о физическихъ событіяхъ въ сущности ни сколько не глубже, дозволяетъ намъ даже опять употребить здѣсь въ дѣло тѣ наглядныя созерцанія повседневнаго опыта, о неприложимости которыхъ въ этомъ вопросѣ мы выше имѣли случай пожалѣть. Дѣйствительно, зачѣмъ намъ отказываться говорить о гнетѣ и толчкѣ, производимыхъ на душу массами, о взаимномъ притяженіи и отпорѣ между ею и ими, какъ скоро эти выраженія, хотя собственно и ничего не уясняя, служатъ однакожь къ удобному и наглядному сокращенію нашихъ представленій о ходѣ дѣла? Въ обыкновенной жизни мы прежде всего разумѣемъ подъ этими словами внѣшнія формы, принимаемыя взаимнодѣйствіемъ между довольно крупныхъ и многосложныхъ уже массъ. Тутъ представляется намъ, что массы дѣйствуютъ путемъ толчка или гнета. Но если мы перейдемъ къ простымъ атомамъ, образующимъ составъ этихъ тѣлъ, то въ самомъ кругу физическихъ созерцаній неизбѣжно попадемъ на представленіе о большихъ промежуткахъ, которыми мельчайшія частицы раздѣлены даже и внутри плотнѣйшихъ массъ, и которыхъ величина можетъ, правда, умаляться дѣйствіемъ различныхъ силъ, однакожь никогда не устранима до полнаго соприкосновенія атомовъ. Толчокъ между двумя атомами дол-

Digitized by Google

жно стало-быть понимать уже совсѣмъ иначе. Еще прежде, чѣмъ наступитъ соприкосновеніе, приближенье одного возбуждаетъ или усиливаетъ стало-быть въ другомъ отталкивающую силу, и происходящее за тѣмъ дѣйствіе, которое сперва считали мы возникшимъ отъ осязательнаго сшиба въ столкновеніи, какъ отъ осуществляющаго его средства, въ самомъ дѣлѣ зависитъ отъ такого взаимнаго вліянія элементовъ другъ на друга, источникъ котораго не умѣемъ мы указать уже ни въ какомъ дальнѣйшемъ механическомъ приспособленіи. Явленіе толчка оказывается такимъ образомъ только слѣдствіемъ внутренняго, ничѣмъ не опосредствованнаго, соглашенія вещей между собою, въ силу котораго онѣ дѣйствуютъ другъ на друга своими состояніями по уставленнымъ для того общимъ законамъ. Почему же теперь атомъ нервной системы не могъ бы точно такъ же дѣйствовать толчкомъ или гнетомъ на душу или, обратно, душа на атомъ, когда и всякій обыкновенный толчокъ или гнетъ оказывается, при ближайшемъ разсмотрѣніи, не средствомъ для дѣйствія, но единственно лишь наглядною формой гораздо нѣжнѣйшаго, деликатнѣйшаго отношенія между двухъ матеріальныхъ элементовъ?

Но, не придавая слишкомъ большой цѣны возврату намъ этихъ полуутраченныхъ выраженій, мы поставимъ лучше на видъ то ближайшее общее слѣдствіе, которое вытекаетъ изъ нашего взгляда для обсужденія разныхъ отдѣльныхъ вопросовъ въ частности. Мы только-что упомянули о странномъ предразсудкѣ, смотрѣть на процессъ дѣйствія, какъ на передачу готоваго состоянія отъ одного элемента другому. Не нужно долѣе останавливаться на томъ, какъ мало изъ подобнаго предположенія объяснялось бы многоразличіе результатовъ, возбуждаемыхъ въ разныхъ предметахъ впечатлѣніемъ отъ одного и того же раздраженья; еслибъ дѣйствіе его заключалось только въ испущеніи готоваго уже состоянья, которое принима-

Digitized by Google

лось бы въ томъ же видѣ предметами, то и отвѣчать ему могло бы одно вполнѣ равнозвучное и столько же многоголосное эхо, сколько именно предметовъ приняли въ себя одно и то же впечатлѣніе. Пусть отъ дѣйствующей точки исходитъ всегда только одно движеніе, соотвѣтственное ея состоянью: и тогда результатъ его очевидно долженъ быть различенъ, смотря по разности существъ, на которыя оно попадетъ. Взглядъ, котораго намѣрены мы держаться въ своемъ изслѣдованіи, устранитъ отъ насъ такого рода погрѣшность; напротивъ, онъ прямо поведетъ къ тому, чтобы во всякомъ внѣшнемъ вліяніи, переходящемъ отъ одного какого бы то ни было элемента на другой, видѣть одно только дающее поводъ раздраженіе, которымъ въ другой элементъ вносится не готовое и чуждое ему состоянье, но лишь пробуждается въ немъ то, что укоренено уже въ его собственной природѣ. Какъ деревянныя клавиши музыкальнаго инструмента не содержатъ сами въ себѣ звуковъ, вызываемыхъ ударомъ ихъ у струнъ, но какъ одна только напряженность послѣднихъ переходитъ отъ этого толчка въ звукорождающее сотрясенье, такъ точно и всѣ впечатлѣнья тѣла служатъ лишь толчками для души, производить изъ своей собственной природы тѣ внутренніе феномены ощущенія, которые никогда не могутъ сообщаться ей извнѣ. Ибо пусть не движеніе клавиши, но уже дѣйствительное сотрясенье звуковой волны, приводитъ струны въ созвучное дрожаніе: и тутъ издаваемый ею тонъ способна она произвесть только благодаря своему собственному напряженію, все равно, подобенъ или не подобенъ былъ дрожанію тотъ процессъ, какимъ приведена она въ сотрясенье. То же самое вышло бы и тогда, еслибъ какимъ бы то ни было образомъ мы вздумали принять ощущеніе за существующее уже въ нервѣ готовое состояніе; ему вѣдь надлежало же бы снова возникнуть въ душѣ отъ какого-нибудь возбужденія, переданна-

Digitized by Google

го ей ощущающимъ нервомъ, и оно никогда не могло бы произойти въ ней отъ внѣшнихъ впечатлѣній, не будь собственная природа ея сама по себѣ способна къ развитію этой особенной формы внутренняго бытія. Стало-быть, всякая догадка, предполагающая какъ-либо сущимъ внѣ души и уже готовымъ то, чему еще слѣдуетъ въ ней совершиться, все-таки вынуждена будетъ воротиться опять къ этой мысли и считать внѣшнее однимъ только поводомъ, а напротивъ внутреннее событіе происшедшимъ изъ природы того, въ чемъ оно совершается; и необходимости этого воспроизведенія его точно такъ же нельзя избѣжать вышепомянутымъ предположеньемъ, какъ не льзя, чтобы познаніе какой нибудь истины или одушевленіе какимъ-либо чувствомъ перешло изъ одной души въ другую безъ воспроизводящей самодѣятельности со стороны послѣдней. Поэтому, какъ ни разнообразно обусловливали бы вліянія тѣлесной жизни духовное развитіе, они все-таки не приводятъ душѣ готовыми ни сознанія вообще,ни какого либо отдѣльнаго ощущенья или представленья въ частности: всѣ вліянія эти не болѣе какъ сигналы, съ полученіемъ которыхъ душа производитъ въ себѣ только изъ природы своего собственнаго существа опредѣленныя внутреннія состоянія по неизмѣняемымъ законамъ; но тонкая организація тѣла, надѣляющая его возможностью передавать эти сигналы въ извѣстной группировкѣ и послѣдовательности, соотвѣтственныхъ дѣйствительнымъ отношеніямъ вещей, ведетъ и душу къ такимъ смѣнамъ и сочетаніямъ ея ощущеній, что въ нихъ она достигаетъ уже той истины, какая вообще доступна простой пріимчивости даннаго, безъ всякой еще уяснительной работы мысли надъ внутренней его связью.

Какъ вся совокупность чувственнаго міра есть внутреннее развитіе, вовсе не пришлое извнѣ, но только вызванное въ единствѣ представляющаго существа множествомъ чуждыхъ

Digitized by Google

побужденій, такъ и многоразличіе тѣлесныхъ движеній, возникающихъ по вызову души, есть раскрытіе коренящихся въ тѣлесномъ организмѣ дѣеспособностей, которыя правда, возбуждаются внутренними душевными состояньями, но отнюдь не переносятся душою на тѣлесные органы, въ видѣ готовыхъ уже опредѣленій. Что касается тѣхъ внѣшнихъ раздраженій, которыми вызывается ощущенье, то непосредственному нашему сознанію невѣдомы ни природа ихъ, ни средства, какими они производятъ на насъ впечатлѣніе; только наука, послѣ долгихъ тщетныхъ стараній, уяснила себѣ особенности свѣтовыхъ и звуковыхъ волнъ, которымъ мы обязаны звукомъ и цвѣтомъ. Но даже и о тѣхъ процессахъ, которые, порождаясь этими раздраженьями въ нашей нервной системѣ, служатъ ближайшимъ поводомъ къ нашимъ ощущеньямъ, не знаемъ мы ровно ничего, и само физіологическое изслѣдованіе доселѣ ни мало ихъ не раскрыло; въ сознаніи является только уже конечный результатъ всѣхъ этихъ процессовъ, именно: подмѣченное ощущеніе самаго звука или цвѣта. Такъ мало извѣстна душѣ исторія развитія ея представленій! Она не порождаетъ ихъ, какъ свободная, избирающая, сознающая свое дѣло дѣятельность; но всеобщимъ и неизмѣннымъ закономъ вынуждается она, въ качествѣ такого именно существа, отвѣчать на одно впечатлѣніе такимъ, на другое — инымъ, всегда опредѣленнымъ, ощущеньемъ. Столь же мало знаетъ и разумѣетъ душа существованіе, положеніе, связь и дѣятельность тѣхъ органовъ, которыми выполняетъ она свои движенья: правда, она скоро знакомится съ наружнымъ видомъ подвижныхъ членовъ тѣла; но не непосредственно, а только при помощи науки, узнаетъ, и то далеко не вполнѣ, внутреннее строеніе мышицъ и нервовъ, служащихъ имъ къ движенію. Не этимъ скуднымъ запасомъ знаній оспособляется она къ своимъ дѣйствіямъ; не она, озирая вполнѣ всю наличность средствъ, цѣня каждое

Digitized by Google

по достоинству и, руководя всѣми подробностями, выбираетъ себѣ для извѣстнаго движенья тѣ, либо другія мышцы. Да впрочемъ и выбирай ихъ она сама, она все-таки не знала бы, что съ ними дѣлать, какъ сообщить этимъ орудіямъ надлежащую мѣру возбужденія: не знаетъ же еще навѣрно и наука, какою именно формою процесса движущій нервъ передаетъ свое возбужденіе мышцамъ. Душа и здѣсь должна полагаться на ту мощь, которая во всемъ ходѣ естества сочетала по неизмѣннымъ законамъ одно состояніе съ другимъ, а внутреннія движенья, къ какимъ способны они по своей природѣ, привязала, мимо всякаго содѣйствія съ ихъ стороны, къ извѣстнымъ перемѣнамъ въ тѣлесной оболочкѣ. Если образъ извѣстнаго движенья возникаетъ въ нашемъ сознаніи вмѣстѣ съ желаніемъ осуществить его, то это и есть то внутреннее состояніе, къ которому всепроникающая законность природы приковала, въ видѣ необходимаго слѣдствія, наступленіе того именно движенья; и послѣднее совершается неизбѣжно, какъ скоро дано это первоначальное условіе его наступленія, — совершается безъ всякаго содѣйствія съ нашей стороны, даже безъ всякаго постиженія нами внутренняго строя того механизма, который общимъ распорядкомъ природы предоставленъ намъ въ распоряженіе. Да движенія не всегда и возникаютъ по нашей волѣ: они часто наступаютъ помимо нея или даже наперекоръ ей, какъ выраженія страстнаго раздраженья въ чертахъ нашего лица или и въ другихъ частяхъ тѣла; они совершаются въ такихъ формахъ, которыхъ смыслъ или польза для выраженія или облегченія этой внутренней раздраженности намъ совершенно непонятны; мы плачемъ и смѣемся, отнюдь не зная, почему одно должно непремѣнно служить выраженіемъ веселья, а другое—печали; волненіе душевныхъ движеній нашихъ обнаруживается въ тысячѣ разныхъ перемѣнъ нашего дыханія, а между тѣмъ мы не можемъ показать, ни какимъ путемъ, ни для ка-

Digitized by Google

кой цѣли эти тѣлесныя потрясенья связаны съ потрясеніями нашего внутренняго существа. Такимъ образомъ, есть много духовныхъ состояній, которыя, завися не отъ одной нашей воли, но будучи безвольными чувствованіями и представленьями, поставлены однакожь всеобщимъ распорядкомъ природы въ видѣ обусловливающихъ исходныхъ точекъ, конечно, по крайней мѣрѣ отчасти порождаемыхъ нашею душою самодѣятельно изъ ея собственнаго нутра; но, бывъ однажды порождены, онѣ производятъ соотвѣтственное имъ движеніе съ слѣпою точностію механизма, и не только безъ всякаго приспособляющаго и руководящаго участія съ нашей стороны, но даже и безъ нашего вѣдома о возможности подобныхъ дѣйствій. Напрасно многіе такъ держатся за довольно обычное сравненіе тѣла съ локомотивомъ, а души съ машинистомъ, который имъ управляетъ. Послѣдній знаетъ или по крайней мѣрѣ можетъ знать, какъ устроена ведомая имъ машина; онъ видитъ передъ собой дорогу, по которой долженъ ее вести, и сравнивая ежемгновенно направленіе, въ какомъ она движется, съ направленіемъ предлежащаго пути, онъ не только можетъ разсчитать мѣру потребнаго уклоненія, но и видитъ передъ собой механическое угодье руля, которымъ легко выполнить всѣ нужныя повороты, да видитъ и свои собственныя руки, которыми можно ихъ произвести. Душѣ очень далеко до этого, сравнительно совершеннаго, разумѣнія всего хода машины: она скорѣе похожа на кочегара, который съумѣетъ на одномъ концѣ локомотива повернуть какую-нибудь рукоятку или подсыпать углю, когда его недостаетъ, но не знаетъ ничего о внутренней передачѣ движеній, благодаря которымъ машина даетъ на другомъ концѣ совсѣмъ готовый результатъ своей дѣятельности. А если ужь мы захотимъ остаться при этомъ сравненіи, то отношеніе между тѣломъ и душой похоже не на отношеніе между машиной и машинистомъ, но просто на отношеніе между душою машиниста и

Digitized by Google

его тѣломъ: какъ машинистъ выполняетъ свою задачу потому, что для понятныхъ ему движеній, которыя онъ долженъ сообщить машинѣ, у него въ распоряженіи особое средство, непонятная подвижность его собственныхъ рукъ, такъ и это сравненіе достигаетъ своей цѣли, вводя насъ въ поверхностную только ошибку, потому, что оно все-таки заключаетъ въ себѣ тихомолкомъ и ту существенную черту, которая въ сравниваемыхъ предметахъ осталась для него непонятною.

Рѣдко кто безоговорочно приметъ усвоенный нами взглядъ. Мы слишкомъ привыкли считать душу свободною и полновластной повелительницей, которой воля нудитъ тѣло беззавѣтно. Въ размахѣ, сообщаемомъ рукѣ, мы словно непосредственно чувствуемъ переливъ своей воли въ органы, какъ скоро она приводитъ ихъ въ какое-нибудь дѣятельное движенье: и неужели, спрашиваемъ мы, недостаточно одного этого толчка? неужели всеобщая естественная необходимость должна еще подарить отъ себя волѣ повиновеніе со стороны тѣлесныхъ органовъ? А между тѣмъ такъ оно дѣйствительно есть: въ размахѣ руки мы всего менѣе чувствуемъ переходъ силы; мы ощущаемъ только перемѣну, испытываемую мышцами при сокращеніи ихъ отъ совершившагося уже возбужденья, и отражающуюся въ нашемъ сознаніи впечатлѣніемъ, похожимъ на усталь, которое тутъ же въ нихъ и переходитъ. Не живости воли и не факту могущества ея надъ членами угрожаетъ нашъ взглядъ; мы лишь положительно выясняемъ, что природа воли состоитъ въ одномъ живомъ хотѣніи, не простираясь вмѣстѣ и на исполненье: какъ воля наша не хватаетъ непосредственно за грани тѣла и не въ силахъ измѣнять дѣятельно и мощно отдаленный внѣшній міръ, такъ же точно и въ нашей личности не перехватываетъ она сама собой за предѣлы души, и если, не смотря на то, все-таки оказываетъ вліяніе на тѣло, данное ей отъ природы въ качествѣ орудія, то это едини-

Digitized by Google

ственно лишь потому, что одна и та же естественная необходимость установила неизменный порядокъ, по которому съ безсильными по себѣ вліяніями воли неразрывно связано законное повиновеніе имъ массъ.

Итакъ, чтобы воротиться къ тому, съ чего мы начали, многоразличіе движеній нашихъ, прямое развитіе цѣлесообразныхъ отношеній нашей тѣлесной организаціи, не измѣняется, не блюдется въ подробностяхъ и не приводится въ дѣйствіе нашей душою, а только возбуждается ею со смысломъ, съ разумѣніемъ. Порождая въ себѣ рядъ такихъ внутреннихъ состояній, которыя общій ходъ природы установилъ исходными точками всякимъ движеніямъ, душа, конечно, можетъ вызвать и череду послѣднихъ въ такомъ порядкѣ и цѣлесообразномъ расположеніи, для которыхъ въ самомъ строѣ организма нѣтъ достаточнаго основанія; но вся власть ея надъ тѣломъ въ этомъ смыслѣ нейдетъ далѣе безконечно разнообразнаго употребленія и осложненія элементарныхъ движеній, изъ которыхъ не въ силахъ она ни придумать, ни понять ни одного. Она сопрягаетъ цѣлесообразные элементы для цѣлесообразнаго употребленія, какъ языкъ связываетъ свои гласныя и согласныя въ безконечное богатство слова и благозвучія; но какъ языкъ нашелъ готовыми свои звуки, такъ душа находитъ готовыми простыя цѣлесообразныя движенія, легко возбудимыя тѣмъ внутреннимъ состояньемъ, которое умѣетъ она подвести, но вполнѣ отъ нея скрытыя и независимыя во всемъ остальномъ способѣ ихъ возникновенія и совершенья.

Разбирая смѣнявшія другъ друга представленія о первоначальной основѣ цѣлесообразнаго строя живаго тѣла, мы уже приводили тотъ взглядъ, который полагалъ, что гармонію этого строя можно вывести только изъ положительнаго содѣйствія духовнаго существа. Мы видѣли, что мнѣніе это не достигаетъ своей цѣли, когда хочетъ выдѣлить тѣлесное

Digitized by Google

развитіе изъ области механическаго процесса. Ибо то, чѣмъ душа исключительно выше слѣпаго механизма, то-есть смышленое соображеніе и произвольный выборъ цѣлей и средствъ, не могло, судя по всему, что̀ извѣстно намъ изъ опыта, содѣйствовать постепенному строенію тѣлеснаго облика. Формы тѣла окончательно слагаются или по крайней мѣрѣ закладываются въ такую пору, когда всѣ эти душевныя дѣятельности только еще ожидаютъ своего образованья; стало быть, все, чѣмъ душа могла содѣйствовать обосновкѣ тѣлесной жизни, принадлежало ей самой только какъ одному изъ элементовъ, входившихъ наряду съ другими въ общій кругъ тѣхъ механическихъ взаимнодѣйствій, изъ-согласія которыхъ возникла съ слѣпою неизбѣжностью предопредѣленная форма организма. Но необходимость устранить ложное представленіе о формѣ, въ какой душа причастна тѣлостроенію, сама по себѣ не помѣшала бы еще намъ воображать это участіе и очень большимъ и очень важнымъ. Благодаря знаменательнѣйшей природѣ своего существа, душа все-таки могла бы быть преобладающимъ элементомъ среди всѣхъ прочихъ, и хотя бы и ея участіе состояло только въ механически-необходимыхъ воздѣйствіяхъ, къ какимъ ежемгновенно побуждается она совокупностью отношеній своихъ къ другимъ элементамъ, однако все же глубина ея собственной природы могла бы оспособить ее къ оказательству и этимъ путемъ такихъ вліяній, которыхъ польза для дальнѣйшаго развитія организаціи превышала бы заслуги всѣхъ прочихъ составныхъ частей. Когда мы притомъ замѣчаемъ, какъ, еще и въ предѣлахъ нашего наблюденія, возбужденіе воли заставляетъ сокращаться мышечныя волокна, какъ очевидно, стало-быть, за перемѣной въ состояніяхъ души, слѣдуетъ перемѣна и въ относительномъ положеніи мельчайшихъ частицъ тѣла, то не льзя же намъ вообще сомнѣваться въ возможности, чтобы въ болѣе раннюю

Digitized by Google

пору образованія, когда элементы тѣла не приняли еще того прочнаго склада и положенья, какія имѣютъ они у взрослаго, внутреннія движенія души не могли оказать значительнаго вліянія и на первую, еще предстоявшую тогда, группировку частицъ, а слѣдовательно и на выработку всего облика. Конечно, исходной точкой этого вліянія не можетъ быть сознательное представленіе о (будущемъ) движеніи членовъ, существованія и употребимости которыхъ душа въ то время не могла еще извѣдать опытомъ; но какъ и въ сложившемся уже обликѣ мы видимъ, что движенія души невольно бросаются со всей силою впечатлѣній на отдѣльныя части тѣла, и что относительныя положенія этихъ заматерѣвшихъ уже элементовъ измѣняются въ мимическихъ движеніяхъ, такъ точно тѣ безформныя возбужденья, которыя не относились еще ни къ какимъ опредѣленнымъ дѣйствіямъ, но которыми уже потрясалась неразвитая душа зачавшагося организма, безъ сомнѣнія могли, по качественной своей природѣ, оказать подобное же вліяніе на первую установку той или другой отдѣльной формаціи.

Но вообще мы все-таки должны признаться, что это не болѣе какъ лишь одна возможности, или точнѣе сказать: что хотя и на нашъ взглядъ не мыслимо отсутствіе всякаго участія души во взаимнодѣйствіяхъ, изъ которыхъ возникаетъ ея тѣло, все-таки однакожь аналогія опыта не даютъ намъ ни какого права опредѣлять тотъ объемъ, въ какомъ дѣйствительно проявляется это участіе. Въ сложившемся уже тѣлѣ сила души надъ пластическимъ образованіемъ очень малозначительна, а если она въ какой мѣрѣ и замѣтна, то повидимому обнаруживается только посредственно, видоизмѣняя отправленія, на которыя, какъ напримѣръ на сердцебіеніе, дыханіе и пищеваренье, или на какія либо отдѣльныя группы мышцъ, перемѣна душевныхъ состояній или упражненіе въ извѣстныхъ дви-

Digitized by Google

женіяхъ производятъ ближайшее или отдаленное вліянье. Поэтому дѣйствія души обыкновенно распространяются по всему тѣлу и болѣе измѣняютъ отправленія его, нежели фигуру. Мы готовы признать еще и то, что облагороженіе духовной жизни облагораживаетъ наконецъ и формы тѣла, а одичаніе ея придаетъ имъ дикую распущенность, но этимъ и хотѣлось бы намъ ограничить все вліяніе души. Оно развиваетъ до извѣстной мѣры красоту и дурноту облика тѣми легкими измѣненьями, какія производитъ въ сложившихся уже пропорціяхъ; но чтобы первое строеніе органической формы преимущественно исходило отъ образовательной силы души, — это — лишь поэтическое мнѣніе, которое нравится впрочемъ многимъ и для котораго частые примѣры разногласія духовныхъ особенностей съ тѣлостроеніемъ не значатъ ровно ни чего.

Digitized by Google

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Мѣстилище души.

Смыслъ этого вопроса. — Ограниченный кругъ душевной дѣятельности. — Строеніе мозга. — Какъ происходятъ движенія. — Условія пространственнаго созерцанья. — Значеніе неразвѣтвленныхъ нервныхъ волоконъ. — Вездѣприсутствіе души въ тѣлѣ.

До сихъ поръ мы принимали душу за единое нераздѣльное существо, способное по своей природѣ къ развитію представленій, чувствованій и стремленій: въ этомъ понятіи нѣтъ ровно ничего, что̀ указывало бы на пространство и пространственныя отношенія. Однако противодѣйствія, въ какія вступаетъ душа относительно къ массамъ тѣла, возбуждаютъ въ насъ естественное желаніе представить себѣ не только возможность и способъ этого обоюднаго вліянія, но и относительное положеніе обоихъ членовъ, съ той пространственной наглядностью, которая вездѣ сопровождаетъ наше наблюденіе природы, хотя собственно и не уясняя наблюдаемаго, но придавая болѣе отчетливости нашимъ представленіямъ о немъ. Понятно, послѣ этого, что мы приходимъ къ вопросу о мѣстилищѣ или сѣдалищѣ души.

Смыслъ этого вопроса простъ. Не будемъ говорить о томъ, возможно ли недѣлимой природѣ истинно-сущаго приписывать какимъ бы то ни было образомъ пространственное протяженіе въ томъ смыслѣ, въ какомъ считаемъ мы себя въ правѣ

Digitized by Google

приписывать его матеріальнымъ веществамъ; но всѣ безъ сомнѣнія согласятся въ одномъ, что и непротяженному существу должно же принадлежать какое-нибудь мѣсто въ пространствѣ. Оно, повидимому, тамъ, докуда должны простираться впечатлѣнія, чтобы достигнуть своей дѣятельностью это недѣлимое существо, и откуда, наоборотъ, должны исходить всѣ возбужденія, которыми оно непосредственно приводитъ въ движеніе свое ближайшее сосѣдство, а посредственно, черезъ него, дѣйствуетъ и на болѣе отдаленныя части міра. Эта точка пространства есть то мѣсто, гдѣ должно намъ низойдти въ безпространственный міръ истинно-сущаго, чтобы отыскать дѣйствующее существо, и въ этомъ смыслѣ любое воззрѣніе въ правѣ искать мѣстилища души, хотя бы, кромѣ только мѣста, оно и не считало возможнымъ признать за нею ни какого пространственнаго протяженія.

Но понятія наши о взаимнодѣйствіи вещей между собою допускаютъ для пространственнаго явленія многія возможности. Мы можемъ представить себѣ, что существо не только вообще соотносится съ остальнымъ міромъ, но находится и съ каждою изъ его частей въ равно тѣсномъ, не разностепенномъ отношеніи. Тогда не съ немногими только частями будетъ оно обмѣниваться непосредственнымъ взаимнодѣйствіемъ, чтобы черезъ нихъ господствовать потомъ и надъ остальными; но со всѣми рѣшительно будетъ находиться въ томъ живомъ соединеніи, благодаря которому состоянія одной части должны прямо дѣйствовать на состоянія другой. Если пространственныя положенія и относительныя мѣста частей обличаютъ тѣсноту или слабость такихъ внутреннихъ соединеній, то существо это не будетъ имѣть ограниченнаго мѣстилища въ пространствѣ, но, будучи внутренно равно близкимъ каждой части міра, по внѣшности должно казаться въ немъ вездѣсущимъ. Такъ представляемъ мы себѣ бытіе Божіе. Онъ, Творецъ вселенной,

Digitized by Google

равно близокъ каждой, и самой повидимому затерянной точкѣ созданія; силѣ Его не нужно совершать ни какого перехода для достиженія того, на что захочетъ она дѣйствовать, да и состояніямъ вещей не нужно напередъ искать Его, чтобы довѣрить себя Его Промыслу, который одинаково близко объемлетъ ихъ со всѣхъ сторонъ. Но мы не понимаемъ же этой вездѣсущности такимъ образомъ, чтобы приписывать самому существу Божію то безмѣрное протяженіе, которое подвластно Его волѣ; мы справедливо воздерживаемся здѣсь отъ чувственной наглядности и мыслимъ Его, какъ сверхчувственнаго, неоформеннаго дѣятеля, для котораго безмѣрность эта ровно ничто,— не предѣлъ для непосредственнаго Его присутствія, и не такое свойство, которое могло бы чѣмъ либо дополнить собою самодовлѣющее обиліе Его собственнаго существа.

Крайнюю противоположность этого безконечнаго, равно близкаго, отношенія ко всему міру можемъ мы представить себѣ въ примѣрѣ такого существа, которое состоитъ непосредственно въ живомъ взаимнодѣйствіи лишь съ конечнымъ числомъ другихъ, а на совокупность прочихъ переноситъ свои состоянія только посредственно, и посредственно же принимаетъ отъ нихъ возбужденья. Существо это будетъ намъ казаться прикрѣпленнымъ въ пространствѣ къ одной точкѣ, дѣйствующимъ только на прикосновенный къ ней ближайшій кругъ и, въ свою очередь, подлежащимъ дѣйствію послѣдняго, затерянным, наконецъ, для остальнаго міра, какъ затерянъ міръ и для него, коль скоро перервется цѣпь посредствующихъ звеньевъ, которыми его мѣстилище приводится въ соотношеніе съ дальнею внѣшнею обстановкой. Но если вездѣсущаго Бога не мыслимъ мы въ формѣ безмѣрнаго протяженія, то также точно не имѣемъ по-настоящему ни какого основанія приписывать и этому ограниченному существу безконечно-малую, точкообразную величину въ пространствѣ: будучи сверхчувственнымъ и

Digitized by Google

безпространственнымъ, оно само по себѣ ни мало, ни велико; только степень отношенія его къ цѣлому міру и сравнительная его маловажность для послѣдняго отражаются въ тѣсныхъ границахъ той области, на которую повидимому непосредственно простерта опредѣляющая и воспріимчивая его сила.

Естествовѣдѣніе пріучило насъ еще къ третьему мыслимому случаю, — къ представленію такого существа, которое хотя и состоитъ въ непосредственномъ взаимнодѣйствіи съ совокупностью всѣхъ прочихъ, однако хранитъ въ отношеніи къ нимъ извѣстную постепенность, стоя ближе къ одному, нежели къ другому и т. д. Такъ притягательная сила каждой тяготѣющей частички простирается на безконечное разстояніе, но все съ постепенно убывающею напряженностью; равномѣрно и тѣ силы, которыя при малѣйшихъ, замѣтныхъ для насъ, разстояніяхъ между взаимнодѣйствующими элементами, совершенно ускользаютъ отъ нашего наблюденья, должны мы тѣмъ не менѣе считать простирающимися въ безконечность, но при этомъ такъ быстро падающими въ своемъ напряженіи, что возможность успѣшнаго ихъ дѣйствія преграждается уже малѣйшимъ противоборствомъ со стороны ближней обстановки. Мысль о сопринадлежности, связывающей всѣ части міра въ одно цѣлое, но цѣлое, разчлененное въ себѣ такъ, что отдѣльныя разноцѣнныя его точки соединены между собою и крайне разностепенными отношеніями,—эта мысль даетъ намъ быть-можетъ основаніе приписать послѣдній способъ сочетаемости всѣмъ вообще конечнымъ существамъ. Въ такомъ случаѣ каждое изъ нихъ имѣло бы тогда опредѣленное точкообразное мѣстилище въ пространствѣ, или то мѣсто, въ ближайшей округѣ котораго разыгрывается высшая дѣятельность существа, тогда какъ за этимъ предѣломъ она угасаетъ можетъ-быть и не вдругъ, но, постепенно убывая, становится наконецъ незамѣтною. Впрочемъ и въ этомъ послѣднемъ случаѣ едва-ли най-

Digitized by Google

демъ мы какой-либо интересъ въ вопросѣ о томъ, предполагаетъ эта исподволь слабѣющая сфера дѣйствія конечное или безконечное протяженіе самаго существа; величина его и тутъ не имѣетъ иного смысла, кромѣ обозначенія круга дѣятельности его силъ.

Если эти общія соображенія мы применимъ теперь къ частному, занимающему насъ, случаю, то увидимъ, что одна лишь блаженная вѣра въ откровенія ясновидящихъ допускаетъ непосредственный кругъ дѣйствія души простираться въ безконечность; на яву же трезвый опытъ нашъ никогда не сомнѣвался въ томъ, что грани нашего тѣла отмежевываютъ прежде всего удѣлъ, въ которомъ душа дѣйствуетъ сама, и отъ состояній котораго она, наоборотъ, страждетъ. Мы ощущаемъ только то, чѣмъ потрясается наше тѣло, мы движемъ собственно только его; внѣшній міръ дѣйствуетъ на насъ, и мы на него, единственно лишь посредствомъ тѣла. Но многоразличнѣйшія наблюденія такъ же достовѣрно научили насъ тому, что и въ самомъ тѣлѣ слѣдуетъ еще тѣснѣе ограничить поприще непосредственныхъ его взаимнодѣйствій съ душою. Для души утрачено всякое состояніе тѣла, неспособное возбудить какую-либо часть нервной системы; для тѣла утрачено всякое движеніе души, котораго переходъ изъ этой системы въ послушныя орудія членовъ, прегражденъ какимъ-нибудь препятствіемъ. Такимъ образомъ общая масса тѣла представляется только посредственно управляемою долей внѣшняго міра, сравнительно съ нервною плетеницей, какъ настоящимъ мѣстилищемъ души. Но и въ ней наблюденіе учитъ насъ различать проводныя части, которыми только посредствуется обмѣнъ возбужденій, и другія, болѣе существенныя, въ которыхъ происходитъ самое взаимнодѣйствіе. Если простой разрѣзъ пересѣчетъ чувствительный нервъ, идущій къ головному мозгу, то впечатлѣнія, принимаемыя извнѣ концомъ нерва, укрѣпленнымъ въ поверхности тѣла, со-

Digitized by Google

вершенно утрачиваются для души; если подобнымъ же разрѣзомъ пересѣченъ движительный нервъ, то вліяніе душевной воли не переходитъ уже на тѣ члены, въ мышцахъ которыхъ онъ теряется. Поэтому не со всякою частью нервной системы душа находится въ непосредственномъ взаимнодѣйствіи: только возбужденія центральныхъ органовъ могутъ приводить ее въ движеніе и, наоборотъ, вызываться ея собственною силой; совокупная система нервовъ не болѣе какъ средство приближать къ этому тѣснѣйшему кругу настоящаго взаимнодѣйствія внѣшнія впечатлѣнья, сами по себѣ недоступныя душѣ, и переносить ея собственныя стремленія, которыя сами по себѣ безсильны, на исполнительные члены организма. Дальнѣйшія наблюденія, къ которымъ случай доставляется намъ опытами и болѣзненными припадками, еще болѣе стѣсняютъ исключительную сферу души; они открываютъ намъ, что разобщеніе между головнымъ и спиннымъ мозгомъ уничтожаетъ пріимчивость сознанія къ впечатлѣньямъ, падающимъ на послѣдній изъ этихъ органовъ, а равно и власть души надъ тѣми членами, которые получаютъ отъ него свои нервные приводы. И даже въ головномъ мозгу, на который сведена теперь вся душевная дѣятельность, имѣемъ мы поводъ предполагать такое же опять различіе въ значеніи отдѣльныхъ частей; но громадныя, неодолимыя повидимому, трудности изслѣдованія уже не дозволяютъ здѣсь путемъ прямаго наблюденія отмежевать настоящее мѣстилище души отъ окружающаго его снаряда нервныхъ приводовъ и отводовъ.

Но противъ вѣрности заключенія, выведеннаго нами здѣсь изъ общеизвѣстныхъ фактовъ, возникнутъ, пожалуй, прекаія, которыя необходимо заранѣе устранить. Намъ возразятъ, что этотъ выводъ доказываетъ покамѣстъ лишь одно: что разрывъ связи между головнымъ мозгомъ и мѣстомъ полученія впечатлѣній преграждаетъ послѣднимъ входъ въ сознаніе; но

Digitized by Google

что они тѣмъ не менѣе наступаютъ и что душа возбуждается ими безсознательно, это очевидно изъ движеній, какія раздражаемое снаружи тѣло способно производить даже и въ томъ случаѣ, когда оно отдѣлено отъ головнаго мозга, этого предполагаемаго мѣстилища души, а цѣлесообразная гармонія такихъ движеній доказываетъ, что они происходятъ отъ чего-то, повыше однихъ физическихъ побудовъ. Намъ не къ чему входить теперь въ подробное обсужденіе этихъ возраженій. Въ движеніяхъ обезглавленныхъ животныхъ тѣлъ мы, правда, видимъ предметъ, вызывающій на новыя повторительныя изслѣдованія; но прежнія соображенія наши о цѣлесообразности органическихъ процессовъ и возможной ихъ зависимости отъ вліянія души, во всякомъ случаѣ отнимаютъ у насъ послѣднюю надежду найдти разрѣшеніе этой загадки въ безсознательныхъ представленіяхъ. Предоставляя себѣ вскорѣ разсмотрѣть эти явленія при удобнѣйшемъ къ тому случаѣ, мы покамѣстъ будемъ держаться того начала, что впечатлѣнія, которыхъ не приняло наше сознаніе, не могутъ считаться нашими состояніями, состояніями нашей души, и что дѣйствія, которыхъ мы не хотимъ, и которыхъ происхожденія непосредственно не ощущаемъ, не могутъ быть ни дѣятельностями нашей души, ни такими событіями, которыхъ источниковъ можно искать въ ней съ особенной вѣроятностью.

Конечно, мы могли бы предоставить будущимъ успѣхамъ науки постепенное выясненіе опытомъ и наблюденіемъ относительной цѣнности и значенія разныхъ частей головнаго мозга, причемъ опредѣлялась бы, положимъ, все ближе и ближе та мѣстность, гдѣ намъ должно представлять себѣ сѣдалище души. Но даже и разыщи мы ее въ точности, то все-таки выгоды, какихъ слѣдовало бы намъ отсюда ожидать для лучшаго уразумѣнія жизни, будутъ значительны только тогда, если вмѣстѣ съ тѣмъ мы вполнѣ узнаемъ и строй нервныхъ сплетеній,

Digitized by Google

посредствомъ которыхъ дѣйствія души сообщаются опредѣленными путями всему тѣлу. Пока мы не обладаемъ этимъ знаніемъ, до тѣхъ поръ и самое открытіе мѣстилища души едвали доставитъ намъ что-нибудь, кромѣ удовлетворенія праздпаго любопытства. Есть между-тѣмъ одно обстоятельство, побуждающее насъ заняться еще нѣсколько этимъ вопросомъ: основываясь на томъ, что̀ узнали мы до сихъ поръ о строеніи головнаго мозга, нѣкоторые считаютъ себя въ правѣ отвергать всякую вообще возможность опредѣленнаго мѣстилища души.

Сомнѣніе на этотъ счетъ конечно удовлетворилось бы вполнѣ, найдись гдѣ-нибудь такой общій узелъ нервныхъ сплетеній, въ которомъ встрѣчались бы между собою всѣ приводящія нити и откуда излучались бы точно такъ же всѣ отводные каналы дѣйствій. Мы полагали бы въ такомъ случаѣ, что признать этотъ узелъ мѣстилищемъ души вынуждаетъ насъ непосредственная понятность пользы подобнаго снаряда. Анатомія пока еще не нашла его, и все, что̀ извѣстно намъ доселѣ о пути нервныхъ волоконъ, едвали оставляетъ хоть какую-нибудь вѣроятную надежду, чтобы возрастающая точность изслѣдованія когда либо его отыскала. Мы видимъ, что волокна то тянутся бокъ-о-бокъ, скученныя въ большія массы, то перекрещиваются мѣстами въ видѣ ткани; но нѣтъ ни сліянія ихъ въ одну замыкающую точку, ни такого общаго направленія въ ихъ большинствѣ, чтобы можно было по крайней мѣрѣ заключить объ ихъ постепенномъ сближеніи къ одной и той же конечной точкѣ. Рядомъ съ волокнами замѣчаемъ мы особые элементы, шаровидные пузырьки, узловыя клѣточки, скученныя бо̀льшими или мѣньшими количествами въ промежуткахъ нервныхъ нитей: онѣ повидимому соединены между собой тончайшими прожилками, но мы еще не знаемъ свойственъ ли этотъ способъ соединенія имъ всѣмъ; не извѣстно еще, какое значеніе сами клѣточки имѣютъ для физическихъ отправленій мозга; и въ

Digitized by Google

этой клѣточной системѣ, если можно назвать ее системою, тѣмъ менѣе представлялось возможности открыть централизацію, которой по всей вѣроятности нѣтъ и въ системѣ нитей. Итакъ, намъ повидимому остается только допустить, что душа не связана ни съ какою опредѣленной точкой головнаго мозга; что она состоитъ въ равно непосредственномъ взаимнодѣйствіи или со всѣми его частями, или по крайней мѣрѣ со многими, или, наконецъ, что, сама подвижная, она способна перемѣнять мѣсто и обращаться то къ тѣмъ, то къ другимъ точкамъ, съ которыми должна вступить во взаимнодѣйствіе. Но въ основѣ этихъ сомнѣній лежатъ нѣкоторыя ошибочныя предположенія насчетъ того, какъ именно происходитъ обмѣнъ возбужденій между тѣломъ и душою, и скорѣе ради особеннаго интереса этихъ трудностей, нежели для дальнѣйшей обрисовки мѣстилища души, хотѣлось бы намъ присовокупить еще слѣдующія соображенія.

Напрасно считать совершенно необходимымъ, чтобы каждое отдѣльное возбужденіе, въ избѣжанье смѣси съ одновременнымъ другимъ, должно было сообщаться головному мозгу путемъ особаго нервнаго волокна и, оконечностью послѣдняго, передаваться душѣ. Такъ какъ въ самой душѣ должны же напослѣдокъ неизбѣжно упразднится всѣ перегородки, которыми тѣлесныя возбужденія удерживаются каждое порознь отъ другихъ, такъ какъ всѣ они сливаются въ единомъ и нераздѣльномъ существѣ ея и какъ однакожь не наступаетъ же оттого смѣси всѣхъ ихъ въ одно среднесложное состоянье: то не было бы собственно ни какой невозможности предполагать, что и чрезъ составъ одного и того же волокна могутъ одновременно пробѣгать многія возбужденья, не мѣшая одно другому въ такой степени, чтобы не льзя уже было распознать существеннаго ихъ характера. Звуковыя и свѣтовыя волны, пересѣкаясь одновременно въ воздушномъ пространствѣ съ изумительнымъ разнообразіемъ, представляютъ же вѣдь и внѣ

Digitized by Google

насъ обильный примѣръ такихъ движеній, которыя, происходя въ одномъ и томъ же веществѣ, мѣшаютъ другъ другу столь незначительно, что взаимное сліяніе ихъ между собой едва дознается лишь наукою, и почти совершенно ускользаетъ отъ обыкновеннаго созерцанья. Итакъ, будь дѣло только въ томъ, чтобъ передавать душѣ безъ перебивки множество разныхъ впечатлѣній, то для этого не понадобилось бы еще подбора къ мѣстилищу души всѣхъ отдѣльныхъ волоконъ, первоначально принявшихъ эти впечатлѣнья; немногихъ нервныхъ путей, пожалуй даже и одного рукава, могло бы быть вполнѣ достаточно для передачи преобладающей точкѣ центральныхъ органовъ всѣхъ тѣхъ возбужденій, которыя постепенно идутъ отъ разныхъ частей тѣла въ общій соединительный каналъ.

На это пожалуй возразятъ, что подобный распорядокъ прежде всего несовмѣстенъ съ способностью души сообщать членамъ тѣла точно-размѣренные побуды къ движеніямъ. Для произведенія именно этого опредѣленнаго сгиба или разгиба руки, необходимо, скажутъ намъ, чтобъ этому, а не другому движительному нерву сообщена была именно эта, а не другая величина толчка; а это не мыслимо, если каждая изъ отдѣльныхъ нитей не тянется сплошь къ самому мѣстилищу души, такъ чтобы послѣдняя могла непосредственно отыскать и возбудить ту именно нить, которую нужно. Такимъ образомъ для производства движеній необходимо же повиднмому сосредоточеніе огромнаго числа волоконъ къ одной замыкающей ихъ точкѣ, даже и не будь въ томъ надобности собственно для привода получаемыхъ впечатлѣній. Но прежніе наши розыски о происхожденіи движеній убѣдятъ насъ, не смотря на то, въ совершенной неосновательности представленія, будто душа играетъ на расположенной въ мозгу клавіатурѣ движительно-нервныхъ оконечностей. Пусть клавіатура эта существуетъ и въ самомъ дѣлѣ: душа все-таки неспособна играть на ней. Она ничего не

Digitized by Google

знаетъ о взаимномъ положеніи этихъ клавишъ, не знаетъ, что именно та, а не другая клавиша отвѣчаетъ возникшему въ душѣ замыслу движенія, не такъ, какъ напримѣръ піанистъ, всегда умѣющій соотнести клавишу съ извѣстною писанною нотой. Да впрочемъ и знай душа все это, къ чему бы оно послужило ей? Какъ бы стала она переносить свою дѣятельность на ту, а не на другую клавишу? Вѣдь піанисту возможно это, благодаря лишь необъясненному еще повиновенію его пальцевъ, хватающихъ туда, куда направитъ ихъ его воля, и онъ не смогъ бы этого сдѣлать, еслибъ ему пришлось самому производить и соблюдать это движеніе, этотъ переходъ опредѣленной его воли на соотвѣтственныя ей нервныя волокна, по его собственному благоусмотрѣнью. Душа, какъ мы видѣли, способна только порождать или переносить въ себѣ внутреннее состояніе, съ которымъ неизбѣжный ходъ природы связалъ наступленіе тѣлесной перемѣны, безъ всякаго уже содѣйствія со стороны души. Внутреннее это состояніе не можетъ само по себѣ заключать какого либо отношенія къ извѣстной части тѣла, какого-либо на нее намека, или стремленія къ той, либо другой нервной оконечности: всѣ орудія совершенно невѣдомы душѣ. Внутреннее состояніе можетъ быть только качественно-особымъ, то-есть отличаться отъ другихъ лишь тѣмъ, что̀ есть оно само, а не тѣмъ, на что оно указываетъ (или къ чему относится); и отъ этого-то качества должны зависѣть не только величина и образъ, но и самое мѣсто того дѣйствія, какое связалъ съ нимъ общій ходъ природы навсегда. Радость и горе не содержатъ въ себѣ ни знанія извѣстныхъ нервовъ и мышцъ, ни побуда къ ихъ движенію; они только разнородныя потрясенія души, и въ силу этой внутренней ихъ разности за одною слѣдуетъ смѣхъ, за другою слезы. Ни сознательно, ни безсознательно не направила здѣсь душа своего вліянія, для радости — въ одну сторону, а для горя — въ другую; безъ всякаго содѣй-

Digitized by Google

ствія съ ея стороны, на одно изъ двухъ разныхъ потрясеній отвѣчало такое-то именно движеніе, на другое—другое.

Такъ что же, спросятъ насъ, по вашему душа должна какъ бы только жалобно заявлять свои внутреннія состоянья, въ ожиданіи, что надлежащая помощь вызовется однимъ тономъ ея вопля помимо всякаго распорядка съ ея стороны насчетъ того, чему тутъ слѣдуетъ совершиться? Догадка эта, дѣйствительно навязываемая нами воображенію, на первый взглядъ покажется довольно необычайной; однако, не смотря на то, она, какъ увидимъ, очень сбыточна. Изъ безчисленнаго множества звуковыхъ волнъ, перекрещивающихся въ воздухѣ, каждая конечно произведетъ какія-нибудь потрясенія въ натянутой пластинкѣ, или въ оконницѣ, на которыя она попадетъ; но только одна изъ нихъ доведетъ пластинку до созвучнаго отзыва, именно лишь та, которой колебанія пластинка способна возпроизвесть въ силу своего собственнаго склада и напряженія. Если изъ жидкой смѣси разныхъ веществъ понадобится намъ выдѣлить которое-либо одно, то, нужное для его осадки, средство, мы только вводимъ въ смѣсь вообще, не считая нужнымъ давать ему притомъ особенное направленіе и слѣдить съ нимъ по пятамъ за разсѣянными вездѣ частицами того вещества, которое хотимъ выдѣлить; распространяясь по всей жидкости, средство наше само собой безучастно минуетъ всѣ тѣ части, съ которыми нѣтъ у него химическаго сродства, и ужь непремѣнно отыщетъ всѣ тѣ, съ которыми оно можетъ соединиться для осадки. По выдѣлѣ этихъ частей, второй реагентъ выдѣлитъ изъ той же самой жидкости другое вещество, причемъ вездѣ то, что соотносится между собой по своей качественной природѣ, непремѣнно встрѣтится для взаимнодѣйствія, а на малыхъ разстояніяхъ даже и притянетъ другъ друга; никогда однакожь не бываетъ такъ, чтобы одному изъ элементовъ извѣстное направленіе присуще было изначала, и

Digitized by Google

чтобы результатъ его дѣйствія выходилъ различный, смотря по природѣ того, на что̀ попадетъ онъ въ этомъ направленіи. Въ самомъ дѣлѣ, лежи передъ душой вся клавіатура оконечностей движительныхъ нервовъ въ совершенномъ порядкѣ, душа и тогда не смогла бы оказать на нихъ ни какого иного вліянія. Она не производила бы во всякомъ данномъ случаѣ однородный впрочемъ толчекъ, которому давала бы только опредѣленное направленіе, и который, единственно лишь потому, что въ этомъ направленіи попадаетъ онъ на ту, а не на другую нервную оконечность, долженъ бы былъ порождать именно такое, а не иное движеніе; для каждаго замышленнаго ею движенія можетъ она, напротивъ, породить только особое качественное состояніе, и уже отъ сродства между этимъ состояніемъ и особою дѣеспособностью того или другого нерва будетъ зависѣть пространственное направленіе, какое приметъ вліяніе души, и которое только повидимому было присуще ему изначала.

Ни чѣмъ такъ просто не уясняется этотъ вопросъ, какъ воспоминаніемъ о мимическихъ движеньяхъ. Выраженія лица воплощаютъ собой въ безконечно-тонкихъ постепенностяхъ и смѣсныхъ переливахъ всѣ чувства, встрѣчающіяся между собою въ настроеніяхъ нашей души. Эту неистощимо-характеристическую игру мелкихъ движеній и напряженій едвали кому вздумается выводить изъ сознательной или безсознательной дѣятельности души, будто бы пріискавшей множество нервныхъ оконечностей, чтобы каждой изъ нихъ сообщить возбужденіе, соотвѣтственное смѣснымъ здѣсь элементамъ удовольствія и недовольства. Душа вѣдь во всякомъ случаѣ не вѣдаетъ, отчего слеза больше соотвѣтствуетъ печали, нежели радости, а смѣхъ — больше радости, нежели печали. Ужь конечно она тутъ ничего не пріискивала, да ничего и не нашла; но, какъ каждое отдѣльное ея настроеніе или потрясенье обращается къ извѣстнымъ органамъ своего выраженія, потому что они одни совоз-

Digitized by Google

буждаются этимъ потрясеньемъ, такъ и упомянутая нами смѣсь чувствованій сама собою находитъ извѣстную дорогу къ тѣмъ именно частямъ, въ которыхъ должна получить себѣ тѣлесный отголосокъ.

Такой способъ дѣйствія ограничивается впрочемъ не однимъ этимъ разрядомъ движеній. И всякому другому, произвольно выполняемому нами движенію, предшествуетъ, какъ истинно порождающее его начало, представленіе о томъ особенномъ видоизмѣненіи общаго чувства, которое, какъ знаемъ мы изъ прежнихъ опытовъ, всегда связано съ этимъ совершающимся движеньемъ. Мы сгибаемъ руку не вслѣдствіе того, что сообщаемъ отдѣльнымъ ея нервамъ извѣстныя побужденія, но вслѣдствіе того, что воспроизводимъ въ себѣ образъ того чувства, какое ощущали при этомъ положеніи руки, при этихъ складкахъ кожи, при этомъ напряженіи мышцъ; напротивъ, мы неспособны подражательно воспроизвесть чужое движеніе, если и ясно видимъ его передъ собою, но не можемъ тотчасъ вчувствоваться въ то особенное ощущеніе, какое доставило бы оно намъ при дѣйствительномъ его выполненіи. Напрасно пытались бы мы еще обстоятельнѣе и нагляднѣе представить способъ распространенія этихъ духовныхъ состояній на тѣлесный организмъ, а равно и то, какъ въ различныхъ частяхъ его вызываютъ они соотвѣтственный себѣ отголосокъ. Если, какъ надѣемся, приведенныя сравненія успѣли нѣсколько выяснить нашу мысль, намъ должно теперь просить читателя, чтобы онъ постарался снова позабыть ихъ. Потому что необходимую и неизбѣжную силу придаемъ мы исключительно лишь тому общему положенію, что каждое возбуждающее дѣйствіе души на тѣло исходитъ только отъ качественной опредѣленности извѣстнаго духовнаго состоянія и лишь изъ-за нея одной принимаетъ мѣстное направленіе къ тому или другому органу тѣла; всякое дальнѣйшее изображеніе или наглядное уясненіе этого процесса считаемъ мы,

Digitized by Google

напротивъ, задачею, не разрѣшимою отчасти совсѣмъ, отчасти же при нынѣшнихъ нашихъ средствахъ. Достаточно напомнить здѣсь въ короткихъ словахъ, что стало-быть общій этотъ процессъ вовсе не требуетъ сосредоточенія всѣхъ движительныхъ нервовъ въ одной преимущественно точкѣ, какъ мѣстилищѣ души. Дѣло очень возможное, что по крайней мѣрѣ тѣ нервы, которыми извѣстная группа мышцъ должна возбуждаться къ сложному движенію, напередъ какъ-либо смыкаются между собой, быть-можетъ въ предѣлахъ спиннаго мозга, и, посредствомъ простой проводящей нити, способной передать общее возбужденіе всѣмъ имъ заподрядъ, сносятся съ мѣстилищемъ души, какъ средоточіемъ всѣхъ духовныхъ движеній *. Но вдаваться въ дальнѣйшее разъясненіе и этихъ послѣднихъ догадокъ не представляетъ ни какого интереса до тѣхъ поръ, пока многотрудныя и утонченныя изслѣдованія анатоміи относительно настоящаго устройства центральныхъ органовъ не увѣнчаются лучшимъ успѣхомъ. Потому что возможныя для насъ нынѣ общія соображенія на этотъ счетъ, какъ бы ни признавали мы ихъ необходимыми, никогда не угадаютъ потребностей души въ сношеніяхъ ея съ тѣломъ такъ вполнѣ и точно, чтобы, на основаніи понятій нашихъ о томъ, что цѣлесообразно въ любомъ данномъ случаѣ, мы могли заранѣе опредѣлить дѣйствительно существующее приспособленіе. Только уже знакомство съ наличною фактическою обстановкой обыкновенно ведетъ насъ къ усмотрѣнію присущей тутъ цѣлесообразности, и обращаетъ наше вниманіе на тѣ потребности, которыя мы впервые узнаемъ изъ удовлетворяющихъ ихъ приспособленій, а затѣмъ, конечно, считаемъ уже настоятельными и неотложными, хотя бы прежде вовсе ихъ не подозрѣвали.

* Движенія эти, какъ не разъ уже объяснено, могутъ быть только внутренними, чисто-качественными состояніями, но способъ передачи ихъ тѣлесному организму, то-есть всякое ихъ обнаруженіе, необходимо подлежитъ общимъ законамъ внѣшней природы, великому механизму естества.

Digitized by Google

Но важное возраженіе представляется еще съ другой стороны и вынуждаетъ насъ снова воротиться къ ощущеніямъ. Еслибъ душѣ не предлежало ничего болѣе, кромѣ воспринятія въ себя разныхъ внѣшнихъ впечатлѣній безъ смѣшенія и перебивки ихъ содержанія, да кромѣ производства надъ ними такихъ сравненій, которыя касались бы только сродственности либо разности этого содержанія, то у насъ не было бы повода считать совершенно невозможнымъ, чтобъ вся разнообразная масса этихъ возбужденій притекала къ душѣ однимъ и тѣмъ же путепроводомъ. Поверхности тѣла слѣдовало бы, конечно, какъ оно и есть, просѣчиваться множествомъ нервныхъ нитей, чтобы каждое попадающее на нее раздраженіе находило себѣ вездѣ пріимчивый органъ; но ни что, повидимому, не мѣшало бы потомъ этимъ нитямъ слиться воедино и предоставлять переносъ всѣхъ своихъ впечатлѣній одному общему каналу или рукаву. Между тѣмъ задачи сознанія далеко не вездѣ такъ просты: ему предстоитъ не только подмѣтить громадное число ощущеній въ одномъ качественномъ ихъ содержаніи, но и связать ихъ между собой въ извѣстномъ пространственномъ распорядкѣ. Дѣеспособность эта, повидимому, необходимо предполагаетъ, чтобы разнообразныя впечатлѣнія передавались душѣ въ томъ самомъ относительномъ положеніи, въ какомъ коснулись они тѣлу, и чтобъ къ мѣстилищу души всѣ отдѣльныя нити нервовъ, изъ которыхъ каждая проводитъ одно только впечатлѣніе, сходились въ такомъ же правильномъ порядкѣ, въ какомъ посредствомъ чувственнаго органа принимаютъ онѣ внѣшнія раздраженья. Это весьма распространенное понятіе очевидно неблагопріятно предположенію точкообразнаго мѣстилища души; оно какъ будто бы неизбѣжно требуетъ непосредственнаго взаимнодѣйствія ея со всѣми отдѣльными оконечностями волоконъ, расположенными въ этой клавіатурѣ. Однакожь при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что и

Digitized by Google

такого рода предположеніемъ мы все-таки не достигнемъ дѣйствительнаго объясненія нашихъ пространственныхъ созерцаній.

Нужно ли положительно напоминать, или можно принять за всѣми дознанное дѣло, что, для вступленія въ душу, отъ предметовъ отрѣшаются не пространственно-протяженные образы, противни или снимки, вполнѣ покрывающіе ихъ? И что даже будь оно въ самомъ дѣлѣ такъ, то присутствіе такихъ образовъ въ пространствѣ души столь же мало объясняло бы ихъ подмѣченность, какъ неясенъ былъ для насъ прежде самый актъ подмѣты? Слѣдуетъ ли присовокуплять, что то, что̀ мы называемъ образомъ предмета въ своемъ глазѣ, есть не болѣе какъ одинъ лишь тотъ фактъ, что въ чувственномъ нашемъ орудіи расположенныя бокъ-о-бокъ нервныя оконечности поражаются въ томъ же порядкѣ свѣтовыми лучами, въ какомъ эти лучи идутъ отъ самихъ предметовъ? Что наконецъ этотъ фактъ существованія стройной череды различныхъ возбужденій въ разныхъ нервныхъ волокнахъ вовсе еще не подмѣта этого явленія, но именно то, что̀ намъ предстоитъ подмѣтить; а вѣдь возможность сознать весь этотъ внутренній распорядокъ собственно и составляетъ для насъ здѣсь вопросъ? Положимъ, что намъ сдѣлана по крайней мѣрѣ эта послѣдняя уступка. Теперь, пусть образъ въ нашемъ глазу, какъ считаютъ за вѣроятное одни, переходитъ чрезъ зрительные нервы въ мозгъ къ мѣстилищу души безъ ущерба своему рисунку, или пусть сама душа, какъ находятъ правдоподобнѣйшимъ другіе, непосредственно присутствуетъ у насъ въ обоихъ глазахъ: какимъ же способомъ, и въ томъ и въ другомъ случаѣ, опредѣленное положеніе различно раздраженныхъ нервныхъ оконечностей, а слѣдовательно и взаимный распорядокъ впечатлѣній, можетъ становиться для нея предметомъ сознанія? Дойдемъ до крайности и уступимъ на минуту, что сама душа существо протяженное, наполняющее своимъ присутствіемъ

Digitized by Google

и объемъ глазъ и слой всей кожи, такъ что каждая цвѣтовая точка, поражающая сѣтчатку, каждый гнетъ, напирающій на поверхность тѣла, попадаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ на пространственно-опредѣленное мѣстечко души: какъ же бы почуяла она, и въ такомъ случаѣ, что именно въ это мѣсто ея протяженія угодило внѣшнее раздраженье, а не въ другое?

Если не захотимъ предположить въ душѣ непосредственно готоваго и вполнѣ необъяснимаго знанія о ея собственномъ объемѣ или о строѣ тѣла, то намъ прійдется допустить, что ранѣе или позже необходимо наступаетъ тотъ моментъ, когда пространственная правильность воспринимаемаго образа, какъ бы долго и тщательно ни удерживалась она чувственнымъ органомъ, должна будетъ совершенно исчезнуть при переходѣ своемъ въ сознаніе, для того чтобы возродиться въ немъ вполнѣ снова. Необходимость этого предположенія зависитъ вовсе не отъ представленій нашихъ о пространственной или безпространственной природѣ души, но единственно лишь отъ понятія о сознаніи, которое мы приписываемъ этой природѣ, какого впрочемъ ни будь она свойства. Допустимъ еще разъ, что сама душа протяжена въ пространствѣ и проникаетъ словно утонченнымъ паромъ все тѣло до мельчайшихъ его частицъ: все-таки ея знаніе, ея подмѣта, будутъ и тогда внутреннею дѣятельностью, которую нельзя же намъ представить себѣ опять какъ бы вещественно протяженной. Въ сознаніи исчезаютъ вѣдь всѣ тѣ перегородки, которыми различныя впечатлѣнья раздѣлялись между собой въ тѣлесно-чувственномъ органѣ; въ немъ не можетъ уже быть и того разнообразія мѣстнаго положенія, какимъ, напримѣръ, въ протяженной сущности души отличались бы еще принятыя ею впечатлѣнья: безпространственное единство сознанія доступно одной качественной разности возбужденій, и всѣ цвѣтовыя точки глаза, всѣ точки прикосновенія раздраженной кожи могутъ сосуществовать

Digitized by Google

въ немъ только такъ же безмѣстно, какъ, напримѣръ, одновременные и однакожь различные тоны въ музыкальной гармоніи. Если душѣ должно снова распредѣлить это многоразличіе въ пространственное содержанье, то она нуждается для того въ двоякомъ условіи. Вопервыхъ, по природѣ своего существа, она должна обладать побудомъ, способностью и вмѣстѣ влеченьемъ образовать представленія пространства вообще и распредѣлять многоразличіе своихъ ощущеній именно въ этой формѣ сочетанія и разрозненья. Философія быть-можетъ съумѣетъ отыскать высшее начало, въ силу котораго душа, по крайней мѣрѣ душа человѣческая, непремѣнно должна была развить изъ себя эту форму содержанія; можетъ быть, она его и не отыщетъ: но мы во всякомъ случаѣ предполагаемъ эту способность какъ данный фактъ, и соображенія наши имѣютъ въ виду объяснить не ее самоё, а только возможное ея употребленіе. Для того уже, чтобъ только прійдти къ этому употребленію, для того, чтобы въ своемъ всеобщемъ созерцаніи пространства, съ какимъ душа равно идетъ навстрѣчу всевозможному содержанію своихъ впечатлѣній, она смогла назначить каждому изъ нихъ опредѣленное его мѣсто,—уже для этого очевидно нуждается она въ побудительномъ толчкѣ, который идетъ отъ самихъ, ждущихъ ея уряда, впечатлѣній, и въ силу котораго они требуютъ соотносительнаго размѣщенія своего въ пространствѣ. Удовлетвореніе этой-то второй потребности и составляетъ здѣсь собственно предметъ нашего вопроса; только сюда относится высказанное нами убѣжденіе, что побудительная причина, по которой душа назначаетъ каждому впечатлѣнью опредѣленное положеніе въ пространствѣ, вовсе не положеніе этого впечатлѣнья въ чувственномъ органѣ, ибо пространственныя отношенія того, что̀ предстоитъ душѣ воспринять, отнюдь не могутъ перейдти въ сознаніе такъ какъ они есть, именно въ формѣ пространственныхъ; но что при-

Digitized by Google

чина эта можетъ скорѣе лежать только въ какомъ-нибудь качественномъ свойствѣ, которое пріобрѣтается впечатлѣніемъ въ добавокъ къ своей прочей качественной опредѣленности, благодаря особой природѣ того мѣста, гдѣ поражаетъ оно тѣлесный организмъ. Вѣдь сознанію доступны лишь подобныя различія, и конечно они служатъ ему признаками или мѣстными примѣтами, которыми руководится оно при воспроизведеніи впечатлѣній въ пространственномъ образѣ, непосредственно сближая тѣ, которыхъ мѣстныя примѣты оказываются самыми сродственными членами одной и той же постепенной череды, и перемежая извѣстными разстояніями другія, которыхъ признаки представляютъ значительнѣйшую разность.

Не существуй этихъ признаковъ, впечатлѣніе было бы, правда, ощутимо своимъ содержаніемъ, но не размѣстимо, не пріурочимо къ опредѣленному мѣсту въ пространствѣ. Вѣдь любой цвѣтъ можетъ послѣдовательно являться въ любомъ мѣстѣ нашего кругозора, любой сильный или слабый гнетъ можетъ дѣйствовать на всякую часть поверхности тѣла; итакъ, въ силу только непосредственнаго своего содержанія, въ силу такого, а не иного цвѣтооттѣнка, или такой именно степени гнета, а не другой, ни одно впечатлѣніе не можетъ требовать себѣ опредѣленнаго мѣста въ нашемъ пространственномъ созерцаніи. Рядомъ съ этимъ содержаніемъ и не въ ущербъ ему, въ каждомъ возбужденіи должна существовать еще побочная характеристическая черта, которая исключительно отвѣчаетъ той точкѣ, гдѣ раздраженіе попало на воспріимчивую поверхность чувственнаго органа, и которая вышла бы иною, коснись то же самое раздраженье другого мѣста этого органа. Каждое, получаемое душой, мѣстно-пріурочимое впечатлѣніе состоитъ слѣдовательно изъ неразрывнаго сочетанія двухъ элементовъ: одинъ изъ нихъ — тотъ физическій процессъ, который нудитъ сознаніе породить извѣстное ка-

Digitized by Google

чественное ощущенье, видѣть такой-то именно цвѣтъ, чувствовать такую-то степень теплоты или гнета; другой — тотъ особый, побочный процессъ, который, будучи одинаковымъ для любаго ощутительнаго содержанія, разнится только по мѣсту его возникновенья. Стало-быть, не потому, что впечатлѣніе гдѣ-либо возникло, душа (при воспроизведеніи) относитъ его опять къ мѣсту его происхожденія, какъ будто бы она сама по себѣ сознавала это, но единственно лишь потому, что въ немъ сохранился качественный признакъ относительнаго положенія его къ другимъ.

Легко замѣтить, какъ все это соотвѣтствуетъ нашимъ прежнимъ замѣчаніямъ о происхожденіи движеній. Подобно тому, какъ тамъ душа порождала изъ себя не однообразные побуды въ извѣстныхъ направленіяхъ пространства, но внутренно-качественныя состоянія, которымъ по необходимости предоставляла найдти себѣ направленіе самимъ, по мѣрѣ природной ихъ особности: такъ точно и здѣсь не принимаетъ она готовыми пространственныя положенія дѣйствующихъ на нее раздраженій, но требуетъ внутреннихъ разностей между ними, чтобы вообще разрознить ихъ въ пространствѣ, и требуетъ потомъ измѣримыхъ величинъ этихъ разностей, чтобы пріурочить каждое раздраженіе къ его мѣсту. Процеесъ этотъ считаемъ мы необходимою основой всѣхъ пространственныхъ представленій нашихъ, какимъ бы внѣшнимъ чувствомъ ни были они опосредствованы; но спеціальнымъ изслѣдованіямъ врачебной психологіи должны мы предоставить уясненіе, въ какой формѣ удовлетворяются эти условія при каждомъ данномъ случаѣ. Многое потребуетъ здѣсь еще новыхъ и новыхъ разысканій даже и послѣ того, какъ примется за общую основу этотъ взглядъ; но уже и теперь можетъ быть для насъ очевидно, что многихъ физіологическихъ особенностей чувственныхъ органовъ, преимущественно же способности каждой изъ

Digitized by Google

ихъ точекъ переносить свои возбужденія на движительные нервы и порождать особую комбинацію побудовъ къ движеніямъ, — способности, въ такой именно формѣ не раздѣляемой этою точкой ни съ какой другою, — очевидно, что этого уже вполнѣ достаточно для обосновки правильно-постепенной и многоразлично разчлененной системы такихъ признаковъ, отвѣчающей многоразличію всевозможныхъ относительныхъ положеній въ пространствѣ.

При настоящихъ соображеніяхъ интересуетъ насъ только то, какую цѣну имѣетъ упроченіе этихъ основоположеній для представленія о мѣстилищѣ души. Легко усмотрѣть, что оно не приводитъ ни къ какому окончательному рѣшенію, а только устраняетъ трудности, существовавшія тутъ для общепринятаго мнѣнія. Пока держатся той мысли, что пространственныя отношенія впечатлѣній переходятъ въ душу готовыми вполнѣ, до тѣхъ поръ естественно будутъ стараться провести каждое изъ нихъ по особенной нервной нити и въ то же время соблюсти строгую нерушимость въ относительномъ положеніи нитей до самаго мѣстилища души. Что это въ концѣ концевъ ни къ чему не ведетъ, о томъ надумываются уже слишкомъ поздно; ибо простой фактъ, что одно впечатлѣніе приходитъ къ душѣ такою-то дорогой, другое — иной, тогда бы только оказалъ душѣ какую-нибудь пользу для ея пространственнаго созерцанія, еслибъ она или могла высмотрѣть, какимъ-либо новымъ глазомъ и съ новою необъяснимой силой ощущенія, направленіе обѣихъ дорогъ вмѣстѣ и величину угла между ними, или была бы въ состояніи, даже и при совершенной слѣпотѣ, подмѣтить у раздраженія, откуда оно въ нее приходитъ. Перваго она не можетъ, да и послѣднее могла бы только тогда, еслибъ въ самомъ содержаніи своемъ или обокъ съ нимъ раздраженіе носило какой нибудь замѣтный признакъ своего происхожденія, а тогда это мнѣніе ворот-

Digitized by Google

лось бы вѣдь къ тому именно представленію о мѣстныхъ признакахъ, съ котораго мы начали. Но тѣмъ самымъ оно и упразднило бы исходную свою точку. Вѣдь, если судъ о зачалѣ впечатлѣній зависитъ уже не отъ направленія, въ какомъ напираютъ они на душу, а отъ вида, какой сохранили они какъ напоминанія о немъ, то нѣтъ затѣмъ и совершенной необходимости, чтобы въ промежуткѣ между чувственнымъ органомъ и душой поддерживалось относительное ихъ положеніе и чтобы каждое изъ нихъ проводилось къ душѣ особымъ каналомъ. Если въ новомъ помѣщеніи мы захотимъ разстановить библіотеку тѣмъ же порядкомъ, какой имѣла она въ прежнемъ, то не заботимся непремѣнно о соблюденіи этого порядка и дорогой, при перевозкѣ; напротивъ, мы просто его нарушаемъ, складывая покамѣстъ въ кучи то, что можно уложить вмѣстѣ безъ поврежденія, ради одного удобства, и совсѣмъ стороннему лицу можемъ поручить возстановленіе прежняго порядка на новосельѣ, такъ какъ и посторонній будетъ руководиться при этомъ нумерами, вѣрно обозначающими каждый томъ. Такъ же точно, при переходѣ нервныхъ впечатлѣній въ сознаніе, неизбѣжно нарушается ихъ пространственный порядокъ, и нѣтъ ни какого основанія, почему бы не могло быть этого и прежде, въ сферѣ самыхъ нервовъ. По настоящему вѣдь все дѣло въ томъ, чтобы каждое впечатлѣніе только до тѣхъ поръ держалось порознь отъ прочихъ, пока оно получитъ свой мѣстный нумеръ или отмѣту, а когда это однажды сдѣлано, то становится уже очень сбыточнымъ, что всѣ разнообразныя впечатлѣнія приходятъ подъ конецъ къ мѣсту своего назначенья, сѣдалищу души, однимъ и тѣмъ же общимъ каналомъ. Такъ запаковываютъ бездну разныхъ писемъ въ одинъ чемоданъ, и тамъ, гдѣ они получатся, одинаково легко распознать мѣсто ихъ отправленія по штемпелю, какимъ бы путемъ ни совершилась доставка. Подобно тому и

Digitized by Google

здѣсь единая нервная нить, будь она только вообще способна къ такому дѣлу, могла бы обезпечить внутренній его порядокъ точно такъ же хорошо, какъ и многія. Не льзя, съ другой стороны, не сказать, что все это лишь однѣ возможности, и намъ неизвѣстно, выполнены ли на самомъ дѣлѣ тѣ условія, отъ которыхъ онѣ зависятъ. Вѣдь изложеніе наше основано, вопервыхъ, на догадкѣ, что вообще и одна нервная нить можетъ служить проводникомъ для многихъ одновременныхъ впечатлѣній безъ всякаго имъ ущерба. Мы не знаемъ навѣрно, такъ ли это, и еще менѣе, въ какихъ именно предѣлахъ оно можетъ быть допущено. Взглядъ нашъ основанъ, вовторыхъ, на томъ, что связь между ощущеніемъ и мѣстнымъ его признакомъ есть прочное и ненарушимое сочетанье, такъ что, при встрѣчѣ многихъ впечатлѣній въ одномъ и томъ же нервномъ субстратѣ, ни одинъ мѣстный признакъ не отдѣляется отъ своего носителя и не переходитъ на другаго, или вообще не измѣняется отъ противодѣйствій всѣхъ остальныхъ. Если допустить оба эти предположенія, то окажется возможнымъ, что всѣ впечатлѣнія приходятъ къ душѣ однимъ общимъ каналомъ и принимаются ею въ силу взаимнодѣйствія при непосредственномъ столкновеніи ея съ ними; если же допустить этого не льзя, тогда становится неизбѣжнымъ, чтобъ воспріимчивость и ея дѣйствія вовсе не зависѣли отъ прямаго соприкосновенія съ возбужденною оконечностью нерва, но распространялись бы на нѣкоторое разстояніе съ быстро-убывающею напряженностью. До предѣловъ этого круга душевной дѣятельности должны въ такомъ случаѣ доходить порознь нервныя волокна; и какъ сліяніе ихъ въ одну общую точку тутъ уже невозможно, то лишь на извѣстномъ разстояніи приходится душѣ вступить съ каждымъ изъ нихъ въ непосредственное взаимнодѣйствіе, чтобы возбужденія ихъ принимать порознь въ свое духовное существо, гдѣ они не подвергаются

Digitized by Google

опасности перемѣшаться своимъ содержаньемъ. Еслижь, наконецъ, сочетаніе впечатлѣній съ ихъ мѣстными примѣтами происходитъ не въ самомъ чувственномъ органѣ, но только уже въ головномъ мозгу, тогда, при любомъ изъ вышеприведенныхъ предположеній, многія отдѣльныя волокна должны протягиваться отъ чувственнаго органа къ головному мозгу, и затѣмъ особый путепроводъ къ душѣ, даже и въ случаѣ дѣйствительнаго его существованья, легко могъ бы ускользнуть отъ нашихъ наблюденій среди многосложной плетеницы тончайшихъ волоконъ. Я, съ своей стороны, не вѣрю въ его существованіе, но полагаю, что только уже въ центральныхъ органахъ происходитъ сочетаніе впечатлѣній съ ихъ мѣстными примѣтами, и нахожу, что догадка эта, вмѣстѣ съ убѣжденіемъ о существованіи пространственнаго, хотя бы и ограниченнаго круга дѣйствій души, заставляетъ насъ ожидать почти такого именно строенія головнаго мозга, какое извѣстно намъ доселѣ изъ опыта.

Мнѣ не хотѣлось бы покинуть этого предмета безъ того, чтобъ не коснуться одного взгляда, день ото дня болѣе пускаемаго въ ходъ популярными разсужденіями о вопросахъ, которые насъ здѣсь занимаютъ. Только уже въ ткани органовъ, къ которымъ идутъ нервныя нити, расходятся онѣ подъ-конецъ на вѣточки, простирающіяся, однакожь, очень не далеко; напротивъ, во всемъ промежуткѣ между этими оконечностями и центральными органами видимъ мы непрерывный путь каждой нити, безъ сліянія съ другими и безъ раздѣла одиночнаго ея ствола. Устройство это, повидимому, такъ сильно намекаетъ на важность разобщеннаго путепровода, что оставляетъ можетъ-быть очень мало вѣроятности за высказанными прежде догадками о возможности проведенія многихъ одновременныхъ впечатлѣній однимъ и тѣмъ же общимъ путемъ. Впрочемъ, если, положа руку на сердце, мы захо-

Digitized by Google

тимъ отдать себѣ искренній отчетъ въ тѣхъ основаніяхъ, на которыя опираются наши анатомическія истолкованья, то должны будемъ признаться, что иногда это болѣе дѣло привычки, нежели доказанной истины. Сколько разобщеніе нитей ни указываетъ повидимому на рознь въ самомъ проводѣ впечатлѣній, не надо однакожь забывать, что разобщеніе это встрѣчаемъ мы и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ едвали можно помышлять о подобной цѣли. Мышца, которой всѣ связки нормально предназначены сокращаться и дѣйствовать всегда только вмѣстѣ, получаетъ, не смотря на то, разныя нервныя нити, и онѣ, точно такъ же не сливаясь, идутъ въ спинной мозгъ, хотя, повидимому, никогда не можетъ выдаться случая, гдѣ для предопредѣленной имъ дѣятельности было бы полезно, чтобъ возбужденіе каждой отдѣльной нити распространялось порознь отъ возбужденія всѣхъ остальныхъ. Нервъ обонянія распадается, подобно всѣмъ прочимъ чувственнымъ нервамъ, на множество тонкихъ волоконъ, а между тѣмъ едвали онъ предназначенъ, и ужь навѣрно не способенъ, принимать въ себя одновременно такое жь множество запаховъ, не смѣшивая ихъ особенностей одну съ другою. То же должно сказать и о нервѣ вкуса, ощущающемъ различныя впечатлѣнія вовсе не такъ ясно, чтобы стоило для того устроивать множество отдѣльныхъ путепроводовъ. И наоборотъ, ухо наше способно съ величайшей тонкостью различать разнообразнѣйшіе тоны одной и той же гармоніи, не смотря на то, что способъ, какимъ звуковыя волны проводятся въ слуховой нервъ, едвали допускаетъ иную правдоподобную догадку, кромѣ той, что различные тоны возбуждаютъ всѣ волокна его одновременно и зàразъ. Изъ такихъ фактовъ можно, я думаю, вывесть одно только заключеніе, что употребленіе въ дѣло одиночной нервной нити, которой поперечникъ разнится притомъ вездѣ не значительно, необходимо для организма по какой-нибудь ве-

Digitized by Google

сьма общей причинѣ. Быть-можетъ, что въ чемъ бы ни заключался тотъ физическій процессъ, на которомъ основана вся нервная дѣятельность, онъ вообще способенъ развиваться только въ нитяхъ опредѣленной толщины и ограниченнаго поперечника. Если къ этому мы присовокупимъ еще догадку, что величина такого процесса внутри каждаго изъ этихъ цилиндрическихъ элементовъ также можетъ быть только ограниченная, то отсюда вытекала бы необходимость, помощію множества нитей, проводящихъ одно и тоже впечатлѣніе, увеличивать силу его до той степени, какая именно нужна для дальнѣйшаго употребленія его ради жизненныхъ цѣлей. Вѣдь то же самое устройство видимъ мы и внѣ нервной системы, въ сложеніи мяса и мышцъ: раздѣленіе ихъ на чрезвычайное множество тончайшихъ нитей представлялось бы совершенно напраснымъ, еслибъ не предположить, что и тутъ сокращаемость возможна была вообще только для такого рода тонкихъ цилиндровъ, и что великое множество соединенныхъ волоконъ должно было дать потребную здѣсь силу механическаго дѣйствія. Всеобщее примѣненіе клѣтчатой формы въ строѣ растенія представляетъ намъ другой подобный фактъ: и оно также указываетъ на то, что особый родъ химическихъ процессовъ, требуемыхъ жизнію растенія, возможенъ только въ этихъ пространственно-мелкихъ образованіяхъ, гдѣ полувлажный сковой шарикъ, крошечнаго поперечника, всею своею массою лежитъ въ сферѣ вліянія частичныхъ силъ, дѣйствующихъ на него изъ твердой оболочки.

Но, какъ бы то ни было, мы во всякомъ случаѣ можемъ положительно сказать, что образованіе длинныхъ и не развѣтвленныхъ нитей—весьма общая повадка органической пластики. Однажды допущенная по какой ни есть причинѣ въ число постоянныхъ способовъ образованія, она естественно могла съ выгодою быть примѣнена и къ разобщенію отдѣльныхъ провод-

Digitized by Google

никовъ возбужденія, хотя и не служа во всѣхъ данныхъ случаяхъ исключительно для одной этой цѣли. Напротивъ, очень можетъ быть, что уже необходимая живость ощущеній требуетъ бо̀льшаго числа волоконъ, съ возбужденіями которыхъ вступаетъ въ прямое взаимнодѣйствіе душа, и что проводъ этихъ впечатлѣній только немногими путями, или даже еще и однимъ, былъ бы для того слишкомъ недостаточенъ. Разобщенность отдѣльныхъ нитей и недопущеніе ихъ соединяться прожилками, конечно, не зависитъ отъ этого, какъ необходимое слѣдствіе; но неразвѣтвленный путь все же представляетъ собою простѣйшій случай, и потому не для него, а скорѣе для устройства промежуточныхъ связей потребовалось бы отыскать какихъ-нибудь особенныхъ причинъ.

Послѣ такого уясненія разныхъ сомнѣній, изъ которыхъ, кажется, ни одно не исключаетъ возможности допустить постоянное мѣстилище души, мнѣ хотѣлось бы напомнить лишь немногими словами, что представленіе о подвижной душѣ, перемѣщающейся, смотря по надобности, въ предѣлахъ центральныхъ органовъ, отнюдь не лучше порѣшило бы всѣ трудности этого вопроса. Вѣдь для того, чтобъ поспѣшить къ той точкѣ, гдѣ предстоитъ ей принять въ себя наступающее возбужденіе, не должна ли она напередъ уже знать о его существованьи? Стало-быть, прежде чѣмъ пришла бы она въ соприкосновеніе съ возбужденнымъ нервнымъ волокномъ, ей надлежало бы ощутить на себѣ изъ-дали вліяніе его внутреннихъ состояній, и движеніе ея къ нему не было бы тогда средствомъ первой возможности существующаго уже взаимнодѣйствія, а только новымъ подспорьемъ для усиленія его. Такимъ образомъ и этотъ взглядъ воротился бы наконецъ къ тому же предположенію, на которое оперлись и мы, какъ на самую вѣроятную основу, — именно на предположеніе, что непосредственное взаимнодѣйствіе души съ элементами тѣла происходитъ

Digitized by Google

не только въ пространственномъ соприкосновеніи, но, подобно дѣятельности всякой другой физической силы, распространяется на болѣе или менѣе протяженный кругъ; опредѣлить, однакожь, величину послѣдняго не даетъ намъ достаточныхъ средствъ нашъ опытъ.

Неинтересно было бы слѣдить здѣсь разныя возможности еще далѣе: кажется, теперь довольно ясно, что вопросъ о мѣстилищѣ души затемненъ не столько внутренними трудностями сколько тѣмъ, что отвѣчать на него опредѣленнымъ образомъ мѣшаетъ несовершенство нашихъ положительныхъ знаній, которыя предоставляютъ намъ колебаться въ выборѣ между разными догадками. Но послѣ того какъ для насъ, повидимому, окончательно установилась общая точка зрѣнья, съ которой должно на него смотрѣть, мы уже не раздѣляемъ того нетерпѣнія, которое, наперекоръ видимой неполнотѣ всѣхъ *наличныхъ* матеріаловъ, силится немедленно рѣшить задачу и прямо указать мѣстилище души. Предоставляя это будущности, лучше постараемся оправдать то продолжительное вниманье, какое мы посвящали этому вопросу до сихъ поръ, передъ пренебрежительнымъ къ нему отношеніемъ противоположнаго взгляда, готоваго счесть подобное изслѣдованіе вообще совершенно лишнимъ. Намъ кажется вовсе не напраснымъ стараніе удовлетворить такому любопытству, которое неизбѣжно возникаетъ опять у всякаго, сколько бы ни угомоняли его приговорами свысока; безъ яснаго его удовлетворенія и самое представленіе наше о взаимнодѣйствіи между тѣломъ и душой, лишенное своей естественнѣйшей опоры, всегда будетъ блуждать и колобродить въ пустотѣ. Только содержаніе нашего отвѣта, а отнюдь не стремленіе дать вообще какой-нибудь отвѣтъ, трудно намъ будетъ избавить отъ порицанія и пререканья. И то и другое встрѣтитъ онъ въ изобиліи со стороны того взгляда, который представляетъ себѣ душу разлитою по всему тѣлу съ одинако-

Digitized by Google

вою, вездѣсущею дѣятельностью, принимающею каждое впечатлѣніе на мѣстѣ, гдѣ оно произошло, и разсылающею возбужденія, соотвѣтственныя ея цѣлямъ. Но если годность какого бы то ни было взгляда можно измѣрять согласіемъ его съ фактами, дознанными чрезъ наблюденье, то не думаю, чтобъ намъ слѣдовало бояться нападенія со стороны этого противника. Положимъ, ему не нуженъ тотъ замокъ всего нервнаго свода, котораго не могла найдти анатомія; но, наоборотъ, онъ вѣдь никогда не умѣлъ убѣдительно показать и того, зачѣмъ ему вообще сама нервная система, которую обнаруживаетъ намъ однако наблюденіе; ему не удалось показать, какимъ образомъ эта вездѣ распространенная душа достигаетъ возможности относить отдѣльныя впечатлѣнія къ опредѣленнымъ точкамъ пространства и начертывать себѣ образъ того тѣла, въ которомъ она разлита; наконецъ, онъ никогда не былъ въ силахъ устранить противорѣчіе опыта, который научаетъ же насъ тому, что, только по совершенномъ приводѣ къ центральнымъ органамъ, тѣлесныя раздраженія существуютъ для сознанья, и только по совершенномъ отводѣ въ противоположномъ направленіи существуютъ для тѣла душевныя побужденья. Гораздо болѣе враждуя съ фактами опыта, нежели подкрѣпляясь ими, этотъ взглядъ силится только провести предвзятое мнѣніе о необходимомъ единствѣ тѣла и души, и, гордясь возвышенностью этой мысли, онъ рѣдко употребляетъ противъ отстаиваемаго нами воззрѣнія иное оружіе, кромѣ насмѣшки. Итакъ, возразитъ онъ намъ, человѣческая личность состоитъ по вашему изъ тѣла и души, какъ изъ двухъ раздѣльныхъ составныхъ частей или принадлежностей? и въ одной лишь особой точкѣ сидитъ у васъ на возвышенномъ тронѣ, въ видѣ верховнаго судьи, душа, выслушивая подсудимыхъ и свидѣтелей, которые доносятъ ей, что совершилось въ ея тѣлѣ и чего непосредственно ощутить она была не въ состояніи? Легко размале-

Digitized by Google

вать себѣ эти возраженія еще и дальше, но надо въ то же время замѣтить, что и безъ того ужь намалевано тутъ много лишняго; потому что въ сущности мы не подали ни какого повода къ этому заключенію, къ этому насмѣшливому: и такъ. Разумѣется, мы вовсе не думаемъ, чтобъ личность слагалась изъ души и тѣла; вездѣ, гдѣ въ строгомъ смыслѣ слова ищемъ мы настоящей своей сущности, мы всегда находимъ ее исключительно въ душѣ, и никогда не считали тѣла чѣмъ-нибудь болѣе ближайшаго намъ участка внѣшняго міра, — участка, который верховная мощь отдала намъ въ такую полную собственность, какъ своимъ человѣческимъ трудомъ мы никогда не покоримъ себѣ ничего намъ чужаго. А что касается мѣстилища души, то что же въ немъ наконецъ неприличнаго, если мы только втихомолку устранимъ «высокій тронъ» и всю бойкую картину «судоговоренія», — эти ненужныя прикрасы, которыми подарила насъ услужливая фантазія противниковъ? Вѣдь кто что ни говори, а душа наша не такъ всезнающа, чтобъ ощущать, напримѣръ, происходящее въ дали, и не такъ всемогуща, чтобъ дѣйствовать на дальнее разстоянье (разумѣется, безъ помощи внѣшнихъ средствъ): такъ что же за бѣда, если мы откровенно признаемся въ этомъ фактѣ и ограничимъ кругъ непосредственныхъ взаимнодѣйствій между тѣломъ и душой извѣстною частью центральныхъ органовъ? Если легчайшія потрясенья тѣла душа принимаетъ въ себя путемъ посредственной ихъ передачи и сопровождаетъ нѣжнѣйшими переливами разныхъ ощущеній и чувствъ, если, наоборотъ, механизмъ тѣла каждое мимолетное возбужденіе, сообщаемое одной изъ его точекъ душою, воплощаетъ тотчасъ въ выразительное движеніе: то что же мы собственно отъ этого теряемъ? И что же бы мы выиграли противоположнымъ тому убѣжденіемъ, будто сама душа сгибается со сгибомъ пальца, которымъ мы кого-нибудь манимъ, сжимается вмѣстѣ со сжатымъ кулакомъ, который мы на него подымемъ?

Digitized by Google

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Формы взаимнодѣйствія между тѣломъ и душой.

Органы души. — Органъ созерцанія пространства. — Тѣлесная обосновка чувствованій. — Высшее разумѣніе, нравственное и эстетическое сужденье. — Сонъ и безсознательность. — Вліяніе состояній тѣла на ходъ представленій. — Главный органъ движенія. — Отраженныя (рефлективныя) движенья. — Формы воздѣйствія, пріобрѣтаемыя навыкомъ. — Дѣлимость души. — Френологія. — Стѣсненіе или объупненіе духа связью его съ тѣломъ.

Стараясь уклониться отъ вызывающихъ запросовъ матеріализма и будучи однакожь не въ силахъ отвергнуть тотъ очевидный фактъ, что возможность отправленія духовныхъ способностей много зависитъ отъ безущербной внутренней связи и исправнаго строя головнаго мозга, прибѣгаютъ обыкновенно къ той уверткѣ, что смотрятъ на эту важную часть тѣла все-таки лишь какъ на служебный органъ души. Сама душа, говорятъ намъ въ такомъ случаѣ, продолжаетъ быть тѣмъ же сверхчувственнымъ, несложнымъ существомъ, надѣленнымъ извѣстными намъ способностями; только для отправленія ихъ нужны ей орудія, приготовленныя для нея организаціей въ строѣ головнаго мозга. Я ужь неоднократно высказывалъ завѣтное свое убѣжденіе, что наше знаніе духовной жизни до тѣхъ поръ не ступитъ впередъ ни шагу, пока мы будемъ думать, что сдѣлали хоть что-нибудь такимъ безтолковымъ представленіемъ, какъ эта мысль о служебныхъ органахъ ду-

Digitized by Google

ми. Вѣдь ею не перещеголяемъ мы въ ясности даже и матеріализма. Въ основѣ его лежитъ, правда, одна всеобщая непостижимость: какъ ухитряется онъ привязать духовныя дѣйствія къ тѣлеснымъ массамъ; но, помимо этого, онъ ясенъ и послѣдователенъ по крайней мѣрѣ въ томъ отношеніи, что мозгъ прямо и выдаетъ за дѣятеля, а мысль и ощущеніе, чувство и хотѣнье—за непосредственныя его дѣйствія. Простое это отношеніе намъ понятно; напротивъ, когда скажутъ, что чувствуетъ, мыслитъ или хочетъ собственно не мозгъ, а только душа посредствомъ мозга, тутъ мы очевидно нуждаемся въ объясненіи: вѣдь всякое подобное посредство уже само по себѣ загадка для научно-воспитаннаго ума, — загадка, неотмѣнно требующая рѣшенія, тогда какъ въ такихъ-то именно посредствующихся отношеніяхъ восторженность высшихъ взглядовъ всегда почти и думаетъ найдти рѣшеніе всѣхъ загадокъ. Когда рѣчь зайдетъ о какомъ бы то ни было орудіи, намъ всегда прійдется спросить себя: какимъ же недостаткомъ своей собственной силы употребляющій это орудіе вынужденъ имъ пользоваться; какими выгодами это призванное на помощь средство наверстываетъ недостатки употребляющей его силы до того, что она становится способною къ дѣйствіямъ, невыполнимымъ для нея безъ этого подспорья; какимъ, наконецъ, образомъ пользующійся орудіемъ ухитряется овладѣть имъ и заставляетъ его плодотворно служить себѣ для извѣстныхъ цѣлей. Рѣдко задавались этими вопросами, и если всмотрѣться въ великое множество органовъ представленія, мысли и воли, о которыхъ такъ часто толковали, конечно не описывая ихъ въ ближайшей подробности, то нельзя будетъ усомниться въ томъ, что между ними найдемъ мы много излишнихъ, будто бы дающихъ душѣ возможность къ тѣмъ именно дѣйствіямъ, для которыхъ не нужна ей ни какая сторонняя помощь, — много другихъ, ни мало не способныхъ на то,

Digitized by Google

къ чему ихъ предназначаютъ, — много, наконецъ, такихъ, о которыхъ совсѣмъ непонятно, какимъ образомъ ихъ, пусть и полезное само по себѣ, устройство могло бы быть поставлено въ распоряженіе души.

Небрежность, съ какою постоянно относились къ той помощи, которой мы собственно въ правѣ ожидать и требовать для тѣла отъ содѣйствія души, всегда особенно мѣшала до сихъ поръ правильному истолкованію центральныхъ органовъ. И намъ не удастся сразу устранить препятствія, лежащія на пути успѣшныхъ розысканій. Какъ ни легко выдѣлить здѣсь кое-что, имѣющее на нашъ взглядъ рѣшительно характеръ врожденной душевной дѣятельности и отнюдь не допускающее разумной возможности отыскивать для себя какого-либо особаго органа въ тѣлѣ, мы однакожь рѣдко бываемъ въ состояніи обозрѣть весь кругъ мелочныхъ пособій, необходимыхъ между-тѣмъ извѣстной способности, чтобы поставить отправленіе ея въ полное соотвѣтствіе со внѣшнимъ міромъ, о которомъ душа вѣдаетъ посредствомъ однихъ только тѣлесныхъ орудій. Такимъ образомъ, въ видѣ посредствъ, могутъ же существовать тѣлесные органы и для такихъ отправленій, которыя по существенному своему характеру вовсе не нуждаются въ помощи со стороны тѣла, да ни мало къ ней и не расположены. Поэтому, изъ доступнаго намъ познанія духовной жизни, мы не сможемъ заранѣе въ точности опредѣлить орудія, какія организація должна поставить ей на службу. Но послѣ того, какъ съ многоразличнѣйшихъ сторонъ такъ часто дѣлались самыя разнообразныя попытки объяснить существующее тѣлостроеніе, мы, въ свою очередь, рѣшаемся на подобный же опытъ не столько изъ-за ожидаемыхъ отъ него выводовъ насчетъ предназначенія различныхъ частей головнаго мозга, сколько изъ-за представляющагося при этомъ случая всмот-

Digitized by Google

рѣться въ крайне разнообразныя формы обоюднаго вліянія между тѣломъ и душой.

Едвали нужно входить здѣсь съизнова въ подробности о первомъ зачаткѣ духовной жизни, ощущеніи. Тѣло, повидимому, не можетъ оказать ему иной услуги, кромѣ той, что принимаетъ въ себя внѣшнія впечатлѣнья и пространственно приближаетъ ихъ къ кругу душевной дѣятельности, въ формѣ, благопріятной для легкой и вѣрной ихъ передачи. Каковы бы ни были физическіе процессы, совершающіеся въ чувственныхъ нервахъ, ихъ переводъ на ощущенья цвѣта, звука или запаха никогда не можетъ быть облегченъ ни какимъ вставочнымъ органомъ между ними и душою. Вѣдь все дѣло такого органа могло бы заключаться только въ превращеніи одной формы нервнаго раздраженія въ другую, но никогда не могло бы сблизить края той бездны, которая все-таки осталась бы по-прежнему между физическими движеніями и самими ощущеньями, какъ внутренними состояніями нашего сознанья. Столь же мало способны пользоваться тѣлесной помощью или нуждаться въ ней и всѣ тѣ проявленія соотносительнаго вѣдѣнья, которыя ограничиваются только сравненіемъ, данныхъ въ ощущеньи, содержаній. Чтобъ судить о большемъ или меньшемъ сродствѣ двухъ цвѣтовъ или звуковъ, или чтобъ оцѣнить разности въ силѣ впечатлѣній, сознаніе не нуждается ни въ чемъ, кромѣ самихъ элементовъ, подлежащихъ его сравненію, и кромѣ той способности соотносительнаго перехода (отъ одного элемента къ другому), которая, какъ мы уже видѣли, всего менѣе сводима на физическія дѣйствія. Итакъ, пока не привзойдутъ сюда какія-либо другія задачи, до тѣхъ поръ не будетъ у насъ ни какого повода предполагать необходимымъ центральный органъ чувственности, и думать, что отъ предварительной разработки имъ нашихъ впечатлѣній зависитъ самая способность души употреблять ихъ въ дѣло: она только тогда

Digitized by Google

нуждалась бы въ особыхъ каналахъ, проводящихъ къ ней отдѣльныя раздраженія и дающихъ ей возможность развивать свои ощущенья той послѣдовательною чередой, которая соотвѣтствовала бы разнообразнымъ перемѣнамъ въ наличной обстановкѣ внѣшняго міра. Но рядомъ съ этою простѣйшею задачею можно различить еще двѣ другія: пространственный распорядокъ чувственныхъ впечатлѣній и подмѣту той внутренней цѣнности, которая присуща или отдѣльнымъ впечатлѣніямъ, или извѣстнымъ группамъ многихъ впечатлѣній вмѣстѣ. Для обѣихъ этихъ дѣятельностей душа нуждается въ помощи тѣла.

Мы видѣли, къ какому предположенію необходимо ведетъ возможность пространственнаго созерцанія: къ каждому отдѣльному впечатлѣнью, къ каждой цвѣтовой точкѣ сѣтчатки, къ каждому осязанью кожи, непремѣнно должно присовокупляться особаго рода побочное впечатлѣнье, которое, не измѣняя ощущенья въ его содержаніи, служитъ только признакомъ его мѣстнаго происхожденья (указателемъ, откуда оно идетъ). Къ неизбѣжному этому требованью присоединяемъ мы теперь еще догадку о формѣ, въ какой оно, повидимому, выполняется, по крайней мѣрѣ для чувства зрѣнія (тутъ догадка эта имѣетъ за себя особенную наглядность). Одно лишь крошечное мѣстечко въ срединѣ сѣтчатой оболочки глаза доставляетъ намъ вполнѣ ясныя ощущенія; смутно представляются всѣ предметы, которыхъ образъ падаетъ мимо этого средоточія на боковыя поля сѣтчатки. Однакожь, какъ скоро на одно изъ этихъ сторонніхъ мѣстъ попадетъ впечатлѣніе посильнѣе, оно производитъ въ глазу невольное движеніе, которымъ мы обращаемъ къ тому впечатлѣнію полный нашъ взглядъ, и, такимъ способомъ, полученный нами косвенный образъ переводимъ на точку своего яснѣйшаго зрѣнія (то-есть на самый зрачекъ). Но, по особенности своего положенія, каждая изъ

Digitized by Google

боковыхъ точекъ сѣтчатки потребуетъ отъ глаза такого движенія, какое соотвѣтствуетъ ей и направленіемъ и величиной, съ тѣмъ, чтобъ для пріема лучей, прежде собиравшихся на сѣтчаткѣ въ неясный образъ, подставить ту маленькую площадку, способную къ яснѣйшему ощущенію. Выполненіе этого требованья предполагаетъ, чтобы каждая изъ отдѣльныхъ нитей, которыхъ оконечности принимаютъ въ сѣтчаткѣ свѣтовыя впечатлѣнія, могла переносить свои возбужденія, въ свойственныхъ ей видѣ и величинѣ, на извѣстные движительные нервы, отъ совокупнаго дѣйствія которыхъ, въ разныхъ постепенностяхъ, зависитъ величина и направленіе глазныхъ движеній. Дозволимъ себѣ теперь предположить, что подобное взаимнодѣйствіе между чувствительными и движительными глазными нервами употреблено для обосновки пространственныхъ созерцаній: тогда многосложное и тонко-разчлененное сплетеніе обоего рода нитей, какого и слѣдуетъ при этомъ ожидать, неизбѣжно представится намъ въ видѣ особаго центральнаго органа для пространственнаго созерцанья. Въ такомъ случаѣ, каждое раздраженное мѣсто сѣтчатки, благодари своеобразной связи идущаго отъ него волокна съ нитями движительныхъ нервовъ, должно порождать въ этомъ органѣ исключительно соотвѣтственный ему позывъ къ движенію, который можетъ отозваться въ душѣ какимъ-либо впечатлѣньемъ даже и тогда, когда не послѣдовало за нимъ настоящаго движенія глаза. Наконецъ, самое это впечатлѣнье, которое можетъ обойтись и безъ подмѣты его нашимъ сознаніемъ, а напротивъ принадлежать къ совсѣмъ безсознательнымъ состояніямъ, сильно однакожь вліяющимъ на душу, — впечатлѣніе это и будетъ тѣмъ мѣстнымъ признакомъ, руководясь которымъ, душа пріурочитъ въ созерцаемомъ ею пространствѣ ту цвѣтовую точку, съ которой впечатлѣніе соединено, а тѣмъ самымъ опредѣлится уже и положеніе ея относительно ко всѣмъ дру-

Digitized by Google

гимъ точкамъ. Мы по необходимости предоставляемъ дальнѣйшимъ разысканіямъ врачебной психологіи устранить многочисленныя трудности, неразлучныя съ этимъ сложнымъ процессомъ въ каждомъ частномъ случаѣ, и вмѣстѣ показать, что система такихъ позывовъ къ движенію дѣйствительно представила бы ту утонченную и многостороннюю постепенность и сродственность разныхъ мѣстныхъ признаковъ, какую предполагаетъ острота зрительныхъ ощущеній нашихъ въ пространствѣ. Уясняя примѣромъ свой взглядъ, котораго содержаніе, при всей вѣроятности его для насъ, все-таки остается лишь одною догадкой, мы хотѣли отчетливѣе изобразить то понятіе, которое, такъ или иначе мы всегда должны будемъ въ сущности имѣть о происхожденіи нашего пространственнаго созерцанья. Какое бы иное понятіе ни вздумали мы предпочесть, намъ во всякомъ случаѣ будетъ необходимо допустить для этого вида нашей духовной дѣятельности предуготовляющій центральный органъ, и мы готовы откровенно признаться въ томъ, что значительная доля массы головнаго мозга кажется намъ предопредѣленною исключительно для этой цѣли.

Чувства довольства и недовольства, отчасти сопровождающія различныя ощущенья, отчасти возникающія изъ сравнительнаго сближенія многихъ ощущеній вмѣстѣ, такъ явно видоизмѣняются смотря по состоянію тѣлеснаго настроенья, что невозможно затѣмъ искать ихъ въ одной только цѣнительной способности души. Правда, въ весьма многихъ случаяхъ, болѣзненныя разстройства измѣняютъ не только наше чувствованіе, но и самое содержаніе того ощущенья, съ которымъ оно сопрягается: не одинъ и тотъ же вкусъ кажется противнымъ больному и пріятнымъ здоровому; и въ такихъ случаяхъ можно бы, пожалуй, предполагать, что о впечатлѣніи, дѣйствительно передаваемомъ душѣ чувственнымъ органомъ, она всегда судитъ по однимъ и тѣмъ же законамъ своей собствен-

Digitized by Google

ной природы, не нуждаясь для этого еще въ уряжающемъ вмѣшательствѣ какого бы то ни было тѣлеснаго органа. Но вѣдь часто содержаніе ощущенья остается неизмѣннымъ, а между тѣмъ измѣняются и сила и характеръ возбуждаемаго имъ чувствованія. Конечно, и здѣсь живость нашего къ нему участія иногда возвышается, иногда понижается общимъ характеромъ душевнаго настроенья, проистекающаго по-временамъ отъ чисто-духовныхъ поводовъ, и, вѣроятно, только по такимъ причинамъ мы чувствуемъ въ себѣ то болѣе, то менѣе сродственнаго расположенія къ однѣмъ и тѣмъ же гармоніямъ звуковъ, къ однимъ и тѣмъ же сочетаніямъ цвѣтовъ. При всемъ томъ, и относительно къ силѣ, и относительно къ оттѣнку нашихъ чувствованій, остается еще возможною для насъ такая измѣнчивость, которую мы, повидимому, должны выводить единственно изъ того, что согласіе или противоборство, въ какомъ возбужденія нервовъ состоятъ съ нашими жизненными условіями, измѣряется только однимъ послѣдствіемъ, не всегда отвѣчающимъ дѣйствительно испытанному нами разстройству, или же подспорью, полученному отъ этого взаимнодѣйствія. Вдохнувъ въ себя эѳиръ или хлороформъ, мы не всегда теряемъ, вмѣстѣ съ чувствомъ, и сознаніе; въ началѣ, обезчувствленный можетъ иногда подмѣчать довольно вѣрно частныя подробности совершаемой надъ нимъ хирургической операціи, но не ощущаетъ уже ни какой боли. Равно и при другихъ разстройствахъ нервной системы, мы тревожимся иногда странной бездѣйственностью на насъ впечатлѣній, которыя подмѣчаются совершенно ясно, а между тѣмъ почти не кажутся намъ нашими собственными состояніями: — такъ слабо сопровождаетъ ихъ то захватывающее чувство, которое, въ здоровомъ состояніи, свойственно до надлежащей степени любому изъ нашихъ ощущеній. Тутъ представляется намъ, будто передача внѣшнихъ раздраженій идетъ непрерывно до

Digitized by Google

тѣхъ поръ, пока чрезъ взаимнодѣйствіе съ душой они превратятся въ сознательныя, ни чуть не трогающія насъ, подмѣты; но затѣмъ будто прерывается дальнѣйшій ходъ ихъ къ другой точкѣ, съ достиженіемъ которой должны они пробуждать особенный отголосокъ, тутъ только вызывающій своимъ воздѣйствіемъ въ душѣ соотвѣтственное ему внутреннее чувство. Однакожь ближайшее изслѣдованье, основываясь на фактахъ, дознанныхъ понынѣ опытомъ, не смогло бы окончательно рѣшить, дѣйствительно ли необходимо допускать въ этомъ смыслѣ особый центральный органъ внутренняго чувства, или встрѣчающіяся тутъ явленія равно объяснимы и какою-нибудь иною формой тѣлеснаго содѣйствія. Но не безинтересно было бы тщательнѣе разыскать, до какихъ именно предѣловъ чувствованія наши вообще нуждаются въ подобномъ содѣйствіи. Удовольствіе отъ согласныхъ музыкальныхъ аккордовъ, основано ли только на сравненіи возникшихъ въ душѣ звукоощущеній, такъ что и безъ помощи тѣла она продолжала бы находить ихъ прекрасными, будь только возможность обновлять въ ней (помимо тѣла) самыя ощущенья? Или въ этомъ удовольствіи душа чувствуетъ лишь то благопріятное побочное дѣйствіе, какое это именно сочетанье звуковъ производитъ на другую часть тѣлесной ея организаціи, такъ что наслажденіе возникаетъ для нея отъ пользы или угоды, привходящей тутъ со стороны, а не отъ ощущаемаго ею самою внутренняго сродства извѣстной группы звуковъ, и что, слѣдовательно, наслажденія вовсе бы не было, еслибъ съ удаленіемъ тѣлесной основы устранилась и возможность доставить имъ ощутительную отраду душѣ? Вопросы эти нынѣ еще не разрѣшимы, и, вмѣсто отвѣта на нихъ, котораго важность для уразумѣнія всей духовной жизни достаточно показываетъ уже одинъ этотъ примѣръ, мы должны покамѣстъ довольствоваться убѣжденіемъ, что живость и теплота нашихъ внутреннихъ чувствъ, а

Digitized by Google

вмѣстѣ и весь строй душевной нашей сферы, во всякомъ случаѣ много зависитъ отъ тѣлесной организаціи.

Вѣрною передачею внѣшнихъ впечатлѣній, точнымъ по дѣломъ ихъ многоразличнаго содержанія, живостью внутреннихъ чувствъ, сопровождающихъ каждое отдѣльное впечатлѣніе и разныя сочетанія его съ другими, всѣми этими послугами тѣлесные органы заготовь способствуютъ и тѣмъ высшимъ дѣятельностямъ духа, благодаря которымъ его смысленное и разумное познаніе порождаетъ наконецъ совокупность стройнаго міропостиженья. Но этой подготовкой матеріала, на которомъ душа должна изощрять силы своего соотносительнаго вѣдѣнья, повидимому и ограничивается все подспорье, какое тѣлесныя отправленія могутъ оказать относительно къ высшимъ задачамъ душевной жизни; самое же рѣшеніе ихъ, надо думать, предоставлено собственной дѣятельности духа. и мы не съумѣли бы опредѣлить ни того, въ какихъ еще внѣшнихъ пособіяхъ нуждается собственная его природа для выполненія этихъ цѣлей, ни того, какимъ бы мыслимымъ для насъ образомъ тѣлесная организація могла облегчить ему такой трудъ въ томъ случаѣ, еслибъ онъ пришелся не подъ силу самому духу. Когда, напримѣръ, говорятъ объ интеллектуальныхъ органахъ, объ органахъ смысла или разума, объ орудіяхъ мысли и сужденія, то, признаться, мы не постигаемъ ни потребности, ведущей къ такого рода предположеньямъ, ни пользы, какую существованіе подобныхъ снарядовъ могло бы принести высшей духовной жизни. Ни одна изъ тѣхъ соотносящихъ дѣятельностей, которыхъ неистощимо-разнообразное повтореніе служитъ источникомъ для всѣхъ нашихъ познаній, не способна получить себѣ ни малѣйшаго подспорья отъ содѣйствія какихъ бы то ни было тѣлесныхъ силъ; но возможность любой изъ нихъ конечно зависитъ отъ того, что сравниваемыя ею точки соотношенія, то-есть матеріалы для ея ра-

Digitized by Google

боты, передаются ей сподручно и вѣрно внѣшними чувствами, а слѣдовательно — помощью тѣлесныхъ отправленій. Такимъ образомъ, — чего отнюдь нельзя отрицать,—цвѣтъ духовной жизни связанъ тысячью корней съ почвой плотскаго существованія; но, кромѣ доставляемой ею общей пищи, почва эта не порождаетъ изъ себя никакого высшаго органа, которымъ растенію приходилось бы пользоваться еще особенно для того, чтобы цвѣсти.

Если мы обратимся, далѣе, къ нравственному суду поступковъ, то конечно можемъ допустить, что посредственнымъ образомъ очень сильно вліяетъ и на него та степень точности, съ какою наши внѣшнія чувства передаютъ намъ всякую фактическую обстановку, и та живость, съ какою, смотря по всегдашнему или мгновенному расположенію нашего тѣлеснаго строя, къ обстановкѣ этой примыкаютъ отчасти болѣе или менѣе ясныя представленія, отчасти разныя внутреннія чувства, возникающія въ насъ по поводу ея оцѣнки. При всемъ томъ, возбужденіе какого бы то ни было тѣлеснаго органа отнюдь не можетъ пособить душѣ въ самой существенной ея задачѣ,— положеніи нравственнаго приговора: пособіе нервовъ всегда будетъ служить только для обосновки чувства пріятности или непріятности, возбуждаемаго извѣстнымъ поступкомъ по отношенію къ личной жизни судящаго; но никогда не поведетъ оно къ суду о нравственной цѣнности поступка, чуждому всѣхъ интересовъ личнаго удовольствія или недовольства. Итакъ, сколь ни несправедливо было бы отвергать, что вліянія тѣлесныхъ дѣятельностей въ самомъ дѣлѣ слишкомъ даже сильно направляютъ и потемняютъ наше нравственное сужденіе, тѣмъ не менѣе нѣтъ у насъ ни какого повода навязывать ему для выпавшей на его долю задачи опасную подмогу какого-то особаго тѣлеснаго органа. И опять точно такъ же: пусть значительная часть впечатлѣнія, производимаго на насъ видомъ изящ-

Digitized by Google

ныхъ предметовъ, основывается на пріятномъ и гармоническомъ возбужденіи нашихъ нервныхъ волоконъ; но кто видитъ въ эстетическомъ чувствѣ, рядомъ съ присущею ему всегда долею личнаго удовольствія, еще и независимую отъ того увагу и оцѣнку прекраснаго, тотъ отнесетъ и этотъ послѣдній излишекъ единственно уже на счетъ души. Благоговѣйный трепетъ передъ высокимъ, смѣхъ передъ комическимъ, оба порождаются, конечно, не переносомъ физическихъ возбужденій нашего глаза на нервы кожи или грудобрюшной преграды, но исключительно лишь тѣмъ, что содержаніе видимаго пріемлется въ область мысли и познается по той цѣнности, какую имѣетъ оно для нея въ разумномъ соотношеніи вещей между собою. Къ развивающемуся отсюда духовному настроенію механизмъ нашей жизни привязалъ тѣлесное выраженіе трепета или смѣха; но тѣлесное впечатлѣніе само по себѣ, безъ уразумѣнія *того*, что имъ представляется, никогда не породило бы такого настроенья. Потому, какъ бы велико и многоразлично ни было содѣйствіе тѣлесныхъ отправленій высшимъ дѣятельностямъ духовной жизни, оно, навѣрно, состоитъ не въ томъ, чтобъ придавать ей для этихъ существеннѣйшихъ дѣятельностей особыя орудія, а только въ томъ, что осуществленіе многихъ необходимыхъ тутъ предварительныхъ условій зависитъ отъ полнаго и неослабнаго дѣйствія разныхъ предуготовляющихъ органовъ.

Но къ такимъ предварительнымъ условіямъ относится не только одинъ приводъ мгновенно дѣйствующихъ впечатлѣній, но вмѣстѣ и сохраненіе или удержанье прежнихъ, появимость ихъ въ сознаніи опять, наконецъ — весь тотъ быстротечный ходъ представленій, котораго связная послѣдовательность придаетъ нашей жизни единство, а нашимъ дѣйствіямъ возможность достиженія постоянныхъ цѣлей. Сейчасъ только мы старались понять высшія духовныя дѣятельности независимо

Digitized by Google

отъ тѣла; но онѣ впали бы снова въ глубокую отъ него зависимость, еслибъ бѣрежа и поддержка той основы, изъ которой онѣ возникаютъ, была предоставлена однимъ физическимъ противодѣйствіямъ организма. Смотря по тому, какъ вѣрно и прочно органъ памяти хранилъ бы весь добытокъ прежней жизни, смотря по податливости и упругости нервныхъ дрожаній, которыми взаимно вызываютъ другъ друга сбереженные въ мозгу образы прошлыхъ впечатлѣній, — смотря по всему этому, яснѣе и богаче, или же туманнѣе и скуднѣе, было бы въ каждый данный мигъ наше сознаніе о внутренней связи нашей жизни, нашихъ обязанностей и надеждъ. Или, лучше сказать, ни какой подобной связи вовсе бы для насъ не было, а только ежемгновенно развивала бы въ себѣ душа по-одиночкѣ то именно представленіе, чувство или стремленіе, которое предписывалось бы ей любымъ, только-что проснувшимся опять, тѣлеснымъ побужденьемъ; безъ свойственной ей способности соотносить внутри себя самой хранимое тамъ прошлое съ настоящимъ, не могла бы она провести даже и чрезъ малѣйшій періодъ времени ни одной выдержанной мысли, которой полное значеніе изложимо только въ послѣдовательности многихъ представленій. На самомъ же дѣлѣ и весь вообще ходъ представленій нашихъ очень много зависитъ отъ постояннаго вліянія тѣлесныхъ процессовъ; но, при всемъ томъ, допустить особый органъ памяти, даже и въ смыслѣ только опоры для запоминательной способности души, представляетъ гораздо больше затрудненій, нежели обыкновенно полагаютъ. Возраженіе противниковъ, что масса головнаго мозга, не постоянная сама въ себѣ и конечно подлежащая хоть медленному обновленію, не можетъ хранить безъ перебивки остающіеся въ ней образы безчисленныхъ впечатлѣній и держать ихъ на готовѣ для будущаго употребленія, — это возраженіе, только повидимому, но неудачно опровергаютъ ссылкою на безчислен-

Digitized by Google

ныя движенія звуковъ и цвѣтовыхъ лучей, которыя могутъ же, не мѣшая другъ другу, искрещивать одновременно одно и то же воздушное пространство. Положимъ, что такая уживчивость и мыслима между существующихъ уже впечатлѣній, но тѣмъ непонятнѣе первое ея возникновенье. Потомъ, здѣсь говорятъ о образахъ, остающихся будто бы въ головномъ мозгу, подобно тому, какъ противни видѣнныхъ предметовъ остаются на глазной сѣтчаткѣ; но, выражаясь такъ, очевидно смѣшиваютъ между собой два разные, отнюдь не сравнимые процесса.

Послѣ того какъ мы хоть не долго поглядимъ на солнце, у насъ, даже и при закрытыхъ глазахъ, остается рѣзко очерченное круговидное его изображеніе, потому что во все короткое время этого взгляда лучи падали на тѣ же самыя, смежныя одна съ другой, точки глаза; въ томъ же кругу сосѣднихъ между собою нервныхъ волоконъ продолжаетъ еще дѣйствовать полученное нами сотрясенье, и оттого взаимное положеніе раздраженныхъ частей поддерживаетъ для насъ и округлость и величину образа. Если же, напротивъ, мы видимъ подходящую къ намъ изъ-дали фигуру человѣка, то съ каждымъ шагомъ ея приближенія образъ этой фигуры расширяется, увеличиваясь, на нашей сѣтчаткѣ; едвали хоть одна точка всей фигуры изображается въ ближайшій моментъ на томъ же мѣстѣ глаза, гдѣ была она въ предыдущій: поэтому у насъ надлежало бы остаться не одному только противню, но безчисленному множеству различныхъ, еслибъ дѣйствительно нервные наши органы прочно закрѣпляли каждое ежемгновенное впечатлѣнье. И ничего не выиграемъ мы, предположивъ, что только лишь значительное число этихъ мгновенныхъ возбужденій слагается въ постоянное изображеніе предмета; ибо какой же ясный образъ могъ бы возникнуть изъ скученія многихъ образовъ, хотя и схожихъ по своимъ чертамъ, но до того различ-

Digitized by Google

ныхъ величиною, что каждый перехватывалъ бы краями за другой и всѣ заслоняли бы другъ друга въ разныхъ точкахъ своего рисунка? Видя, какъ, при тѣхъ же самыхъ отношеніяхъ, цвѣта разныхъ наводимыхъ другъ на друга призматическихъ спектровъ сливаются въ одинъ общій дикій цвѣтъ, мы конечно не сочтемъ возможнымъ допустить въ нашемъ случаѣ, чтобы ощущенья глаза этимъ именно путемъ производили постоянныя впечатлѣнія, которыя, подобно остающимся на сѣтчаткѣ изображеньямъ, сохраняли бы и форму и цвѣтъ видѣнныхъ предметовъ. И до сихъ поръ мы еще предполагали эти предметы неизмѣнными въ своихъ отношеніяхъ. Но вѣдь мы видимъ одного и того же человѣка можетъ быть въ тысячѣ разныхъ положеній и тѣлодвиженій: который же изъ безчисленныхъ этихъ образовъ, брошенныхъ имъ въ нашъ глазъ, мозгъ закрѣпитъ и удержитъ за собою ? Или прійдется намъ допустить, что они сохраняются всѣ, сколько бы ихъ ни было? Но, положимъ, мы готовы и на это: какою же цѣной купили бы мы напослѣдокъ эту тѣлесную закрѣпу впечатлѣній? Конечно, лишь цѣною той дальнѣйшей уступки, что, при малости головнаго мозга, не дозволяющей предполагать особой частицы его массы для каждаго изъ безчисленныхъ этихъ образовъ, любой простой атомъ долженъ быть способенъ умѣщать въ себѣ миріады разныхъ впечатлѣній безъ малѣйшаго ущерба ихъ ясности. Тотъ же атомъ, который въ образѣ дерева представляетъ собой зеленую точку, долженъ тогда въ образѣ цвѣтка представлять красную, въ образѣ неба— голубую, въ образѣ каждой отдѣльной человѣческой фигуры — точку все другаго и другаго цвѣта; и не вѣдая, какъ могло бы все это статься, мы бы вынуждены были, далѣе, предположить, что пробужденіе каждаго такого впечатлѣнья въ одномъ изъ атомовъ пробуждаетъ въ другомъ атомѣ только извѣстное иное впечатлѣнье, которое само собой сливается съ предъдущимъ въ единство

Digitized by Google

сопринадлежнаго образа. Но такой способъ представленія очевидно заключалъ бы въ себѣ только размноженнымъ до безконечности то самое предположеніе, которое мы допускаемъ однажды *.

Если любой отдѣльный àтомъ мозговой массы способенъ хранить въ строгомъ порядкѣ безчисленныя впечатлѣнія, отчего же быть неспособной къ этому одной душѣ, такому же простому существу, какъ и àтомъ? Отчего же она одна не могла бы обладать памятью и воспоминаніемъ сама по себѣ, безъ помощи со стороны тѣлеснаго органа, когда ту же самую способность должны мы признать непосредственно и помимо всякаго новаго орудія за каждою частицей этого предполагаемаго органа? Въ самомъ дѣлѣ, скорѣе намъ слѣдуетъ утверждать, что храненіе и припоминанье впечатлѣній возможно лишь нераздѣльному единству души, а не множеству совокупно-дѣйствующихъ частичекъ головнаго мозга. Ибо даже и образы чувственныхъ ощущеній, остающіеся у насъ въ памяти, по-настоящему вѣдь не образы, не снимки, неизмѣнные по величинѣ, числу и относительному положенію отдѣльныхъ частей своихъ: только общую ихъ схему, способъ съемки, смыслъ внутренней связи многоразличныхъ признаковъ, крѣпко удерживаетъ въ себѣ душа и, въ любой моментъ припоминанія, воспроизводитъ изъ нихъ опредѣленный образъ, — притомъ не всегда образъ того положенія, мѣста или движенія фигуры, какія подмѣтила она уже прежде и отъ которыхъ могло остаться въ ней закрѣпившееся впечатлѣніе, но, упреждая опытъ,

* То-есть, всякое притязаніе, замѣнить существенную дѣятельность души однимъ стройнымъ и согласнымъ дѣйствіемъ тѣлесныхъ органовъ, неизбѣжно ведетъ къ тому, что мы поневолѣ признаемъ за каждымъ матеріальнымъ àтомомъ тѣ же самыя сверхчувственныя, нематеріальныя свойства, которыхъ не хотѣли допустить въ душѣ: такимъ образомъ единство души только смѣняется атомистическимъ многодушіемъ, и нѣтъ, рѣшительно, выхода изъ этой роковой дилеммы.

Digitized by Google

она съ одинаковою ясностью представляетъ созерцанью знакомыя фигуры въ никогда не виданныхъ ею изворотахъ ихъ очерковъ. Но это храненіе не столько самаго многоразличія составныхъ частей, сколько нормы ихъ общаго строя, есть дѣло соотносительнаго вѣдѣнья, прямая дѣеспособность души: допущеніе здѣсь особаго воспоминательнаго органа повело бы только къ тому, что, кромѣ памяти, которую и въ этомъ случаѣ все-таки надо будетъ приписать душѣ, намъ пришлось бы еще смотрѣть на всѣ отдѣльные атомы головнаго мозга, какъ на души, которыя своею воспоминательною силой помогаютъ нашей. И во всѣхъ этихъ соображеніяхъ мы еще совершенно оставляли въ сторонѣ тѣ опосредствованныя, болѣе общія представленья нашей мысли, которыя вѣдь не снимки съ того или другого предмета, но выраженія внутреннихъ соотношеній: попытка возвести припоминаніе и этихъ представленій къ образамъ тѣлесной впечатлительности, подтвердила бы только необходимость пріурочить память къ самымъ первобытнымъ дѣеспособностямъ собственной природы души.

Но многочисленные и повседневные опыты не убѣждаютъ ли, что эта мысль, выводить изъ понятія о представленіи и памяти невозможность тѣлесной ихъ обосновки, доходитъ однако до ложнаго заключенья? Развѣ обосновка эта не доказывается явно обыкновеннымъ нашимъ сномъ, а также безсознательностью и частыми разстройствами памяти въ болѣзняхъ? Не обнаруживаютъ ли всѣ эти факты, что помянутыя отправленія духовной жизни выполнимы только до тѣхъ поръ, пока тѣлесное здоровье поддерживаетъ въ сохранности ихъ орудія? Но сколько ни убѣдителенъ на видъ такой выводъ, онъ тѣмъ не менѣе произволенъ, и другое истолкованіе фактической обстановки громко говоритъ противъ него. Если въ многосложной системѣ средствъ и силъ разстройство какой-нибуть одной части ведетъ къ прекращенію извѣстнаго от-

Digitized by Google

правленья, то конечно можетъ быть и такъ, что отправленіе это опиралось на разстроенную часть, какъ на единственную производящую его причину, такъ что оно исчезаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что̀ его порождало; но, вообще говоря, равно возможно и то, что помянутое отправленіе возникло совсѣмъ независимо отъ разстроенной части, и однакожь терпитъ отъ ея разстройства положительную помѣху или ущербъ. Предпочесть послѣднее это толкованіе конечно располагаетъ насъ взглядъ нашъ на природу сознанія вообще; потому что совершенно непостижимо, какимъ образомъ тѣлесный органъ могъ бы сообщить душѣ сознательность, не обладай она ею по своей собственной природѣ. Да и факты опыта отчасти явно говорятъ за наше воззрѣніе, и ни въ чемъ рѣшительно ему не противорѣчатъ. Выводить обыкновенный сонъ изъ истощенія центральныхъ органовъ, будто бы сдѣлавшихся отъ того неспособными къ дальнѣйшему порожденію сознанья, въ высшей степени невѣроятно для каждаго, кто сообразитъ, какъ быстро въ здоровыхъ и привычныхъ къ тому тѣлахъ, дремота наступаетъ вслѣдъ за самымъ живымъ употребленіемъ всѣхъ духовныхъ способностей, и какъ мало, въ случаѣ ея перерыва, способности эти, или предполагаемая въ основѣ ихъ сила центральныхъ органовъ, оказываются въ самомъ дѣлѣ истощенными. Гораздо правдоподобнѣе, что постепенно возрастающія чувства у́стали ослабляютъ въ насъ отрадное участіе къ продолженію хода нашихъ мыслей; и пробуждающійся отъ крѣпкаго сна представляетъ видъ не истощеннаго, собирающаго свои силы, а скорѣе видъ связаннаго, понемногу освобождающагося отъ путъ. Когда сильныя тѣлесныя боли производятъ внезапное безпамятство, то-есть безсознательность, то въ этомъ случаѣ, пожалуй, можно допустить быстрое пораженіе какого-нибудь органа, отъ чего будто бы и зависитъ прекращеніе его дѣеспособности, именно сознанья; но когда

Digitized by Google

такой же обморокъ произойдетъ отъ внезапнаго пораженія души печальнымъ событіемъ, то я не знаю, почему не считать этого внутренняго потрясенья непосредственнымъ препятствіемъ, мгновенно отнимающимъ у нея возможность дальнѣйшаго сознанія и упраздняющимъ въ то же время обычное повиновеніе ей тѣлесныхъ дѣятельностей. Если мы можемъ смотрѣть здѣсь на духовную боль, какъ на гнетущее раздраженье, которое мѣшаетъ проявленію такой постоянной способности, каково сознаніе, то почему же въ предыдущемъ случаѣ не могла бы оказать такого же дѣйствія и боль тѣла? Вѣдь и она не одно только тѣлесное разстройство, но, какъ чувство, она въ то же время извѣстное состоянье сознанія, и притомъ такое, которое, даже въ меньшихъ степеняхъ, что̀ мы знаемъ изъ собственнаго самонаблюденія, сильно перечитъ продолженію послѣдовательнаго хода мыслей, какъ гнетущимъ своимъ впечатлѣніемъ, такъ и ослабленіемъ въ насъ интереса ко всему другому. Наконецъ, тутъ слѣдуетъ еще присовокупить, что вліянія, производимыя тѣломъ на̀ душу можетъ-статься и съ большою силой, отнюдь не всѣ должны быть такого рода, чтобы непремѣнно порождать въ нашемъ сознаніи ясныя представленія и чувства; напротивъ, какъ ощущаемыя нами тѣлесныя раздраженья вызываютъ проявленіе сознанія, такъ точно могутъ они оказывать и противоположное дѣйствіе, и сознаніе можетъ внезапно исчезать подъ гнетомъ впечатлѣнія, которое или остается вполнѣ скрытымъ, или ощущается замирающею сознательностью только въ видѣ менѣе живаго, страннаго, невыразимаго чувства.

Мы рѣшительно не въ силахъ придумать, почему многоразличные виды безсознательности требовали бы еще другаго объясненія, кромѣ этого. Не сознанію нужно порождаться какимъ-либо органомъ, съ разстройствомъ котораго оно исчезало бы и само; но, какъ прирожденная душѣ способность, оно мо-

Digitized by Google

жетъ съ безчисленныхъ сторонъ подавляться впечатлѣньями, неблагопріятно измѣняющими внутреннее состояніе души. Гораздо темнѣе тѣ полуразстройства памяти, которыя дѣлаютъ недоступными припоминанію извѣстныя только части пережитаго нами въ прошломъ; насчетъ такихъ разстройствъ есть у насъ явно-ложные разсказы прежняго времени, но несомнѣнные ихъ примѣры можемъ мы почерпнуть и изъ повседневнаго опыта. Мы вовсе не таимъ признанія, что многое остается здѣсь неразгаданнымъ и отчасти останется такимъ навсегда; но съ другой стороны, и приводимые факты не свидѣтельствуютъ, кажется намъ, въ пользу особой тѣлесной обосновки нашихъ воспоминаній. Даже всмотрѣвшись въ ходъ мыслей своихъ при здоровомъ состояніи, мы вынуждены будемъ допустить, что очень часто остаются для насъ совершенно темными тѣ побужденія, по которымъ извѣстное представленье воротилось въ наше сознаніе, и тѣ причины, по какимъ другаго представленія въ немъ такъ долго недоставало; намъ сдается, что смѣна мыслей нашихъ зависитъ не отъ одного сочетанья представленій, за которымъ мы можемъ еще услѣдить отчасти наблюденіемъ, но что она въ высшей степени обусловлена тѣми, гораздо менѣе ясными для насъ, сочетаньями, которыя ежемгновенно происходятъ между наличнымъ кругомъ представленій и общимъ въ тотъ моментъ чувствомъ нашего тѣлеснаго и духовнаго настроенья. Болѣзнь и возрастающая зрѣлость лѣтъ измѣняютъ жизненное это чувство понемногу или разомъ; вотъ почему старость неспособна уже найдтись во многихъ сферахъ юношеской мысли: если она и воспроизведетъ больше или меньше фактическій распорядокъ представленій, то все же къ полнотѣ его содержанія недостанетъ у ней теперь того неповторимаго настроенья, безъ котораго дѣло дальше и не пойдетъ. Такъ точно выздоровѣвшій человѣкъ не можетъ перенестись въ грезы лихорадочнаго бреда, потому что съ общимъ

Digitized by Google

болѣзненнымъ чувствомъ, которое имъ преодолѣно, утратилъ онъ вмѣстѣ и ключь отъ приводившей къ нимъ дороги; такъ, наконецъ, возобновившійся припадокъ бреда продолжаетъ иногда грезы предыдущаго, порождая опять исходную ихъ точку, то же самое разстройство общаго самочувствія; такъ случается по временамъ, особенно же, когда встревожатъ насъ сильныя душевныя потрясенья, что мы чувствуемъ себя внезапно подъ гнетомъ давно небывалыхъ сновъ, или такихъ воспоминаній и настроеній, которыя едва съумѣемъ опредѣленно пріурочить къ исторіи своего прошлаго. Эти странныя разстройства памяти, порождаемыя тяжкою болѣзнью или сильнымъ поврежденіемъ, не представляютъ, мнѣ кажется, ни какихъ существенно иныхъ загадокъ, кромѣ тѣхъ, которыя встрѣчаются и въ случаяхъ сравнительно здоровой жизни; тутъ главное заключалось бы вездѣ въ томъ, чтобъ показать, откуда происходитъ гнетъ, мѣшающій тому особенному сочетанью, при которомъ налично-дѣйствующія впечатлѣнія, въ здоровомъ состояніи, вызвали бы опять сопряженныя съ ними воспоминанья. Едва ли впрочемъ есть надежда вполнѣ удачно выяснить это въ какомъ бы то ни было данномъ случаѣ; всего менѣе можно разсчитывать на успѣхъ такой попытки въ отношеніи къ множеству ходячихъ расказовъ, въ которыхъ слишкомъ часто и слишкомъ явно встрѣчаются разныя ошибки и пропуски, порождаемые предразсудкомъ наблюдателя или его невниманіемъ къ такимъ чертамъ, которыя кажутся ему маловажными.

Часто, въ подобныхъ расказахъ, заключаютъ наприм. о разстройствѣ памяти изъ одной превратности словеснаго выраженья. Но съ этимъ явленіемъ вступаемъ мы въ совсѣмъ различную отъ прежней область, гдѣ душа остается уже не наединѣ сама съ собою, но силится проявить себя путемъ тѣлесныхъ средствъ. Господство надъ орудіями голоса и языка конечно

Digitized by Google

осуществимо только черезъ центральный органъ, въ которомъ движущіе нервы размѣщены и переплетены между собою такъ, что витающему въ сознаніи представленью звука возможно тотчасъ и возбужденіе содѣйствующихъ къ выговору его волоконъ. Если допустить высказанныя нами прежде догадки о способѣ возникновенія движеній вообще, то легко будетъ понять, что разныя болѣзненныя разстройства этого центральнаго органа могутъ помѣшать надлежащей передачѣ возбужденья. Въ такомъ случаѣ больной, и при ясномъ сознаніи звука, который хочется ему образовать, вынужденъ будетъ произнесть другой, или окажется вовсе неспособнымъ къ какому бы то ни было выраженью. Тотъ же самый поводъ допускать распредѣлительный центральный органъ, какъ здѣсь по отношенію къ языку, находимъ мы впрочемъ и относительно всѣхъ другихъ движеній, и пора намъ теперь привесть къ окончательному выводу понятія наши объ ихъ порожденіи.

Мы уже видѣли, что душа не имѣетъ ни какого прямаго свѣдѣнія ни о средствахъ движенія, — мышцахъ и нервахъ, ни о способѣ возможнаго ихъ употребленія, о свойствѣ побуда, который слѣдуетъ сообщить нервамъ, или о сокращаемости мышцъ. Она способна лишь порождать въ себѣ извѣстныя внутреннія состоянія, и ожидать, чтобъ внутренняя связь организаціи примкнула къ нимъ зачатокъ опредѣленнаго движенья. Не сама она производитъ эту работу, но безвѣстнымъ для нея образомъ выполняетъ ея приказы тѣлесный механизмъ. Однакожь ей надлежитъ по крайней мѣрѣ быть въ состояніи давать эти приказы, ей надлежитъ не только находить въ себѣ достаточную причину хотѣть того или другаго движенья, но и имѣть возможность породить то внутреннее состояніе, отъ котораго зависитъ его возникновенье. Будь душа заключена въ тѣлѣ, которое бы никогда само собой не двигалось, какъ попала бы она на мысль, что оно подвижно, что

Digitized by Google

движенія полезны, что такое-то движеніе можетъ быть порождено такимъ-то внутреннимъ ея состояньемъ, а другое инымъ? Очевидно, не только необходимо тѣлу двигаться самому, своими собственными раздраженьями, для того чтобъ душа могла замѣтить его перемѣнность и мало по малу узнать, какое вообще впечатлѣніе доставляется ей движеньями, но равно необходимо и то, чтобъ внѣшнее раздраженье само собою механически-вѣрно возбуждало въ тѣлѣ тѣ движенія, которыя, при наличныхъ обстоятельствахъ, всего лучше ведутъ къ оборонѣ жизни, къ уладу извѣстнаго разстройства, къ удовлетворенію опредѣленной потребности. Не вѣдая сама по себѣ всѣхъ этихъ отношеній, душа не угадала бы, что̀ тутъ именно нужно; и, не будь въ ней изначала готоваго къ тому зерна, даже самый опытъ не научилъ бы ее никогда цѣлесообразнымъ дѣйствіямъ, или научилъ бы развѣ только послѣ длиннаго ряда всякихъ бѣдъ, которыя бы совершенно подкопали основы организма. Вѣдь охрана его была бы ужь конечно очень ненадежна, еслибъ находчивости самой души предоставлялось ежемгновенно пріискивать и употреблять въ дѣло всѣ средства для избѣжанія угрожающихъ ему поврежденій: онъ будетъ обезпеченъ въ томъ лишь случаѣ, если, по крайней мѣрѣ въ извѣстномъ объемѣ, цѣлесообразную дѣятельность можно вывесть, какъ необходимое слѣдствіе, изъ впечатлѣній данныхъ обстоятельствъ, даже и безъ соучастія души. Неспособная изобрѣсть этотъ механизмъ, душа, напротивъ, окажется способною его усовершенствовать: когда она узнаетъ изъ опыта, за какимъ именно раздраженіемъ какое слѣдуетъ движенье, и притомъ съ какимъ благопріятнымъ результатомъ, съ какимъ непосредственнымъ для нея впечатлѣніемъ,—ей уже не нужно будетъ выжидать въ другой разъ дѣйствительнаго приступа этого раздраженія. Припоминаемый или изъ-дали подмѣчаемый ею образъ его, или даже подобнаго только раздраженья, пробудитъ въ

Digitized by Google

ней представленіе о томъ, что испытала она прежде, а вмѣстѣ и невольный позывъ воспроизвесть соотвѣтственное движенье. Поэтому, если душа сначала смотритъ только безсильнымъ наблюдателемъ на тѣ цѣлесообразныя дѣйствія, которыми органическій механизмъ ограждалъ безопасность ея жила, то впослѣдствіи она отблагодаритъ его за это тѣмъ, что многоразличныя свои способности, хранить въ воспоминаніи прошлое, по прежнимъ аналогіямъ ожидать будущаго, выяснять изъ-подъ поверхностнаго различія общее сходство, исправлять несовершенныя дѣйствія по соображенію съ достигаемымъ результатомъ,—всѣ эти способности посвящаетъ она утонченію и улучшенію той, конечно, хитрой уже связи, между раздраженіями и воздѣйствіями, которая, однако, все еще не соотвѣтствуетъ потребностямъ полнаго развитія жизни. Дитя медленно и понемногу достигаетъ господства надъ своими членами, вырабатывая вмѣстѣ съ тѣмъ крайне тонкій индивидуальный типъ этого господства, которое при поступательномъ ходѣ образованія, все-таки становится для него возможнымъ; и конечно самая эта медленность служитъ яснымъ свидѣтельствомъ, какъ важно здѣсь пособляющее и облагороживающее вліяніе души. Напротивъ, короткій срокъ, достаточный по большой части любому новорожденному животному для того, чтобъ вполнѣ ознакомиться съ движеніями своей породы, и комическое часто однообразіе, съ какимъ молодыя твари развиваютъ въ себѣ всѣ ихъ странности безъ малѣйшихъ почти индивидуальныхъ отмѣнъ, — это научаетъ насъ, какъ, наоборотъ, здѣсь установлена болѣе прочная, рано и мѣтко дѣйствующая связь между впечатлѣніями общаго чувства и движеньями.

Когда мы всмотримся въ игривыя, безцѣльныя движенія молодыхъ животныхъ и дѣтей, насъ непремѣнно поразитъ то обстоятельство, что, кромѣ развѣ случая особенной болѣзни,

Digitized by Google

никогда не замѣчается у нихъ судорожныхъ подергиваній, не имѣющихъ ни цѣлесообразности, ни связи. А вѣдь можно было бы ожидать чего-нибудь подобнаго при безчисленномъ множествѣ случайныхъ впечатлѣній, которыя могутъ потревожить мышцы и движительные нервы въ любой точкѣ ихъ протяженія. Однакожь мы не видимъ ни чего такого, а напротивъ, даже самыя медленныя и неловкія изъ наблюдаемыхъ нами движеній обличаютъ уже одновременную и цѣлесообразную дѣятельность сопринадлежныхъ мышечныхъ группъ. Мы можемъ высказать въ видѣ фактическаго наблюденія, что, въ молодомъ организмѣ, уже и какимъ бы то ни было случайнымъ раздраженіямъ затруднено одиночное и безсвязное возбужденіе отдѣльныхъ звеньевъ (или колѣнъ) движенія, а напротивъ облегченъ вызовъ согласныхъ, гармоническихъ его группъ. Первое еще можно, но послѣдняго не льзя представить себѣ безъ центральнаго органа, въ которомъ отдѣльныя нити движительныхъ нервовъ такъ прилажены и переплетены, что одиночное раздраженіе, попадающее на извѣстную его точку, разомъ возбуждаетъ множество нитей къ согласному движенію. Отчасти головному, отчасти уже и спинному мозгу, въ числѣ другихъ ихъ задачъ, безъ сомнѣнія выпадаетъ и задача служить такимъ центральнымъ органомъ; и хотя мы не отважились бы ближе предопредѣлить его строй изъ однѣхъ только (замѣтныхъ намъ) жизненныхъ потребностей, мы можемъ однакожь угадывать съ достаточною вѣроятностью одну его черту, именно постоянное вплетеніе приводящихъ чувствительныхъ нервовъ въ ткань движительныхъ.

Первая задача движительнаго центральнаго органа должна состоять въ томъ, чтобъ дѣйствительно выполнять всѣ вообще движенія тѣла, которыхъ возможность допускается членостроеніемъ послѣдняго, сообразно родовой его особности. Для этого довольно, чтобы внутреннія раздраженья — положимъ,

Digitized by Google

хоть одно лишь причиняемое кровообращеніемъ—по временамъ или постоянно возбуждали къ дѣятельности элементы центральнаго органа, и отсюда слѣдовали бы уже съ механическою правильностью и вѣрностью элементы всякаго движенія, —ходьбы, плаванья, летанья и т. п. Однакожь всѣ эти способности даны животному только въ отношеніи къ упорной средѣ міра, и должна же существовать возможность видоизмѣнять ихъ даже и въ мельчайшихъ оттѣнкахъ, смотря по перемѣнѣ внѣшнихъ обстоятельствъ, при которыхъ надлежитъ имъ проявляться и дѣйствовать. Если особымъ чувствительнымъ волокнамъ предназначено только принимать и проводить впечатлѣнья отъ измѣнчиваго состоянія отдѣльныхъ частей тѣла, то и въ центральномъ органѣ слѣдуетъ намъ ожидать многоразличной встрѣчи чувствительныхъ нитей съ движительными. Каждое возникающее неравновѣсіе тѣла, посредствомъ новаго впечатлѣнья, переносимаго первыми на послѣднія, будетъ тогда вызывать надлежащее воздѣйствіе для возстановленія нарушеннаго равновѣсія; каждое препятствіе вызоветъ по крайней мѣрѣ начатокъ своего цѣлесообразнаго обхода. Та же внутренняя послѣдовательность будетъ примѣнена къ дѣлу и тамъ, гдѣ идущее извнѣ необыкновенное раздраженье потребуетъ извѣстнаго движенія, частію въ отпоръ ему, частію для того, чтобы воспользоваться полученнымъ отъ него впечатлѣньемъ. И тутъ можемъ мы предполагать, что для обезпеченія жизни всего полезнѣе будетъ тотъ порядокъ, по которому раздраженіе, не выжидая обдуманнаго наказа души, дастъ прямо отъ себя цѣлесообразное воздѣйствіе непосредственно и механически-неизбѣжно. Множество такого рода движеній замѣчаемъ мы отчасти въ своемъ собственномъ тѣлѣ, каковы судорожные схватки кашля, чиханія, рвоты, которыми, безъ нашего вѣдома о томъ, какъ именно оно происходитъ, выполняется удаленіе вредныхъ (или неудобныхъ) раздраженій; отчасти же наблюдали ихъ въ

Digitized by Google

тѣлѣ обезглавленныхъ животныхъ, стало-быть — при такихъ обстоятельствахъ, гдѣ всего естественнѣй предполагать безучастіе души. Пока, впрочемъ, движенія эти сохраняютъ еще характеръ механическихъ дѣйствій, пока они, слѣдовательно, возникаютъ не безъ наружныхъ или замѣтныхъ намъ внутренно-физическихъ побужденій, и за одинаковыми раздраженьями наступаютъ всегда одинаково, помимо тѣхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, которымъ невозможно заявить себя физическими впечатлѣньями: до тѣхъ поръ вся цѣлесообразная многоразличность ихъ состава въ самомъ дѣлѣ не дастъ намъ ни какого основанія, предполагать здѣсь скрытое содѣйствіе души. Но многое другое можетъ, повидимому, вести къ подобной догадкѣ, не давая на нее собственно дѣйствительнаго права. Отнюдь не невѣроятно, напротивъ даже очень вѣроятно то, что форма, принимаемая возбужденнымъ движеніемъ, обусловлена не только мѣстомъ, но и родомъ того раздраженія, какое предстоитъ вызвать. На это донынѣ мало обращали вниманія: довольствовались наблюденіемъ того факта, что, напримѣръ, у обезглавленной лягушки, за раздраженіемъ извѣстнаго мѣста кожи, слѣдуетъ движеніе къ нему ноги, и отсюда прямо уже заключали, что чувствительный нервъ опредѣленной точки кожи всегда одинаково переноситъ на движительные нервы свои возбужденія, какого рода они ни будь, и что стало-быть за тѣмъ слѣдуетъ всегда одинаковое движенье. Предположимъ, напротивъ, — а оно возможно, — что этотъ переносъ происходитъ иначе, отчасти въ иной мѣрѣ, отчасти на другія движительныя волокна, если предстоитъ сообщить иное возбужденье: тѣмъ самымъ эти, какъ ихъ называютъ, отраженныя движенія представили бы собою видъ цѣлесообразно-избирающаго произвола, хотя въ сущности тутъ не было бы ни какого содѣйствія души.

Постольку именно гармонія движеній основывалась бы слѣ-

Digitized by Google

довательно на цѣлесообразности постояннаго строя центральнаго органа. Но общеизвѣстныя явленія упражненія и навыка, опытомъ дознанные факты, что для насъ могутъ сдѣлаться второю натурой такія движенія, которыя выполнять представляется сначала крайне труднымъ,— все это убѣждаетъ насъ, что первичное образованіе органовъ способно въ теченіе жизни развиться до бо́льшаго еще совершенства. Вѣдь подмѣченный нами фактъ, какъ часто разныя черты пріобрѣтеннаго изящества или ловкости въ осанкѣ и движеніи переходятъ по наслѣдству, прямо ведетъ къ заключенію, что навыкъ дается намъ не безъ того, чтобъ произвесть и оставить по себѣ въ тѣлесныхъ органахъ особыя физическія перемѣны. Иное цѣлесообразное воздѣйствіе, которое само по себѣ не было связано постоянными основами организаціи съ извѣстнымъ внѣшнимъ раздраженьемъ, можетъ однакожь быть поставлено въ зависимость отъ этого раздраженія, благодаря усвоенному навыкомъ настроенію нервной системы: тогда органъ обнаруживаетъ уже, повидимому, такую смышленость въ дѣйствіи, какой не было у него первоначально, и которую нельзя также почесть за непосредственное дѣло еще живущей въ немъ души; смышленность эта—только благопріобрѣтенный физическій навыкъ, которымъ органъ обязанъ своему прежнему общенію съ душою. Ибо научиться этимъ (несроднымъ ему изначала) формамъ воздѣйствія не могъ же онъ, конечно, самъ собою, а единственно благодаря тому, что вступившая въ дѣло сообразительность души нарочно связала воздѣйствіе съ тѣмъ раздраженьемъ; но чего тѣлесная организація не могла сама изобрѣсть, то способна она, однакожь, удержать за собою, послѣ того какъ, отъ повторительнаго упражненія, связь между произведеннымъ впечатлѣніемъ и сопровождающею его перемѣной оставила по себѣ въ организмѣ матеріальные слѣды и такимъ образомъ перешла для него въ естественную необходимость.

Digitized by Google

Поэтому, если мы видимъ, что тѣло обезглавленныхъ животныхъ отвѣчаетъ иногда на внѣшнее раздраженье такою формой движенія, которая повидимому не вполнѣ объяснима изъ физическаго впечатлѣнія, дѣйствительно сообщаемаго раздраженіемъ въ тотъ моментъ нервной системѣ, то все же тутъ нѣтъ ни какой надобности предполагать въ оторванномъ клочкѣ тѣла отдѣлившуюся вмѣстѣ съ нимъ частицу души, которой смѣтливость будто бы и дополняетъ собой посредствующіе члены, необходимые раздраженію для достаточной обосновки цѣлесообразнаго движенья.

Каковы бы ни были факты, дознанные наблюденіемъ, мы не позволимъ себѣ объяснять ихъ подобною догадкой, которой внутренняя невозможность очевидна для насъ вполнѣ. О дѣлимой какой-то душѣ можно говорить съ нѣкоторою тѣнью смысла въ томъ лишь случаѣ, когда рѣчь идетъ только о представленіи неразвившагося еще зачатка духовной жизни, который какъ будто бы простирается однороднымъ цѣлымъ по всѣмъ членамъ организма; еслижъ предметомъ дѣленія должно быть уже выработанное жизнію сознаніе, съ его воспоминаньями, опытами и снисканными при ихъ помощи способностями и свѣдѣньями, то подобное требованіе остается для насъ дотого неяснымъ, что мы едва смогли бы себѣ и представить, чего же тутъ собственно хотятъ. А между тѣмъ только тѣдь дѣлимость послѣдняго рода и объяснила бы намъ вышепомянутыя явленія: вѣдь совершенно еще неопытный смыслъ не придалъ бы безголовому тѣлу способности дѣйствовать сообразно обстоятельствамъ, точно такъ же какъ и чисто-физическій механизмъ первичнаго образованія. Въ виду приведенныхъ нами наблюденій остаются возможными только два различныхъ взгляда. На цѣлесообразность движеній, часто выполняемыхъ тѣломъ обезглавленныхъ холоднокровныхъ животныхъ, можно, пожалуй, смотрѣть, какъ на порожденіе

Digitized by Google

смышлености, но не такой, которая еще была бы въ нихъ на лицо, а исключительно лишь смышлености той единой души животнаго, съ мѣстилищемъ которой это тѣло связано было прежде и которой смѣтливость обосновала въ центральныхъ органахъ привычки къ цѣлесообразному дѣйствію, продолжающіяся и по разрывѣ связи между тѣломъ и душой. Если же — и, какъ намъ кажется, напрасно — мы увлечемся здѣсь впечатлѣніемъ полной жизненности, дѣйствительно пробуждаемыхъ въ насъ этими движеньями, и вздумаемъ выводить ихъ не изъ одного лишь отголоска смышлености, но изъ непосредственнаго присутствія ея въ самихъ членахъ, то что же въ такомъ случаѣ помѣшаетъ намъ допустить въ спинномъ мозгу множественность индивидуальныхъ существъ душеподобнаго свойства, изъ которыхъ каждое можетъ, пожалуй, имѣть свою собственную смышленость? При жизни, та единая душа, которую мы называемъ душою животнаго, могла бы, благодаря первенствующему своему положенію или большей энергіи своей природы, господствовать надъ этими дробными душами, и всѣ онѣ, при взаимной между собою связи, могли бы принимать участіе въ житьѣ-бытьѣ цѣлаго животнаго и извлекать себѣ пользу изъ житейскихъ его опытовъ. Когда у обезглавленнаго животнаго пресѣчено вліяніе первенствующей души, то для частныхъ душъ все-таки останется возможность проявляться сообразно раздраженію, попадающему на подвѣдомыя имъ области тѣла, и прежняя опытность, которую каждая изъ этихъ душъ конечно могла пріобрѣсть только въ связи съ головою и чувственными ея органами, но которую однажды снискавъ, она уже удерживаетъ въ памяти, — опытность эта даетъ ей и теперь способность мѣтко приноровляться въ своихъ дѣйствіяхъ къ условіямъ внѣшнихъ обстоятельствъ.

Допустивъ этотъ центральный органъ, управляющій дви-

Digitized by Google

женьями, мы, повидимому, истощили весь рядъ пособій, какихъ надлежитъ намъ требовать непосредственно отъ тѣлостроенія для способностей души. Всѣ они направлены къ тому, чтобъ овозможить, съ одной стороны, сводъ внѣшнихъ впечатлѣній въ пространственный распорядокъ созерцанія, съ другой—выработку внутреннихъ состояній въ цѣлесообразную череду пространственныхъ движеній; напротивъ, весь тотъ многообъемлющій трудъ, которымъ мыслительность разчленяетъ содержаніе внѣшнихъ впечатлѣній въ единство разумнаго міропонятія*, должны мы предоставить безтѣлесной дѣятельности одной уже души. Поэтому гораздо проще кажутся задачи, полагаемыя нами головному мозгу, сравнительно съ тѣмъ разнообразіемъ дѣеспособностей, какого ожидаетъ отъ него френологія (или черепословіе), ища въ мозгу особыхъ органовъ и какъ будто бы находя ихъ для разныхъ многосложнѣйшихъ проявленій духа. Сколь бы ни были шатки эти стремленія, безпредубѣжденная наблюдательность не сочтетъ ихъ вполнѣ лишенными основанья, и не всякое дѣлаемое противъ нихъ возраженіе бьетъ ихъ дѣйствительно въ попадъ. Конечно, нѣтъ ни какой необходимости допускать, что всѣ, сами по себѣ однородныя или тожественныя, души пріобрѣтаютъ индивидуальный характеръ только благодаря особенной выработкѣ своихъ тѣлесныхъ органовъ; ни что, напротивъ, не перечитъ убѣжденію, что, въ силу первобытной своей особенности, каждая изъ нихъ съ самаго начала предопредѣлена къ свойственному ей одной развитію тѣхъ коренныхъ способностей, которыми обладаетъ она подобно другимъ, какъ общими имъ всѣмъ основами духовной жизни. Еслижъ мы не захотимъ признать въ тѣлесномъ строѣ даже и другую только часть предопредѣ-

* То-есть, пріурочиваетъ каждое впечатлѣніе къ извѣстной категоріи или соотвѣтственной ему нормѣ мысли, и послѣдовательно приводитъ его въ болѣе или менѣе гармоническое соотношеніе въ идеѣ міра.

Digitized by Google

ленія, обособляющаго личный характеръ, то, значитъ, мы забыли, что всякое подобное стремленье устранить духовную жизнь отъ тѣлесной условности неизбѣжно сокрушится и помимо того о другіе неопровержимые факты. Ни рода своего и племени, ни націи, къ которой мы принадлежимъ, ни времени своего рожденья, ни общественнаго положенія, ни бѣдности своей или богатства,—ни чего этого не выбрали и не дали мы себѣ сами; доколѣ мы такъ часто видимъ, какъ различныя эти обстоятельства губятъ всѣ надежды на духовное развитіе, едва ли можетъ быть у насъ какой-нибудь поводъ оспоривать особенно горячо зависимость духа отъ его тѣла. Конечно, матеріализмъ не открываетъ намъ ни какихъ видовъ даже и въ даль на высшее, успокоительное міровоззрѣніе; но вѣдь и мысль о самостоятельной душѣ не тотчасъ же устраняетъ тѣ темныя загадки, которыя ходъ міра и житейскія судьбы такъ часто ставятъ намъ грозными и подавляющими преградами.

Однако все же мало вѣроятности имѣетъ за себя тотъ взглядъ, который для каждой изъ высшихъ способностей духа допускаетъ особые органы, распредѣленные по разнымъ мѣстностямъ головнаго мозга. Съ одной стороны, намъ трудно вообразить, какую извлекли бы мы пользу изъ такого предположенія; съ другой, не много выиграло бы отъ него и обоюдное взаимнодѣйствіе, постоянно происходящее между всѣми способностями души. Наконецъ, отступись мы даже отъ всякаго объясненія этого вопроса, особенныя трудности представилъ бы уже одинъ простой подборъ фактическихъ доказательствъ въ пользу связи извѣстнаго мозговаго образованія съ опредѣленными отправленьями духовной сферы. Потому что онъ предполагалъ бы въ изслѣдователѣ такое полное и проницательное знаніе человѣческаго существа, для котораго были бы совершенно ясны, не только всякая тайная наклонность индивидуальнаго характера, но вмѣстѣ и еще болѣе тайное

Digitized by Google

сплетеніе причинъ, изъ котораго она возникала бы готовымъ результатомъ. Вѣдь ни кто, безъ сомнѣнія, не станетъ отрицать, что на форму, представляемую наблюдателю цѣлымъ характеромъ человѣка, вліяетъ не одно природное расположеніе, но также послѣдовательная череда, характеристическая особенность тѣхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, среди которыхъ онъ сложился и выработался. Едва ли нужно пускаться въ подробности еще о томъ, какъ трудно возвести найденныя черты къ разнороднымъ ихъ причинамъ, и какъ близка тутъ опасность принять плоды воспитанія, пережитыхъ обстоятельствъ и болѣзни за прямыя слѣдствія извѣстнаго склада органа. Есть, правда, таланты, которыхъ присутствіе слишкомъ явно бросается въ глаза, которые часто переходятъ по наслѣдству и которые, тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ, едва ли могутъ замѣтно наверстаться упражненіемъ: развѣ лишь вразсужденіи такихъ особенно выдающихся способностей безпредубѣжденному наблюденію скорѣе удастся открыть какое-нибудь соотношеніе ихъ съ извѣстными формами въ образованіи мозга и костяной его оболочки. Такъ можно отыскать тѣлесныя основы для чуткости на мѣста и для остраго цвѣтоощущенія, для музыкальности, для математической смѣтки вообще и для изобрѣтательной ловкости въ рукодѣльяхъ; тогда какъ очень мало надежды найдти это соотношеніе для болѣе утонченныхъ особенностей индивидуальнаго духа.

А между-тѣмъ и эти особенности могутъ значительно зависѣть отъ вліянія тѣлесной жизни, хотя и не въ томъ отношеніи, чтобъ каждой изъ нихъ былъ непремѣнно данъ соотвѣтственный органъ. Громадныя разности въ степени и свойствѣ духовнаго образованія, какихъ ни одинъ класеъ животныхъ не представляетъ въ такомъ размѣрѣ, какъ человѣкъ, кажется преимущественно проистекаютъ отъ разностей того болѣе общаго психическаго характера, который въ близкомъ со-

Digitized by Google

отношеніи съ обыкновенно такъ-называемымъ темпераментомъ. Духовныя способности имѣютъ у всѣхъ отдѣльныхъ лицъ непримѣтный для насъ зародышъ, и сколь ни быстро обнаруживается у иныхъ сила этихъ способностей, неоспоримо, что все же и онѣ развиваются не иначе какъ сбереженіемъ и нарастаніемъ частныхъ своихъ дѣйствій, изъ которыхъ каждое въ свою очередь становится средствомъ для выполненія, болѣе обширнаго, позднѣйшаго. Быстрота или медленность духовнаго развитія, да конечно и иная постоянная особенность въ его направленіи, зависятъ не отъ одной рѣзкости первоначальнаго впечатлѣнья, но преимущественно отъ живости вызываемаго имъ сердечнаго участія, отъ раздражительности органической жизни и подвижности измѣняющагося съ перемѣнами ея общаго самочувствія, отъ разнообразія настроеній и богатства внутреннихъ побудовъ, которые то вызовутъ извѣстную череду представленій, то перервутъ другую, и притомъ либо ускорятъ, либо замедлятъ переходъ отъ одной череды къ другой. Бо́льшая часть этихъ тѣлесныхъ вліяній посредствуется не особыми какими нибудь органами, но совокупностью всего тѣлостроенья вообще; различная сила и крѣпость сложенія даютъ совсѣмъ особую почву и душевнымъ стремленьямъ; да значительное дѣйствіе на энергію и направленіе духовной живости прійдется намъ приписать и химическому составу крови, которой раздражающею силою возбуждается, какъ извѣстно, нервная дѣятельность, о чемъ свидѣтельствуютъ разные опыты и наблюденія въ болѣзняхъ. Но, съ другой стороны, можетъ также играть здѣсь роль и самое образованіе центральныхъ органовъ. Мы видимъ, что особливо оба полушарія большаго мозга становятся, въ восходящей лѣствицѣ животнаго царства, все массивнѣе и массивнѣй по мѣрѣ возрастающаго духовнаго развитія породъ, и многочисленные опыты едва ли допускаютъ какое-нибудь сомнѣнье насчетъ того, что въ человѣкѣ, у котораго

Digitized by Google

эти полушарія имѣютъ сравнительно наибольшій объемъ, величина духовной жизни зависитъ отъ бо́льшаго или мѐньшаго совершенства въ ихъ строеніи. Но эти именно части мозга съ виду вовсе не представляются рядомъ отдѣльныхъ, замкнутыхъ въ себѣ, о́ргановъ. Состоя изъ бездны волоконъ, съ узловыми клѣточками въ промежуткахъ, имѣютъ они гораздо однообразнѣйшее устройство, нежели затѣйливо-развитыя нутреныя и нижнія части головнаго мозга, надъ которыми и вокругъ которыхъ они расположены толстымъ пластомъ въ видѣ выгнутаго многобороздчатаго свода. Конечно, это не доказанный фактъ, но во всякомъ случаѣ весьма правдоподобная догадка, что эти-то опредѣленнѣе выработанныя области головнаго мозга именно и заключаютъ въ себѣ о́рганы духовной жизни, которые, какъ мы прежде объясняли, необходимо допустить, и которымъ свойственна неизмѣнно-своеобразная форма дѣятельности; что, напротивъ, внѣшняя масса полушарій представляетъ болѣе общеполезный (для всего организма) снарядъ, предназначенный служить средствомъ отчасти для обновленія нервной силы, отчасти для заправы ея раздражительностью, отчасти же — какъ мы намекали при разсмотрѣніи внутреннихъ чувствъ — для того, чтобы служить чѣмъ-то въ родѣ резонанса, который доставлялъ бы принятому ощущеньемъ содержанію извѣстную долю участія со стороны внутренняго чувства, а возникающему позыву воли или похотѣнію — опредѣленную степень движущей силы. Только въ этомъ смыслѣ, посредственнаго и однакожь весьма важнаго, вліянія на духовную жизнь, готовы мы признать за этими частями названіе общаго о́ргана смысла, чувства и хотѣнія.

Такъ изложили мы разнообразныя формы, въ какихъ тѣло оказываетъ себя споспѣшествующимъ и вспомогательнымъ средствомъ духовнаго образованія. Естествознательное изслѣдованіе обыкновенно выставляетъ на видъ одну только эту сторо-

Digitized by Google

ну дѣла; а исключительно-религіозные помыслы приводятъ обыкновенно къ другой, которая смотритъ на тѣло, тоже въ извѣстной мѣрѣ, какъ на предѣлъ, будто бы недопускающій душу къ свободному самораскрытію. Нѣтъ ни чего, что противорѣчило бы возможности этого послѣдняго воззрѣнья: какъ необыкновенныя колебанія тѣлесной жизни въ болѣзняхъ пригнетаютъ иногда духовную дѣятельность, такъ и постоянно-здоровая связь между тѣломъ и душой можетъ оказывать задерживающее вліяніе на развитіе внутренней жизни. Однакожь опытъ даетъ намъ только самые скудные факты въ намекъ на подобное отношеніе, и никогда, въ тѣлесныхъ болѣзняхъ, при которыхъ можно бъ было допустить ослабленіе въ насъ этой связи обѣихъ стихій, не видимъ мы неожиданнаго и новаго разгара душевной жизни. Ссылкой на чудеса сомнамбулизма и ясновидѣнья не опровергнуть такого дознаннаго положенія. Послѣ того какъ явленія эти уже столько разъ возбуждали и обманывали общее вниманіе, послѣ того какъ безчисленныя ясновидѣнія не принесли ни на волосъ дѣйствительной пользы прогрессу человѣчества, — послѣ всѣхъ этихъ опытовъ, надо полагать, само участіе къ подобнымъ вещамъ стало ясновидяще и распознало наконецъ, что̀ онѣ такое,—то есть не болѣе какъ своеобразныя усиленія болѣзненныхъ процессовъ, которыхъ слабыя подобія представляетъ намъ и повседневный опытъ. Уже обыкновенное опьянѣніе даетъ намъ ту же односторонюю живость сознанья, которому недостаетъ яснаго и связнаго обзора его собственнаго содержанія, равно какъ и всей внѣшней обстановки, а между-тѣмъ являются въ немъ разнаго рода позывы къ патетическимъ мѣрно-возвратнымъ выходкамъ, охота и вмѣстѣ съ нею способность къ рискованнымъ затѣямъ,— все, что̀ сдерживалось у трезваго отчасти мѣньшею живостью нервной дѣятельности и болѣе низкимъ строемъ общаго самочувствія, отчасти же стыдливымъ уваженіемъ къ приличію и

Digitized by Google

къ заведенному порядку. Точно такъ же можетъ случиться, что во снѣ, когда безчисленныя впечатлѣнія внѣшняго міра лишены своей развлекательной силы, какой-нибудь, особенно интересующій насъ, рядъ представленій, сохранившись бдящимъ, иногда легче прійдетъ къ своему заключительному выводу, и, въ грезахъ своего полубодраго сознанья, мы пожалуй рѣшимъ ту самую задачу, которая не уступала намъ прежде на яву. Не забудемъ однако, что вѣдь и сонному способность эта дается только благедаря силамъ свѣдѣніямъ, благодаря, однимъ словомъ, всему совокупному добытку жизни его на яву. Съ ослабленіемъ сознанія опасности — прибываетъ смѣлость отваги, съ забвеніемъ всякой оглядки на окружающее является невиданная дерзость въ попыткахъ, съ отстраненіемъ всѣхъ внѣшнихъ препятствій ростетъ внутренняя сосредоточенность и дружность силъ; но, въ сущности, ровно ни чего новаго и небывалаго не становится тутъ на мѣсто обычныхъ способностей нашей природы. Такимъ образомъ, вся наблюдаемая нами человѣческая жизнь безъизъятно зависитъ отъ взаимнодѣйствія души съ тѣломъ; но высшей красоты, какой быть-можетъ способна достичь душа, освободясь отъ такой связи, — ея не разгадать намъ заранѣе, пока не порвется сама связь.

Digitized by Google

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Жизнь вещества.

Постоянный обманъ чувственности.—Невозможность, чтобъ вещи изображались въ нашемъ ощущеніи —Собственное и высшее значенье чувственности.—Внутренняя подвижность вещей.—Вещество—явленіе сверхчувственнаго. — О возможности протяженныхъ существъ. — Противоположность между тѣломъ и душой все-таки остается прежняя.—Почему множественность сохраняетъ свои права передъ единствомъ.

Сколько возраженій сопровождало можетъ-быть втихомолку чуть не каждый шагъ нашего изслѣдованья! Не только такихъ возраженій, которыя вызывались тѣми или другими трудностями разныхъ пройденныхъ нами вопросовъ, и на которыя отвѣтъ зависѣлъ не отъ насъ, а лишь отъ болѣе обширныхъ разысканій науки: дѣло совсѣмъ не въ томъ, но въ общемъ, сплошномъ возстаніи всѣхъ сердечныхъ чувствъ противъ холодности такого взгляда, который, будто на заказъ, превращаетъ всю красу и живость естественныхъ созданій въ какую-то мертвечину физико-психическаго механизма. Намъ часто приходилось нападать на творческое, самородное развитіе тѣлесной жизни, на совершенное одухотвореніе ея организаціи, на истинность ощущенья и на произвольность движенія, и тѣмъ самымъ мы конечно оподозрили почти всѣ тѣ черты, въ которыхъ простое, непредубѣжденное чувство думаетъ обладать ядромъ всякой поэзіи живаго существованія. Поэтому, насъ

Digitized by Google

ни мало не удивитъ та стойкость, съ какою міровоззрѣніе сердца, какъ высшее постиженіе вещей, будетъ противиться даже и самымъ убѣдительнымъ съ нашей стороны доводамъ; но тѣмъ необходимѣе для насъ показать на сколько можно существенную безвредность нашего воззрѣнія. Вѣдь если оно и вынуждаетъ насъ иногда жертвовать такими мнѣньями, съ которыми мы какъ будто бы отдаемъ часть самихъ себя, зато вознаграждаетъ потерю эту рядомъ новыхъ пріобрѣтеній, способныхъ удовлетворить насъ и успокоить.

Ощущеніе всегда принимается простымъ сознаніемъ за подмѣту дѣйствительности совершенно въ томъ видѣ, какъ она существуетъ внѣ его. Міръ, кажется ему, лежитъ передъ нами, освѣщенный своимъ собственнымъ блескомъ, а звуки и запахи искрещиваютъ внѣ насъ неизмѣримое пространство, отражающееся въ многоразличной пестротѣ вещей. Передъ этой, всегда готовою, полнотой существованія, внѣшнія чувства наши то запираются наглухо и оставляютъ насъ при одномъ теченіи нашей внутренней жизни, то отворяются настежь, подобно воротамъ, готовымъ принять въ себя наступающее раздраженіе такъ, какъ оно есть, во всей прелести или во всей отвратительности его природы. Ни одно сомнѣніе не смущаетъ твердаго этого убѣжденья, и самые даже обманы чувствъ, исчезая передъ большинствомъ согласныхъ между собою опытовъ, не колеблютъ той увѣренности, что мы всегда смотримъ здѣсь въ наличносущій міръ, и что, какимъ онъ намъ кажется, такимъ не перестаетъ онъ быть и въ то время, когда непостоянное наше вниманіе отъ него отвернется. Сіянье звѣздъ, видѣнное человѣкомъ на яву, вѣдь будетъ же, думаютъ, сіять и надъ спящимъ; звуки и запахи, хотя бы не слышимые и не обоняемые ни кѣмъ, будутъ же однако звучать и испаряться по прежнему; ни что не исчезнетъ изъ чувственнаго міра, кромѣ случайной подмѣты, удѣляемой имъ прежде сознанію. И этимъ

Digitized by Google

полнымъ довѣріемъ къ истинному существованью своихъ созерцаній чувственность обладаетъ не только съ спокойною и кроткой простотой, — нѣтъ, она движима притомъ глубокою потребностью живо отражать каждую нападку, угрожающую полной дѣйствительности присущихъ ей явленій. Она хочетъ отстоять самую тѣлесность предмета, доходящую до насъ въ пріятности вкуса или запаха, самую душу вещей, говорящую намъ въ звукѣ; блескъ цвѣта, по ея мнѣнію, утратилъ бы въ нашихъ глазахъ свою яркость, свою цѣну, еслибъ намъ пришлось восхищаться имъ, не какъ откровеніемъ иного, чуждаго намъ существа, которое, однакожь, становится для насъ такъ прозрачнымъ, что мы можемъ съ наслажденіемъ погружаться въ его природу и сливаться съ нею вполнѣ. Лучшая часть значенія всего чувственнаго сгибла бы, думаетъ она совершенно отнимись у насъ эта свѣтлая дѣйствительность ощущаемаго содержанія; то же глубокое влеченье, которое, на высшихъ ступеняхъ духовной жизни, жаждетъ пополнить себя чѣмъ-либо другимъ, силится уже и въ чувственности отстоять эту мечтательную отраду полнаго сопроникновенія съ существомъ, ему чуждымъ. И притомъ тутъ желается не того, чтобъ чувствуемое только какъ нибудь примыкало къ самимъ внѣшнимъ предметамъ; но та же черта упомянутаго уже глубокаго стремленья влечетъ насъ, напротивъ, смотрѣть на чувственныя свойства, какъ именно на дѣйствія предмета, въ которомъ мы ихъ находимъ. Вещи не только что цвѣтны вообще; мы хотимъ, чтобъ въ цвѣтѣ ихъ видѣлось намъ ихъ дѣятельное, живое сіяніе; ихъ вкусъ, ихъ запахъ считаемъ мы за напирающія на насъ дѣйствія, которыми внутреннѣйшее ихъ существо сближается съ нашимъ и открываетъ намъ то, что во внѣшнихъ предѣлахъ наполняемаго ихъ обликомъ пространства, составляетъ истинную реальность ихъ существованія.

Конечно, не вездѣ въ повседневной жизни ощущеніе пред-

Digitized by Google

ставляется намъ съ такой серьёзной стороны: другія цѣли и бездна неразлучныхъ съ ними помысловъ часто побуждаютъ насъ бездумно скользить по разнымъ чувственнымъ созерцаньямъ; то, что затронуло бы насъ въ одиночку, сливается передъ развлеченнымъ нашимъ взглядомъ въ безинтересное или даже противное общее впечатлѣнье: грязныя, хаотическія массы представляются ему тамъ, гдѣ вооруженный глазъ часто открываетъ еще правильную кристаллизацію и слѣды изящной образовательной силы. Такъ, намъ почти дѣла нѣтъ до цвѣтовъ въ искусственныхъ формахъ нашей утвари; но вглядимся въ мельчайшія частицы естественнаго матеріала, которому техника, сообразно нашимъ житейскимъ потребностямъ, навязала безразличный для него наружный видъ, и передъ нами тотчасъ же выступитъ опять могущество чувственной прелести въ сочной глубинѣ и яркой роскоши цвѣта, въ той дивной игрѣ преломленныхъ лучей, которые радужно искрятся и блещутъ по малѣйшимъ трещинкамъ, по тончайшимъ бороздкамъ всѣхъ поверхностей. Тогда разцвѣтаетъ передъ нами въ маломъ видѣ та же таинственная красота, всегда такъ вѣще говорившая нашимъ чувствамъ въ безформно-туманныхъ переливахъ неба и въ не менѣе таинственныхъ обликахъ полевыхъ цвѣтковъ. Оживляющіе міръ многоразличные звуки, правда, сливаются для занятаго и невнимательнаго къ нимъ уха въ какой то безразличный гулъ; но глубокая дума погруженнаго въ нихъ слушателя распознаетъ въ отдѣльныхъ голосахъ природы тѣ вѣщія, хоть и не переводимыя на иной языкъ, слова, въ которыхъ съ непосредственною для насъ ясностью открывается загадочн нутрьая матеріальной и одушевленной природы.

Благодаря тѣмъ случайнымъ сочетаніямъ, въ какихъ элементы чувственнаго представляются той или другой привычкѣ нашего созерцанья, благодаря произвольнымъ формамъ, въ какія мы искусственно слагаемъ вещи ради житейскихъ сво-

Digitized by Google

ихъ потребностей, — только благодаря этому и исчезаетъ для насъ по временамъ первобытная знаменательность чувственныхъ впечатлѣній; но она снова ощущается вездѣ, гдѣ мы отдаемся имъ или сами ихъ ищемъ, или же гдѣ, помощью совершеннаго искусства, умѣемъ сочетать то, что̀ требуетъ сочетанія по близости своей природы. Тогда мы снова признаемъ всю силу притязанія нашей чувственности, раскрыть передъ нами во всей глубинѣ живую сущность того чуждаго намъ внѣшняго міра, который, въ отчужденіи своемъ, противостоитъ то сродственно, то враждебно человѣку.

И вотъ эти-то всѣ вѣрованія хочетъ въ самомъ дѣлѣ отнять у насъ механическій взглядъ на природу, или по крайней мѣрѣ кажется, что хочетъ. Онъ учитъ, что каждое ощущенье есть лишь порожденіе нашей собственной души, правда вызванное внѣшними впечатлѣньями, но не сходное ни съ ними, ни же съ вещами, отъ которыхъ они произошли. Онъ говоритъ, что міръ лежитъ передъ нами ни свѣтелъ, ни мраченъ, ни шуменъ, ни тихъ, напротивъ, — совсѣмъ безотносителенъ къ свѣту и звуку, безъ всякаго запаха и вкуса въ представляемыхъ имъ намъ вещахъ; даже то, что повидимому всего неопровержимѣе доказывало дѣйствительность внѣшняго, — твердость, мягкость, сопротивленье, все это превратилось у него въ формы ощущенія, въ которыхъ приводятся къ сознанію только наши же собственныя внутреннія состоянья. Ни что въ дѣйствительности не наполняетъ собой пространства, кромѣ бездны неисчислимыхъ атомовъ, волнуемыхъ разнообразнѣйшими движеньями относительно другъ друга. И ни эти атомы, ни движенья ихъ, не могутъ быть предметами нашего наблюденія, такъ, какъ они есть; и тѣ и другія только необходимыя предположенія, къ которымъ ведетъ насъ одинъ лишь сообразительный разсчетъ явленій, но за то ведетъ неизбѣжно. Вѣдь простыхъ этихъ элементовъ намъ даже и не изо-

Digitized by Google

бразить, потому что они чужды всѣхъ чувственныхъ свойствъ, составляющихъ единственный наглядный матеріалъ нашихъ изображеній или описаній; мы можемъ, правда, обозначить движенія атомовъ, но, въ дѣйствительныхъ своихъ формахъ, не бываютъ никогда и они предметами нашего сознательнаго ощущенья. Сознанію во всѣхъ его подмѣтахъ непосредственно дается только то, что̀ порождено имъ же въ самомъ себѣ, и ровно ни чего больше; одно дальнѣйшее соображеніе условій, при какихъ возникаютъ наши ощущенія, ведетъ насъ постепенно къ допуску тѣхъ причинъ (то-есть, въ этомъ случаѣ, атомовъ и ихъ движеній), которыя сами по себѣ остаются недоступны нашему наблюденію. Такимъ образомъ реальность внѣшняго міра совершенно отрѣшена отъ нашихъ чувствъ, и все разнообразіе міра чувственности есть только внутреннее наше явленье, которое мы, правда, обратно пріурочиваемъ къ вещамъ, какъ будто бы оно было ихъ естественнымъ обликомъ и освѣщеньемъ, но которое такъ же мало присуще имъ, или такъ же мало изъ нихъ происходитъ, какъ и помыслы, вызываемые у насъ опытомъ, не связаны съ предметами, къ которымъ мы ихъ прикрѣпляемъ.

Тщетно пытались защитить противъ этого ученія реальность чувственныхъ явленій: надо было допустить, что предполагаемыя разсчетомъ, вычисленныя формы движенья служатъ въ самомъ дѣлѣ условіями для вызова нашихъ ощущеній; но тутъ недоставало и требовалось доказательства, что не то, что̀, съ одной стороны, дѣйствительно порождается нашею духовною природой, существуетъ, съ другой стороны, въ самомъ внѣшнемъ мірѣ и въ тѣхъ раздраженіяхъ, которыя влекутъ за собой воспроизведеніе его сознаньемъ. Свѣтящія дрожанія эѳира и гудящія звуковыя волны пронизываютъ, по словамъ реалистовъ, пространство, и механическая форма движенія должна будто бы служить здѣсь только внѣшнимъ посо-

Digitized by Google

біемъ, возбуждающимъ глазъ и слухъ къ воспроизведенію тѣхъ, по себѣ сущихъ, чувственныхъ содержаній (то-есть, заранѣе готовыхъ уже, свѣта и звука). Но доказательства противнаго не зачѣмъ было ожидать со стороны механической физики, когда легкаго соображенья довольно было для того, чтобъ оно получилось такъ-сказать само собою. Мы не только познаемъ цвѣтъ и звукъ посредствомъ одного лишь ощущенія, но были бы даже совершенно неспособны сказать, что̀ бы намъ себѣ подъ ними представить, не будь они подмѣчены нашимъ собственнымъ сознаньемъ или чьимъ-либо еще другимъ. Какъ быстрота присуща только движенію, а не есть сама по себѣ нѣчто, могущее привзойдти къ нему со стороны, такъ точно и всѣ чувственныя ощущенья существуютъ въ одномъ лишь мѣстѣ, въ сознаніи, и имѣютъ одинъ только родъ существованья, именно тотъ, чтобъ быть страданіемъ или дѣятельностью, какимъ-либо вообще состояніемъ этого сознанья. Еще прежде, чѣмъ механическая теорія указала въ формахъ движенія внѣшнихъ элементовъ тѣ причины, отъ которыхъ зависитъ происхожденіе ощущеній внутри насъ, простая сообразительность могла бы уже выяснить себѣ то, что они во всякомъ случаѣ мыслимы только какъ именно такія состоянія духовнаго существа и его знанія, и что никогда не удастся попытка уловить свѣтящее въ свѣтѣ и звучащее въ звукѣ внѣ ощущающаго существа, уловить какъ сущее по себѣ свойство предметовъ или понять ихъ какъ междупредметное событіе (совершающійся между вещами процессъ). Напрасно называть глазъ свѣтоемнымъ, какъ будто бы свѣтъ существуетъ прежде чѣмъ его увидятъ, и какъ будто бы нужна глазу какая-то еще особливая тайная способность, подражательно повторять въ себѣ то, что̀ онъ самъ первый же и произвелъ; безплодны всѣ мистическіе порывы, путемъ сокровенной тожественности духа и вещей, возвратить опять чувственнымъ созерцаніямъ

Digitized by Google

какую-то дѣйствительность внѣ человѣка *). Но, при всей безплодности ихъ, они конечно всегда будутъ возобновляться тою странною (часто безсознательною) сентиментальностью, которая и справедливыя можетъ быть желанія свои способна удовлетворять не дѣятельнымъ отстраненіемъ предлежащихъ трудностей, а лишь обходя ихъ удобнымъ самоотданіемъ себя на жертву внутреннихъ противорѣчій.

Но уже ли и въ самомъ дѣлѣ должно отступиться отъ всѣхъ этихъ притязаній, казавшихся столь основательными первобытной простотѣ сознанія? Ужели вся роскошь чувственнаго міра одинъ только обманъ нашего внутренняго существа, которое, при неспособности своей созерцать истинную природу вещей, тѣшится порожденьемъ призрака, не имѣющаго ни какого объективнаго (дѣйствительно предлежащаго) значенья? Будь по крайней мѣрѣ возможность понимать чувственныя ощущенія такъ, какъ будто они только перелагаютъ свойства вещей, съ сохраненіемъ распознаваемаго потомъ смысла ихъ, на иной языкъ, общедоступный духу: тогда мы, пожалуй, готовы были бы успокоиться и примириться съ тою неизбѣжною помутой, какую содержаніе сущаго претерпѣвало бы, положимъ, при переходѣ въ наше сознаніе. Но что же общаго между колебаньями эѳира и свѣтомъ, между сгущающимися волнами воздуха и звукомъ? Физическій поводъ такъ совершенно несравнимъ здѣсь съ слѣдующимъ за нимъ ощущеніемъ, что въ послѣднемъ не находимъ мы даже и малѣйшаго отголоска перваго, а напротивъ видимъ, что въ насъ возникло совсѣмъ новое явленіе, не имѣющее съ нимъ ни тѣни сходства. Вотъ какъ неспособна чувственность къ выполненію своей задачи — отражать въ себѣ природу вещей или по крайней мѣрѣ настоящую

*) Какъ, напримѣръ, хотѣла того Шеллингова система безусловнаго тожества, и какъ, съ противоположной точки зрѣнія, хотятъ, не сознаваясь въ томъ, новѣйшіе матеріалисты.

Digitized by Google

внѣшность существа ихъ! вотъ до чего шатка, всѣдствіе того, надежда, чтобы знаніе проникло въ ихъ глубочайшее нутро! Заключенные со всѣхъ сторонъ въ заблужденіе, мы можемъ и чувственныя представленія свои назвать только продолженіемъ обмана внѣшнихъ чувствъ.

Если жалобы эти и естественны, то все-таки онѣ вызваны ужь конечно не духомъ механическаго изслѣдованія природы. Физика, начиная съ незримыхъ элементовъ и слѣдя разнообразіе ихъ движеній, стараясь, далѣе, опредѣлить то впечатлѣніе, какое переносъ этихъ потрясеній производитъ на пріимчивые нервы живаго тѣла, а отъ нихъ подъ-конецъ и на душу,— физика смотритъ на послѣдовательную эту связь просто какъ на виноловную цѣпь процессовъ и находитъ здѣсь ни чуть не болѣе удивительнымъ, чѣмъ гдѣ-либо индѣ, что, послѣ столь многихъ передачъ дѣйствія отъ одного носителя другому, конечный результатъ, — качество самого сознательнаго ощущенія, — отнюдь не походитъ на первую вызвавшую его причину. Почему же, въ правѣ она спросить насъ, требуете вы, чтобъ это было иначе? Почему предполагаете вы обязанностью своихъ чувствъ, чтобы возбуждающія ихъ впечатлѣнія представляли они такими, какъ они есть дѣйствительно, а не такими, какими чувства дѣйствительно ихъ представляютъ? Почему бы, вообще, приводить имъ къ сознанію не послѣдній результатъ, а напротивъ, именно первыя причины? Развѣ, передаваемые вамъ ими, свѣтъ и звукъ не составляютъ, въ моментъ этой передачи, точно такъ же факта, какъ и незримыя колебанія эѳира или воздуха, — факта, имѣющаго равное съ ними право подмѣчаться сознаніемъ? И если вы боитесь, чтобъ не сгибла вся прелесть чувственнаго міра, чтожь мѣшаетъ вамъ удержать ее за собой и радоваться, напротивъ, тому обстоятельству, что есть на свѣтѣ существа, которыхъ внутренняя природа возбуждается напоромъ этихъ формъ движенія (то-есть

Digitized by Google

свѣтовыхъ и звуковыхъ волнъ) къ такимъ прекраснымъ воздѣйствіямъ, — къ развитію свѣтлаго міра цвѣтовъ и звуковъ? Что, наконецъ, нудитъ васъ спускаться въ гораздо менѣе отрадную глубину для того, чтобъ разсѣять очаровательный этотъ призракъ и какъ-нибудь высмотрѣть остовъ, на которомъ онъ держится, и котораго мертвенность одѣта для насъ мягкими очерками чуднаго видѣнья?

Въ самомъ дѣлѣ, есть достаточный поводъ разобрать поближе то самопонятное на видъ предположеніе, что будто чувственность, да и всякое вообще вѣдѣнье, существуютъ только для того, чтобъ отражать въ нашемъ сознаніи облики вещей такъ, какъ онѣ есть. Пожалуй, намъ сомнительно возразятъ: къ чему же однако должно повести такое сомнѣніе? какъ будто задача познанія естественно не та, чтобъ познавать? Но въ этомъ возраженіи повторяется опять та же опрометчивость, которая всѣмъ намъ такъ знакома. Вѣдь несомнѣнный фактъ, съ чего должны мы начать свое соображеніе, есть исключительно только ощущеніе, что въ сознаніи у насъ существуетъ многоразличный міръ представленій, при порожденіи котораго мы находимъ себя зависимыми отъ неизвѣстныхъ, внѣ насъ лежащихъ, условій. Подзаконная въ самой себѣ и связанная съ этими безвѣстными условіями игра представленій нашихъ начертываетъ, въ сущности одинаково для всѣхъ духовъ, образъ всѣмъ имъ явнаго внѣшняго міра, въ которомъ встрѣчаются они другъ съ другомъ для взаимнаго общенія рѣчами и поступками. Для каждаго изъ нихъ порознь актъ представленія имѣетъ, слѣдовательно, задачею быть истиннымъ, однако въ томъ только смыслѣ, чтобы онъ каждому представлялъ такой же міръ, какъ и другимъ, и чтобы возможное тутъ индивидуальное заблужденіе все-таки не исключало насъ отъ общенія съ прочими духами, обманывая насъ вполнѣ призрачною чередой такихъ соотносительныхъ точекъ, въ которыхъ

Digitized by Google

мы никогда не можемъ сойдтись съ дѣятельностью другихъ, такъ какъ онѣ ни для кого, кромѣ насъ, не существуютъ. При этомъ остается вовсе не рѣшеннымъ вопросъ, для всѣхъ ли этотъ міръ, получаемый нами единообразно въ нашихъ представленіяхъ, является равно послѣдовательнымъ обманомъ, или же то, что думаемъ мы видѣть передъ собой, дѣйствительно есть настоящій образъ того внѣшняго міра, отъ вліяній котораго мы чувствуемъ себя въ зависимости.

Отчасти навыкъ повседневной жизни, отчасти своеобразный интересъ науки, положительно ставящей задачею своихъ разысканій познаніе вещей,—и то и другое пріучило насъ измѣрять достоинство нашихъ представленій и ощущеній той степенью точности, съ какою повторяютъ они въ копіи природу предметовъ. При этомъ мы готовы позабыть, что ходъ этихъ внутреннихъ явленій въ насъ самихъ точно такой же полновѣсный фактъ, какъ и существованіе того, отъ чего они происходятъ; и когда однажды укоренился навыкъ придавать имъ имя познанія и, тѣмъ самымъ, втихомолку связывать съ ними необходимое отношеніе къ чему-то внѣшнему, мы обыкновенно противопоставляемъ другъ другу бытіе и знаніе уже такъ, какъ будто бы первымъ завершалась собственно вся дѣйствительная наличность міра, знанію же предлежало только повторить въ себѣ этотъ совсѣмъ готовый міръ, хорошо ли, дурно ли, еще разъ съизнова. Но фактъ, что вліяніе сущаго и его перемѣнъ порождаетъ внутри духовныхъ существъ пышный расцвѣтъ цѣлаго міра чувственныхъ впечатлѣній,—этотъ фактъ является не праздникомъ же придаткомъ обокъ съ остальной дѣйствительностью, какъ будто бы смыслъ всякаго бытія и дѣйствія завершался вполнѣ и безъ него; напротивъ, онъ самъ одно изъ величайшихъ, даже величайшее изъ всѣхъ событій, передъ глубиною и знаменательностью котораго исчезаетъ все прочее, что ни происходило бы себѣ меж-

Digitized by Google

ду составными частями міра. Подобно тому, какъ всякой цвѣтокъ мы цѣнимъ по собственной яркости его красокъ и по его собственному запаху, не требуя, чтобъ онъ повторялъ въ нашіи обликъ своего корня: такъ точно должны мы цѣнить и этотъ внутренній міръ ощущеній по его собственной красѣ и значенію, не измѣряя достоинства его той вѣрностью, съ какою онъ воспроизводитъ низшее, на чемъ онъ основанъ.

И въ самомъ дѣлѣ, почемужь бы намъ не обратно понять все это отношеніе, къ которому пріучилъ насъ одинъ вѣдь только непродуманный способъ представленья? Вмѣсто того, чтобъ ставить внѣшнее единою цѣлью, къ которой должно направляться все стремленіе внутреннихъ нашихъ ощущеній, почему не принять намъ наоборотъ эту свѣтлую и звучную роскошь чувственности за ту цѣль, для выполненія которой предназначены всѣ распорядки внѣшняго міра, вызывающіе у насъ жалобы на ихъ непостижимую сокровенность? Поэтическая идея и свойственная ей знаменательная красота,— вотъ что услаждаетъ насъ въ театральномъ зрѣлищѣ, котораго развитіе мы видимъ передъ собой на сценѣ; ни кому изъ зрителей не прійдетъ въ голову, что онъ увеличилъ бы свое наслажденіе или еще глубже постигъ его, имѣй онъ только возможность высмотрѣть весь механизмъ, которымъ производятся перемѣны декорацій и освѣщенія; ни кто, принимая въ себя смыслъ произносимыхъ на сценѣ словъ, не заботится объ отчетливомъ познаніи физическихъ процессовъ, которыми организмъ актеровъ порождаетъ звучныя дрожанія голоса или исполняетъ выразительныя тѣлодвиженья. Ходъ міра — такое же зрѣлище; существенная его истина — тотъ смыслъ, какой раскрывается въ немъ понятно для духа; а та другая сторона, которую намъ такъ часто хотѣлось бы вывѣдать, и въ которой, увлекаясь предубѣжденіемъ, мы ищемъ настоящей сути,— не болѣе какъ лишь снарядъ, на который

Digitized by Google

опирается единственно-цѣнная дѣйствительность этого прекраснаго явленья. Вмѣсто сожалѣнія о томъ, зачѣмъ чувственность не копируетъ въ себѣ истинныхъ свойствъ предметовъ, намъ слѣдовало бы считать за счастіе, что она возмѣщаетъ ихъ чѣмъ-то гораздо высшимъ и прекраснѣйшимъ: мы не выиграли бы, а ужь навѣрно проиграли, еслибъ намъ пришлось пожертвовать лучезарнымъ великолѣпіемъ цвѣтовъ и свѣта, силой и пріятностью звуковъ, усладой запаховъ, чтобъ, вмѣсто этого исчезнувшаго міра всяческой красоты, потѣшаться точною наглядкой болѣе или менѣе частыхъ, туда или сюда направленныхъ, колебаній. Вѣдь намъ и при эстетическомъ его постиженіи дана-таки еще возможность овладѣть чрезъ научное изслѣдованіе и такого рода точнѣйшимъ познаньемъ, то-есть въ самомъ дѣлѣ дойдти до тѣхъ безцвѣтныхъ основъ чувственнаго міра, которыя дѣйствительное наше ощущеніе одѣваетъ этимъ обманчивымъ или, вѣрнѣе сказать, просвѣтляющимъ блескомъ. Итакъ оставимъ въ сторонѣ сожалѣніе о томъ, что истинное существо вещей не дается нашему ощущенью; напротивъ, существо это въ томъ именно и состоитъ, чѣмъ онѣ намъ кажутся; а все, чѣмъ онѣ есть до явленія ихъ намъ, —это лишь посредствующая подготовка къ ощущаемому нами конечному одѣйствотворенію ихъ сущности. Прелесть цвѣтовъ и звуковъ, теплота и благоуханіе,— вотъ именно то, что̀ природа силится произвесть и выразить, но чего сама по себѣ не можетъ достигнуть; для этого, какъ въ послѣднемъ и благороднѣйшемъ своемъ орудіи, нуждается она въ ощущающемъ духѣ, который одинъ способенъ облечь нѣмое стремленіе въ понятныя слова, путемъ роскошнаго чувственнаго созерцанья, возвести въ живую, свѣтлую дѣйствительность то самое, что̀ напрасно силились высказать всѣ движенія и содроганья внѣшняго міра.

Но сколь ни велико значеніе, придаваемое нами этому по-

Digitized by Google

средству чувственнаго ощущенія въ общемъ составѣ міра, мы все-таки должны опасаться, что намъ не удалось вполнѣ успокоить тревогу стародавнихъ жалобъ. Не слишкомъ ли уже односторонне все преимущество услажденія выпадаетъ на долю духовнаго міра, и цѣлая природа не противостоитъ ли ему, какъ безжизненный, хотя и подвижный, остовъ средствъ, съ помощью котораго краса чувственнаго міра порождается не въ самомъ этомъ остовѣ, а лишь въ чемъ-то другомъ, для него стороннемъ? Ужели вещи служатъ только для того, чтобы своими безотрадными для нихъ движеньями приносить чуждой имъ душѣ возбужденіе къ этой внутренней ея жизни? Уже ли цѣлая половина созданія,—та, которую мы разумѣемъ подъ именемъ вещественнаго міра, существуетъ единственно лишь на службу другой половины,—царства духовъ, и такимъ образомъ не право наше завѣтное стремленье искать чарующаго блеска чувственности также и въ томъ, изъ чего повидимому онъ для насъ происходитъ? Быть-можетъ, одного этого стремленья было бы слишкомъ мало, чтобы достаточно оправдать преобразованіе изъ-за него нашихъ взглядовъ опять сызнова; допустимъ, что сила этого довода дополнилась бы еще дальнѣйшимъ, болѣе глубокимъ, изслѣдованьемъ: все же и въ самихъ вещахъ дѣйствительность всякаго чувственнаго содержанія могла бы казаться намъ возможною только при предположеніи тѣхъ условій, подъ какими она мыслима для насъ вообще. Содержаніе чувственнаго ощущенія,—свѣтъ и цвѣтъ, вкусъ и запахъ, понятны только какъ состоянія, какъ формы созерцанія или знанья; чтобы имъ быть не только-что явленіями внутри насъ, но принадлежать въ собственность и вещамъ, отъ которыхъ они повидимому происходятъ, вещи должны имѣть возможность являться самимъ себѣ и порождать ихъ въ своемъ собственномъ ощущеніи. Къ этому выводу, распространяющему на все сущее ясность живаго оду-

Digitized by Google

шевленія, завѣтное стремленье наше должно бы было склониться всего скорѣе; въ немъ одномъ нашло бы оно возможность доставить чувственному содержанію дѣйствительное бытіе внѣ насъ, даруя ему дѣйствительность внутри его собственнаго существа *: напротивъ, безплодна была бы всякая попытка прикрѣпить къ безчувственнымъ вещамъ, въ видѣ какого-то внѣшняго имъ свойства, все то, что̀ мыслимо лишь какъ внутреннее состояніе какой бы то ни было ощущающей сферы.

Такъ мы невольно возвращаемся здѣсь опять къ той мысли, которая представлялась намъ уже и при первыхъ нашихъ соображеніяхъ о природѣ души: именно къ тому, что всякое вещество проходитъ путь двоякаго существованья, проявляясь извѣстными свойствами тѣлесной природы во внѣ, и оживляясь духовною подвижностью или раздражимостью внутренно. Мы отступили тогда отъ примѣненія этой мысли къ дѣлу, потому что она готова была принять совокупность живаго тѣла непосредственно и за ощущающую душу, или, изъ согласнаго дѣйствія многихъ элементовъ, прямо объяснять единство нашего сознанія; мы убѣдились, что послѣднее никогда не можетъ быть результатомъ взаимнодѣйствія множественности, а мыслимо лишь какъ проявленіе одного нераздѣльнаго существа, и что совершенное слiяніе духовной дѣятельности со всецѣлостью тѣла, которое не отъ вѣка было въ данной своей связи, но сложилось постепеннымъ наращеніемъ изъ разнообразнѣйшихъ податковъ внѣшняго міра,—что слiяніе это столько же противорѣчитъ и общимъ (теоретическимъ) возможностямъ, сколько и самымъ положительнымъ фактамъ опыта. Мы и теперь не можемъ думать иначе, и попытка принять матерію за одушевлен-

* То-есть, признавая въ самомъ механизмѣ дѣйствительную подготовку, а слѣдственно и предназначеніе, къ тому, чтобъ завершаться въ нашемъ ощущеніи и знаніи раскрытіемъ всего богатства созерцаемой нами дѣйствительности.

Digitized by Google

ное существо, необходимо должна соединяться съ другою, — показать, что форма, подъ какою наше непосредственное наблюденіе повидимому ощущаетъ эту матерію, то-есть форма безконечно-дѣлимаго протяженья, есть только призракъ, въ основѣ котораго лежитъ многоразличіе недѣлимыхъ, одними сверхчувственными свойствами опредѣляемыхъ, существъ. Многія разсѣянныя и не завершенныя еще нити нашихъ размышленій сходятся теперь вмѣстѣ и близятся къ своему концу; для полнаго ихъ соединенья, мы дозволимъ себѣ еще разъ настоятельнѣе обратить вниманіе на понятіе матеріи, которое мы до сихъ поръ допускали, довольствуясь лишь отбоемъ вторженій его въ чужія области, и у котораго должны теперь отнять даже и ту область, гдѣ оно повидимому царило полнымъ хозяиномъ. Тогда какъ прежнимъ взглядамъ видѣлось, что изъ дѣятельностей вещества духовная жизнь выходитъ легко-дающимся и самопонятнымъ приросткомъ, намъ хочется выступить теперь въ пользу единственно-первобытной дѣйствительности духовнаго міра и показать, что, наоборотъ, только изъ него понятна вещественная природа, а онъ отнюдь не понятенъ изъ нея.

Изъ общихъ соображеній, предпосланныхъ нами очерку тѣлесной жизни, мы убѣдились уже вполнѣ, что объясненіе многоразличныхъ формъ и событій, представляемыхъ намъ наблюденіемъ въ обширномъ размѣрѣ, возможно только изъ взаимнодѣйствія многихъ стоящихъ порознь и независимыхъ другъ отъ друга средоточій исходящихъ и входящихъ силъ. Ощущеніе вооруженнаго глаза подтверждаетъ же во многихъ случаяхъ непосредственно это внутреннее расчлененіе однородныхъ съ виду массъ; а тщательнѣйшему изысканію, слѣдящему и тѣ загадочныя явленья, какія обнаруживаетъ намъ утонченное строеніе даже и не живыхъ тѣлъ, вмѣстѣ съ зависящими отъ него особенностями ихъ дѣйствія, неизбѣжно пришлось бы допустить, что та же организація матеріи изъ разныхъ

Digitized by Google

дѣятельныхъ частицъ простирается далеко за предѣлы возможнаго сознательнаго ощущенья. Но послѣдній шагъ, — отнять у незримо-мелкихъ атомовъ, къ которымъ мы такимъ образомъ приведены, всякое пространственное протяженье, всякую форму и величину, представлялся намъ тогда еще только возможнымъ, но не необходимымъ завершеніемъ этого взгляда. Однакожь, если потребности физики дозволяли оставить вопросъ этотъ нерѣшеннымъ, то положительнаго отвѣта на него вынуждаетъ насъ искать теперь новое представленіе, которому желалось бы отстоять и за веществомъ родъ духовной жизни или нѣкоторое ея подобіе.

Когда общепринятая гипотеза назоветъ вещество чѣмъ-то протяженнымъ, непроницаемымъ, упорнымъ и несокрушимымъ, то вопервыхъ мы должны будемъ возразить ей, что всѣмъ этимъ свойствамъ и образамъ дѣйствія недостаетъ носителя, субъекта: мы не видимъ, что же тутъ именно протяжено, непроницаемо, несокрушимо, и что вынуждаетъ появляться вмѣстѣ эти различныя свойства, которыя, по ихъ собственному понятію, не состоятъ ни въ какой необходимой связи. Еслижь она поправитъ свой недостатокъ той уступкою, что, конечно, истинная сущность воображаемаго ею вещества состоитъ въ чемъ-то неизрекомомъ, сверхчувственномъ, изъ природы котораго необходимо и постоянно вытекаютъ тѣ именно свойства и взаимная ихъ связь, то намъ прійдется отвѣчать на это, что съ понятіемъ сущности, правда, соединимы всѣ остальные предикаты, но отнюдь не соединимъ предикатъ протяженія, которымъ между тѣмъ думаютъ особенно отличить вещество отъ всякаго бытія другаго рода.

Вѣдь кто говоритъ о протяженіи вещества, тотъ не довольствуется тѣмъ однимъ, чтобъ въ каждой точкѣ видимаго имъ пространства находить дѣятельную мощь или духовное при-

Digitized by Google

сутствіе сущности, которая сама находилась бы между-тѣмъ въ одной только точкѣ; напротивъ, ежемалѣйшее мѣстечко пространства должно сплошь наполняться ею совершенно такъ же, какъ наполнена та преобладающая точка, гдѣ, по нашему взгляду, душа присутствуетъ исключительно. Поэтому, не подчиненія пространства силѣ ея дѣйствій, но наполненія его прямо самой сущностью, — вотъ чего должно требовать всякое представленіе протяженнаго вещества. Сообразивъ эту разность обоихъ взглядовъ, мы увидимъ, что для нашего мнѣнія, принимающаго мѣстомъ сущности одну лишь недѣлимую точку и представляющаго себѣ все протяженіе вокругъ только идеально наполненнымъ исходящею отъ нея силой, необходимо исчезаетъ и кажущееся наполненье этого округа, какъ скоро изъ недѣлимой точки выбудетъ царившая въ ней сущность. Понятіе же сплошнаго протяженья утверждаетъ наоборотъ противное. Для него каждая недѣлимая точка протяженной сферы, какъ равномѣрно наполненная присутствіемъ сущности, есть уже сама по себѣ постоянное средоточіе силъ, такъ что и отпаденіе всѣхъ прочихъ не помѣшало бы ей по прежнему продолжать свои дѣйствія сообразно природѣ замкнутаго въ ней сущаго. Тогда какъ, по нашему взгляду, любое данное количество матеріи неизбѣжно слагается изъ опредѣленнаго числа существъ, не пріумножимаго затѣмъ ни какимъ уже дѣленіемъ, противоположный взглядъ приходитъ не только къ безконечной дѣлимости протяженнаго, но и не можетъ, какъ мнѣ кажется, оградить себя отъ представленія дѣйствительнаго раздѣла. Вѣдь то, что, по отрѣшеніи своемъ отъ цѣлаго, способно безпрепятственно продолжать свои дѣйствія съ соразмѣрнымъ величинѣ своей удѣломъ силы, неоспоримо существовало уже и въ цѣломъ какъ самостоятельная часть его, связанная съ самобытными же другими частями въ общій всѣмъ, стройный складъ, но отнюдь не въ настоящую едино-

Digitized by Google

сущность.* Или, наоборотъ, то, что способно распадаться на множество вполнѣ самобытныхъ частей, выдѣлять ту или другую, не измѣняя тѣмъ своей природы, а равно и принимать въ себя иныя части, никогда не входившія въ его составъ, — такое бытіе, безучастное къ своему увеличенію и уменьшенью, не можетъ уже называться единымъ, въ себѣ замкнутымъ, существомъ: оно мыслимо лишь какъ соединеніе первоначально многихъ. Противопоставьте, пожалуй, этому внѣшнему многоразличію внутреннее единство многаго; допустите, что всѣ эти части наитѣснѣйше соединены общностью смысла, круговой обязанностью къ согласному развитію и образу дѣйствій: коль скоро мы оставимъ въ сторонѣ то, чѣмъ были онѣ прежде, и то чѣмъ надлежитъ имъ быть впослѣдствіи, пока мы станемъ принимать въ разсчетъ только то, чѣмъ онѣ есть въ самомъ дѣлѣ, ни одному изъ этихъ высшихъ единствъ не обморочить насъ до того, чтобъ непосредственно мы все-таки не видѣли въ нихъ множества. Какія бы тамъ побочныя мысли ни составляли себѣ о внутренней сущности протяженнаго, мы стоимъ на томъ, чтобъ ею не прикрывалась (лицемѣрно) его внѣшность. А эта внѣшность, то есть именно протяженность, никогда не мыслима безъ предположенія отдѣльныхъ точекъ, различныхъ, розныхъ, разграниченныхъ промежутками, вообще опредѣляющихъ себѣ дѣйствіемъ своихъ силъ или взаимными вліяніями своими тѣ относительныя мѣста, какія онѣ занимаютъ. Эта различимость многихъ точекъ—не какое-либо побочное слѣдствіе протяженья, но именно то, въ чемъ заключается все понятіе его: кто говоритъ протяженье, тотъ обозначаетъ тѣмъ самымъ такое свойство, которымъ выражаются только взаимныя соотношенія многоразличнаго, толь-

---

* Считаемъ не лишнимъ напомнить читателю вышеприведенный примѣръ разсѣченія на части полипа или подобныхъ ему организмовъ.

Digitized by Google

ко именно не единство, только взаимнодѣйствіе многаго, и больше ничего.

Всякая попытка принять протяженіе за предикатъ не системы существъ (какъ чего-либо сложнаго), но единаго только элемента, неизбѣжно заключала бы въ себѣ другое положеніе, что въ элементѣ этомъ необходимо различимы части, безъ чего онъ не представлялъ бы пространственной величины, и что части между тѣмъ отнюдь не раздѣлимы для самостоятельнаго и свободнаго существованія. Но вѣдь опытъ подтверждаетъ же намъ по крайней мѣрѣ вообще положительную дѣлимость всего различимаго; только въ незримо-мелкихъ àтомахъ могли бы мы надѣяться встрѣтить вмѣстѣ протяженіе и нераздѣльную сплошность. Но мало выиграли бы мы этою послѣднею догадкой. Ибо въ чемъ же найдемъ мы тогда причину опредѣленнаго, ни бòльшаго, ни мѐньшаго, протяженья, которое неизмѣнно наполняетъ собою каждый àтомъ? Если не въ числѣ содержимыхъ имъ частицъ, въ чемъ же еще кромѣ того, что сверхчувственной природы протяженнаго дѣйствительно, или только съ виду, достаетъ для наполненія именно такого, а отнюдь не бòльшаго пространства, для сложенія такого, а не бòльшаго неразрывнаго призрака? Такимъ образомъ напослѣдокъ выходитъ, что и по этому взгляду величина протяженія есть только пространственное выраженіе мѣры и степени напряженной силы*), и что собственно не существо, но его дѣйственность, наполняетъ собой пространство. А потому не лучше ли намъ сразу признаться въ томъ, что протяженіе столь же мало способно быть предикатомъ какой бы то ни было сущности, какъ водоворотъ или вихрь не могутъ назваться образомъ движенія ни какого рѣшитель-

*) Подобно отчасти тому, какъ, напримѣръ, высота температуры, или степень теплоты, находитъ себѣ пространственное выраженіе на термометрической скàлѣ, составленной по ея же указанію.

Digitized by Google

но единичнаго элемента: оба мыслимы только какъ формы соотношенія между многими. Такъ, мы вынуждены остаться при томъ самомъ представленіи, которое прежде казалось намъ только-что возможнымъ, и принимать протяженную матерію за систему непротяженныхъ существъ, которыя своими собственными силами опредѣляютъ себѣ относительное положеніе въ пространствѣ, и давая отпоръ взаимнымъ порухамъ, причиняемымъ ими другъ другу, а равно противясь и вторженію всякаго чуждаго имъ существа, порождаютъ извѣстныя явленія непроницаемости и сплошнаго наполненія пространства.

Наклонность, воображать себѣ протяженіе непосредственнымъ свойствомъ дѣйствительнаго, основана быть-можетъ на представленіи, которое изъ нашего собственнаго житейскаго опыта вносится нами тихомолкомъ въ этотъ совершенно иной кругъ помысловъ. По крайней мѣрѣ всѣ взгляды, видящіе въ протяженіи матеріи одно изъ множества выраженій, въ какихъ наиболѣе проявляется общее стремленье безусловнаго творчества, жажда раскрыться и распространиться въ безконечность, — всѣ эти взгляды, въ эстетическомъ энтузіазмѣ своемъ къ такой формѣ дѣйствія, обличаютъ воспоминаніе объ усладѣ, доставляемой намъ самимъ свободой безмѣрнаго простора нашему собственному существованью. Для насъ пространство окружающей обстановки кажется прежде всего рубежомъ, предѣломъ, извѣстной далью, которую намъ слѣдуетъ осилить и извести движеніемъ; вотъ отчего движеніе для насъ вмѣстѣ и трудъ и отрада: первое — потому, что мы можемъ совершить его только помощью механизма нашихъ членовъ, послѣднее — потому, что перемѣщеніе ведетъ за собой интересъ новыхъ созерцаній и возбуждаетъ въ насъ сознаніе упражненной силы, благодаря которой мы достигли перемѣщенія. Это душевное настроенье, это общее чувство поднятой силы и удовлетвореннаго стремленія, оживляющее насъ при переходѣ

Digitized by Google

большихъ разстояній, переносимъ мы незамѣтно на понятіе о движеньи вообще. Всѣ тѣ фантазіи, которыя въ безконечномъ движеніи небесныхъ тѣлъ видѣли предметъ восторженнаго поклоненья и находили въ нихъ истинное бытіе и вѣчную дѣятельность сущаго,—всѣ эти фантазіи думали вѣдь втайнѣ, что преодолѣніе столь огромныхъ пространствъ было для небесныхъ тѣлъ такимъ подвигомъ, при видѣ котораго невольно воображалось употребленіе соотвѣтственныхъ ему живыхъ силъ и напряженій: какъ птица тѣшится своимъ вольнымъ летомъ, такъ, думалось, услаждаются и планеты своимъ размашистымъ движеніемъ, и какъ птица зорко оглядываетъ прекрасныя перемѣны своей обстановки, замѣчая по нимъ совершенный ею путь, такъ, пожалуй, и планеты обладаютъ нѣкотораго рода сознаніемъ, какія страшныя разстоянья одолѣли онѣ въ пространствѣ. Подобные тому сторонніе помыслы приводятъ насъ въ восторгъ передъ неудержимъ расширеньемъ безусловнаго и передъ сплошнымъ протяженьемъ вещества; мы сопровождаемъ мысли эти такимъ внутреннимъ чувствомъ, словно гора гнета скатилась у насъ съ плечъ, и какъ, при глубокой втягѣ воздуха, намъ кажется, что вмѣстѣ съ расширеньемъ своей груди мы чувствуемъ въ себѣ и приливъ новыхъ жизненныхъ силъ, такого же рода смутное воспоминаніе объ отрадномъ для насъ чувствѣ всякаго дѣятельнаго распространенья лежитъ и въ представленіи о той наполняющей пространство дѣятельности, какую мы приписываемъ веществу. И однакожъ, простое соображенье убѣждаетъ, что изъ всѣхъ условій, отъ которыхъ зависитъ для насъ возможность этого удовольствія, въ неорганизованной матеріи нѣтъ ровно ни одного: чѣмъ первобытнѣе должно принадлежать ей протяженье, тѣмъ менѣе составляетъ оно для нея такой актъ, котораго выполненіе требовало бы живаго усилія; и само даже распространенье безусловнаго постижимо не какъ отрадное чувство освобожденія и преодолѣнія границъ, но только

Digitized by Google

какъ распаденіе множества различныхъ точекъ, на разрозненности которыхъ основано всякое вообще протяженье.

Быть-можетъ, намъ грозитъ здѣсь укоръ за то, что сторонніе помыслы, прокрадывающіеся иногда случайно тамъ и сямъ въ видѣ вольныхъ побѣговъ индивидуальной фантазіи, мы выдали въ своихъ замѣткахъ за существенныя составныя части ученія о протяженномъ веществѣ. Но вѣдь у насъ есть бездна примѣровъ, какъ часто эти дорогія воспоминанія и думы о полномъ человѣческомъ существованіи втайнѣ руководятъ даже и тѣми обсужденьями, которыми думаетъ исключительно управлять законъ самой чистой и отвлеченной мысли; и въ настоящемъ случаѣ, если сущее не выигрываетъ ровно ничего отъ протяженія, я право не знаю, изъ-за чего бы намъ еще такъ упорно навязывать внутренней природѣ сущаго это свойство и совершенно начинять пространство сплошною матеріей, когда для объясненія всѣхъ возможныхъ явленій вполнѣ достаточно уже и того, чтобъ сверхчувственныя существа господствовали надъ нимъ своими живыми силами. Напротивъ, мы имѣли бы право присовокупить, что для нашего взгляда оказывается доступнымъ еще одно, что никакъ уже не дается другому: тогда какъ всякое отдѣльное существо своимъ взаимнодѣйствіемъ съ остальными опредѣляетъ въ пространствѣ мѣсто и себѣ и имъ, высылаетъ наружу и принимаетъ въ себя разнообразныя дѣйствія, оно должно имѣть возможность получать отъ относительнаго положенія своего къ другимъ вмѣстѣ и такія впечатлѣнія, которыя отнюдь не могутъ даться протяженному сплошь существу однимъ его присутствіемъ и саморасширеніемъ въ пространствѣ*).

*) Только гипотеза безпространственныхъ атомовъ, то-есть разнообразно-одушевленнаго вещества, придаетъ послѣднему истинный смыслъ, допускающій удовлетворительное для ума объясненіе многоразличныхъ явленій; тогда какъ обычное представленіе матеріи, какъ сплошь протяженнаго со-

Digitized by Google

Этимъ предположеніемъ безпространственныхъ атомовъ устранили мы единственное затрудненіе, которое могло бы намъ помѣшать неотступно держаться отнынѣ за мысль о внутренней духовной жизни, проникающей всякую матерію. Нераздѣльное единство каждаго изъ этихъ простыхъ существъ позволяетъ намъ допускать въ немъ совокупленіе свойственныхъ ему внѣшнихъ впечатлѣній въ формы ощущенія и услады. Все, чѣмъ содержаніе чувственности возбуждало въ насъ живое къ нему участіе, все это можетъ теперь найдти себѣ въ тѣхъ простыхъ началахъ надежный пріютъ для своего объективнаго, дѣйствительнаго существованья; и безднѣ процессовъ и событій, на которыя наводитъ насъ не непосредственное наше ощущеніе, но лишь окольный путь научнаго изслѣдованья, нѣтъ теперь ни какой надобности теряться для насъ невозвратно, такъ какъ внутри тѣхъ самыхъ веществъ, въ которыхъ они наступаютъ, есть возможность употребить ихъ въ дѣло для порожденія, безвѣстной намъ, многоразличной теплоты и красоты ощущенія (разумѣется,—своеобразной для любого отдѣльнаго вещества). Каждый, испытываемый веществомъ, гнетъ и каждое напряженье, спокойствіе самоувѣреннаго равновѣсія, такъ же какъ и расторженіе прежнихъ связей,—все это не только что совершается, но, совершаясь, служитъ вмѣстѣ и предметомъ какого-нибудь наслажденія; любое отдѣльное существо, вплетенное въ совокупность міра лѣствицей разпостененныхъ взаимнодѣйствій, представляетъ собой, какъ выразился одинъ изъ величайшихъ умовъ Германіи, зер-

---

держанія пространства, ведетъ къ этому только съ помощью очевидныхъ скачковъ, причиняемыхъ сознательнымъ или безсознательнымъ внесеніемъ сюда разныхъ аналогій духовной жизни; а на это не имѣетъ конечно ни малѣйшаго права то воззрѣніе, которое рѣшительно отвергаетъ всякую самобытность духовныхъ началъ. Всякій послѣдовательный и понимающій себя матеріализмъ неизбѣжно опирается на предположеніе безпротяженно-протяженныхъ атомовъ, то-есть на вопіющее противорѣчіе.

Digitized by Google

кало вселенной, ощущающее съ своего относительнаго мѣста мiровую связь и отражающее тотъ взглядъ, который дается ею въ удѣлъ этому мѣсту и этой именно точкѣ зрѣнiя. Такимъ образомъ, ни одна изъ частей сущаго не остается уже безжизненною и неодушевленной; только часть совершающагося между ними процесса, именно тѣ движенiя, которыми состоянiя одного существа посредствуются состоянiями другаго, проникаютъ въ видѣ наружнаго механизма полноту одушевленнаго бытiя, доставляя всему случаи и побужденiя къ постоянно измѣняющемуся раскрытiю внутренней его жизни.

Въ картинѣ этой излагается такой взглядъ, который, сколько ни убѣждены мы сами въ существенной его истинѣ, едвали можетъ ожидать себѣ иной уступки (отъ разномыслящихъ) кромѣ той, что между мечтами, какiя способна развивать въ себѣ фантазiя, это одна изъ тѣхъ, которыя по крайней мѣрѣ не въ противорѣчiи съ дѣйствительностью. Но, съ другой стороны, скажутъ намъ, столь же и мало убѣдительно ея правдоподобiе; потому что, думая удовлетворить восторженному стремленью, она предлагаетъ ему гораздо болѣе того, что̀ готово оно принять. Кто же захочетъ помириться съ мыслiю, что въ каждой пылинкѣ, попираемой нашими ногами, въ прозаической ткани сукна, изъ котораго сшито наше платье, въ матерiалѣ, которому человѣческая техника придаетъ самыя произвольныя формы разной утвари,—вездѣ разлито обилiе одушевленной жизни, которое мы, правда, охотно воображаемъ себѣ дремлющимъ въ таинственныхъ очертанiяхъ цвѣтка или пожалуй даже въ правильно-безмолвномъ обликѣ кристалла? Однакожь, въ этомъ возраженiи повторилось бы лишь то же самое заблужденье, по которому, какъ уже замѣчено, чувственная наша наглядка презрительно обходитъ красоту простѣйшихъ составныхъ частей, случайно представляющихся ей въ

Digitized by Google

неблагопріятномъ или безпорядочномъ расположеніи и смѣшеньи. Вѣдь любая пылинка—пылинка только для того, кому она неудобна или некстати; безразличная форма какого-нибудь сосуда столь же мало унижаетъ цѣну отдѣльныхъ элементовъ, изъ которыхъ онъ состоитъ, какъ и жалкое общественное положеніе, подавляющее всякое проявленье духовной жизни, не упраздняетъ того высокаго назначенія, къ какому призваны даже и эти угнетенные обломки человѣчества. Говоря о божественномъ происхожденіи и небесной цѣли человѣческой души, мы тѣмъ болѣе имѣемъ причинъ обращать заботливый взоръ на эту пыль духовнаго царства, которой жизнь кажется намъ часто столь безплодною и ни мало не отвѣчающею своей задачѣ; гораздо меньше основаній было бы у насъ повидимому отрицать внутреннюю жизнь у маловажныхъ составныхъ частей внѣшняго міра; потому что, какъ ни некрасивыми кажутся онѣ намъ иногда въ своихъ скученьяхъ, онѣ все-таки выполняютъ по крайней мѣрѣ исправно и вездѣ тѣ дѣйствія, которыя дозволяетъ имъ всеобщій порядокъ, какъ образы проявленія ихъ внутреннихъ состояній.

Признаваясь здѣсь въ наклонности къ понятію о сплошномъ хотя и безконечно разнообразномъ одушевленіи вселенной, мы должны однакоже сказать, что наклонность эта вовсе не основана на желаніи усвоить себѣ теперь ту вѣру въ сліяніе души съ совокупностью нашей тѣлесной организаціи, которую мы такъ рѣшительно отвергали прежде. Она вообще не связана съ этимъ тѣснѣйшимъ вопросомъ о союзѣ въ насъ духовнаго съ тѣлеснымъ, и выходитъ изъ болѣе общаго убѣжденія относительно сущности вещей; но полное и систематическое развитіе основаній этого убѣжденья должно остаться задачею болѣе строгаго научнаго труда. Ему предлежало бы показать, какъ немыслимо и существенно противорѣчиво то представленіе, которымъ пробавляется не только обыкновенная наша

Digitized by Google

жизнь, но и болѣе отчетливое, вычисляющее міропзслѣдованье,—представленіе о такой сущности, которой никогда нѣтъ для себя самой, которая во всемъ бытіи своемъ служитъ только или сборною точкой разнымъ впечатлѣніямъ, никогда не становящимся для нея предметомъ ея собственной услады, или исходною точкой такимъ дѣйствіямъ, которыя, не опираясь ни на ея знаніе, ни на ея волю, содержатъ въ себѣ не для нея, а единственно лишь для сторонняго ей другого, побужденіе къ разнообразной дѣятельности. Тщетно пытались бы мы вообразить себѣ самость этого существа, обозначенною какимъ-либо простымъ и сверхчувственнымъ качествомъ; мы невольно убѣдимся, что, подобно тому какъ чувственныя качества, которыхъ объективною дѣйствительностью мы скорѣе рѣшились бы поступиться, точно такъ же и всѣ тѣ сверхчувственныя качества, которыя мы вздумаемъ противопоставить имъ за чистую истину, существуютъ тѣмъ не менѣе только въ сознаніи того, кто ихъ мыслитъ; и что они никогда не будутъ въ состояніи обозначить собою источникъ дѣятельностей и силъ, которыя, какъ мы видимъ, порождаются вещами, и которыхъ обосновки должно намъ искать въ самомъ существѣ вещей. Опасеніе, видѣть въ одной части міра только слѣпое и безжизненное средство для цѣлей другой; жажда, распространить на все бытіе блаженство одушевленія и оправдать самоуслаждающійся въ каждой точкѣ своей міръ, какъ нѣчто болѣе совершенное, сравнительно съ раздвоемъ духовной надстройки на безсознательной основѣ — все это составляетъ только еще одинъ рядъ тѣхъ побудительныхъ причинъ, которыя, за спокойною поверхностью вещества, за косными и подзаконными навыками его дѣйствія, нудятъ насъ искать теплоты сокровенной духовной живости. Другой, полновѣснѣйшій рядъ такихъ побужденій, лежитъ во внутреннихъ противорѣчіяхъ, которыя дѣлаютъ для насъ невозможнымъ понятіе о чемъ-

Digitized by Google

либо сущемъ, но не самообладающемъ и не самоуслаждающемся, и прямо приводятъ къ убѣжденью, что единственно живымъ лишь существамъ принадлежитъ бытіе въ истинномъ смыслѣ, и что всѣ другія формы существованія могутъ объясняться только изъ духовной жизни, а отнюдь не она изъ нихъ.

Такъ, почти подъ-конецъ своего пути, мы возвращаемся опять къ тѣмъ же мыслямъ, которыя вначалѣ человѣческаго развитія волновали духъ въ видѣ миѳологическихъ представленій. И не безъ умысла напоминаемъ мы объ этомъ сродствѣ, повидимому мало говорящемъ въ пользу научной благонадежности нашего взгляда. Дѣйствительно, этимъ предположеніемъ сплошь-одушевленнаго міра намъ хотѣлось только обозначить открывающійся здѣсь просвѣтъ въ туманную даль безконечнаго, который не даетъ однакожъ возможности перенестись туда въ самомъ дѣлѣ. Какъ бы ни желалось намъ удержать за собой втихомолку этотъ взглядъ, ввести его въ настоящую науку мы еще не имѣемъ права: намъ пришлось бы воротиться только къ шаткимъ грезамъ менѣе живописной миѳологіи, попытайся мы послѣдовательно провести то, что, конечно, представляется намъ истиной, то-есть, вздумай мы показать ближе, какъ именно законы физическихъ явленій вытекаютъ изъ природы духовной живости, скрытой въ глубинѣ вещей и составляющей прямую ихъ сущность, единственный источникъ всей ихъ дѣятельности. Правда, и древность говорила уже о любви и ненависти, какъ о силахъ, движущихъ собою вещества и опредѣляющихъ формы ихъ взаимныхъ отношеній; этимъ старалась она основать на живомъ и понятномъ намъ побужденіи тѣ притяженія и оттолкновенья, которыя, безъ всякаго уразумѣнія ихъ причинъ, мы считаемъ теперь только фактически связанными съ мертвою массой. Конечно, мы вообще должны допустить и твердо усвоить себѣ понятіе, что всякое пространственное движенье матеріальнаго

Digitized by Google

можно истолковать, какъ естественное выраженіе внутреннихъ состояній такихъ существъ, которыя ищутъ или бѣгутъ другъ друга съ чувствомъ собственной потребности, съ жаждою сроднаго себѣ дополненія, съ ощущеньемъ наступающихъ разстройствъ; но вѣдь не стоимъ же мы въ средоточіи міра и выражающейся въ немъ творческой мысли такимъ образомъ, чтобъ изъ недоступнаго намъ полнаго познанія духовнаго существа мы когда-либо съумѣли вывесть, какъ необходимыя его слѣдствія, опредѣленные законы физическихъ процессовъ. Тутъ, какъ часто бываетъ и въ другихъ случаяхъ, при ограниченности человѣческаго кругозора, путь познанія совсѣмъ не тотъ, какимъ развивается сама́ природа вещи: намъ не остается затѣмъ ни чего болѣе, кромѣ того, чтобъ лишь подслушивать у опыта законы, оказывающіе свою власть въ послѣднихъ, доступныхъ намъ, развѣтвленіяхъ дѣйствительности, а насчетъ совокупности чувственнаго міра втайнѣ хранить уразумѣніе того, что все же этотъ міръ только оболочка безконечной духовной жизни.

Если мы сообразимъ теперь выгоды, какія это видоизмѣненіе нашихъ взглядовъ способно доставить усвоенному нами понятію о соотношеніи между тѣломъ и душой, то мы можетъ-быть найдемъ ихъ, противъ своего чаянія, или ме́ньшими, или по крайней мѣрѣ лежащими совсѣмъ въ другомъ направленьи. Кому претила предполагаемая нами возможность взаимнодѣйствія души съ инородною реальностью матеріи, тотъ можетъ теперь угомонить свои опасливыя сомнѣнія тѣмъ соображеньемъ, что вѣдь въ самомъ дѣлѣ тутъ противостоятъ другъ другу не различныя двѣ сущности; но что душа, какъ нераздѣльное существо, и тѣло, какъ сгруппированное множество другихъ существъ, близкихъ по своей природѣ, выходятъ теперь однородными членами этого соотношенья. Душа дѣйствуетъ на тѣло, не поколику оно матерія; она дѣйствуетъ на

Digitized by Google

уподобимыя ей сверхчувственныя существа, которыя только извѣстной формою своего сопряженья представляютъ намъ видъ протяженной матеріи; не какъ вещество и не орудіями вещества оказываетъ тѣло вліяніе свое на духъ, а напротивъ всякое притяженіе и оттолкновенье, всякой гнетъ и толчокъ, даже въ природѣ, лишенной повидимому всякаго одушевленья, даже тамъ, гдѣ они дѣйствуютъ отъ вещества на вещество,—суть только явное намъ выраженіе духовнаго взаимнодѣйствія, которое одно заключаетъ въ себѣ всякую жизнь и дѣятельность. Но мы мало даемъ цѣны этой выгодѣ, благодаря которой устраняется единственно лишь воображаемое затрудненіе, тогда какъ непостижимость именно того, какимъ образомъ одно существо вообще способно дѣйствовать на другое, для насъ нисколько не уясняется.

Взглядъ нашъ еще менѣе можетъ понравиться тѣмъ, кому совершенное разрѣшеніе другъ въ друга тѣла и души представляется необходимымъ и единственно-желательнымъ заключеньемъ всѣхъ подобныхъ разысканій. Вѣдь все такъ же рѣзко, какъ и прежде, противопоставляемъ мы теперь единую, нераздѣльную душу, которую зовемъ своею, одушевленному тѣлу, и все съ прежнимъ же упорствомъ должны мы смотрѣть на тѣло, какъ на систему частей, изъ чьихъ совокупныхъ дѣятельностей вытекаетъ жизнь его, съ тою только разницей, что внутренняя духовная живость наполняетъ теперь каждую изъ частичекъ, которымъ предыдущее наше изложеніе придавало важность, только какъ исходнымъ точкамъ физическихъ силъ. Подобно тому, какъ прежде намъ казалось невозможнымъ объяснить своеобразные элементы духовной жизни одною перекрестной встрѣчею физическихъ дѣйствій нервовъ, такъ точно и теперь одной одухотворенной природы частицъ не довольно для того, чтобъ сдѣлать болѣе понятнымъ возникновенье въ насъ единаго сознанія. Что бы ни переживалъ въ се-

Digitized by Google

бѣ внутренно каждый атомъ нерва: порождаетъ ли онъ, въ силу нервныхъ раздраженій, сходное или несходное съ нашимъ ощущеніе, сопровождаетъ ли его, подобно намъ, извѣстной степенью довольства или недовольства, и увлекается ли имъ къ какимъ-либо стремленіямъ,—вся эта внутренняя жизнь, пока не проявится она наружу, не имѣетъ для нашего духовнаго развитія ни на волосъ значенья. Только тѣмъ, что каждый атомъ нерва переноситъ принятое имъ впечатлѣніе на ближайшій къ нему другой, пока чрезъ сомкнутую цѣпь всѣхъ атомовъ возбужденіе не дойдетъ и къ намъ въ душу,—единственно лишь этимъ внутреннія состоянія первоначальныхъ элементовъ дѣятельно соучаствуютъ въ видообразованіи духовной нашей жизни. Но ни одинъ изъ нихъ не передаетъ сосѣду своему этихъ состояній вполнѣ готовыми; ни какая струя сознательнаго ощущенья, живаго чувства и стремленія не можетъ пробѣгать путемъ нерва съ тѣмъ, чтобы однимъ вступленьемъ своимъ въ душу, стать вдругъ ея ощущеніемъ, ея чувствомъ, ея волей: всякое отдѣльное существо способно породить въ себѣ то, чему должно сдѣлаться его состояніемъ, единственно лишь дѣятельностью своей собственной природы, и это—совершенно независимо отъ того, походило уже или нѣтъ возбудившее его внѣшнее раздраженье на то состояніе, какое породить предлежало. Когда восторгъ къ какой-нибудь великой мысли быстро разливается по цѣлой массѣ людей, онъ не переходитъ готовымъ отъ одного къ другому, какъ, напримѣръ, газъ или заразительный міазмъ, испаряемый однимъ тѣломъ и вдыхаемый другимъ. Каждая душа должна съизнова породить его своею собственною силой и воспламениться изъ собственной глубины къ предмету, котораго самый образъ и представленіе сообщимы отъ одного лица другому только многоразличными посредствами условныхъ звуковъ языка и разныхъ поясняющихъ воспоминаній.

Digitized by Google

Итакъ, хотя мы давно уже допустили возможность, что въ каждомъ атомѣ нерва совершается процессъ, подобный испытываемому нами внутри себя при сознательномъ ощущеньи, однако мы должны въ то же время повторить и другое присовокупленное нами положеніе: что для всякаго развитія психологіи возможность эта—вещь совершенно безразличная. Для порожденья ощущеній нашихъ нервы важны только какъ гонцы, предназначенные доставить извѣстіе по адресу. Быть-можетъ, гонцы знаютъ содержаніе вѣсти и раздумываютъ объ немъ дорогою съ душевнымъ участіемъ; но подателево сочувствіе все-таки не породитъ ни уразумѣнія, ни оцѣнки этого содержанія въ получателѣ, если то и другое не истечетъ изъ его собственной глубины; да ни чѣмъ не хуже будетъ и тогда, если вполнѣ безучастная рука равнодушно передастъ ему ту же новость. Итакъ, задачу свою нервы выполняютъ точно такъ же хорошо, служа путепроводами чисто-физическому процессу, который только однажды при впечатлѣніи на душу, дѣйствительно превращается въ ощущенье; и наукѣ, конечно не безъ большой выгоды для ея благонадежности, позволительно оставлять въ сторонѣ всякое соображеніе съ невѣдомою духовною живостью, какою эстетическій взглядъ на природу * въ правѣ наполнять все сущее съ своей точки зрѣнья. Дѣйствительно, только красота живаго облика становится понятнѣе намъ, благодаря этому предположенію. Она, правда, не исчезла бы совсѣмъ и для того взгляда, который видитъ въ тѣлѣ одну только совокупность безжизненныхъ частей; вѣдь въ складкахъ подвижной одежды ощутительны же намъ сила и величавость, пріятность, изящество и богатство смѣняющихся дѣятельностей, которыхъ слѣдами духовная жизнь умѣетъ одушевить и безсамость матеріи: такъ точно и тѣло, будучи еще болѣе податливою оболочкой и еще способнѣе къ многоразличнѣйшему вы-

* То-есть, взглядъ внутренняго чувства, оцѣнивающаго красоту.

Digitized by Google

раженію, пожалуй обличало бы намъ прекрасное и безусловное господство души надъ чувственными средствами явленія. Но конечно теплота этой красоты выиграетъ отъ того, если въ соразмѣрности человѣческой фигуры и въ стройномъ расположеніи ея частей мы будемъ видѣть не одинъ лишь тонкій расчетъ хорошо построеннаго снаряда; если на пріятные изгибы, какими, при перемѣнѣ положенія, каждая отдѣльная часть, то напрягаясь, то слабѣя, ищетъ новаго равновѣсія со всѣми прочими, мы будемъ смотрѣть не только какъ на хитрый фокусъ самоулаживающагося механизма; если, напротивъ, *въ любой* точкѣ видимаго облика намъ можно чаять внутреннее чувство, услаждающее ее счастіемъ особеннаго ея положенія и разнообразныхъ отношеній ея къ цѣлому, или когда въ томъ отзывѣ самыхъ легкихъ растяженій и сокращеній, которымъ каждое мѣстное движеніе постепенно отдается во всѣхъ тѣлоочертаніяхъ, мы разгадываемъ признакъ одушевленнаго чутья, съ какимъ всѣ части тѣла гармонически сочувствуютъ общему наслажденію прекраснымъ своимъ сочетаньемъ.

Тутъ уже мы представляемъ себѣ живой обликъ и духовную жизнь его подъ видомъ общественнаго строя многихъ соотносящихся существъ. Занимая властительную точку организаціи, господствующая душа собираетъ безчисленныя впечатлѣнія, которыя приводятся къ ней множествомъ существенно однородныхъ товарищей, надѣленныхъ только менѣе значительною природой. Принятое хранитъ она бережно въ себѣ и преобразовываетъ въ движущія побужденья, передаваемыя ею угодливой силѣ своихъ спутниковъ для развитія правильной череды воздѣйствій. Общесогласный смыслъ и единодушное сочувствіе проникаютъ весь этотъ союзъ, и ни одно изъ пережитыхъ состояній любой части не утрачивается неизбѣжно для другихъ; только своеобразный планъ цѣлаго можетъ полагать предѣлъ всестороннему распространенію ихъ дѣйствій

Digitized by Google

Не знаю, въ чемъ удовлетвореніе, доставляемое, какъ мнѣ кажется, этимъ взглядомъ, уступало бы гипотезѣ, требующей совершеннаго сліянія души съ тѣлесной организаціей, и приводящей къ тому, что опосредствованное наслажденіе, какимъ предоставляемъ мы каждой отдѣльной части пользоваться отъ живаго соотношенія ея къ другимъ, превращается въ непосредственное совпаденіе всѣхъ частей между собою. Если мы вообразимъ себѣ душу какимъ-то пробѣгающимъ по всему тѣлу расплывчатымъ вѣяньемъ, если мы заставимъ ее непосредственно терпѣть и дѣлать заодно съ тѣломъ все то, что̀ испытываетъ и совершаетъ оно ежемгновенно въ каждой точкѣ своего строя, развѣ мы выиграемъ хоть что-нибудь противъ того, что̀ даетъ намъ представленіе опосредственнаго взаимодѣйствія между различными частями? развѣ ощущенія станутъ для насъ темнѣе, если представить себѣ ихъ возбужденіе зависящимъ только отъ послѣдняго напора физическихъ нервныхъ раздраженій на природу нераздѣльной души, или развѣ выиграютъ онѣ въ ясности, если каждый шагъ доставляющаго ихъ намъ физическаго посредства мы вообразимъ себѣ въ сопровожденіи духовной дѣятельности, никогда однакожь не обнаруживающейся въ сознаніи? Ужь не станутъ ли движенья наши въ болѣе высшемъ смыслѣ нашимъ живымъ дѣломъ, если воля будетъ пробѣгать всѣ движительные нервы отъ начала до конца, да пожалуй проникать и въ мышечныя волокна; и не останутся ли они, напротивъ, точно такъ же нашей собственностью, если понадобится только одиночный побудъ души, чтобъ вызвать на дѣятельность всегда готовый къ ея услугамъ отдѣлъ приспособленнаго снаряда? Вообще, что̀ могло бы заставить насъ, этотъ ясный образъ стройной власти одного надъ организованнымъ множествомъ подручниковъ, превратить въ темное представленіе сплошнаго наглухо единства всѣхъ, при которомъ всякая правильная форма вза-

Digitized by Google

взаимнодѣйствія выходила бы уже только какою-то непонятною для насъ проволочкой? Все, что цѣнится нами въ жизни и что служитъ источникомъ всякому благороднѣйшему наслажденью, основано на этой формѣ сочетанія многоразличнаго; воплощаясь въ несмѣтномъ числѣ особей, родъ человѣческій ведетъ эту жизнь постояннаго взаимнодѣйствія, взаимнаго соучастія въ любви и ненависти, непрерывнаго прогресса, вслѣдствіе чего каждый выигрышъ одной какой-либо части становится предметомъ соуслажденія для всѣхъ другихъ. Напротивъ, всякое непосредственное сліяніе многихъ воедино только *сокращаетъ* мѣру жизни и счастія, уменьшая число существъ, изъ которыхъ каждое могло бы наслаждаться въ свою очередь и про себя благопріятствомъ данныхъ обстоятельствъ. Вездѣ то единство, въ какое жаждемъ мы вступить съ другимъ, есть только полный обмѣнъ передачъ, взаимное сонаслажденіе чуждымъ существомъ, а отнюдь не та мутная помѣсь, въ которой гибла бы вся отрада единенія, потому что вмѣстѣ съ противоположностью здѣсь упраздняется и существованіе того, что могло бы ощутить въ себѣ ея примиреніе.

Да, наконецъ, какъ мало говоритъ въ пользу мечты о такомъ сплошномъ единствѣ простое, безпредубѣжденное *наблюденіе*! Изъ разсѣянныхъ составныхъ частей внѣшняго міра, говоритъ она, постепенно слагается опредѣленный строй тѣла, и, путемъ непрерывной смѣны, возвращаетъ онъ ему эти части по принадлежности. Съ чѣмъ же въ такомъ случаѣ могла бы единиться душа? Сливайся она съ притокомъ новаго подспорья тѣлу, и потомъ отрѣшайся отъ распадающагося на части остатка или выдѣла, въ чемъ же тогда заключаться этому единенію, если не во взаимнодѣйствіяхъ, которыя попеременно то развиваются, то опять замираютъ, смотря по тому, приводитъ ли общій ходъ природы на соединеніе къ нимъ новые элементы, или вытѣсняетъ изъ связи съ ними прежніе? Жизнь

Digitized by Google

этихъ частицъ будетъ тогда похожа на дорожную суетню толпы проѣзжихъ. Неизвѣстно, откуда они и куда спѣшатъ; чуждые другъ другу, они сталкиваются гдѣ-нибудь случайно, на короткое время вступаютъ въ сношеніе, соотвѣтственное въ главныхъ своихъ чертахъ одной общей цѣли,—путешествія, и каждый собираетъ въ себѣ при этомъ тѣ возбужденія, какія доставило ему передаточное знаніе другихъ. Такимъ образомъ, мы конечно можемъ представлять себѣ каждый атомъ тѣла мѣстилищемъ особой духовной живости; но мы ея не знаемъ; мы ни чего не знаемъ о прежней ея исторіи, ни о развитіи, быть-можетъ ожидающемъ ее впереди: вовлеченный на время въ правильный быстротокъ нашего живаго тѣла, каждый элементъ обогащаетъ, можетъ-статься, свои внутреннія состоянія новыми опытами и служитъ нашему развитію посредствующею передачей возбужденій, принятыхъ имъ самимъ извнѣ; но внутренняя его жизнь все-таки не наша, а когда сгинетъ этотъ союзъ различныхъ существъ, составляющихъ живой нашъ обликъ, тогда можно, пожалуй, сказать, что мы пережили всѣ вмѣстѣ нѣчто общее, но все же лишь какъ первобытно-разныя существа, разсѣющіяся опять послѣ недолгаго соприкосновенья.

Digitized by Google

ГЛАВА ПЯТАЯ.

О началѣ и концѣ душевной жизни.

Ограниченность знанія.—Вопросы о первобытной исторіи.—Несамостоятельность всякаго механизма.—Естественная необходимость и безконечная сущность, или субстанція.—Возможность дѣйствія вообще.—Начало опредѣленныхъ законовъ дѣйствія.—Безсмертіе.—Возникновенье душъ.

Но откудажь вначалѣ всякой исторіи сошлись на эту игру одушевленной жизни многоразличнѣйшія существа, — сошлись для того, чтобы, въ опредѣленномъ сочетаніи, стать носителями такихъ прекрасныхъ развитій? И какимъ образомъ изъ рода въ родъ повторяется то чудо, что каждая душа находитъ себѣ свое тѣло, каждый зачатокъ тѣлесной организаціи принимаетъ въ себя живительный повѣвъ духа? Какая, наконецъ, судьба предстоитъ отдѣльнымъ существамъ по разрѣшеніи этой связи, и особенно той единой душѣ, которой предназначеніе къ безконечному развитію повидимому заручено знаменательностью того, что̀ начато и пріобрѣтено ею путемъ болѣе или менѣе тяжкаго труда въ теченіе этой плотской земной жизни?

Къ такимъ вопросамъ неизбѣжно приводитъ насъ подъ конецъ наше изслѣдованье; и чѣмъ отчетливѣе пытались мы начертать образъ взаимныхъ отношеній между тѣломъ и душой, тѣмъ ощутительнѣе для насъ потребность завершить свои взгляды объясненіемъ насчетъ перваго начало этой связи и

Digitized by Google

насчетъ смысла окончательнаго ея расторженія. Но зачѣмъ же намъ вводить другъ друга въ обманъ? Мнѣ—хвастливымъ за явленіемъ, будто я съумѣю рѣшить загадку, а читателю, который сопровождалъ меня до сихъ поръ, —притворствомъ, будто онъ и въ самомъ дѣлѣ этому повѣритъ? Не нужно даже указывать на тщетныя усилія многихъ и многихъ вѣковъ; стоитъ лишь просто вспомянуть о средствахъ, данныхъ человѣческому вѣдѣнью, и мы тотчасъ же почувствуемъ всю безнадежность любой попытки, мечтающей пролить на эти окраины жизни ясный свѣтъ нагляднаго познанія. Поэтому ни на одинъ мигъ не отдаемся мы обманчивой мечтѣ, чтобы когда-либо удалось пріобрѣсть положительное свѣдѣніе о томъ, чему предназначено облегать предѣлы человѣческаго опыта только въ видѣ чаянія вѣры. Но намъ все таки предстоитъ еще одна задача. Вѣдь сколь ни далеки мы отъ намѣренія рисовать себѣ картины того, что̀ лежитъ за рубежомъ нашего опыта, мы должны однако разсмотрѣть, представляютъ ли соображенія, начатыя нами въ его предѣлахъ, какіе нибудь виды на удовлетворительное завершеніе хоть по крайней мѣрѣ въ недосягаемой дали́, или же все то, что̀ навѣрное намъ извѣстно, отнимаетъ у насъ даже и малѣйшую надежду на подобное дополненіе. Пусть останутся въ человѣческомъ вѣдѣніи невосполнимые пробѣлы, но, не отрицая само себя, какъ же станетъ оно вѣрить въ то, что̀ несовмѣстно съ собственными его началами и необходимымъ ихъ значеньемъ?

Для обсужденія такихъ вопросовъ недостаточно уже тѣхъ способовъ представленія, которыхъ держались мы до сихъ поръ. Ибо всѣ они предполагали составъ дѣйствительности вполнѣ готовымъ, даннымъ фактомъ, и старались только отыскать всеобщіе законы, по которымъ этотъ установленный порядокъ развиваетъ одно изъ другаго отдѣльныя явленія. Такъ всѣ они имѣли въ виду исключительно лишь поддержку

Digitized by Google

и продолженіе той данной череды явленій, которой первое начало и конечная цѣль намѣренно устранялись ими изъ круга ихъ изслѣдованія. И въ самомъ дѣлѣ, какъ по видимому строю готовой машины мы расчисляемъ ожидаемыя отъ нея дѣйствія и преемственный ихъ порядокъ, не находя себѣ при подобномъ разсчетѣ ни какого существеннаго подспорья въ свѣдѣніяхъ о томъ, какъ она произошла и какъ именно строилась: такъ точно можемъ мы уразумѣть поддержку міра и общую норму свойственныхъ ему событій изъ нынѣшняго его состава, даже вовсе не зная исторіи творенія, давшаго ему первое начало. Но это покупается нами только цѣною предположенія, что причина опредѣленаго вида событій въ любой данный моментъ должна фактически заключаться въ предшествующемъ моментѣ. Такъ отодвигаемъ мы отъ себя загадку далѣе и далѣе, а напослѣдокъ все-таки кончаемъ признаніемъ, что первое начало сущаго для насъ непостижимо, и что въ цѣломъ ходѣ міра мы понимаемъ развѣ однѣ лишь смѣны текущаго развитія, а вовсе не происхожденіе того перваго порядка, на которомъ основана возможность всѣхъ этихъ перемѣнъ. Ошибочно думать, что наука способна гдѣ бы то ни было шагнуть за эти предѣлы. Въ составъ общаго образованія вошла, напримѣръ, мысль о происхожденія планетной системы изъ огневой туманности, — просто геніальная догадка насчетъ событій такой эпохи, которая совершенно недоступна нашему опыту; и вотъ, мы уже готовы вообразить, что если не изъ ничего, то по крайней мѣрѣ изъ безформной первопричины, развили мы вполнѣ убѣдительно прекрасную систему взаимно обусловленныхъ явленій. Но мы забываемъ тутъ бездѣлицу, что исторію этого огневаго шара, за которымъ такъ остроумно слѣдятъ въ его дальнѣйшихъ видоизмѣненьяхъ, необходимо прослѣдить и обратно, углубляясь въ безконечность прошлаго. Постепенно остывающій и сгущающійся шаръ вѣдь долженъ же былъ пере-

Digitized by Google

жить такую пору, когда температура его была еще выше, его расширеніе еще значительнѣй: гдѣ жь теперь начальный моментъ того сгущенія, въ которомъ застаетъ его наша догадка? И откуда взялись первоначальное направленье и скорость вращенія, обусловливавшія, какъ надо предполагать, согласное движеніе всѣхъ его частичекъ? Стало-быть, и эта минимая безформность далеко еще не начало міра: она была только одною изъ тѣхъ середнихъ точекъ, гдѣ предшествовавшія формы событій стянулись въ невидкую для созерцанія простоту; но вещества, силы и движенія дѣйствительности проходятъ и черезъ эту точку безъ ослабленія и утраты, чтобы за нею распространяться опять далѣе въ многоразличіе новаго еще развитія. Итакъ причина любаго порядка событій всегда лежитъ въ предшествующемъ порядкѣ, и сколь ни разнообразно эта мелодія слагающагося бытія то течетъ обильною волною, то стягивается въ форму чуть-виднаго зародыша, она все-таки не имѣетъ для насъ ни начала, ни конца, и вся наука наша только что карабкается вверхъ и внизъ по этой безконечности, постигая внутреннюю связь нѣкоторыхъ пройденныхъ ею полосъ по общимъ законамъ, но не способная ни гдѣ усмотрѣть ни первое начало цѣлаго, ни послѣднюю цѣль, къ которой стремится его развитіе.

И какое жь поученье извлекаемъ мы изъ сознанія этой своей ограниченности? Ни чего, кромѣ вопервыхъ увѣта для самихъ себя ждать съ безпристрастнымъ терпѣніемъ, докуда доведетъ насъ поступательный ходъ науки, и кромѣ еще желанія для науки, чтобы она продолжала свой трудъ съ безпредубѣжденной точностью, не уклоняясь въ стороны изъ пристрастія къ какому-нибудь опредѣленному результату своихъ изслѣдованій. Вѣдь, что бы она ни открыла намъ, ей никогда не привести насъ къ крайнему концу сознанія, а потребности нашего сердца удовлетворятся не разъясненіемъ временной

Digitized by Google

доисторической эпохи человѣческаго существованія, но исключительно лишь познаніемъ той вѣчной связи, которая соединяетъ измѣнчивый міръ явленій съ міромъ истинно-сущаго во всѣ времена. Обладай мы этимъ знаніемъ, какъ мало выиграли бы мы въ такомъ случаѣ отъ того, еслибъ намъ даже и удалось достовѣрно рѣшить вопросы о первомъ происхожденіи человѣческаго рода,—вопросы, которымъ, увлекаясь страстью, мы часто придаемъ такой чрезмѣрный вѣсъ! Быть-можетъ, неожиданное счастіе пополнитъ когда-нибудь недостаточность исходныхъ точекъ нашего изслѣдованія и оспособитъ насъ къ такому рѣшенію тѣхъ вопросовъ, какое ни для кого теперь не возможно. Допустимъ, что полнѣйшее это знаніе совершенно удостовѣритъ умъ въ дорогомъ для многихъ предположеніи, что безформный еще хаосъ зачинавшагося міра, постоянно совершенствуясь съ слѣпою внутреннею необходимостью, дошелъ наконецъ до порожденія человѣчества: открылся ли бы тогда для науки видъ въ ту безконечную даль, которой она теперь какъ-будто нарочно убѣгаетъ? Еслибъ она въ самомъ дѣлѣ могла объяснить, какъ изъ огнетуманнаго шара сперва выдѣлились твердь земной коры и воздушная сфера неба, какъ затѣмъ каждый шагъ этого раздѣла доставлялъ химическимъ сродствамъ элементовъ случаи къ новымъ дѣйствіямъ, какъ, далѣе, среди благопріятныхъ обстоятельствъ, установленныхъ слѣпою необходимостью этого естественнаго процесса, возникъ первый зародышъ растенія, животнаго, еще не многосложный и не выработавшійся въ своихъ очертаньяхъ, а потому и мало способный къ значительному развитію, какъ, наконецъ, при болѣе счастливыхъ условіяхъ, осуществленію которыхъ содѣйствовала уже однако и эта скудная еще жизнь, мало по малу облагородилось органическое созданіе, низшія породы въ теченіе безчисленныхъ вѣковъ развились въ высшія, пока, напослѣдокъ, человѣчество произошло уже не по образу и подобію Божію,

Digitized by Google

а явилось крайнимъ звеномъ этой цѣпи необходимыхъ событій: еслибъ наука могла все это выяснить, что же сдѣлала бы она этимъ, кромѣ того, что чудо непосредственнаго сотворенія отодвинула бы только въ болѣе раннюю доисторическую эпоху, когда безконечная премудрость вложила въ этотъ непроглядный хаосъ безмѣрную способность предопредѣленнаго ему развитія? Всею постепенной чередой образовательныхъ эпохъ, въ теченіе которыхъ, положимъ, выработалась мало по малу безформная первооснова, наука только пріумножила бы роскошь и разнообразіе великихъ сценъ, способныхъ можетъ-быть увлечь нашу фантазію къ невольному удивленью; но совокупность чуднаго зрѣлища не объяснилась бы этимъ ни на волосъ не лучше того, какъ принимается она обыкновенно скромнымъ вѣрованьемъ, для котораго возникновеніе живыхъ породъ кажется понятнымъ только изъ непосредственной творческой воли Создателя. Рѣшенія этихъ-то вопросовъ, на сколько сможетъ осилить ихъ когда-нибудь наука, должны мы благонадежно ожидать отъ любви ея къ истинѣ: какой бы путь творенія ни былъ избранъ Богомъ, ни одинъ не ослабитъ зависимости отъ Него вселенной, да ни одинъ и не прикрѣпитъ ея къ Нему еще болѣе.

Но обыкновенно у насъ очень мало терпѣнія на пожданьё; напротивъ, съ самой страстною горячностью противостоятъ другъ другу два разные взгляда на дѣйствительность, изъ которыхъ одинъ стремится превратить все теченье міра въ чистый механизмъ, другой, вѣруя въ непосредственный Промыслъ божественной премудрости, идетъ быть-можетъ далеко не въ уровень съ своимъ собственнымъ убѣжденьемъ. Мнѣніе послѣдняго нахожу я слабымъ и недостаточнымъ именно потому, что къ признанію высшей силы, связующей разсѣянныя событія въ совокупность цѣлаго міропорядка, онъ обыкновенно побуждается лишь предварительнымъ изученіемъ живаго

Digitized by Google

бытія и душевной жизни. Слѣдственно и ему все еще кажется возможнымъ, чтобъ правильный порядокъ внѣшняго міра опирался на слѣпую необходимость самодовлѣющаго механизма; онъ думаетъ, что только особенное превосходство живыхъ тварей и цѣлесообразная стройность ихъ существованія вынуждаютъ насъ забыть здѣсь привычныя объяснительныя начала и допустить въ этомъ крайнемъ случаѣ творческую и вседержительную премудрость. По мнѣнію, уступка эта является слишкомъ запоздалою: что выигрываемъ мы, устранивъ изъ-подъ власти всеобщаго порядка природы нѣкоторую часть дѣйствительности, какъ возвышенную уже до того, что не льзя ей возникать изъ механической причины? Нѣтъ, мы должны склониться передъ иною мыслію, — что и сама желѣзная необходимость, съ какою весь механическій ходъ міра существуетъ, повидимому, вполнѣ самостоятельно, есть лишь пустая, несбыточная мечта, и что, ни одно взаимнодѣйствіе не можетъ произойдти само собой безъ соучастія той верховной причины, въ которой мы напрасно думаемъ нуждаться только тогда, когда дѣло идетъ о возникновеніи нѣкоторыхъ первенствующихъ явленій.

Странна, но вмѣстѣ и понятна заносчивость нашего естествознательнаго просвѣщенья, когда оно рѣшается утверждать, что для объясняющаго воспроизведенія дѣйствительности ему не нужно ни какихъ другихъ предположеній, кромѣ первоначально данной наличности веществъ и силъ и неизмѣнной власти извѣстнаго круга всеобщихъ законовъ, всегда одинаковыхъ въ своемъ содержаніи. Странна эта заносчивость потому, что вѣдь такимъ образомъ приходится предполагать ужь слишкомъ много; да сверхъ-того слѣдовало бы ожидать, что единительности человѣческаго разума гораздо сроднѣе признать единство творящаго начала, нежели навязать себѣ обузу разсѣяннаго многоразличія данныхъ вещей и движеній за исходную точку вся-

Digitized by Google

каго объясненія. Понятная же сторона дѣла заключается здѣсь въ томъ, что цѣною этой однократной жертвы конечный нашъ смыслъ пріобрѣлъ себѣ удовлетвореніе, никогда уже не склоняться благоговѣйно передъ многозначительностью и красотой какого бы то ни было отдѣльнаго явленія: сколь ни дивнымъ и знаменательнымъ казалось бы ему то, либо другое созданіе природы, въ ясныхъ для него насквозь всеобщихъ законахъ онъ всегда обладалъ бы средствомъ оградиться отъ тревожнаго впечатлѣнія, и наглядно показавъ совершенную понятность для него и такого факта, какъ одного изъ побочныхъ слѣдствій общеизвѣстнаго процесса природы, онъ успѣлъ бы низвести къ своей собственной конечности даже и то, что̀ для непредубѣжденнаго ума всегда мыслимо лишь какъ созданіе безконечной премудрости.

Въ наклонностяхъ и привычкахъ такого рода трудно будетъ поколебать остествовѣдное образованіе, а особенно съ помощью тѣхъ доводовъ, какіе обыкновенно противопоставляются ему вѣрованіемъ въ высшее цѣлесообразное управленіе совокупнымъ ходомъ природы. Вѣдь сколь ни живо вызывало бы такую вѣру безпредубѣжденное наблюденіе, сколько ни казалось бы нелѣпымъ, да вмѣстѣ и скучнымъ, стремленіе понять, помимо нея, внѣшнюю дѣйствительность: механическое воззрѣніе справедливо возразитъ на это тѣмъ, что какъ скоро дѣло дойдетъ до объясненія частностей, то на его же дорогу переходятъ и сами противники, признающіе несомнѣннымъ, въ цѣломъ и вообще, владычество цѣлесообразно дѣятельной мощи. Удовлетворяются вѣдь и они только тогда, когда для каждаго результата, предопредѣляемаго этою всевластною мощью, отыщутъ мало по малу всѣ выполнительные способы, которыхъ необходимая и слѣпая винословность неизбѣжно должна порождать требуемое дѣйствіе. Вѣдь не повѣрятъ же въ самомъ дѣлѣ и они, чтобы, въ предѣлахъ текущаго передъ нашей чув-

Digitized by Google

ственностью хода природы, эта цѣлесообразная мощь творила все новые и новые зачатки дѣйствія, никогда не прослѣдимые назадъ, и всегда однакожь являющіеся необходимымъ слѣдствіемъ предшествующихъ состояній. Если, такимъ образомъ, и передъ болѣе вѣрующимъ взглядомъ ходъ событій все-таки превращается опять въ неразрывно-связный механизмъ, то естествовѣдное изслѣдованье выставляетъ на видъ исключительно лишь одну послѣднюю, и совсѣмъ опускаетъ мысль о свободной дѣятельности цѣлепоставительной силы, для которой *не* съумѣло бы оно найдти осязаемаго круга дѣйствованія. *Оно,* пожалуй, и могло бы уступить, что первооснова цѣлаго, котораго изучаетъ оно одни данныя уже соотношенья, дѣйствительно должна возводить къ божественной премудрости; но у него не нашлось бы подъ рукою такихъ фактовъ, которые, въ предѣлахъ опыта, вынуждали бы его для объяснительныхъ цѣлей неизбѣжно предполагать продолжающуюся зависимость созданія отъ вседержительнаго промысла его Творца. Вѣра въ это живое участіе цѣлесообразно-дѣйствующаго разума, въ свою очередь, слишкомъ уже рѣзко и самонадѣянно выставляетъ однѣ прекрасныя стороны наличнаго бытія, и при этомъ совершенно позабываетъ его тѣни: удивляясь безконечной гармоніи органическихъ тѣлъ и вѣрной приноровкѣ ихъ къ цѣлямъ духовной жизни, она и не поминаетъ о горькой послѣдовательности, съ какою та же органическая жизнь передаетъ изъ рода въ родъ безобразіе и болѣзни, ни о многоразличныхъ разстройствахъ, часто мѣшающихъ человѣку достигать даже и самыхъ скромныхъ его цѣлей. Такимъ образомъ, этотъ взглядъ для котораго присутствіе зла въ мірѣ остается хоть можетъ-быть и не нерѣшимою, но все-таки не рѣшенною загадкой, едвали сможетъ осилить такое привычное созерцанье, которое находитъ въ своемъ наблюденіи безчисленныя для себя опоры и совершенно недоступно чувству той общей своей недо-

Digitized by Google

статочности, которое, какъ мы часто себѣ воображаемъ, должно его тревожить и гнести. Да и та уступка, которую оно можетъ-быть намъ сдѣлаетъ, — что міръ слѣпой необходимости по крайней мѣрѣ когда-нибудь произошелъ отъ мудрости вышняго Творца, — уступка эта развѣ для него неизбѣжна? Развѣ не властно оно намъ возразить, что и сама постоянная цѣлесообразность существующихъ теперь созданій должна же была имѣть возможность развиться подъ господствомъ всеобщихъ законовъ изъ безрядицы первоначальнаго хаоса; такъ какъ все, что своенравно крутящійся вихрь этой безрядицы случайно снесъ вмѣстѣ безъ всякаго равновѣсія составныхъ частей и силъ, единственнаго условія, способнаго обезпечить за созданіями той эпохи болѣе прочности въ борьбѣ съ круговоротомъ бунтующихъ стихій, — все это, благодаря именно отсутствію законнаго порядка, давно уже и погибло само собою. Вслѣдъ за множествомъ неудачныхъ образованій, быть-можетъ наполнявшихъ этотъ періодъ быстро-смѣнявшеюся чередой возникновеній и гибелей, — да и не только вслѣдъ, а пожалуй отчасти и рядомъ съ ними, — общій потокъ природы входилъ постепенно въ болѣе тѣсное русло, вынося съ собой только вереницу избранныхъ созданій, которымъ благопріятная связь ихъ составныхъ частей дала возможность устоять противъ напора внѣшнихъ раздраженій, да надѣлила ихъ вмѣстѣ и плодучестью на неопредѣленное время. Сколько ни мало-вѣроятнымъ казался бы намъ такой взглядъ, мы навряд смогли бы отвоевать его у тѣхъ, кого онъ удовлетворяетъ; мы не можемъ даже оспорить той заманчивости, какую всегда будетъ имѣть для научнаго ума новая попытка, развить изъ безформнаго хаоса глухо-бродящихъ движеній необходимость постепеннаго выдѣла и самороднаго образованія постоянной и нормальной череды явленій.

Но любая попытка такого рода основывается на предполо-

Digitized by Google

женіи, что всеобщая законность предписываетъ различнымъ веществамъ первобытнаго хаоса форму и величину ихъ взаимнодѣйствій со всегда равною обязательною силою, и тѣмъ самымъ вынуждаетъ ихъ покидать соединенія, не допускающія равновѣсія, и вступать въ другія, гдѣ могутъ они успокоиться или сохранить постоянную форму движенья. Но годность именно этого-то предположенія и слѣдуетъ намъ теперь разсмотрѣть: на него только опирается и съ нимъ падаетъ вся гордая самоувѣренность механическаго мировоззрѣнія. Это поклоненіе всевластному закону природы, какъ *единственной связи*, сдерживающей разсѣянные элементы, нудящей ихъ къ тому или другому взаимнодѣйствію и опредѣляющей видъ его результатовъ, — это поклоненіе развѣ мыслимо и развѣ можетъ оно завершить собою нашъ взглядъ на природу, хотя для выработки его въ подробностяхъ мы сами чествовали вездѣ законъ?

Положимъ, первоначально были на лицо два элемента, не произведенные ни кѣмъ и не вышедшіе ни изъ какого общаго источника, но дѣйствительно существовавшіе отъ вѣка, и притомъ такъ, что ихъ не охватывала ни какая общая связь, кромѣ одновременнаго существованія: какимъ же образомъ вліяніе одного могло бы тогда перейдти на другой, если каждый изъ нихъ составлялъ отдѣльный самъ по себѣ міръ, а между ними ни чего больше не было? какимъ же образомъ сквозь это ничто, гдѣ вовсе нѣтъ путей посредствующаго сообщенія, дѣйственность одного элемента нашла бы себѣ дорогу къ другому? А если мы допустимъ теперь, что сквозь общее имъ пространство дѣятельность каждаго элемента постоянно расширялась въ видѣ отрѣшимой отъ него атмосферы, или, напримѣръ, излученія, ища, на что бы ей подѣйствовать и напрасно расплываясь въ пустотѣ, гдѣ ей ни чего не попадалось: что же мы этимъ выиграемъ? Мы не поняли бы даже своего собственнаго представленія: не поняли бы, какъ дѣйствіе могло покинуть пре-

Digitized by Google

дѣлы того, что̀ его производитъ, не поняли бы, какъ оно колебалось нѣкоторое время въ пустотѣ между своимъ породителемъ и тѣмъ, къ чему должно оно приразиться, не поняли бы, какъ, достигнувъ наконецъ послѣдняго, оно могло оказать преобразовательную силу на его состоянія. Конечно, пространство не помѣшаетъ взаимнодѣйствію такихъ существъ, которыя, хотя бы и въ дали другъ отъ друга, были однакожь связаны между собой какимъ-нибудь внутреннимъ отношеніемъ; но за то одно пространственное соприкосновенье отнюдь не ведетъ за собой необходимости взаимнодѣйствія, и вовсе не объясняетъ возможности его между существами, изъ которыхъ каждое, основываясь только на себѣ самомъ, оставалось бы и тутъ разобщеннымъ отъ другаго ненаполнимой бездною внутренняго безучастья. Только опрометчивости ходячаго мнѣнія переносъ дѣйствій отъ одного элемента на другой можетъ казаться самъ по себѣ яснымъ: оно воображаетъ себѣ видѣть его какъ нельзя нагляднѣе во внѣшнихъ движеньяхъ, которыми онъ сопровождается; но для всякаго болѣе глубокаго изслѣдованья становится съ каждымъ шагомъ загадочнѣй, какимъ образомъ состояніе одного существа можетъ заключать въ себѣ обязательную понуду для другаго измѣнить и его собственныя внутреннія состоянія. Подобно тому, какъ прежде мы не могли услѣдить за нашей волею въ стремленіи ея по подвижнымъ членамъ тѣда, и должны были допустить, что всякое воленіе остается замкнутымъ въ волящемъ духѣ, и что̀ исполненіе воли слѣдуетъ затѣмъ по закону непонятнаго для насъ могущества: такъ точно и ни какихъ силъ, которыя мыслимъ мы присущими одному элементу, не достаточно для обосновки вліянія его на друой, которому онѣ вовсе не присущи. Можетъ ли послѣ этого та мысль о всеобщемъ теченіи природы, которую мы было привлекли сюда въ своихъ прежнихъ соображеніяхъ, можетъ ли представленіе царства

Digitized by Google

вѣчныхъ и вездѣ-властныхъ законовъ, восполнить собою этотъ пробѣлъ и слить упорную рознь разобщенныхъ элементовъ въ прочную и надежную цѣлостность взаимнодѣйствующаго міра?

Разумѣется, не можетъ: ибо, какъ же могли бы вообще существовать сами по себѣ законы, какъ могла существовать сама по себѣ необходимость, предписывающая для опредѣленныхъ случаевъ опредѣленные результаты? Кромѣ сущаго и внутреннихъ его состояній не можетъ быть ничего, и всеобщій распорядокъ не разлитъ же промежъ существъ, какимъ-то особымъ и однакожь соединяющимъ ихъ между собою *грунтомъ*, который стало-быть предшествовалъ бы въ такомъ случаѣ тому, что̀ слѣдовало ему урядить. Взглянемъ на нашу человѣческую жизнь, и тотчасъ же увидимъ, что законы общественнаго быта существуютъ не возлѣ и не между насъ, въ независимой какой-то дѣйствительности, не въ видѣ силъ, способныхъ понуждать и вести насъ извнѣ; они существуютъ только въ сознаніи отдѣльныхъ лицъ, чувствующихъ себя подъ ихъ властью; они входятъ въ силу и осуществляются только дѣйствіями живыхъ особей; они только и есть, что согласно-развитое внутри многихъ существъ направленіе ихъ воли, которое позднѣйшему, объемчивому взгляду наблюденія представляется потомъ высшею, извнѣ руководящею силой, потому что въ общеобязательности своей для многихъ законъ является уже не исключительнымъ произведеніемъ одного. Пусть законы природы выше уставовъ человѣческаго разума: послѣдніе испытываютъ противленіе и ослушанье, тогда какъ первые повелѣваютъ необоримо и окончательно; однакожь и природа не властна произвесть противорѣчиваго въ самомъ себѣ и дать самобытность тому, что̀ состоятельно только при сущемъ и внутри его. Въ такого рода соображеніяхъ насъ часто обманываетъ очень распространенная привычка представленія и словоупотребленья, безвредная при обсужденіи повседневныхъ

Digitized by Google

житейскихъ случаевъ, по поводу которыхъ она собственно и возникла. Мы говоримъ о существующихъ между вещами отношеніяхъ, объ условіяхъ, въ какія онѣ вступаютъ, о порядкѣ, какому онѣ подчинены, наконецъ о законахъ, обнаруживающихъ между ними свою дѣятельность, и не замѣчаемъ, какое противорѣчіе содержится въ этихъ понятіяхъ о запасѣ условій, лежащихъ уже совсѣмъ готовыми, прежде чѣмъ явятся на лицо вещи, чтобы вступить въ нихъ, о порядкѣ, предшествующемъ тому, что имъ уряжается, и только поджидавшемъ послѣдняго, чтобы тотчасъ же принять его въ себя, наконецъ—объ отношеніяхъ, которыя, подобно осязаемымъ нитямъ невѣсть изъ какого вещества, протянуты черезъ бездонную пропасть, отдѣляющую одно существо отъ другаго. Мы забываемъ при этомъ, что всѣ бытовыя условія и отношенія дѣйствительно существуютъ для насъ вопервыхъ только въ единствѣ наблюдающаго сознанія, которое, переходя отъ одного элемента къ другому, опутываетъ раздѣльное ихъ бытіе своею всеединяющею дѣятельностью, и что всякій дѣйствительный порядокъ, всякій законъ, какой ни вздумай мы представить себѣ между вещами независимо отъ нашего знанія, возможны точно такъ же только въ единствѣ связующаго ихъ единаго. Не ничтожная тѣнь естественнаго порядка, а одна лишь полная дѣйствительность безконечнаго живаго существа, которое внутренно ютитъ въ себѣ всѣ конечности, какъ свои части,—только эта животворная дѣйствительность и можетъ связывать собою многоразличіе вселенной такъ, что взаимнодѣйствія совершаются и черезъ бездну, которая иначе вѣчно разлучала бы отдѣльные самостоятельные элементы. Теперь же, исходя отъ одного, дѣйствіе теряется не въ ничтожествѣ, которое лежало бы тогда между этимъ и другимъ элементомъ; но какъ въ каждомъ бытіи истинно-сущее вездѣ одно и то же, то во всѣхъ возможныхъ взаимнодѣйствіяхъ безконечное существо дѣйствуетъ только на себя, а не на иное, и дѣятельность

Digitized by Google

его никогда не покидаетъ сплошной почвы бытія (или, точнѣе, самосущности). Что живетъ или движется въ одной изъ его частей, не замкнуто въ ней наглухо и не чуждо прочимъ: любому отдѣльному состоянію вовсе не предлежитъ какого-то невообразимаго пути для отысканія другого элемента, которому бы оно могло сообщиться; не предстоитъ ему также и оказать какую-то, равно непонятную, силу для того, чтобъ вынудить къ сопричастію въ себѣ этотъ другой элементъ, вполнѣ безучастный: всякое возбужденіе любого отдѣльнаго бытія есть вмѣстѣ и возбужденіе всего безконечнаго, *образующаго* и въ этомъ отдѣльномъ основу его сущности, и потому каждое порознь можетъ захватывать своимъ дѣйствіемъ другое, живущее тою же самою основой; она-то, единствомъ своей собственной природы, одному конечному событію здѣсь даетъ отозваться въ другомъ мѣстѣ тѣмъ, что мы называемъ его слѣдствіемъ. Вообще, ни одно конечное не дѣйствуетъ изъ себя, какъ изъ этого конечнаго, на какое-либо другое; каждое возбужденіе отдѣльнаго существа, волнуя вѣчную основу, которая въ немъ, какъ и во всѣхъ другихъ, есть истинная сущность конечнаго его явленія, можетъ дѣйствовать на все видимо-отдаленное, только благодаря этому *общенью* съ нимъ сплошною, неразрывною сущностью.

Признать безконечную эту сущность, или субстанцію, которая, заступая мѣсто несущественнаго и недѣйствительнаго закона, связуетъ вещи своей существенной дѣйствительностью, —признать ее вынуждаемся мы не только изумляющимъ насъ глубокимъ значеніемъ нѣкоторыхъ, такъ-сказать отборныхъ, сферъ жизни; но и каждый, хотя бы даже скуднѣйшій примѣръ взаимнодѣйствія, каждый отдѣльный случай винословности, какъ скоро мы только захотимъ понять возможность переходнаго вліянія, нудитъ насъ, на мѣсто одной только естественной (осязательной) связи, ставить самосущую безконечность, въ которой разрозненное въ явленіи многоразличіе уже

Digitized by Google

перестаетъ быть розпымъ. Не только между составными частями живаго тѣла; не только преимущественно между тѣломъ и душой, могли мы искать подобной связи, какъ будто бы и не нуждаясь въ ней рѣшительно вездѣ: напротивъ, если на все сущее и совершающееся, какое ни носи оно имя, будемъ мы смотрѣть, какъ на внутреннюю живость единаго безконечнаго, то послѣдующее развитіе нашего взгляда удалитъ насъ и отъ той, какъ бы вновь воскресающей миѳологіи, которая, подобно древнимъ сагамъ, придаетъ нѣкоторымъ отборнымъ явленіямъ особыхъ геніевъ, предоставляя всей прочей, рядовой дѣйствительности заботиться, какъ знаетъ, о себѣ самой.

Вѣдь всеобщая эта сущность — не только что просто міровая связь, не безучастный только мостъ, пролагающій дорогу для перехода дѣйствій отъ одного элемента къ другому; но она вмѣстѣ и та опредѣлительная мощь, которая предначертываетъ каждому событію видъ и величину его послѣдствій, каждому отдѣльному существу — объемъ возможной для него дѣятельности, каждому изъ ея проявленій — особенную форму. Ошибочно, принимать способы дѣйствія, соблюдаемые вещами относительно другъ друга, за самопонятныя слѣдствія извѣстныхъ свойствъ, составляющихъ разъ навсегда ихъ особую природу, и думать, что можно вывести ихъ изъ содѣйствія данныхъ въ каждомъ случаѣ обстоятельствъ. Напротивъ, чистосердечное и добросовѣстное размышленье ведетъ насъ къ признанію того, что изъ однихъ этихъ посылокъ, какъ бы ни разлагали и слагали мы опять ихъ содержаніе, отнюдь не выходятъ неизбѣжнымъ заключеніемъ тѣ дѣйствія, какія на дѣлѣ обнаруживаетъ опытъ; но что невѣдомая мощь, какъ бы сообразуясь съ чѣмъ-то, не встрѣчающимся намъ въ данныхъ предусловіяхъ, привязываетъ къ формѣ ихъ опредѣленную форму послѣдствія. Тайная эта мощь есть безконечное, и то, съ чѣмъ сообразуется оно при опредѣленіи послѣдствій, есть собственная его вездѣсущность во всѣхъ конечныхъ элемен-

Digitized by Google

тахъ, которою міръ вяжется въ единство цѣлаго существа: изъ-за нея-то весь ходъ текущихъ событій и долженъ сводиться къ единству связнаго выраженія, въ которомъ видѣлось бы содержаніе этого существа. Вотъ почему, единственно лишь такою способностью дѣйствія и въ такой только мѣрѣ будетъ обладать конечное, какія предоставятся ему безконечнымъ, съ тѣмъ чтобы всякое, даже и ограниченнѣйшее, бытіе имѣло свою долю участія въ осуществленіи цѣлаго.

Но мы должны войдти еще въ нѣкоторыя подробности и выяснить, какъ излагаемый нами взглядъ вяжется безъ противорѣчій съ тѣми, повидимому неподходящими къ нему, предположеньями, которыхъ мы держались прежде въ своемъ собственномъ обсужденіи отдѣльныхъ явленій.

Въ каждой конечной вещи, если принять ее за произведеніе единаго безконечнаго, мы можемъ отмѣтить извѣстную наличность признаковъ, какъ ту своеобразную форму, какою проявило въ ней себя это единое отмѣнно отъ другихъ выраженій своихъ во всѣхъ остальныхъ конечныхъ. Нельзя, безспорно, полагать, чтобы въ какой бы то ни было изъ этихъ опредѣленныхъ формъ истощалась полная сущность безконечнаго, служащая всѣмъ имъ общею основой; но нельзя также и думать, чтобъ нераздѣльное его содержаніе, распадаясь на безчисленные обломки, присутствовало въ каждой отдѣльной вещи только частію своей полноты. Размышляя о живой дѣятельности человѣческой души, мы были наведены ходомъ разысканій на подобное же требованье, и воспоминаніе о томъ, легче понятномъ, частномъ примѣрѣ можетъ пособить намъ теперь при болѣе общей постановкѣ того же самаго отношенія. Когда душа образовала представленья, не обнаруживая еще ни тѣни чувства или желанія, мы не думали однакожь, чтобъ въ этомъ одностороннемъ способѣ дѣятельности она присутствовала одною только частію своего существа, тогда какъ всѣ прочія ея способности дремали будто бы въ пол-

Digitized by Google

номъ безучастьи. Напротивъ, мы убѣдились, что та же цѣльная природа, которая, подъ вліяніемъ другихъ возбужденій, развила бы чувства довольства и недовольства, желающія и отталкивающія стремленія, участвуетъ всей полнотою своего существа уже и въ производствѣ представленій. Но она точно такъ же не истощается въ представленіи, какъ и ни въ какой другой особой формѣ своего проявленья; вполнѣ присущая и причастная имъ всѣмъ, находитъ она себѣ въ каждой только одностороннее и частное выраженіе, и за всякимъ дѣйствіемъ, развиваемымъ ею въ любой данный моментъ, таится всегда нераскрытою гораздо болѣе обильная и многообъемлющая способность. Но это именно цѣльное существо души, проникающее всѣ многоразличныя формы ея проявленія, и есть тотъ необходимый посредникъ, благодаря которому становятся возможными взаимнодѣйствія разныхъ внутреннихъ состояній, и опредѣляется форма ихъ результата. Мы видѣли, что не изъ какого-либо усложненія представленій истекало чувство необходимымъ и самопонятнымъ ихъ слѣдствіемъ; напротивъ, оно возникало потому, что и въ представительной уже дѣятельности живо дѣйствовала всецѣлая душа, въ природѣ которой обосновано вмѣстѣ и чувство, правда, не возбужденное еще тогда, но всегда готовое выступить при извѣстныхъ условіяхъ, изъ которыхъ иныя даются самимъ ходомъ представленій.

Этому нераздѣльному существу души уподобляемъ мы теперь безконечное, субстанцію или сущность всѣхъ вещей, а многоразличнымъ формамъ духовной дѣятельности — сами конечныя эти вещи, эти кажущіеся элементы міра, въ разнообразіи которыхъ проявило себя безконечное. Подобно тому какъ въ душѣ, взаимнодѣйствіе внутреннихъ состояній, такъ точно въ кругооборотѣ міра взаимнодѣйствіе вещей, должно зависѣть, не только въ своей возможности, но и въ формѣ своихъ результатовъ, отъ этой общей, связывающей ихъ всѣ, основы. Дѣемое каждымъ элементомъ въ частности возмож-

Digitized by Google

но для него не какъ для частнаго, но лишь насколько этимъ частнымъ проявляется всеобщее: не оттого, что онъ такъ или иначе сложился и заключаетъ въ себѣ такіе-то, а не другіе признаки, производитъ онъ самопонятно такое, а не иное дѣйствіе; но единственно лишь потому, что въ этой его формѣ покоится безконечное, чья вседержительная природа смыкаетъ его признаки, готовая отстоять ихъ своей силой или дать ихъ перемѣнѣ опредѣленное слѣдствіе. Такимъ образомъ, все конечное дѣйствуетъ въ сущности только тѣмъ, чѣмъ въ тайнѣ оно несравненно лучше, нежели въ явѣ, то-есть существенною мощью безконечнаго, лежащею и въ немъ: не оболочкѣ извѣстныхъ частныхъ стойствъ, но именно этому ядру, насколько она его облекаетъ, принадлежитъ вся сила и способность дѣйствованія. Назовемъ ли мы природою вещи эту слитную и объединенную двоицу безконечнаго существа, принявшаго въ ней ту именно особую форму, или назовемъ природу вещи конечной формою наполнившеюся безконечнымъ, — мы въ обоихъ случаяхъ будемъ имѣть право выводить изъ природы вещи, какъ необходимыя ея слѣдствія всѣ стороны ея существованья. Вѣдь собственная внутренняя истинность и послѣдовательность безконечнаго принудятъ его, съ каждой опредѣленной конечною формой, какую оно себѣ дастъ, установить вмѣстѣ и тотъ неизмѣнный образъ дѣйствій, какимъ оно захочетъ въ ней выполняться, соотвѣтственно вообще смыслу творческаго образованія имъ той особой формы, какъ существенной части его проявленія. Но привычная наклонность науки побуждаетъ ее употреблять слова въ иномъ смыслѣ: именно ту наличность признаковъ, которые всѣ немощны безъ стоящаго за ними живаго существа, — эту конечную оболочку истинно-сущаго, по большой части и называютъ природою вещи, и затѣмъ уже мало обращаютъ вниманія на то, въ чемъ мы исключительно видимъ прочное и дѣеспособное ядро всякаго явленья. Изъ этой-то половинной природы вещей дума-

Digitized by Google

ютъ потомъ развить всю ихъ жизненность, какъ необходимое слѣдствіе (очевидно недостаточной) посылки; думаютъ понять не только возможность переходнаго вліянія вообще, но и въ кругу всеобщихъ и самопонятныхъ истинъ (естествовѣдѣнья) пріобрѣсть надежнѣйшее средство для развитія любой предстоящей формы результата изъ однихъ данныхъ обстоятельствъ и такъ-называемыхъ постоянныхъ свойствъ вещей.

Но при этомъ именно теряютъ изъ виду, что впечатлѣніе самопонятности, возбуждаемое въ насъ столь многими сочетаньями причинъ и слѣдствій, происходитъ не отъ понятной намъ въ самомъ дѣлѣ внутренней необходимости, но единственно лишь отъ всеобщей и неотразимой дѣйствительности этихъ сочетаній, которыя, какъ вездѣ встрѣчающіяся намъ фактическія міроучрежденья, обольщаютъ насъ призракомъ, что они не только лишь факты опыта, но вмѣстѣ и необходимо-мыслимыя соотношенья. Когда мы узнаемъ изъ опыта, что вѣсомое количество вещества остается неизмѣннымъ во всѣхъ его превращеніяхъ, поразительное это наблюденіе разростается для насъ въ какую-то изначальную необходимость, и мы воображаемъ себѣ потомъ, что необходимое умозрительное положеніе о постоянствѣ сущности могло бы научить насъ этому и прежде опыта. Научившись изъ наблюденій, что однажды начавшееся движеніе длится тѣмъ долѣе, чѣмъ тщательнѣе отстранены всѣ помѣхи на его пути, мы внезапно отдаемся какому-то предчаянію, что вѣчное продолженіе его необходимо тамъ, гдѣ не встрѣтитъ оно ни какихъ препятствій; и однакожь, намъ никогда не удается доказать эту мнимо-необходимую для мысли истину изъ началъ чистаго мышленья. Высмотрѣвъ, наконецъ, на самомъ дѣлѣ, что толкающее тѣло приводитъ въ движеніе другое, толкаемое, — мы воображаемъ себѣ, что распредѣленіе скоростей и передача движенья вообще — такое событіе, котораго слѣдовало ожидать по самой естественной причинѣ; и только при попыткѣ опредѣленно высказать причину этого

Digitized by Google

ожиданія, мы къ удивленію находимъ, что она намъ просто неизвѣстна. Если всякая физическая сила убываетъ съ возрастающимъ удаленіемъ другъ отъ друга дѣйствующихъ существъ, намъ кажется, что оно иначе и немыслимо; однакожь, говоря по совѣсти, мы не знаемъ вѣдь ни какой причины, почему бы, напротивъ, притяженію не становиться слабѣе вблизи, такъ какъ оно легко могло бы убывать по мѣрѣ своего удовлетворенія или насыщенья. И наконецъ, когда понадобится намъ объяснить химическое воздѣйствіе, какъ наивно приписываемъ мы тѣламъ извѣстное сродство, вовсе не умѣя вывесть его изъ остальной ихъ природы, а просто принимая за такую дѣеспособность, которая только какъ-то привходитъ къ этой природѣ! Разумѣется, въ такихъ случаяхъ мы прибѣгаемъ къ жалобамъ на недозрѣлость нашего опытнаго знанья; говоримъ, что вотъ именно природа разныхъ элементовъ далеко еще намъ не извѣстна, а знай мы ее какъ слѣдуетъ, въ ней нашли бы мы навѣрно объясненіе и химическаго сродства. Оно быть-можетъ и такъ, но конечно въ томъ лишь смыслѣ, что общія правила, по которымъ мы стали бы заключать изъ ближе дознанной природы элементовъ объ ихъ химическомъ взаимодѣйствіи, сами уже предполагали бы бездну такихъ винословныхъ соотношеній, которыя очевидны для насъ, какъ неизмѣнные факты дѣйствительнаго міроустройства, но вовсе не понятны, какъ совершенныя необходимости.

Изъ такого-то рода первоначальныхъ фактовъ, когда мы извѣдали на опытѣ ихъ значеніе и тотъ смыслъ, въ какомъ они развиваются среди общаго міропорядка, мы безспорно уже можемъ вывести многоразличіе ихъ частныхъ послѣдствій, но самихъ этихъ фактовъ не постичь намъ во вѣки изъ одного наблюденія данныхъ вещей: мы поняли бы ихъ только тогда, еслибъ намъ узнать, что, создавая вещи, замышляло въ нихъ безконечное. Кто дерзнетъ изъ одной неполной природы конечнаго выводить и доказывать законность событій, тотъ пред-

Digitized by Google

принимаетъ безнадежный трудъ, создать теорію движенія тѣ-
ней, не соображаясь съ движеньями тѣлъ, которыми онѣ бро-
шены. Въ самомъ дѣлѣ, подобно тому, какъ не изъ быстроты,
съ какою стремятся одна къ другой двѣ тѣни, а только изъ
упругости рисуемыхъ ими тѣлъ, можемъ мы вывести, съ ка-
кою именно скоростью онѣ повидимому отпрянутъ другъ отъ
друга вслѣдъ за ихъ соприкосновеньемъ: такъ точно и все,
что̀ дается вещами, зависитъ не отъ однихъ довѣдомыхъ ихъ
свойствъ, но отъ упругости и живости безконечнаго, кото-
рое, будучи единымъ всеобъемлющимъ и вседѣющимъ суще-
ствомъ, бросаетъ вкругъ себя эту многоразличную тѣнь свой-
ствъ и качествъ. Только, еслибъ мы могли проникнуть взгля-
домъ въ эту внутреннюю природу всѣхъ вещей и сказать, что̀
собственно имѣетъ въ виду безконечное, творя такое много-
различіе явленій и допуская между ними безчисленныя соот-
ношенія,—только въ этомъ случаѣ поняли бы мы изъ его цѣ-
ли и всеобщіе законы, которые оно предначертало себѣ въ сво-
емъ проявленіи, и были бы въ силахъ не только что принимать
ихъ какъ данный фактъ, но и уразумѣть въ нихъ собственную
послѣдовательность безконечнаго.

Такъ какъ ничего этого нѣтъ, то мы, пожалуй, и не ста-
немъ корить естествознаніе за употребляемый имъ способъ
выраженій, пока онъ остается только техническимъ языкомъ
текущаго изслѣдованья, не мечтая выражать собою смыслъ
вполнѣ завершившагося уже знанья. Вѣдь содѣйствіе безко-
нечнаго не можемъ же мы употребить въ пользу, когда захо-
тимъ провести свои объясненія въ кругъ частныхъ подробно-
стей. Подобно тому, какъ въ жизни насъ всегда сопровож-
даетъ тайное сознаніе, что мы ежемгновенно въ рукѣ Божіей,
но мы однакожь не злоупотребляемъ Его именемъ при обсуж-
деніи каждаго малозначительнаго дѣла, даже вовсе и не
постигая зависимости его отъ воли Творца: точно такъ же разъ
навсегда утвердимся мы въ убѣжденіи, что и каждый шагъ

Digitized by Google

хода природы совершается только дѣйствующею и образовательною силой безконечнаго, не повторяя поминутно этого убѣжденья при истолкованіи частныхъ явленій, потому что именно въ частностяхъ безконечное дѣятельно только подъ видомъ тѣхъ производныхъ (подчиненныхъ высшимъ) началъ, въ которыя оно само себя обратило,—подъ видомъ сотворенныхъ имъ веществъ, силъ и дѣйствій, которымъ оно предписало форму и законы, которыя, наконецъ, оно сомкнуло и сплело въ цѣлостность механическаго кругооборота природы. Если, въ этомъ смыслѣ, мы сводимъ любой естественный процессъ на механическое сцѣпленіе, то поступаемъ въ собственномъ смыслѣ безконечнаго и чтимъ его же заповѣдь человѣку; мы не думаемъ противопоставлять ему механизмъ, какъ независимую, враждебную, вызывающую силу: въ механизмѣ видимъ мы только собственную дѣятельность безконечнаго,—ту, которая въ мірѣ явленій вездѣ должна быть признана за исполнительницу его цѣлей. Такимъ образомъ, можетъ, пожалуй, показаться, будто естествовѣдѣнье и дѣйствительно не нуждается въ безконечномъ, такъ какъ оно объ немъ не говоритъ; а поверхностность нынѣшняго образованія готова думать, что оно ему и совсѣмъ не нужно, такъ какъ вдавшись въ мелочные переходы отъ конечнаго къ конечному это полуобразованіе рѣшительно теряетъ изъ виду начала ткани, въ клѣточки которой оно все погружено: но на дѣлѣ всякое добросовѣстное размышленіе должно непремѣнно привести къ сознанію полной несамостоятельности всего хода природы, и тамъ гдѣ натолкнется оно на вопросы, подобные вызвавшимъ у насъ это объясненіе, нельзя ему, положа руку на̀ сердце, не высказать одного съ нами убѣжденья. Если мы теперь воротимся къ этимъ вопросамъ, чтобы не оставаться долѣе въ сферѣ слишкомъ общихъ соображеній, то примѣръ тѣхъ тщетныхъ порывовъ, которые уже и прежде заслужили отъ насъ порицаніе, представится намъ всего ближе въ сомнѣніяхъ насчетъ окончательнаго жребія души и

Digitized by Google

въ усиліяхъ разрѣшить себѣ подобную загадку. Тремя разными путями стараются достигнуть этой цѣли, то-есть полнаго удостовѣренія въ безсмертіи. Кромѣ тѣхъ многочисленныхъ аналогій, сравненій и образовъ, которыми, обыкновенно, скорѣй всего пробавляется сомнѣвающаяся фантазія, и которые способны, пожалуй, подготовлять душу къ принятію какой-нибудь истины, но никогда не смогутъ доказать ее, — кромѣ всего этого, стараются отчасти выводить неизбѣжность безсмертія, изъ собственной природы вещей, отчасти, въ силу правосудія, выставлять ее необходимою уступкой со стороны верховнаго міродержавства. Мы не намѣрены повторять здѣсь разныхъ соображеній на этотъ же послѣдній ладъ; прибавимъ къ нимъ одно только замѣчаніе, что исключительно лишь въ ихъ кругу, а никогда не въ области тѣхъ мнимо-строжайшихъ изслѣдованій, которыя берутъ исходной своей точкою природу вещей, духъ человѣческій почерпнетъ тѣ основанія, которыя послужатъ болѣе или менѣе надежною опорой его вѣрованію въ загробную будущность. Нѣтъ такой природы вещей, которая, подобно изначальной судьбѣ, предшествовала бы всякой дѣйствительности, въ видѣ череды неизбѣжно опредѣленныхъ ей законовъ; нѣтъ такой, по себѣ сущей, совокупности возможнаго и необходимаго, съ которою мірозиждительной силѣ надлежало бы соображаться, чтобъ узнать, въ какихъ предѣлахъ вольно ей осуществлять свои намѣренья, и какія обязанности послѣдовательнаго развитія должно ей на себя принять съ каждымъ основаніемъ какого бы то ни было зачатка; нѣтъ, наконецъ, за вещами или сущностями такого вѣчнаго и исконнаго родоваго права, по которому могли бы онѣ требовать, чтобы всякая власть, призывающая ихъ на службу міростроенію, соблюдала ихъ привилегіи и употребляла ихъ въ дѣло только сообразно наслѣдственному ихъ достоинству. И существованіе вещей, и особенности ихъ природы, и права, имъ повидимому принадлежащія, — все это вмѣстѣ и равно безъ-

Digitized by Google

изъятно создано одною творческою силою: вообще въ мірѣ существуетъ только то и въ такой лишь мѣрѣ, на сколько оно допущено не нуждающимся въ немъ собственно безконечнымъ; всякое созданіе обладаетъ тѣми только правами, которыя даны ему творческою волею; всѣ дѣйствія и судьбы его вращаются, съ самостоятельной какъ будто необходимостью, въ предѣлахъ тѣхъ только законовъ, которые собственная послѣдовательность вѣчно-единаго положила для каждой отдѣльной его твари. Стой мы въ творческомъ средоточіи вселенной и проникни вполнѣ мысль, изъ которой она произошла, только тогда, обратнымъ заключеніемъ отъ этой основной мысли, могли бы мы предсказать судьбу отдѣльныхъ созданій, призванныхъ осуществлять ее: это не подъ силу намъ съ нашей человѣческой точки зрѣнья, поставляющей насъ лицомъ къ лицу только съ созданіемъ, а не съ Создателемъ и Его цѣлями. Если духъ нашъ, какъ мы справедливо вѣруемъ, обладаетъ сокровищемъ прирожденной, необходимо-мыслимой истины, то конечно мы всего болѣе погрѣшили бы противъ смысла этой истины, приписавъ ей иное происхожденіе кромѣ того, что всѣмъ содержаніемъ ея обязаны мы только творческой же силѣ. Истина и поведетъ насъ къ сопряженію конечныхъ вещей въ смыслѣ цѣлаго, которому онѣ служатъ; но она не захочетъ стремиться къ невозможному, къ уразумѣнію послѣдняго ихъ назначенья, не вѣдая той верховной цѣли, отъ которой только и зависитъ этотъ предопредѣленный имъ конецъ.

Изслѣдованія наши могли убѣдить насъ только въ одномъ, что мы должны признавать душу существеннымъ и всегдашнимъ носителемъ явленій внутренней нашей жизни. Но, чтобы, будучи постоянной сущностью этихъ явленій, душа по тому самому должна была обладать вѣчнымъ и не гибнущимъ бытіемъ, какъ особымъ преимуществомъ своей природы, — въ вѣрности этого вывода не убѣдится никогда безпристрастный умъ. Если отъ насъ потребуютъ признанія, что каждая сущ-

Digitized by Google

ность неистребима по своему понятію, мы готовы допустить, что понятіе это вѣрно; но тогда мы уже не отнесемъ душу къ тому, что̀ входитъ въ предѣлы его области. Ни что не даетъ намъ права полагать, чтобы однажды существующее должно было необходимо существовать вѣчно; возможность возникновенія и гибели сомнительна намъ иногда только потому, что, съ привычнымъ мысли нашей любопытствомъ, намъ хотѣлось бы наглядно увидать, какъ происходятъ возникновеніе и гибель. Если, наконецъ, общая связь всѣхъ прочихъ нашихъ воззрѣній такъ рѣшительно указывала намъ на то, что все конечное есть только созданіе вѣчнаго начала, то тѣмъ менѣе мыслимо, чтобы судьбы отдѣльныхъ конечностей были не таковы, какъ повелѣвается имъ это цѣлымъ. Вѣчно только то, чему, по внутренней его цѣнности и смыслу, необходимо быть постояннымъ звеномъ міростроенія; погибнетъ все то, чему недостастъ этой поддерживающей его цѣнности. Закона судебъ своихъ, выше этого, отыскать мы не въ силахъ; но онъ-то и не примѣнимъ въ нашихъ человѣческихъ рукахъ. Вѣдь не дерзнемъ же мы опредѣлять и судить, какое именно духовное развитіе, благодаря вѣчному значенью, до котораго оно возвысилось, снискало себѣ безсмертіе, и какое его не снискало. Не рѣшить намъ также вопроса о томъ, всѣ ли души животныхъ обречены на гибель, ни ближайшаго намъ другаго, всѣ ли человѣческія души надѣлены безсмертіемъ: тутъ мы должны удовольствоваться вѣрою, что каждому существу будетъ воздано по его праву.

И какъ существованіе по смерти, точно такъ же и существованіе до нарожденія земной жизни, не можетъ быть предметомъ человѣческаго познанія. Кто, въ противень будущему безсмертію, вздумаетъ требовать безконечнаго предисторическаго существованія души, того наука едвали потревожитъ въ его вѣрованіи, да и въ тѣхъ фантазіяхъ, какими наполнитъ онъ этотъ ни кому не запамятный періодъ. Но опытъ настоящей

Digitized by Google

жизни нашей содержитъ въ себѣ очень мало слѣдовъ, которые наклонный къ тому умъ могъ бы истолковать въ смыслѣ такого предсуществованія; грезы о душескитальствѣ, къ какимъ почти неизбѣжно тогда прійдти, остались до сихъ поръ грезами воображенія, и никому еще не удалось придать имъ высшаго нравственнаго значенія для цѣлаго міропорядка: да наконецъ ни какая разумная необходимость не вынуждаетъ насъ убѣгать противоположной мысли — о возникновеніи души. Слагающееся органическое тѣло конечно не порождаетъ ея изъ себя (какъ объяснено было прежде); но это живое тѣло уже и само по себѣ вѣдь не внутренно-безсвязная путаница атомовъ, которую направлялъ бы къ опредѣленному развитію одинъ только всеобщій законъ среди пустопорожняго впрочемъ міра. Напротивъ, подобно тому, какъ мельчайшій физическій процессъ, происходящій повидимому между двухъ элементовъ, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и процессъ внутри вѣчнаго, на чьемъ постоянномъ присутствіи основана всякая возможность дѣйствій: такъ точно и это въ тиши слагающееся образованіе органическаго зачатка — не какое-либо одиночное, въ себѣ замкнутое, событіе, но вмѣстѣ и развитіе самого безконечнаго. Ютимое, лелѣемое имъ внутри собственнаго его существа, возбуждаетъ это событіе природы творческую силу его къ новымъ самопроявленіямъ; и подобно тому, какъ человѣческая душа принимаетъ въ себя внѣшнія раздраженья и отвѣчаетъ на нихъ порождаемымъ ею ощущеніемъ, такъ послѣдовательное единство безконечнаго добровольно побуждается этимъ внутреннимъ фактомъ физическаго развитія къ порожденію изъ себя той именно души, какая подобаетъ возникающему организму.

Въ самомъ процессѣ этомъ гораздо болѣе единства и простоты, нежели въ томъ представленіи, какое для насъ объ немъ возможно. Не такъ, какъ въ примѣрѣ соотношенія между нашею конечною душой и чуждыми намъ раздраженьями,

Digitized by Google

для безконечнаго и тотъ естественный фактъ есть вовсе не извнѣ приходящее раздраженье, которому предлежало бы совершить извѣстный путь, чтобы найдти то средоточіе, у котораго оно должно вызвать новое развитіе: каждый частный процессъ природы совершается вѣдь въ безконечномъ же, каждый равно близокъ къ этому средоточію во всякое время и во всякій часъ. Да и изъ средоточія творящей силы душа возникаетъ не новымъ, вторымъ элементомъ, которому бы опять приходилось совершить извѣстный путь, чтобы извнѣ соединиться съ тѣломъ: нераздѣльныя по времени и пространству, возникаютъ оба эти созданія, и въ дружномъ, совокупномъ развитіи ихъ безконечное выражаетъ только внутреннюю истину своей собственной сущности. Душа возникаетъ ни изъ тѣла, ни изъ небытія: изъ нѣдръ безконечнаго происходитъ она такъ же существенно, какъ явилась изъ этого общаго источника и вся дѣйствительность природы. Извѣстная душа не случайно привходитъ къ извѣстному тѣлу, и не тѣлу принадлежитъ заслуга создать себѣ своей организаціей душу, соотвѣтственную возможной формѣ* живой его дѣятельности; и не произвольно раздаетъ безконечное какъ бы заготовленныя напередъ души начинающимся зародышамъ: но, какъ съ добровольною послѣдовательностью оно ставитъ каждую организацію необходимымъ плодомъ ея породителей, такъ точно и въ сотвореніи душъ держится оно даннаго имъ себѣ закона, которымъ и преемственныя ихъ поколѣнія связываются разными степенями внутренняго сродства. Душа родителей переходитъ на дѣтей конечно не въ раздробь, но у насъ всегда остается невольное чаяніе, что творческая рука безконечнаго воспроизводитъ въ дѣтяхъ духовный образъ родителей, что она и внутренно сближаетъ тѣ существа, которыя всего ближе сомкнуты ею для внѣшней жизни.

* А всякая возможность опредѣляется только помысломъ безконечнаго, соотвѣтственнымъ его цѣлямъ, и тѣми общими законами, какіе само оно уставило для своей дѣятельности.

Digitized by Google

Намъ остается одно только чаяніе; такъ какъ опытъ тысячью примѣрами поучаетъ насъ и здѣсь неисповѣдимости путей Господнихъ. Вѣрное и скромное наблюденіе быть-можетъ открываетъ намъ иногда болѣе обширный просвѣтъ на ихъ направленіе; но никогда не обозрѣть намъ ходъ духовнаго міропорядка съ той же приблизительной точностью, какая предоставлена нашему понятію относительно естественныхъ явленій. И всякаго приращенія свѣдѣній, какого можемъ мы когда-либо надѣяться впереди, должно намъ ожидать отъ успѣховъ сознанія о нашемъ предназначеньи, а не отъ раздумчиваго созерцанія духовной нашей природы вообще. Только уразумѣніе того, чему должно быть, откроетъ намъ и уразумѣнія того, что̀ есть; такъ какъ не можетъ же быть въ мірѣ ни одного факта, ни одного жребія, независимо отъ цѣли и смысла цѣлаго*, откуда каждая часть получила не только существованіе, но и ту дѣеспособную природу, которою она такъ горда.

---

* Замѣчательно въ нашемъ языкѣ, если не корневое, то по крайней мѣрѣ звуковое, сродство такихъ важныхъ словъ, какъ цѣль и цѣлое: въ самомъ дѣлѣ, цѣлое совершенно не понятно безъ цѣли.

Digitized by Google

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Не дозволимъ себѣ сказать, чтобъ очень дальній кругозоръ открывался намъ съ вершины, куда привело насъ это изслѣдованіе,—привело длиннымъ, но все еще быть-можетъ слишкомъ короткимъ путемъ, судя по разнообразію окаймляющей его окрестности; однакожь мы во всякомъ случаѣ достигли той высоты, которая намъ подъ силу, и оглядываясь теперь назадъ, можемъ припомнить тѣ сомнѣнія, отъ которыхъ мы пошли, да вмѣстѣ и измѣнившійся видъ, въ какомъ представляется намъ теперь пройденное пространство. Вдумываясь въ борьбу между разными воззрѣніями на природу, мы нашли, что человѣческая душа особенно возмущалась элементомъ темной и косной естественной необходимости, а напослѣдокъ все-таки пришла къ слѣпому поклоненію этой слѣпой силѣ, — пришла скорѣе изъ невольнаго смиренія, чѣмъ изъ свободнаго убѣжденья. Отыскали ли мы теперь путь примирить между собой враждовавшіе тогда помыслы, и какую цѣну должны мы давать различнымъ частямъ того взгляда, который сложился у насъ исподволь, вслѣдъ за устраненіемъ прежнихъ затрудненій? Свести вопросы эти въ одинъ общій итогъ и отвѣчать на нихъ еще разъ съ искренней самопытливостью, конечно, не отрекся бы ни одинъ человѣкъ, извѣдавшій привычкою къ научнымъ изслѣдованьямъ, какъ часто, по окончаніи ихъ, меркнетъ блескъ тѣхъ

Digitized by Google

можно-сказать спасительныхъ помысловъ, которые такъ ослѣпляли въ минуту своего рожденья, спѣша выручить насъ изъ того или другаго затрудненія. Тогда игралъ въ нихъ обнадеживающій огонь кипучей работы, и они сіяли имъ гораздо болѣе, нежели своимъ собственнымъ свѣтомъ. Быть можетъ, намъ не уйдти отъ этого и здѣсь, но можетъ быть у насъ все же останется какой-нибудь прочный добытокъ, который, изъ этого общаго обзора условій всякой жизни, перенесемъ мы съ собой и въ частныя изслѣдованія о бытѣ и дѣятельности человѣчества.

Отъ вѣры въ личныхъ духовъ природы, въ которые миѳическое міровоззрѣніе претворило, на радость человѣку, разныя явленія,—отъ этой вѣры отступились мы тихомолкомъ. Ни какой рѣшительно опытъ не подтверждалъ этой игривой мечты; но и вся совокупность опыта не была въ силахъ опровергнуть другую мечту, въ которой душа, жаждавшая внутренней живости природы, могла инымъ путемъ снова пріобрѣсть утраченное удовлетвореніе. Ни что вѣдь не удерживало насъ, а многое, напротивъ, поощряло, предполагать внутреннюю жизнь въ тѣхъ простыхъ существахъ, изъ связи которыхъ возникаетъ для насъ самихъ призракъ безжизненной матеріи, —предполагать въ нихъ жизнь, способную, въ многоразличнѣйшихъ формахъ чувства, наслаждаться особенностью каждаго положенія, въ какое ни броситъ ихъ измѣнчивый ходъ природы или въ какомъ ни утвердятся они болѣе постоянымъ видообразованіемъ. Этимъ взглядомъ только обобщилось самоуслажденіе природы: не отборная лишь часть дѣйствительности имѣетъ своихъ геніевъ, тогда какъ остальная лежитъ слѣпо и мертво; теперь уже все безъ изъятія можетъ проникаться теплотою ощущенья. И освободясь отъ формъ душевной жизни человѣка, навязанныхъ ей миѳологіей, эта внутренняя живость не повторяетъ уже вездѣ только одно знакомое

Digitized by Google

намъ зрѣлище; мы можемъ воображать себѣ разсѣянными въ этой природѣ совсѣмъ другіе, несказанные, только изъ-дали грезящіеся намъ виды наслажденія и ощущенья, дотого соотвѣтственные своеобразнымъ положеніямъ простыхъ существъ, что ни одно событіе всего многоразличнаго хода природы не изъято уже отъ этого внутренняго просвѣтлѣнія самосознаніемъ и самоуслажденьемъ. Но дѣло совсѣмъ не въ характеристикѣ преимуществъ этого воззрѣнія, которое, при отсутствіи наглядности въ разсматриваемыхъ имъ духовныхъ существахъ, тѣмъ болѣе было бы сподручно для музыкальной наклонности нашего образованія *: намъ желалось бы, напротивъ, показать, что оно хотя можетъ-быть и не пустая грезa, однакожь очень далеко отъ тѣхъ дѣльныхъ и важныхъ убѣжденій, на которыхъ мы думали бы основать свои мысли о человѣческомъ образованіи. Отъ того, какой взглядъ на внутреннюю жизнь природы господствовалъ въ извѣстную эпоху исторіи, прогрессъ человѣческаго развитія зависѣлъ только до тѣхъ поръ, пока еще возможно было сомнѣніе, что̀ преобладаетъ во внѣшнемъ мірѣ, — этомъ поприщѣ и предметѣ нашихъ дѣйствій, — необузданная ли вольница геніевъ и демоновъ, или безусловная послѣдовательность и выдержка всеобщихъ законовъ. Послѣ того какъ споръ объ этомъ давно уже рѣшенъ, чувствительная или, пожалуй, сентиментальная фантазія, усиливающаяся подслушать душу природы, должна менѣе благопріятствовать успѣхамъ нашего образованія, нежели жестокосердое настроенье, принимающее вещи за то, чѣмъ онѣ сами выдаютъ себя, то-есть за слѣпыя, нѣмыя, подчиненныя необходимости произведенія, которыя могутъ, пожалуй, имѣть свою внутреннюю жизнь, но для насъ составляютъ лишь цар-

* Авторъ очевидно противополагаетъ преобладаніе внутренняго, музыкальнаго элемента новой эпохи господству пластики и наглядности древнихъ вѣковъ.

Digitized by Google

ство вещей, которыми мы властны пользоваться. Ни мало не коря воображеніе за наклонность его къ поэтическимъ помысламъ и думамъ, мы должны однакоже стоять на томъ, что не въ нихъ, а скорѣе въ прозѣ будничнаго взгляда лежитъ важнѣйшая основа нашего духовнаго развитія.

Даже и въ виду личныхъ духовъ природы, миѳологія никогда не могла подавить въ себѣ мысли объ исконной необходимости: не въ предѣлахъ ли поставленныхъ ею цѣлей вращалась вся животрепетность міра баснословныхъ боговъ? Но чѣмъ шире допускали мы вездѣсущность этого необходимаго порядка вселенной, тѣмъ рѣшительнѣе мы вооружались противъ воззрѣнія, хотѣвшаго видѣть въ немъ предвѣчную судьбу, въ противоположность творческой силѣ, которой опредѣленная эта дѣйствительность обязана всѣми своими формами. На дѣлѣ выходитъ далеко не такъ, какъ миѳологія учила въ своихъ темныхъ образахъ, разсказывая, будто свѣтлый сонмъ боговъ, управляющихъ порядкомъ видимаго міра, былъ только преемникомъ первобытнаго, мрачнаго и страшнаго божества, котораго непостижимая власть положила основныя черты дѣйствительности, предоставивъ потомъ своимъ наслѣдникамъ и услаждаться ею и разукрашать ее на свой вкусъ. Напротивъ, самымъ твердымъ нашимъ убѣжденіемъ вышло то, что всякій высшій, неизмѣннѣйшій, всеобщнѣйшій и необходимѣйшій законъ, какой бы ни представился намъ въ мірѣ, есть лишь самонзбранное условіе, положенное единымъ творческимъ безконечнымъ въ основу своего вѣчнаго проявленія. Такимъ образомъ наше изслѣдованье само собою повело насъ въ область совершенно иныхъ взглядовъ, которые въ живительныхъ и одушевляющихъ побудахъ явленій чтятъ лишь безчисленно-разнообразныя выраженія единой, несказанной мысли, содержащей въ себѣ всю полноту міровой души.

Признавъ, что въ самомъ дѣлѣ существуетъ только то,

Digitized by Google

чему есть мѣсто въ разумномъ членосоставѣ вѣчной идеи, что совершается только то, что̀ лежитъ въ смыслѣ ея развитія, что все конечное вообще имѣетъ объяснительное начало движущаго его по̀буда единственно лишь въ той мысли души міра, которую оно въ себѣ воплощаетъ: мы уберегли себѣ въ этихъ положеніяхъ существенныя черты нашего міровоззрѣнья. И если понятіе о по̀будахъ находили мы прежде недостаточнымъ для производства частныхъ разысканій и замѣстили его непрерывной винословной связью механическаго представленія, то этимъ не противорѣчимъ мы вовсе духу нашего взгляда, послѣ того какъ въ законахъ механизма признали мы только собственную же волю души міра, а во всѣхъ сочетаніяхъ и разрозненьяхъ дѣйствующихъ средствъ — только ея собственные акты, ея внутреннія дѣйствія въ самой себѣ. Но какоежь однако удовлетвореніе могъ бы доставить этотъ взглядъ, не успѣй онъ соединить двухъ великихъ противоположностей, завершающихъ собою міръ только заодно и вмѣстѣ,—не успѣй онъ сомкнуть природу съ царствомъ нравственности? А развѣ можно отрицать, что всѣ вышеприведенныя ученія ставятъ на мѣсто міровой души душу одной внѣшней природы, не болѣе? ставятъ существо, въ безконечномъ образовательномъ по̀будѣ котораго безчисленные частные по̀буды конечныхъ явленій сливаются подобно цвѣтнымъ лучамъ, сходящимся въ единство бѣлаго свѣта? Но гдѣ же въ этомъ существѣ начало къ развитію нравственнаго міра, гдѣ то, откуда произошло бы различіе между добромъ и зломъ? Если мы не захотимъ впасть въ прежнюю противоположность, и либо допустить, что на искони-данной природѣ нравственный міръ основывается чисто-внѣшнимъ образомъ, либо предположить, что въ верховномъ существѣ, которое мы называемъ единымъ, внѣдрены бокъ-о-бокъ, но безотносительно между собою, корни и того и другой, то намъ не останется иного выбора, кромѣ того, чтобъ

Digitized by Google

или включить добро въ кругъ естественныхъ явленій *, или же включить самоё природу въ осуществленіе добра. Я ни на одинъ мигъ не могу усомниться въ томъ, что намъ дозволителенъ только послѣдній выборъ: всякое бытіе, все, что имѣетъ форму и обликъ, что называется вещью или событіемъ, вся эта совокупность природы можетъ считаться только предусловіемъ для дѣйствительности добра, можетъ существовать такъ, какъ она есть, единственно лишь изъ-за того, что такъ проявила себя въ ней безконечная цѣнность добра или блага. Но рѣшительнымъ этимъ убѣжденіемъ обозначается однакожь только послѣдняя и крайняя цѣль возможнаго направленія нашихъ мыслей; имъ вовсе не обозначается такое вѣдѣніе, которое можно бъ было привести въ систему и вслѣдствіе того назвать наукою. Ненаполнимая, или по крайней мѣрѣ никогда еще не наполненная, бездна раздѣляетъ для человѣческаго разума міръ цѣнностей отъ міра обликовъ, и сколь ни живо пріимчивый нашъ духъ, возвратнымъ движеніемъ мысли, вывѣдываетъ изъ наличныхъ формъ естества цѣну ихъ нравственнаго значенія, мы не способны однако шагнуть такъ же и впередъ, чтобъ изъ сознанія высшихъ цѣнностей доказать необходимость, вынудившую ихъ воплотиться въ такія, а не въ иныя формы природы. Непоколебимѣйшее убѣжденіе въ существованіи этого неразрывнаго единства между обоихъ міровъ сопровождается у насъ самою сознательною вѣрою въ невозможность ея познанія **.

Какъ легко могли бы мы обойдти эту исповѣдь, заслонивши какъ нибудь настоящую обстановку дѣла! Вѣдь не плодовита ли была умозрительная наука Германіи на вымыслы все новыхъ и

*) Какъ дѣлаютъ такъ-называемые позитивисты.

**) Въ этомъ непонятномъ для человѣка единеніи авторъ видитъ главный нормирующій узелъ міровой жизни, который, разумѣется, не можетъ быть доступенъ ни какому непосредственному изслѣдованью.

Digitized by Google

новыхъ именъ и образовъ, лишь бы устранить отъ себя горечь того признанія, что и ей извѣстна здѣсь одна лишь задача, никогда не бывшая невѣдомой простому, безпредубѣжденному уму, но что рѣшеніе задачи недоступно для нея точно такъ же, какъ и для послѣдняго. На вопросъ, какъ изъ руки того же Творца, который основалъ внутреннюю святыню нравственнаго міра, могла произойдти и эта игра свѣтилъ, эта дивная краса земли съ отраднымъ изобиліемъ разновиднѣйшихъ растеній и животныхъ и съ таящеюся подъ роскошью ихъ формъ мертвенной необходимостью коснаго механизма: на подобный вопросъ отвѣчать, пожалуй, легко, но зато какъ же оно и жалко, — сказавъ, напримѣръ, что въ Богѣ соединены два дѣятеля, реальный и идеальный, что въ дѣятельности его преобладаетъ то слѣпое, то сознательное дѣйствованіе, и къ первому отнести, все-таки необъясненную въ своихъ формахъ, природу, а къ послѣднему, столь же бѣгло набросанные очерки духовнаго бытія. Какъ легко видѣть въ Богѣ нѣчто такое что́ еще собственно не Богъ, а лишь темная въ немъ основа, которая будто бы выростаетъ потомъ въ вещественный стволъ природы и осѣняется болѣе свѣтлымъ развитіемъ того другаго начала, которое, увѣряютъ насъ, въ самомъ Богѣ ближе къ Нему, нежели первое. Такими жалкими увертками только спрадываютъ важную значительность вопроса, а въ сущности говорятъ гораздо менѣе того, что высказываетъ простой природный умъ, видящій въ неисповѣдимой премудрости Божіей начало всѣхъ конечныхъ созданій

Научная невыполнимость другаго, не менѣе твердаго вѣрованія, обязываетъ насъ къ такой же исповѣди и относительно къ послѣднему великому взгляду на природу, именно — къ механическому воззрѣнію Мы признавали его безсвязнымъ, пока дѣло шло объ изслѣдованіи отношеній конечнаго къ конечному, о зачалѣ и осуществленіи какихъ бы то ни было взаимнодѣй-

Digitized by Google

ствій; но мы такъ же рѣшительно отринули право его тамъ, гдѣ оно пыталось выступить не формальнымъ только средствомъ изслѣдованья, а все завершающимъ міровоззрѣньемъ. Однакожь, отвергая самобытную дѣйствительность механическаго хода природы, мы съ другой стороны, не можемъ вывесть различныхъ его законовъ изъ верховной цѣли міра; только медленный прогрессъ науки покажетъ намъ впослѣдствіи, что въ подобной попыткѣ исполнимо, и что навсегда должно остаться недоступнымъ человѣческому знанію. Намъ можно было указать лишь на одно: какъ несправедливо, чтобы характеръ внѣшности, которымъ зачастую укоряютъ механическій взглядъ, былъ необходимо связанъ съ духомъ этого воззрѣнія. Ни что не мѣшаетъ ему, въ дѣйствующихъ элементахъ, на переходномъ составѣ которыхъ основываетъ оно всю смѣну естественныхъ явленій, допускать внутреннія состоянія и скрытую жизнеподвидность, доходящую, пожалуй, до игры духовныхъ возбужденій, въ родѣ нашихъ собственныхъ. Нѣтъ ни какой необходимости, чтобы пестрое обиліе вещей съуживалось для него въ одну бездушную игру вѣчнаго обмѣна движеній, всегда новаго и всегда равно-безмысленнаго распредѣленія скоростей, непрестанной перемѣны положенія и равно непрестаннаго сочетанія частицъ. развѣ не можетъ и оно также видѣть, въ этихъ превратностяхъ внѣшняго хода природы, только совокупность поводовъ, по которымъ, въ силу непреложной законности, возбуждается внутри существъ иной, внутренній ходъ природы,—неизмѣримое разнообразіе чувствованій. Правда, механическое естествознаніе разсматриваетъ только эту внѣшнюю исторію, предоставляя внутреннюю, за которою не можетъ оно слѣдить опытомъ, досужеству нашего воображенья. Но зато, въ подвѣдомомъ ему мірѣ движеній, оно и не думаетъ обладать тѣмъ послѣднимъ уже звеномъ бытія, которое имѣлось въ виду при первомъ вызовѣ всякаго су-

Digitized by Google

ществованія, при всякомъ творческомъ починѣ: механизмъ, и на его глаза, не болѣе какъ приборъ всѣхъ посредствующихъ формъ, въ которыхъ воля Божія опредѣлила неизвѣстной намъ внутренности созданій дѣйствовать другъ на друга и положила связать всѣ ихъ состоянія въ необозримую череду міровой исторіи. Этотъ взглядъ думаетъ понять только организацію царства средствъ, а не царства цѣлей, которымъ они служатъ. Видя, что въ нашей собственной жизни физическія движенія внѣшней природы употреблены къ тому, чтобы, въ качествѣ вызывающихъ раздраженій, возбуждать въ насъ самихъ нѣчто гораздо высшее, — именно: сознательное ощущенье, мы думаемъ, что точно такъ же и въ цѣломъ мірѣ весь механическій процессъ есть только одна внѣшняя плетеница правильно скрещивающихся раздраженій, предназначенная зажигать настоящій процессъ болѣе духовной жизни въ безчисленныхъ точкахъ внутри міріады существъ.

На эту несамостоятельность внѣшняго хода природы налегаемъ мы, правда, до такой степени, что все обоготвореніе механизма, которое намъ можетъ-быть и теперь поставятъ еще въ укоръ, ограничивается у насъ тѣмъ однимъ, что мы понимаемъ его не какимъ-либо самоуставнымъ рокомъ, но только произведеніемъ божественной премудрости: зато, съ другой стороны, это самое и обязываетъ насъ требовать безпредѣльнаго признанія его силы. Мы, кажется, достаточно уже объяснили, какъ въ большинствѣ тѣхъ случаевъ, гдѣ не столько ясный, сколько чувствительный взглядъ на природу, боясь мертвенности механизма, прибѣгаетъ къ иными высшимъ силамъ и могуществамъ, мы часто самымъ горькимъ опытомъ убѣждаемся въ томъ, что и тутъ еще царитъ все та же механическая условность, да притомъ видимъ, что и самое наше чувство въ сущности мало выиграло бы отъ такихъ предположеній, на которыя оно не моглобъ отважиться, не сознавая втайнѣ

Digitized by Google

и саме всего разногласія ихъ съ данною дѣйствительностью. Мы нашли, что даже и та свобода, какую хотѣлось бы намъ себѣ отстоять, формально отнюдь не несовмѣстна съ сплошнымъ и неуклоннымъ распорядкомъ механическаго міростроенія; только нерѣшимость насчетъ того, будетъ ли такое общее предположенье соотвѣтствовать вѣрно-понятой цѣли своей уже и примѣнительно къ одному этому случаю, побудила насъ воздержаться до времени отъ того, чтобъ, рядомъ съ сужденіемъ о возможности свободы, не поговорить также объ ея дѣйствительности и не отвести понятію о ней вообще опредѣленнаго мѣста въ цѣломъ механизмѣ вселенной. Однакожь, чѣмъ далѣе расходимся мы этимъ путемъ съ жалкимъ малодушіемъ многихъ стародавнихъ взглядовъ, для которыхъ механизмъ слылъ только безконечной передачею взаимныхъ толчковъ, тѣмъ скорѣе должны мы вооружиться противъ всякой попытки выводить изъ-подъ власти этого общаго закона всѣхъ конечныхъ посредствъ какія бо то ни было части конечной дѣйствительности. Механизмъ ни гдѣ не составляетъ сущности дѣла; но нигдѣ же и сущность не даетъ себѣ, помимо его, ни какой другой формы конечнаго существованія: какъ нѣтъ у насъ иныхъ боговъ, кромѣ Бога, такъ, кромѣ этой всеобщей формы естественнаго дѣйствія, не нуждаемся мы рѣшительно ни въ какой иной.

Намъ понятна, однакожь, причина того полупрезрительнаго отвращенія, съ какимъ многіе готовы отступить передъ подобной исповѣдью. Всѣмъ намъ кажется по временамъ, что міръ обликовъ слишкомъ заслоняетъ собою міръ внутреннихъ цѣнностей, царство средствъ слишкомъ заслоняетъ царство цѣлей; мы невольно стремимся къ тому единству истиннѣйшаго бытія, гдѣ идеи имѣютъ полную дѣйствительность независимо отъ посредства какихъ бы то ни было орудій, гдѣ царитъ верховное блаженство независимо отъ разнообразной условности опре-

Digitized by Google

дѣленныхъ положеній, гдѣ, при непосредственномъ разумѣніи другъ другомъ всѣхъ духовъ, становятся ненужны всѣ внѣшніе пути взаимнодѣйствія, гдѣ, наконецъ, самъ Создатель сливается въ такое жизнеобщеніе съ созданіемъ, что для вѣщей его глубины едва ли и чистѣйшая мистика съумѣла бы пріискать соотвѣтственное выраженье. Когда мы обратимъ взоръ къ этому послѣднему и высшему (что́ для насъ только постижимо, но недовѣдомо), насъ гнететъ этотъ міръ противленія, посредства, условливающихъ обстоятельствъ, замедленья; насъ глубоко тревожитъ то, что красу естественныхъ обликовъ должны мы уразумѣвать не изъ творческаго дыханія жизненной силы, но мыслить ее основанною окольнымъ путемъ на цѣлой безднѣ взаимнодѣйствій многоразличнаго; насъ мучитъ, наконецъ, сознаніе, что даже и въ духовномъ развитіи своемъ мы зависимъ отъ сложнаго сочетанья разныхъ силъ, которыхъ общая правильность и подзаконность противостоятъ теплотѣ стремленій нашихъ, какъ нѣчто совершенно имъ чуждое. Но, вовсе не отрицая истины того единства, котораго мечтательнымъ созерцаніемъ услаждается мистическій восторгъ, мы тѣмъ не менѣе знаемъ положительно, что земная наша жизнь лежитъ не въ этомъ единствѣ, но въ области раздвоя и противоположенія. Ни своимъ знаніемъ, ни своей дѣятельностью не стоимъ мы въ тихомъ средоточіи міра: мы стоимъ въ крайнихъ развѣтвленіяхъ его постройки, оглашаемыхъ безпрерывнымъ ходомъ всѣческихъ посредствъ; и нетерпѣливому стремленію, влекущему насъ въ то невозмутимое затишье, не мѣшало бы поменѣе пренебрегать важностью и трудностью тѣхъ условій, подъ власть которыхъ конечная наша жизнь поставлена вѣчно-неизмѣннымъ предопредѣленіемъ. Если подобное стремленіе исходитъ, положимъ, и изъ высшихъ взглядовъ, то взгляды эти парятъ какъ дальнія облака, правда озаряемыя отблескомъ глубокихъ чаяній, но въ недоступныхъ намъ пре-

Digitized by Google

дѣлахъ эмпирея, поверхъ терпистыхъ дебрей, которыми окружены мы здѣсь на землѣ: они не указываютъ намъ пути въ этихъ дебряхъ и зарослях, они указываютъ только путь покорнаго смиренія высоко надъ ними. Но жизнь человѣчества состоитъ не въ задушевномъ лишь стремленіи къ цѣли, съ мечтательной предгрезой ея совершенія, а равно и въ трудѣ дѣйствительнаго къ ней шествія. Хотимъ мы рѣшить задачу эту неопрометчиво и самосознательно, намъ, разумѣется, должно тщательнѣйше изслѣдовать условія, поставленныя духовному развитію жизни нашей въ природѣ даннаго намъ поприща и въ той исторической чередѣ, которая увлекаетъ насъ съ собою. Какъ въ великомъ міростроеніи творческій духъ далъ себѣ законы, по которымъ движетъ онъ всѣмъ царствомъ явленій, разсѣевая обиліе верховнаго добра въ неисчетную безпу обликовъ и событій, а потомъ собирая его изъ нихъ опять въ блаженство сознанія и наслажденья: подобно тому и человѣкъ, блюдя тѣ же самые законы, долженъ развивать данную дѣйствительность въ познаніе ея внутренней цѣны, а достоинство своихъ идеаловъ въ исходящій отъ него рядъ внѣшнихъ воплощеній и образованій. Вотъ работа, къ которой мы предназначены, и почтеннѣйшую черту исторіи нашего рода составляетъ та неистощимая настойчивость, съ какою первостепенные умы всѣхъ временъ посвящали себя улучшенію внѣшнихъ житейскихъ отношеній, одолѣнію природы, успѣху всѣхъ полезныхъ искусствъ, облагороженію формъ общественнаго быта, хотя и они знали очень хорошо, что истинная отрада существованія лежитъ все-таки въ тѣхъ тихихъ мгновеніяхъ наединѣ съ Богомъ, когда вся поденная работа человѣка, всякая культура и цивилизація, вся важность и вся тягота шумной жизни сливаются въ образъ одного лишь предварительнаго упражненья силъ, безъ вѣковѣчнаго отсюда результата. Въ этой-то живоподвижной свободѣ, не пускаясь въ неопре-

Digitized by Google.

дѣленное и не требуя плода, прежде чѣмъ медленно подростетъ дерево,—напротивъ, сознательно ограничиваясь предѣлами священной для него необходимости и ступая по предначертаннымъ ею же стезямъ, человѣкъ прямо и будетъ тѣмъ, чѣмъ древнее чаяніе мѣтко отличило его отъ всѣхъ остальныхъ созданій: онъ будетъ совершеннымъ подобіемъ великой дѣйствительности,— малымъ міромъ, Микрокозмомъ.

Конецъ.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google